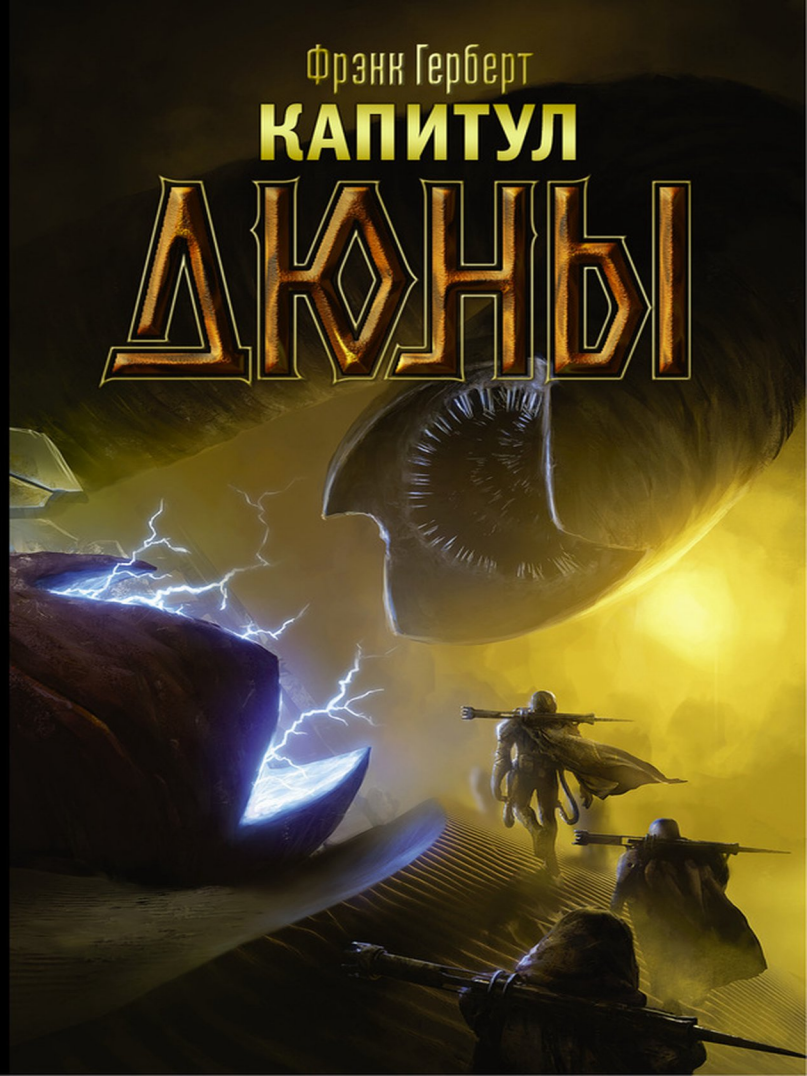
Фрэнк Герберт

КАПИТУЛ ДЮНЫ



Капитул Дюны
Фрэнк Герберт

Аннотация
Фрэнк Герберт. Капитул Дюны

Аннотация

Досточтимые Матроны уничтожили планету Ракис и почти полностью завоевали Старую Империю. Сестры ордена Бене Гессерит создают новую Дюну на планете Капитул и вырабатывают стратегию, которая позволит им отвоевать утраченные позиции. Однако противник намерен продолжать наступление и строит свои хитроумные планы…

Фрэнк Герберт
Капитул Дюны

Frank Herbert
CHAPTERHOUSE OF DUNE

© Frank Herbert, 1985
© Перевод. А. Анваер, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Те, кто желает повторения прошлого,
должны преподавать историю.
(Кодекс Бене Гессерит)

Когда первого младенца гхола доставили в Капитул из первой, принадлежавшей Ордену лаборатории, Верховная Мать Дарви Одраде приказала устроить по этому поводу скромное торжество в столовой, расположенной на крыше Центральной Башни. Было раннее утро, и два других члена Совета — Тамалейн и Беллонда — проявляли нетерпение, хотя завтрак был сервирован личным поваром Одраде.

— Не всякой женщине удается праздновать появление на свет собственного отца, — шутливо заметила Одраде после того, как Тамалейн и Беллонда высказали свое недовольство: им не пристало тратить время на пустяки при их неимоверной занятости.

На шутку вяло отреагировала лишь пожилая Тамалейн. На ее лице появилась кривая усмешка.

Заплывшее жиром лицо Беллонды оставалось бесстрастным, что для этой женщины было равносильно злобной гримасе.

Разве возможно, мысленно удивилась Одраде, чтобы Белл так открыто выражала свое недо-

вольство по поводу относительной роскоши апартаментов Верховной Матери? Конечно, покои несли на себе отпечаток власти, но это была необходимость, отражавшая многочисленные обязанности Верховной, а не возвышение над остальными Сестрами. Небольшая столовая позволяла во время еды обсуждать дела вместе с помощниками.

Беллонда демонстративно оглядывалась по сторонам, всем своим видом выражая желание поскорее уйти. Одраде так и не смогла, несмотря на все усилия, пробить брешь в броне холодного отчуждения, которой окружила себя Беллонда.

— У меня было очень странное чувство, когда я держала младенца на руках и думала: *Это мой отец,* — заговорила Одраде.

— Ты уже говорила это, я слышала, — утробным голосом произнесла в ответ Беллонда. Казалось, каждое слово причиняет ей боль в животе.

Смысл неуклюжих шуток Одраде был, однако, совершенно ясен. Старый башар Майлс Тег действительно был отцом Одраде. Она лично собрала клетки погибшего военачальника (сделала соскоб с ногтей), чтобы вырастить этого нового гхола, эту часть «плана возможности», плана, который удастся воплотить в жизнь, если только

им удастся воссоздать у себя лаборатории Тлейлаксу. Но Беллонда скорее согласилась бы быть уволенной, нежели поддержала шутки Верховной относительно их последней соломинки.

— Я нахожу это крайне легкомысленным, — заявила Беллонда. — Эти безумные бабы готовы истребить нас, а ты затеваешь какое-то празднество!

Одраде стоило некоторых усилий сохранить благожелательный тон.

— Если Досточтимым Матронам удастся отыскать нас до того, как мы будем готовы к встрече с ними, то отчасти это произойдет из-за нашего низкого морального духа.

Беллонда молча уставилась в глаза Верховной Матери. Во взгляде — безмолвное обвинение: *Эти ужасные женщины уже уничтожили шестнадцать наших планет!*

Одраде могла бы возразить, что эти планеты, строго говоря, нельзя было считать собственностью Бене Гессерит. Рыхлая конфедерация планетарных правительств, образовавшаяся после Великого Голода и Рассеяния, конечно, сильно зависела от Бене Гессерит, но одновременно продолжали существовать и старые группировки — ОСПЧТ, Космическая Гильдия,

Тлейлаксу, остатки священства Разделенного Бога и даже вспомогательные отряды Говорящих Рыб и клики раскольников. Разделенный Бог оставил в наследство человечеству разделенную империю; и теперь все эти интригующие клики и группы, оказавшись перед лицом необузданных и страшных Досточтимых Матрон, были вынуждены искать союза. Бене Гессерит как организация, в наибольшей степени сохранившая свою исходную структуру, стала, естественно, первым объектом нападения.

Мысли Беллонды практически постоянно были заняты угрозой, исходящей от Досточтимых Матрон. Одраде знала об этой слабости. Иногда Одраде сомневалась, не стоит ли заменить Беллонду, но… клики и интриги поразили и Бене Гессерит, и никто не стал бы отрицать, что в этих условиях Беллонда, как никто другой, справлялась с руководством архивом.

Как это часто бывало, Беллонда, не говоря ни слова, сумела сосредоточить внимание Одраде на охотницах, которые со столь диким упорством преследовали Преподобных Матерей. Мысли эти испортили настроение тихого торжества, на которое сегодня утром так надеялась Верховная Мать.

Усилием воли она заставила себя думать о новом гхола. *Тег!* Если им удастся восстановить его исходную память, то Община Сестер снова получит в свое распоряжение самого лучшего башара, который когда-либо служил Бене Гессерит. Башар-ментат! Военный гений, чья доблесть уже стала легендой Старой Империи.

Но сможет ли даже Тег противостоять натиску женщин, вернувшихся из Рассеяния?

О боги, Досточтимые Матроны не должны найти нас! Не теперь!

Новый Тег являл собой непознанные возможности и неизвестность. Тайной была окружена и его смерть во время разрушения Дюны. *Тег сумел сделать на Гамму что-то такое, что возбудило необузданную ярость Досточтимых Матрон. Его самоубийственное поведение на Дюне само по себе не могло превратить Матрон в неистовых берсерков.* О том, что Тег делал на Гамму в последние дни перед прилетом на Дюну, можно было судить только по слухам и отрывочным сведениям. *Он приобрел способность двигаться с необычайно высокой скоростью. За ним невозможно было уследить взглядом!* Как он добился этого? Еще одно проявление диких способностей генов Атрейдесов? Мутация? Или это еще

один миф о Теге? Община должна выяснить это как можно скорее, время не ждет.

Послушница принесла завтрак, и Сестры торопливо принялись за еду, стараясь побыстрее прекратить это пустое времяпрепровождение ввиду грозящей опасности.

Сестры давно покинули столовую, но Одраде никак не могла отделаться от потрясения, вызванного безмолвным страхом Беллонды.

И моим страхом тоже.

Она поднялась и подошла к широкому окну, из которого открывался вид на крыши низких домов, сады и пастбища, окружавшие Центральную Башню. Начало лета, а на ветвях уже начали созревать плоды. *Возрождение. Сегодня родился новый Тег!* При этой мысли Одраде не испытала никакого душевного подъема. Обычно вид на город успокаивал ее, но сегодня спокойствия не было и в помине.

Какова моя реальная сила? Кто меня поддерживает?

Ресурсы Верховной Матери были поистине неисчерпаемыми: верность тех, кто служил ей, военная сила, руководимая башаром, — учеником Тега (он сейчас был далеко, охраняя планету-школу Лампадас), ремесленники и инженеры,

шпионы и агенты, работающие во всех уголках Старой Империи, бесчисленные работники, с надеждой взиравшие на Преподобных Матерей как на единственную защиту от Досточтимых Матрон, и все Преподобные Матери, владеющие Чужой Памятью, восходящей к доисторическим временам.

Без ложной гордости Одраде могла признаться себе, что находится на пике формы Верховной Матери, ее могущества. Если ее собственной памяти не хватало, то она всегда могла прибегнуть к помощи других Сестер, чтобы восполнить пробел. Были и машинные хранилища информации, но Одраде, повинуясь какому-то врожденному чувству, не доверяла технике.

Одраде едва не поддалась искушению погрузиться в море чужой вторичной памяти — в эти подземные пласты сознания. Может быть, там ей удастся найти блестящее решение. Нет, это чересчур опасно! Можно потерять себя, очаровавшись множеством возможных вариантов, — сколько людей, столько и мнений… И какие это люди! Нет, Чужую Память надо оставить в покое, пусть она ждет своего часа. К ней стоит обратиться только в случае крайней необходимости.

Ясное сознание — это точка опоры и основа

самостоятельности.

Здесь Одраде очень помогла странная метафора ментата Дункана Айдахо.

Самосознание: это то же самое, что смотреться в зеркала, движущиеся сквозь Вселенную и вбирающие по пути все новые и новые изображения — бесконечная рефлексия. Бесконечное при таком взгляде представляется конечным. Вот прямой аналог сознания, которое по кусочкам собирает образ бесконечности.

Никогда еще Одраде так явственно не слышала слов в своем безмолвном сознании.

«Специализированная сложность, — называл это состояние Дункан Айдахо. — Мы собираем, складываем и отражаем наши системы в некий порядок».

Да, это было отражением взгляда Бене Гессерит на человека как на существо, призванное эволюцией творить порядок.

Но как такой взгляд может помочь нашей борьбе с женщинами, которые, не признавая никакого порядка, ополчились на нас? К какой ветви эволюции принадлежат они? Неужели эволюция — это только иное наименование Бога?

Как посмеялись бы над ней Сестры, узнай они о ее мыслях. Они назвали бы это «бесплодными

спекуляциями».

Однако в Чужой Памяти *можно* найти ответ.

Ах, как соблазнительно!

Какое это было отчаянное желание: отбросить свое загнанное в ловушку сознание в далекое прошлое, ощутить всем существом жизнь в те далекие времена. От осознания опасности такой приманки холод пробежал по спине Одраде. Она явственно увидела столпившиеся на периферии сознания тени давно умерших людей. *«Это было так!» «Нет, скорее это было так!»* Как жадно стремятся они утвердить свое первенство. Остается только тщательно и осмотрительно выбрать то, что нужно. И разве это не цель сознания, да и всей жизни вообще — выбрать из прошлого то, что нужно выбрать?

Выбирай дела прошлого и сопоставляй их с делами нынешними: изучай следствия.

Таков был взгляд Бене Гессерит на историю. Квинтэссенцией деятельности Ордена были слова Сантаяны, сказанные в незапамятные времена: «Тот, кто не помнит прошлого, обречен на его повторение».

Архитектура Центральных зданий, самых внушительных из всех строений Бене Гессерит, служила воплощением этого принципа. Утили-

тарность — вот главная концепция. В рабочих центрах Ордена было мало нефункционального, вызывающего ностальгию. Археологи были не нужны Общине Сестер. Преподобные Матери сами были воплощением истории.

Постепенно (намного медленнее, чем обычно) вид, открывающийся из окна, возымел свое успокаивающее действие. Взгляду Одраде открывался вид нерушимого порядка Бене Гессерит.

Однако Досточтимые Матроны могут разрушить этот порядок в мгновение ока. Положение Общины Сестер было сейчас намного тяжелее, чем во времена правления Тирана. От безвыходности Одраде приходилось скрепя сердце принимать одиозные решения. Порядок рабочего кабинета не успокаивал, слишком страшными были вынужденные действия Верховной Матери.

Списывать ли наше Убежище Бене Гессерит на Пальме?

Такое предложение содержалось в докладе Беллонды, который с утра лежал на письменном столе Одраде. Сам вопрос заключал в себе ответ: *«Да».*

Списать, потому что нападение Досточтимых Матрон неминуемо, а мы не сможем ни защи-

тить, ни эвакуировать Сестер.

Только тысяча Преподобных Матерей и Бог знали, сколько учениц, послушниц и других людей будут обречены на смерть или что-то худшее одним этим словом: *списать*. При этом не учитывались «простые души», жившие в тени под защитой Бене Гессерит.

Одраде почувствовала свинцовую усталость. Усталость духа? Но существует ли такая категория: душа? Одраде была утомлена, но не могла полностью осознать корни своего утомления. Она просто устала, устала, устала…

Признаки этой усталости были заметны даже в Беллонде, а ведь Белл буквально упивается силовыми решениями. Одна только Тамалейн сохраняла невозмутимое спокойствие, которое, впрочем, не могло обмануть Одраде. Там вступила в тот возраст, когда способность к бесстрастному наблюдению доминирует над остальными чувствами и способностями. Такими становятся все Сестры, если доживают. Превыше всего наблюдение и суждение. Чувства в лучшем случае отражаются мимолетными, едва заметными гримасами морщинистого лица. Ее комментарии на тему были настолько краткими, что порой выглядели просто нелепыми.

«Купить больше кораблей-невидимок».

«Снестись с Шианой».

«Просмотреть записи Айдахо».

«Спросить Мурбеллу».

Иногда Тамалейн просто хмыкала, словно боялась, что слова смогут выдать ее.

Однако как бы то ни было, в космосе постоянно рыскали неумолимые охотники, страстно желавшие одного: найти и уничтожить Капитул Ордена Бене Гессерит.

Одраде часто чудилось, как Досточтимые Матроны, словно древние корсары, бороздят на своих кораблях-невидимках просторы бескрайних космических морей. Они рыскали по ним без черного флага с черепом и скрещенными костями, но дело было не в атрибутике. В этих пиратах не было ничего романтического. *Убийство и разбой! Строй свое благополучие на чужой крови. Иссушить силы своих жертв и продолжать путь по колее, обильно смазанной кровью.*

Матрон не заботило то, что, продолжая свой пагубный бег, они неминуемо захлебнутся пролитой ими кровью.

Должно быть, в Рассеянии господствовали яростные и ожесточенные люди, когда зароди-

лось движение Досточтимых Матрон. То были люди, руководствующиеся только одной мыслью: «Взять их!»

Как опасен тот мир, в котором подобные идеи распространяются, не зная узды. В развитых цивилизациях власть заботится о том, чтобы такие идеи оставались бессильными или не зарождались вовсе. Если же такая идея зарождается по умыслу или случайно, ее надо немедленно давить, ибо она без труда овладевает сознанием черни.

Одраде не переставала удивляться тому, что Досточтимые Матроны не видят опасности, а если видят, то предпочитают ее игнорировать.

— Совершеннейшие истерички, — пожимая плечами, говорила Тамалейн.

— Это ксенофобия, — не соглашалась Беллонда. Она вообще вела себя так, словно заведование Архивом укрепляло ее понимание действительности.

Обе они правы, думала Одраде. Досточтимые Матроны действительно вели себя словно взбесившиеся, сорвавшиеся с цепи истерички. Врагами были все *чужаки.* Единственными людьми, которым доверяли, и то в известных пределах, Матроны, были мужчины, которых они брали

в сексуальный плен. Этих мужчин постоянно тестировали (для этого, по словам Мурбеллы, существовала должность Соблазняющей Досточтимой Матроны), чтобы удостовериться, что хватка не ослабла.

— Иногда их убивают без всякой причины, просто в назидание другим. — Эти слова Мурбеллы сразу вызывали вопрос: *«Не хотят ли они уничтожить нас тоже в назидание другим? Смотрите, что бывает с теми, кто осмеливается выступить против нас!»*

Мурбелла ответила на этот вопрос:

— Вы возбудили их. Будучи же возбужденными, они не остановятся ни перед чем, пока не уничтожат вас.

Бей чужаков!

Узколобая целеустремленность. *Этой слабостью можно, при правильном поведении, воспользоваться,* подумала Одраде.

Ксенофобия, доведенная до абсурдной крайности?

Вполне возможно.

Одраде стукнула кулаком по столу, вполне сознавая, что это не укроется от глаз Сестер, которые наблюдали за каждым шагом и действием Верховной Матери, тщательно регистрируя

увиденное. Выждав, она громко, так, чтобы все соглядатаи услышали, произнесла:

— Мы не будем отсиживаться в крепостях! Мы и так ожирели, как Беллонда (пусть она сдохнет от злости!), воображая, что создали неприкосновенное общество и его вечную структуру.

Одраде обвела взглядом знакомый до мелочей кабинет.

— В этом заключается наша слабость!

Она уселась за стол и принялась обдумывать (словно не было вещи важнее!) архитектуру и планировку поселений. Да, это прерогатива Верховной Матери!

Поселения Общины Сестер редко росли стихийно. Даже когда Ордену доставались готовые постройки (как это было, например, с владениями Харконненов на Гамму), Сестры немедленно приступали к реконструкции. Нужна была пневматическая почта для пересылки сообщений и бандеролей. Нужны были световоды и проекторы для передачи шифрованных сообщений. Сестры вообще считали себя непревзойденными мастерами в передаче секретной информации. Самые важные сообщения такого рода передавали курьеры-послушницы и Преподобные Матери, которые были готовы скорее умереть,

чем предать своих руководителей.

Своим внутренним взором Одраде видела все эту великолепную организацию здесь и на других планетах — ее сеть, ее паутина, великолепно организованная, спланированная и укомплектованная надежными кадрами. Каждый член Бене Гессерит был продолжением другого. Когда дело касалось выживания Ордена, практически все Сестры проявляли чудеса верности и самопожертвования. Бывали и отступницы, например леди Джессика, бабка Тирана, но их отступничество было не слишком сильным. Отступления заблудших были временными и преходящими.

Таково было устройство Бене Гессерит. И в нем заключалась его главная слабость.

Одраде чувствовала, что в глубине души разделяет страхи Беллонды. *Но будь я проклята, если позволю им подавить всю радость бытия!* Это будет как раз то, чего так неистово добиваются эти преступные Досточтимые Матроны.

— Охотники хотят отнять у нас силу, — произнесла Одраде, глядя в глазок видеокамеры на потолке. *Подобно древним дикарям, они хотят съесть сердце врага. Ну… ну что ж, мы дадим им кое-что съесть! Будет слишком поздно, когда они поймут, что не могут переварить это*

лакомство!

Преподобные Матери в редких случаях, если не считать уроков для послушниц и учениц, использовали в своей речи нравоучения и иносказания. Но на этот раз Одраде отклонилась от обычного правила.

Кто-то должен начать пахоту. Она улыбнулась, работа действовала на нее освежающе. Этот кабинет, Община Сестер — вот ее сад, который надо возделывать, здесь плевелы, которые надо выдернуть, здесь семена, которые надо сеять. *И удобрения, никогда не следует забывать об удобрениях.*

Когда я поставил себе задачу повести людей по Золотому Пути, то поклялся, что этот урок проникнет до мозга их костей. Я знаю сущность людей, которую они отрицают на словах, но подтверждают своими поступками. Они утверждают, что ищут спокойствия и надежности, того, что они именуют миром. Но, даже произнося эти слова, они не перестают сеять семена раздора и насилия.

(Лето II, Бог-Император)

Она называет меня Паучьей Королевой!

Великая Досточтимая Матрона откинулась на спинку стоявшего на высоком помосте тяжелого трона. Ее высохшая грудь затряслась от беззвучного смеха. *Она хорошо знает, что с ней станет, попади она в мои руки. Я выпью всю ее кровь, превращу в мумию, вот что я сделаю.*

Миниатюрная женщина с непримечательным лицом, исказившимся от подергивания мимических мышц, Великая Матрона наклонилась вперед и взглянула на залитый солнечным светом пол Аудиенц-зала, выложенный желтой плиткой. На этом полу, распростершись, лежала Преподобная Мать Бене Гессерит, связанная проволокой из шиги. Пленница не делала ни-

каких попыток освободиться от пут. Проволока из шиги — великолепное средство усмирения непокорных. *Она отрежет ей руку, если только ведьма шевельнется!*

Зал, в котором сидела на троне Великая Досточтимая Матрона, импонировал ей по двум причинам: во-первых, он был велик, а во-вторых, был силой отнят у других. Зал площадью триста квадратных метров первоначально предназначался для собраний Гильд-навигаторов, причем каждый навигатор прибывал сюда, на Джанкшн, в огромной железной машине. Пленница на полу казалась пылинкой, затерянной в огромном поле.

Эта слабачка и так получила много удовольствия от того, что слышала, как ее так называемая Верховная Мать называла меня!

Но сегодняшнее утро было все же прекрасным, несмотря ни на что, подумала Великая Досточтимая Матрона. Настроение портилось только от того, что с этой ведьмой оказались бессильными все пытки и психологические зонды. Как можно пытать человека, который в любой момент может умереть по собственному желанию? И они делали это! Были у этих ведьм и способы подавлять чувство боли. Они очень

хитры, эти примитивные создания.

И еще она просто напичкана широм! Это проклятое снадобье делает человека недоступным для психологического зондирования.

Великая Досточтимая Матрона подала знак помощнице. Та перевернула ногой распростертое тело и несколько ослабила путы. Теперь пленница могла немного пошевелиться.

— Как тебя зовут, дитя? — спросила Великая Досточтимая Матрона хриплым от старости и притворного добродушия голосом.

— Мое имя Сабанда. — Голос звонкий и чистый, несмотря на страшную боль психологического зондирования.

— Хочешь посмотреть, как мы поймаем слабого мужчину и пленим его? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

Сабанда знала, как отвечать на этот вопрос, ее предупреждали об этом.

— Я скорее умру, чем соглашусь. — Она произнесла это совершенно спокойно, невозмутимо взглянув в старое лицо, похожее цветом на высушенный корень, слишком долго пролежавший на жарком солнце. В глазах старухи появились странные рыжие блики. Это признак гнева, говорили прокторы.

Свободная, красная с золотом, накидка, украшенная черным драконом, и красное трико под ней лишь подчеркивали костлявую, сухопарую фигуру.

На лице Великой Досточтимой Матроны не дрогнул ни один мускул, хотя она снова подумала: *Будь они прокляты!*

— С каким заданием ты прибыла на ту маленькую грязную планету, где мы схватили тебя?

— Я должна была стать учителем.

— Боюсь, что мы не оставили в живых ни одну из ваших девчонок.

Почему она улыбается? Чтобы бросить мне вызов! Вот почему!

— Вы учили свою молодежь поклоняться этой ведьме Шиане? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

— Зачем я должна учить молодых поклоняться Сестре? Шиане это не понравилось бы.

— Не понравилось… Ты хочешь сказать, что Шиана вернулась к жизни?

— Но разве мы знаем только живых?

Какой звонкий голос у этой ведьмы, как она бесстрашна! Они очень хорошо умеют владеть собой, но даже это не спасет их. Странно, однако, что культ Шианы так живуч. Этот культ надо

искоренить, уничтожить. Уничтожить так же, как надо уничтожить и самих ведьм.

Великая Досточтимая Матрона сделала знак мизинцем правой руки. Помощница, держа в руке шприц, приблизилась к пленнице. Может быть, это новое средство развяжет проклятой ведьме язык. Это неизвестно, но попробовать тем не менее стоит.

Сабанда поморщилась, когда игла коснулась ее шеи. Через несколько секунд Преподобная Мать была мертва. Слуги вынесли тело, чтобы скормить его футарам. Не то чтобы из этих футаров можно было извлечь большую пользу. Они не размножаются в неволе, не выполняют обычных команд. Сидят, нахохлившись, и чего-то ждут.

— Где торговцы? — спрашивал иногда один из них. Иногда из их человекоподобных ртов вырывались и другие, столь же бесполезные слова. Но, однако, футары доставляли некоторое удовольствие. В неволе они оказались очень ранимыми. Так же, как и плененные ведьмы. *Мы найдем, где они прячутся. Это лишь вопрос времени.*

Человек, который берет банальное и обыкновенное, и освещает их новым светом, устрашает. Мы не хотим, чтобы наши представления менялись. Когда надвигаются изменения, мы чувствуем угрозу. «Я и так знаю, что для меня важно!» – говорим мы. Но является Преобразователь и отбрасывает в сторону наши старые представления.

(Мастер Дзенсунни)

Майлс Тег получал огромное удовольствие от игр в садах, окружавших центральные здания. В первый раз Одраде принесла его сюда, когда он едва научился ползать. Это было самым ранним его воспоминанием: ему два года, он уже знает, что он — гхола, хотя и не понимает значения этого слова.

— Ты особенный ребенок, — говорила ему Одраде. — Мы сделали тебя из клеток, взятых у очень старого человека.

Хотя Майлс опережал в развитии своих сверстников, слова Одраде не слишком взволновали его душу. В то время он предпочитал резвиться в высокой траве под деревьями.

Потом к этим первым воспоминаниям о саде прибавились и другие. Он начинал узнавать

Одраде и иных, кто занимался его обучением. Майлс очень рано понял, что Одраде получает от прогулок по саду не меньшее удовольствие, чем он сам.

— Весна — мое самое любимое время года, — сказал он ей, когда ему шел четвертый год.

— Мое тоже, — серьезно ответила Одраде.

Когда Тегу исполнилось семь лет, во всем блеске проявились его уникальные способности и голографическая память — такова была плата Общины за его предыдущее воплощение. В этом возрасте Тег впервые посмотрел на сад как на место, которое задевает в его душе неведомые до тех пор струны.

В тот период он впервые четко осознал, что в его душе хранится память, к которой у него нет доступа. Это встревожило его, и он обратился к Одраде, силуэт которой в тот момент четко вырисовывался на фоне летнего неба.

— Есть вещи, которые я не могу вспомнить!

— Наступит день, когда ты вспомнишь их, — сказала женщина.

Он не мог рассмотреть ее лица на фоне яркого света. Слова лились из какого-то темного места. У мальчика было такое впечатление, что эти слова принадлежат не только Одраде, но и ему

самому.

В тот год он приступил к изучению жизни и деяний башара Майлса Тега, клетки которого начали новую жизнь в его теле. Одраде кое-что объяснила ему, показав свои ногти.

— Я слегка поцарапала его шею и соскребла немного клеток. Этого вполне хватило, чтобы возродить к жизни тебя.

В этом году в саду царило какое-то напряжение, плоды были больше и тяжелее, а пчелы совершенно сошли с ума.

— Все это происходит от того, что Пустыня год от года становится все больше и больше, продвигаясь к югу, — сказала Одраде. Взяв мальчика за руку, она вела его по росистой траве под цветущие яблони.

Тег обернулся и посмотрел на юг, зачарованный солнечным светом, который, дробясь, пробивался сквозь листву. Его учили, что такое Пустыня, и сейчас Тег чувствовал, как эта Пустыня давит на сад.

— Деревья чувствуют, что приближается их конец, — сказала Одраде. — Жизнь старается умножить себя, когда ей угрожает опасность.

— Воздух очень сух, — сказал он. — Да, это Пустыня.

— Посмотри, некоторые листья побурели и их кончики свернулись в трубочку. В этом году сады надо тщательно поливать.

Ему нравилось, что они никогда не разговаривают с ним снисходительно и свысока. Это были беседы двух равных собеседников. Он увидел свернувшиеся листья. *Да, это Пустыня,* снова подумал он.

Углубившись в сад, они некоторое время слушали пение птиц и жужжание насекомых. В сад залетали пчелы, обработавшие близлежащее клеверное поле. Поначалу они заинтересовались новым пришельцем, но Майлс был помечен феромонами, как и все, кто свободно перемещался по Капитулу. Пчелы, учуяв своего, равнодушно следовали дальше, к яблоневым цветам.

Яблони. Одраде указала рукой на запад. *Персики.* Мальчик снова посмотрел туда, куда указывала ее рука. Да, к востоку от них росли еще вишни, правда, довольно далеко, за пастбищем. А вон там вьется виноградная лоза.

Семена и саженцы были доставлены сюда на корабле-невидимке полторы тысячи лет назад и были с большой любовью и тщанием посажены здесь.

Тег ясно представил себе покрытые темной гря-

зью руки, которые заботливо окучивали почву вокруг молодых побегов, старательно поливали их, ограждали, чтобы скот не потоптал и не потравил растения. Там, где были теперь сады и здания Капитула, раньше простирались дикие пастбища.

К этому времени мальчик уже получил кое-какое представление о гигантском песчаном черве, которого Сестры тайно похитили с Ракиса. Смерть Червя породила множество живых созданий, называемых песчаными форелями. Именно они стали причиной распространения Пустыни. В некоторых рассказах фигурировал и некий человек, предыдущее воплощение его самого — мужчина, которого Сестры называли башаром. То был великий воин, который погиб, когда ужасные женщины — Досточтимые Матроны — уничтожили Ракис.

Эти уроки очаровывали Тега, но одновременно вызывали у него внутреннее беспокойство. В его душе, там, где хранились воспоминания, существовали какие-то провалы. Эти провалы чаще всего напоминали о себе во сне. Иногда, когда на ребенка нападала мечтательность, перед его внутренним взором появлялись какие-то лица. Временами Тегу казалось, что он даже слышит

слова, которые произносят те люди. Временами он вспоминал названия вещей, о которых, как он точно знал, никто ему не говорил. Особенно это касалось оружия.

Иногда ему в голову приходили очень важные вещи. Например, он знал, что всей этой планете предстоит превратиться в Пустыню, и все это началось из-за того, что Досточтимые Матроны вознамерились убить тех Сестер Бене Гессерит, которые теперь воспитывали его.

Преподобные Матери, занимавшиеся его обучением, часто вызывали у Тега трепет — то были одетые в черное, строгие женщины. Особенно поражали их глаза — голубые с синими белками. Воспитательницы говорили, что это следствие употребления Пряности.

Но истинную симпатию внушала Тегу одна только Одраде, она была по-настоящему *важной.* Все называли ее Верховной Матерью, и она требовала, чтобы он обращался к ней так же, кроме тех случаев, когда они были наедине в саду. Тогда он называл ее просто матушкой.

Однажды во время утренней прогулки — Тегу шел тогда девятый год и было это незадолго до сбора третьего урожая яблок — они спустились в мелкую лощину, где не росли деревья,

но зато густо росли какие-то травянистые растения. Одраде положила руку на плечо Тега и повела его по древним ступеням из черного камня. Лестница вывела их на извилистую тропинку, вьющуюся среди сочной травы и мелких полевых цветов. Наконец она заговорила:

— Очень интересен вопрос владения, — сказала она. — Владеем ли мы планетой или она владеет нами?

— Мне нравится, как здесь пахнет. — Тег не стал отвечать на риторический вопрос.

Одраде сняла руку с плеча мальчика и легонько подтолкнула его вперед.

— Здесь мы насадили растения, полезные для обоняния, Майлс. Это ароматические травы. Внимательно присмотрись к ним, а потом познакомься с их свойствами в библиотеке. Не бойся, смело наступай на них! — воскликнула она, видя, как он старательно обходит пробившиеся между камнями побеги.

Майлс с силой наступил на нежный зеленый побег, и в ноздри ему ударил крепкий возбуждающий аромат.

— Эти растения предназначены для того, чтобы на них наступали, — только тогда они отдают спрятанные в них сокровища — чудесный за-

пах, — проговорила Одраде. — Прокторы научат тебя справляться с ностальгией. Они не говорили тебе, что ностальгия очень часто вызывается именно запахом?

— Говорили, матушка. — Он обернулся и посмотрел на растение, на которое только что наступил. — Это розмарин.

— Откуда ты знаешь? — Одраде не смогла скрыть напряжение, прозвучавшее в голосе.

Он пожал плечами:

— Просто знаю, и все.

— Это говорит твоя исходная память. — Теперь в голосе Одраде звучало удовлетворение.

Они продолжили прогулку по лощине, поросшей ароматическими травами. Голос Одраде вновь стал задумчивым и печальным:

— У каждой планеты свой характер, но мы стараемся найти в них черты, присущие нашей Древней Земле. Иногда это лишь туманный намек, но на этой планете нам повезло больше.

Она опустилась на колени и сорвала побег какого-то ядовито-зеленого растения. Одраде растерла стебелек между пальцами и поднесла к носу Тега.

— Шалфей.

Она была права, это действительно был шал-

фей, но Майлс при всем желании не смог бы сказать, откуда он это знает.

— Я нюхал этот запах в пище. Это похоже на меланжу?

— Нет, шалфей просто улучшает аромат, но не изменяет состояния сознания. — Она встала и посмотрела на мальчика с высоты своего роста. — Хорошенько запомни это место, Майлс. Наш древний мир давно исчез, но здесь мы сумели воссоздать его частичку.

Он почувствовал, что сейчас она учит его чему-то очень важному. Он спросил Одраде:

— Почему ты спросила о том, не владеют ли планеты нами?..

— Наша Община считает, что на земле мы всего лишь экономы. Ты знаешь, кто такие экономы?

— Да, это такие, как Ройтиро, отец моего друга Йорги. Йорги говорит, что его старшая сестра, когда вырастет, станет экономкой на их плантации.

— Правильно. На некоторых планетах мы живем очень долго, дольше, чем другие известные нам народы, но мы — всего лишь экономы.

— Но если не вы владеете Капитулом, то кто?

— Вероятно, никто. Я задам тебе такой вопрос: каким образом мы выделяем друг друга, Общину

Сестер и эту планету?

Он посмотрел ей в глаза, потом взглянул на свои руки. Сделал ли Капитул отметины и на нем?

— Большинство таких отметин находятся в глубинах нашего существа. — Одраде взяла мальчика за руку. — Пошли.

Они покинули ароматическую лощину и углубились во владения Ройтиро. По дороге Одраде продолжала говорить:

— Община Сестер редко основывает ботанические сады, — сказала она. — Сад должен поддерживать не только зрение и обоняние.

— Он должен поставлять пищу?

— Да, он должен служить поддержанию жизни, это его первейшая задача. Сад — источник еды. В той лощине, где мы только что побывали, растут травы, которые мы используем на кухне.

Поток ее слов проникал в душу мальчика и откладывался там, заполняя пустоты и провалы памяти. Он чувствовал, что за этими словами кроется план, рассчитанный на столетия. Деревья заменят строительные конструкции для удержания водных ловушек, растения предохранят от осыпания берега рек и озер, помогут сохранить от эрозии верхний, плодородный слой почвы,

сохранят побережья морей и океанов и воду, чтобы в ней могли размножаться рыбы. Сестры Бене Гессерит думали и об эстетике — деревья должны давать тень, причем деревья должны отбрасывать на лужайки красивые тени.

— Деревья и все другие растения очень важны для наших симбиотических отношений, — сказала Одраде.

— Симбиотических? — Это было новое для Майлса слово.

Она объяснила ему значение этого термина, пользуясь понятными мальчику образами. Верховная знала, что Майлс часто ходит с другими детьми за грибами.

— Грибы растут только в окружении дружественных корней. Каждый вид гриба вступает во взаимовыгодные отношения с тем или иным видом растений. Растения и грибы существуют вместе, используя для роста соки друг друга.

Она продолжала развивать мысль, но Майлс был уже утомлен уроком, ему наскучило учение, и он с силой пнул ком травы, попавшийся ему под ноги, заметив, что Одраде неодобрительно посмотрела на него. Он сделал что-то неподобающее. Почему на одни растения наступать можно, а на другие — нельзя?

— Майлс, трава не дает ветру уносить верхний слой почвы в неподходящие места, например на дно рек.

Майлс уже хорошо изучил этот тон. В нем чувствовался упрек. Он опустил голову и посмотрел на траву, которую обидел.

— Этой травой питается наш скот. Семена некоторых видов употребляем в пищу мы. Разные виды тростника защищают почву от выветривания.

Он знал это. Мальчик попытался отвлечь Одраде.

— Выветривания? — спросил он, произнеся это слово по буквам.

Она не улыбнулась, и Майлс понял, что ему не удалось провести Одраде. Пристыженный, он продолжал внимательно слушать урок.

— Когда придет Пустыня, — говорила между тем Одраде, — то останутся только лозы винограда, чьи корни проникают в почву на сотни метров. Сады же погибнут первыми.

— Но почему они должны погибнуть?

— Чтобы освободить место для более важных форм жизни.

— Для песчаных червей и меланжи?

Он заметил, что его вопрос понравился Вер-

ховной Матери. Хорошо, что мальчик знает о связи между песчаными червями и Пряностью, без которой не может существовать Бене Гессерит. Майлс не знал, как в точности действует Пряность, но отчетливо представлял себе цикл: *песчаный червь — песчаная форель — меланжа — и снова песчаный червь.* Сестры Бене Гессерит брали из этого цикла нужный им элемент.

Однако он устал от сегодняшнего урока и спросил:

— Если все эти существа так или иначе погибнут, то зачем мне идти в библиотеку и читать о них, заучивая их названия?

— Потому что ты человек, а в людях глубоко заложено стремление все разложить по полочкам, все классифицировать, всему присвоить ярлык.

— Но почему мы так любим присваивать всему имена?

— Потому что так мы заявляем свои претензии на то, что называем. Мы предполагаем, таким образом, свое право владения, которое может сбить с толку и представлять опасность.

Итак, она снова вернулась к вопросу о *собственности.*

— Моя улица, мой пруд, моя планета, — говорила между тем Одраде. — Ярлык «мое» вечно

преследует нас. Это этикетка, которую ты навешиваешь на место или на вещь, которая вряд ли будет иметь иной смысл, кроме дара завоевателя… или слова, которое будешь произносить, пребывая в страхе.

— Дюна, — сказал мальчик.

— Однако ты быстро соображаешь!

— Досточтимые Матроны сожгли Дюну.

— Они сделают то же самое с нами, если отыщут нас.

— Но этого не будет, если я стану вашим башаром! — никто не учил мальчика этим словам, но, произнеся их, он почувствовал, что в них есть доля истины. В библиотеке он узнал, что враги испытывали трепет, когда башар появлялся на поле брани.

Словно прочитав его мысли, Одраде сказала:

— Башар Тег славился тем, что умел создавать положения, при которых битвы становились ненужными.

— Но он сражался с вашими врагами.

— Никогда не забывай о Дюне, Майлс. Старый башар принял смерть именно там.

— Я знаю об этом.

— Твои прокторы рассказывали тебе о Каладане?

— Да, в записях он именуется Дан.

— Ярлыки, Майлс. Имена о многом могут напомнить, но люди в большинстве своем не чувствуют глубинной связи между сущностью и названием. Все это не более чем скучная история, да? Названия — но полезны они только для узнавания существ своего рода, не правда ли?

— Мы с тобой одного рода?

Этот вопрос мучил его давно, но только сегодня Майлс облек его в слова.

— Мы оба Атрейдесы — ты и я. Помни об этом, когда снова примешься за изучение Каладана.

Когда они, возвращаясь с прогулки, пересекли пастбище и сад и перед Майлсом открылся господствующий холм, на котором высились Центральные здания, Майлс с новым чувством посмотрел на эти строения. Чувство не покинуло его, когда они с Одраде пошли мимо оград, окаймляющих выход на Первую улицу.

— Живая жемчужина, — сказала Одраде, имея в виду Центральные здания.

Войдя в арку, Майлс посмотрел вверх, на название улицы, выжженное в своде затейливой галахской вязью. Сестры Бене Гессерит любили декоративность. Такие таблички украшали все улицы и здания Капитула.

Мальчик огляделся под сводами Централа. Посреди крытой площади весело плясали струи фонтана — это была еще одна изящная деталь — пусть небольшая, но она позволила Майлсу почувствовать глубину человеческого опыта. Орден сумел сделать это место надежной опорой, но ребенок не мог еще понять тот способ, каким это было достигнуто. Те вещи, которые он познавал во время прогулок по саду и занятий с прокторами, простые и сложные вещи, соединились в новом, неведомом ранее фокусе. Это был запоздалый ответ ментата, но Майлс еще не знал этого. Он лишь чувствовал, что его безошибочная память перемещает впечатления, заново организует их. Внезапно он остановился и оглянулся назад, увидев в проеме арок крытой улицы сад, из которого они только что пришли. Все связалось воедино. Трубы Централа исторгали потоки метана и удобрений. (Прокторы водили его по заводу, производящему метан и удобрения.) Метан приводил в движение насосы и использовался в холодильных установках.

— Куда ты смотришь, Майлс?

Он не знал, как ответить. Вместо этого он вспомнил, как однажды осенним утром Одраде показала ему Централ из орнитоптера, чтобы

рассказать о сложном хозяйстве зданий и дать о них общее представление. Произнесенные ею тогда слова только теперь обрели свой подлинный смысл.

— Мы создали самый лучший, какой только смогли, экологический цикл, — сказала тогда Одраде. — Спутники, контролирующие погоду, следят за состоянием системы и направляют потоки в нужное русло.

— Почему ты смотришь на сад, Майлс? — не отставала Одраде. В ее голосе появились повелительные интонации, которым он был не в силах сопротивляться.

— Тогда в орнитоптере ты сказала, что это очень красиво, но и очень опасно.

Они летали на орнитоптере только однажды, и Одраде сразу поняла намек. *«Экологический цикл».*

Он посмотрел ей в лицо и застыл в ожидании.

— Замкнутый цикл, — сказала она. — Это очень заманчиво — воздвигнуть надежные стены и оградить себя от всяких изменений. Сгнить заживо в этом самодостаточном комфорте.

Ее слова наполнили душу мальчика беспокойством. Ему показалось, что он уже слышал их когда-то… но это было в другом месте, и произ-

несла их другая женщина, которая тоже держала его за руку.

— Обособленность любого рода — это прекрасная питательная среда для ненависти к чужакам, — продолжала Одраде. — Жатва бывает горькой.

Слова были другие, но смысл тот же.

Он шел рядом с Одраде, держась за ее руку. Ладонь мальчика вспотела от волнения.

— Почему ты так молчалив, Майлс?

— Вы крестьяне, — ответил он. — Вы, Сестры Бене Гессерит, занимаетесь крестьянским трудом.

Она моментально поняла, что произошло. Подготовка ментата дала себя знать, хотя сам Майлс еще этого не понимал. Но сейчас еще не время.

— Ты действительно внимательно относишься ко всему, что растет, Майлс. Ты очень умен, если сумел заметить это.

Когда они расставались — Одраде направилась в свою башню, а мальчик в школьный дортуар, — Верховная Мать сказала:

— Я скажу прокторам, чтобы они обратили особое внимание на умелое использование силы.

Он не понял ее.

— Я уже тренировался обращаться с лазерным

ружьем. Говорят, что у меня хорошо получается.

— Это мне известно. Но есть оружие, которое невозможно держать в руках. Это оружие духа и разума.

Правила и установления строят крепостные стены, за которыми мелкие души создают сатрапии. Это очень опасное состояние в лучшие времена, но во времена бедствий такие стены ведут к катастрофе.

(Кодекс Бене Гессерит)

Стигийская чернота спальных покоев Великой Досточтимой Матроны. Логно, Гранд-Дама и Старшая Помощница Высочайшей Особы, войдя в покои из неосвещенного коридора, содрогнулась при виде этого непроницаемого мрака. Консультации и разговоры в полной темноте пугали Логно, и Великая Досточтимая Матрона, зная об этом, получала немалое удовольствие от страха Гранд-Дамы. Но, однако, это не было главной причиной темноты. Может быть, Великая Досточтимая Матрона боится нападения? Несколько Высочайших Особ действительно приняли смерть в постели. Нет… дело не в этом, хотя, может быть, опасения перед нападением повлияли на выбор.

Из темноты доносились вздохи и стоны.

Некоторые Досточтимые Матроны, хихикая, утверждали, что Великая Досточтимая Матрона осмелилась разделить ложе с футаром. Логно

вполне допускала такую возможность. Эта Великая Досточтимая Матрона вообще осмеливалась делать многое. Разве не она спасла немного Оружия во время катастрофы Рассеяния? Но футары? Сестры знали, что футара невозможно обуздать с помощью секса, во всяком случае с человеком. Вероятно, это могли сделать Многоликие Враги. Кто может это знать?

В покоях висел удушливый запах меха. Логно закрыла дверь и принялась ждать. Великая Досточтимая Матрона не любила, когда ей мешают завершить любое дело, каким бы она ни занималась под покровом темноты. *Но при этом она позволяет мне называть ее Дамой.*

Раздался еще один стон, потом Великая Матрона заговорила:

— Сядь на пол, Логно. Да, там, возле двери.

Она что, действительно видит меня или только догадывается?

У Логно не хватило мужества проверить это. *Яд. Когда-нибудь я ее отравлю. Она очень осторожна, но ее можно отвлечь.* Хотя Сестры и подсмеиваются над ней, Логно все равно считает, что яд — общепринятое орудие наследования… если, конечно, наследник имеет средства удержать власть.

— Логно, я хочу поговорить о тех иксианцах, с которыми ты встречалась сегодня. Что они говорят об Оружии?

— Они не понимают, как оно действует, а я им ничего не сказала.

— Конечно, этого нельзя делать ни в коем случае.

— Вы опять будете возражать против соединения Оружия и Заряда?

— Ты что, издеваешься надо мной, Логно?

— Дама, я никогда не стану этого делать!

— Надеюсь.

Молчание. Логно поняла, что они обе имеют в виду одно и то же. После катастрофы уцелели всего триста образцов Оружия. Каждый образец мог быть использован только один раз, если его зарядить (Заряды находились под контролем Совета, и могли использоваться только с его согласия). Великая Досточтимая Матрона распоряжалась только самим Оружием, то есть имела только половину страшной власти. Без Заряда Оружие представляло собой лишь маленькую трубку, которую можно было носить в руках. Заряженное Оружие могло причинить мгновенную бескровную смерть любому, кто окажется в пределах досягаемости.

— Многоликие, — процедила сквозь зубы Великая Досточтимая Матрона.

Логно кивнула в темноту, туда, откуда донеслись слова Высочайшей Особы.

Может быть, она видит меня. Мне неизвестно, что еще ей удалось сохранить и чем снабдили ее иксианцы.

Саму же катастрофу учинили Многоликие, будь они навеки прокляты. Они и их футары! Та легкость, с какой были конфискованы Оружие и Заряды! Это же чудовищная сила! *Надо как следует вооружиться, прежде чем возобновить битву. Дама права.*

— Да, та планета — Баззелл, — проговорила Великая Досточтимая Матрона. — Ты уверена, что ее никто не защищает?

— Мы не смогли обнаружить там никаких признаков оборонительных систем. Контрабандисты говорят, что ее действительно никто не защищает.

— Но там так много Черного Камня!

— Здесь, в пределах Старой Империи, редко кто отваживается нападать на ведьм.

— Мне не верится, что на этой планете только горсть ведьм! Наверно, это какая-то ловушка.

— Такое всегда возможно, Дама.

— Я не доверяю контрабандистам, Логно. Плените еще несколько человек и выпытайте больше подробностей о Баззелле. Может быть, ведьмы и слабы, но я не думаю, что они глупы.

— Слушаюсь, Дама.

— Передай иксианцам, что они очень расстроят меня, если не смогут воссоздать Оружие.

— Но без Заряда, Дама…

— Этим мы займемся, когда наступит нужный момент. А теперь иди.

Логно с преувеличенным шипением произнесла «Слушаюсь!» и вышла. Даже темнота в коридоре показалась ей благословенной после непроглядного мрака спальных покоев. Придворная дама заспешила на свет вестибюля.

Мы склонны заимствовать у противников их худшие качества.

(Кодекс Бене Гессерит)

Опять эти образы воды!

Мы собираемся превратить эту проклятую планету в пустыню, а мне грезится вода!

Одраде сидела в своем кабинете, не обращая внимания на привычный беспорядок на рабочем столе. Ее преследовало одно видение: Дитя Моря, качающееся на омывающих его волнах. Волны были окрашены в цвет крови. Видно, ее Дитя Моря само предчувствовало наступление кровавых времен.

Верховная Мать знала, откуда берутся эти видения: все началось в те времена, когда она еще не помышляла о том, что станет Преподобной Матерью; детство проходило на Гамму, на красивейшем берегу теплого моря. Забыв о тревогах, она улыбнулась, вспомнив, как папа готовил устриц. Лично она предпочитала их в тушеном виде.

Из своего детства она лучше всего помнила морские прогулки. Плавание затрагивало самые сокровенные струны ее существа. Вздымавшиеся и падающие волны, вид необъятного, безграничного горизонта, странные и диковинные места,

возникающие на этом горизонте, трепетное чувство опасности — все это поддерживало биение жизни. Эти счастливые часы подтверждали уверенность Одраде в том, что она — истинное Дитя Моря.

В море становился спокойнее и папа. Мама Сибия чувствовала себя на вершине счастья, она наслаждалась ветром, обвевавшим ее лицо и разметывавшим длинные темные волосы. Те времена отличались чувством равновесия, это убеждение высказывалось в душе на языке, который был древнее, чем язык самой старой Чужой Памяти. Этот инстинкт говорил: *Это мое место, моя стихия. Я — Дитя Моря.*

Именно тогда, в детстве, укрепилось в Одраде понимание того, что есть душевное здоровье. *Это было умение сохранять равновесие в чуждой стихии моря. Поддерживать свое «я», невзирая на неожиданно возникающие грозные волны.*

Мама Сибия передала Одраде эту способность задолго до того, как прибывшие Преподобные Матери отняли у бедной женщины *«тайного отпрыска Атрейдесов».* Мама Сибия, всего лишь приемная мать, только она научила Одраде любить себя.

В Общине Бене Гессерит, где само упоминание

о любви вызывало лишь подозрение, чувство, внушенное Сибией, стало глубочайшей тайной Одраде.

Если копнуть поглубже, то выяснится, что я вполне счастлива сама с собой. Я не возражаю против того, чтобы быть одной. Правда, если учесть существование Чужой Памяти, то пришлось бы признать, что Преподобные Матери редко получают возможность побыть в уединении.

Но мама Сибия, да и папа тоже, это надо признать, выступая in loco parentis[1] по поручению Бене Гессерит, сумели сильно повлиять на воспитание девочки, внушив ей недюжинную силу духа. Сестрам Бене Гессерит оставалось лишь умножить эту силу.

Прокторы добросовестно пытались искоренить «глубоко заложенную страсть к личной привязанности», но потерпели неудачу. Сами учителя не были уверены в своем провале, но постоянно подозревали, что дела обстоят именно так. Одраде послали на Аль Данаб, планету, воплощавшую в себе худшие особенности Салусы Секундус. То был мир, самой природой предназначенный

---

[1] Сноски: 1
вместо родителей *(лат.).*

для испытаний. В некоторых отношениях этот мир был хуже, чем климат Дюны: высокие отвесные скалы и русла высохших рек, жаркие ветры, сменявшиеся холодными ураганами, чередование засух и обильных ливней. Сестры не без оснований считали, что на Аль Данабе могут проходить предварительную подготовку те, кто должен был после этого отправиться на Дюну. Но никакие самые суровые испытания не смогли вытравить из души Одраде ее человеческую сущность. Дитя Моря осталось неприкосновенным.

О чем предупреждает меня сейчас Дитя Моря?

Было ли это предупреждение, основанное на предзнании?

Одраде обладала редким даром, она всегда чувствовала, когда Бене Гессерит начинала угрожать какая-то серьезная непосредственная опасность. В ее мозгу словно раздавался тихий щелчок. Гены Атрейдесов постоянно напоминали о своем существовании. Была ли сейчас какая-то угроза Капитулу? Нет, щелчка не было. То была опасность, угрожавшая чему-то другому, тоже очень важному.

Лампадас? На этот раз врожденный талант отказывался дать ответ.

Мастера Скрещивания пытались стереть из на-

следственности Атрейдесов эту способность к опасному предзнанию, но имели лишь ограниченный успех.

— Мы не можем рисковать появлением нового Квисатц Хадераха!

Они знали о странной способности Одраде, но предшественница ее на посту Верховной Матери, Тараза, советовала использовать способность Одраде, правда, с некоторой осторожностью. Покойная Верховная Мать считала, что предзнание Одраде всегда направлено на распознавание опасностей, угрожавших Ордену.

Сама Одраде полностью соглашалась с такой оценкой. Она довольно плохо начинала себя чувствовать, когда появлялись намеки на опасность. Намеки. Но в последнее время ей стали сниться сны.

Это был один и тот же сон, который в последнее время буквально преследовал ее. Она идет через пропасть по туго натянутой веревке, а кто-то (она не смела обернуться, чтобы увидеть, кто именно) подкрадывался сзади с топором, чтобы перерубить веревку. Одраде явственно чувствовала шероховатые волокна каната под босыми ногами, слышала свист ветра, чувствовала, как он обжигает ее кожу своим знойным дыханием.

И она *знала,* что сзади подкрадывается некто с топором.

Каждый шаг требовал от нее неимоверного мужества и напряжения всех сил. Шаг! Еще шаг! Веревка колебалась от ветра, и Одраде приходилось широко раскидывать руки, чтобы сохранить равновесие.

Если я упаду, то рухнет и Община Сестер!

Бене Гессерит рухнет в пропасть и найдет там свой конец. Как и всякий живой организм, Бене Гессерит должен рано или поздно покинуть этот мир. Преподобные Матери не смели этого отрицать.

Но это не должно произойти здесь. Только не это падение из-за перерезанной веревки. Мы не должны допустить, чтобы ее перерубили! Я должна успеть пересечь пропасть, прежде чем подоспеет злоумышленник с топором. Я должна! Я должна!

На этом сон всегда обрывался. Одраде, холодея, просыпалась от звуков собственного голоса, который продолжал еще некоторое время звучать в ее ушах. Но закваска Бене Гессерит давала себя знать даже в такой ситуации. Никогда не было холодного пота, только чувство пронизывающего холода. Законы Бене Гессерит не допускали по-

добных излишеств.

Тело не нуждается в потении? Значит, тело не потеет.

Сидя за рабочим столом, Одраде полностью осознавала всю глубину метафоры, являвшейся ей во сне: образ тонкой веревки, по которой она совершает свой опасный путь. *Это опасный и ненадежный путь, тонкая ниточка, по которой я несу судьбу моей Общины.* Дитя Моря предчувствовало приход сна и предупреждало о нем своим купанием в кровавых волнах. Это было не тривиальное предупреждение. Оно было зловещим. Хотелось вскочить и закричать: «Прячьтесь в траве, разбегайтесь, мои куропаточки! Бегите! Спасайтесь!»

Это потрясло бы наблюдателей.

Но обязанности Верховной Матери диктовали свою модель поведения. Надо сделать непроницаемое лицо, словно ее волнуют только те формальные решения, которые она должна принять на основе документов, которыми был завален ее стол. Никакой паники! Ее надо избегать всеми доступными средствами. Нет, конечно, решения, которые ей предстояло принять, были вовсе не тривиальными. Но вести себя следовало спокойно.

Некоторые из ее цыплят уже бежали, исчезнув в неизвестности. Их жизни присоединились к Другой Памяти. Остальные цыплята находились здесь, в Капитуле, и они должны будут знать, когда бежать. *Только когда их обнаружат.* В таком случае их поведение будет управляться необходимостью момента. Значение будут иметь их тренировка и навыки. Это единственное, что по-настоящему важно. В этом была их самая надежная подготовка.

Каждая ячейка Бене Гессерит, которой было суждено уйти, была подготовлена на этот случай так же, как Капитул: полное разрушение, но ни в коем случае не подчинение и сдача в плен. Ревущий огонь уничтожит плоть и драгоценные документы. Все, что найдут завоеватели, — это следы полной катастрофы: искореженные конструкции, засыпанные пеплом.

Некоторые Сестры Капитула смогут бежать. Но бегство в момент нападения? Есть ли что-либо более бессмысленное?

Избранные люди обладают Другой Памятью. Приготовиться. Но Верховная Мать избегала обращения к Другой Памяти. *Из моральных соображений!*

Куда бежать, кто может спастись, кто мо-

жет сдаться в плен? Это были отнюдь не праздные вопросы. Что, если они захватят Шиану, которая на краю новой Пустыни ждет появления песчаного червя, который может никогда не прийти? Шиана и песчаные черви: мощный религиозный инструмент, и Досточтимые Матроны найдут способ им воспользоваться. А что будет, если Матроны захватят гхола Айдахо и гхола Тега? У нас не останется ни одного надежного места, где можно будет спрятаться, если это произойдет.

Что, если?.. Что, если?..

Фрустрация порождала гнев. «Следует убить Айдахо, как только он попадет в наши руки! Мы не можем допустить, чтобы Тег стал взрослым».

Только члены Совета, близкие советники и некоторые из наблюдателей разделяли подозрения Верховной Матери. Это был запасной выход на всякий случай. Никто из этих людей не чувствовал себя в безопасности и не был уверен в гхола. Они не казались надежными, даже несмотря на то что был изобретен способ минирования кораблей-невидимок, которые должны были быть уничтожены в момент атаки Досточтимых Матрон.

В те часы, предшествовавшие его смерти, обладал ли Тег способностью видеть невидимое (включая корабли-невидимки)? *Как мог он знать, где найти нас в пустынях Дюны?*

Но если это мог делать Тег, то насколько же опасен был бесконечно одаренный Айдахо, в клетках которого аккумулировались гены Атрейдесов и неизвестно кого еще. Он мог случайно натолкнуться на такую же способность.

Я должна сделать это сама!

Внезапное потрясающее озарение посетило Верховную Мать. Она поняла, что Тамалейн и Беллонда наблюдают за ней с таким же страхом, с каким она сама наблюдает за обоими гхола.

Само знание того, что это возможно — что человек может приобрести чувствительность, позволяющую обнаруживать корабли-невидимки и другие формы полевой защиты, — может потрясти основы мира. Досточтимые Матроны получат прекрасную путеводную нить. По всей Вселенной рассеяны бесчисленные потомки Дункана Айдахо. Он всегда с гневом говорил, что не желает быть племенным жеребцом на службе Бене Гессерит, но в действительности много раз исправно исполнял эту роль.

Он всегда думал, что действует самостоятельно, и иногда так оно и было на самом деле.

Любой отпрыск Атрейдесов по прямой линии мог обладать талантом, который пышным цветом обещал расцвести в Теге.

На что ушли месяцы, годы и дни? Наступил еще один сезон сбора урожая, а Община до сих пор находится в тисках страшной угрозы. Только теперь до Одраде дошло, что давно наступило утро. По коридору сновали люди. С кухни доносился запах жареных кур и тушеной капусты. Все нормально. Централ жил своей обычной жизнью.

Но что могло быть нормального для того, кто жил в воде в грезах Верховной Матери? Дитя Моря не могло забыть Гамму, головокружительные запахи, дух морских водорослей, выносимых на берег прибоем, освежающий озон, делавший каждый вдох наслаждением, и великолепную свободу в окружающих людях, прорывающуюся наружу в каждом слове и жесте. На море все разговоры приобретали необыкновенную глубину, которую Одраде никогда не сможет забыть. Даже безобидная болтовня на фоне неумолчного говора океана приобретала скрытый важный смысл.

Одраде ощутила, что должна, просто обязана напомнить себе чувство собственного тела в вол-

нах того моря из ее детства. Надо восстановить силы, которыми она обладала тогда, черпать мощь, которой она пользовалась в то невинное время.

Опустить лицо в воду, изо всех сил задержать дыхание и плыть по волнам *сейчас,* чтобы смыть горести и тревоги, смыть боль. Это было лечение стресса, сведенное к своей первоначальной сути. На Одраде нахлынул небывалый покой.

Я плыву, следовательно, я существую.

Дитя Моря предупреждало, и оно же восстанавливало силу. Отказываясь признать это, Одраде тем не менее отчаянно нуждалась теперь в восстановлении сил.

Сегодня ночью Верховная Мать, словно в зеркало, посмотрелась в окно и поразилась тому, насколько возраст и ответственность в соединении с усталостью иссушили ее щеки и заставили опуститься уголки рта: чувственные губы стали узкими, вытянулись некогда округлые черты ее милого лица. Одни только синие глаза горели прежним неукротимым огнем, да и тело оставалось стройным и мускулистым.

Повинуясь подсознательному импульсу, Одраде нажала на кнопку с символом вызова и вгляделась в изображение, появившееся

на поверхности рабочего стола: стоящий на запасной взлетной площадке корабль-невидимка. Гигантское сооружение, наполненное хитроумными машинами и механизмами, существующее вне времени и пространства. За время своей стоянки корабль вызвал проседание грунта и стоял теперь в довольно глубокой яме. Корабль был огромен, двигатели работали еле-еле, только для того, чтобы обеспечить защиту от любопытных, особенно от Гильд-навигаторов, которые с удовольствием продали бы Сестер Бене Гессерит первому встречному.

Зачем ей понадобилось именно сейчас вызывать на рабочий стол изображение корабля-невидимки?

Только потому, что в нем в данный момент находились три человека: Сциталь, последний из оставшихся в живых Мастер Тлейлаксу, Мурбелла и Айдахо, сексуально повязанная пара. Они сохранили свою привязанность, которая впервые и возникла именно на этом корабле.

Нет, не так все просто, не так.

Для больших предприятий Бене Гессерит никогда не существовало простых и сразу понятных объяснений. Этот корабль-невидимка со своей смертельно опасной начинкой был очень боль-

шим предприятием и весьма дорогостоящим, пожирающим огромное количество энергии даже в нерабочем состоянии.

Подчеркнуто бережливый подход к этому предприятию говорил об энергетическом кризисе. Эта проблема была поручена Беллонде. Толстуха постоянно ругалась: «Мы и так уже обрезали все мясо до костей, резать больше нечего». Казначейство давно уже косо смотрит на Бене Гессерит. Остается только поражаться живучести Ордена.

В кабинет без предупреждения ввалилась Беллонда, держа под мышкой свиток ридулианской кристаллической бумаги. Она топала так, словно стремилась выместить на поле всю свою ненависть. Каждый шаг выражал: «Так тебя! И вот так, и вот так!» Она била пол только за то, что он оказался у нее под ногами.

Взглянув в глаза Белл, Одраде почувствовала холод и стеснение в груди. Беллонда с грохотом швырнула на стол свиток.

— Лампадас! — крикнула Беллонда, вложив в голос всю свою муку.

Одраде не было нужды заглядывать в записи. *Кровавая ванна Дитя Моря стала явью.*

— Кто уцелел? — глухо и с усилием выдавила из себя Верховная Мать.

— Никто. — Беллонда упала в кресло-собаку рядом со столом.

Вслед за Беллондой в кабинет вошла Тамалейн и тоже села рядом с Одраде. Обе Преподобные Матери выглядели совершенно убитыми.

Никто не выжил.

Все тело Одраде — от груди до пят — сотрясла медленная волна дрожи. Верховная Мать не посчитала нужным скрыть это от собеседниц и наблюдателей; этот кабинет видел и не такие проявления эмоций.

— Кто сообщил об этом? — спросила Одраде.

Заговорила Беллонда.

— Сведения получены от шпионов ОСПЧТ; источник информации — Раввин, в этом нет никакого сомнения.

Одраде потеряла дар речи. Взор ее остановился на своде арки окна, за которым начался снегопад, снежинки весело кружились в воздухе. Да, страшная новость по иронии судьбы совпала с наступлением зимы, что придавало известию еще большую горечь.

Сестры были очень недовольны столь ранним приходом зимы. Необходимость заставила Управление Климатом резко, без переходов, снизить температуру. Никакого постепенного снижения,

никакой милости к растениям, которые должны были сначала впасть в спячку, чтобы перенести наступление холодов. Каждую ночь температура падала на три-четыре градуса. Так что не пройдет и недели, как наступит мороз, который покажется всем нескончаемым.

Этот холод подчеркивает боль утраты.

Следствием внезапного похолодания стал туман. Одраде видела, как языки белесого тумана окутывали землю после закончившегося снегопада. Не поймешь, что за погода. Управление Климатом сместило точку росы ближе к среднесуточной температуре, и теперь туман сконденсировался в нескольких самых влажных участках. Туман поднимался от земли струйками, похожими на тюль, просачиваясь сквозь голые ветви деревьев сада, словно ядовитый газ.

Неужели никто не выжил?

В ответ на безмолвный вопрос Одраде Беллонда горестно покачала головой.

Лампадас — жемчужина среди всех планет, принадлежавших Бене Гессерит, планета, где располагалась самая лучшая школа Ордена, планета, превращенная в груду пепла и искореженного металла. Но… башар Алеф Бурцмали и его отборная гвардия? Они тоже все мертвы?

— Все мертвы, — сказала Беллонда.

Погиб Бурцмали, любимый ученик старого башара Тега. Погиб и ничего не добился. Лампадас… великолепная библиотека, блестящие учителя, лучшие студенты… все ушло в вечность.

— Даже Луцилла? — спросила Одраде. Преподобная Мать Луцилла, вице-канцлер Лампадас, имела секретные инструкции покинуть планету при первых признаках катастрофы, унося с собой память как можно большего числа обреченных.

— Шпионы донесли, что погибли абсолютно все, — настаивала на своем Беллонда.

Это был леденящий душу каждой Сестры сигнал: «Вы можете стать следующими!»

Как могло человеческое сообщество, каким бы оно ни было, приобрести нечувствительность к подобной жестокости? Она представила себе беседу за завтраком на одной из баз Досточтимых Матрон: «Мы уничтожили еще одну планету Бене Гессерит. Говорят, убиты десять миллиардов. Значит, за этот месяц мы уничтожили всего шесть планет, не правда ли? Вы не передадите мне сливки, дорогая?»

Остекленевшими от ужаса глазами Одраде еще раз пробежала текст сообщения. *От Раввина, в этом нет никакого сомнения.* Она осторожно

положила донесение на стол и взглянула на своих советниц.

Беллонда — старая толстуха с багровым лицом. Ментат-архивариус. Сейчас она носит линзы, без которых уже не может читать, и ей наплевать, что станут об этом говорить. Она демонстрирует в хищной улыбке свои стесанные лошадиные зубы, и этот оскал выражает ее мысли лучше всяких слов. Она видела, как отреагировала Одраде на отчет шпионов. Белл начнет спорить о необходимости отмщения. Чего еще можно ожидать от человека с такими порочными наклонностями? Надо вернуть ее в состояние ментата, тогда она становится более склонной к полноценному анализу.

Но со своей колокольни Белл абсолютно права, подумала Одраде. *Но ей не нравится то, что у меня на уме. Надо очень осторожно подбирать слова для того, что я собираюсь сейчас сказать. Слишком рано открывать мои планы.*

— Существуют обстоятельства, когда порок можно победить только пороком, — сказала Одраде. — Мы должны тщательно взвесить эту возможность.

Вот! Только так можно предотвратить вспышку ярости Беллонды!

Тамалейн подалась вперед, и Одраде взглянула на пожилую женщину. Там, собранная старая Там, прячущая свою собранность под маской критичного терпения. Узкое лицо, увенчанное короной снежно-белых волос: воплощение мудрой старости.

Одраде видела, что под обычной маской Тамалейн прячет свое отвращение к тому, что она видит и слышит.

В противоположность рыхлой полноте плоти Беллонды в Тамалейн была сухопарая монолитность, казалось, старуха состоит из одних прочных костей. Тамалейн продолжала держать себя в форме, и ее мышцы, насколько это возможно, еще не потеряли былой силы и гибкости. Но в глазах старой Преподобной Матери застыло выражение, выдававшее ее с головой: то было чувство отчуждения, отчуждения от жизни. О, она еще внимательно наблюдала за происходящим, но что-то в ее облике говорило об отступлении, о близком признании окончательного поражения. Пресловутая интеллигентность Тамалейн приобрела злобный оттенок, основываясь преимущественно на старых наблюдениях и прошлых решениях более, чем на анализе текущих событий.

Нам надо позаботиться о подготовке замены. Думаю, что это будет Шиана. В ней заложены большие возможности, хотя она и опасна для нас. Кроме того, Шиана родилась на Дюне и связана с ней кровными узами.

Одраде пристально посмотрела на кустистые брови Тамалейн. Они нависали над веками неопрятными клочками. *Да, Шиана заменит Тамалейн.*

Там понимает всю сложность проблем, которые предстоит решать, и достойно примет это решение Верховной. Когда придет время объявить о нем, то внимание Тамалейн, Одраде была в этом уверена, надо будет обратить на грандиозное предназначение Бене Гессерит.

Мне будет недоставать ее, будь все проклято!

Нельзя познать историю, не поняв поступков вождей, следующих ее течению. Каждый вождь нуждается в чужаках, чтобы увековечить свое господствующее положение. Проследите за моим восхождением. Я был одновременно вождем и чужаком. Не делайте скоропалительного вывода о том, что я создал церковное государство. Такова была моя задача как вождя, и в этом я следовал известным историческим моделям. Варварское искусство моей эпохи обличает во мне чужака. Самая популярная поэзия: эпос. Популярная драматическая идея: героизм. Танцы: дикие и разнузданные. Я использовал химические стимуляторы, чтобы заставить людей понять, что я взял у них. Но что я взял? Право свободно выбирать роль в истории.

(Лето II (Тиран). Перевод Ветера Бебе)

Я умру! — подумала Луцилла.

Прошу вас, дорогие Сестры, не допустите, чтобы это случилось, прежде чем я передам вам драгоценный груз моего разума!

Сестры!

Идея семьи редко высказывалась вслух члена-

ми Ордена, но неявно она присутствовала всегда. В генетическом плане все Сестры были родственницами, а благодаря Общей Памяти знали все подробности этого родства. Они не нуждались в общепринятых терминах вроде «двоюродной сестры» или «внучатой племянницы». Они понимали свое родство приблизительно так же, как ткач понимает создание ткани. Они знали, как основа и уток создают *материю.* Это было более подходящим словом, нежели Семья, то была именно материя Бене Гессерит, создавшая Общину Сестер, но древний инстинкт Семьи служил основой этой материи.

Сейчас Луцилла думала о Сестрах только как о членах своей семьи. Семья нуждалась в том, что она носила в себе.

Как глупо, что я решила искать убежища на Гамму!

Но ее поврежденный корабль-невидимка все равно не мог лететь дальше. Как все же дьявольски экстравагантны эти Досточтимые Матроны! Луциллу ужаснула заложенная в этой экстравагантности ненависть.

Пути отхода с Лампадас были буквально усеяны смертельными ловушками, складки пространства были утыканы небольшими шара-

ми-невидимками, каждый из которых содержал полевой проектор и лазерное оружие, которое открывало огонь при соприкосновении любого предмета с шаром. Луч лазера переводил в рабочее состояние установленный в шаре генератор Хольцмана, и начинающаяся цепная реакция высвобождала огромную энергию. Стоит попасть в поле шара, как раздается взрыв, который разносит все. Дорого, но эффективно! Несколько таких взрывов и даже гигантский корабль Гильдии превращается в жалкий осколок безжизненного металла, исчезающий в пустоте Космоса. Защитные системы корабля Луциллы произвели анализ поля-ловушки, но слишком поздно. Однако ей повезло… во всяком случае, тогда ей казалось, что повезло.

Как бы то ни было, теперь, выглядывая из окна второго этажа деревенского дома здесь, на Гамму, Луцилла отнюдь не чувствовала себя счастливой. Окно было открыто, и полуденный ветер доносил до ноздрей Преподобной Матери неистребимый запах нефти, который примешивался к дыму костра. Харконнены настолько пропитали планету нефтью, что удалить ее полностью оказалось не под силу никому, кто жил здесь после них.

Ее контактером здесь был один отставной

доктор Сукк, но она знала его несколько глубже. Это была ее тайна, тайна настолько глубокая, что только немногие из Сестер Бене Гессерит знали ее. Знание подразделяется на сектора согласно некой классификации: *есть тайны, о которых мы не говорим даже с самими собой, поскольку они могут навредить нам. Эти тайны мы не передаем другим Сестрам, потому что для них нет канала передачи. Мы даже не осмеливаемся знать эти тайны до тех пор, пока крайняя нужда не поднимает завесу, за которой они скрыты.* Луцилла узнала такую тайну после одного намека, который в разговоре с ней сделала Одраде:

— Ты не знаешь одной пикантной подробности о Гамму? М-м-м, там существует целое общество, члены которого связаны между собой обычаем есть только священную пищу. Этот обычай занесен на Гамму иммигрантами, которые никогда не ассимилировались с местными жителями. Предоставленные самим себе, презирающие аутбридинг. Такое вот сообщество. О них ходит много слухов, россказней, что приводит к их еще большей изоляции. Собственно, это как раз то, чего они и добиваются.

Луцилла знала о древней секте, которая очень походила на описанную Одраде. Ее охватило

любопытство. Общество, о котором она знала, предположительно погибло вскоре после Второй Волны Межпланетной Миграции. Поиски в архивах еще больше возбудили это любопытство. Образ жизни, затуманенные молвой описания религиозных ритуалов, особенно светильники — и строгое воздержание от любой работы в определенные священные дни. Но они жили не только на Гамму!

Однажды утром, воспользовавшись необычным затишьем, Луцилла вошла в кабинет Верховной и испытала свое «проективное предположение». Это было нечто сродни рассуждениям ментата, хотя и не столь надежное. Правда, основа для такого предположения была отнюдь не теоретической.

— Подозреваю, что ты приготовила для меня какое-то новое задание?

— Вижу, что ты не зря тратила время в Архиве.

— Сейчас это становится очень полезным занятием.

— Пытаешься нащупать связи?

— Так, чистое предположение. *Это тайное общество на Гамму — иудеи, не правда ли?*

— Для того, чтобы лучше справиться с новым заданием, тебе, вероятно, понадобится особая

информация. — Это было сказано на удивление небрежным тоном.

Луцилла без приглашения опустилась в кресло-собаку Беллонды.

Одраде взяла стило, что-то написала на листке из отрывного блокнота и протянула написанное Луцилле так, чтобы это не зафиксировала видеокамера.

Луцилла сразу все поняла и склонилась над сообщением, прикрыв его головой.

«Твое предположение верно. Тебе придется умереть, но ни в коем случае не раскрывать его содержания. Такова цена сотрудничества и одновременно знак высокого доверия».

Луцилла порвала записку на мелкие клочки.

Движением глаз и ладони Одраде открыла скрытую дверцу в стене за своей спиной, извлекла из тайника небольшой ридулианский кристалл и протянула его Луцилле. Кристалл был теплым, но обжег руку холодом. Что это за секрет? Одраде достала из ящика своего стола защитный капюшон и привела его в рабочее состояние.

Луцилла вставила кристалл в специальное гнездо и натянула на голову капюшон. Тотчас в ее ушах зазвучали слова, которые неизвестный

голос произносил с очень древним акцентом.

— Люди, на которых обращено твое внимание, иудеи. Много тысячелетий назад они, спасаясь от регулярно повторяющихся погромов, приняли единственно возможное спасительное для себя решение — исчезнуть от всех людей. Развитие космонавтики сделало эту задачу не только возможной, но и весьма привлекательной. Они спрятались на многих планетах; вероятно, были такие планеты, на которых жил исключительно этот народ. Это не означает, что они забыли свое многовековое искусство и способность к выживанию в трудных условиях. Древняя религия, несомненно, продолжала существовать, хотя и претерпела некоторые изменения. Вероятно, древний раввин не чувствовал бы себя чужим в Шабад под охраной меноры в современном иудейском доме. Однако конспирация этого народа развита так сильно, что можно всю жизнь проработать бок о бок с иудеем и никогда не заподозрить этого. Они называют это «полным прикрытием», хотя и сознают всю опасность.

Луцилла приняла это без единого вопроса. То, что представляет собой такую тайну, должно быть воспринято каждым, кто заподозрит его существование, как вещь, представляющая собой

чрезвычайную опасность. *И все же почему они держат все в такой тайне? Ответь мне!*

Кристалл продолжал изливать свои секреты в сознание Луциллы.

— Реакция этих людей на угрозу раскрытия стандартна: «Мы ищем религию в наших корнях. Это выживание, возвращение назад, чтобы взять из прошлого то лучшее, что в нем было».

Луцилла знала этот оборот. В мире всегда хватало «свихнувшихся на выживании». Они всегда выглядели довольно курьезно. *Ах эти! О, да это же просто очередная горстка любителей выживания.*

— Маскирующая система, — продолжал говорить кристалл, — не имела успеха в применении к нам. У нас имеется подробная запись еврейских родословных и есть фонд Чужой Памяти, касающийся этой проблемы. Мы понимаем причину такой скрытности и секретности. Мы не тревожили их до тех пор, пока я, Верховная Мать и Община Сестер во время и после битвы при Коррине *(как же давно это было!)* не убедились, что нам нужно тайное сообщество, группа, которая могла бы откликнуться на нашу просьбу о помощи.

Луцилла ощутила скепсис. *Просьбу?*

Древняя Верховная Мать предугадала этот скептицизм.

— Время от времени мы предъявляем им требования, которые они не могут не исполнить. Впрочем, они тоже обращаются к нам с просьбами.

Луцилла чувствовала, что с головой погружается в мистику этого подпольного общества. Это было больше чем сверхсекрет. На ее неуклюжие вопросы служащие Архива, как правило, отвечали отказом. «Иудеи? Что это? Ах да, древняя секта. Ищи ее сама, у нас нет времени на праздные религиозные изыскания».

Кристалл оказался более красноречивым.

— Иудеи часто удивляются, а иногда и возмущаются тем, что мы их копируем. Наши записи о родословных прослеживают их по женской линии. Приблизительно так же поступают и иудеи. Ты считаешься иудеем, только если твоя мать иудейка.

Кристалл перешел к заключению:

— Диаспора не должна быть забыта. Сохранение тайны для нас — это вопрос чести.

Луцилла откинула с головы капюшон.

— Ты — самая подходящая кандидатура для выполнения деликатного поручения на Лампа-

дас, — сказала Одраде, пряча кристалл на место.

Все это — прошлое, и скорее всего мертвое. Посмотрите, куда привело меня это «деликатное поручение» Одраде!

Из окна Луцилле было хорошо видно, как во двор дома въехал контейнер, предназначенный для загрузки продуктами. Внизу закипела работа. Рабочие с ящиками овощей со всех сторон облепили грузовик. Луцилла вдохнула пряный аромат свежесрезанных стеблей и плодов.

Она и не думала отходить от окна. Хозяева снабдили ее одеждой местных женщин — длинным платьем из тускло-коричневой с сероватым оттенком ткани и ярко-синим головным платком, прикрывавшим песочного цвета волосы. Было очень важно не привлекать ненужного внимания к ее персоне. Она видела, как возле повозки остановились другие женщины, наблюдая за работой. Присутствие Луциллы могли воспринять как естественное женское любопытство.

Это был большой контейнер, подвески сильно натянулись под тяжестью продукции, уже загруженной в его секции. Оператор стоял в прозрачной будке в передней части машины: руки положены на рычаг управления, глаза напря-

женно смотрят вниз. Ноги широко расставлены, мужчина наклонился вперед, по направлению к хитросплетению поддерживающих опор, слегка придерживая силовой рубильник левым бедром. Это был рослый мужчина с начинающей седеть шевелюрой, лицо его было покрыто морщинами. Все его тело было продолжением машины — они вместе устремились вперед в едином, целеустремленном порыве. Совершая это движение, он взглянул в лицо Луциллы, затем снова вперил взор в свой сложный механизм и в овощи, которые следовало погрузить в контейнер.

Он встроен в свою машину, подумала Луцилла. Неужели человек может так подходить к вещам, которые он делает? Эта мысль подействовала на нее устрашающе, в коленях появилась опасная слабость. Если вы слишком сильно вживаетесь в какую-то одну вещь, то все ваши прочие способности атрофируются. *Вы становитесь придатком того, что делаете.*

Она живо представила себя таким же оператором машины, как и этот человек во дворе. Грузовик проехал мимо и покинул ферму. Человек не удостоил Луциллу повторным взглядом — он уже видел ее один раз, так зачем тратить

время попусту?

Люди, приютившие ее, сделали правильный выбор, спрятав ее здесь. Редкое население, заслуживающие доверия рабочие и мало любопытных. Тяжелая физическая работа притупляет любопытство. Она сразу обратила внимание на эту особенность местности, когда ее доставили сюда. Тогда уже наступил вечер, и люди не спеша разбредались по домам. Можно было легко оценить плотность здешнего населения после окончания рабочего дня. Все рано ложатся спать, и вы оказываетесь почти в пустыне. Бурная ночная жизнь говорит о том, что люди испытывают беспокойство, вызываемое сознанием того, что и другие бодрствуют и проявляют активность в ночное время.

Что погрузило меня в такое интроспективное состояние?

В самом начале первого поражения Общины под натиском Досточтимых Матрон Луцилла испытала затруднения, пытаясь осознать, что кто-то «охотится за нами, чтобы убить».

Погром! Вот как Раввин назвал это, когда прощался рано утром, уходя, «чтобы посмотреть, что я смогу сделать для вас».

Она понимала, что Раввин выбрал это слово

из древнего и очень горького лексикона, но только теперь, после своего *погрома,* Луцилла поняла, что это слово относится к положению, которым ты не в состоянии управлять.

Значит, я тоже беглец.

Нынешняя ситуация напоминала ту, в которой Община Сестер находилась при Тиране. Но была и разница. Тиран никогда не стремился уничтожить и искоренить Бене Гессерит, он лишь стремился подчинить Орден себе и управлять им. И он действительно управлял!

Куда запропастился этот проклятый Раввин?

Это был большой, сильный мужчина в старомодных круглых очках. Его широкое лицо было покрыто темным загаром. Морщин на лице мало, несмотря на то что голос и движения изобличали солидный возраст. Очки привлекали внимание к глубоко посаженным карим глазам, внимательно изучавшим Луциллу.

— Досточтимые Матроны, — эти слова Раввин произнес здесь, в этой комнате с голыми стенами на втором этаже, где Луцилла объяснила ему свою задачу. — Ой, вэй! Это трудно.

Луцилла ожидала такой реакции и, более того, видела, что Раввин понимает это.

— Здесь, на Гамму, находится Гильд-навига-

тор, который участвует в розыске, — продолжал он. — Он из Эдриксов, и, как мне говорили, очень силен в этом деле.

— Во мне течет кровь Сионы. Он не может *увидеть* меня.

— Так же, как и меня и мой народ, и по тем же причинам. Вы же знаете, что мы, евреи, умеем приспосабливаться к разным неудобствам.

— Этот Эдрик — не более чем жест отчаяния, — презрительно обронила Луцилла. — Он мало что может сделать.

— Но они привезли его. Боюсь, что у нас мало шансов безопасно вывезти вас с планеты.

— Тогда что мы можем сделать?

— Посмотрим. Мой народ не слишком беспомощен, вы понимаете?

Луцилла почувствовала в его голосе искренность и неподдельную готовность помочь. Он негромко и спокойно заговорил о сопротивлении сексуальной соблазнительности Досточтимых Матрон, о том, что все надо сделать тихо, чтобы не возбудить их.

— Пойду пошепчусь кое с кем, — сказал на прощание Раввин.

Как ни странно, эти слова успокоили Луциллу, она даже почувствовала прилив сил. Когда

попадаешь в руки профессионального врача, часто чувствуешь его отчужденное и жестокое отношение. Но Луцилла успокаивала себя тем, что врачей Сукк учат быть сострадательными и вникать в нужды своих подопечных и помогать им. *(В данном случае это касалось тех обстоятельств, которые могли возникнуть в нештатной ситуации.)*

Она сосредоточила свои усилия на восстановлении спокойствия, прибегнув к мантре *«обучение смерти в одиночестве»*.

Если мне суждено умереть, то я должна прийти в трансцендентное состояние. Я должна уйти безмятежно.

Это помогло, но Луцилла все же почувствовала дрожь. Раввин ушел довольно давно. Что-то было не так.

Правильно ли я поступила, доверившись ему?

Стараясь не обращать внимания на чувство обреченности, Луцилла усилием воли заставила себя, пользуясь методикой Бене Гессерит, взглянуть на дело с некоторой долей наивности и, проявив простодушие, проанализировать свою встречу с Раввином. Прокторы называли это «невинностью, которая естественным образом проистекает от неопытности и которую

ни в коем случае нельзя путать с невежеством». В таком наивном состоянии все вещи представлялись текучими. Состояние было близко состоянию размышляющего ментата. Всякая информация входила в мозг без предубеждений. «Ты — зеркало, в котором отражается Вселенная. Это отражение и есть то, что ты испытываешь в действительности. Образы отскакивают от твоих чувств. Возникают гипотезы. Они важны, даже если ошибочны. Возникает исключительная ситуация, когда даже несколько ошибок не мешают принятию правильного решения».

— Мы — ваши преданные на совесть слуги, — сказал ей Раввин.

Такая фраза неизбежно должна была насторожить Преподобную Мать.

Объяснения, данные кристаллом, Одраде представились неадекватными. *Позиция преданного слуги всегда выгодна.* Это было цинично, но вывод был сделан на основе огромного опыта. Попытки вытравить личную преданность из человеческого поведения всегда разбивались о скалы просительства. Социалистические и коммунистические системы правления привели лишь к смене чиновников, которые измеряли выгоду. Огромная управленческая бюрократия — вот та

сила, которая стала считать прибыль.

Луцилла предостерегла себя: проявления этой болезни всегда одни и те же. Стоит только посмотреть на процветающую ферму этого Раввина! Ушел на пенсию, перестав практиковать? Луцилла видела, что было за этим скромным фасадом: слуги, богатые апартаменты. Но было и нечто большее. И не важно, какая система, выгоды всегда одинаковы — лучшая еда, красивые любовницы, неограниченные возможности путешествовать, лучшие условия жизни.

Начинаешь скучать, когда видишь это так же часто, как мы.

Луцилла нервничала, но ничего не могла с собой поделать. *Выживание. Самая искренняя, самая глубинная потребность — это потребность выжить. Я же угрожаю выживанию Раввина и его народа.*

Он вел себя очень угодливо. *Всегда остерегайтесь тех, кто стелется перед вами, кто носом чувствует ту власть, которой вы, по его мнению, обладаете. Как это льстит самолюбию — лицезрение толпы слуг, которые, глядя на вас преданными глазами, ждут вашего приказа, мановения руки, чтобы выполнить любое ваше желание! Такое отношение делает человека мо-*

ральным инвалидом.

Именно в этом состоит ошибка Досточтимых Матрон.

Почему Раввин задерживается?

Хочет узнать, сколько он сможет получить за голову Преподобной Матери Луциллы?

Входная дверь на первом этаже хлопнула с такой силой, что под ногами Луциллы содрогнулся пол. На лестнице послышались торопливые тяжелые шаги. Как примитивен этот народ! Подумать только — лестница! Луцилла обернулась, когда открылась дверь в комнату. Раввин, окутанный духом меланжи, шагнул через порог. Весь вид его подтверждал худшие опасения Луциллы.

— Простите за опоздание, дорогая леди. Меня вызывали на допрос к Эдрику, Гильд-навигатору.

Так вот откуда запах Пряности. Навигаторы постоянно буквально купались в оранжевом облаке меланжи. За ее парами черты их лиц зачастую казались расплывчатыми. Луцилла ясно представила себе безобразные черты Гильд-навигатора — крошечный ротик, изогнутый в виде латинской V, приплюснутый, распластанный по физиономии нос, гигантское лицо с пульсирующими висками. Луцилла легко могла себе представить, какими угрожающими казались

Раввину раскаты голоса навигатора, слова которого механически переводились транслятором на безличный галахский.

— Что он хотел?

— Вас.

— Он…

— Он ничего не знает точно, но подозревает нас. Впрочем, сейчас он подозревает всех.

— Они следят за вами?

— В этом нет необходимости. Они смогут найти меня в любой момент, когда только пожелают.

— Что будем делать? — Она понимала, что говорит слишком громко и слишком быстро.

— Дорогая леди… — Он подошел к Преподобной Матери на три шага, и Луцилла увидела капельки пота на его лбу и носу. Страх. Она явственно чувствовала его запах.

— Так что же?

— Мы находим крайне интересной экономическую основу деятельности Досточтимых Матрон.

Его слова кристаллизовали ее страх. *Так я и знала! Он собирается выгодно меня продать!*

— Как вы, Преподобные Матери, хорошо знаете, в любой экономической системе всегда есть пробелы.

— Да? — Все это звучало весьма подозритель-

но.

— Неполное подавление торговли в любой области всегда повышает доходы торговцев, особенно старших дистрибьюторов. — В его голосе появилась настораживающая неуверенность. — Ошибочно думать, например, что можно остановить распространение наркотиков, блокируя границы.

В чем он хочет ее убедить? Он описывает ситуацию, которую понимает любая послушница. Высокий доход всегда используется для приобретения надежных и безопасных путей провоза, минуя пограничную стражу. Иногда подкупают и саму стражу.

Не подкупил ли он стражу Досточтимых Матрон? Несомненно, он не уверен, что может сделать это, не подвергая себя опасности.

Она терпеливо ждала, когда он соберется с мыслями, чтобы сформулировать предложение, которое она, по его мнению, скорее всего примет.

Почему он привлек ее внимание к пограничной страже? Определенно он занялся именно ею. Стража всегда готова за деньги продать тех, кому она служит, оправдывая себя тем, что «если этого не сделаю я, то сделает кто-нибудь другой!».

Мелькнула искра надежды.

Раввин откашлялся. Очевидно, он нашел подходящие слова и сейчас заговорит.

— Я не верю, что существует какой-то способ вывезти вас с Гамму живой.

Она не ожидала такой прямоты.

— Но тогда…

— Другое дело — информация, которую вы храните, — сказал он.

Так вот что прячется за всеми этими фокусами со стражей и границами!

— Вы не поняли меня, Раввин. Моя информация — это не несколько слов и предупреждений. — Она постучала пальцем по своему лбу. — Здесь обитает множество драгоценных жизней, все они имеют незаменимый опыт, обучение у них настолько жизненно важно, что…

— Ах, я все это понимаю, дорогая леди. Наша проблема заключается в том, что вы не понимаете.

Эти вечные ссылки на понимание!

— В настоящий момент я могу полагаться только на вашу честь, — проговорил он.

Ах эта легендарная честность Сестер Бене Гессерит, давших слово, которому всегда можно доверять!

— Вы же знаете, что я скорее умру, чем предам вас, — сказала она.

Он беспомощно развел руки в стороны.

— Я совершенно в этом уверен, моя дорогая леди. Речь идет не о предательстве, а о том, что мы никогда не открывали Общине Сестер.

— В чем вы пытаетесь меня убедить? — Луцилла заговорила властно, едва не прибегнув к Голосу, хотя ее и предупреждали не пытаться применять его по отношению к иудеям.

— Я должен получить от вас обещание. Вы должны дать мне слово не выступать против нас из-за того, что я должен открыть вам. Вы должны пообещать принять мое решение нашей дилеммы.

— Не зная, в чем его суть?

— Да, положившись на мои уверения в том, что мы уважаем наши соглашения с вашей Общиной Сестер.

Она вперила в него горящий взгляд, стараясь проникнуть сквозь воздвигнутый им барьер. Внешние реакции можно было толковать правильно, но что за таинственная сила кроется за его неожиданным поведением, было совершенно непонятно.

Раввин ждал, когда эта устрашающая женщи-

на примет свое решение. Он всегда чувствовал себя неуютно в обществе Преподобных Матерей. Он знал, каким будет это решение, и испытывал по отношению к Луцилле неподдельную жалость. Он видел, что она легко читает эту жалость на его лице. Как много и одновременно мало они знают. Их власть и сила — всего лишь маска. Но как опасно их знание о Тайном Израиле!

Мы должны вернуть им этот долг. Она не принадлежит к Избранным, но долг есть долг. Честь — это честь. Истина — истина.

Бене Гессерит сохраняла Тайну Израиля во многих критических ситуациях. Его народу не надо было пространно объяснять, что такое погром. Понятие погрома глубоко запечатлелось в душе людей Тайного Израиля. Благодаря *Непроизносимому* эта память не сотрется никогда. По крайней мере до тех пор, пока они не смогут простить.

Память поддерживалась ежедневными ритуалами (иногда они бывали коллективными), придававшими священный ореол тому, что должен был делать Раввин. Бедная женщина! Она тоже была пленницей памяти и обстоятельств.

Мы в кипящем котле! Оба!

— Я даю вам слово, — произнесла Луцилла.

Раввин вернулся к двери и распахнул ее. На по-

роге стояла пожилая женщина. Раввин сделал приглашающий жест, и старуха вошла. Ее волосы цвета старого мореного дерева были собраны в пучок на затылке. Лицо, покрытое морщинами, напоминало сушеный миндаль. Но какие глаза! Они были совершенно синие! И какая стальная твердость в них…

— Это Ребекка, женщина из нашего народа, — сказал Раввин. — Я уверен, вы понимаете, какую опасную вещь она сделала.

— Испытание Пряностью, — прошептала Луцилла.

— Она прошла его очень давно и с тех пор служит нам верой и правдой. Теперь она послужит вам.

Луцилле надо было убедиться самой.

— Ты можешь делить Память? — спросила она.

— Я никогда не делала этого, леди, но знаю, как это делается. — Говоря это, Ребекка подошла к Луцилле почти вплотную.

Женщины наклонились друг к другу, и их лбы соприкоснулись. Руками они обняли друг друга за плечи.

Их сознания стали единым целым, и Луцилла послала мысленный приказ: «Это должны получить мои Сестры».

— Я обещаю, дорогая леди.

В этом слиянии душ не было места обману, искренность была скреплена чувством неминуемой смерти, которое вызывалось меланжей, действием, которое древние фримены называли «маленькой смертью». Луцилла приняла клятву Ребекки. Дикая Преподобная Мать еврейского народа посвятила свою жизнь Общине Сестер. Но было что-то еще! Луцилла едва не задохнулась, поняв, что именно. Раввин решил продать ее Досточтимым Матронам. Водитель грузовика, которого она видела только что, был их агентом, который убедился, что Луцилла — это та женщина, которую разыскивают.

Искренность Ребекки не оставила Луцилле выбора.

«Это единственный способ спасти себя и сохранить доверие к нам».

Так вот почему Раввин заставил ее думать о страже и торговцах властью! *Умно, умно. И я приняла это предложение, и он знал, что я приму его.*

Нельзя управлять марионеткой с помощью только одной нити.

(Бич Дзенсунни)

Преподобная Мать Шиана стояла в своей скульптурной мастерской. На руках женщины были надеты похожие на перчатки шейперы, увенчанные неким подобием серых когтей. Уже в течение почти целого часа кусок сенсиплаза изменял свою форму по желанию Шианы. Сотворение скульптуры было близко, она чувствовала, как в ее душе поднимается понимание того, что должно быть сделано. Сила творческого порыва была так велика, что Шиану охватила дрожь. Удивительно, как этот трепет не ощущают те, кто проходит в это время по коридору. Через северное окно в мастерскую проникал сероватый свет, из западного лился оранжевый свет заходящего пустынного солнца.

Старшая помощница Шианы здесь, на Станции Слежения за пустыней, Престер уже довольно долго стояла на пороге мастерской, но молчала — весь персонал станции знал, что творящую Шиану лучше не отрывать от дела.

Отступив назад, Шиана тыльной стороной ладони откинула со лба прядь выгоревших на солнце волос. Черный кусок плаза стоял перед

ней, словно вызов, углы и плоскости камня почти соответствовали тому, что она хотела сделать.

Я прихожу творить тогда, когда испытываю наибольший страх, подумала она.

Эта мысль притушила творческий порыв, и она удвоила усилия, чтобы все-таки закончить скульптуру. Когти шейпера все глубже вонзались в толщу плаза, который послушно повторял нужные формы. Было такое впечатление, что гладь моря повторяет волнами прихотливые удары дикого ветра.

Серый свет в северном окне погас, и на потолке тотчас включились желто-серые светильники, но это был уже не тот свет, совсем не тот!

Шиана сделала шаг назад. Ближе, но еще не то. Она почти физически ощущала нужную форму, которая была готова родиться в ее душе. Но плаз отказался повторить форму. Одним ударом Шиана превратила почти готовую скульптуру в бесформенный ком.

Проклятие!

Она стянула с рук шейперы и бросила их на полку за постаментом. В западном окне виднелся рыжий отблеск позднего заката. Наступала полная темнота, и вместе с ней, подобно дневному свету, иссякал ее творческий порыв.

Шиана подошла к западному окну и увидела, как возвращаются поисковые команды. Посадочные огни были опорными пунктами, расставленными на пути движения дюн. Но… это были временные опорные пункты. По медленному полету орнитоптеров Шиана смогла понять, что и в этот раз не была найдена Пряность — признак присутствия песчаных червей, которые должны были расплодиться на месте привезенных с Арракиса песчаных форелей.

Я — пастух, приставленный к стаду червей, которые, может быть, никогда не придут.

Шиана вгляделась в темное отражение своего лица в оконном стекле. Было заметно, где испытание Пряностью оставило свой неизгладимый след. Смуглая тощая дочь Пустыни превратилась в строгую женщину. Правда, темные волосы упрямо росли на затылке, а в синих глазах застыло дикое выражение дочери Дюны. Это видели все окружающие. Вся проблема заключалась именно в этом, внешний вид делал Шиану уязвимой, она испытывала постоянный страх.

Было такое впечатление, что Миссия не закончила свою деятельность по формированию образа нашей *Шианы.*

Если появится гигантский песчаный червь,

то можно будет воскликнуть: «Шаи-Хулуд вернулся!» Защитная Миссия Бене Гессерит была готова выпустить ее, Шиану, на ничего не подозревающее человечество, готовое к новому религиозному обожанию. Миф стал реальностью… так же, как мог стать реальностью кусок плаза, будь у нее больше вдохновения и упорства.

Святая Шиана! Ей покорился сам Бог-Император! Смотрите, как подчиняется ей песчаный червь! Лето вернулся к нам!

Произведет ли это должное впечатление на Досточтимых Матрон? Вероятно, да. Они проявят показную покорность на службе Богу-Императору, которого сами называли Гульдуром.

Не похоже, что они смогут следовать «Святой Шиане», разве только в смысле эксплуатации ее сексуальной привлекательности. Шиана знала, что ее сексуальное поведение выглядело отвратительно даже в глазах Сестер Бене Гессерит, но это был протест против засилья Защитной Миссии, которая пыталась на нее давить. Оправдание, что она лишь оттачивала мастерство мужчин, подготовленных Дунканом Айдахо… было всего лишь пустым оправданием.

Беллонда подозревает ее в худшем.

Ментат Белл была вечной угрозой для Сестер, которые срывались с цепи. Именно по этой причине Беллонда до сих пор сохранила свое господствующее положение в Высшем Совете Общины Сестер.

Шиана отвернулась от окна и бросилась на лежанку, застеленную оранжевым, с янтарным оттенком, покрывалом. Прямо перед ней на стене красовалось изображение гигантского червя, нависшего над крошечной человеческой фигуркой.

Такими они были, и, может быть, их никогда больше не будет. Что я хотела сказать этим рисунком? Если бы я знала, то, вероятно, смогла бы слепить что-то путное из куска плаза.

Было очень опасно вести с Дунканом переговоры с помощью тайного языка жестов. Но были вещи, которых Сестры не знали. Пока.

Возможно, для обоих из нас существует способ бежать.

Но куда можно уйти? Вокруг простирается вселенная, занятая Досточтимыми Матронами и другими силами. Есть вселенная рассеянных миров и планет, населенных по большей части людьми, которые хотят одного — прожить жизнь в мире и покое, в некоторых местах они согласны встать под руку Бене Гессерит,

в других — ускользнуть от власти Досточтимых Матрон, но подавляющая часть людей хочет управлять собой самостоятельно — в меру своих сил и способностей. Их обуревала вечная мечта о народовластии, и эти последние представляли собой неизвестную величину во всех рассуждениях. Но всюду довлел урок, преподанный Досточтимыми Матронами! Мурбелла намекает на то, что Досточтимые Матроны есть не что иное, как крайнее выражение Говорящих Рыб и Преподобных Матерей. Демократия Говорящих Рыб выродилась в автократию Досточтимых Матрон. Эти намеки были столь многочисленны, что их было невозможно игнорировать. Но зачем они подчеркивают свои подсознательные порывы Тзондами, клеточным наведением и сексуальной изощренностью?

Где тот рынок, где будут востребованы наши таланты беглецов?

Эта вселенная перестала быть единой. Повсюду можно вычленить массу подводных течений, сплетающихся в паутину. Это была редкая сеть с большими ячейками, ее целостность держалась на старых компромиссах и временных соглашениях.

Одраде однажды сказала: «Это напоминает ста-

рое белье с потертыми краями и заштопанными дырками».

Не существовало более сети ОСПЧТ, которая связывала торговыми узами разные регионы Старой Империи. Теперь существовали куски и фрагменты, связанные самыми необременительными и непрочными связями. Люди относились к этой лоскутной Империи с недоверием и тосковали по добрым старым временам.

Какая вселенная примет нас просто как беженцев, а не как святую Шиану с супругом?

Нельзя, правда, сказать, что Дункан супруг. Таков был первоначальный план Бене Гессерит: «Связать Дункана и Шиану. Мы управляем им, а он управляет Шианой».

Мурбелла положила конец этим планам. *И это хорошо для нас обоих. Кому нужна сексуальная одержимость?* Но надо признать, что Шиану обуревали смутные чувства в отношении Дункана Айдахо. Тайные разговоры, прикосновения. Но что они скажут, когда придет Одраде со своими вопросами. Когда, а не если.

«Мы обсуждаем способы, которыми Мурбелла и Айдахо могут ускользнуть от вас, Верховная Мать. Мы обсуждаем альтернативные способы восстановления памяти Тега. Мы говорим

о нашем бунте против Бене Гессерит. Да, Дарви Одраде! Твои бывшие ученики замыслили мятеж против вас».

В отношении Мурбеллы Шиана тоже испытывала противоречивые чувства.

Она сумела приручить Дункана, а я, вероятно, потерпела неудачу.

Пленительная Досточтимая Матрона была чарующим опытом… и временами бывала занятной. Именно ее шуточное стихотворение висело на стене в столовой послушниц:

Эй, Бог, надеюсь, что ты здесь.
Услышь, прошу, мою молитву.
Тот идол, что на полке у окна –
Ты ль это, или я сама?
Но что б там ни было, храни
Меня, чтоб я на пальчиках стояла.
Храни от страшных заблуждений,
Ради меня и тебя самого, ведь хочешь,
Чтобы прокторы мои меня считали совершенством;
Небесным, ибо оно для неба то же,
Что для пшеничных булок дрожжи.
Что б ни случилось здесь из нас с лю-

бой,

Заботься о себе и обо мне… с тобой.

Было бы очень любопытно наблюдать сцену столкновения Одраде с Мурбеллой, записанную на видеокамеру. Голос Одраде непривычно резок и строг:

— Мурбелла, ты?

— Боюсь, что да. — Не слышно никакого раскаяния.

— Ты очень боишься? — Прежняя строгость.

— Почему бы и нет? — Довольно вызывающе.

— Ты шутишь по поводу Защитной Миссии! Не возражай. Таково было твое намерение.

— Это звучит чертовски претенциозно!

Обдумывая такой гипотетический спор, Шиана могла только посочувствовать. Бунт Мурбеллы был симптоматичен. До какой степени должно дойти брожение, чтобы стать заметным?

Я точно так же восставала против этой вечной дисциплины, «которая сделает тебя сильной, дитя мое».

Какой Мурбелла была в детстве? Какие силы, какое принуждение ее сформировали? Жизнь — это всегда реакция на принуждение и внешнее давление. Некоторые сдаются и легко

принимают требуемую форму: поры краснеют и отекают из-за избыточного наполнения. Бахус злобно наслаждается таким зрелищем. Вожделение запечатлевается на лицах таких людей. Преподобные Матери знают об этом феномене на основе многолетних наблюдений. *Нас формируют внешние воздействия вне зависимости от того, сопротивляемся мы им или нет.* Давление и формирование — вот что такое жизнь. *И своим тайным сопротивлением я только создаю новое давление.*

При нынешней степени бдительности Общины Сестер все переговоры с Дунканом выглядели просто потерей времени.

Шиана склонила голову и взглянула на бесформенный кусок плаза.

Но я не сдамся. Я сама определю, какова будет моя жизнь, и сама ее создам. Будь проклят этот Бене Гессерит!

Но при этом я потеряю уважение Сестер.

Было удивительно думать о том, какое сильное воздействие оказывало на членов Ордена взаимное уважение и потребность в нем. Они сохранили это взаимное уважение с глубокой древности и черпали в нем силы для восстановления своей сути, которая всегда требуется

человеческому существу в трудных ситуациях. Это чувство довлело над Сестрами и сегодня, вызывая у них чувство трепетного уважения.

Таким образом, поскольку ты — Преподобная Мать, то пусть это будет истинно.

Шиана понимала, что ей предстоит испытать эту древнюю догму до ее пределов, может быть, именно ей суждено поломать эту традицию. И придание формы куску плаза, формы, которой требовала ее собственная сущность, жаждавшая воплощения, было лишь одним элементом того, что надо было сделать. Назовите это мятежом, назовите это любым другим именем, но сила, проснувшаяся в груди Шианы, требовала выхода.

Когда вы пассивно ждете, что вам предложит жизнь, она просто проходит мимо. Иначе говоря: «Живите полной жизнью». Жизнь – это игра, правила которой можно изучить, только участвуя в ней и играя до конца. В противном случае вы не сможете сохранить равновесие и будете постоянно удивляться изменчивости судьбы. Сторонние наблюдатели постоянно жалуются, что удача обходит их стороной. Такие люди отказываются понять, что во многом они сами творцы своей удачи.

(Дарви Одраде)

— Ты видела последние видеозаписи Айдахо? — спросила Беллонда.

— Потом, потом! — Одраде сильно проголодалась и не смогла удержать раздражения, отвечая на упрямое приставание Белл.

В последние дни Верховная Мать испытывала жесточайший прессинг. Она всегда старалась исполнять свои обязанности, прибегая к широкому охвату явлений. Чем больший круг вещей ее интересовал, тем больше становилось поле зрения, а значит, и возможность добыть полезные данные. Разумом эти данные можно было очистить.

Суть. Вот что всегда интересовало Одраде. Суть. Погоня за ней была подобна охоте для насыщения нестерпимого голода.

Однако теперь все ее дни были как две капли воды похожи на сегодняшнее утро. Всем Сестрам была известна ее склонность лично вникать во все дела и совершать инспекционные поездки, но теперь Одраде проводила почти все время в стенах своего рабочего кабинета. Она должна находиться там, где ее всегда можно найти. Но не просто найти. Она должна иметь возможность немедленно скоординировать действия множества людей, а это было возможно только здесь.

Проклятие! Дела пойдут на лад. Я обязана это сделать!

Однако время тоже поджимало, и этот цейтнот становился катастрофическим.

— Мы катимся, словно по колее, мимо дней, взятых взаймы, — говорила по этому поводу Шиана.

Очень поэтично! Но поэзия мало помогает в прагматичных требованиях времени. Им надо рассредоточить как можно больше первичных ячеек Бене Гессерит, пока не опустился топор палача. Все остальное сейчас не важно. Сеть Бене Гессерит порвана и разлетается в направ-

лениях, неведомых Капитулу. Иногда Одраде казалось, что она отчетливо видит эти обрывки и осколки. Сестры улетали в своих кораблях-невидимках, унося с собой личинки песчаных форелей, традиции Ордена, учение и древнюю память. Но Община Сестер однажды уже поступила так — во времена Рассеяния, но ни одна из них не вернулась назад и не прислала весточки о себе. Вернулись только Досточтимые Матроны. Может быть, когда-то они были Преподобными Матерями, но сейчас они превратились в уродов, слепо стремящихся к коллективному самоубийству.

Станем ли мы когда-нибудь снова единым целым?

Одраде взглянула на стол, заваленный картами отбора. Кто уйдет, а кто останется? Нет времени на расслабление и долгое раздумье. Память ее покойной предшественницы Таразы говорила: «Я тебя предупреждала! Смотри, через что пришлось пройти мне!»

А ведь когда-то я спрашивала себя, есть ли конечная высшая цель и ее место.

Место, возможно, есть (так она учила послушниц), но нет времени.

Думая о населении, не принадлежащем Бене

Гессерит, об этом пассивном большинстве, Одраде часто завидовала ему. Они могли спокойно предаваться своим иллюзиям. Какое это удобство. Можно делать вид, что жизнь длится вечно, что завтра будет лучше, чем сегодня, что на небесах есть боги, которые заботятся о тебе.

Одраде отвлеклась от этих мыслей и содрогнулась от отвращения к себе. Лучше иметь незамутненный взгляд, чего бы ни стоила эта осведомленность.

— Я просмотрела записи, — ответила Одраде терпеливо ждущей Беллонде.

— У него очень интересные инстинкты, — произнесла Беллонда.

Одраде быстро обдумала эти слова. Потайные видеокамеры, расставленные в корабле-невидимке, отличались зоркостью, от них мало что можно было скрыть. Теоретические воззрения Совета на гхола Айдахо все больше переставали быть теорией, превращаясь в твердое убеждение. Сколько памяти от прошлых воплощений Дункана Айдахо сохранил в своем сознании этот гхола?

— Там очень беспокоится по поводу их детей, — продолжала Беллонда. — У них прорезаются опасные таланты?

Этого и следовало ожидать. Трое детей, которых Мурбелла родила от Айдахо, были отняты у матери при рождении. За их развитием велось тщательное наблюдение. Обладают ли они той потрясающей быстротой реакции, которой столь опасно отличались Досточтимые Матроны? Говорить об этом было пока рано. Такие вещи развиваются ближе к половому созреванию, во всяком случае, так говорит сама Мурбелла.

Пленница была возмущена и разгневана удалением детей, но сам Айдахо проявил удивительное равнодушие, и это казалось странным. Кто-то внушил ему более широкий взгляд на первоначальное творение? Это был взгляд, почти достигший высот Бене Гессерит.

— Еще одна программа скрещивания Бене Гессерит, — насмешливо заметил Дункан по этому поводу.

Одраде дала волю своим мыслям. Действительно ли Айдахо настолько проникся отношением Бене Гессерит к жизни? Община Сестер утверждала, что эмоциональная привязанность есть не что иное, как древний рудимент — когда-то он был важен для выживания человечества, но теперь он не нужен для выполнения планов Бене Гессерит.

Инстинкты.

Все завязано на яйце и семени. Это жизнь, и довольно громкая: «В тебе говорит биологический вид, болван!»

Любовь… отпрыски… вожделение… Эти подсознательные движущие силы принуждают к специфическому поведению. Как опасно вмешиваться в эту материю. Селекционные Куртизанки знали это, даже делая свое дело. Вопрос обсуждался в Совете, и периодически руководство требовало соблюдать крайнюю осторожность и думать о последствиях.

— Ты изучила записи. И это единственный ответ, который ты можешь мне дать? — Слишком смирно ведет себя эта толстуха.

Запись, которая так интересовала Беллонду, касалась разговора Айдахо с Мурбеллой. Гхола пытался выяснить, каким образом Досточтимые Матроны привязывают к себе мужчин. Его интересовала техника процесса. *Почему?* Его параллельные способности были заложены в наследственную память в бродильных чанах Тлейлаксу. Способности Айдахо были подсознательными, сродни инстинктам, но результат был неотличим от того, что делали Досточтимые Матроны — экстаз превосходил все мыслимые

границы, жертва теряла разум и становилась рабом источника поощрительного наслаждения.

Мурбелла не слишком распространялась в своих объяснениях, будучи раздосадованной тем, что Айдахо сумел поработить ее таким же способом, каким она привыкла порабощать других.

— Мурбелла замыкается в себе, когда Айдахо начинает спрашивать о мотивах, — сказала Белонда.

Да, я тоже это заметила.

— Я могла убить тебя, и ты это знаешь, — сказала Мурбелла своему любовнику.

Пленка зафиксировала их в постели. Сразу же после того, как они насытили свою взаимную зависимость. На обнаженной плоти блестел пот. Лоб Мурбеллы был прикрыт голубым полотенцем. Зеленые глаза смотрят прямо в объектив. Казалось, что она смотрит на наблюдателя. В радужках плясали оранжевые огоньки — признак гнева. Гнев проявлялся действием вещества, которым Досточтимые Матроны заменяли Пряность. Сейчас, правда, Мурбелла принимала меланжу без всяких побочных эффектов.

Рядом с женщиной лежал Айдахо, черные волосы составляли разительный контраст с белой подушкой, на которой покоилась его голова.

Буйная грива волос разметалась по белоснежной ткани, обрамляя лицо. Глаза были закрыты, но веки подрагивали. Он сильно исхудал. Айдахо недоедал, несмотря на то, что по приказу Одраде ему доставляли самую соблазнительную и изысканную пищу. Резко обозначились скулы. За годы заточения на корабле-невидимке лицо стало резким и угловатым.

Угроза Мурбеллы не была пустым звуком. Она действительно обладала необходимыми для убийства физическими способностями. Одраде знала это, но психологически это был неверный ход. *Убить своего возлюбленного? Нет, вряд ли.*

Похоже, Беллонда разделяла мнение Верховной Матери.

— Что она хотела показать, когда демонстрировала свои физические способности? Мы это уже видели.

— Она знает, что мы наблюдаем за ней.

Камера зафиксировала, как Мурбелла, пытаясь преодолеть охватившую ее после сношения слабость, постаралась выпрыгнуть из постели. Движения ее были заторможены, но тем не менее она двигалась с быстротой, недоступной Сестрам Бене Гессерит. Выбросив вперед ногу, она воле-

вым усилием остановила ее в дюйме от головы Айдахо.

При первом движении Мурбеллы Айдахо открыл глаза. Он смотрел на женщину без страха, не пытаясь увернуться от удара.

Какой удар. Она убила бы его, если бы довела до конца. Для устрашения такой каскад достаточно увидеть один раз в жизни. Мурбелла двигалась, не используя кору своего головного мозга. Она действовала как насекомое, используя комплекс фиксированных действий, запускаемый раздражением мышцы.

— Видишь! — произнесла Мурбелла, опустила ногу и вперила горящий взор в Айдахо.

Дункан улыбнулся.

Наблюдая эту сцену, Одраде вспомнила, что в распоряжении Бене Гессерит находится трое детей Мурбеллы, все девочки. Селекционные Куртизанки были очень взволнованы. Рожденная от них Преподобная Мать сможет обладать способностями Досточтимой Матроны.

На это у нас может просто не хватить времени.

Однако Одраде вполне разделяла волнение Селекционных Куртизанок. Какая скорость реакции! Добавьте сюда нервно-мышечные тре-

нировки и способности Сестер к прана-бинду. У Верховной Матери не было слов, чтобы описать то, что может получиться в результате.

— Она проделала это для нас, а не для него, — сказала Беллонда.

В этом Одраде не была уверена. Мурбелла была недовольна слежкой, но смирилась с ней и привыкла к камерам соглядатаев. Во многих ее действиях чувствовалось полное пренебрежение к факту наблюдения и равнодушие к людям, которые следили за ней. Дальше на пленке запечатлелось, как Мурбелла возвращается в постель к Айдахо.

— Я ограничила доступ к этой записи, — сказала Беллонда. — У некоторых послушниц появились проблемы после просмотра.

Одраде одобрительно кивнула. *Сексуальное пристрастие.* Эта сторона активности Досточтимых Матрон вызывала ропот и волнение в Бене Гессерит, особенно среди послушниц. Да, такие записи впечатляют. Кроме того, большинство Сестер в Капитуле знало, что Преподобная Мать Шиана практикует такую технику, несмотря на всеобщий страх того, что она может ослабить душу и тело.

Мы не должны превратиться в Досточтимых

Матрон, не уставала повторять Белл. *Но у нас есть контролирующий фактор — Шиана. Она кое-чему научила нас относительно Мурбеллы.*

Однажды Одраде явилась на корабль-невидимку, когда Мурбелла была одна и пребывала в расслабленном состоянии. Верховная Мать задала ей прямой вопрос:

— До того как появился Айдахо, неужели вы не пытались ни с кем соединиться «только для радости»?

В ответ Мурбелла выпрямилась в гордом негодовании.

— Он взял меня по чистой случайности!

Тот же гнев звучал в ее ответах на вопросы Айдахо. Вспомнив это, Одраде склонилась над столом и снова прокрутила запись.

— Посмотри, как она злится, — сказала Беллонда. — Чтобы преодолеть ее негативизм, надо прибегнуть к гипнотрансу. Ставлю свою репутацию.

— Все выплывет наружу во время испытания Пряностью, — возразила Одраде.

— Если она когда-нибудь согласится на нее!

— Гипнотранс — это наша самая сокровенная тайна.

Беллонда задумалась над очевидным намеком.

Ни одна из Сестер, посланных в Первое Рассеяние, не вернулась назад.

Вывод напрашивался сам собой: «Неужели отщепенцы из Бене Гессерит сотворили Досточтимых Матрон?» Многое говорило в пользу такого заключения. Но почему они прибегли именно к сексуальному порабощению мужчин? Исторические ссылки Мурбеллы были детским лепетом, и к ним нельзя было относиться всерьез. Все в деятельности Досточтимых Матрон противоречило основам учения Бене Гессерит.

— Это надо выяснить, — настаивала Беллонда. — Та малость, которую мы знаем, очень тревожит меня.

Одраде разделяла эти опасения. Насколько соблазнительна такая способность? Очень велика. Послушницы признавались, что им очень хочется стать Досточтимыми Матронами. Тревога Беллонды была вполне обоснованной.

Стоит только создать или разбудить эти неуправляемые силы, как вы тут же получите плотские фантазии небывалой сложности. Пользуясь этими необузданными желаниями и дикими фантазиями, можно повести за собой массы.

Досточтимые Матроны осмелились воспользо-

ваться страшной силой. Если все узнают, что они нашли ключ к ослепительному экстазу, — можно считать, что они наполовину выиграли битву. Простой намек на то, что такой ключ существует, — это уже почти поражение. Люди уровня Мурбеллы в этой Общине Сестер могут и не понимать всех последствий, но руководители... Неужели возможно, что они пользуются этой силой, не заботясь о последствиях или не подозревая о подводных камнях? *Если это так, то каким образом наши Сестры, посланные в Рассеяние, соблазнились этим тупиком?*

Несколько ранее Беллонда предложила свою гипотезу.

Когда-то во время первого Рассеяния Досточтимая Матрона захватила в плен Преподобную Мать, и между ними состоялся следующий разговор:

— Добро пожаловать, Преподобная Мать. Мы хотим, чтобы вы стали свидетельницей небольшой демонстрации нашего могущества.

Последовала интерлюдия сексуальной демонстрации с последующим показом скорости физических рефлексов Досточтимых Матрон. После этого из организма Преподобной Матери была удалена Пряность и введено средство

на основе адреналина в сочетании с гипнотиком. В состоянии гипнотического транса Преподобная Мать получила сексуальный импринтинг.

Такое дополнение к абстинентному синдрому после отмены меланжи (как предположила Белл) могло заставить жертву забыть о своем предназначении.

Помоги нам, судьба! Неужели Досточтимые Матроны раньше были Преподобными Матерями? Надо ли нам проверить эту гипотезу на нас самих? Что мы можем узнать, анализируя поведение пары на корабле-невидимке?

Под неусыпным наблюдением Сестер находились два бесценных источника информации, но ключ к их поведению только предстояло найти.

Женщина и мужчина здесь не только партнеры для размножения. Ставки все время растут.

В записи, которая прокручивалась на столе Верховной Матери, прозвучали слова Мурбеллы, привлекшие пристальное внимание Одраде.

— Мы, Досточтимые Матроны, сделали это для себя! Нам некого обвинять.

— Ты слышишь? — спросила Беллонда.

Одраде нетерпеливо тряхнула головой, приказав Беллонде не мешать ей.

— Ты не можешь сказать то же самое обо мне, — возразил Айдахо.

— Это пустое извинение, — обвиняющим тоном заговорила Мурбелла. — Ты был запрограммирован тлейлаксианцами так, чтобы заманить в западню первого сексуального импринтера!

— И убить ее, — поправил подругу Айдахо. — Таково было их намерение.

— Но ты даже не пытался меня убить. Не то что у тебя это получилось бы.

— Когда… — Айдахо осекся, выразительно взглянув на глазок камеры.

— Что он собирался сказать? — крикнула Беллонда. — Мы обязательно должны это выяснить!

Одраде, не обращая внимания на волнение Беллонды, продолжала свое молчаливое наблюдение. Мурбелла демонстрировала удивительную проницательность.

— Ты воображаешь, что поймал меня благодаря случайности, для которой ты вовсе не предназначался?

— Точно так.

— Но я вижу, что в тебе есть что-то такое, что принимает все это! Ты не согласился со своим создателем. Ты дошел до грани своих возможностей.

Взгляд Айдахо затуманился. Он откинул голову, растянув грудные мышцы.

— Это выражение ментата, — обвиняюще крикнула Беллонда.

Все аналитики Одраде утверждали это в один голос, но им еще предстояло получить у самого Айдахо признание того, что он — ментат. Если он действительно ментат, то почему он этого не знает?

От него утаили эту информацию, потому что наделили иными способностями. Он боится нас и имеет на это полное право.

Мурбелла насмешливо заговорила:

— Ты импровизировал, решив улучшить то, что сделали с тобой тлейлаксианцы. В тебе было что-то такое, что не вызывало никаких претензий.

— Так она пытается справиться с чувством собственной вины, — сказала Беллонда. — Она должна верить, что это правда, что Айдахо просто поймал ее в ловушку.

Одраде поджала губы. На столе появилось следующее изображение. Айдахо выглядел удивленным.

— Вероятно, это касается нас обоих.

— Ты не можешь обвинять Тлейлаксу, а я не мо-

гу винить Досточтимых Матрон.

Вошла Тамалейн и опустилась в свое излюбленное кресло-собаку.

— Я вижу, что эта запись заинтересовала и тебя, — сказала Тамалейн, ткнув пальцем в поверхность стола.

Одраде выключила проектор.

— Я инспектировала наши чаны с аксолотлями, — продолжала Тамалейн. — Этот проклятый Сциталь утаил от нас жизненно важную информацию.

— Но наш первый гхола безупречен, не правда ли? — спросила Беллонда.

— Наши доктора Сукк не находят у него никаких отклонений.

Одраде заговорила примиряющим тоном:

— Сциталь должен получить свою часть прибыли от сделки.

Обе стороны, участвовавшие в ней, сохраняли некоторые иллюзии: Сциталь платил Бене Гессерит за спасение от Досточтимых Матрон в убежище Капитула. Но каждая Преподобная Мать знала, что поступки последнего Мастера Тлейлаксу диктовались некоторыми неизвестными им обстоятельствами.

Умен, умен этот Бене Тлейлаксу. Он гораздо

умнее, чем мы могли подозревать. Они надули нас со своими чанами с аксолотлями. Само слово «чан» уже было обманом. Нам нарисовали чан, как емкость с текучей амниотической жидкостью, средоточие сложной техники, где дублируется (с помощью контролируемых и управляемых условий) работа материнского чрева. Да, конечно, это чан, но полюбуйтесь на его содержимое!

Решение Тлейлаксу было прямолинейным: использовать оригинал! Природа создавала и усовершенствовала его в течение миллионов лет. Все, что надо было сделать Бене Тлейлаксу, — это добавить контролирующую систему, направить по нужному пути репликацию информации, хранящейся в клетке.

— Язык Бога, — говорил о генетическом коде Сциталь. *Лучше было бы назвать его языком шайтана.*

Обратная связь. Клетка направляет работу материнского чрева. Этим на протяжении эпох занималась каждая оплодотворенная клетка. Тлейлаксианцы просто очистили этот процесс.

Одраде не смогла удержать глубокий вздох, который не укрылся от острых взглядов ее собеседниц. *У Верховной Матери снова неприятности?*

Меня тревожат откровения Сциталя. И что сделали с нами эти откровения. О, как мы уклонялись от «снижения стандартов». Конечно, это обычная рационализация. И мы прекрасно знали, что это рационализация. «Если нет другого пути. Если это способ производить гхола, в которых мы так отчаянно нуждаемся. Вероятно, мы сможем найти добровольцев». Были найдены! Добровольцы!

— Ты витаешь в облаках! — проворчала Тамалейн. Она посмотрела на Беллонду, хотела что-то добавить, но передумала.

Лицо Беллонды стало мягким и вкрадчивым, что часто сопутствовало самому плохому настроению. Голос превратился в какой-то гортанный шепот.

— Я настаиваю, чтобы мы ликвидировали Айдахо. Что же касается этого тлейлаксианского чудовища…

— Почему ты, делая такое предложение, прибегаешь к эвфемизмам? — резко спросила Тамалейн, перебивая Беллонду.

— Да, его надо убить, если вы уж так хотите это услышать! А тлейлаксианца необходимо склонить к тому убеждению, которое мы…

— Замолчите, вы обе, — приказала Одраде.

Она на секунду прижала ко лбу ладони, потом посмотрела в сводчатое окно. На улице шел ледяной дождь. Управление Погоды работало со все большими сбоями, и его нельзя было за это винить. Но нет на свете вещи, которую люди ненавидели бы больше, чем непредсказуемость. *«Мы хотим, чтобы все было естественно!» Что бы это ни означало.*

Когда в голову Верховной Матери приходили подобные мысли, она страстно желала ограничить свое существование приятным ей порядком. Редкими прогулками по саду, например. Она наслаждалась этими прогулками в любое время года. Спокойный вечер с друзьями, умный разговор или даже спор с людьми, к которым испытываешь теплые чувства. *Привязанность?* Да. Верховная Мать смеет многое, даже пользоваться любовью друзей. А также выбирать хорошую еду и питье с отменным вкусом. Этого она тоже хотела. Как приятно играть своим вкусом. А потом… да, потом можно разделить ложе с другом, который всецело отдает себя тебе, так же, как ты отдаешь себя ему.

Все это почти невозможно, конечно. Ответственность! Какое это могучее слово, и сколько в нем жгучей горечи.

— Что-то я проголодалась, — заявила Одраде. — Не заказать ли нам обед?

Беллонда и Тамалейн во все глаза уставились на нее.

— Но сейчас только половина двенадцатого, — укоризненно проговорила Тамалейн.

— Да или нет? — стояла на своем Одраде.

Беллонда и Тамалейн обменялись понимающими взглядами.

— Как хочешь, — сдалась Беллонда.

Одраде знала, что среди Сестер Бене Гессерит ходит поговорка, что дела в Общине идут намного лучше, когда удовлетворен аппетит Верховной Матери. Обе советницы решили просто уравновесить чаши весов.

Одраде нажала кнопку селекторной связи.

— Обед на троих, Дуана. Что-нибудь особенное по твоему вкусу.

Обед состоял из любимого блюда Одраде — запеченной телятины. Дуана украсила блюда зеленью, добавила к телятине немного розмарина. Овощи были не пережарены. Превосходное кушанье.

Одраде наслаждалась каждым кусочком. Ее гостьи ели совершенно машинально.

Может быть, в этом причина того, что я —

Верховная Мать, а они — нет?

Когда послушница убрала остатки обеда, Одраде вернулась к своей излюбленной теме: что болтают во дворце и каково настроение среди послушниц Капитула.

Она вспомнила дни своего послушания, как жадно прислушивалась к разговорам старших женщин, ожидая услышать что-то очень важное, но единственное, что можно было узнать, — это нечто о Сестре такой-то и о том, какие проблемы у проктора такого-то. Иногда, правда, барьеры падали и старшие выдавали очень полезную и важную информацию.

— Очень многие послушницы болтают, что хотели бы уйти в Рассеяние, — прохрипела Тамалейн. — Крысы бегут с тонущего корабля.

— Многие проявляют большой интерес к Архиву, — заговорила Беллонда. — Сестры, которые лучше других разбираются в ситуации, хотят узнать, насколько много в них генов Сионы.

Одраде показался интересным этот факт. Их общий предок времен Тирана, Сиона ибн Фуад аль-Сейефа Атрейдес, передала своим потомкам способность быть недоступными для ищеек, обладающих предзнанием. Каждый человек, который открыто перемещался по Капитулу,

обладал этой врожденной защитой.

— Ищут явные признаки? — спросила Одраде. — Они что, сомневаются, что защищены все, кому угрожает опасность?

— Они хотят лишний раз в этом убедиться, — прорычала Беллонда. — А теперь я хотела бы вернуться к Айдахо, можно? У него есть генетический маркер, но одновременно его как будто и нет. Это очень тревожит меня. Почему в некоторых его клетках нет генов Сионы? Что сделали с ним тлейлаксианцы?

— Дункан сознает опасность и не склонен к самоубийству, — заметила Одраде.

— Мы не знаем, кто он такой, — возразила Беллонда.

— Вероятно, он ментат, а мы все знаем, что это значит, — сказала Тамалейн.

— Я понимаю, зачем мы сохранили жизнь Мурбелле, — продолжала Беллонда. — Она — важный источник информации. Но Айдахо и Сциталь…

— Хватит! — рявкнула Одраде. — Мне кажется, что собаки-шпионы слишком долго лают.

Беллонда восприняла этот выкрик с недовольным видом. *Собаки-шпионы.* Так в Бене Гессерит называли постоянное слежение за поведением Сестер, чтобы не допустить их падения.

Это было большое испытание для послушниц, но для Преподобных Матерей давно превратилось в привычную часть жизни.

Однажды Одраде объяснила это Мурбелле, когда они наедине, с глазу на глаз, находились в переговорном помещении корабля-невидимки. Они стояли тогда близко друг к другу, не отводя взглядов. Обстановка была неформальная и интимная, если не считать, конечно, вечных глазков видеокамер.

— Собаки-шпионы, — сказала Одраде, отвечая на вопрос Мурбеллы. — Это означает, что мы оводы по отношению друг к другу. Не делай из мухи слона. Мы редко придираемся к чему бы то ни было. Достаточно бывает одного слова.

Широко расставленные зеленые глаза Мурбеллы напряженно вглядывались в лицо Одраде. Она ждала разъяснения. Что это за слово, которым ограничиваются в Бене Гессерит?

— Какого слова?

— Любого слова, черт возьми! Какое подходит к случаю. Это похоже на обоюдный рефлекс. Мы разделяем общий такт, который не раздражает нас. Мы рады, что у нас есть это общее, потому что оно поддерживает нас в форме.

— И вы приставите ко мне такую собаку, если я

стану Преподобной Матерью?

— Мы искренне хотим, чтобы у нас были такие собаки. Без них мы станем слабее.

— Это звучит подавляюще.

— Мы так не считаем.

— А мне это кажется отвратительным. — Она взглянула на сверкающие линзы объективов, вделанные в потолок. — Так же, как и эти видеокамеры.

— Мы заботимся о себе, Мурбелла. Коли ты принадлежишь к Бене Гессерит, будь готова к тому, что тебя будут вести и поддерживать.

— Удобная ниша, — насмешливо отозвалась Мурбелла.

Одраде постаралась придать своему голосу всю возможную мягкость.

— Это совсем не то, что ты думаешь. Всю твою жизнь тебя преследуют вызовы. Ты платишь Общине Сестер ровно в меру своих возможностей.

— Собаки-шпионы!

— Мы всегда думаем друг о друге. Некоторые из нас, особенно те, кто принадлежит к руководству, иногда бывают авторитарны, даже грубы, но это поведение диктуется потребностями момента.

— Никогда не допускается теплое отношение

или нежность, да?

— Таковы правила.

— Привязанность, быть может, если уж не любовь?

— Я уже рассказывала тебе о правиле. — Одраде ясно читала реакцию на лице Мурбеллы: *«Вот оно что! Они потребуют, чтобы я отказалась от Дункана!»*

— Итак, среди Сестер Бене Гессерит не бывает любви. — Как грустно прозвучали эти слова. До сих пор Мурбелла еще надеялась.

— Любовь иногда случается, — сказала Одраде, — но мои Сестры расценивают это как отклонение.

— Значит, то, что я чувствую по отношению к Дункану, не более чем отклонение?

— Да, и Сестры постараются вылечить тебя.

— Вылечить? Заняться со мной корригирующей терапией для пораженных!

— Любовь считается здесь признаком разложения.

— Сейчас я вижу признаки разложения на вас!

Словно читая мысли Одраде, Беллонда вывела Верховную из задумчивости.

— Эта Досточтимая Матрона никогда не станет одной из нас! — Беллонда яростно стряхнула

крошку с губ. — Мы теряем время, стараясь привить ей наше учение.

По крайней мере Белл не употребила слово «шлюха», подумала Одраде. *Это уже прогресс.*

Все правительства страдают от одной и той же неразрешимой проблемы: власть притягивает к себе патологических личностей. Не то чтобы власть разлагает, нет, но она притягивает, словно магнит, людей, уже склонных к разложению. Такие люди имеют тенденцию упиваться насилием, и это состояние быстро вызывает у них болезненное пристрастие.

(Защитная Миссия)

Ребекка, склонив колени на желтые плиты пола, как ей приказали, опустив голову, не осмеливалась взглянуть на сидевшую в недосягаемой вышине столь опасную Великую Досточтимую Матрону. Почти два часа ждет Ребекка своей участи здесь, посреди огромного зала, пока Великая Досточтимая Матрона и ее окружение наслаждаются обедом, сервированным подобострастными слугами. Ребекка внимательно следила за ними и старательно подражала манере их поведения.

Глазницы болели от пересадки, которую сделал ей Раввин меньше месяца назад. Новые глаза имели нормальный вид — то есть синюю радужку и белые склеры. Не осталось никаких намеков на то, что в прошлом эта женщина прошла через

испытание Пряностью. Эта мера была временной — не пройдет и года, как белки окрасятся в синий цвет.

Однако боль в глазах была сущим пустяком по сравнению со всем остальным. Органический имплантат постоянно снабжал ее организм меланжей, поддерживая зависимость. Запас Пряности рассчитан на шестьдесят дней, если Досточтимые Матроны продержат ее здесь дольше, то разовьется такой делирий, по сравнению с которым боль в глазах покажется наслаждением. Но самое опасное — это шир, который поступает в ее организм вместе с Пряностью. Если эти дамы обнаружат его, то их подозрения возрастут в геометрической прогрессии.

Ты все делаешь правильно. Храни терпение. Так говорил ей голос Другой Памяти, похоже, этот голос принадлежал кому-то из общины Лампадас. Может быть, это говорила Луцилла, но полной уверенности у Ребекки не было.

Этот голос стал знакомым в течение месяца после Посвящения в Память. Голос называл себя «Вещателем твоего мохалата». *Эти шлюхи не могут проникнуть в суть нашего знания. Помни об этом и будь мужественной.*

Присутствие других людей в сознании ни-

сколько не отвлекало Ребекку от внимательного наблюдения за тем, что происходило вокруг. Это ощущение наполняло ее благоговением. *Мы называем это симультоком,* подсказал ей Вещатель. *Этот одновременный поток расширяет сознание.* Когда она попыталась объяснить это Раввину, он пришел в ярость.

— Ты запятнала себя нечестивыми мыслями!

В тот момент они находились в кабинете Раввина. Был поздний вечер. «Наш удел — красть часы у дня», — говаривал по этому поводу Раввин. Кабинет располагался глубоко под землей, стены его были уставлены старинными книгами, плитами ридулианской бумаги и древними свитками. От внешних зондов помещение было защищено хитроумными иксианскими приспособлениями. Люди Раввина внесли в эти приспособления необходимые изменения для улучшения конструкции.

Ребекке было разрешено сидеть рядом с Раввином возле его стола, в то время как он сам сидел в кресле, откинувшись на его спинку. Плавающий светильник озарял древним желтым светом бородатое лицо, отблескивал от очков, которые были почти символом занимаемого Раввином поста.

Ребекка притворилась растерянной.

— Но вы сами сказали, что от нас требуется спасти это сокровище с Лампадас. Разве Бене Гессерит не относились к нам с подобающим уважением?

Она уловила беспокойство в его глазах.

— Ты не слышала, что говорил Леви о допросах, которые проводят здесь? Зачем сюда пожаловали ведьмы из Бене Гессерит? Вот о чем нас спрашивают.

— Наша версия вполне правдоподобна и последовательна, — запротестовала Ребекка. — Сестры научили нас способу обмануть Вещающего Истину.

— Не знаю… не знаю. — Раввин грустно покачал головой. — Что есть ложь? Что есть истина? Не выносим ли мы себе приговор своими собственными устами?

— Мы противостоим погрому, Равви! — обычно эти слова придавали Раввину твердость.

— Казаки! Да, ты права, дочь моя. В каждую эпоху существуют казаки, которые врываются в местечки со своими нагайками и шашками и с жаждой убийства в сердцах.

Странно, подумала Ребекка, *но он умеет создать такое впечатление, словно эти погромы*

были только вчера и он видел их своими глазами. Ничего не прощать и ничего не забывать. Лидиш был вчера. Какую силу имело это воспоминание в сердцах сынов Тайного Израиля! Погром! Это понятие так же долговечно, как и учение Бене Гессерит, которое она носит в своем сознании. Всегда. *Это и было тем, чему всегда сопротивлялся Раввин,* сказала себе Ребекка.

— Боюсь, что ты отложилась от нас, — сказал Раввин. — Что я тебе сделал? Что я сделал? И все во имя чести.

Он взглянул на оборудование, расположенное в кабинете. Аппаратура сигнализировала о работе ветряных двигателей, которые давали энергию для утренних нужд, которую можно было запасать с помощью машин, подаренных Общиной Сестер. Свобода от Икса. Независимость. Какое это все же особенное слово.

Не глядя на Ребекку, он продолжал:

— Я нахожу этот предмет — Чужую Память — очень трудным. Память должна нести с собой мудрость, но она не делает этого. Самое главное — это привести память в порядок и знать, куда следует приложить свои знания.

Он повернул голову и посмотрел на женщину. Тень упала на его лицо.

— Кто этот человек внутри тебя, о котором ты говоришь? Тот, о ком ты думаешь, что это Луцилла?

Ребекка видела, что Раввину доставляет удовольствие произносить это имя. Если Луцилла могла говорить посредством дочери Тайного Израиля, то, значит, ее еще не предали и она еще жива.

Опустив глаза, Ребекка заговорила:

— Она утверждает, что это внутренние образы, звуки и ощущения, которые являются по требованию или вторгаются в сознание по необходимости.

— Да, вот именно, по необходимости! Но что это, как не сигналы чувств, идущие от плоти, которая, возможно, была там, где ты не должна была быть и делала непотребные вещи?

Другие люди, Другая Память, подумала Ребекка. Испытав это, она понимала, что никогда по доброй воле не откажется от такого дара. *Наверное, я и правда стала Сестрой Бене Гессерит. Именно этого он больше всего, конечно, и опасается.*

— Вот что я тебе скажу, — заговорил после недолгого молчания Раввин. — Это жестокое рассечение живого сознания, как они это называют, все это ничто, до тех пор, пока ты не поймешь,

как принимать решения, нити которых связывают тебя с чужими жизнями.

— Видеть отражения собственных поступков в реакциях других людей, именно так расценивают Сестры свой дар.

— Это мудрость. Так что говорит твоя леди по поводу того, к чему они стремятся?

— Они хотят повлиять на созревание человечества.

— М-м-м. И она находит, что события не находятся вне ее влияния, просто не все из этих событий доступны ее чувствам. Это почти мудро. Но созревание… ах, Ребекка. Разве дано нам вмешиваться в планы Всевышнего? Разве право человека ставить границы природе Яхве? Думаю, что Лето Второй понимал это. А леди, которая поселилась внутри тебя, отрицает эту очевидную вещь.

— Она говорит, что он был ужасным тираном.

— Да, был, но и до него были мудрые тираны, и сколько их будет после нас!

— Они называют его Шайтаном.

— Он обладал силой сатаны. Я вполне разделяю их страхи по этому поводу. Он не столько обладал предзнанием, сколько умел цементировать. Он закрепил форму того, что видел и понимал.

— Это говорит и леди. Она утверждает, что то, что он сохранил, — это их чаша Святого Грааля.

— И опять я могу сказать, что это почти мудро.

Раввин глубоко вздохнул и взглянул на приборы. *Энергия на завтра.*

Он снова обратил внимание на Ребекку. Она изменилась. Этого нельзя было не заметить. Она стала похожа на Сестру Бене Гессерит, и это было вполне объяснимо. Ее сознание было переполнено людьми с Лампадас. *Но те люди не были гадаринскими свиньями, которых надо утопить в море. Да и я не Иисус,* подумал Раввин.

— Те вещи, которые они рассказали тебе о Верховной Матери Одраде — о том, что она часто ругает своих собственных архивариусов и Архив… Подумаешь! Разве Архив — это не то же самое, что наши священные книги, в которых мы храним нашу мудрость?

— Значит, вы считаете, что я — архивариус, Равви?

Вопрос смутил его, но одновременно высветил проблему. Он улыбнулся.

— Вот что я скажу тебе, дочь моя. Пожалуй, я немного сочувствую этой Одраде. Архивариусы — такие ворчуны.

— Это не проявление мудрости, Равви?

Как застенчиво прозвучал этот вопрос в устах Ребекки!

— Поверь мне, что это так и есть, дочь моя. Как тщательно настоящий архивариус подавляет в себе всякий, самый легкий намек на предубеждение. Слово есть слово, за одним словом всегда следует другое. Какая надменность!

— Но как судить о том, какое именно слово самое верное, Равви?

— Ах, ну вот и к тебе явилось немного мудрости, дочь моя. Но Сестры Бене Гессерит не достигли мудрости, и мешает им их чаша Грааля.

По выражению лица Раввина Ребекка поняла, что он пытается посеять сомнение в ценности обитающих в ее сознании жизней.

— Позволь мне кое-что сказать тебе по поводу Бене Гессерит, — сказал он и вдруг понял, что ему нечего сказать. Не было слов, не было мудрого совета. Такого не случалось с ним ни разу за многие годы. Оставалось только одно — говорить то, что подскажет сердце.

— Возможно, они слишком долго шли к Дамаску, но на пути им не случилось увидеть ослепительную вспышку озаряющего света, Ребекка. Я слышал, как они говорят, что действуют во имя человечества. Но я не вижу в них этого

стремления, и, как мне кажется, его не видел и Тиран.

Ребекка хотела заговорить, но он остановил ее движением руки.

— Созревание человечества? Это их святая цель? Разве человечество — это плод, который надо сорвать спелым, чтобы съесть?

Сейчас, преклонив колени на полу зала Совета, Ребекка вспомнила эти слова, которые воплотились в реальность, и не в чужих жизнях, а в действиях тех, кто пленил ее.

Великая Досточтимая Матрона закончила трапезу и вытерла руки о платье служанки.

— Пусть она приблизится, — приказала Великая Досточтимая Матрона.

Боль пронзила левое плечо Ребекки, и она поползла вперед, не вставая с колен. Некая Матрона по имени Логно подкралась к ней, словно опытный охотник к жертве, и вонзила в плоть пленницы острие кинжала.

Под сводами зала раздался смех.

Ребекка с трудом поднялась на ноги и, подгоняемая острым жалом в руке Логно, шатаясь, подошла к ступеням, которые вели к трону Великой Досточтимой Матроны.

— На колени! — скомандовала Логно, подкре-

пив свои слова новым уколом.

Ребекка упала на колени, опустив взор на начало лестницы. Желтые плитки были покрыты сетью тонких трещин. Этот изъян, как ни странно, успокоил Ребекку.

Великая Досточтимая Матрона заговорила:

— Оставь ее, Логно. Мне нужны внятные ответы, а не крики. — Потом она обратилась к пленнице: — Посмотри на меня, женщина!

Ребекка подняла глаза и посмотрела в лицо смерти. Какая угроза на этом ничем не примечательном лице. Какие простые черты у этого лица. Какая хрупкая фигурка. Все это усилило чувство опасности, которое испытывала Ребекка. Какой силой должна была обладать эта маленькая тщедушная женщина, чтобы управлять такими ужасными людьми.

— Ведомо ли тебе, почему ты здесь? — требовательно спросила Великая Досточтимая Матрона.

Ребекка заговорила как можно более смиренным тоном:

— Мне сказали, о Великая Досточтимая Матрона, что вы пожелали, чтобы я поделилась с вами знаниями о Вещании Истины и других деяниях Гамму.

— Ты была подругой Вещающего Истину! —

Это был не вопрос, а обвинение.

— Он мертв, Великая Досточтимая Матрона.

— Отставить, Логно! — Этот приказ касался фрейлины, которая снова двинулась к Ребекке со своим жалом. — Эта старуха не знает наших порядков. Стань в стороне, чтобы не раздражать меня своей злобой. Ты будешь говорить только тогда, когда я спрошу тебя или прямо прикажу говорить, старая развалина. Тебе все ясно? — Эти слова уже относились к Ребекке.

Ребекка съежилась.

Вещатель прошептал ей в ухо: «Это почти Голос. Будь начеку».

— Знала ли ты когда-нибудь тех, кто называет себя членами Бене Гессерит? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

Сразу быка за рога!

— Каждый встречался с этими ведьмами, Великая Досточтимая Матрона.

— Что ты знаешь о них?

Так вот зачем они привезли меня сюда.

— Только то, что слышала о них, Великая Досточтимая Матрона.

— Они храбры?

— Говорят, что они всегда стараются избежать риска, Великая Досточтимая Матрона.

Ты достойна нас, Ребекка. Ты верно раскусила замыслы этих шлюх. Шарик катится по наклонной плоскости в нужном направлении. Они думают, что ты не любишь нас.

— Эти Бене Гессерит богаты? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

— Думаю, что по сравнению с вами они бедны, Великая Досточтимая Матрона.

— Зачем ты так говоришь? Не старайся мне угодить!

— Но Досточтимая Матрона, разве ведьмы смогли бы послать большой корабль, чтобы только привезти меня с Гамму? И где теперь эти ведьмы? Они прячутся от вас.

— Да, но где они? — спросила Досточтимая Матрона.

В ответ Ребекка только пожала плечами.

— Была ли ты на Гамму в то время, когда от нас бежал тот, кого называют башаром?

Она знает, что была.

— Да, я была там, Великая Досточтимая Матрона, и слышала всякие россказни на эту тему. Я не верю им.

— Верь в то, во что велим верить мы, старая карга! Что за россказни ты слышала?

— Я слышала, что он бежал с такой скоростью,

что за ним невозможно было угнаться даже взглядом. Что он убил много… людей одним движением руки. Что он похитил корабль-невидимку и бежал в Рассеяние.

— Верь, что он бежал, старая кляча.

Смотри, как она боится. Она даже не может скрыть дрожь.

— Расскажи мне о Вещании Истины, — приказала Великая Досточтимая Матрона.

— Великая Досточтимая Матрона, я не понимаю Вещания Истины. Я знаю только слова Шоэля, моего мужа. Я могу повторить его слова, если вы желаете этого.

Великая Досточтимая Матрона посмотрела по сторонам, обдумывая ответ. Скользнув глазами по своим помощницам и советницам, она увидела, что тех одолевает неимоверная скука. *Почему она не прикажет просто убить эту старую калошу?*

Ребекка, увидев оранжевые огоньки жестокости и желания проявить насилие в глазах Матроны, внутренне содрогнулась. Она вспомнила о своем муже, о его имени, которым называла его в минуты нежности, Шоэль, и это успокоило ее. «Истинный талант» пробудился в нем, когда он был еще ребенком. Некоторые называли это

инстинктом, но сам Шоэль никогда не употреблял этого слова. «Доверяй своему внутреннему голосу чувств. Так всегда говорили мне мои учителя».

Эти простые земные слова часто повергали в изумление тех, кто приходил к Шоэлю в поисках «эзотерических тайн».

«В этом нет никакой тайны, — говорил им Шоэль. — Это учение и тяжкий труд, как и во всякой работе. Надо упражнять то, что называют «малым восприятием», способность улавливать мельчайшие нюансы человеческих реакций».

Ребекка хорошо чувствовала эти нюансы во взглядах тех, кто смотрел на нее. *Они хотят моей смерти. Почему?*

Вещатель прошептал совет: *Великие мира сего любят показывать свою власть над другими. Она не сделает того, чего хотят все остальные. Чего они хотят по ее мысли.*

— Великая Досточтимая Матрона, — заговорила Ребекка, — вы так богаты и могущественны. Несомненно, у вас есть место для служанки, и я могла бы служить вам.

— Ты хочешь поступить мне в услужение?

Какой у нее звериный оскал!

— Я была бы счастлива, Великая Досточтимая

Матрона.

— Я здесь не для того, чтобы сделать тебя счастливой.

Логно выступила вперед.

— Тогда доставьте удовольствие нам, дама. Позвольте нам немного позабавиться с…

— Молчать!

Ах, какая это была ошибка называть ее так фамильярно в присутствии посторонних.

Логно отступила в тень, едва не уронив свое жало.

Великая Досточтимая Матрона уставилась на Ребекку. Глаза ее полностью окрасились в оранжевый цвет.

— Ты вернешься к своему жалкому существованию на Гамму, старая карга. Я не стану убивать тебя. Это милость. Ты увидела, что мы можем дать тебе, но ты проживешь всю жизнь, лишенная этого.

— Великая Досточтимая Матрона, — запротестовала Логно. — У нас есть подозрения относительно этой старухи…

— У меня появляются подозрения относительно тебя, Логно. Отошли ее назад, и отошли живой! Слышишь? Ты что, думаешь, что мы будем не в состоянии найти ее, если она нам

понадобится?

— Нет, Великая Досточтимая Матрона.

— Мы будем следить за тобой, старая карга, — рявкнула Великая Досточтимая Матрона.

Приманка! Она хочет отпустить тебя, чтобы поймать более крупную рыбу. Как это интересно. У нее неплохая голова, и она пользуется ею, несмотря на свою прирожденную жестокость и склонность к насилию. Именно поэтому она достигла власти.

Весь обратный путь на Гамму, находясь в тесном душном отсеке бывшего корабля Гильдии, Ребекка обдумывала свое нелегкое положение. Можно быть уверенным в том, что шлюхи не заблуждались насчет того, что смогли провести Ребекку вокруг пальца относительно своих истинных намерений. Но... кто знает — вдруг? Услужливость, забитость. *Они упиваются такими вещами.*

Ребекка понимала, что это знание исходит как от провидения Шоэля, так и от советниц с Лампадас.

— Ты аккумулируешь массу наблюдений, которые воспринимаются, но не осознаются, — учил ее Шоэль. — Эти чувства, накапливаясь, рассказывают тебе все, но на своем особом языке,

на языке, которым люди не пользуются в своей речи. Такой язык не нужен в понимании истины.

Когда-то она думала, что это очень странный взгляд на вещи. Но так было до испытания Пряностью. Лежа ночью в постели, наслаждаясь теплом тел друг друга, они понимали друг друга без слов, хотя и разговаривали.

— Язык зажимает тебя, — говорил Шоэль. — Чему надо научиться — это умению читать свои собственные реакции. Иногда ты сможешь найти слова для их описания, иногда… нет.

— Никаких слов? Даже для того, чтобы задать вопрос?

— Так ты хочешь слов, да? Как это? Веры. Упования. Истины. Честности.

— Это действительно хорошие слова, Шоэль.

— Но в них нет зацепки. Нельзя от них зависеть.

— Но от чего можно зависеть?

— От своей внутренней реакции. Я читаю себя, но не личность, которая стоит передо мной. Я всегда почувствую ложь, потому что мне хочется повернуться спиной к лжецу.

— Вот как ты это делаешь! — От избытка чувств она хлопнула его по обнаженной руке.

— Некоторые делают по-другому. Одна женщина, говорят, узнавала лжеца по тому, что ей хотелось взять его под руку и прогуляться с ним, доставив ему этим удовольствие. Ты можешь считать это вздором, но и это срабатывает.

— Думаю, что это очень мудро, Шоэль, — сказала она, хотя на самом деле это говорила любовь. В тот момент она едва ли понимала, что он имеет в виду.

— Моя драгоценная любовь, — сказал он, лаская на своей руке ее голову. — Вещатели Истины говорят, что чувство истины никогда не покидает того, кто хоть раз его ощутил. Пожалуйста, не говори мне о моей мудрости, ибо это говорит твоя слепая любовь.

— Прости меня, Шоэль. — Она обожала запах его рук и зарылась лицом в ее изгиб, щекоча его волосами. — Но я хочу знать все, что знаешь ты.

Он повернулся, чтобы ей было удобнее лежать.

— Знаешь, что говорил мне инструктор третьей ступени: «Не надо ничего знать! Учитесь быть совершенно наивными!»

Она была поражена до глубины души.

— Как? Совсем ничего?

— Ты подходишь ко всему с чистой грифельной доской. Ни в тебе, ни на тебе нет ничего посто-

роннего. Все, что ты узнаешь, пишется на этой доске начисто.

Она начала понимать.

— Ничто тебе не мешает.

— Правильно. Ты ведешь себя как первобытный, невежественный дикарь, ты настолько неискушен в сложностях, что в какой-то момент начинаешь прозревать все их хитросплетения. Можно сказать, что ты находишь решения, хотя и не ищешь их специально.

— Вот это действительно мудро, Шоэль. Я уверена, что ты лучший студент из всех, кто когда-либо учился у них, самый смекалистый, самый…

— Я всегда думал, что это невыносимая чушь.

— Нет, это не так! Ты так не думал.

— Так было, и я так думал до того момента, когда во мне произошел легкий, едва заметный сдвиг. Это не было движение мышц или что-то такое, что мог бы заметить сторонний наблюдатель. Это был… просто толчок.

— Где ты его почувствовал?

— Я не могу это описать. Но к этому ощущению меня подготовил мой инструктор Четвертой Ступени: «Очень осторожно прикоснись к этому явлению. Очень деликатно». Один из наших студентов подумал, что преподаватель имеет в виду

прикосновение руками. Как же мы смеялись над его наивностью!

— Это было жестоко. — Она прикоснулась к его щеке и провела пальцами по темной щетине. Было уже поздно, но ей совсем не хотелось спать.

— Полагаю, что это действительно было жестоко с нашей стороны. Но когда толчок произошел, я понял, что это. Я никогда прежде не испытывал такого ощущения, был крайне удивлен, потому что в конце концов узнал его, поняв, что это чувство было во мне всегда, с самого рождения. Оно было мне знакомо. Это пульсировало мое Ощущение Истины.

Она подумала, что и сама чувствует в себе Ощущение Истины. Чувство чуда в его голосе задело в ней мощные струны.

— Это было мое чувство, а я принадлежал ему. Мы стали неразделимым целым, и больше не могли быть разведены.

— Как это, должно быть, чудесно. — В ее голосе слышались благоговение и зависть.

— Нет, иногда я ненавижу эту способность. Некоторые люди предстают передо мной словно с распоротыми животами. Я отчетливо вижу их безобразное нутро.

— Это отвратительно!

— Но есть и вознаграждение, любовь моя. Иногда встречаешь людей, которые похожи на цветок, который протягивает тебе невинный ребенок. Невинность. Моя невинность отвечает такому человеку, и мое Ощущение Истины многократно укрепляется. Именно это сделала со мной ты, моя любовь.

Корабль-невидимка Досточтимых Матрон прибыл на Гамму, и они пересадили Ребекку на грязный мусоровоз, доставивший старуху на поверхность планеты. Лихтер изверг ее на Гамму вместе с экскрементами, но она не обратила на это никакого внимания. *Дома! Я дома, и Лампадас все еще цела.*

Однако Раввин не разделял ее восторгов.

Они снова сидели в его кабинете, но теперь Ребекка уже освоилась с Чужой Памятью и вела себя более уверенно. Раввин не мог этого не заметить.

— Сейчас ты еще больше похожа на них! Это нечистота.

— Равви, у нас у всех есть нечистые предки. Мне посчастливилось познакомиться с некоторыми из них.

— Что такое? О чем ты говоришь?

— Все мы происходим от людей, которым так

или иначе приходилось делать в жизни отвратительные вещи, Равви. Мы не любим вспоминать о варварах — наших предках, но они у нас были.

— Как ты заговорила!

— Преподобные Матери могут назвать их всех, Равви. Помните: побеждает тот, кто скрещивается. Вы понимаете меня?

— Я никогда не слышал от тебя таких вызывающих речей. Что с тобой случилось, дочь моя?

— Я осталась в живых только потому, что поняла: победа достается порой ценой некоторых моральных издержек.

— Что такое? Это слова Зла.

— Зла? Варварство недостаточно сильное слово для обозначения некоторых злодейств, которые учиняли наши предки. Предки любого из нас, Равви.

Она видела, что причиняет ему страдания, и чувствовала жестокость своих слов, но не могла остановиться. Как он может уклоняться от истинности того, что она говорит? Ведь он всеми уважаемый человек.

Она смягчила тон, но от этого ее слова ранили его еще глубже.

— Равви, если бы вы смогли разделить со мной всю глубину Чужой Памяти и увидели то, что за-

ставили увидеть меня те давно умершие люди, то вы снова принялись бы за поиски того, что есть Зло. Нет таких слов, которыми можно было бы описать гнусность многих поступков, совершенных нашими с вами предками.

— Ребекка… Ребекка… Я понимаю трудности, с которыми ты…

— Не надо извинять меня трудными временами! Ты — Раввин, и все прекрасно понимаешь. Когда мы теряем чувство нравственности? Когда перестаем слушать и слышать.

Он закрыл лицо руками и принялся раскачиваться взад и вперед. От этого движения старое кресло жалобно заскрипело.

— Равви, я всегда любила и уважала вас. Ради вас я прошла через Испытание Пряностью. Ради вас я разделила память с людьми Лампадас. Не отриньте то, что я узнала от них.

Он опустил руки.

— Я не собираюсь это отрицать, дочь моя. Но пойми мою боль.

— Из всего того, что я узнала, я сделала важное заключение. Одну вещь надо сделать немедленно и безотлагательно — а именно признать, что в этом мире нет невинных.

— Ребекка!

— Может быть, здесь не вполне уместно слово «вина», Равви, но наши предки совершали деяния, которые требуют искупления.

— Это я понимаю, Ребекка. Это равновесие, которое…

— Не говорите мне, что вы понимаете. Я же вижу, что вы ровным счетом ничего не поняли. — Она встала и вперила в его лицо свой горящий взор. — Это не бухгалтерская книга, в которой всегда можно уравнять счет. Я хочу знать, как далеко вы хотите зайти?

— Ребекка, я твой Раввин. Ты не смеешь разговаривать в таком тоне, особенно со мной.

— Чем дальше вы зайдете, Равви, тем отвратительнее будет зло и выше цена. Вы не можете зайти далеко, но я вынуждена сделать это за вас.

Повернувшись, она вышла из кабинета, не обращая внимания на его мольбу, на жалобную интонацию, с которой он произнес ее имя. Закрывая дверь, она слышала, как он произнес:

— Что мы сделали? Помоги ей, Израиль.

Написание истории – это отвлекающий маневр. Большинство исторических сочинений отвлекают внимание читателя от тайных пружин великих событий.

(Башар Тег)

В те дни, когда Айдахо был предоставлен самому себе, он с удовольствием исследовал корабль-невидимку, ставший местом его заточения. Как же много интересного было в этом иксианском изобретении. Корабль представлял собой настоящую пещеру чудес.

На этот раз Айдахо остановился, прекратив на время свои блуждания по кораблю, и пристально вгляделся в глазки видеокамер, вмонтированных в сверкающую поверхность свода двери. У него возникло странное ощущение, что он видит сам себя в этих бесцеремонных механических глазах. О чем думают Сестры, когда смотрят на него? Неуклюжий подросток-гхола с давно переставшего существовать Убежища на Гамму превратился в высокого худого мужчину со смуглой кожей и темными волосами. Волосы сильно отросли с тех пор, как Айдахо вступил на борт этого корабля в последний день Дюны.

Глаза Бене Гессерит заглядывали под кожу.

Он был уверен, что они подозревают, что он — ментат, и боялся того, как они истолкуют это открытие. Мог ли ментат надеяться до бесконечности скрывать этот факт от Преподобных Матерей? Какая глупость! Он знал, что они, кроме того, подозревают, что он — Вещающий Истину.

Он помахал рукой глазку видеокамеры.

— Я нисколько не устал. Продолжу свои исследования.

Беллонда выходила из себя, когда видела, с какой шутливой несерьезностью относится гхола к наблюдению. Она терпеть не могла, когда он принимался за свои походы по кораблю, и не пыталась скрыть свое отношение. Айдахо видел горящие от ненависти глаза всякий раз, когда Беллонда являлась на борт. *Не ищет ли он способа бежать отсюда?*

Именно этим я и занимаюсь, дорогая Белл, но я сделаю это так, как тебе и не снилось.

Для Айдахо на корабле существовали ограничения в передвижении: наружное поле, которое он физически не мог пересечь, поля, охранявшие машинное отделение (с временно выключенными двигателями), помещение охраны (он мог заглянуть туда, но не мог войти), арсенал и отсек, где содержался плененный тлейлаксианец

Сциталь. Иногда он встречал последнего мастера, но видел его только через барьер, поглощавший всякие звуки. Существовал также информационный барьер — отсек, где хранился бортовой журнал, который не отвечал на запросы Дункана Айдахо. Ответы журнала были блокированы Преподобными Матерями.

Кроме пространственных ограничений, существовали еще и временные. Айдахо было отведено не более трехсот стандартных лет на понимание окружавших его вещей.

Если, конечно, нас не обнаружат Досточтимые Матроны.

Айдахо понимал, что Матроны ищут его, что он для них добыча даже более желанная, чем женщины из Бене Гессерит. У него не было никаких иллюзий относительно того, что они сделают с ним, попади он в руки Досточтимых Матрон. Они знают, что он здесь. Мужчины, которых он тренировал, умели подчинять себе женщин. Это задевало Матрон и разжигало их ненависть к Айдахо.

Как только Сестры убедятся в том, что он ментат, они тотчас поймут и то, что в его памяти хранятся все сведения о его прошлых жизнях, жизнях гхола. *Прежние копии не обладали такой*

способностью. Они заподозрят, что он — скрытый Квисатц Хадерах. Стоит только посмотреть, как тщательно дозируют они для него меланжу. Сестры в ужасе от возможности повторить ту ошибку, которую они допустили относительно Пауля Атрейдеса и его сына — Тирана. *Тридцать пять столетий нестерпимого ига!*

Однако с Мурбеллой надо было обращаться с особой осторожностью. Каждый раз, встречаясь с ней, он не ожидал, что получит ответ — теперь или позже. Это был типичный подход ментата — сосредотачиваться на вопросах. Ментаты накапливают вопросы так, как остальные люди накапливают ответы. Вопросы образовывали свои паттерны и системы. Это придавало проблемам *форму.* Теперь появлялась возможность рассматривать вселенную сквозь созданные паттерны, наслаждаться игрой отражений знания от поверхности внутреннего сознания, внутренние конструкции создавали причудливую смесь с отражениями понимания внешнего мира, его образов и словесных выражений. Особую прелесть этим конструкциям придавали их временность и текучесть.

Инструктор первого Айдахо учил его первым словам для обозначения этих первичных

пробных конструкций: «Постоянно следи за движениями, которые происходят на экране твоего внутреннего взора».

С момента первого робкого погружения в мир ментата прошло много лет. С тех пор сила росла. Чувствительность к внутренним изменениям усилилась настолько, что Айдахо становился ментатом всякий раз, когда происходили изменения в восприятии наблюдений.

Беллонда была для него самым тяжелым испытанием. Он опасался ее проницательного взгляда и безошибочных вопросов. Ментат проверял ментата. Айдахо встречал набеги Беллонды осторожно, проявляя осмотрительность и терпение. *Посмотрим, зачем ты пришла.*

Словно он этого не понимал.

Терпение превратилось в привычную маску. Однако страх был естественной реакцией, и его не следовало скрывать. Беллонда не скрывала своего желания видеть его мертвым.

Айдахо воспринимал как факт, что рано или поздно наблюдатели увидят источник его навыков, которые он был вынужден использовать.

Истинным навыком ментата был присущий только им способ ментального *конструирования,* которое называется «великим синтезом». Этот

синтез требовал такого терпения, на которое был способен только ментат. Обычный человек не мог даже мечтать о таком терпении. В школе ментатов такой прием назывался персеверацией. Для этого человек должен стать примитивным охотником, способным читать мельчайшие изменения в окружающей обстановке и следовать за ними. В то же время нельзя было терять из виду широкую перспективу и стратегическую цель. Так рождалась наивность, похожая на наивность Вещающих Истину, но наивность ментата была более мощной.

— Ты открыт всему, что может произвести вселенная, — говорил первый учитель Айдахо. — Твой ум не компьютер; это инструмент открытий, настроенный на все, что приходит в твое сознание через органы чувств.

Айдахо всегда чувствовал, когда чувства Беллонды открыты. Она стояла здесь, ее взгляд обманчиво блуждал, и Айдахо знал, какие первичные понятия занимают в этот момент ее ум. Защита Айдахо покоилась на главном изъяне Беллонды: открытые чувства требовали идеализма, которого Беллонда была начисто лишена. Она не задавала самых удачных вопросов, и Айдахо не переставал этому удивляться. Стала бы

Одраде использовать негодного ментата? Судя по ее остальным действиям, вряд ли.

Я ищу вопросы, которые формируют лучшие образы.

Поступая так, никогда не думаешь о себе как об очень умном создании, о том, что ты располагаешь формулой, способной решить проблему. Ты остаешься открытым для новых вопросов, создавая новые паттерны. Испытание, повторное испытание, придание формы, повторное придание формы. Непрестанный поиск, ты никогда не останавливаешься, никогда не пресыщаешься, не поддаешься самодовольству. Это частный, твой, и только твой, путь, похожий на путь других ментатов, но идти по нему можно только своим шагом, сохраняя свою, и только свою, уникальность.

«Ты никогда не станешь полным ментатом. Именно поэтому мы называем состояние ментата «недостижимой целью».

Эти слова первого учителя навеки запечатлелись в мозгу Айдахо.

Накапливая свои наблюдения Беллонды, Дункан все больше проникался восхищением перед точкой зрения, которую внушили ему Великие Мастера ментаты, обучавшие его в незапамятные

времена. «Из Преподобных Матерей не получаются лучшие ментаты».

Ни одна представительница Бене Гессерит не была способна к полному отчуждению от связывающего ее абсолюта, от зависимости, приобретенной во время испытания Пряностью: безусловной верности Общине Сестер.

Учителя ментаты предупреждали об этой опасности и не раз говорили о вреде абсолюта. Приверженность абсолютным истинам — главное прегрешение для ментата.

«Все, что ты делаешь, все, что ты чувствуешь и говоришь, — это эксперимент, но ни в коем случае не окончательный вывод. Ничто не останавливается до самой смерти, но даже смерть не есть остановка, поскольку каждая жизнь творит бесчисленные круги. Индукция создает энергию, и ты усиливаешь свою чувствительность к этим биениям. Дедукция воплощает идею абсолюта. Отбрось истину и потряси ее основы!»

Когда вопросы Беллонды касались его отношений с Мурбеллой, он видел явную эмоциональную реакцию. *Любопытство? Ревность?* Он воспринимал любопытство (и даже ревность) относительно сексуальной потребности в этом болезненном пристрастии Мурбеллы и Айдахо

друг к другу. *Неужели экстаз так велик?*

В этот день Айдахо бродил по своим апартаментам, чувствуя себя не на месте, так, словно он впервые попал сюда и еще не воспринимает помещение как свой дом. *Это во мне говорят эмоции.*

За годы заключения помещение приобрело более или менее жилой вид. Здесь пещера. Когда-то это был грузовой отсек. Большие комнаты с закругленными потолками — спальня, библиотека, гостиная, выложенная зеленоватой плиткой ванная с сауной и парной. Длинный зал для упражнений, который они делили с Мурбеллой.

Помещения носили на себе следы контактов с его обитателем: плетеное кресло, висящее в правом углу рядом с консолью и проектором, с помощью которых можно было управлять доступными системами корабля. На столе ридулианская бумага. След пищи — пятно на рабочем столе.

Не находя покоя, Айдахо отправился в спальню. Темнело. Из всех чувств самым острым у Айдахо было обоняние. В спальне пахло слюной, напоминание о сексуальной коллизии, происшедшей здесь прошлой ночью.

Да, это самое подходящее слово. Коллизия.

Самый воздух корабля-невидимки — отфильтрованный, рециркулирующий и очищенный — навевал скуку. Ни один поток свежего воздуха из внешнего мира не бывал долгим. Иногда Айдахо долго молча принюхивался, надеясь уловить хоть какой-то запах, который не напоминал бы о многолетнем заключении.

Должен найтись способ бежать отсюда!

Он покинул свои апартаменты и направился по коридору, в конце которого сел в лифт и спустился в нижнюю часть корабля.

Что в действительности происходит в мире, раскинувшемся под небесами?

Те намеки, которые он слышал от Одраде, наполняли его страхом и подавленными чувствами. *Бежать некуда! Мудро ли я поступаю, что делюсь своими опасениями с Шианой? Мурбелла просто смеется надо мной, говоря: «Я защищу тебя, моя любовь. Досточтимые Матроны не причинят мне никакого вреда». Еще одно заблуждение.*

Но Шиана… как быстро она выучила тайный язык жестов и прониклась духом конспирации. Конспирации? Нет… Я сомневаюсь, чтобы хоть одна Преподобная Мать решилась выступить против Общины Сестер. Даже леди Джессика

в конце жизни вернулась к ним. Но я не прошу Шиану выступать против Сестер, я только хочу, чтобы она защитила нас от безрассудства Мурбеллы.

Огромная сила охотников делала возможным точное предсказание лишь масштабов разрушения. Ментату оставалось только созерцать их уничтожающее все на своем пути насилие. Но Досточтимые Матроны несли с собой что-то еще, какой-то сокровенный смысл, существовавший где-то в Рассеянии. Кто такие футары, о которых столь небрежно сообщила Одраде? *Отчасти люди, отчасти животные?* Такова была догадка Луциллы. *Но где сама Луцилла?*

Незаметно для себя Айдахо оказался в Большом Хранилище, огромном, с километр длиной, помещении, в котором перевезли на Капитул последнего гигантского песчаного червя. В этом месте до сих пор пахло Пряностью и песком, и запах этот напоминал о давно минувших и канувших в Лету днях. Он понимал, почему так часто приходит в Большое Хранилище и почему часто, как это произошло сегодня, ноги сами приносят его сюда. Это помещение притягивало и отталкивало его одновременно. Огромное пространство, запах песка, Пряности и пыли питал

ностальгию по давно утраченной свободе. Но была у этой медали и другая сторона. Именно здесь с ним всегда происходило *это.*

Произойдет ли сегодня?

Без всяких предвестников проходило ощущение пребывания в Большом Хранилище. Потом… возникала сверкающая сеть в расплавленном от жары небе. Айдахо отдавал себе отчет в том, что это видение, что на самом деле никакой сети нет. Его ум переводил на человеческий язык то, что не в силах были высказать ощущения.

Сияющая сеть ундулировала, словно под дуновениями вечного северного ветра.

Потом сеть раздавалась, и в просвете Айдахо видел двоих — мужчину и женщину. Они выглядели вполне заурядно, но в то же время очень необычно. Бабушка и дедушка в древних одеяниях. Длинный, до пят фартук на мужчине и длинное платье и головной платок на женщине. Они работали в цветнике! Айдахо был уверен, что это совершеннейшая иллюзия. *Я вижу, но это не существует в действительности.*

Со временем мужчина и женщина начинали замечать Айдахо. Он слышал их голоса.

— Он опять здесь, Марти, — говорил мужчина, обращая ее внимание на Айдахо.

— Как он может видеть сквозь пелену смерти? — всегда спрашивала Марти. — Мне кажется, что это невозможно.

— По-видимому, он стал очень тонким. Интересно, знает ли он об опасности?

Опасность. Именно это слово прерывало его видение.

— Ты сегодня не у консоли?

Какое-то мгновение ему казалось, что это продолжается видение, но потом он осознал, что вопрос задала вполне реальная Одраде. Ее голос раздался сзади, женщина стояла рядом с Айдахо. Он резко повернулся и успел заметить, что не закрыл за собой люк, и Одраде проследовала за ним в Большое Хранилище. По его пути, не наступая на песок, который мог выдать ее присутствие своим шорохом под ее ногами.

Вид у Одраде был усталым, глаза выдавали нетерпение. *Почему она думает, что я должен быть у консоли управления?*

Словно отвечая на его невысказанный вопрос, Одраде сказала:

— В последнее время я очень часто заставала тебя за пультом у консоли. Что ты ищешь, Дункан?

Он молча покачал головой. *Почему я вдруг почувствовал угрозу?*

В обществе Одраде он редко испытывал страх. Однако мог припомнить и исключения. Например, однажды она вдруг стала внимательно приглядываться к его рукам, находившимся в поле консоли управления.

Страх ассоциируется с консолью. Неужели я выдал пристрастие ментата к получению данных? Может быть, они заподозрили, что у меня есть скрытая от них внутренняя жизнь?

— Мне совершенно отказано в праве на частную жизнь? — В голосе прозвучали гнев и вызов.

Одраде медленно покачала головой, словно говоря: «Ты способен на нечто большее».

— Ты приходишь сюда второй раз за сегодняшний день. — В голосе Айдахо появились обвиняющие нотки.

— Должна тебе сказать, что ты стал лучше выглядеть, Дункан, — еще одна словесная уловка.

— Ваши наблюдатели докладывают тебе и об этом?

— Не раздражайся. Я приходила поговорить с Мурбеллой, и она сказала, что ты должен быть внизу.

— Полагаю, вы знаете, что Мурбелла снова беременна.

Можно ли расценивать эти слова как попытку

умиротворить Одраде?

— Мы очень рады этому, но я пришла сказать тебе, что Шиана намерена нанести тебе визит.

Почему об этом говорит мне именно Одраде?

Слова Верховной Матери вызвали в памяти Айдахо образ девчонки с Дюны, которая стала самой молодой (так утверждали сами Сестры) полной Преподобной Матерью. Шиана, его доверенное лицо там, на воле, которая в Пустыне следит за развитием Великого Червя. Стал ли он вечен? Почему Одраде интересуется визитами Шианы к нему?

— Шиана хочет поговорить с тобой о Тиране.

Одраде видела, что сумела удивить Айдахо.

— Что нового могу я сказать Шиане о Лето Втором? — спросил Дункан. — Она же Преподобная Мать.

— Ты очень близко знаешь Атрейдесов.

Ага, вот в чем дело! Она охотится за ментатом.

— Но ты говоришь, что она хочет обсудить со мной Лето, а о нем не надо думать как об Атрейдесе.

— Но он был им. Он был слишком рафинирован, сведен до первобытных элементов, но все же он был одним из нас.

Одним из нас! Она напомнила ему о том, что и сама была из Атрейдесов. Она воззвала к его вечному чувству долга по отношению к этому семейству!

— Это ты так говоришь.

— Может быть, мы перестанем играть в эту дурацкую игру?

Его охватило чувство опасности. Надо быть осторожным. Эта перемена не укрылась от Одраде. Преподобные Матери очень понятливы. Он уставился на нее, не смея говорить, зная, что любое слово скажет ей слишком много.

— Мы уверены, что ты помнишь о жизнях не одного гхола, — не дождавшись, когда Айдахо ответит, Одраде продолжала: — Давай, давай, Дункан! Ты ментат?

По тому, как она говорила, по интонации, обвиняющей, а не вопрошающей, он понял, что тайне пришел конец. Невзирая на опасность, Дункан испытал несказанное облегчение.

— А что, если так?

— Тлейлаксианцы смешали клетки более чем одного гхола, когда выращивали тебя.

Айдахо-гхола! Он отказывался думать о себе как об абстракции.

— Почему для вас вдруг стал так важен Лето?

В этом ответе прозвучал отказ от бегства.

— Наш Червь превратился в песчаную форель.

Эти форели растут и размножаются?

— Да, это очевидно.

— Если вы не сумеете остановить или уничтожить их, то они превратят Капитул во вторую Дюну.

— Ты вычислил это, не правда ли?

— Мы с Лето.

— Итак, ты помнишь множество жизней. Очаровательно. Это делает тебя похожим на нас.

Какой у нее прямой взгляд!

— Это совсем другое.

Надо заставить ее сойти с опасного пути!

— Ты получил доступ к этой памяти в момент первого контакта с Мурбеллой?

Кто мог догадаться об этом? Луцилла? Она была при этом и могла поделиться своими подозрениями с Сестрами.

Пришлось коснуться смертельно опасного предмета.

— Я не новый Квисатц Хадерах!

— В самом деле?

Она оценивает объективные данные. Она продемонстрировала это холодно и спокойно, обнажив свою жестокость, подумал он.

— Ты же знаешь, что нет! — Он боролся за жизнь и понимал это. Боролся не столько с Одраде, сколько с теми другими, кто наблюдал за ним все эти годы.

— Расскажи мне о своих последовательных воспоминаниях, — это был приказ Верховной Матери, которого нельзя ослушаться.

— Я знаю те… жизни. Они слились для меня в одну.

— Это накопление может быть очень ценно для нас, Дункан. Ты помнишь чан с аксолотлями?

Ее вопрос направил его мысли к моменту смутного прозрения в окружении образов тлейлаксианцев и нагромождения человеческой плоти в те мгновения, когда он, будучи новорожденным, продирался по родовым путям. Но какое отношение это имеет к чанам?

— Сциталь поделился с нами знаниями, и теперь мы можем создать свои системы с аксолотлями, — сказала Одраде.

Системы? Интересное слово.

— Значит ли это, что вы сможете воспроизвести и производство Пряности, которым овладели на Тлейлаксу?

— Сциталь торгуется, но он просит больше,

чем мы ему дадим. Но Пряность придет вовремя тем или иным путем.

Одраде слышала нотки уверенности в своем голосе, почти не опасаясь, что Дункан заподозрит неуверенность. *У нас может не хватить времени сделать это.*

— Сестры, которых вы послали в Рассеяние, сбились с пути, — сказал он, сообщив ей о своей тренировке ментата. — Вы снабжаете их Пряностью, но ее запасы конечны.

— Эти Сестры обладают знаниями об аксолотлях и песчаных форелях.

Он был поражен до немоты самой возможностью того, что в бескрайней вселенной возникнет бесчисленное количество Дюн.

— Они решат проблему снабжения Пряностью либо с помощью чанов, либо червей, либо и того и другого, — сказала она. Это она скорее всего говорила вполне искренне. Утверждение покоилось на статистическом ожидании. Одна из групп Преподобных Матерей в Рассеянии, хотя бы одна группа, сделает это.

— Чаны, — повторил он. — Меня посещают странные… сны. — Он едва не сказал «мысли».

— Так и должно быть. — Она вкратце рассказала ему, каким образом тлейлаксианцы

встраивали в свою систему женскую плоть.

— Они использовали ее и для производства Пряности?

— Мы думаем, что да.

— Это отвратительно.

— Не будь ребенком, — укоризненно произнесла Одраде.

В такие моменты она очень не нравилась ему. Однажды он упрекнул ее за тот способ, которым Преподобные Матери отделывались от «общего потока человеческих эмоций», и вот, пожалуйста, ответ в том же духе.

Не будь ребенком!

— Против этого, по-видимому, нет лекарства, — сказал он вслух. — Такой уж у меня неполноценный характер.

— Ты что, решил обсудить со мной вопросы высокой морали?

Ему показалось, что он услышал гневные нотки.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой даже этику. Мы просто играем по разным правилам.

— Соблюдение правил часто служит извинением за неумение сочувствовать.

— Неужели я услышал какие-то отголоски совести в словах Преподобной Матери?

— Это невозможно использовать. Сестры немедленно изгонят меня, если поймут, что в своих действиях я руководствуюсь голосом совести.

— Тебя можно проткнуть насквозь, но управлять тобой вряд ли получится.

— Прекрасно, Дункан. С тобой гораздо приятнее общаться, когда ты не скрываешь, что ты ментат.

— Я не слишком доверяю твоему расположению.

Она расхохоталась:

— Как это похоже на Белл!

Он тупо смотрел на нее. Дункана вдруг озарило, как он сможет избавиться от своих тюремщиц, вырваться из тисков манипуляций Бене Гессерит и зажить своей собственной, свободной жизнью. Путь на свободу зависел не от хитроумных машин, а от изъянов, присущих Сестрам Бене Гессерит. Ключ к успеху — это абсолют, которым они, по их мнению, удерживали его!

Шиана знает об этом! Это приманка, которую она держит перед моим носом.

Дункан молчал, и Одраде заговорила сама:

— Расскажи мне о тех жизнях.

— Это неправильный подход. Я думаю о них как об одной нескончаемо длинной жизни.

— Там не было смертей?

Он молча некоторое время обдумывал ответ. Серийная память. Смерти были столь же информативны, как и жизни. Его столько раз убивал сам Лето!

— Смерти не прерывали память.

— Странная разновидность бессмертия, — задумчиво произнесла она. — Ты знаешь, не правда ли, что Мастера Тлейлаксу постоянно воссоздают самих себя? Но ты… Чего они надеялись достичь, смешав клетки? Соединив разных гхола в единой плоти?

— Спроси об этом Сциталя.

— Белл была всегда уверена, что ты ментат. Она будет в полном восторге.

— Думаю, что нет.

— Я позабочусь о том, чтобы ей было приятно. Господи, у меня столько вопросов, что я не знаю, с чего начать. — Она изучающе смотрела на Дункана, касаясь пальцами подбородка.

Вопросы? Требования ментата заполнили ум Дункана. Он дал волю своим вопросам, которые сразу образовали сложный рисунок. *Что искали во мне тлейлаксианцы?* Они не могли использовать для воплощения клетки всех без исключения гхола Дункана Айдахо. Хотя…

он помнил обо всех. Какие космические связи соединили в одно целое все эти жизни? Было ли это в основе тех видений, которые преследовали его в Большом Хранилище? В его мозгу формировались половинчатые памяти: его тело в теплой жидкости, питаемое трубками, массируемое машинами, к нему прикасаются зонды ученых тлейлаксианцев. Дункан чувствовал, как отвечают на это нежным мурлыканием его древние предыдущие сущности. Слова не имели смысла. Сущности дремали. Он ощущал это так, словно с его собственных губ срывались слова на незнакомом языке, хотя это было обыкновенное галахское наречие.

То, что он видел в действиях тлейлаксианцев, приводило его в священный трепет. Они исследовали такие глубины космоса, которых не смел коснуться никто, кроме Бене Гессерит. Этих достижений нисколько не умалял тот факт, что тлейлаксианцы совершали их из эгоистических побуждений. Бесконечные возрождения Мастеров Тлейлаксу были наградой за дерзновение.

Лицеделы, которые могли имитировать любую жизнь, любое мышление. Вид той тлейлаксианской мечты был столь же величественным,

как и достижения Бене Гессерит.

— Сциталь утверждает, что сохранил память о временах Муад'Диба, — сказала Одраде. — Ты можешь сравнить записи с его воспоминаниями.

— Такой вид памяти — не более чем торговая уловка, — предостерег Дункан. — Мог он продать это изобретение Досточтимым Матронам?

— Мог. Пошли. Давай пройдем в твои апартаменты.

Когда они оказались в его рабочем кабинете, Одраде жестом указала ему на кресло возле управляющей консоли. Неужели она все еще охотится за его тайной? Она наклонилась над ним и повернула несколько рукояток на панели управления. На экране проектора появилось изображение Пустыни, на горизонте были видны катящиеся дюны.

— Капитул? — спросила она. — Широкий пояс вдоль экватора.

Его охватило волнение.

— Ты говоришь о песчаных форелях. Но есть ли там песчаные черви?

— Шиана ожидает, что скоро появятся и они.

— Им нужно большое количество Пряности в качестве катализатора.

— Мы отправили туда большую партию Пряности. О катализаторе тебе говорил Лето, не правда ли? Что еще ты помнишь о нем?

— Он столько раз меня убивал, что при одном воспоминании о нем я не испытываю ничего, кроме боли.

В распоряжении Одраде были исторические записи из Дар-эс-Балата, и Одраде знала, что это правда.

— Он убивал тебя сам, это я знаю. Он просто выбрасывал тебя, когда надобность в тебе была исчерпана?

— Иногда он позволял мне работать до конца, и тогда я умирал естественной смертью.

— Стоил ли этого Золотой Путь?

Мы не в состоянии понять его Золотой Путь, как и то брожение, которое его породило в голове Тирана. Он прямо сказал об этом Одраде.

— Интересный подбор слов. Ментат думает о временах правления Тирана как о брожении.

— Это правление породило Рассеяние.

— Но его подтолкнул и Великий Голод.

— Ты думаешь, он не предвидел Голод?

Она не ответила, принужденная к молчанию его умом ментата. *Золотой Путь: человечество, «извергающееся» в глубины вселенной… Оно боль-*

ше не живет на одной планете и не подвержено единой судьбе. Наши яйца лежат отныне не в одной корзине.

— Лето считал человечество единым организмом, — сказал он.

— Но он включил нас в свой список против нашей воли.

— Вы, Атрейдесы, поступали так всегда.

Вы, Атрейдесы.

— Стало быть, ты заплатил нам свой долг сполна?

— Я этого не говорил.

— Понимаешь ли ты мою дилемму, ментат?

— Как долго работают песчаные форели?

— Больше восьми стандартных лет.

— Как быстро растет наша Пустыня?

Наша Пустыня! Одраде показала рукой на проектор.

— Она стала в три раза больше с того момента, когда появились первые форели.

— Так быстро!

— Шиана каждый день ожидает увидеть первых маленьких червей.

— Они появляются на поверхности, достигнув длины около двух метров.

— Она говорит то же самое.

— Каждый из них с перлом сознания Лето в его «бесконечном сне», — задумчиво произнес Айдахо.

— Он так говорил, а он никогда не лгал в таких вещах.

— Его ложь была более утонченной. Как у Преподобных Матерей.

— Ты обвиняешь нас во лжи?

— Зачем Шиана хочет меня видеть?

— Ментаты! Вы думаете, что в ваших вопросах содержатся ответы. — Одраде покачала головой в притворном раздражении. — Она должна была узнать о Тиране все во время обучения в центре религиозного обожания.

— Господи, зачем?

— По всей земле распространился культ Шианы. Он существует везде в пределах Старой Империи, его принесли туда уцелевшие жрецы Ракиса.

— Дюны, — поправил ее Дункан. — Не надо думать об этой планете как об Арракисе или Ракисе. Это затуманивает разум.

Она приняла поправку без возражений. Он был полный ментат, и она терпеливо ждала продолжения.

— На Дюне Шиана разговаривала с песча-

ными червями, — сказал он. — Они отвечали ей. — Дункан встретил недоумевающий взгляд Одраде. — Это ваши старые фокусы с Защитной Миссией, да?

— В Рассеянии Тирана знают под именем Дур и Гульдур, — сказала она, учитывая его ментатскую наивность.

— Вы дали ей очень опасное задание. Она знает об этом?

— Она знает, но ты сможешь сделать это задание менее опасным.

— Тогда откройте для меня свои базы данных.

— Без ограничений? — Она знала, как отреагирует на такое решение Беллонда.

Он кивнул, не смея надеяться на то, что она ответит согласием. *Подозревает ли она хоть в малейшей степени, как отчаянно я этого желаю?* В той части сознания, где пряталось его стремление к свободе, скопилась такая невыносимая боль. *Неограниченный доступ к информации! Она подумает, что я хочу иллюзии свободы.*

— Ты станешь моим ментатом, Дункан?

— Разве у меня есть выбор?

— Мне надо будет обсудить твою просьбу на Совете, и потом я дам тебе ответ.

Неужели путь к свободе открыт?

— Я должен научиться мыслить, как Досточтимая Матрона, — сказал он, споря с глазком видеокамеры и наблюдателями, которые будут толковать его просьбу.

— Кто сможет сделать это лучше человека, который живет с Мурбеллой? — сказала Одраде.

У коррупции бесчисленное ***множество*** *масок.*

(Ту-дзен Тлейлаксу)

Они не знают, о чем я думаю и что я могу сделать, думал Сциталь. *Их Вещающие Истину не могут считывать мои мысли.* Это была одна из немногих вещей, которые удалось спасти во время катастрофы, — способность к обману, которую Сциталь позаимствовал у лицеделов.

Сциталь неслышно передвигался по отведенным ему на корабле-невидимке апартаментам, присматриваясь, вынюхивая, измеряя и классифицируя свои наблюдения. Он тщательно изучал всех окружающих людей, стремясь тренированным взглядом выявить их пороки и недостатки.

Каждый Мастер Тлейлаксу знает, что Бог в любую секунду может послать испытание, чтобы испытать верность своего слуги.

Очень хорошо! Именно такое испытание и было ниспослано ему, Сциталю. Сестры Бене Гессерит, которые объявили, что приняли истинную веру, принесли ложную клятву. Они нечисты. У него нет больше соратников, которые могли бы очистить его перед возвращением из чужих мест. Он брошен, словно в клетку, во вселенную повиндах, он стал пленником слуг Шайтана, за ним

охотятся шлюхи из Рассеяния. Но ни одно из этих исчадий зла не знает его ресурсов. Никто не знает, что Бог поможет ему в крайней нужде.

Я очищусь сам, Боже!

Когда женщины Шайтана освободили его из рук распутниц и поклялись, что дадут ему убежище и окажут всяческую помощь, он знал, что их обещания — ложь.

Чем тяжелее испытание, тем сильнее моя вера.

Всего несколько минут назад он видел сквозь сверкающий барьер, как Дункан Айдахо прогуливался по коридору. Силовой барьер, разделявший их, поглощал звуки, но Сциталь видел, как губы Айдахо произнесли проклятие. *Можешь проклинать меня, гхола, но это мы сделали тебя и мы используем тебя.*

Бог изменил план Тлейлаксу относительно этого гхола, произошла *Священная Ошибка,* но, в отличие от человеческих, планы Бога велики и непостижимы. Истинно верующие должны подстраиваться под планы Бога, а не требовать, чтобы промысел Господа следовал планам смертных.

Сциталь целиком посвятил себя этому испытанию, обновив святую молитву. Все было сделано

без слов, старым тлейлаксианским способом *с'тори.* «Для того чтобы достичь состояния с'тори, не нужно понимание. С'тори существует без слов и даже без имени».

Чудо Господне было его единственным спасительным мостиком. Сциталь глубоко это чувствовал. Самый молодой Мастер в своем кехле, он знал, что именно ему выпадет это последнее и самое тяжкое испытание. Это знание было его силой, и он вспоминал о нем всякий раз, когда видел себя в зеркале. *Бог дал мне такую внешность специально для того, чтобы обмануть повиндах!* Детские черты лица и округлость тела были покрыты сероватой кожей, в которую был вкраплен металл, который препятствовал проникновению внутрь электромагнитных зондов. Невзрачная внешность вводила в заблуждение наблюдателей, которые не могли и предположить, какие силы накопились в Сцитале за время серийных перевоплощений. Только Сестры Бене Гессерит были способны носить в себе Чужую Память давно умерших людей, но этими ведьмами двигало зло.

Сциталь потер грудь, словно напоминая себе, что там спрятана величайшая тайна, причем спрятана так искусно, что на поверхности кожи

не осталось даже маленького рубца. У каждого Мастера был такой источник — капсула с нулевой энтропией с живыми сохраненными клетками множества людей: Мастер из центрального кехля, лицеделы, технические специалисты и *многие,* многие другие, он точно это знал, были бы очень лакомым кусочком для этих невест Шайтана… и многих слабых повиндах! Здесь были Пауль Атрейдес и его возлюбленная Чани. (Сколько труда стоило разыскать одежду этих умерших людей, чтобы добыть их клетки!) Там был исходный Дункан Айдахо и другие миньоны — ментат Суфир Хават, Гурни Халлек, фрименский наиб Стилгар… множество потенциальных слуг и рабов для народа Тлейлаксу.

Ценное из ценного, то, что хранилось в капсуле с нулевой энтропией, — это лицеделы. От этой мысли захватывало дух. Великолепные лицеделы! Мимы высшего класса. Люди, в совершенстве умеющие записывать информацию с других людей. Они смогут обмануть даже ведьм из Бене Гессерит. Даже шир не помешает этим лицеделам считать нужную информацию.

Эта маленькая трубка была его властью, которую можно было бросить на чашу торговли в самый последний момент. Никто не должен

знать о ней. Во всяком случае не теперь, когда он еще не знает всех пороков здешних обитателей и гостей.

В системе защиты корабля-невидимки было немало прорех, что было приятным открытием. На протяжении своих воплощений он собирал полезные навыки с такой же страстью, с какой другие Мастера Тлейлаксу собирали всякие приятные пустяки. Они всегда считали Сциталя слишком серьезным, но сегодня настал час оправдания.

Его всегда привлекало учение Бене Гессерит. Он накапливал знания о Сестрах на протяжении эпох. Он знал, что в этом учении содержится масса мифов и заблуждений, но вера в провидение Божье вела его вперед, и он знал, что его знания послужат Великой Вере, несмотря на все тяготы испытаний.

Часть своего каталога, касающегося Бене Гессерит, он назвал «Типичные», слово, взятое из частого замечания: «Это их типичный представитель».

Типичные были просто очаровательны.

Типичным для них было умение выносить буйное, но не угрожающее поведение других, которое они не допустили бы у себя. «Стандарты

Бене Гессерит выше этого». Сциталь слышал это даже от одного из своих покойных коллег.

— У нас есть дар видеть себя такими, какими нас видят окружающие, — сказала однажды Одраде.

Сциталь включил это наблюдение в рубрику «типичных», но слова Одраде не согласовались с Великой Верой. Только Богу дано право видеть твою конечную сущность! Хвастовство Одраде отдавало высокомерием.

«Их ложь никогда не бывает случайной. Они предпочитают правду, она лучше служит их целям».

Он часто обдумывал эти слова. Сама Верховная Мать цитировала эти слова, как основное правило поведения Сестер Бене Гессерит. Оставалось фактом, что Сестры придерживались очень циничной точки зрения на правду. Верховная осмеливалась приписывать такое отношение кодексу Дзенсунни: «Чья правда? Как ее изменили? В каком контексте?»

Вчера они сидели в его апартаментах на корабле-невидимке. Он просил о встрече, чтобы «проконсультироваться по взаимным проблемам». Это был его эвфемизм для обозначения заключения сделки. Они были одни, если не считать

вечных видеокамер и постоянно заходивших сестер-наблюдателей.

Его апартаменты были достаточно комфортабельны: три комнаты с выложенными плазом стенами, окрашенными в умиротворяющий зеленый цвет, мягкая кровать, стулья, специально уменьшенные в размерах для того, чтобы тлейлаксианцу было уютно и комфортно.

Корабль-невидимка был изготовлен на Иксе, и его тюремщицы даже не подозревали, сколь много он знает об этом корабле. Я знаю о нем столько же, сколько иксианцы. Вокруг были иксианские машины, но не было видно ни одного иксианца. Мастер сомневался, что на Капитуле вообще присутствовал хотя бы один иксианец. Ведьмы славились тем, что самостоятельно управлялись со своим хозяйством.

Движения и речь Одраде были неторопливы и спокойны. *«Они не импульсивны».* Это тоже приходилось слышать довольно часто.

Она спросила, удобно ли ему здесь, и вообще проявляла максимум внимания.

Он оглядел гостиную.

— Я не вижу здесь ни одного иксианца.

В ответ она недовольно надула губы.

— Именно по этому поводу вы хотели со мной

проконсультироваться?

Конечно же, нет, ведьма! Я просто решил поупражняться в искусстве отвлечения внимания. Ты же не ждешь от меня упоминания о вещах, которые я хотел бы скрыть. Тогда зачем бы мне обращать твое внимание на иксианцев, если я знаю, что вряд ли на корабле присутствуют опасные пришельцы, свободно разгуливающие по вашей трижды проклятой планете? Ах, мы, тлейлаксианцы, очень долго поддерживали связи с хваленными иксианцами. Ты прекрасно это знаешь! Вы сами весьма часто наказывали иксианцев так, что они долго будут об этом помнить.

Технократы Икса будут не один раз сомневаться, прежде чем решатся вызвать раздражение Бене Гессерит, но они трижды проявят осторожность, прежде чем решатся возбудить гнев Досточтимых Матрон. Тайная торговля имеет место, и свидетельство тому — этот корабль-невидимка, но цена была сногсшибательной, а переговоры о закупке весьма длительными и запутанными. Уж очень отвратительны эти шлюхи из Рассеяния. Они сами не прочь попользоваться Иксом, подумал Мастер Тлейлаксу. Видимо, Икс тайно сопротивляется шлюхам и заключает секретные соглашения с Бене Гессерит.

Однако поле взаимодействия очень узко, а вероятность предательства очень высока.

Торговаться было непросто, и эти мысли приносили успокоение. Одраде пребывала в неустойчивом состоянии духа и несколько раз озадачивала его, уставившись на Мастера своеобразным взглядом, присущим только Преподобным Матерям Бене Гессерит.

Открой передо мной только маленькую щелку, а я уж сумею раскрыть ее пошире, думал Сциталь. *Дай мне моих лицеделов. Дай мне слуг, которые будут выполнять только мои приказания.*

— Я хотел бы попросить об одном очень незначительном одолжении, — сказал он. — Мне нужен персональный комфорт, то есть, попросту говоря, мне нужны слуги.

Одраде вперила в него свой знаменитый взгляд выкормыша Бене Гессерит. Этот взгляд, казалось, проникал под кожу, срывая маски и покровы с любой тайны.

Но мою маску тебе не удастся сорвать.

Он видел, что его наружность вызывает у нее физическое отвращение, это было видно по тому, как она не спеша обводила взглядом его лицо. Он прекрасно понимал, о чем она думает. *Карликовая фигура, узкое лицо и глазки-пуговки.*

Вдовий вид. Взгляд двинулся ниже. *Крошечный ротик с острыми зубками и выдающимися вперед клыками.*

Сциталь знал, что его внешность вполне соответствует внешности самых отвратительных героев человеческой мифологии. Должно быть, Одраде задает себе вопрос: *зачем Бене Тлейлаксу выбрал для себя такую физическую внешность, если он может контролировать наследственность. Неужели они не могли подобрать для себя что-нибудь более впечатляющее?*

Это было сделано именно для того, чтобы беспокоилась по этому поводу повиндахская грязь!

Он немедленно подумал еще об одной *типичной* черте: «Бене Гессерит редко оставляет после себя грязь».

Лично он, Сциталь, не один раз видел грязь, оставшуюся после пребывания и действий Бене Гессерит. *Стоит только посмотреть, что они натворили на Дюне! Спалили ее дотла только потому, что эти невесты Шайтана выбрали несчастную планету местом своего столкновения со шлюхами. Даже самые ревностные последователи нашего пророка получили свою мзду. Все были убиты!*

Он не смел даже подвести итог своим потерям.

Ни одна из тлейлаксианских планет не избежала участи Дюны. *И причиной этому — упрямство Бене Гессерит!* А теперь он должен проявлять чудеса терпимости — и только Бог служит ему здесь, в изгнании, опорой.

Он спросил Одраде о *грязи, разбрызганной* на Дюне.

— Это бывает только тогда, когда мы оказываемся в экстремальной ситуации.

— Только поэтому вы являетесь объектом насилия со стороны шлюх?

Она отказалась обсуждать эту тему.

Один из покойных друзей Сциталя сказал однажды: «Бене Гессерит оставляет прямые следы. Вы можете думать, что они — сложные натуры, но если приглядеться повнимательнее, то станет ясно, что они сглаживают, трамбуют на своем пути все неровности».

Тот друг и многие другие были зверски убиты шлюхами. Надежда на его возрождение лежала в виде клеток в капсуле с нулевой энтропией. Велика цена мудрости мертвого Мастера!

Одраде же хотела получить больше информации о чанах с аксолотлями. О, как умно она формулировала свои вопросы!

Тяжело торговаться, когда ставкой является

выживание, а каждый шаг дается с таким неимоверным трудом. Что он получил за те крупицы знаний о чанах, которыми поделился с Верховной Матерью? Иногда Одраде выводила его из корабля на волю, но что за нужда? Для него вся планета была большой тюрьмой. Где мог он скрыться здесь от всевидящего ока ведьм?

Что они делают со своими чанами с аксолотлями? Он не был уверен в том, что знает это. Ведьмы лгут с такой профессиональной легкостью.

Не было ли ошибкой снабжать их даже ограниченной информацией? Теперь он понимал, что сообщил им нечто большее, нежели простые биотехнологические детали, которыми хотел первоначально ограничиться. Они определенно вывели заключение о том, каким образом Мастера добиваются хотя бы частичного бессмертия — в чанах постоянно выращиваются резервные гхола. Но и эта тайна потеряна! Он хотел вопить от отчаяния и бессильной ярости.

Вопросы… Очевидные вопросы.

Он парировал ее вопросы с помощью словесных споров о «необходимости иметь в распоряжении слуг-лицеделов и доступ к консоли управления системами корабля-невидимки».

Одраде отвечала уклончиво, но не уступала,

проявив железную твердость, стараясь при этом выведать побольше про чаны с аксолотлями.

— Информация о производстве меланжи с помощью наших чанов могла бы заставить нас стать более либеральными по отношению к нашему гостю.

Наши чаны! Наш гость!

Эти женщины были похожи на пластиловую стену. Никаких чанов для его личного пользования. *Вся сила и власть Тлейлаксу исчезла как дым.* Эта мысль была нестерпимо грустной, вызвала волну жалости к себе. Он восстановил силы напоминанием: очевидно, что Бог испытывает его на прочность. *Они думают, что заманили меня в ловушку.* Но как болезненны их узы. Не будет слуг-лицеделов? Отлично. Он поищет других слуг. Не лицеделов.

Сциталь почувствовал нестерпимую боль за все свои прожитые в прошлом жизни, когда подумал о лицеделах, этих изменчивых рабах. *Да будут прокляты эти женщины и их притворная преданность Великой Вере! Вездесущие послушницы и Преподобные Матери, которые постоянно что-то вынюхивают. Шпионки! А эти видеокамеры, натыканные повсюду! Как это подавляет.*

Прибыв на Капитул, он чувствовал некоторую

застенчивость в поведении своих тюремщиц, но их замкнутость стала угнетать, когда он попробовал проникнуть в механизмы, управляющие их жизнью, ее порядком. Позже он понял, что это круговая оборона, направленная наружу и готовая среагировать при малейшей угрозе. *Что наше, то наше, и чужакам вход сюда воспрещен!*

Сциталь распознал в этом основы родительского поведения, материнский взгляд ведьм на человечество. «Веди себя как следует, иначе ты будешь наказан!» Но наказания Бене Гессерит следовало всякими силами избегать.

Одраде продолжала требовать подробностей, и Сциталь сосредоточил свое внимание на еще одной типичной черте, которую ему удалось подметить и которая, по его мнению, была верной: они не способны любить. Он был вынужден согласиться с этим утверждением. Ни любовь, ни ненависть не поддаются чистому разуму, они иррациональны. Он расценивал эти эмоции, как темные фонтаны, заслоняющие солнце, как примитивные шутихи, окатывающие водой ничего не подозревающего человека.

Как невыносимо болтает эта женщина! Он смотрел на нее, не вникая в суть того, что она

говорила. В чем ее порок, где искать в ней изъян? Была ли слабость в том, что они избегали слушать музыку? Не боялись ли они, что музыка пробудит в них эмоции? Отвращение к музыке носило характер условного рефлекса, но рефлексы могут и угаснуть. За время своих многих жизней ему приходилось видеть ведьм, которые с удовольствием наслаждались звуками музыки. Когда он спросил об этом Одраде, она стала горячиться, и он решил, что это деланная горячность, имеющая целью сбить его с толку.

— Мы не можем позволить себе отвлекаться на пустяки!

— Неужели вы никогда не пытались воспроизвести в памяти великие музыкальные произведения? Мне говорили, что в древние времена…

— Какая польза играть музыку на инструментах, которые неизвестны в наше время большинству людей?

— О? Но что это за инструменты?

— Где вы, к примеру, найдете сейчас фортепьяно? — Она все еще пребывает в притворном гневе. — Это страшный инструмент, его очень тяжело настраивать и еще труднее на нем играть.

Как мило она протестует.

— Я никогда не слышал об этом… как вы гово-

рите: фортепьяно? Оно похоже на балисет?

— Они довольно отдаленные родственники. Но настроить этот инструмент можно только в очень приблизительном ключе. Он вызывает идиосинкразию.

— Почему вы упомянули именно это… фортепьяно?

— Потому что иногда я думаю, что это плохо, что у нас нет больше этого инструмента. Извлечь совершенство из несовершенства — разве не в этом заключается высшее искусство?

Совершенство из несовершенства! Она старается отвлечь его рассуждениями в духе Дзенсунни, пытаясь создать иллюзию, что разделяет Великую Веру. Его много раз предупреждали об этой особенности Бене Гессерит в ведении дел. Они приближаются к предмету под острым углом, до последнего момента скрывая, что именно служит предметом их поиска. Но сейчас он знал, что является предметом торга. Она хочет получить все его знания и ничего за это не заплатить. Но как соблазнительно звучат ее слова, какое это нестерпимое искушение.

Сциталь ощутил глубокое внутреннее беспокойство и тревогу. Ее слова так ясно выражали претензию Бене Гессерит на поиски совершен-

ного человеческого общества. Итак, она думает, что может чему-то его научить! Еще одна типичная черта: «Они видят себя в качестве учителей».

Когда он выразил сомнение по поводу этих претензий, она ответила:

— Конечно, мы давим на общества, на которые влияем. Мы делаем это, поскольку можем разумно направлять наше давление.

— Я нахожу, что это диссонанс.

— Почему, Мастер Сциталь? Это очень распространенное явление. Правительства часто прибегают к этому средству, чтобы вызвать насилие по отношению к избранной цели. Вы и сами это делали! И видите, куда вас завело такое поведение.

Она осмеливается утверждать, что тлейлаксианцы сами навлекли на себя свои несчастья!

— Мы следуем урокам Великого Посланника, — сказала она, произнеся принятое в исламияте имя Пророка Лето Второго. Это слово прозвучало чужеродно для ее уст, но Сциталь был ошеломлен. Она знала, как тлейлаксианцы чтят Пророка.

Но я же сам слышал, как они называют его Тираном!

Продолжая говорить на исламияте, она спросила:

— Разве Его целью не было предотвращение насилия, разве он не преподал нам всем ценный урок?

Она осмеливается шутить Великой Верой?

— Именно поэтому мы приняли его, — продолжала она. — Он не играл по нашим правилам, но он вел к нашей цели.

Она осмеливается говорить, что *она* принимает Пророка! Он не стал ей противоречить, хотя искушение было очень велико. Очень деликатная вещь — взгляд Преподобной Матери на себя и свое поведение. Он начал подозревать, что они постоянно подправляют свою точку зрения, никогда, впрочем, не отклоняясь от основного направления. Ни любви, ни ненависти к себе. Уверенность — да. Ошеломляющая самоуверенность. Но она не требует любви или ненависти. Она требует холодной головы и постоянной готовности менять свои взгляды, чего она и не скрывает. Такое поведение не требует похвалы. *Ты хорошо сделал свою работу? Но от тебя и не ждали ничего другого.*

— Воспитание Бене Гессерит закаляет характер.

Ну, это народная мудрость, очень популярная и типичная.

Он попытался завязать спор на эту тему.

— Но разве условные рефлексы Досточтимых Матрон не идентичны вашим? Взгляните на Мурбеллу!

— Ты хочешь обобщений, Сциталь?

Нет ли в ее тоне насмешки?

— Но разве нельзя рассматривать вашу вражду как столкновение двух условно-рефлекторных систем? — продолжил он.

— И победу одержит сильнейшая из них, не правда ли?

Определенно она издевается над ним!

— Но ведь дело всегда обстоит именно так. — Он с трудом сдерживал гнев.

— Надо ли воспитаннице Бене Гессерит напоминать тлейлаксианцу, что тонкости и нюансы являются подчас очень опасным и мощным оружием? Разве вы не прибегали к обману? Притвориться напуганным, чтобы отвлечь врага и завлечь его в западню. Уязвимость можно создать.

Естественно! Она знает о тысячелетиях, в течение которых тлейлаксианцы обманывали всех, стремясь создать себе репутацию ни на что не способных идиотов.

— И таким образом вы хотите справиться с на-

шими врагами?

— Мы намерены наказать их, Сциталь.

Какая неумолимая решимость!

То новое, что он узнал о Бене Гессерит, наполнило его дурными предчувствиями.

Одраде вывела его на прогулку под надежной охраной (в нескольких шагах позади них шли прокторы, отличавшиеся мощным сложением). Они остановились, чтобы посмотреть на маленькую процессию, вышедшую из ворот Центрального здания. Это были пять женщин Бене Гессерит. Две из них были в отороченной белой полосой одежде послушниц, три были одеты в серые платья и были незнакомы Сциталю. Женщины катили в один из садов тележку. Их обдувал пронизывающий, холодный ветер. С темных ветвей слетали запоздалые листья. На тележке лежал длинный белый сверток. Мертвое тело? Очень похоже по форме.

Он спросил об этом Одраде, и она угостила его рассказом о похоронном обряде Бене Гессерит.

Если человек умирал, то его погребали без всяких церемоний, с нарочитой небрежностью, свидетелями которой они стали. Не было никаких некрологов, ни потребности в ритуале. Это считалось пустой тратой времени. Разве па-

мять Сестры не живет в памяти других членов Бене Гессерит?

Он начал было спорить, что это неподобающее поведение, не почтительное по отношению к мертвым, но Одраде прервала его излияния:

— Что касается феномена смерти, то не надо забывать, что все атрибуты жизни временны и преходящи, как и мирские привязанности. Мы преобразуем память в Другие Памяти. Вы делаете нечто подобное, Сциталь. Теперь мы хотим включить кое-что из ваших трюков в наш арсенал. О да. Так мы думаем о вашем знании. Оно просто модифицирует некий паттерн.

— Это непочтительная по отношению к усопшим практика!

— В ней нет ничего непочтительного. Они возвращаются в прах, где по крайней мере могут стать удобрением. — После этого она продолжала описывать процедуру, не дав ему возможности протестовать.

То, что он видит, есть обычная рутинная практика, говорила Одраде. В сад привозят большой механический бур, который высверливает в земле подходящее по размеру отверстие. Тело хоронится в это отверстие вертикально, а сверху высаживается плодовое дерево. Сад спланирован

в виде решетки, в углу находится кенотафий, где установлен указатель захоронений. Сциталь увидел кенотафий, когда Одраде указала на него рукой. Это был темно-зеленый куб высотой около трех метров.

— Я думаю, что это тело захоронено на участке С-21, — сказала она, глядя, как вращается бур, а похоронная команда терпеливо ждет, когда его работа закончится. — Этот труп послужит удобрением для яблони.

Как безбожно счастлива была эта женщина, произнося свои кощунственные слова!

Бур вытащили из свежей могилы, наклонили тележку, и тело соскользнуло в скважину. Одраде принялась напевать какую-то мелодию.

Сциталь был поражен.

— Вы говорили, что воспитанницы Бене Гессерит избегают музыки.

— Это просто старинная песенка.

Бене Гессерит оставался загадкой, и более того, он видел теперь слабость типизации. Как можно вести дела с людьми, образцы поведения которых не следуют общепринятым нормам? Ты можешь сколько угодно воображать, что понимаешь их, но каждый раз они вдруг начинают двигаться в совершенно неожиданном направлении.

Они нетипичны! Попытка понять их приводила к нарушению чувства упорядоченности. Он был теперь уверен, что не получил ничего существенного в результате сложных переговоров. Он получил только немного больше свободы, которая в действительности была лишь иллюзией свободы. Ничего, что он хотел бы получить, он не получил от этой ведьмы с ледяным непроницаемым лицом. Какая это мука — пытаться по кусочкам собирать что-то целое из того, что он знал о Бене Гессерит. Например, они утверждали, что обходятся без бюрократической системы и практически не ведут никаких записей. За исключением, разумеется, архивных, которые находятся в ведении Беллонды. Каждый раз, когда он заговаривал об этом, Одраде отмахивалась, говоря: «Боже, сохрани нас» или что-нибудь в этом же роде.

— Но как вы ведете дела без чиновников и документов? — В голосе Мастера прозвучало искреннее недоумение.

— Если надо что-то сделать, мы просто делаем это. Например, надо похоронить Сестру. — Одраде показала рукой на сцену погребения в саду. Послушницы, вооружившись лопатами, засыпали свежую могилу. — Вот так все и делается. Всегда

находятся люди, готовые нести ответственность. Они прекрасно знают, кто они и за что отвечают.

— Но кто соединяет эти разрозненные?..

— Здесь нет ничего разрозненного! — перебила его Одраде. — Это часть нашего образования. Руководят обычно Сестры, не сумевшие стать Преподобными Матерями, а исполнителями являются послушницы.

— Но они… Я хочу сказать, не вызывает ли у них отвращение такая работа? Сестры-неудачницы, говорите вы. И послушницы. Это больше похоже на наказание, чем на…

— Наказание! Продолжайте, продолжайте, Сциталь. Вы все время дуете в одну и ту же дуду? — Она снова протянула руку в направлении могилы. — После ученичества все наши люди охотно берутся за любую работу.

— Но… э-э-э… отсутствие бюрократии…

— Мы не настолько глупы, как вам кажется!

Он снова ничего не понял, но Одраде развеяла его молчаливое недоумение:

— Вы, без сомнения, знаете, что бюрократы, заняв командные посты, немедленно превращаются в прожорливую аристократию.

Сциталь все равно не понимал, что все это значит. К чему она хочет его склонить?

Он молчал, и Одраде снова заговорила:

— Общество Досточтимых Матрон несет на себе все признаки бюрократии. Министры того, Великая Досточтимая Матрона этого, кучка властителей наверху и масса функционеров внизу. Все они полны подростковой алчности. Подобно жестокому и прожорливому хищнику, они не понимают, как уничтожают свои жертвы. Это очень тесное соотношение: уменьшите количество жертв, которыми вы питаетесь, и ваши структуры начнут пожирать друг друга. Вся конструкция неминуемо рухнет.

Для Сциталя было откровением такое глубокое понимание сущности Досточтимых Матрон, которое только что высказала Одраде.

— Если вы останетесь в живых, Сциталь, то увидите, как все, что я говорю, воплотится в реальность. Эти ни о чем не размышляющие женщины издают яростные воинственные кличи, хотя им давно уже пора переходить к обороне. Они предпримут массу усилий, чтобы выжать все возможное из своих жертв. Они будут захватывать все больше и больше пленных! Беспощадно их давить! Но это путь к погибели. Айдахо говорит, что они уже находятся на стадии умирания.

Это говорит гхола? Так, значит, она использу-

ет его как ментата!

— Откуда вы набрались таких идей? Не ваш же гхола их породил? — *Пусть она продолжает верить, что это их гхола!*

— Он только подтверждает наши оценки. Мы давно готовы к этому — нас предупредила наша обширная память.

— О, вот как? — Упоминание о Другой Памяти вызвало у него беспокойство. Истинны ли их утверждения об этой памяти? Воспоминания о его собственных прошлых жизнях имели для Сциталя несравнимую ценность. Требовалось подтверждение.

— Мы все помним модель пищевой цепочки — кролики и рыси. Популяция рысей растет вслед за ростом популяции кроликов, но излишнее переедание приводит к вымиранию хищников, поскольку уменьшается поголовье кроликов. Это и есть умирание.

— Это очень интересный термин — «умирание».

— Он описывает наши намерения относительно Досточтимых Матрон.

Их встреча окончилась ничем. Сциталь не получил ничего и пребывал в растерянности. Неужели они действительно намерены искоре-

нить Досточтимых Матрон? Проклятая женщина! Он не мог поверить ни одному ее слову.

Вернувшись на корабль, Сциталь долго стоял перед Защитным Барьером, вглядываясь в длинный коридор, по которому иногда проходили Айдахо и Мурбелла по пути в тренировочный зал. Они всегда выходили оттуда, тяжело дыша и вытирая пот.

Но на этот раз его собратья по заключению не появились, хотя он топтался в коридоре битый час.

Она использует гхола в качестве ментата! Это значит, что он имеет доступ к консоли управления системами корабля. Определенно она не может лишить ментата источников информации. Мне необходимо изобрести способ сблизиться с Айдахо. Есть особый свистящий язык, которым можно воздействовать на любого гхола. Но не надо проявлять нетерпение и беспокойство. Надо сделать небольшую уступку в торговле с ведьмами. Надо пожаловаться, что у меня слишком тесные апартаменты. Они же видят, как плохо я переношу заточение.

Образование не заменяет ум – то неуловимое качество, которое лишь частично определяется как способность разгадывать головоломки. Основная задача ума состоит в создании новых головоломок, когда чувства сообщают вам о недостаточности традиционных определений.

(Первый урок ментата)

Луциллу привезли к Великой Досточтимой Матроне в цилиндрической клетке. Точнее, даже в двух клетках, вставленных одна в другую. К стенкам внутренней клетки Луцилла была привязана сетью из проволоки шиги.

— Я — Великая Досточтимая Матрона, — приветствовала Луциллу женщина, сидящая в массивном черном кресле.

Маленькая женщина в золотисто-красном трико.

— Ты посажена в клетку для твоей же безопасности, на тот случай, если вздумаешь применить по отношению к нам Голос. Мы не восприимчивы к нему. Наша невосприимчивость представляет собой рефлекс. Мы убиваем. Очень многие из вас погибли из-за Голоса. Мы знаем, что такое Голос, и умеем им пользоваться. Помни об этом, когда тебя выпустят из клетки.

Рукой она сделала знак слугам, которые внесли клетку.

— Уходите!

Луцилла осмотрелась. В комнате нет ни одного окна. Помещение почти квадратное. Под потолком плавают несколько серебристых светильников. Стены выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Типичная камера для допросов. Этаж, по-видимому, высокий. Клетку доставили сюда на пневматическом лифте незадолго до рассвета.

В стене за спиной Великой Досточтимой Матроны отодвинулась в сторону плита, и в помещение по скрытым до того рельсам вкатилась кубическая клетка. В ней стояло какое-то существо, которое Луцилла поначалу приняла за обнаженного мужчину. Но вот существо оглянулось и посмотрело на нее.

Футар! Она разглядела широкое лицо и выступающие клыки.

— Хочу, чтобы мне почесали спинку, — произнес футар.

— Хорошо, милый, попозже я почешу тебе спинку.

— Хочу есть, — продолжал говорить футар, глядя на Луциллу горящим взглядом.

— Позже, милый.

Футар продолжал буравить Луциллу взглядом.

— Ты погонщик? — спросил он.

— Нет, она точно не погонщик!

— Хочу есть, — настаивал на своем футар.

— Я же сказала: позже! Пока посиди в клетке и помурлыкай.

Футар скорчился на дне клетки и принялся издавать горловые рокочущие звуки.

— Не правда ли, они очень мило мурлыкают. — Вопрос был риторическим и не требовал ответа.

Присутствие футара смутило и озадачило Луциллу. Эти твари были выведены для того, чтобы охотиться на Досточтимых Матрон и убивать их. Но здесь эта тварь сидела в клетке.

— Где вы поймали его? — спросила Луцилла.

— На Гамму. — Великая Матрона рассудила, что этим признанием не откроет никакой важной тайны.

А это Связка, подумала Луцилла. Она рассмотрела планету, когда они подлетали к ней на лихтере.

Футар перестал мурлыкать.

— Хочу есть, — прорычал он.

Луцилла и сама не отказалась бы от еды.

Ее не кормили три дня, и она с трудом справлялась с болезненным чувством голода. В клетке

была раковина, в которой было немного воды, но и она уже кончилась. Слуги, доставившие ее сюда, издевательски шутили: «Футары любят тощее мясо».

Но больше всего неприятностей доставляло отсутствие меланжи. Первые признаки абстиненции появились сегодня утром.

Скоро мне придется убить себя.

Люди с Лампадас в ее памяти умоляли Луциллу потерпеть. *Будь храброй. Вдруг эта дикая Преподобная Мать не сможет с нами справиться?*

Королева пауков. Так называла Одраде эту женщину.

Оперевшись подбородком на руку, Великая Досточтимая Матрона продолжала внимательно рассматривать Луциллу. Подбородок был маленьким, изобличая слабую волю. Никаких положительных черт в ее лице не было, поэтому внимание привлекали отрицательные.

— В конце концов вы проиграете, — произнесла Великая Досточтимая Матрона после недолгого молчания.

— Посвисти на кладбище, — сказала Луцилла в ответ. — Это принесет тебе удачу.

На лице Матроны появилось приторно-вежливое выражение. *Как это интересно.*

— Любой из моих адъютантов убил бы тебя за такие слова, поэтому-то я отослала их. Мне любопытно, зачем ты это сказала?

Луцилла посмотрела на стоявшего на четвереньках футара.

— Футары появились не вдруг. Они выведены целенаправленно из животных определенного вида.

— Поосторожнее на поворотах! — В глазах Матроны заплясали рыжие огоньки.

— Для выведения футаров потребовалась смена многих поколений, — продолжала как ни в чем не бывало Луцилла.

— Мы охотимся за ними ради собственного удовольствия!

— Значит, охотник превратился в жертву.

Великая Досточтимая Матрона вскочила с кресла. Глаза пылали оранжевым огнем. Футар забеспокоился и принялся выть. Этот вой успокоил женщину. Она медленно опустилась в кресло. Рука протянулась в сторону клетки с футаром.

— Все в порядке, милый, скоро ты поешь, и я поглажу тебе спинку.

Футар снова принялся мурлыкать.

— Итак, ты думаешь, что мы прибыли сюда как беженцы, — сказала Великая Досточтимая

Матрона. — Да, и не смей этого отрицать.

— Черви часто возвращаются, — произнесла Луцилла.

— Черви? Ты имеешь в виду тех чудовищ, которых мы уничтожили на Ракисе?

Это была попытка задеть Матрону за живое и спровоцировать ее на насилие. Надо как следует вывести ее из себя, и она точно решится на убийство.

Мы очень просим тебя, Сестра, потерпи, в один голос кричали Сестры с Лампадас.

Вы думаете, что я смогу ускользнуть отсюда? Этот вопрос заставил почти всех замолчать, но один тихий голос продолжал протестовать. *Помни, что мы — подобие древней статуэтки: семь раз мы падали, но восемь раз поднимались.* Возникла ассоциация с маленькой терракотовой статуэткой улыбающегося Будды, сложившего руки на толстом округлом животе.

— Очевидно, ты имеешь в виду отпрысков Бога-Императора, — сказала Луцилла. — Но я имею в виду совершенно другое.

Великая Досточтимая Матрона задумалась. Рыжие блики исчезли из ее глаз.

Она играет со мной, подумала Луцилла. *В действительности она хочет убить меня и скор-*

мить своему зверю.

Но подумай о тактически важной информации, которую ты сможешь получить и которой сможешь воспользоваться, если удастся бежать!

Мы! В этом возгласе одинокого протестанта была точность. Ее доставили с лихтера на планету прошедшим днем. Подходы к логову Великой Досточтимой Матроны были спланированы так, чтобы затруднить доступ к ней. Однако планировка немало позабавила Луциллу своей древностью и примитивностью. Сужение дорог, по обочинам которых высились сторожевые башни, похожие на грибы, выбросившие свои спорангии в нужных местах мицеллия. В стратегически важных пунктах были устроены крутые повороты, преодолеть которые на высокой скорости не могло бы ни одно транспортное средство.

Она вспомнила, как Тег критиковал оборонительную систему планеты Связки. Чудовищно неразумная оборона. При наличии тяжелого вооружения или мобильных соединений преодолеть такую оборону — пара пустяков. Конечно, там были разветвленные подземные коммуникации, но их вполне можно было взорвать. Связать их, лишить источников снабжения — и долго они не продержатся. *Энергия перестанет поступать*

по вашим трубам, идиотки! Однако видимость безопасности была, и Досточтимые Матроны крепко держались за эту иллюзию. Она придавала им уверенность! Должно быть, охрана тратила массу усилий на создание у этих женщин ложного чувства безопасности.

Коридоры! Помни о коридорах.

Да, в этом гигантском здании были огромные, просторные коридоры, по которым могли проехать громадные чаны, в которых были вынуждены существовать Гильд-навигаторы. Система вентиляции должна быть рассчитана на повышенную нагрузку, чтобы быть в состоянии удалять меланжевый газ, который распространялся вокруг навигаторов. Луцилла явственно представила себе огромные люки, которые открывались и захлопывались со страшным звоном, гулким эхом отдававшимся под сводами исполинских коридоров. Члены Гильдии были невосприимчивы к громким звукам. Кабели передачи энергии выглядели как толстые черные змеи, которые, извиваясь, вползали в каждое помещение, мимо которого проносили Луциллу по пути в зал Великой Досточтимой Матроны. Сделано это было, по всей видимости, для того, чтобы прибывшие сюда навигаторы поменьше совали нос в чужие

дела, передвигаясь по зданию.

Многие из обитателей носили на руках проводники-напульсники. Даже Досточтимые Матроны. Иначе здесь можно было заблудиться. Все расположено здесь в одном месте, под крышей фаллической башни. Новые обитатели нашли эту форму привлекательной. Надежно изолированные от грубой окружающей действительности, выходящие наружу только за тем, чтобы убить кого-нибудь или понаблюдать, как рабы трудятся или исполняют свою дикарскую музыку. Под всем этим великолепием Луцилла смогла разглядеть убогость и ветхость — Досточтимые Матроны предпочитали не тратиться на поддержание порядка в своем логове. *Они почти ничего здесь не изменили. План, который составил Тег, точно соответствует нынешней планировке.*

Смотри, какую ценность могут иметь твои наблюдения.

Великая Досточтимая Матрона очнулась от своей задумчивости.

— Вполне возможно, что я сохраню тебе жизнь. Но только при условии, что ты удовлетворишь мое любопытство.

— Откуда ты знаешь, что я не отвечу на твое любопытство потоком дерьма?

Эта вульгарность поразила Досточтимую Матрону. Она едва не расхохоталась. Очевидно, ее никто не предупреждал о том, каковы бывают воспитанницы Бене Гессерит, когда прибегают к откровенной грубости. Предполагалось, что сама мотивация к такому поведению была чем-то отвратительным. *Это же не Голос, правда? Она думает, что Голос — это мое единственное крайнее средство.* Великая Досточтимая Матрона сказала и сделала достаточно для того, чтобы любая Преподобная Мать могла ею управлять по своему усмотрению. Язык тела и жестов всегда несет в себе больше информации, чем нужно для понимания. Эту неизбежную информацию нельзя было терять.

— Вы не находите нас привлекательными? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

Странный вопрос.

— Все люди из Рассеяния отличаются известной привлекательностью.

Пусть она думает, что я видела многих из них, включая и ее врагов.

— Вы экзотичны. Я хочу сказать, что вы отличаетесь странностью и новизной для нас.

— Как вы относитесь к нашему сексуальному искусству?

— Это, конечно, создает вам определенную ауру. Некоторые находят это магнетическим и волнующим.

— Но вы так не считаете?

Говори о подбородке! Это было требование Другой Памяти с Лампадас. *Почему нет?*

— Я внимательно изучила ваш подбородок, Великая Досточтимая Матрона.

— Вот как? — В возгласе явное удивление.

— Очевидно, что вы сохранили детскую форму подбородка, и вам следует гордиться таким напоминанием о юности.

Она вовсе не довольна таким сравнением, но старается этого не показать. Что ж, бей снова в подбородок.

— Могу держать пари, что ваши любовники часто целуют вас именно в подбородок, — продолжала Луцилла.

Теперь она в гневе, но не спешит это выказать. Начинай же мне угрожать! Еще одно предупреждение насчет Голоса!

— Поцеловать подбородок, — сказал вдруг футар.

— Я же сказала — позже, милый. А теперь заткнись!

Вымещала злобу на этом бедном животном.

— Но вы говорили, что у вас есть вопросы, которые вы хотели бы мне задать, — сладким голосом спросила Луцилла. Еще один предупредительный сигнал для тех, кто понимает. *Я из тех, кто кропит на всех сахарным сиропом. «Как вы великолепны! Какое удовольствие для нас общаться с вами. Разве это не прекрасно? Вы так умны, что смогли купить это по такой дешевой цене! Да так легко и так быстро». Держись такой манеры и дальше.*

Великая Досточтимая Матрона немедленно собрала в кулак свою волю. Она чувствовала, что теряет свое моральное преимущество, но не могла осознать, как именно. Она прикрыла свою растерянность загадочной улыбкой, потом заговорила:

— Но я же сказала, что освобожу тебя.

Она нажала кнопку в ручке кресла, и клетка из шиги открылась, в тот же миг из пола выдвинулось маленькое кресло в одном шаге от выхода из клетки.

Луцилла уселась в него, едва не касаясь коленями своей тюремщицы. *Ноги. Помни, они убивают ногами.* Она непроизвольно согнула пальцы, вдруг поняв, что сжала кулаки. Черт бы побрал это напряжение!

— Тебе надо поесть и попить, — сказала Великая Досточтимая Матрона. Она нажала в ручке кресла другую кнопку. Перед Луциллой появился поднос — тарелка, ложка, стакан с красноватой жидкостью.

Как она хвастается своими игрушками.

Луцилла взяла с подноса стакан.

Яд? Надо сначала понюхать.

Она принюхалась. Обычный чай и меланжа! *Как я голодна!*

Луцилла поставила на поднос пустой стакан. На языке остался горький привкус Пряности. *Что она делает? Усыпляет мою бдительность?* Меланжа принесла с собой улучшение самочувствия. Тарелка соблазняла бобами в пикантном соусе. Она съела все, попробовав блюдо и убедившись после первого глотка, что в пище нет нежелательных примесей. Чесночный соус. В какую-то долю секунды она вспомнила об этом блюде — добавка, оберегающая от оборотней и предупреждающая вздутие живота.

— Находишь ли ты нашу еду приятной?

Луцилла вытерла подбородок.

— Она очень хороша. Вас следует похвалить за выбор повара.

Никогда не хвали самого повара. Его можно

заменить, а хозяйку нет.

— Чесночный соус просто великолепен.

— Мы кое-что узнали из книг уцелевшей на Лампадас библиотеки.

Это была издевка: *видишь, чего вы лишились?*

— Правда, в этом хламе было мало чего интересного.

Уж не хочет ли она, чтобы я стала ее библиотекарем? Луцилла молча ждала продолжения.

— Некоторые из моих помощниц полагают, что в библиотеке можно найти ключ к доступу в гнездо ведьм или способ их уничтожения. Но книги написаны на таком множестве языков!

Значит, ей нужен переводчик? Притворись тупицей!

— Что вас интересует?

— Очень немногое. Кому могут быть нужны сведения о Джихаде Слуг?

— Они уничтожали все библиотеки.

— Не будь ко мне снисходительной!

Она умнее, чем мы могли предполагать. Продолжай притворяться тупой и глупой.

— Мне казалось, что здесь я — объект снисхождения.

— Слушай меня внимательно, ведьма! Ты думаешь, что ты можешь быть беспощадной

при защите своего гнезда, но ты просто не представляешь себе, что значит быть беспощадной.

— Мне кажется, что вы так и не сказали мне, чем я могу удовлетворить ваше любопытство.

— Мы хотим знать все о вашей науке, ведьма! — Голос Великой Досточтимой Матроны снизился до свистящего шепота. — Давай будем благоразумными. С твоей помощью мы сможем осуществить утопию.

Покорить всех своих врагов и каждый раз достигать оргазма.

— Вы полагаете, что ключи к утопии держит в своих руках наука?

— Да, и кроме того, наука поможет нам лучше организовать дело.

Помни: бюрократия стимулирует конформизм… Сделай это, и «фатальная глупость» получит статус официальной религии.

— Как это ни парадоксально, Великая Досточтимая Матрона, но наука должна нести с собой инновации. Она приносит с собой изменения. Вот почему наука находится в состоянии вечной войны с бюрократией.

Знает ли она свои корни?

— Но подумай о власти! Подумай о том, чем ты сможешь управлять!

Нет, она не знает этого.

Представления Досточтимой Матроны об управлении очаровали Луциллу. Вы контролируете свою вселенную, но не пытаетесь найти равновесие с ней. Вы смотрите наружу, но никогда внутрь. Вы не задумываетесь над нюансами своих ощущений, вы применяете мускульную силу против всего, что вам кажется препятствием на вашем пути. Эти женщины слепы?

Луцилла молчала, и Досточтимая Матрона снова заговорила:

— В библиотеке мы нашли много материалов о Бене Тлейлаксу. Вы много работали вместе с ними, ведьма. Это были разнообразные проекты: как свести к минимуму наблюдаемость корабля-невидимки, как проникнуть в тайну живой клетки, мы хотим знать, что такое Защитная Миссия, которую вы иногда называете Языком Божьим.

Луцилла натянуто улыбнулась. Неужели они всерьез полагают, что Бог существует где-то вне человека? *Подвергни ее маленькому испытанию! Прояви искренность.*

— Мы никогда не объединялись с Тлейлаксу. Ваши люди неправильно истолковали полученные сведения. Вы очень беспокоитесь,

что попадете под наше покровительство? Но как, по-вашему, к этому отнесется Бог? Мы насаждаем защитные религии, чтобы помочь себе. В этом и состоит задача Защитной Миссии. У Тлейлаксу есть только одна религия.

— Вы организуете религии?

— Не совсем так. Организационный подход к религии всегда отдает апологетикой. Мы же не склонны к апологиям.

— Ты начинаешь действовать мне на нервы. Ты меня утомляешь. Почему мы нашли так мало материалов о Боге-Императоре?

Вот оно!

— Вероятно, ваши люди уничтожили эти материалы.

— Ага, значит, вы всегда им интересовались и продолжаете интересоваться.

Так же, как и вы, мадам Паучиха!

— Могу предположить, Великая Досточтимая Матрона, что Лето Второй и его Золотой Путь являются предметом пристального изучения во всех ваших учебных центрах.

Это жестоко!

— У нас нет учебных центров!

— Меня удивляет ваш интерес к его персоне.

— Это обычное любопытство, не более того.

Как и этот футар, который упал с ветки после удара молнией.

— Мы называем его Золотой Путь «бумажным змеем». Он пустил его на волю ветров и сказал: вот, смотрите, куда он полетел. Это мы и называем Рассеянием.

— Некоторые предпочитают называть его Поиском.

— Неужели он мог действительно предсказывать будущее? Это интересует вас?

В яблочко!

Теперь Великая Досточтимая Матрона у нее в руках.

— Мы говорим, что Муад'Диб сотворил будущее, но Лето Второй развенчал его.

— Но если бы я могла знать…

— Прошу вас, Великая Досточтимая Матрона! Люди, которые требуют, чтобы оракул предсказал события их жизни, в действительности хотят знать, где спрятано сокровище.

— Но это же естественно!

— Если вы знаете ваше будущее, то ничто в жизни уже не сможет вас удивить. Это так?

— Не требовалось так много слов, чтобы утверждать эту истину.

— Таким образом, вы не хотите будущего,

вы хотите вечного сохранения настоящего.

— Я не могла бы высказать это лучше, чем ты.

— И после этого вы говорите, что я утомляю вас.

— А-а-а… О, но это вовсе не то, что я имела в виду.

— Тогда боюсь, что я не понимаю, чего вы от меня хотите, Великая Досточтимая Матрона.

— Это не имеет значения. Мы вернемся к этому вопросу завтра.

Это отсрочка!

— Возвращайся в клетку, — приказала ей Великая Досточтимая Матрона.

— А поесть? — жалобно проскулил футар.

— Очень вкусная еда ожидает тебя внизу, а потом я почешу тебе спину, милый.

Луцилла вошла в клетку. Великая Досточтимая Матрона бросила вслед подушку с кресла.

— Это защитит тебя от шиги. Говори после этого о моей жестокости. Видишь, я могу быть и доброй?

Дверца клетки захлопнулась со звонким щелчком.

Футар вместе со своей клеткой убрался в отверстие стены, которое было тотчас закрыто плитой.

— Они становятся такими беспокойными, когда испытывают голод, — сказала Великая Досточтимая Матрона. Она открыла дверь, потом вернулась и некоторое время рассматривала Луциллу. — Здесь тебя никто не побеспокоит. Я запретила кому бы то ни было входить сюда без моего разрешения.

Многие вещи, которые мы делаем естественно, становятся трудными, как только становятся объектом нашего интеллекта. О предмете надо знать так много, что мы начинаем чувствовать свое полное невежество.

(Второй урок ментата)

Периодически Одраде обедала вместе с послушницами в их столовой в присутствии прокторов-воспитателей. То были самые внимательные надзиратели в *темнице сознания*, из которой многим из них не суждено вырваться до конца дней.

Мысли и действия послушниц служили для Верховной Матери самым точным индикатором того, насколько четко в действительности функционирует Капитул. В отличие от Преподобных Матерей послушницы реагировали на происходящее, в большей степени основываясь на своих настроениях и предчувствиях. Полные Сестры не так хорошо поддавались наблюдению в свои худшие моменты. Они не стремились скрывать свои переживания, но любая из них могла пойти погулять в сад или прикрыть дверь своих апартаментов, чтобы стать недоступной наблюдению.

Послушницы не могли позволить себе такую роскошь.

В эти дни у обитателей Центрального Здания было весьма мало свободного времени. Даже в столовых люди занимались делом, невзирая на время дня и ночи. Рабочие смены шатались от усталости, и Преподобные Матери могли легко приспособить свой дневной ритм к времени отдыха. Одраде не могла тратить энергию на такие пустяки, как регулировка цикадного ритма. Вечером во время ужина она остановилась на пороге столовой и услышала быстро прокатившийся по рядам столов шум.

Многое можно было сказать по тому, как послушницы в последний момент отправляли пищу себе в рот. Куда смотрит девушка, пока вилка движется ко рту? Быстро ли она наколола пищу на вилку и жует, перед тем как судорожно проглотить комок? Стоило пристально понаблюдать за одной из послушниц. В последнее время ее преследовали неудачи. А вот еще одна, которая жует с таким видом, словно никак не может понять, как можно прятать яд в такую пищу. В глазах ум и способность к творчеству. Надо испытать ее на более трудном поприще.

Одраде вошла в зал.

Пол обеденного зала напоминал шахматную доску — он был выложен черными и белыми плитами плаза, которые отличались невероятной прочностью, их было невозможно поцарапать. Послушницы говорили, что Преподобные Матери специально сделали пол таким, превратив его в игровое поле. «Ставим одну послушницу здесь, другую там, третью по центру и начинаем двигать фигуры. Победитель получает все».

Одраде присела на угол одного из столов у западных окон. Послушницы несуетливо освободили ей место.

Этот зал располагался в старейшей части здания Капитула. Стены были облицованы деревом, огромные балки, выкрашенные в потускневший черный цвет, поддерживали высокий потолок. Балки имели в длину не менее двадцати пяти метров и шли, не прерываясь, от одной стены к другой. Сделаны были эти потолочные балки из специально выведенного дуба, который рос по направлению к солнцу, достигая исполинской высоты. Часть ствола таких дубов, лишенная ветвей, достигала в высоту тридцати метров, в обхвате стволы были не менее двух метров. При постройке дома одновременно высаживались новые дубы, чтобы со временем менять

старые балки, потерявшие прочность. Средний срок службы их составлял тысячу девятьсот стандартных лет.

Как внимательно смотрели на Одраде послушницы, в то же время стараясь не рассматривать ее прямо.

Одраде повернула голову и взглянула в западное окно. Солнце садилось за горизонт. *Опять пыль.* Дыхание Пустыни превратило солнце в пылающий шар, похожий на уголь, который в любой момент может неожиданно полыхнуть огнем.

Одраде подавила вздох. Подобные мысли пробуждали в душе старый кошмар: *пропасть и туго натянутый над ней канат.* Она знала, что стоит ей закрыть глаза, как она снова увидит себя балансирующей над бездной. Преследователь с топором подбирался все ближе и ближе!

Послушницы, которые ели рядом, проявляли беспокойство, словно чувствуя смятение Верховной Матери. Возможно, они действительно это чувствовали. Одраде услышала шорох платьев, и это отвлекло ее от мыслей о вечном ночном кошмаре. Она прислушалась к каким-то новым звукам в Центральном Здании. Это был шорох, скрип двигавшихся стульев. Вот открылась дверь

кухни. Опять шорох. Персонал кухни жалуется на вечный песок и «проклятую пыль».

Одраде опять посмотрела в окно на источник этого раздражения: ветер снова дул с юга. Горизонт был заслонен пеленой цвета загара и почвы. После такого ветра отложения пыли и песка можно будет обнаружить на углах здания и на подветренной стороне окрестных холмов. В воздухе стоял запах кремния, щелочной запах раздражал ноздри.

Она посмотрела на поднос, поставленный перед ней послушницей.

Одраде искренне порадовалась, что сможет сегодня нормально поесть. В рабочем кабинете, из-за нехватки времени, приходилось ограничиваться наскоро приготовленной сухомяткой. Когда она ела в кабинете, послушницы приносили еду и уносили остатки так тихо, бесшумно и быстро, что она временами не успевала понять, когда и как все это происходило. Здесь же ужин был временем, когда можно было расслабиться и поговорить. Иногда шеф-повар Дуана приходила в негодование: «Вы плохо едите». Одраде обычно прислушивалась к этим упрекам. Наблюдатели делали свое дело.

Сегодня ужин состоял из жаркого из слиньи,

приправленного соусом из сои и мелассы, с добавлением небольшого количества меланжи, базилика и лимона. Зеленый горошек плавал в соусе с перцем. На третье подали темно-красный виноградный сок. Она откусила кусок жаркого и нашла его вполне сносным, хотя и несколько пережаренным на ее вкус. Повара послушниц явно не ориентировались на вкус Верховной Матери.

Почему меня преследует мысль, что я чувствую в еде что-то лишнее?

Она проглотила кусок и почувствовала добавки. Эта еда предназначалась не только для того, чтобы насытить аппетит Верховной Матери. Кто-то на кухне поинтересовался ее обычным меню и решил возместить недостающее.

Еда — это ловушка, подумала Одраде. *Она вызывает большее пристрастие, чем любой наркотик.* Она не одобряла хитрости, к которым прибегали повара Капитула, скрывавшие, что именно они добавляют в еду для «блага едящих». Они, конечно, знали о том, что Верховная Мать может определить присутствие в еде любой добавки и изменить в нужную сторону свой обмен веществ. Вот и сейчас они внимательно наблюдают за ней, чтобы узнать, как отнесется Верховная

к их стряпне.

За едой она прислушивалась к разговорам за соседними столами. Никто не действовал ей на нервы — ни поведением, ни голосом. Шум от разговоров был точно таким же, каким до ее прихода. Болтуны укорачивали язычки и немного приглушали голос, когда Верховная посещала столовую.

Большинство этих головок были заняты одним вопросом: «Зачем она пришла сюда сегодня?»

Одраде чувствовала, что в поведении рядом сидящих послушниц сквозит благоговение. Это чувство Верховная Мать временами использовала в своих целях. Трепет и благоговение подобны острию ножа. Послушницы (как докладывали прокторы) часто шептались между собой, говоря: «Она имеет Таразу». Они говорили о том, что Тараза была в свое время шефом и старшим товарищем Одраде. Они были исторической парой, их пример изучался всеми новичками.

Дар и Тар. Это уже стало легендой.

Даже Беллонда (дорогая старая злюка Беллонда) не осмеливалась прямо выступать против Одраде по той же самой причине. С ее стороны было очень мало фронтальных атак под рев труб. Тараза была окружена ореолом спасительницы

Общины Сестер. Это обстоятельство затыкало рот любой оппозиции. Тараза утверждала, что Досточтимые Матроны — это, по существу, варвары, их насилие. Если его даже не удастся отвести, можно направить в русло обычных кровавых шоу. Последующие события подтвердили правоту ее слов.

Надо сделать только одну поправку, Тар. Никто из нас не предвидел масштабов их насилия.

Классическое действие Таразы (как здесь подходит аналогия с кольцом, продетым в ноздри быка) по привлечению Досточтимых Матрон к нужным целям и их вовлечение в эпизоды кровавой резни, показали, что вселенной угрожает нешуточная опасность со стороны ставших жестокими убийцами жертв Матрон.

Как могу я защитить нашу Общину?

Дело было не столько в том, что планы защиты были неадекватны. Они могли просто потерять свою актуальность.

Именно этого я и ищу. Нам надо очиститься и предпринять экстраординарные усилия.

Беллонда высмеяла эту идею.

— Ты имеешь в виду наш конец? Именно для этого и нужно очищение?

Беллонда наверняка поведет себя двояко, когда

будет посвящена в планы Верховной Матери. Порочная Беллонда будет аплодировать, но Беллонда-ментат потребует отложить исполнение плана до более благоприятного момента.

Но я все же буду искать свой способ, невзирая на то, что подумают об этом Сестры.

И ведь многие Сестры считают Одраде самой странной из всех Верховных Матерей, каких когда-либо имела Община. Она была избрана скорее левыми руками, чем правыми. *Первая воспитанница Таразы. Я была при тебе, когда ты погибла, Тар. Никто больше не мог принять твою личность. Возвышение было случайным?*

Многие не одобряли действий Одраде. Но стоило только оппозиции возвысить голос, как тотчас находились те, кто говорил: «Первая воспитанница Таразы — лучшая Верховная Мать в нашей истории».

Поразительно! Сама Тараза внутри Одраде частенько говорила, смеясь: *почему ты не расскажешь им о моих ошибках, Дар? Особенно о том, как я поначалу неверно оценивала тебя.*

Одраде машинально жевала кусок жаркого. *Я запаздываю с визитом к Шиане. Надо поторопиться на юг, в Пустыню, и поскорее. Шиана должна приготовиться заменить Там.*

Изменение ландшафта давно и прочно занимало мысли Одраде. Полторы тысячи лет Бене Гессерит владеет Капитулом на этой одноименной планете. *Здесь везде можно обнаружить следы нашего пребывания.* И это не только канавы, каналы, сады и виноградники. Главное — это те изменения коллективной психологии, которые позволяют увидеть все эти преобразования до боли знакомой земли.

Послушница, сидевшая рядом с Одраде, робко откашлялась. Она хочет обратиться к Верховной Матери? Это случалось весьма и весьма редко. И на этот раз молодая женщина продолжала есть, не говоря ни слова.

Мысли Одраде вернулись к предстоящей поездке в Пустыню. Не следует предупреждать об этом Шиану. *Я должна быть уверена, что она именно тот человек, который нам нужен.* Шиане предстояло ответить на некоторые заготовленные Одраде вопросы.

Одраде знала, что она обнаружит на остановках по маршруту. Она увидит в Сестрах, в растениях и животных, в самом основании жизни Капитула большие и малые изменения, обнаружит вещи, которые нарушат показное спокойствие и безмятежность Верховной Матери. Даже Мурбелла,

которая никогда не покидает корабль-невидимку, чувствует эти изменения.

— Все на свете преходяще, Верховная Мать?

— Это знание, которое запечатлелось в тебе Другой Памятью. Ни одна планета, ни одна страна, ни одно море не могут в этой вселенной существовать вечно.

— Больно слышать такое!

Это отторжение.

— Где бы мы ни находились, мы всего лишь слуги.

— Это бесполезное рассуждение.

Поколебавшись немного, Мурбелла спросила, почему Верховная Мать выбрала для этого разговора именно такой момент.

— Я слышу, как в тебе громким голосом говорит Досточтимая Матрона. Они одарили тебя эгоистичными мечтами, Мурбелла.

— Это ты так говоришь! — Она возмущена до глубины души.

— Досточтимые Матроны считают, что могут купить себе вечную безопасность: оккупировать маленькую планету, населенную готовыми к услугам людьми.

Мурбелла скорчила недовольную гримасу.

— Больше планет! — огрызнулась на эту ми-

мику Одраде. — Больше, больше и больше! Вот почему они с упорством маньяков лезут все дальше и дальше.

— В этой Старой Империи особенно нечем поживиться.

— Великолепно, Мурбелла! Ты начинаешь мыслить, как одна из нас.

— И это превращает меня в *ничто!*

— Ни рыба ни мясо, но где твоя внутренняя сущность? Даже в этой ситуации ты всего лишь слуга. Берегись, Мурбелла! Если ты думаешь, что владеешь чем-либо, то ступаешь на очень зыбкую почву.

Мурбелла озадаченно поморщилась. Надо что-то делать. Мурбелла позволяет своим эмоциям слишком явно отражаться на своем лице. Сейчас это допустимо, но когда-нибудь…

— Значит, ничем нельзя владеть надежно. И что же?

Какая горечь!

— Ты говоришь иногда правильные слова, но я думаю, что ты еще не нашла внутри себя того стержня, который позволит тебе достойно пройти по жизни.

— То есть до тех пор, пока нас не обнаружат враги и не убьют меня?

Тренировка Досточтимой Матроны прилипчива, как клей. Но ее разговор с Дунканом прошлой ночью позволяет мне думать, что она готова. Картина Ван Гога сделала ее восприимчивой. Во всяком случае, мне так кажется. Надо еще раз прослушать ту запись.

— Кто убьет тебя, Мурбелла?

— Вы не сможете отразить атаку Досточтимых Матрон!

— Я уже не раз подчеркивала в разговорах с тобой один основополагающий факт: ни одно место на свете нельзя считать по-настоящему безопасным и надежным.

— Еще один из ваших проклятых и бесполезных уроков!

Сейчас, сидя в столовой послушниц, Одраде вспомнила, что так и не нашла времени прослушать запись разговора Дункана с Мурбеллой. Она едва удержала вздох, прикрыв его притворным кашлем. Эти молодые девушки не должны видеть, что их Верховная Мать чем-то встревожена.

В Пустыню, к Шиане! Инспекционную поездку надо совершить как можно быстрее, как только позволит время. Время!

Послушница, сидевшая возле Одраде, снова

прочистила горло. Одраде взглянула на нее боковым зрением. Блондинка, короткое черное платье, отороченное белым. Третья промежуточная ступень. Она не смотрит на Одраде и не пытается повернуть к ней голову.

Вот что я обнаружу во время инспекционной поездки: страх. В ландшафте будут все прелести, которые мы наблюдаем постоянно в период безвременья: деревья не подстрижены, потому что садовники ушли — отправились в драгонаду Рассеяния, погребены в могилах, ушли в незнакомые места, может быть, даже подались в батраки. Увижу ли я архитектурные фантазии, которые стали привлекательными оттого, что остались незавершенными, а строители разбежались? Вряд ли. У нас теперь не так уж много фантазий.

Хотелось бы ей найти подходящие примеры в Другой Памяти: старые здания, которые будят чувство прекрасного именно в силу своей незавершенности. Обанкротился строитель, хозяин рассердился на свою любовницу… Многие вещи становились интереснее по этим и похожим причинам: старые стены, старые руины. Время — лучший скульптор.

Что сказала бы Белл, если бы я предалась фан-

тазиям в организации сада?

— Верховная Мать? — произнесла все та же послушница.

Прекрасно! Они так редко набираются мужества.

— Да?

Легкая вопросительная интонация. *Хорошо бы это было что-то важное.* Услышит ли она?

Она услышала.

— Я осмелилась помешать вам, Верховная Мать, потому что это дело не терпит отлагательства и потому что знаю, что вы очень интересуетесь садом.

Превосходно! У этой послушницы толстые ноги, чего нельзя сказать о ее мозгах. Одраде молча смотрела в глаза девушки.

— Я — одна из тех, кто делает карту для вашей спальни, Верховная Мать.

Что ж, значит, это надежная ученица, человек, которому можно доверить работу лично для Верховной Матери. Это еще лучше.

— Скоро ли я получу мою карту?

— Через два дня, Верховная Мать. Я уточняю проекцию пустынь и их ежедневный рост.

Короткий кивок. Таков был исходный приказ: послушницы должны сделать карту текущей.

Каждое утро, просыпаясь, Одраде хотела сразу быть в курсе происшедших изменений.

— Сегодня утром я положила вам на стол свой доклад, Верховная Мать. Он называется «Управление садом». Вероятно, вы его еще не видели.

Одраде видела только заголовок. Она поздно вернулась с утренней тренировки, горя желанием поскорее увидеть Мурбеллу. Как много зависит, оказывается, от этой Мурбеллы!

— Плантации вокруг Центрального Здания должны быть либо оставлены, либо надо предпринять некоторые действия, чтобы поддержать их в нынешнем состоянии, — сказала послушница. — В этом и состоит суть доклада.

— Повтори доклад устно.

Опустилась ночь, и пока Одраде слушала, зажглось искусственное освещение. Кратко. Очень кратко. В докладе явно звучало влияние Беллонды. Нет никакой официальной ссылки на Архив, но предупреждения об изменении погоды шли через Архив, и, кроме того, послушница повторила несколько характерных для архивариуса слов.

Окончив доклад, послушница умолкла.

Что мне ответить? Сады, пастбища и виноградники были не просто буфером на пути

наступающей Пустыни, они служили источником нравственной силы Капитула, оставаясь при этом поставщиком пищи.

Они — моя моральная поддержка.

С каким спокойствием ожидает эта послушница ответа. Белокурые кудри и круглое личико. Лицо приятное, хотя рот, пожалуй, слишком широк. Послушница ждала, равнодушно глядя на оставшуюся в тарелке еду, терпеливо сложив руки на коленях. *Я здесь для того, чтобы служить вам, Верховная Мать.*

Пока Одраде собиралась с мыслями, на нее нахлынули воспоминания, поток памяти накрыл впечатления непосредственного наблюдения. Она вспомнила курсы пилотирования орнитоптера. Две студентки-послушницы в кабине с инструктором над влажными равнинами Лампадас. Одраде обучалась в паре с одной из самых неуспевающих и неспособных послушниц. Видимо, она попала в Общину только благодаря своей наследственности — на нее пал выбор Селекционных Куртизанок. От нее хотели получить ценное потомство. В той девушке не было ни эмоциональной уравновешенности, ни ума. Одраде даже запомнила, как ее звали, — Линчина.

Линчина крикнула инструктору: «Я полечу

на этом проклятом орнитоптере!»

От мелькания и кружения болотистых озерных берегов и деревьев внизу к горлу подступала тошнота. *Казалось, что они стоят на месте, а весь мир вертится вокруг.* Линчина постоянно ошибалась, делая одну ошибку за другой. Каждое ее движение вызывало новый крен машины.

Инструктор, не говоря ни слова, взял управление на себя. Машина выровнялась, но инструктор продолжал хранить молчание.

— Вы никогда не будете летать на этой машине, леди. Никогда! Для того чтобы такие, как вы, могли чему-то научиться, их надо начинать тренировать в детстве.

— Я могу, я могу! Смотрите, как ровно мы летим! — кричала Линчина и продолжала дергать рычаги.

— Не старайтесь, леди, я отключил ваше управление. Вы отстранены от полета.

Одраде с облегчением вздохнула, поняв, что Линчина своим управлением могла убить их.

Повернувшись к Одраде, сидевшей сзади, Линчина крикнула:

— Скажи ему, скажи! Скажи, что он должен повиноваться Бене Гессерит!

Линчина признала, что, будучи моложе на несколько лет, Одраде уже кое-что значила в иерархии Общины Сестер.

Одраде хранила молчание, лицо ее оставалось бесстрастным.

Молчание — часто самое лучшее, что ты можешь сказать, написал кто-то из юмористов на зеркале в общежитии послушниц. Одраде считала эту надпись весьма поучительной и тогда, и много позже.

Вернувшись на землю и снова посмотрев на послушницу, которая ждала ответа, Одраде подумала, почему именно сейчас она вспомнила этот эпизод из далекого прошлого. Такие вещи редко бывают бесцельными. *Сейчас не надо молчать, так в чем же юмор этой ситуации?* Да, это было послание. Юмор Одраде, который проявился по отношению к Линчине после полета, сыграл свою положительную роль и кое-чему научил Линчину. *Юмор в условиях стресса — сильнодействующее средство.*

Одраде улыбнулась молоденькой послушнице.

— Ты бы не хотела стать лошадью?

— Что? — Слово вырвалось непроизвольно, но послушница, глядя на Верховную Мать, не смогла сдержать улыбку. В ней не было ничего

тревожного, наоборот, это была очень теплая улыбка. Все знали, что Верховная Мать допускает проявления чувств.

— Ты, конечно, ничего не поняла, — сказала Одраде.

— Нет, Верховная Мать. — На лице застыла терпеливая улыбка.

Одраде хотелось, чтобы это выражение подольше задержалось на лице девушки. Ясные голубые глаза, еще не тронутые яркой синевой меланжевой зависимости. Рот почти такой же, как у Белл, но без порочности и злых складок. Послушные мышцы и послушный интеллект. Она хорошо почувствует, что именно захочет от нее Верховная Мать. Надо отметить, что ей поручили делать карту, и она сама подготовила этот доклад. Она понятлива и умна. Вряд ли эта девушка достигнет больших высот, несмотря на свой ум, но она всегда будет занимать ключевые позиции в том, что касается ее квалификации.

Почему я села рядом с ней?

Во время посещений столовой Одраде часто целенаправленно выбирала себе компаньонку. Чаще всего это были послушницы. Встречи с ними многое открывали, потом под наблюдением прокторов они готовили доклады, попадавшие

на рабочий стол Верховной Матери. Но иногда Одраде садилась за стол, не в силах объяснить, почему она выбрала ту или иную послушницу. *Так я поступила и на этот раз. Но почему именно она?*

Беседа возникала редко, если ее не начинала сама Верховная Мать. Это было очень ненавязчивое вступление, следом за которым следовал более интимный разговор по душам. Сидевшие вокруг обычно жадно ловили каждое слово.

В такие моменты на Одраде снисходило состояние почти религиозного блаженства. Такое отношение успокаивало самых нервных. Послушницы всегда остаются послушницами, но Верховная Мать — самая главная ведьма среди них. Поэтому их нервозность была вполне объяснимой.

Позади Одраде послышался шепот:

— Сегодня она поджаривает на углях Стрегги.

Поджаривает на углях. Одраде знала это выражение. Оно было в ходу и во времена ее послушничества. Значит, ее зовут Стрегги. *Умолчим об этом. В именах есть что-то магическое.*

— Тебе понравился сегодняшний обед? — спросила Одраде.

— Он вполне приемлем, Верховная Мать.

Обычно послушницы старались не давать неверных ответов, но Стрегги явно была в замешательстве от смены темы.

— Да, он немного переварен, — согласилась Одраде.

— Они обслуживают такую массу людей и, естественно, не могут угодить на всех, — проговорила Стрегги.

Она говорит то, что думает, и говорит хорошо.

— У тебя дрожит левая рука, — заметила Одраде.

— Я нервничаю при вас, Верховная Мать. Кроме того, я только что вернулась из тренировочного зала. Я очень устала сегодня.

Одраде внимательно пригляделась к дрожи.

— Тебя заставляли делать подъемы на вытянутых руках.

— Это было больно в дни вашего послушничества, Верховная Мать?

— Так же больно, как и теперь. Мне говорили, что боль — лучший учитель.

Такое признание сломало лед. Они поделили свой опыт, как любили выражаться прокторы.

— Я не поняла ваши слова о лошадях, Верховная Мать. — Стрегги взглянула на тарелку. —

Это не конина. Уверена, что я…

Одраде громко рассмеялась, чем вызвала всеобщее изумление. Положив руку на плечо Стрегги, она едва удержала улыбку.

— Спасибо тебе, моя дорогая. За последние годы никому не удавалось меня так рассмешить. Думаю, что это начало нашей долгой дружбы.

— Благодарю вас, Верховная Мать, но я…

— Я объясню тебе, почему я сказала о лошади. Это моя старая шутка, я отнюдь не хотела тебя обидеть или унизить ею. Я хочу, чтобы ты носила на плечах своего маленького ребенка. Он должен двигаться быстрее, чем позволяют его короткие ножки.

— Как вам угодно, Верховная Мать.

Никаких вопросов, никаких возражений.

Вопросы, конечно, вертелись на языке послушницы, но она знала, что ответы она найдет сама, правда, позже.

Магический возраст.

Одраде сняла ладонь с плеча девушки.

— Как твое имя?

— Стрегги, Верховная Мать. Алоана Стрегги.

— Отдыхай спокойно, Стрегги. Я присмотрю за садами. Они нужны нам не только для еды, но и для нравственной поддержки. Сегодняшний

доклад — повод для нового задания. Скажи прокторам, что я жду тебя завтра в своем кабинете к шести часам утра.

— Я буду вовремя, Верховная Мать. Мне следует продолжать делать вашу карту? — спросила она, видя, что Одраде поднялась, чтобы уйти.

— Пока да, Стрегги. Но попроси, чтобы это задание передали другой послушнице, и проинструктируй ее. Скоро ты будешь слишком занята, чтобы возиться еще и с картой.

— Благодарю вас, Верховная Мать. Пустыня растет слишком стремительно.

Слова Стрегги внесли в душу Одраде небывалое удовлетворение, которое рассеяло обреченность, нависавшую над ней весь прошедший день.

Кругооборот жизни дал Одраде новый шанс, кругооборот совершался, преподнося свои сюрпризы, движимый невидимыми подводными течениями, которые люди обозначают ненужными ярлыками вроде «жизни» или «любви».

Вот и свершился новый оборот. Так все и обновляется. Какое волшебство! Какое колдовство может отвлечь внимание от такого чуда?

Вернувшись в кабинет, Одраде передала распоряжение в отдел Управления Погодой, выключила аппаратуру и подошла к сводчатому

окну. Красные прожектора отбрасывали отсветы на низкие тучи, освещавшие силуэт Капитула в красноватый цвет. Этот отблеск придавал крышам и стенам что-то романтическое. Но Одраде отогнала от себя лирические мысли.

Романтика? Нет, не романтики искала она в обеденном зале, общаясь с послушницами.

Наконец я сделала это. Я посвящена. Теперь Дункан должен восстановить память нашего башара. Это очень деликатное задание.

Она продолжала вглядываться в ночь, подавляя спазмы, подкатывавшие к горлу.

Я посвятила этому не только себя, но и то, что осталось от Общины Сестер. Так я чувствую это, Тар.

Собирался дождь. Одраде чувствовала это по воздуху, который проникал в кабинет по вентиляционной системе. Нет нужды читать донесения Службы Погоды. Она редко обращалась в этот департамент, а в последние дни особенно. Зачем беспокоить людей? Однако в докладе Стрегги таилось возможное предостережение.

Дожди шли все реже и реже, и их ждали с нетерпением. Несмотря на холод, многие Сестры в дождь устремлялись на прогулку. В этой мысли таилась щемящая грусть. Каждый дождь

вызывал страшный вопрос: *Не последний ли это дождь?*

Люди из ведомства Управления Погодой предпринимали героические усилия, чтобы сохранить сухость пустыни и влажность плодородных территорий. Одраде не понимала, как им удалось выполнить ее приказ относительно этого дождя. Давно уже они не могли выполнить такой приказ, даже если он исходил от Верховной Матери. *Пустыня восторжествует, ибо мы сами запустили необратимый механизм в действие.*

Она распахнула окно. На этом уровне ветер прекратился. Но облака продолжали свой стремительный бег по небу. Ветер спешил закончить свое дело. Погода, казалось, понимала неотвратимость происходящего. В воздухе чувствовался пронизывающий холод. Значит, они снизили температуру, чтобы сделать этот дождь. Одраде закрыла окно, не чувствуя никакого желания выходить на улицу. Верховная Мать не имеет права играть в игру «Последний дождь». Дожди случаются редко, но Пустыня, неизбежная, как судьба, наступает на Капитул с юга, и это движение уже нельзя остановить.

Нам остается только составлять карты и наблюдать. Но что это за фигура, которая во сне

преследует меня с топором? Что это за охотник? Какая карта подскажет мне, где сегодня эта фигура?

Религия (преобладание детских черт в душе взрослого) одевает покровом прошлую мифологию: догадки, завуалированные допущения истины существования Вселенной, заклинания, произносимые от вожделения личной власти, и все это смешано с лоскутами просвещения. И всегда подспудно присутствует невысказанная заповедь: не смей ни о чем спрашивать! Мы каждый день ломаем эту заповедь, стараясь обуздать человеческое воображение для того только, чтобы воззвать к глубинам творчества.

(Кредо Бене Гессерит)

Мурбелла, скрестив ноги, сидела на полу тренировочного зала, все еще дрожа от выполненной нагрузки. Женщина была в зале одна. Не прошло и часа, как отсюда ушла Верховная Мать, нанесшая Мурбелле визит. И как всегда бывало в таких случаях, Мурбелла чувствовала, что ее покинули в состоянии лихорадочных мечтаний.

В этих мечтах продолжали звучать слова Одраде, сказанные ею на прощание:

— Самый тяжкий урок для послушницы — это понимание того, что во всех делах надо доводить себя до предела возможного. Твои спо-

собности могут повести тебя дальше, чем ты способна вообразить. Следовательно, не воображай! Расширяй себя!

Каков будет мой ответ? Что меня научили обманывать и мошенничать?

Одраде каким-то непостижимым способом сумела пробудить в Мурбелле некоторые черты детства и образование, полученное у Досточтимых Матрон. *Меня с раннего детства учили обманывать. Как симулировать потребность и привлекать внимание.* Множество таких *как* составляли рисунок обмана. Чем старше она становилась, тем легче было обманывать. Она научилась распознавать, чего хотят от нее окружающие *большие люди. Я действовала в ответ на эти требования. Это и называлось образованием.* Почему учение Бене Гессерит так разительно отличается от такого обучения?

— Я не прошу тебя быть честной со мной, — сказала Одраде. — Будь честна с собой.

Мурбелла пребывала в отчаянии. Ей никогда не удастся вырвать из своей души глубокие корни привычки к обману. *Почему я должна это делать?* Но то был еще один обман.

— Будь ты проклята, Одраде!

Только произнеся эти слова, Мурбелла поня-

ла, что выкрикнула их вслух. Она хотела было закрыть рот рукой, но передумала. Лихорадка подсказала: «Какая разница?»

— Бюрократическое образование подавляет исследовательские способности ребенка, делает обучение скучным, — объясняла Одраде. — Ребенок должен быть прижат к земле. Нельзя давать ему знать, насколько он хорош. Это приносит свои плоды — все начинает меняться. Масса времени проводится учителями в спорах, что делать с исключительно одаренными учениками. Но не стоит тратить много времени, чтобы понять, как обычный заурядный учитель чувствует угрозу со стороны таких талантов и всячески поносит и отвергает их, поскольку в таком учителе сидит тайное или явное желание чувствовать себя на недосягаемой высоте по сравнению со своими учениками.

Она говорила о Досточтимых Матронах.

Заурядные учителя?

Вот оно что: за фасадом мудрости Бене Гессерит были необычными учителями. Они не разглагольствовали об образовании, они учили!

О Боги, я хочу быть такими, как они!

Мысль поразила ее, и она вскочила на ноги, начав привычные упражнения для суставов

кистей и рук.

Понимание на этот раз было глубже, чем обычно. Она не хотела разочаровать своих учителей. *Искренность и честность.* Это знает каждая послушница. «Основной инструмент обучения». Это говорила Одраде.

Отвлекшись своими мыслями, Мурбелла потеряла равновесие и упала, но тотчас вскочила, потирая ушибленное плечо.

Сначала она думала, что все протестантство Бене Гессерит насквозь лживо. *Я настолько чистосердечна с тобой, что не могу не сказать о своей несгибаемой честности.*

Но действия Сестер подтверждали их искренность. Голос Одраде звучал в грезах Мурбеллы: «Так ты строишь свои суждения».

Преподобные Матери обладали в душе, в памяти и уравновешенном интеллекте тем, чего Досточтимые Матроны были начисто лишены. Эта мысль заставила Мурбеллу почувствовать себя совсем крошечной. *Наступает разложение.* Было такое впечатление, что в ее мечтах появились вполне плотские пятна.

Но я талантлива! Для того чтобы стать Досточтимой Матроной, нужен незаурядный талант.

Я все еще думаю о себе как о Досточтимой Матроне.

Сестры Бене Гессерит знали, что она еще не полностью предана им. *Какими качествами, которые они ценят, я обладаю? Какими навыками? Ведь не навыками лжи и обмана.*

«Соответствуют ли твои слова твоим поступкам? Такова твоя мера надежности. Никогда не ограничивай себя словами».

Мурбелла заткнула пальцами уши. *Замолчи, Одраде!*

«Каким образом Вещающий Истину отличает простую искренность от более фундаментальных суждений?»

Мурбелла бессильно уронила руки. *Может быть, я действительно больна.* Она обвела взглядом длинный зал. Нет никого, кто мог бы произнести эти слова. Но как бы то ни было, она явственно слышала голос Одраде.

«Если ты искренне в чем-то убеждена, то можешь высказать вслух любую галиматью (это превосходное старинное слово, запомни его), она подействует на слушателей, и тебе поверят все, кроме Вещающего Истину».

Плечи Мурбеллы бессильно опустились. Она принялась бесцельно бродить по залу. Куда

бежать? Выхода не было.

«Учись предвидеть следствия, Мурбелла. Только так ты сможешь находить работающие решения. Именно в этом состоит наша высокая мудрость».

Прагматизм?

В зале появился Айдахо и сразу заметил странный блеск в глазах Мурбеллы.

— Что с тобой?

— Думаю, что я заболела. Действительно заболела. Сначала я думала, что это сделала Одраде, но…

Она начала падать, но Айдахо подхватил ее на руки.

— Помогите нам!

Впервые он был счастлив, что кругом находятся видеокамеры. Доктор Сукк была на месте через минуту. Она склонилась над Мурбеллой, распростертой на полу в объятиях Айдахо.

Осмотр был коротким. Доктор, седовласая Преподобная Мать с традиционной бриллиантовой повязкой на лбу, выпрямилась.

— Она потрясена. Она не пыталась достичь пределов своих возможностей, но просто превзошла их. Мы снова отправим ее в класс для того, чтобы привести в чувство, прежде чем она сможет про-

должить обучение. Я пришлю сюда прокторов.

Вечером того же дня Одраде нашла Мурбеллу в комнате прокторов лежащей на кровати. Двое прокторов попеременно испытывали реакцию ее мышц. Едва заметный жест, и они оставили свою подопечную наедине с Верховной Матерью.

— Я старалась избегать сложностей, — сказала Мурбелла. *Искренность и честность.*

— Попытка избежать сложностей часто их же и порождает. — Одраде опустилась в кресло рядом с кроватью и положила ладонь на руку Мурбеллы. Мышцы дрожали.

— Мы говорим: «Слова медленны, чувства быстры». — Одраде убрала руку. — Какое решение ты приняла?

— Ты позволяешь мне самой принимать решения?

— Не иронизируй. — Одраде предостерегающе подняла руку, отсекая всякие возражения. — Я не полностью приняла во внимание твое прошлое воспитание. Досточтимые Матроны почти лишили тебя способности самостоятельно принимать решения. Это типично для обществ, где господствует жажда власти. Они учат своих людей постоянно надувать друг друга. «Принятие решений приносит плохие результаты!» Вас учат

избегать сложностей.

— Но какое отношение это имеет к моему обмороку? — В вопросе прозвучало негодование.

— Мурбелла, самое худшее, что порождается той системой, о которой я говорила, это неумение принимать решения о чем бы то ни было либо откладывать их принятие до последнего момента, когда положение становится безвыходным, и ты набрасываешься на нее с остервенением и отчаянием загнанного в угол зверя.

— Ты же говорила мне, что надо дойти до предела! — Это было почти причитание.

— До твоего предела, Мурбелла, а не до моего, не Беллонды и никого другого, кроме твоего.

— Я решила, что хочу быть похожей на тебя, — едва слышно проговорила Мурбелла.

— Замечательно! Мне думается, что я никогда не стремилась покончить с собой, особенно во время беременности.

Мурбелла против воли улыбнулась.

Одраде встала.

— Спи. Завтра тебя переведут в специальный класс, где с тобой будут работать, чтобы ты умела принимать решения с учетом своих возможностей. Помни, что я тебе сказала. Мы заботимся о себе.

— Я ваша? — Это был почти неслышный шепот.

— С тех пор, как повторила вслед за прокторами клятву верности.

Перед уходом Одраде выключила свет. Мурбелла услышала, как Верховная разговаривает с кем-то за прикрытой дверью:

— Оставьте ее в покое, она нуждается в отдыхе.

Мурбелла закрыла глаза. Лихорадка улеглась, бредовые видения исчезли, но вместо них из памяти всплыли другие образы.

«Я — член Бене Гессерит. Я существую только для служения».

Она слышала, как говорит эти слова прокторам, но сейчас в них было сильное чувство, какого не было, когда она действительно произносила свою клятву.

Они знали, что я была цинична.

Что можно скрыть от таких женщин?

Она снова почувствовала на своем лбу ладонь проктора и ее слова, смысл которых дошел до нее только сейчас.

Я стою здесь перед людьми, отмеченными священным знаком. Наступит день, когда и вы будете стоять так же, как стою сейчас я. Я молю ваше присутствие здесь, чтобы так оно и слу-

чилось. Пусть же будущее останется скрытым от наших взоров, ибо это холст, на котором пишутся наши стремления. Так разум человеческий лепит образы на вечной tabula rasa. Мы не имеем ничего сверх того, чем обладаем здесь, где мы навсегда посвящаем себя святому присутствию, которое мы делим с другими и творим.

Это было заурядно, но не заурядно. Теперь Мурбелла понимала, что была тогда морально и физически не готова к принятию этой клятвы. Слезы потекли по ее щекам.

Законы, созданные для подавления, имеют тенденцию усиливать то, что они призваны запретить. На этой почве всегда процветали представители юридической профессии. На протяжении всей истории они имели надежную работу.

(Кодекс Бене Гессерит)

Без устали перемещаясь по Централу (в эти дни несколько реже, чем обычно, но с большим вниманием), Одраде всюду искала следы расхлябанности, особенно сильно присматриваясь к зонам повышенной ответственности, где работа шла очень гладко.

По этому поводу лучше всего выразилась когда-то Старшая Наблюдательница: «Покажите мне совершенно безупречную работу, а я покажу вам человека, который скрывает ошибки. Настоящую лодку в море всегда качает».

Она повторяла эти слова настолько часто, что ее фраза стала крылатой не только среди Сестер, но и среди послушниц, которые произносили ее при виде Верховной Матери.

— Настоящую лодку в море качает, — за словами следовал приглушенный смешок.

Беллонда сопровождала Верховную в этой инспекции, не говоря ни слова о том, что «каждый

месяц» незаметно стал «разом в два месяца», да и разве дело было только в этом. Нынешний обход состоялся через неделю после предыдущего, и Белл решила использовать предоставленную возможность для того, чтобы снова предупредить Одраде об Айдахо. Беллонда притащила с собой и Тамалейн, хотя Там должна была в это время проверять работу прокторов.

Двое против одной? — подумала Одраде. Вряд ли они догадывались о том, что именно задумала Верховная Мать. Но что делать, рано или поздно все обнаружится, как это было в свое время с планом Таразы. *Всему свое время, правда, Тар?*

Они шли по коридору, шелестя черными платьями, не упуская из виду ни одну мелочь. Все было до боли знакомо, но они искали новое. На плече Одраде, словно камень для ныряния, висел ушной микрофон. *В эти дни нельзя было ни на минуту оставаться без связи.*

За фасадом любого центра Бене Гессерит располагались многочисленные вспомогательные службы. Госпиталь, морг, свалка, завод по утилизации отходов (это здание оставляло один корпус с насосом канализации и мусоросжигающим заводом), спортивные залы, школы послушниц и студентов, кухни и разделочный цех, отдел

кадров, центры деловых встреч, испытательные полигоны и многое, многое другое. Персонал часто менялся из-за Рассеяния и передвижений по служебной лестнице согласно распоряжениям руководства Бене Гессерит. Однако расположение служб не менялось десятилетиями.

Пока они шли по расположению вспомогательных служб, Одраде говорила о Рассеянии Сестер, не пытаясь при этом скрыть недовольства по поводу того, что Община Сестер стала «неделимой семьей».

— Я нахожу чрезвычайно трудным противостояние человечеству, которое распространяется по бесконечной вселенной, — сказала Там. — Существует возможность…

— Игра с бесконечным множеством. — Одраде переступила через сломанный бордюрный камень. — Это надо отремонтировать. Мы постоянно играем с этим множеством с тех пор, как научились преодолевать свернутое пространство.

Слова Верховной не вызвали никакого энтузиазма у Беллонды.

— Это не игра!

Одраде вполне понимала чувства Беллонды. *Мы нигде не видели пустого пространства. Везде*

и всюду расположены все новые и новые галактики. Там права. Это страшно — замыкаться на Золотом Пути.

Память о прошлых исследованиях и первопроходцах дало в руки Общины Сестер знание статистики и умение ею оперировать, но ничего более. В обозримом пространстве бесчисленное множество обитаемых планет, но сколько еще таких планет, пригодных для обживания.

— Что можно заключить из этого? — спросила Тамалейн.

На этот вопрос у Бене Гессерит не было ответа. Спросите, чего можно ожидать от Бесконечности, и ответ может быть только один: всего, чего угодно.

И добра и зла, и Бога и Дьявола.

— Что, если Досточтимые Матроны сами спасаются от кого-то бегством? — спросила Одраде. — Это интересная возможность?

— Эти спекуляции абсолютно бесплодны, — пробурчала Беллонда. — Мы даже не знаем, куда приводит нас свернутое пространство — к одной вселенной или многим или в бесконечное множество расширяющихся и спадающихся пузырьков.

— Понимал ли Тиран это лучше, чем мы? —

снова заговорила Тамалейн.

Они молчали, пока Одраде смотрела, как пять старших послушниц и проктор изучают проекции местных запасов меланжи. Кристалл, содержащий информацию, плясал в луче проектора, словно мячик на струях мощного фонтана. Одраде прочитала информацию и отвернулась от сцены, нахмурившись. Там и Белл не видели выражения ее лица. *Нам следует ограничить доступ к данным о меланжи. Это слишком подавляюще действует на моральный климат в Общине.*

Администрация! Все нити сходились к Верховной Матери. Если постоянно поручать дела одним и тем же людям, то неизбежно скатишься в болото бюрократии.

Одраде знала, что слишком сильно зависит от своего понимания науки управления и администрирования. Систему часто ревизовали и пересматривали, прибегая к автоматическим решениям в самых крайних и редких случаях. «Это машинерия». Так презрительно они именовали инженерные решения, касающиеся устройства внутренней жизни и ее обеспечения. К тому времени, как Сестры становились Преподобными Матерями, они привыкали пользоваться

этой машинерией без раздумий, совершенно автоматически. Но в этом была главная опасность. Одраде всегда настаивала на небольших, но постоянных изменениях, которые вносили мелкие коррективы в повседневную активность Ордена. Усреднение! Не должно быть никаких абсолютных паттернов, которые легко могли бы вычислить чужаки. Один человек не может заметить медленно происходящие изменения, на это ему не хватит жизни. Разница в устройстве выявляется только на протяжении длительных периодов наблюдения.

Свита Одраде спустилась на первый уровень и вышла на главную аллею Централа. Сестры называли его «Путем». Во время тренировок бегающие здесь Сестры в шутку именовали эту аллею «Дорогой Бене Гессерит».

Путь вел от подножия башни Одраде до пригородных районов — прямой, как луч лазерного ружья. По обочинам стояли двенадцать кварталов высоких и низких строений. Низкие строения были практически одинаковы. Главное заключалось в том, что они строились на таком прочном фундаменте, что при необходимости их можно было без опаски надстроить.

Одраде махнула рукой, и возле них остановил-

ся маленький вагончик, куда они и вошли, чтобы спокойно побеседовать. Вид Пути был необыкновенно притягательным, подумала Одраде. Высокие здания с вытянутыми прямоугольными окнами обрамляли «Пути» Бене Гессерит на бесчисленном множестве планет с незапамятных времен. На этих зданиях вили гнезда птицы, и какая радость была видеть на фоне стен красноватые силуэты перелетающих с места на место чижей и иволг.

Не слишком ли опасно для нас постоянно придерживаться одного и того же рисунка поселений?

Одраде вывела всех из вагончика на Пьяной Тропке, думая о том, как в этих названиях проявляется юмор Бене Гессерит. Уличный фольклор. Пьяная Тропка возникла потому, что фундамент одного из домов осел и дорожка тоже просела, приняв какой-то действительно пьяный вид. Так и одна из Преподобных Матерей отступила от общей линии.

Как и Верховная Мать. Только они еще не знают об этом.

Как только они вступили на Башенную Дорогу, раздался зуммер ушного микрофона Одраде.

— Верховная Мать? — Это была Стрегги.

Не останавливаясь, Одраде включила сигнал, что она на линии связи. — Вы просили доложить о Мурбелле. Доктор Сукк говорит, что она вполне готова к переводу в назначенный для нее класс.

— Вот и переводите, — приказала Одраде, продолжая идти по Башенной Дороге, застроенной одноэтажными домами.

Одраде взглянула на обе стороны улицы, застроенной низенькими домами. Два из них только что надстроили. Кто знает, может быть, со временем эта улица действительно станет Башенным Проездом, и шутка утратит свой смысл.

Многие спорили о том, что наименования делаются просто ради удобства, и, возможно, Сестры правильно воспримут новую идею Одраде.

Она резко остановилась и обернулась к своим спутницам.

— Что вы скажете, если я предложу именовать улицы и площади в память ушедших от нас Сестер?

— Из тебя сегодня так и прет всякая чушь! — взорвалась Беллонда.

— Они никуда не ушли от нас, — добавила Тамалейн.

Одраде снова двинулась вперед. Она ожидала такой реакции. Мысли Беллонды по этому поводу

были совершенно прозрачны. *Мы несем память об «ушедших» в своей Другой Памяти!*

Одраде не хотела спорить с ними здесь, на открытом месте, но считала, что ее мысль заслуживает внимания. Некоторые Сестры умерли, не успев передать свою память. Главные линии памяти имели дубликаты, но нить терялась, а это уничтожало преемственность. Так умерла Швандью с Гамму, убитая Досточтимыми Матронами. Сколько было хорошего в ее памяти… и сколько сложностей. Трудно сказать, что было более поучительным — ее успехи или ошибки.

Беллонда ускорила шаг и поравнялась с Одраде.

— Я хочу поговорить об Айдахо. Он ментат, да, но у него множественная память. Это в высшей степени опасно!

Они прошли мимо морга, откуда даже на улицу просачивался резкий запах антисептиков. Сводчатая дверь была открыта.

— Кто умер? — спросила Одраде, игнорируя нетерпение Беллонды.

— Проктор из четвертой секции и мужчина-садовник, — ответила Тамалейн. Эта женщина всегда все знала.

Беллонда пришла в ярость от такого пренебре-

жения и не стала этого скрывать.

— Вы обе можете меня послушать? Это очень важный пункт?

— Какой пункт? — мягко и вкрадчиво спросила Одраде.

Они вышли на южную террасу и встали у каменного парапета, откуда были хорошо видны плантации — виноградники и сады. В утреннем воздухе висела пыльная пелена, так непохожая на водяной туман.

— Вы знаете, в чем он заключается! — не унималась Беллонда.

Облокотившись на камни, Одраде всматривалась в пейзаж. Перила были холодны. Этот туман имеет очень своеобразный вид, подумала она. Лучи солнца преломлялись, проходя сквозь висевшую на горизонте пыль, придавая картине необычайную резкость и яркость. Пыль поглощала свет иначе, чем вода. Ореол был плотнее. Пыль и песок, как и вода, проникали в каждую трещинку, но скрип и потрескивание песка выдавали разницу. То же самое можно сказать и о Беллонде — она скрипит, словно старый несмазанный механизм.

— Это свет Пустыни, — сказала Одраде, указывая рукой в сторону горизонта.

— Перестань уклоняться от ответа, — зло произнесла Беллонда.

Одраде предпочла не отвечать. Туманный свет — это классическая вещь, но он не придает уверенности, как свет туманного утра на полотнах старых живописцев.

Тамалейн тоже подошла к Одраде.

— Этот свет своеобразен, но не менее прекрасен от этого. — Отчужденный тон сказал Одраде, что в Тамалейн сейчас тоже бушуют Другие Памяти.

Так мы приучены оценивать прекрасное. Но какой-то внутренний голос говорил Одраде, что это не та красота, к которой стремится ее душа.

Внизу, под их ногами простирались мелкие низины, некогда поросшие обильной зеленью болота, а теперь высушенные надвигающейся Пустыней. Возникало чувство, что у земли удалили внутренности, подобно тому, как древние египтяне извлекали кишки из своих мертвых, готовя их к погребению, — их высушивали до сухого остатка, до сокровенной сущности, которая одна могла воспринять Вечность. *Пустыня — мастер мертвых, пеленает землю в нитрон, обрамляет нашу милую планету в алмазы, которые таились в ней до поры.*

Беллонда стояла рядом, ворча и качая головой, отказываясь видеть, во что в скором будущем превратится Капитул.

Одраде едва не вздрогнула от параллельного потока мыслей. Ее захлестнула память: она почувствовала, что непроизвольно ищет глазами руины Сиетча Табра, набальзамированные самой Пустыней тела контрабандистов — торговцев Пряностью, убитых и брошенных в Пустыне.

Где теперь Сиетч Табр? Расплавленные развалины, спекшиеся в непробиваемую плотную массу, в которой не осталось ничего от его гордой истории. Досточтимые Матроны — убийцы истории.

— Если вы не ликвидируете Айдахо, я буду вынуждена протестовать против его использования в качестве ментата.

До чего же она суетлива! Одраде вдруг обратила внимание на то, что сейчас возраст Белл обозначился очень резко, более, чем всегда. Она даже сейчас была в очках для чтения. Увеличенные стеклами глаза придавали Преподобной Матери вид огромной рыбы. Использование линз, а не более современных протезов кое о чем говорило красноречивее всяких слов. В Беллонде было какое-то извращенное тщеславие, которое во весь голос кричало: «Я превосхожу своим величием

те приспособления, которыми мне приходится пользоваться для того, чтобы заменить утраченные органы чувств!»

Беллонда была явно раздражена поведением Верховной Матери.

— Что ты так на меня уставилась?

Одраде внезапно поразила мысль о страшной слабости ее Совета. Она повернулась к Тамалейн. Хрящи растут всю жизнь — какие большие уши, нос и подбородок у Там. Некоторые Преподобные Матери боролись с этими проявлениями возраста с помощью лекарств, контролирующих обмен, и пластических операций, но Тамалейн никогда не опускалась до такой суетности. *Вот я. Принимайте меня такой, какая я есть.*

Мои советники очень стары. Да и сама я… Мне надо быть моложе и сильнее, чтобы нести на плечах груз всех наших проблем. О, будь я проклята за эту жалость к себе!

Существует только одна высшая опасность: угроза выживанию Общины Сестер.

— Дункан — превосходный ментат, — заявила Одраде, вложив в эти слова весь авторитет своего руководящего положения. — Но я не могу использовать вас сверх ваших способностей.

Беллонда промолчала. Она знала слабости

ментатов.

Ментаты! — подумала Одраде. Они были подобны ходячим архивам, но когда нужен был четкий и ясный ответ, они принимаются формулировать вопросы.

— Мне не нужен еще один ментат, — сказала Одраде. — Мне нужен изобретатель.

Беллонда продолжала хранить молчание, и Одраде снова заговорила:

— Я освобожу его мысль, но не тело.

— Я настаиваю на анализе прежде, чем ты откроешь ему источники данных!

Учитывая обычные манеры Беллонды, такое заявление можно было считать мягким. Но Одраде не верила в мягкость Беллонды. Она ненавидела эти заседания, которые превращались в сплошное пролистывание архивных документов. Беллонда до безумия обожала архивную пыль. Постоянное копание в этой пыли и совершение скучнейших экскурсов в дебри несущественных деталей! Кому интересно знать, что такая-то Преподобная Мать обожала снятое молоко с овсяной кашей?

Одраде повернулась спиной к Беллонде и стала смотреть на южный горизонт. *Пыль! Мы должны тщательно просеять пыль!* Беллонду надо

обеспечить помощницами. Одраде вздрогнула от скуки, только представив себе старую ворчунью с ассистентами.

— Не будет больше никаких анализов, — заявила Одраде. Ответ прозвучал резче, чем она рассчитывала.

— И все же я остаюсь при своей точке зрения. — В голосе Беллонды прозвучала обида.

Точка зрения? Кто мы такие, не сенсорные ли окна с видом на вселенную, откуда каждый имеет свою индивидуальную точку зрения?

Инстинкты и память всех типов… даже архивы — ни одна из этих вещей не имела собственного голоса за исключением борьбы с непрошеными вторжениями. Никакое утверждение памяти не истинно, если оно не опирается на живое сознательное восприятие. Да и кто может придумать формулу расстановки событий по ранжиру? *Всякий порядок произволен!* Почему эти данные предпочтительнее, нежели другие? Каждая Преподобная Мать знает о тех событиях, которые происходили с ней в череде дней ее жизни, в ее среде обитания. Почему Преподобная Мать-ментат не может действовать, исходя из такого же знания?

— Ты отвергаешь Совет? — это заговорила Та-

малейн. Неужели и она взяла сторону Белл?

— Разве я когда-нибудь отвергала Совет? — Одраде не стала скрывать своего недовольства. — Мне просто не нужна архивная карусель Беллонды.

Беллонда не утерпела:

— Тогда в действительности…

— Белл, не говори мне о действительности! — И пусть эта старая карга кипит в своем негодовании! Преподобная Мать *и* ментат! *Это не действительность. Это всего лишь наш порядок, наложенный на все, что нас окружает. Основной диктат Бене Гессерит.*

Бывали моменты (и сейчас наступил один из них), когда Одраде от души жалела, что не родилась в более раннюю эпоху — во времена Римской империи, окруженная сонмом аристократов или в избалованную викторианскую эру… Но она находилась в ловушке времени и обстоятельств.

Ловушке навсегда?

Надо встретить эту возможность лицом к лицу. У Общины Сестер может быть страшное будущее, ограниченное тайными путями бегства от возможного обнаружения и уничтожения. Будущее жертв охоты. *И здесь, в Централе,*

мы можем совершить только одну ошибку, и она станет для нас роковой.

— Я сыта по горло сегодняшней инспекцией, — заявила Одраде. Она вызвала транспорт, и все трое поспешили назад, в рабочий кабинет.

Что будет, если охотники обнаружат нас здесь?

Каждая из трех имела собственный сценарий на этот счет, небольшие пьески, наполненные запланированными реакциями на вторжение. Но, будучи реалисткой, каждая Преподобная Мать прекрасно понимала, что ее пьеса скорее всего будет лишь помехой, а не реальной помощью в поисках выхода.

В кабинете, ярко и беспощадно освещенном утренним светом, Одраде села за стол и подождала, пока Тамалейн и Беллонда займут свои места рядом с рабочим столом.

Хватит этих бесплодных заседаний и анализов! Нужен доступ к чему-то лучшему, чем архивы, лучшему, чем все, что они имели в своем распоряжении до сих пор. Нужно вдохновение. Одраде потерла мышцы голеней, чувствуя, как они дрожат от волнения. Она не спала последние четыре ночи. Проведенная инспекция погрузила Верховную Мать в состояние почти полной по-

давленности.

Одна ошибка может покончить с нами, а я, кажется, близка к тому, чтобы принять необратимое решение.

Не слишком ли я склонна к хитрости?

Ее советницы возражали против запутанных обманных решений. Они утверждали, что Община должна выступать вперед с открытым забралом, исполненная уверенности в своих силах и наперед зная, куда она идет. Но все заслоняла опасность сделать неверный шаг — и тогда всех их ждала неотвратимая гибель.

Я похожа на канатоходца, балансирующего над пропастью.

Есть ли у них время для опытов, испытаний разных решений? Все они сейчас только тем и заняты, что играют в эту игру. Там и Белл просеивают самые разные предложения, но самое удачное на сегодняшний день — это решение об атомарном Рассеянии.

— Мы должны быть готовы убить Айдахо при малейшем подозрении, что он — Квисатц Хадерах, — сказала Беллонда.

— Вам что, нечем заняться? Убирайтесь отсюда, обе!

Они поднялись, а Одраде показалось, что ее

знакомый до мелочей кабинет стал совершенно чужим. Что не так? Беллонда вперила в Одраде свой ужасный оценивающий взгляд. Тамалейн проявила свою почти исчезнувшую мудрость.

Что происходит с этой комнатой?

Кабинет должен отвечать своему предназначению и строиться всегда по одному принципу с незапамятных времен. Что выглядит здесь столь чужим? Стол остался на месте, да и стулья с креслами не сдвинулись со своих мест ни на сантиметр. Белл и Там предпочитали кресла-собаки. Эти кресла показались бы странными людям из Другой Памяти, которая сейчас, так во всяком случае казалось Одраде, окрашивала ее восприятие. Ридулианские кристаллы, может быть… Они стали какими-то странными, сверкали и переливались разными цветами. Послания, которые появлялись на поверхности стола, тоже показались бы странными древним людям, как, впрочем, и инструменты управления, и многое другое.

Но кабинет кажется чужим не им, а мне.

— Как ты себя чувствуешь, Дар? — участливо спросила Тамалейн.

Одраде взмахом руки попыталась выпроводить их, но обе женщины не двинулись с места.

В сознании Одраде происходили вещи, которые нельзя было объяснить длинными рабочими днями и недостаточным отдыхом. Уже не первый раз ей казалось, что она работает в каком-то чужеродном окружении, в чуждой ей обстановке. Прошлой ночью, когда она перекусывала за этим столом, на его поверхности точно так же мелькали всякие сообщения, но тогда она смотрела на них как на незаконченную работу.

Каких Сестер следовало сохранить для этого ужасного Рассеяния? Как повысить шансы выживания песчаных форелей, которых взяли с собой Сестры Рассеяния? Каковы нужные партии меланжи? Надо ли выждать какое-то время, прежде чем посылать в неизвестность новую группу Сестер? Надо ли поторопить Сциталя, чтобы он поскорее открыл, каким образом тлейлаксианцы выращивают в своих чанах меланжу?

Одраде вспомнила, что мысль об отчуждении пришла ей в голову, когда она жевала сандвич. Она развернула ломтики и внимательно их рассмотрела. *Что я ем?* Куриная печень с луком и лучшим хлебом Капитула.

Пристальное внимание к обычным вещам — вот где ключ к разгадке отчуждения.

— Похоже, ты больна, — сказала Беллонда.

— Это просто усталость, — солгала Одраде. Они понимали, что она лжет, но не могли же они бросить ей вызов?

— Вы устали точно так же. — В тоне Одраде прозвучала вполне правдоподобная забота и привязанность.

Белл не была удовлетворена таким ответом.

— Ты подаешь нам плохой пример!

— Что? Я?

Притворство не ускользнуло от внимания Белл.

— Ты прекрасно знаешь, что ты делаешь!

— Ты всегда показываешь всем свою заботу и эмоциональную привязанность, — подлила масла в огонь Тамалейн.

— Даже по отношению к Белл.

— Мне не нужна твоя проклятая привязанность. В ней что-то не так.

— Только если я использую ее для принятия важных решений, Белл. Только в этом случае.

Голос Беллонды снизился до свистящего шепота.

— Некоторые думают, что ты неисправимый романтик, Дар. Ты знаешь, куда это может тебя привести.

— Объединить вокруг меня Сестер для целей,

не связанных с выживанием. Ты это хочешь сказать?

— Иногда ты причиняешь мне страшную головную боль, Дар!

— Это мое право и обязанность — причинять вам всем головную боль. Когда у вас не болит голова, вы становитесь беззаботными и беспечными. Привязанность вам не нравится, но когда вас ненавидят, вы прекрасно себя чувствуете!

— Я знаю свои недостатки.

Ты не можешь быть Преподобной Матерью, но не понимаешь этого.

Кабинет снова стал родным и знакомым, но теперь Одраде знала источник отчуждения. Она думала об этом кабинете как части древней истории, видя его таким, каким он мог быть много веков назад. Именно таким он и станет, если удастся ее план. Теперь она знала, что надо делать. Пора открывать суть первого шага.

Осторожно.

Да, Тар, сейчас я так же осторожна, как и ты.

Да, Бел и Там стары, но их ум может быть острым, когда того потребуют обстоятельства.

Одраде пристально посмотрела в глаза Белл.

— Паттерны, Белл. Наш паттерн — это не отвечать насилием на насилие. — Она подняла руку,

заставив Беллонду замолчать на полуслове. — Да, насилие порождает ответное насилие, и этот маятник, раскачиваясь все сильнее, в конце концов сметает обе противоборствующие стороны.

— Что ты предлагаешь? — потребовала ответа Тамалейн.

— Может быть, нам следует заманить быка еще дальше?

— Мы не смеем этого делать. Пока не смеем.

— Но мы не смеем и сидеть здесь сложа руки и ждать, когда они найдут нас. Лампадас и другие несчастья, свалившиеся на нас, ясно говорят о том, что будет с нами, когда они нагрянут. Когда, а не если.

Произнося эти слова, Одраде вновь почувствовала себя на тугом канате над пропастью, а сзади крадется темная фигура с топором. Ей захотелось погрузиться в свой ночной кошмар, оглянуться и посмотреть, кто этот палач, но она не осмелилась этого сделать. Это была ошибка Квисатц Хадераха.

Ты не видишь будущее, ты творишь его.

Тамалейн решила все же выяснить, почему Одраде именно сейчас коснулась этого предмета.

— Ты переменила свое решение, Дар?

— Нашему гхола Тегу десять лет.

— Он слишком мал, чтобы восстанавливать его исходную память, — произнесла Беллонда.

— Зачем мы воссоздали Тега, как не для силовых акций, — сказала Одраде. — О да, — продолжила она, видя, что Там собирается возразить ей. — Тег не всегда решал наши проблемы с помощью насилия. Миролюбивый башар может отводить в сторону врагов с помощью разумного слова.

Там задумчиво заговорила:

— Но Досточтимые Матроны вряд ли вообще пойдут на какие бы то ни было переговоры.

— Да, если только мы не доведем их до крайности.

— Мне думается, ты предлагаешь слишком быстрое движение вперед, — сказала Беллонда. — Пусть Белл проявит свой ум ментата и суммирует все сказанное.

Одраде сделала глубокий вдох и посмотрела на поверхность рабочего стола. Наконец это пришло. В то утро, когда она извлекла ребенка из того непристойного чана, она уже предчувствовала, что настанет сегодняшний момент. Даже тогда она знала, что подвергнет гхола испытаниям раньше положенного времени. Узы крови сделали свое дело, несмотря ни на что.

Сунув руку под стол, Одраде нажала кнопку поля вызова. Советницы молча застыли в ожидании. Они знали, что сейчас Верховная скажет что-то чрезвычайно важное. Есть одна вещь, в которой может быть уверена любая Верховная Мать, — Сестры будут слушать ее с великим вниманием, которое обязано своим происхождением не званию Преподобной Матери, а чему-то в сознании каждой Сестры.

— Политика, — сказала Одраде.

Советницы сосредоточились. Политика — это очень емкое слово. Если ты вмешиваешься в политику Бене Гессерит, то власть твоя повышается от высокой до возвышенной, и ты вступаешь в зону небывалой ранее ответственности. Ты взваливаешь на себя непомерный груз обязанностей и решений, от которых зависит жизнь очень многих, кто стоит ниже тебя. Именно это привязывало Сестер к Верховной Матери. Это слово говорило всем советницам, всем наблюдателям, что Первые Среди Равных пришли к очень важному решению.

Все услышали, как за дверью раздался шорох. Кто-то прибыл в кабинет Одраде. Верховная Мать нажала на белую пластину, вделанную в столешницу. Дверь неслышно отворилась. На пороге,

ожидая приказаний Верховной Матери, стояла Стрегги.

— Приведи его, — сказала Одраде.

— Слушаюсь. — На лице не отразилось никаких эмоций. Очень многообещающая послушница эта Стрегги.

Она исчезла и появилась снова, ведя за собой Майлса Тега. Волосы мальчика были светлыми, но среди них виднелись темные пряди, возмужав, Тег станет темноволосым. Узкое лицо, на носу только начала вырисовываться ястребиная горбинка, столь характерная для мужчин из рода Атрейдесов. Светло-голубые глаза с внимательным любопытством оглядели всех присутствующих.

— Подожди, пожалуйста, за дверью, Стрегги.

Одраде дождалась, когда за послушницей закроется дверь.

Мальчик смотрел на Верховную Мать, не проявляя ни малейшего нетерпения.

— Майлс Тег, гхола, — заговорила Одраде. — Ты, конечно, помнишь Тамалейн и Беллонду.

Майлс окинул обеих женщин взглядом, но продолжал молчать, видимо, сбитый с толку той напряженностью, с которой его разглядывали обе Преподобные Матери.

Тамалейн нахмурилась. Она с самого начала возражала, чтобы этого мальчика называли гхола. Гхола выращивают из клеток трупа. Это клон, так же как и Сциталь был клонированным созданием.

— Я хочу послать его на корабль-невидимку к Дункану и Мурбелле, — сказала Одраде. — Кто лучше, чем Дункан, восстановит исходную память мальчика?

— Поэтическая справедливость, — согласилась Беллонда. Она не возразила ни слова, хотя Одраде знала, что возражения найдутся, как только мальчика уведут. *Он слишком мал!*

— Что она имеет в виду под поэтической справедливостью? — поинтересовался Тег. У него был высокий писклявый голос.

— Когда башар был на Гамму, он восстанавливал память Дункана.

— Это действительно больно?

— Дункан полагал, что да.

Некоторые решения должны быть беспощадными.

Одраде всегда думала, что надо преодолеть высокий барьер, чтобы смириться с фактом, что ты способен принимать самостоятельные решения. Теперь это не надо было объяснять Мурбелле.

Как я могу смягчить удар?

Бывают моменты, когда это просто невозможно. Иногда бывает намного гуманнее сорвать щадящий бинт одним рывком, причинив сильную, но кратковременную боль.

— Этот… Дункан Айдахо действительно может вернуть мне память… того, что было со мной раньше?

— Он может и сделает это.

— Не слишком ли круто мы действуем? — спросила Тамалейн.

— Я читал записи о башаре Теге, — сказал Майлс. — Он был знаменитый воин и ментат.

— И ты гордишься этим, как мне кажется? — Беллонда выместила свое недовольство на мальчике.

— Не особенно. — Он не отвел взгляд. — Я думаю о нем как о другом человеке. Но, правда, это мне интересно.

— Кто-то другой, — пробормотала Беллонда. Она посмотрела на Одраде с плохо скрытым несогласием. — Ты слишком глубоко приобщаешь его к учению!

— Так делала его биологическая мать, — парировала Одраде.

— Я вспомню ее? — спросил Тег.

Одраде заговорщически улыбнулась в ответ, как она не раз делала во время их прогулок по саду.

— Ты вспомнишь.

— Все?

— Ты вспомнишь все: жену, детей, битвы. Все.

— Отошли его! — воскликнула Беллонда.

Мальчик улыбнулся, но продолжал смотреть на Одраде, ожидая приказаний только от нее.

— Отлично, Майлс, — похвалила его Одраде. — Скажи Стрегги, чтобы она отвела тебя в твою новую квартиру на корабле-невидимке. Я приду позже и представлю тебя Дункану.

— Можно, я покатаюсь на плечах Стрегги?

— Попроси об этом ее.

Тег импульсивно бросился к Одраде, поднялся на цыпочки и поцеловал ее в щеку.

— Я надеюсь, что моя настоящая мать была похожа на тебя.

Одраде потрепала его по плечу.

— Она очень похожа на меня. А теперь беги.

Когда дверь за мальчиком закрылась, заговорила Тамалейн:

— Ты не говорила ему, что ты — одна из его дочерей?

— Пока нет.

— Скажет ли ему об этом Айдахо?

— Если возникнет такая необходимость.

Беллонду не очень интересовали эти мелкие детали.

— Что ты задумала, Дар?

За Одраде ответила Тамалейн:

— Сила наказания подчинится нашему ментату башару. Это очевидно.

Она заглотила наживку.

— Это действительно так? — спросила Беллонда.

Одраде окинула обеих женщин тяжелым взглядом:

— Тег был лучшим башаром из всех, кто служил нам. Если кто и сможет наказать наших врагов, то…

— Лучше нам начать растить еще одного, — вставила свое слово Тамалейн.

— Мне не нравится, что на мальчика может оказать влияние Мурбелла, — проговорила Беллонда.

— Будет ли Айдахо сотрудничать с нами? — поинтересовалась Тамалейн.

— Он сделает все, о чем его попросит Атрейдес.

Одраде говорила с уверенностью, которой на самом деле не испытывала, но в этот миг она

поняла, откуда еще берется то чувство отчуждения.

Я смотрю на нас с точки зрения Мурбеллы! Я могу думать, как Досточтимая Матрона!

Мы не преподаем историю, мы воспроизводим опыт. Мы идем по цепи последовательностей – по следам лесного зверя. Присмотритесь к тому, что стоит за нашими словами, и вы увидите широкий шлях общественного поведения, которого не касался ни один историк.

(Доспехи Пророка Бене Гессерит)

Сциталь свистел, прохаживаясь взад и вперед по коридору своих апартаментов. Это был его дневной моцион. Назад, вперед, назад, вперед. Опять посвистеть. И еще раз.

Пусть они привыкают к моему свисту.

Насвистывая, он сочинил песенку на незатейливый мотив.

— Семя Тлейлаксу молчит, — снова и снова повторял он мысленно эти слова под мелодию свиста. Они не смогут воспользоваться его клетками, чтобы заполнить генетический провал и выведать его тайны.

Они должны явиться ко мне с дарами.

Одраде уже заходила к нему утром, «по пути к Мурбелле». Она часто упоминала в разговоре с ним имя пленной Досточтимой Матроны. В этом частом упоминании была какая-то цель, пока не ясная для Сциталя. Угроза? Это всегда

возможно. Но со временем все раскроется.

— Надеюсь, что вы не из трусливых, — сказала сегодня утром Одраде.

Они разговаривали возле щели, через которую Сциталю передавали еду. Он в тот момент ожидал завтрака. Меню никогда не было хорошим, но еда тем не менее оказывалась вполне приемлемой. Сегодня он попросил морепродуктов. Не важно, в каком виде.

— Трусливых? Но кого мне бояться? Вас? Ах, дорогая Верховная Мать, я бесценен для вас именно живым. Так чего же прикажете мне бояться?

— Мой Совет рассматривает ваши последние просьбы.

Я ожидал этого.

— Это ошибка — держать меня в неволе, — сказал он. — Это ограничивает ваш выбор. Ослабляет вас.

Эти слова он планировал произнести несколько дней. Для того чтобы они прозвучали, ему пришлось собрать в кулак всю свою волю. Теперь он ждал, каким будет эффект.

— Это зависит от того, как вы собираетесь использовать предоставленный вам инструмент, Мастер Сциталь. Некоторые инструменты ломаются, если ими неправильно пользуются.

Будь ты проклята, ведьма!

Он улыбнулся, обнажив свои острые клыки.

— Испытание до пределов исчезновения, Верховная Мать?

Неожиданно Одраде продемонстрировала Сциталю свой юмор:

— Вы действительно полагаете, что я собираюсь сделать вас сильнее? О чем вы собираетесь торговаться со мной на этот раз, Сциталь?

Итак, я уже не Мастер *Сциталь. Надо ударить ее клинком плашмя!*

— Вы отправляете своих Сестер в Рассеяние, надеясь, что там некоторые из них смогут уцелеть. Но каковы экономические последствия такой истерической реакции?

Последствия! Они всегда говорят о последствиях.

— Мы стараемся выиграть время, — это прозвучало очень многозначительно.

Несколько мгновений он обдумывал эти слова. Видеокамеры наблюдали за ними. О них нельзя забывать ни на минуту! *Экономика, ведьма! Кого и что мы покупаем и продаем?* Этот закут возле щели для раздачи пищи был весьма забавным местом для торговли, подумал Сциталь. Очень плохое занятие экономикой. Управление делами,

заседания по поводу планирования и стратегии должны происходить за закрытыми дверями, в высоких кабинетах, вид из окон которых ничем не отвлекает от дел участников переговоров.

Память множества его жизней не могла принять его нынешнего положения. *Необходимость. Люди проворачивают свои торговые дела в любых доступных им условиях — на палубах торговых кораблей, на улицах, запруженных спешащими клерками, в просторных залах традиционных бирж при потоке информации, предназначенной для всех и каждого.*

Планированием и стратегией действительно лучше всего заниматься в высоких кабинетах, но свидетельства о результатах планирования подобны информации на бирже — их видят все.

Так что пусть видеокамеры записывают.

— Каковы ваши намерения относительно меня, Верховная Мать?

— Держать вас здесь живым и здоровым.

Осторожно, осторожно.

— Но не предоставлять мне свободы.

— Сциталь! Вы говорите об экономике, а потом настаиваете на своей свободе?

— Но для вас важна моя сила?

— Поверьте мне!

— Я не могу вам доверять.

В этот момент из щели показался завтрак: белая рыба, обжаренная в пикантном соусе. Он почувствовал запах трав. Длинные водоросли, слабый аромат меланжи. Зеленый салат. *Это одно из лучших блюд.* У Сциталя потекли слюнки.

— Наслаждайтесь завтраком, Мастер Сциталь. В еде нет ничего, что могло бы вам повредить. Разве это не мера доверия?

Поскольку он не ответил, она продолжала:

— Но какое отношение имеет доверие к теме нашей сделки?

Какую игру со мной она затеяла?

— Вы рассказываете, какие у вас намерения относительно Досточтимых Матрон, но ни слова не говорите, какие у вас намерения относительно меня.

Он понимал, что слова его звучат довольно плаксиво, но такова была неизбежность.

— Я собираюсь показать Досточтимым Матронам, что и они смертны.

— То же самое вы проделываете со мной!

Не мелькнуло ли в ее глазах выражение удовлетворения, когда она услышала эти слова?

— Сциталь, — *каким вкрадчивым стал ее голос,* — таким образом в людях просыпается

внимание, и они начинают слышать то, что им говорят. — Она посмотрела на поднос с едой. — Вы хотите чего-то особенного?

Он постарался встретить этот удар с высоко поднятой головой.

— Немного стимулирующего напитка. Он помогает мне думать.

— Конечно, я позабочусь, чтобы вам немедленно его прислали. — Она обратила внимание на прочие комнаты его апартаментов. Он наблюдал, как она молча переводит взор с места на место, с предмета на предмет.

Все на месте, ведьма. Я же не пещерное животное. Вещи должны быть там, где я могу без раздумья найти их. Да, я употребляю стимулирующие палочки, но зато избегаю алкоголь. Надеюсь, ты и это заметила?

Стимулятор, который ему принесли, он тотчас распознал по запаху. Касмин. Генетически модифицированный стимулятор из крови, изготовленный согласно фармакопии Гамму.

Она решила напомнить ему о Гамму? Они такие хитрые, эти ведьмы!

А как она разыграла его в вопросе об экономике! Это был болезненный укол для его самолюбия, который он переживал, идя к своим комнатам,

продолжая прогулку. Действительно, какой клей мог цементировать все части Старой Империи? Играли роль, конечно, многие вещи, великие и малые, но во главе угла, естественно, стояла экономика. Линии связей часто рассматривают с точки зрения привычки и удобства. Но что предохраняет эти линии и нити от разрыва? Великая Конвенция. «Если ты взорвешь кого-нибудь, то мы объединимся, чтобы взорвать тебя».

Он остановился возле своей двери, пораженный одной мыслью.

Что это? Каким должно быть наказание, способное остановить этих жадных повиндах? Мнение товарищей? Но что, если твои товарищи готовы на все и их не остановит никакая непристойность? Вы способны на все. А это кое-что говорит и о Досточтимых Матронах. Определенно говорит.

Ему захотелось уединиться, чтобы обнажить свою душу.

Ягист исчез. Неужели я — последний машейх?

Он ощутил в груди внезапную пустоту. Он попытался вдохнуть. Может быть, стоит торговаться более откровенно с этими женщинами Шайтана?

Нет, это меня самого искушает Шайтан.

Он вошел в свою комнату, охваченный стремлением к очищению.

Я должен заставить их платить. Дорого платить. Дорого, дорого, дорого. Каждое слово *дорого* сопровождалось шагом к креслу. Когда он сел, рука автоматически потянулась к ручке. Вскоре он почувствовал, что его ум заработал на полную мощность, мысли приобрели скорость и четкость.

Они даже не догадываются, насколько хорошо я знаю этот иксианский корабль. Мои знания в голове.

Следующий час он провел в сладостных мечтах, представляя себе, как расскажет своим товарищам о том, как ему удалось восторжествовать над повиндах. *С Божьей помощью!*

Он подберет самые блистательные слова, которые позволят выразить всю драматичность этого испытания. В конце концов, историю всегда пишут победители.

Говорят, что Верховная Мать не может пренебрегать ни одной мелочью, – это кажется бессмысленным афоризмом до тех пор, пока вы не поймете его глубокого значения: Я слуга всех моих Сестер. Они следят за деятельностью своей прислуги критическим оком, поэтому я не могу тратить время на общие фразы и повторение банальностей. Верховная Мать должна действовать глубоко и продуманно, иначе чувство тревожного беспокойства проникнет в самые отдаленные уголки нашего ордена.

(Дарви Одраде)

Этим утром Одраде шла по территории Централа, ощущая свою «сущность служанки» и заменив этой прогулкой утреннюю гимнастику в спортивном зале. *Служанка не в духе!* Ей очень не понравилось то, что она увидела.

Мы слишком погрязли в своих трудностях и потеряли способность отличать мелкие проблемы от ключевых.

Что стало с нашей совестью?

Хотя многие отрицали это, Одраде была убеждена в том, что у Бене Гессерит есть совесть. Однако уставы Ордена разными ухищрениями преврати-

ли ее во что-то малоузнаваемое.

Копание в этом вопросе вызывало у Одраде чувство отвращения. Решения, принятые во имя выживания, Миссия (эти нескончаемые иезуитские словопрения!) — все это проистекало из потребностей, которые в высшей степени нуждались в человеческом суждении. Тиран знал это.

Быть человеком — вот в чем заключалась суть. Но прежде чем стать человеком, надо нутром почувствовать его в себе.

Никакая клиника не даст ответа на проклятый вопрос! Все выглядит до смешного простым, пока не начнешь прикладывать принципы к реальной жизни. Только тогда вырисовывается необозримая сложность проблемы.

Как это делаю я.

Ты смотришь в себя и видишь, во что ты веришь и кем себя считаешь.

Итак, кто же я?

Кто задает этот вопрос? Это был ехидный вопрос, заданный Другой Памятью.

Одраде рассмеялась, и Праска, проктор, проходившая в этот момент мимо, раскрыла рот от удивления. Одраде помахала Праске рукой и сказала:

— Хорошо быть живой. Запомни это.

Женщина натянуто улыбнулась и заспешила дальше по своим делам.

Итак, кто задает вопрос: «Кто я?»

Опасный вопрос. Задавая его, она перемещалась во вселенную, в которой не было ничего человеческого. Ничто в этом мире не соответствовало той неопределенной, неуловимой вещи, которую она пыталась познать разумом. Все вокруг нее — клоуны, дикие животные и марионетки, подчиняющиеся нитям в руках невидимого кукловода. Она и сама чувствовала нити, которые приводят в движение *ее самое.*

Одраде продолжила свой путь по коридору к лифту, который доставит ее в апартаменты.

Нити. Что порождается яйцом? *Мы многоречиво рассуждаем о «разуме в его зарождении». Но чем я была до того, как давление жизненной силы придало мне мою нынешнюю форму?*

Недостаточно было поиска чего-то «естественного». Нет «благородного спасения». За свою долгую жизнь она видела много попыток осуществить его. Нити, за которые дергали людей, были хорошо видны воспитанницам Бене Гессерит.

Она почувствовала в себе силу Мастера, который умеет ставить задачи. Сегодня это чувство

было очень сильно. Часто она не подчинялась этой силе или просто избегала ее. Мастер требовал: «Укрепляй свои таланты. Не плыви по течению. Работай руками! Пользуйся своей силой, иначе ты потеряешь все».

У нее перехватило дыхание от предчувствия панической атаки. Одраде поняла, что теряет человеческий облик, что еще немного — и она рискует полностью его утратить.

Я слишком сильно старалась мыслить, как Досточтимая Матрона! Я манипулировала и управляла всеми, кто подворачивался под руку. И все это я делала во имя выживания Бене Гессерит!

Белл утверждает, что нет таких пределов, за которые не вышли бы Сестры для того, чтобы спасти Бене Гессерит. В этом утверждении было зерно истины, но все же оно исполнено бахвальства. В действительности есть вещи, которые Преподобная Мать не станет делать даже ради спасения Общины Сестер.

Мы не станем блокировать Золотой Путь Тирана.

Выживание человечества — задача более важная, чем выживание Общины Сестер. *В противном случае все наши разговоры о поисках чаши Грааля зрелости человечества становятся*

пустой болтовней, лишенной всякого смысла.

Но существует и опасность лидерства в обществах, которые, находясь под смертельной угрозой, вопрошают своих вождей: «Что нам делать?» Как мало эти люди понимают, что именно они творят своими требованиями. Вожди совершают ошибки. И эти ошибки, умноженные многократно бездумным исполнением массой людей, приводят к великим катастрофам.

Поведение леммингов.

Это была правда, что Сестры пристально следили за действиями Одраде. Все правительства должны вызывать подозрение во все время их пребывания у власти, включая и саму Общину Сестер. *Не доверяйте правительствам! Даже моему!*

Они наблюдают за мной и сейчас. Мало что можно скрыть от моих Сестер. Настанет время, и они поймут мой план.

Для того чтобы смотреть в лицо великой власти над Общиной, требовалось каждодневное духовное очищение. *Я не искала этой власти. Она снизошла на меня.* Она подумала: *«Власть привлекает тех, кто склонен к разложению. Подозревайте любого, кто ищет власти».* Одраде понимала, что такие люди подвержены коррун-

ции или уже погибли в ее сетях.

Одраде сделала ментальную зарубку, чтобы не забыть записать это в кодекс и отправить в Архив. (Пусть Белл попотеет!) «Мы должны предоставлять власть только тем, кто упорно от нее отказывается и на таких условиях, которые еще больше укрепляют такое нежелание».

Вот прекрасное описание Бене Гессерит!

— Ты хорошо себя чувствуешь, Дар? — раздался голос Беллонды, стоявшей в дверях лифта. — Ты выглядишь как-то… странно.

— Я обдумываю одну вещь. Ты собралась уходить?

Беллонда пристально смотрела на Верховную, пока они менялись местами. Поле лифта подхватило Одраде и повлекло ее вверх, подальше от этого пронизывающего взгляда.

Войдя в кабинет, Одраде увидела, что ее стол завален документами, принять решения по которым, по разумению помощниц, могла только Верховная Мать.

Политика, напомнила себе Одраде, садясь за стол и готовясь заняться своими делами. Там и Белл ясно слышали, что она сказала им вчера, но вряд ли они понимали, какая поддержка от них потребуется. Они были обеспокоены

и утроили бдительность. *Что ж, так и должно быть.*

Почти во всем присутствует политика, подумала Одраде. Эмоции исчезли, и по мере этого исчезновения политические силы все больше выступали на первый план. Какая ложь содержится в старом бессмысленном заявлении об отделении церкви от государства. Ничто так не подвержено эмоциональному жару, как религия.

Ничего удивительного, что мы так не доверяем эмоциям.

Но, конечно, не всем эмоциям. Мы не доверяем только тем эмоциям, которые появляются в силу объективной необходимости и не подчиняются нашему контролю: например любовь и ненависть. Можно иногда допустить гнев, но и его следует держать на коротком поводке. Такова вера Бене Гессерит. Полная чушь!

Золотой Путь Тирана сделал эту ошибку нетерпимой. Золотой Путь сделал Бене Гессерит вечно отстающим. Нельзя быть слугой Вечности!

Постоянно повторяющийся вопрос Беллонды не имеет ответа.

— Чего он хотел от нас?

В какие действия он вовлек нас против нашей воли? Как он манипулировал нами? (Как и мы

манипулировали другими.)

Зачем искать смысл там, где его заведомо нет? Разве ты пойдешь путем, который ведет в никуда?

Золотой Путь! Колея, проложенная в воображении одного человека. *Бесконечности нет нигде!* Но конечный ум упрям. Именно здесь находят ментаты изменчивые проекции, которые порождают больше вопросов, чем ответов. Это порожняя чаша тех, кто, сунув свой нос поближе к бесконечному кругу, ищет «один ответ на все вопросы».

Ищут свой тип божества.

Одраде находила, что очень тяжело ограничивать таких людей. Ум отступает перед вечностью. Пустота! Алхимики всех эпох были подобны старьевщикам, собиравшим всякий хлам, стоя над которым они провозглашали: «Во всем этом должен быть какой-то порядок. Если я проявлю упорство, то, несомненно, найду его».

И во все века порядок оказывался таким, каким они сами его творили.

Ах, Тиран! Ты старый шут! Ты прекрасно видел и понимал это и говорил: «Я создам порядок, которому вы все будете следовать. Вот путь. Вы видите его? Нет! Не смотрите туда. Это путь

голого Императора. Его наготу не видит никто, кроме детей и безумцев. Обратите свое внимание туда, куда я укажу вам. Это мой Золотой Путь. Разве не прекрасное название? В этом все, что существует, и все, что будет существовать».

Тиран, ты был просто еще одним клоуном. Ты указал нам на бесконечное возобновление клеток из того комка грязи и слизи, который был нашим общим прошлым.

Ты понимал, что человеческая вселенная всегда замыкается в небольшие общины, которые рыхло связаны между собой, находясь в Рассеянии. Объединяющая традиция нашего общего рождения ушла в настолько далекое прошлое, что его картина исказилась в нашей исторической памяти. Преподобные Матери несут в своих душах неиспорченный оригинал, но не могут передать его жестоковыйным людям. Ты видишь это, Тиран? Мы слышали, как ты говорил: «Пусть они придут и попросят! Тогда, и только тогда...»

И именно поэтому ты сохранил нас, ты, атрейдесовский ублюдок! Только поэтому я должна, просто обязана снова собраться с духом и начать работать.

Несмотря на угрозу самому существованию человечности в своей душе, Одраде понимала,

что не свернет со своего пути и продолжит познание внутреннего мира Досточтимых Матрон. *Я должна научиться думать так, как думают и мыслят они.*

Охотничья проблема: она равным образом занимает как хищника, так и его жертву. Это не проблема иголки и стога сена. Скорее это бег по местности, которая усеяна знакомыми и незнакомыми предметами. Хитрость Бене Гессерит состоит в том, что знакомое будет доставлять Досточтимым Матронам такие же трудности, как и незнакомое.

Но что они сделали для нас?

Межпланетное сообщение работало на пользу преследуемых. Тысячелетиями оно было ограниченным по экономическим соображениям. Им пользовались немногие — в основном Важные люди и торговцы. Важные значит то же, что это значило во все века: богатые и могущественные; банкиры, чиновники, курьеры. Военные. «Важные» служило ярлыком для многих категорий: дипломаты, предприниматели, медики, квалифицированные инженеры, шпионы и другие специалисты. Мало что изменилось со времен масонской Ложи Древней праматери Земли. Разница только в количестве, качестве

категорий и сложности. Границы были всегда прозрачны и видимы для всех и во все времена.

Надо при случае исследовать этот вопрос и поискать в нем внутренние противоречия.

Огромные массы людей, накрепко привязанных к своим планетам, говорят о «великом молчании космоса», имея в виду, что они сами не могут позволить себе такое путешествие из-за его высокой стоимости. Большинство людей понимали, что те новости, которые они получают с других планет, специально препарированы для них с целью соблюсти чьи-то интересы. И так было всегда.

На самих планетах необходимость ограничить излучение, по которому можно было опознать планету или местность, диктовала изобретение тех или иных средств коммуникации: трубы, посланники, световой телеграф, нервная передача и различные пермутации. Секретность и тайнопись стали очень важным элементом связи не только между планетами, но и на них.

Такую систему Досточтимые Матроны могли бы вскрыть, если бы им удалось найти ключ к шифрам. Охотники должны начать дешифровку системы, но что потом: откуда ведут следы Капитула?

Невидимые корабли, которые невозможно выследить, иксианские машины и Гильд-навигаторы — все они создали плотную завесу молчания между планетами, приподнять которую было дано немногим привилегированным счастливцам. Нельзя дать в руки охотникам ключ к шифру!

Одраде сильно удивилась, когда перед обедом в ее кабинете появилась престарелая Преподобная Мать, отправленная много лет назад на планету ссылок Бене Гессерит. Идентификацию удалось найти в Архиве. *Имя: Дортуйла. Отправлена в вечную ссылку много лет назад за непростительное нарушение Устава.* Кажется, это была какая-то любовная история. Одраде не стала вникать в детали. Некоторые из них, правда, всплыли сами собой. (Опять в дело вмешалась вездесущая Беллонда!) Одраде отметила про себя только наличие каких-то эмоциональных сдвигов во время наказания Дортуйлы. Она совершила бессмысленную попытку не разлучаться со своим любовником.

Одраде вспомнила разговоры о проступке Дортуйлы. «Это было преступление Джессики!» Сплетни были источником важной информации. Черт возьми, куда сослали Дортуйлу? Кто его зна-

ет. В данный момент это не важно. Более важно другое: *Почему она здесь? Как она осмелилась предпринять путешествие, которое могло привести Матрон на Капитул?*

Одраде спросила об этом Стрегги, когда та доложила о прибытии гостьи. Стрегги не знала.

— Она говорит, что может открыть нечто важное только вам и наедине, Верховная Мать.

— Наедине? — Одраде с трудом сдержала смех, подумав о бесчисленных подслушивающих и следящих устройствах, которыми был напичкан ее кабинет. — Эта Дортуйла не сказала, зачем она приехала?

— Те, кто посоветовал мне прервать ваше уединение, сказали, что вы непременно должны ее увидеть.

Одраде сжала губы. Сам факт, что изгнанная Преподобная Мать зашла так далеко, возбудил ее любопытство. Упорная Преподобная Мать может преодолеть обычные препятствия, но эти препятствия были далеко не ординарными. Причины, побудившие Дортуйлу на такой риск, были известны тем, кто ее пропустил. Ясно, что Дортуйла не стала прибегать к уловкам Бене Гессерит, чтобы убедить Сестер. Это повлекло бы за собой немедленный отказ в аудиенции. На такой вздор

у нас просто нет времени! Итак, была целая цепь команд. Действия Дортуйлы были подчинены обдуманному плану, и она несла с собой важное сообщение.

— Впусти ее.

Дортуйла несколько постарела на своей глухой планете. Возраст проглядывал в мелких морщинках вокруг губ. Капюшон приоткрывал лицо и ясные, живые глаза.

— Зачем ты здесь? — Тон был сухим и не допускал никаких сантиментов. — Это должно быть очень важным. Так будет лучше для тебя.

История, которую поведала Дортуйла, оказалась простой. Она и еще три Преподобные Матери разговаривали с группой футаров из Рассеяния. Они нашли то место, где проживала Дортуйла, и попросили ее передать сообщение на Капитул. Дортуйла проверила сообщение на истинность, напомнив Верховной Матери, что и в изгнании встречаются талантливые люди. Рассудив, что сообщение истинное, Дортуйла с помощью Сестер решила действовать без промедления, приняв тем не менее некоторые меры предосторожности.

— Все благодаря быстроте нашего корабля-невидимки, — заявила ссыльная Преподобная

Мать. Корабль, по ее словам, был маленьким, таким, какими пользуются контрабандисты.

— Им может управлять один человек.

Суть сообщения была просто очаровательной. Футары хотели объединиться с Преподобными Матерями для совместной борьбы против Досточтимых Матрон. Какими силами располагали футары, установить трудно, сказала Дортуйла.

— Они отказались ответить на этот вопрос.

Одраде слышала много историй про футаров. Убийцы Досточтимых Матрон? Были некоторые основания верить в это, но поведение футаров было довольно странным, особенно учитывая события на Гамму.

— Сколько их было в той группе?

— Шестнадцать футаров и четыре торговца. Они так себя и назвали: торговцы. Они сказали, что у Досточтимых Матрон есть очень опасное оружие, которое можно использовать только один раз.

— Ты упомянула только футаров. Кто эти торговцы? И что они сказали о секретном оружии?

— Я хотела сказать о них позже. Они — люди с учетом некоторых особенностей Рассеяния: трое мужчин и одна женщина. Что касается оружия, то они больше ничего о нем не сообщили.

— Что значит особенности?

— Только то, что я сказала, Верховная Мать. У меня было странное первое впечатление, что это лицеделы. Правда, не соответствующие никаким критериям. Феромонов нет. Жесты, осанка, выражение лиц — все отрицательно.

— Это было просто первое впечатление?

— Я не могу этого объяснить.

— Что ты можешь сказать о футарах?

— Они соответствуют своему описанию. Внешность у них человеческая, но видна звериная сущность. Происходят они из семейства кошачьих, насколько я могу судить.

— Так говорят о них и другие.

— Они умеют говорить, но это сокращенный галахский. Речь взрывная, скандированная, односложная. «Когда есть?», «Вы приятная», «Хочу почесать голову», «Сесть тут?». Они немедленно реагируют на слова торговцев, но без страха. Насколько я заметила, между футарами и торговцами существуют взаимные симпатия и уважение.

— Зная риск, почему ты решила, что надо немедленно передать мне это сообщение?

— Это были люди из Рассеяния. Их предложение союза открывает нам путь туда, откуда происходят Досточтимые Матроны.

— Естественно, ты спрашивала их об этом, как и об условиях жизни в Рассеянии.

— Они ничего мне не ответили.

Это была голая констатация факта. Нельзя было унизить изгнанную Сестру, не важно, какие грехи омрачали ее прошлое. Надо было задать еще много вопросов. Одраде начала задавать их, внимательно прислушиваясь к ответам, наблюдая, как, произнося слова, открывался старый рот. Открылся — пурпурный, закрылся — розовый.

В Дортуйле была какая-то услужливость, следствие понесенного наказания, но тем не менее суть, несгибаемая суть воспитанницы Бене Гессерит осталась прежней и неизменной. Говорила она с природной неторопливостью, обдумывая и взвешивая каждое слово. Жесты были плавными и мягкими. Она смотрела на Одраде добрым взглядом. *(Это* был порок, осуждаемый многими Сестрами: цинизм Бене Гессерит не допускал открытого проявления доброты.)

Дортуйла вызвала живой интерес Одраде. Она говорила с ней, как Сестра с Сестрой. За словами изгнанницы угадывался ум. Ум, закаленный превратностями жизни в ссылке. Теперь она делала все, чтобы искупить падение, совершенное в юности. При этом она не делала никаких

попыток выпятить свое рвение и роль в своевременном предупреждении. Сообщение касалось только сути. Пусть все знают, что она полностью осознает необходимость такого поступка. Она склонялась перед решением Верховной Матери и приняла меры предосторожности, но все же чувствовала, что «вы должны получить эту информацию».

— Я убеждена, что это не западня.

Поведение Дортуйлы было безупречным. Прямой взгляд, глаза и лицо собраны, при этом не видно никаких попыток утаить что-то. При достаточной тренировке Сестры умели проникать сквозь такие маски. Дортуйла действовала по крайней необходимости. Она однажды сделала глупость, но теперь она никогда больше не будет их совершать.

Как называется эта планета наказаний?

На рабочем столе высветилось название: Баззелл.

Это слово внезапно насторожило Одраде. Баззелл! Пальцы заплясали по консоли управления, чтобы освежить память. Баззелл: большая часть планеты покрыта океаном. Холодный климат. Очень холодный. Скалистые острова, каждый размером не больше корабля-невидимки. Однажды,

очень давно, Орден избрал Баззелл местом наказания и ссылки. Предметный урок: «Аккуратнее, девочка, иначе ты попадешь на Баззелл». Вспомнила Одраде и еще одно ключевое слово: камень су. Баззелл был местом, где им удалось размножить одноногое морское существо — холистер, содранный панцирь которого продуцировал замечательную опухоль, в этой опухоли зарождались самые дорогие драгоценные камни во всей вселенной.

Камень су.

Один из таких камней украшал застежку ворота платья опальной Сестры. Благодаря освещению кабинета цвета драгоценности играли, переливаясь от бирюзового до розовато-лилового. Камень был велик, размером приблизительно с глазное яблоко, и хвастливо заявлял о благосостоянии владелицы. Хотя скорее всего для обитателей Баззелла обладание этим сокровищем было ничего не значащей вещью. Камни можно было собирать на побережье, словно гальку.

Камни су. Это было очень важно. По замыслу Бене Гессерит сестра Дортуйла имела частые контакты с контрабандистами. (Свидетельство тому — обладание кораблем-невидимкой.) Так что ухо надо держать востро. Не важно, что они

беседуют сейчас как Сестра с Сестрой, Одраде, кроме того, еще и Верховная Мать, а гостья — Преподобная с планеты наказания.

Контрабандная торговля. Величайшее преступление в глазах Досточтимых Матрон и прочих, кто не может смириться с существованием неписаных законов, не подкрепленных полицейской силой. Свертывание пространства не изменило этот порядок, но сделало возможным его мелкие нарушения. Маленькие корабли-невидимки. Насколько же они малы? Это был пробел в образовании Верховной Матери. Справка из Архива гласила: «Диаметр около ста сорока метров».

Следовательно, они действительно достаточно малы. Камни су — это груз, обладающий вполне естественной привлекательностью. Свернутое пространство служило критическим экономическим барьером на пути контрабанды. Насколько соотносятся ценность груза и размеры транспортного средства? Можно потратить массу денег на перевозки массивных грузов. Но камни су вследствие малых размеров были просто находкой для контрабандистов. Проявляли к камням интерес и Досточтимые Матроны. Простая экономика? У драгоценностей практически неисчерпаемый рынок. Камни су привлекатель-

ны для контрабандистов в неменьшей степени, чем в свое время меланжа, к которой Гильд-навигаторы в настоящее время имеют практически свободный доступ. У Гильдии были сейчас неисчерпаемые запасы Пряности на складах и, кроме того (в этом не могло быть никаких сомнений), множество тайников, где они хранили меланжу на черный день.

Они наивно полагают, что могут купить защиту от Досточтимых Матрон! Но в таком положении было что-то, что можно было обратить себе на пользу. В своем безрассудном гневе Досточтимые Матроны уничтожили Дюну — единственный известный естественный источник Пряности. Не думая о последствиях (а это очень странно), они уничтожили и Тлейлаксу, который буквально затопил Старую Империю синтетической Пряностью из своих лабораторных чанов.

Но у нас есть животные, способные воссоздать Дюну. В нашем распоряжении находится последний оставшийся в живых Мастер Тлейлаксу. Сциталь знает, как заставить чаны с аксолотлями фабриковать Пряность. Если бы нам удалось заставить его открыть нам этот секрет.

Дортуйла, однако, была сейчас проблемой

номер один. Женщина высказывала свои идеи настолько немногословно и четко, что это располагало к ней и вызывало доверие. Торговцы и их футары были весьма встревожены каким-то обстоятельством, которое они не пожелали открыть. Дортуйла оказалась настолько мудра, что не стала использовать средства убеждения Бене Гессерит. Неизвестно, как могут среагировать на эти ухищрения люди из Рассеяния. Но что их тревожило?

— Какая-то угроза помимо Досточтимых Матрон, — предположила Дортуйла. Больше она ничего не сказала, но такую возможность нельзя было сбрасывать со счетов.

— Самое главное — это их предложение союза, — сказала Одраде.

— Распространенная причина распространенной проблемы. — Это был штамп, расхожее решение в практике Бене Гессерит. Невзирая на данные чувства истины, Дортуйла советовала только присматриваться и внимательно изучать неожиданное предложение.

— Почему эти люди из Рассеяния вообще появились на Баззелле? Потому что Досточтимые Матроны проигнорировали Баззелл и сочли его слишком мелкой мишенью для своего наше-

ствия?

— Это маловероятно, — возразила Дортуйла.

Одраде была вынуждена согласиться с таким выводом. Не важно, какое низкое задание первоначально имела Дортуйла на планете наказаний, в настоящее время она распоряжалась несметными сокровищами и располагала кораблем-невидимкой, который доставил ее к Верховной Матери. Кроме того, Дортуйла не перестала быть Преподобной Матерью. Она знала, где находится Капитул. Это знание было недоступно преследователям. Они знали, что любая Преподобная Мать скорее убьет себя, чем предаст Общину Сестер.

Одни проблемы порождали другие. Но сначала немного сестринского единения. Дортуйла наверняка поймет мотивы Верховной Матери. Одраде перевела разговор на личные темы.

Все сошло благополучно. Дортуйла удивилась, но не стала уклоняться от беседы.

Преподобные Матери, сосланные в дальние поселения, обычно были склонны к «другим интересам», как это называлось в Бене Гессерит. В древние времена такие интересы назывались хобби. Они не несли никакой полезной нагрузки, но люди предавались им, не жалея сил и време-

ни. Одраде находила такие интересы скучными, но ей показалось весьма многозначительным, что сама Дортуйла называла свой интерес хобби. *Кажется, она собирает старинные монеты.*

— Какие монеты у тебя есть?

— Две серебряные греческие и прекрасно сохранившийся обол.

— Они подлинные?

— Да, — ответила Дортуйла, подразумевая, что для идентификации монет она воспользовалась Другой Памятью. Очаровательно. Она воспользовалась своей экстраординарной способностью даже для того, чтобы установить подлинность никому не нужных монет. Внутренняя и внешняя истории совпали.

— Это очень интересно, Верховная Мать, — горячо заговорила Дортуйла. — Мне очень льстит то, что вы по-прежнему считаете меня Сестрой и даже в чем-то похожи на меня, проявляя интерес к древней живописи, но все же мы обе понимаем, зачем я рискнула прибыть сюда, на Капитул.

— Контрабандисты.

— Конечно. Досточтимые Матроны не могли не знать, что я нахожусь на Баззелле. Контрабандисты продадут все, что угодно, тому,

кто предложит высокую цену. Мы должны априори допустить, что они извлекли выгоду из своих знаний о Баззелле, о камнях су и о Преподобной Матери, которая там проживает вместе со своей свитой. Не надо забывать и о том, что меня нашли торговцы.

Проклятие, подумала Одраде. *Дортуйла — это советница, которую она всегда хотела бы иметь рядом. Интересно, сколько еще сокровищ развеяно по свету по вполне заурядным причинам? Почему мы так часто отбрасываем в сторону самых талантливых людей? Это древняя слабость, которую так и не сумела изжить Община Сестер.*

— Думаю, что нам удалось узнать нечто ценное о Досточтимых Матронах, — сказала Дортуйла.

Не стоило даже кивать в подтверждение согласия. Именно эта причина привела Дортуйлу на Капитул. Свирепые охотники собирались в стаи и убивали и жгли в пределах Старой Империи всех, кого они подозревали в связях с Бене Гессерит. Однако они не тронули Баззелл, хотя знали его местоположение.

— Почему? — вслух спросила она.

— Никогда нельзя разрушать свое собственное гнездо, — проговорила Дортуйла.

— Ты думаешь, что они там?

— Пока нет.

— Но ты думаешь, что Баззелл — это место, которое им нужно?

— Это первичная проекция.

Одраде в изумлении уставилась на Преподобную Мать. Значит, у Дортуйлы есть еще одно хобби? Она погружается в Другую Память, оживляя и возрождая существующие там таланты. Кто может осудить ее за это? Должно быть, на Баззелле время тянется нестерпимо медленно.

— Суммация ментата, — обвиняющим тоном заговорила Одраде.

— Да, Верховная Мать.

Как она смиренна.

Преподобные Матери имели право пользоваться Другой Памятью только с разрешения Капитула и только под руководством и при поддержке со стороны других Сестер. Следовательно, Дортуйла продолжала оставаться мятежницей. Она следовала своим желаниям, внушенным ей ее бывшим любовником. Отлично! Бене Гессерит нуждается в таких мятежницах.

— Баззелл нужен им целым и невредимым, — продолжала Дортуйла.

— Мир, изобилующий водой?

— Это прекрасное место для рабов-амфибий. Это не футары и не торговцы. Я внимательно изучила их.

Все говорило в пользу того, что Досточтимые Матроны собираются доставить на Баззелл рабов — видимо, амфибий — для сбора камней су. Такие рабы вполне могли быть в распоряжении Досточтимых Матрон. Знание, породившее футаров, вполне могло породить все, что угодно.

— Рабы — это очень неустойчивое равновесие, — заметила Одраде.

Дортуйла впервые за встречу позволила себе обнаружить эмоции. Отвращение заставило ее сжать губы в тонкую полоску.

Матроны создавали общество, рисунок которого предсказывал неизбежное крушение рабства и холопства. Вы создаете резервуар ненависти. Непримиримых врагов. Если у вас нет надежды истребить всех врагов, то не смейте даже пытаться это делать. Приложите все усилия, чтобы смягчить противостояние, ибо тяжкое угнетение сделает ваших врагов сильными. Угнетенные дождутся своего часа, и тогда только небо сможет помочь угнетателям. Это обоюдоострое лезвие. Угнетенные всегда учатся у угнетателей и копируют их. Когда роли меняются, наступает время

для мести и насилия. Так роли меняются до бесконечности и до тошноты однообразно.

— Они никогда не повзрослеют? — горестно спросила Одраде.

У Дортуйлы не было ответа на этот вопрос, но зато было предложение.

— Я должна вернуться на Баззелл.

Одраде обдумала это предложение. Опять опальная Преподобная Мать опередила Верховную. При всем несогласии с формой такого решения обе понимали, что это было бы наилучшим действием. Футары и торговцы вернутся. Более важно, что, поскольку Досточтимые Матроны проявляют неподдельный интерес к Баззеллу, они скорее всего следили за визитерами. Теперь Досточтимые Матроны должны начать действовать, и эти действия могут многое выявить.

— Естественно, они думают, что Баззелл подобен приманке в мышеловке, — сказала Одраде.

— Я могу дать им знать, что была изгнана моими Сестрами, — предложила Дортуйла. — Это можно подтвердить документально.

— Ты хочешь использовать себя как приманку?

— Верховная Мать, что, если их удастся склонить к переговорам?

— С нами? — *Какая неожиданная идея!*

— Я понимаю, что их история не изобилует переговорами, но…

— Это блистательно! Но давай еще глубже заманим их в западню. Скажем, я убеждена, что должна прибыть к ним с предложением о подчинении им Бене Гессерит.

— Верховная Мать!

— Я не собираюсь сдаваться. Но как иначе заставить их разговаривать?

— Баззелл — не самое лучшее место для переговоров. У нас довольно ветхие и неказистые дома.

— На Джанкшн все устроено более крепко. Если они предложат Джанкшн местом встречи, сможешь ли ты сделать вид, что им удалось тебя убедить?

— Это потребует тщательного планирования, Верховная Мать.

— Весьма тщательного. — Пальцы Одраде заплясали по консоли управления. — Да, сегодня, — ответила она на высвеченный на панели вопрос.

Она взглянула на Дортуйлу:

— Я хочу, чтобы сегодня ты выступила на Совете до того, как вернешься на Баззелл.

Мы тщательно все обсудим, но я уверяю тебя,

что ты получишь открытое назначение. Очень важно выманить их на переговоры… и ты понимаешь, что мне претит использовать тебя как приманку.

Глубоко задумавшись, Дортуйла не ответила на этот всплеск эмоций.

— Они могут не поверить нашей откровенности и просто убить тебя. Но ты лучшая наживка, которая когда-либо была в нашем распоряжении.

Дортуйла ответила, проявив незаурядное чувство юмора:

— Я и сама не очень хочу болтаться на крючке, словно червяк. Вы, Верховная Мать, держите удочку покрепче.

Она поднялась, с беспокойством посмотрев на рабочий стол Одраде.

— У вас очень много дел, и к тому же оторвала вас от завтрака.

— Мы пообедаем здесь вместе, Сестра. В данный момент ты — самый важный для нас человек.

Все государства суть абстракции.

(Восемь столпов политики. Архив Бене Гессерит)

Луцилла изо всех сил старалась не признавать слишком знакомым ощущение, которое она испытывала, находясь в этой комнате с ядовито-зелеными стенами, за пределами которой постоянно присутствовала Великая Досточтимая Матрона. Это Джанкшн, цитадель тех, кто хочет истребить Бене Гессерит. Это враги. День семнадцатый.

Точнейшие часы, которые были запущены в организме Луциллы во время испытания Пряностью, говорили ей, что она вполне адаптировалась к цикадному ритму новой планеты. Она проснулась на рассвете. Неизвестно, правда, когда ее будут кормить. Досточтимые Матроны делали это один раз в день.

И все время рядом этот футар в клетке. Это напоминание: *вы оба находитесь в клетках. Так мы обходимся с опасными животными. Иногда мы выпускаем их, чтобы они размяли ноги и доставили нам удовольствие, но потом просим пожаловать обратно в клетку.*

В пище минимальное количество меланжи. Не слишком-то они бережливы, даже прини-

мая во внимание их богатство. Небольшое шоу на тему: «Это может быть твоим, если проявишь благоразумие».

Когда она явится сегодня?

В посещениях Великой Досточтимой Матроны не было никакой системы. Она приходила всегда в разное время, вероятно, для того, чтобы приводить пленницу в растерянность. Вероятно, это так. Когда командир решит, он сменит поведение. Опасное животное со временем приучат и к расписанию.

Я могу быть опасной, Королева Пауков, но я не твой ручной зверь.

Луцилла интуитивно чувствовала, что в помещении есть следящие устройства. Эти устройства не только создавали зрительные образы. Они заглядывали внутрь плоти в поисках спрятанного оружия, заглядывали даже в функционирующие органы. *Не имплантированы ли в это тело какие-нибудь опасные игрушки? Что можно сказать о дополнительных органах, которые, возможно, пересажены ей хирургическим путем?*

Там нет ничего подобного, мадам Паучиха. Мы надеемся только на то, что дано нам с рождения.

Луцилла понимала, что ее подстерегает толь-

ко одна непосредственная опасность — стать неадекватной в таких условиях содержания. Ее надзиратели поместили ее в крайне невыгодное положение, но не лишили способностей воспитанницы Бене Гессерит. Она может покончить с собой, как только запас шира в ее организме истощится до такой степени, что она станет способной на предательство, пусть даже невольное. При ней ее разум и Другая Память с Лампадас.

Отодвинулась плита в стене, и из отверстия показалась клетка с футаром. Значит, сейчас пожалует и Королева Пауков. Что-то она сегодня рано. Раньше, чем обычно.

— С добрым утром, футар, — весело приветствовала она своего товарища по несчастью.

Футар взглянул на Луциллу, но ничего не ответил.

— Должно быть, ты ненавидишь свою клетку.

— Не любить клетку.

Луцилла поняла, что эти создания умеют говорить, но пока не могла оценить степень владения языком.

— Мне кажется, что они и тебя морят голодом. Ты не хочешь меня съесть?

— Есть. — В голосе прозвучал неподдельный

интерес.

— Я бы хотела быть твоим Дрессировщиком.

— Ты Дрессировщик?

— Ты бы подчинялся мне, если бы я была им?

В полу отодвинулась панель, и из-под нее поднялось тяжелое кресло Королевы Пауков. Ее самой пока не было, как не было и сомнений в том, что она подслушивает разговор.

Футар смотрел на Луциллу с нескрываемым интересом.

— Дрессировщики держат вас в клетках и морят голодом?

— Дрессировщик? — явная вопросительная интонация.

— Я хочу, чтобы ты убил Великую Досточтимую Матрону. — Это не должно его удивить.

— Убить Даму!

— И съесть ее.

— Дама ядовитая. — Отказ.

Ого. Это очень интересная информация!

— Она не ядовитая, у нее такое же мясо, как и у меня.

Футар подошел поближе, насколько позволяли размеры клетки. Левой рукой он оттопырил нижнюю губу. На внутренней поверхности слизистой виднелся рубец от ожога.

— Видишь яд, — сказал футар и опустил руку.

Интересно, как они это делают? От Великой Досточтимой Матроны не пахло никаким ядом. Человеческая плоть плюс синтезированное из адреналина лекарство, от которого в глазах при гневе вспыхивают оранжевые блики… и возникают другие характерные реакции, которые они наблюдали у Мурбеллы. И чувство полного превосходства.

Насколько велик интеллект футара?

— Яд горький?

Футар скорчил гримасу и яростно сплюнул.

Действием он реагирует быстрее, чем словами.

— Ты ненавидишь Даму?

Футар оскалил клыки.

— Ты ее боишься?

Презрительная усмешка в ответ.

— Тогда почему ты не убьешь ее?

— Ты не Дрессировщик.

Для убийства требуется команда Дрессировщика!

Вошла Великая Досточтимая Матрона и опустилась в кресло.

Луцилла снова приняла веселый вид.

— С добрым утром, Дама!

— Я не разрешаю тебе так меня называть. — Голос был тихий, но в глазах заплясали оранжевые огоньки.

— Мы с футаром успели побеседовать.

— Я знаю. — В глазах стало больше оранжевой краски. — Если ты совратила его…

— Но, Дама…

— Не называй меня так! — Она вскочила с кресла, глаза полыхали оранжевым пламенем.

— Сядь и успокойся, — сказала Луцилла. — Здесь не место для допроса. Сарказм — очень опасное оружие. Вчера ты говорила, что хочешь продолжить нашу с тобой дискуссию о политике.

— Откуда ты знаешь, что это было вчера? — Она села, но в глазах продолжал бушевать огонь.

— У всех воспитанниц Бене Гессерит есть такая способность. Мы быстро начинаем чувствовать ритм любой планеты.

— Странное дарование.

— Это может делать каждый. Дело только в направленном обострении чувств.

— Я могу этому научиться? — Оранжевые огоньки начали гаснуть.

— Я же сказала *каждый.* Ты же человек, не правда ли?

На этот вопрос пока нет полного ответа.

— Почему ты говоришь, что у вас, ведьм, нет правительства?

Хочет сменить тему. Наши способности очень ее тревожат.

— Я говорила не это. У нас нет правительства в обычном понимании этого слова.

— У вас нет даже социального кодекса?

— Нет такого общественного кодекса, который учитывал бы все потребности. То, что в одном обществе считается преступлением, в другом может быть моральным императивом.

— Народы всегда имеют правительства. — Оранжевые сполохи в глазах совершенно потухли.

Почему это так ее заинтересовало?

— Люди всегда занимаются политикой. Я говорила тебе вчера об этом. Политика — искусство выглядеть честным и открытым при попытке скрыть все, что возможно.

— Вот вы, ведьмы, и скрываете все.

— Я этого не говорила. Когда мы произносим слово «политика», это служит предостережением и предупреждением всем Сестрам.

— Я не верю тебе. Люди всегда образуют некую форму…

— Соглашение?

— Это такое же слово, как и всякое другое.

Она начинает злиться.

Луцилла молчала, и Великая Досточтимая Матрона подалась вперед, продолжая:

— Ты что-то скрываешь!

— Разве это не мое право скрывать от тебя вещи, которые могут помочь вам сокрушить нас?

Какая жирная наживка!

— Я так и думала! — На лице написано удовлетворение.

— Однако почему бы и не открыть их? Ты думаешь, что для власти всегда есть ниша, которую можно без труда заполнить, но не видишь, что именно это говорит о моей Общине Сестер.

— Пожалуйста, просвети меня.

Она неуклюже пользуется сарказмом.

— Ты веришь в то, что все на свете покоится на инстинктах, движущих людьми с времен племенного строя и еще дальше. Старейшины и вожди. Таинственная Мать и Совет. А до этого Сильный муж (или Жена), которые следили за тем, чтобы все были накормлены, чтобы всех согрел огонь, горящий у входа в пещеру.

— Это очень доходчиво, я вся поняла.

Неужели правда?

— О, я согласна. Эволюция форм видна каждому невооруженным глазом.

— Ведьма, что такое эволюция? Беспорядочное нагромождение всякой всячины.

Эволюция. Смотри, как ее разозлило ключевое слово.

— Это сила, которую можно взять под контроль, если обратить ее на нее самое.

Контроль! Смотри, какой интерес ты сумела возбудить в ней. Она любит это слово.

— Стало быть, вы пишете законы точно так же, как и все прочие!

— Регулирующие уставы, возможно. Но разве все вещи не преходящи?

Напряженный интерес в глазах.

— Конечно, это так.

— Но ваше общество управляется бюрократами, которые знают, что не могут приложить ни грана воображения к тому, что они делают.

— Разве это важно?

Ее удивление неподдельно. Она явно озадачена. Смотри, как она морщится.

— Только для вас, Досточтимая Матрона.

— Великая Досточтимая Матрона!

Как это трогательно!

— Почему ты не разрешаешь мне называть

тебя Дамой?

— Мы не близкие подруги.

— Футар — твой близкий друг?

— Не уклоняйся от темы!

— Хочу чистить зубы, — заговорил вдруг футар.

— Заткнись!

Она и правда готова взорваться.

Футар присел, но в нем не было смирения.

Великая Досточтимая Матрона вперила в Луциллу взор, пылающий оранжевым огнем.

— Так что ты говоришь о бюрократах?

— У них нет простора для маневра, поскольку именно на узком поле жиреют их хозяева. Если ты не видишь разницы между уставами и законами, то и те и другие имеют силу закона.

— Я не вижу разницы.

Она сама не понимает, в чем только что призналась.

— Законы поддерживают миф о вынужденных изменениях. Светлое будущее наступит, потому что принят тот или иной закон. Законы придают установленную форму будущему. Считается, что установления усиливают прошлое.

— Считается?

Она не любит и это слово.

— В каждый данный момент действие всегда иллюзорно. Так же, как и учреждение комитета для решения той или иной проблемы. Чем больше людей в этом комитете, тем больше разнотолков в решении задачи.

Будь осторожной. Она действительно думает об этом, примеряя мои слова к себе.

Луцилла придала своему голосу максимальную убедительность.

— Вы живете в преувеличенном прошлом и пытаетесь понять непознаваемое будущее.

— Мы не верим в предзнание.

Верите, еще как верите! Наконец-то!

Именно поэтому она и оставила нас в живых.

— Прошу вас, Дама. В ограничении себя законами всегда есть нечто неустойчивое.

Еще раз будь осторожной! Она не поправила тебя, когда ты назвала ее Дамой.

Кресло скрипнуло от резкого движения Великой Досточтимой Матроны.

— Но законы необходимы!

— Необходимы? Это опасно.

— Почему?

Помягче. Она начинает чувствовать угрозу.

— Необходимость начинает править обществом, и законы мешают ему приспосабливаться

к меняющимся условиям. В силу этой необходимости все в конце концов рушится. Вы становитесь подобны банкирам, которые воображают, что способны купить себе будущее. «Власть в мое время, и к черту моих потомков!»

— Но что мне потомки?

Не говори! Смотри на нее. Она реагирует подобно многим безумцам. Подвергни ее еще одному маленькому испытанию.

— Досточтимые Матроны появились как организация террористов. Сначала бюрократы, а потом террор как их излюбленное оружие.

— Если в твоих руках оружие, воспользуйся им. Но мы были повстанцами. Террористы? Это слишком хаотично.

Как она любит это слово — «хаос». Оно означает все, что происходит вне их мира. Она даже не спросила, откуда мне известно их происхождение. Она принимает как данность наши мистические способности.

— Разве не странно, Дама… — *она не реагирует, можешь продолжать,* — что повстанцы всегда впадают в тот же грех, который они пытались искоренить, если восстание заканчивается успехом и они побеждают? Это не столько ловушка на пути всех правительств, сколько наваждение,

которое ждет всех, кто захватывает власть.

— Ха! Я-то думала, что ты расскажешь мне что-нибудь новенькое. Это мы знаем: «Власть разлагает. Абсолютная власть разлагает абсолютно».

— Нет, не так, Дама. Есть более тонкая вещь, но более убедительная: власть привлекает тех, кто склонен к разложению.

— Ты осмеливаешься обвинять меня в коррупции и разложении?

Следи за ее глазами!

— Я? Обвинять? Единственный, кто может тебя обвинить, — это ты сама. Я просто излагаю мнение Бене Гессерит на этот счет.

— Но ты ничего мне не сказала!

— Однако мы верим, что мораль превыше всякого закона, и мораль должна, как страж, пресекать все покушения на установления.

Ты употребила в одной фразе оба слова, но она не заметила этого.

— Власть всегда работает, ведьма. Таков закон.

— И правительства, которые существуют достаточно долго в таких условиях, неизбежно погрязают в коррупции.

— Мораль!

Она действительно не умеет пользоваться

сарказмом, особенно когда защищается.

— Я действительно пыталась тебе помочь, Дама. Законы опасны для всех — как для виновных, так и для невинных. Не важно, считаешь ли ты себя могущественным или беспомощным. Законы не несут в себе человеческого понимания.

— Нет такой вещи, как человеческое понимание!

Это ответ на наш вопрос. Их нельзя считать людьми. Пощупай ее подсознание. Оно открыто очень широко.

— Законы всегда приходится толковать. Связанный законом не хочет проявлять сочувствия. Нет чувства локтя. Закон есть закон.

— Так оно и есть!

Она ушла в глухую защиту.

— Это очень опасная идея, особенно для неискушенных. Люди понимают это интуитивно и поэтому отвергают всякие законы. Совершаются мелкие поступки, часто подсознательно, которые тем не менее подрезают поджилки закону и тем, кто служит этому вздору.

— Как ты осмеливаешься называть законы вздором? — Она приподнялась с кресла, потом снова села.

— Смею. И закон, персонифицированный все-

ми, кто паразитирует на нем, всегда приходит в негодование, слыша слова, подобные моим.

— Это действительно так, ведьма! *Но она не велит мне замолчать.*

— «Больше закона!» — говорите вы. Нам нужно больше закона! Таким образом вы создаете все больше бездушных, неспособных к сочувствию инструментов, новые ниши для тех, кто паразитирует на этой системе и живет за ее счет.

— Но так всегда было и так всегда будет.

— И опять-таки ты ошибаешься. Это рондо. Оно повторяется и повторяется до тех пор, пока негодный человек или негодная группа не оказываются на высоте колеса. Тогда возникает анархия, хаос. — *Ты видишь, как она подскочила?* — Повстанцы. Террористы, вспышки кровавого насилия. Джихад! И все это из-за того, что вы создали нечто бесчеловечное.

Она взялась за подбородок. Следи за ней внимательно!

— Как это мы уклонились так далеко от политики, ведьма? Это было твое намерение?

— Мы не уклонились от нее ни на долю миллиметра!

— Думаю, что теперь, ведьма, ты расскажешь мне, какие вы в Бене Гессерит демократы.

— Да, мы живем по правилам демократии, но соблюдаем при этом такую осторожность, какой вы не можете себе представить.

— Испытай меня.

Она думает, что я сейчас поделюсь с ней тайной. Что ж, скажи ей одну из них.

— Демократия может заблудиться, если впереди электората пойдут козлы. Словно перед стадом баранов. Вы получите богатых, жадных, преступников, тупых лидеров и так далее до тошноты.

— Ты думаешь точно так же, как мы.

Господи! Как отчаянно она хочет, чтобы мы были похожи на них.

— Ты говоришь, что вы были бюрократами, когда восстали. Вы знаете свой порок. Находящаяся на вершине власти бюрократия, которая неприкосновенна для электората, всегда лишает систему энергии. Она ворует ее у престарелых, у пенсионеров — у всех и каждого. Особенно же у тех, кого мы именуем средним классом, потому что именно он производит больше всего энергии.

— Вы полагаете, что вы и есть… средний класс?

— Мы не думаем, что мы нечто раз и навсегда фиксированное. Но Другая Память говорит нам

о пороках бюрократии. Допускаю, что у вас есть некая форма гражданской службы для «низов».

— Да, мы позаботились о наших низах.

Какое отвратительное эхо в этом зале.

— Тогда вы знаете, как это размывает голосование. Люди не голосуют. Инстинкт говорит им, что это бесполезно.

— Как бы то ни было, демократия — глупая идея!

— Мы согласны с этим. Она очень склонна к демагогии. Это болезнь, которой весьма подвержена любая система, стоящая на избирательном праве. Однако демагога очень легко распознать. Они много жестикулируют и говорят, как трибуны, и используют слова, в которых звенят религиозный пыл и устрашающая искренность.

Она смеется!

— Искренность, за которой ничто не стоит, требует большой практики, Дама. Эту тренировку всегда можно распознать.

— С помощью Вещающего Истину?

Что это она так подалась вперед? Теперь она никуда не денется.

— Это может распознать любой, кто знает признаки: Репетиция. Повторы. Потуги заострить внимание на словах. Не обращайте внимания

на слова. Следите за тем, что этот человек делает. Только тогда вы поймете его истинные мотивы.

— Значит, у вас нет демократии.

Поделись со мной еще какими-нибудь секретами Бене Гессерит.

— Нет, у нас есть демократия.

— Мне кажется, что ты сказала…

— Мы хорошо ее охраняем, следя за всеми вещами, о которых я только что говорила. Опасность велика. Но не менее велико и вознаграждение.

— Ты понимаешь, что ты мне только что сказала? Что вы все — скопище дур!

— Приятная леди! — произнес футар.

— Заткнись, не то я отошлю тебя назад в стадо!

— Ты не слишком приятная леди, Дама!

— Ты видишь, что ты наделала, ведьма? Ты уничтожила его.

— Полагаю, что вы всегда найдете замену.

О, посмотрите-ка на эту улыбку.

Луцилла изобразила на лице подобную *гримасу, начав дышать в том же ритме, что и Великая Досточтимая Матрона.* Видишь, как мы похожи? Конечно, я стараюсь нанести тебе вред. Не сделала бы ты то же самое на моем месте?

— Итак, вы знаете способ заставить демократию делать то, что захотите. — В тоне сквозило

издевательство.

— Техника довольно тонкая, но достаточно простая. Вы создаете общество, в котором большинство людей недовольно, смутно или глубоко.

Она именно так видит проблему. Смотри, как она кивает твоим словам.

Луцилла держала себя в ритме этих кивков Великой Досточтимой Матроны.

— Такое положение порождает волну чувства мстительного гнева. Потом под этот гнев подставляются мишени, которые вы сами выбираете.

— Это диверсионная тактика.

— Я предпочитаю говорить об этом как об отвлечении внимания. Не давайте им времени задавать вопросы. Хороните свои ошибки в нагромождении новых законов. Вы движетесь в царство иллюзий. Тактика корриды.

— О да. Это хорошо!

Она почти ликует. Подкинь ей еще.

— Хорошенько размахивайте плащом. Они накинутся на него и только потом поймут, что за ним нет матадора. Это расхолаживает электорат точно так же, как расхолаживает быка. В следующий раз еще меньше людей разумно воспользуются своим голосом.

— Именно поэтому мы так и поступаем.

Мы поступаем! Она прислушивается к себе?

— Потом вы обрушиваетесь на апатичный электорат. Заставляете его испытать чувство вины. Держите его в скуке. Подкармливаете его. Развлекаете его. Не переусердствуйте!

— О нет, мы никогда не переусердствуем в этом.

— Дайте им понять, что они будут голодать, если нарушат строй. Пусть они посмотрят, как плохо бывает тем, кто раскачивает лодку.

Спасибо тебе, Верховная Мать. Это очень подходящий образ.

— Но не допускаете ли вы, чтобы иногда за плащом случайно оказался живой матадор?

— Конечно! Ату его! Потом можете спокойно ждать, когда смешливые умолкнут сами по себе.

— Я знала, что вы не способны допустить у себя демократию!

— Почему ты мне не веришь?

Ты испытываешь судьбу.

— Потому что тогда вам надо было бы ввести у себя открытое голосование, жюри, судей и…

— Мы называем их прокторами. Это что-то вроде жюри в полном составе.

Она немного растеряна.

— И никаких законов… установлений,

или как вы их там называете?

— Разве я не говорила, что мы рассматриваем их раздельно? Установления — это прошлое, законы — будущее.

— Вы как-нибудь ограничиваете права этих… прокторов?

— Они могут принимать любые решения, которые пожелают, точно так, как это делают члены судебного жюри. Будь проклят закон!

— Это очень тревожная идея.

Она действительно взволнована. Смотри, как поскучнели ее глаза.

— Первое правило нашей демократии — никаких жюри, ограниченных рамками закона. Такой закон глуп. Просто удивительно, насколько глупы могут быть люди, когда они начинают действовать малыми самодостаточными группами.

— Ты называешь меня глупой, не так ли?

Берегись оранжевых бликов.

— Кажется, есть такой закон природы, который гласит, что почти невозможно, чтобы замкнутая самодостаточная группа людей действовала просвещенно.

— Просвещенно? Я так и знала.

Это опасная улыбка. Будь осторожной.

— Это означает течение по направлению сил

жизни, таким образом выстраивая свои действия, чтобы жизнь могла продолжаться…

— При этом, естественно, большинство должно быть счастливо.

Быстро! Мы оказались слишком умны для нее! Меняй тему разговора!

— Этот элемент Тиран исключил из своего Золотого Пути. Он рассчитывал не на счастье, а на выживание человечества.

Мы же говорим: меняй тему! Посмотри на нее! Она в ярости!

Великая Досточтимая Матрона оторвала руку от подбородка.

— И я собиралась пригласить тебя в наш Орден, сделать тебя одной из нас. Освободить тебя.

Отвлеки ее! Быстрее!

— Не говори, — произнесла Великая Досточтимая Матрона. — Не открывай рта!

Теперь все кончено.

— Ты должна была помогать Логно или кому-нибудь еще, кто заменит меня на моем месте! — Она взглянула на прикорнувшего в углу клетки футара. — Ешь, милый.

— Не буду есть приятную леди.

— Тогда я выброшу ее труп стае!

— Великая Досточтимая Матрона…

— Я не велела тебе говорить! Ты осмеливался называть меня Дамой.

Она молниеносно вскочила с кресла. Дверь клетки Луциллы с треском отворилась, ударившись о стену. Луцилла попыталась выскользнуть наружу, но шига сковала ее движения. Преподобная Мать не уловила тот момент, когда был нанесен удар, размозживший ее височную кость.

Умирая, она слышала горестный вопль людей Другой Памяти с Лампадас, памяти, хранившей гений и опыт многих поколений.

Есть люди, которые никогда ни в чем не участвуют. Жизнь их случайна. Они почти тупо существуют, гневом или насилием сопротивляясь всему, что может нарушить их готовую взорваться злобным негодованием иллюзию надежности бытия.

(Альма Мавис Тараза)

Туда и обратно, туда и обратно. Весь день постоянные поиски. Одраде переходила от одной видеозаписи к другой, пребывая в полной нерешительности и тяжких сомнениях. Сначала Сциталь, потом юный Тег с Мурбеллой и Дунканом, потом долгое стояние у окна в раздумьях о рапортах Бурцмали с Лампадас.

Как скоро смогут они восстановить память башара? Будет ли подчиняться им восстановленный гхола?

Почему замолчал Раввин? Не начать ли нам Экстренное Единение, делясь друг с другом памятью без всяких ограничений? Моральный ущерб от такого действия может быть невосполнимым.

Записи высвечивались на поверхности рабочего стола, помощницы и советницы приходили и уходили. Их вторжение было необходимостью. Подписать это. Утвердить то. Уменьшить ли обес-

печение той или иной группы меланжей?

Беллонда сидела в кабинете Верховной все время. Она перестала спрашивать, что ищет Одраде, и просто смотрела на нее немигающим беспощадным взглядом.

Они спорили о том, сможет ли восстановление поголовья песчаных червей в Рассеянии восстановить зловредное влияние Тирана. *Эта бесконечная греза о проснувшемся Черве все еще тревожила Белл.* Но одна только численность популяции говорила о том, что влиянию Тирана на судьбу Общины закончилось необратимо.

Тамалейн приходила раньше в поисках новых записей Беллонды. Она хотела найти что-нибудь свеженькое из накоплений Архива. Сама же Беллонда вынашивала планы обличения, касающегося изменения численности Общины и истощения источников ее пополнения.

Одраде выглянула в окно, за которым простирался ландшафт, окутанный сумерками. Тени обозначились резче, за окном быстро темнело. Когда темнота сгустилась, Одраде увидела, что ее рассеивают огни домов на плантациях. Она помнила, что огни зажглись уже давно, но было такое впечатление, что это именно ночь зажгла их. Некоторые окна гасли, когда люди перехо-

дили из одной комнаты в другую. *Нет человека в доме — нет огня. Не следует растрачивать энергию попусту.*

На мгновение ее внимание привлекли мигающие огоньки. Вариант старого вопроса об упавшем в лесу дереве: «Был ли звук падения, если его никто не слышал?» Одраде была на стороне тех, кто утверждал, что сотрясение от удара было независимо от того, зарегистрировали ли его.

Не расставлены ли в Рассеянии тайные сенсоры? Какие изобретения и инновации используют те, кто очень давно удалился в Рассеяние?

Беллонда решила, что они и так слишком долго молчат.

— Дар, ты посылаешь вокруг себя очень тревожные сигналы, которые могут обеспокоить Капитул.

Одраде оставила реплику без ответа.

— Что бы ты ни делала, все воспринимается как твоя нерешительность. — *Какой грустный голос у Белл.* — Группы старших Сестер всерьез обсуждают вопрос о твоей замене. Прокторы уже голосуют.

— Только прокторы?

— Дар, неужели ты действительно махнула рукой Праске и сказала ей, что хорошо быть

живой?

— Да, это так.

— Что ты наделала?

— Ты повторяешься. Что-нибудь новое от Дортуйлы?

— Ты сегодня спрашиваешь об этом десятый раз! — Беллонда жестом указала на рабочий стол. — Ты постоянно рассматриваешь сообщение Бурцмали с Лампадас. Мы что-то недосмотрели?

— Почему наши враги с таким остервенением держатся за Гамму? Скажи мне, ментат!

— У меня мало данных, и ты это прекрасно знаешь!

— Бурцмали не ментат, но его рапорты очень сильны, Белл. Я всегда говорила тебе, что он был любимым учеником нашего башара. Неудивительно, что в нем видны черты его учителя.

— Прекрати, Дар. Что ты увидела в рапорте Бурцмали?

— Он заполняет пустоты в общей картине событий. Не полностью, но… Это танталовы муки читать те сведения о Гамму, которые он собрал. Там сошлось очень много разнообразных экономических интересов. Почему наши враги не режут нити этих связей?

— Возможно, они сами действуют внутри этих связей, являясь их активными участниками.

— Что, если нам предпринять развернутую атаку на Гамму?

— Никто не захочет вести дела в обстановке насилия. Ты хочешь сказать это?

— Отчасти да.

— Большинство участников этих экономических связей после нападения, вероятно, захотят покинуть Гамму. Они переместятся на другие планеты, где можно найти более послушное население.

— Почему?

— Там они смогут действовать с большей предсказуемостью. Естественно, кроме того, они займутся укреплением своей обороны.

— Этот союз, который мы чувствуем, Белл, удвоит усилия, чтобы обнаружить и блокировать нас.

— Определенно так.

Смиренный ответ Беллонды направил поток мыслей Одраде вовне. Она подняла глаза и устремила взор на заснеженные вершины гор, сверкающие в свете звезд. Придут ли нападающие с той стороны?

Наплыв таких мыслей мог бы смутить и куда

менее мощный интеллект. Однако Одраде не требовалось читать Литанию против страха, чтобы сохранить ясную голову. У нее для этого была более простая формула.

Повернись лицом к своему страху, иначе он ударит тебя в спину.

Ее отношение было прямым и честным. Самые ужасные вещи во вселенной порождаются человеческим разумом. Ночной кошмар (белый конь уничтожения Бене Гессерит) обладал чертами как мифическими, так и реальными. Охотник с топором мог поразить как разум, так и плоть. Но нельзя никуда деться от ужаса, порожденного разумом.

Так повернись к ним лицом!

С чем она столкнется во тьме? Не с безликим палачом, который преследует ее с топором в руках, не с падением в бездонную пропасть (и то и другое *дар визуализации),* но с реальными и осязаемыми Досточтимыми Матронами и теми, кто их поддерживает.

И я не смею использовать даже маленькую толику предзнания, чтобы вести Орден. Я могла бы запереть наше будущее в неизменные формы. Муад'Диб и его сын Тиран сделали это, и Тиран потратил тридцать пять столетий, чтобы

вывести нас из этого тяжелого положения.

Ее внимание привлекли движущиеся огни. Трудолюбивые садовники ухаживали за деревьями сада так, словно садам было суждено существовать вечно. Вентилятор доносил до ноздрей Одраде запах горящих листьев и сучьев. Садовники Бене Гессерит очень внимательны к таким мелочам. Они никогда не оставляют отпиленные сучья и срезанные ветви гнить на месте, чтобы не привлекать паразитов, которые могли бы попортить и живые деревья. Чисто и опрятно. Разумное планирование. Поддержание среды обитания. Это один момент непреходящего.

Никогда не оставлять после себя мертвой древесины?

Была ли Гамму такой древесиной?

— Что ты находишь в этих садах? — ядовито поинтересовалась Беллонда.

— Они восстанавливают мои силы, — не оборачиваясь, ответила Одраде.

Всего два вечера назад она выходила гулять в сад. Воздух был холоден и вязок, туман стелился почти по земле. Ноги утопали в опавшей листве. Слабый запах перегнивших листьев в более теплых местах, где задержалась влага выпавших скудных дождей. Привлекательный болотистый

запах. Обычное брожение жизни, особенно заметное на таком уровне. На фоне неба, освещенного светом звезд, резкими силуэтами выступали обнаженные ветви. Это было грустное зрелище, если сравнивать его с весенним цветением или осенним изобилием плодов, но прекрасное с точки зрения вечного течения жизни. Жизнь затаилась в ожидании призыва к пробуждению.

— Тебя не беспокоят прокторы? — спросила Беллонда.

— Как они проголосуют?

— Они не говорят.

— Как ты думаешь, другие последуют их примеру?

— Все очень обеспокоены твоими решениями. Последствия.

Белл была неподражаема в своем умении представить массу информации в нескольких скупых словах. В большинстве своем все решения Бене Гессерит проходили при своем выполнении по тройному лабиринту: Эффективности, Последствий и (это было самым жизненно важным) того, Кто Будет Выполнять Приказы? Дела и подходящие для их выполнения люди подбирались с величайшим тщанием с большим вниманием к деталям. Так повышалась эффективность

и одновременно становилось возможным предвидеть последствия и управлять ими. Хорошая Верховная Мать умела принимать правильные, эффективные решения, пробираясь по лабиринту последствий в течение нескольких секунд. Тогда в Централе закипала жизнь. Глаза сияли. Разносилась молва: «Она действовала без малейших колебаний». Такая тактика порождала уверенность у послушниц и других учениц. Преподобные Матери (особенно прокторы) готовились встретить во всеоружии возможные последствия.

Одраде заговорила, обращаясь больше к своему отражению в окне, нежели к Беллонде:

— Даже у Верховной Матери должно быть время для размышлений.

— Но какой у тебя выбор в такой сумятице?

— На слишком ли ты торопишь события, Белл?

Беллонда отпрянула назад, сидя в кресле-собаке, словно Одраде толкнула ее.

— Терпение особенно тяжело дается именно в такие времена, — сказала Одраде. — Но выбор подходящего момента для действий весьма сильно влияет на мое поведение.

— Что ты собираешься делать со своим новым Тегом? На этот вопрос ты должна ответить

сейчас.

— Если наши враги покинут Гамму, то куда они двинутся, Белл?

— Ты хочешь напасть на них, пока они там?

— Хочу их немного потревожить.

— Это опасный огонь, костер может превратиться в пожар, — вкрадчиво проговорила Беллонда.

— Нам нужен еще один предмет для возможной торговли.

— Досточтимые Матроны не торгуются!

— Но их союзники охотно вступают в переговоры, как мне кажется. Что, если они переместятся… ну, скажем, на Джанкшн?

— Что интересного ты нашла в этой планете?

— Силы Досточтимых Матрон сосредоточены именно там. Наш же возлюбленный башар очень хорошо помнит досье на эту планету и может рассудить, как ему поступить, пользуясь своим умом ментата.

— Ох-х-хх.

Это междометие было более многозначительным, чем длинная речь.

Вошла Тамалейн и потребовала к себе внимания, стоя молча в дверях до тех пор, пока Одраде и Беллонда не взглянули на нее.

— Прокторы поддержали Верховную Мать. — Тамалейн подняла вверх костистый палец. — С перевесом в один голос!

Одраде вздохнула.

— Скажи, Там, как проголосовала проктор, которую я поприветствовала на улице? Ее зовут Праска.

— Она проголосовала за тебя.

Одраде натянуто улыбнулась Беллонде.

— Посылай наших шпионов и агентов, Беллонда. Мы должны склонить охотниц к встрече с нами на Джанкшн.

К утру Белл поймет, в чем заключается мой план.

Когда Беллонда и Тамалейн ушли, обмениваясь мнениями приглушенными встревоженными голосами, Одраде вышла в свои личные апартаменты. В коридоре находилась охрана из послушниц и Преподобных Матерей. Несколько послушниц улыбнулись Одраде. Итак, они знают, как проголосовали прокторы. Еще один кризис миновал.

Одраде прошла через гостиную в спальню, где прилегла, не раздеваясь, на кушетку. Плавающий светильник заливал комнату мягким желтоватым светом. Она скользнула взглядом по карте Пустыни и перевела взор на карти-

ну Ван Гога, которая в защитной раме висела на стене у изножья кушетки.

Дома Кордевиля.

Это гораздо лучшая карта, чем та, которая отмечала рост Пустыни. *Напомни мне, Винсент, откуда я пришла и что еще я могу сделать.*

Прошедший день опустошил ее. Переутомление было настолько сильным, что разум начал бег по бесконечному кругу.

Ответственность!

Она давила со всех сторон, и Одраде понимала, что справиться с обязанностями она сможет, только если проявит свою бунтующую сущность. Вынужденная тратить энергию, она должна была тем не менее сохранять видимость безмятежного поведения. *Белл прекрасно все понимает.* Эта мысль сводила с ума. Община Сестер была обложена со всех сторон, словно стая волков. Ее деятельность становилась почти безрезультатной.

Она прикрыла глаза и попыталась представить себе Досточтимую Матрону, к которой надо было обратиться. *Старая… облечена непомерной властью. Жилистая. Сильная, движения отличаются непостижимой быстротой.* Лица не было. Одраде видела только тело.

Молча подбирая слова, Одраде мысленно заговорила с безликой Досточтимой Матроной:

— Нам трудно допустить, чтобы вы совершали ошибки. Учителя всегда болезненно переживают промахи учеников. Да, мы считаем себя учителями. Мы учим не столько индивидов, сколько виды. Мы даем уроки всем. Если вы видите в нас Тирана, то вы правы.

Образ Досточтимый Матроны промолчал в ответ.

Как может учитель учить, если он не смеет высунуть нос из своего убежища? Бурцмали мертв, гхола Тег пока никак не проявил себя, и неизвестно, что из него выйдет. Одраде физически чувствовала гнет, который обрушился на Капитул. Ничего удивительного в том, что прокторы решили голосовать. Община Сестер опутана паутиной. Нити крепко держат Орден в своих смертельных объятиях. И по этой паутине неслышно, но неотвратимо подбирается к своей жертве безликий паук — Досточтимая Матрона.

Королева Пауков.

Ее присутствие чувствуется по действиям ее миньонов. Паутина содрогалась, а атакующие, собравшись в стаю, набрасывались на связанную паутиной жертву, не считаясь ни со своими,

ни с чужими потерями, готовые ради выполнения поставленных задач устроить настоящую бойню.

Кто-то командует ими; и это Королева Пауков.

Здорова ли она душевно по нашим стандартам? На какие опасности я обрекла Дортуйлу?

Досточтимые Матроны превзошли все пределы мыслимой мегаломании. Они представили Тирана обычным пиратом. Лето Второй по крайней мере знал то, что было известно Бене Гессерит: он умел балансировать на острие меча, зная, что смертельно опасно соскользнуть с этого острия. *Это цена, которую платят за обладание властью.* Досточтимые Матроны пренебрегли этой судьбой. Они машут мечом, рубят и убивают всех вокруг себя, словно сошедший с ума великан, охваченный припадком слепой ярости.

Никто и ничто не могло противостоять им до сих пор, и они предпочитают отвечать на все убийствами, словно взбесившиеся берсерки. Истерия по добровольному выбору и с расчетом.

Произошло ли это оттого, что мы оставили башара на Дюне, чтобы он использовал свою силу с самоубийственной неосмотрительностью? Никто не знает, сколько Досточтимых Матрон он убил. И Бурцмали, убитый на Лампадас. Понятно,

что охотники почувствовали его смертельные уколы. Я не говорю о тренированных Айдахо мужчинах, которые были посланы к Матронам для изучения их техники порабощения мужчин.

Неужели этого было достаточно, чтобы возбудить такую ярость? Возможно. Но что за истории рассказывают о Гамму? У Тега прорезался новый талант, который устрашил Досточтимых Матрон?

Если мы восстановим исходную память башара, то нам придется тщательно за ним следить.

Сдержит ли его корабль-невидимка?

Каким образом Досточтимые Матроны достигли такой скорости проведения рефлексов? Они жаждут крови. Никогда не следует огорчать таких людей плохими новостями. Ничего удивительного, что их миньоны ведут себя словно помешанные. Облеченный властью и охваченный страхом человек может убить вестника, принесшего дурные новости. Не следует носить дурные вести. Погибнуть надо в сражении.

Люди Королевы Пауков превзошли пределы надменности. Далеко превзошли. Здесь невозможна никакая цензура. С таким же успехом можно укорять корову за то, что она ест траву.

Корова будет права, когда взглянет на вас своими похожими на полную луну глазами и спросит: «Но разве я не предназначена для того, чтобы есть траву?»

Зная о возможных последствиях, зачем мы разожгли их ненависть? Мы же не похожи на человека, который не думая бьет палкой круглый серый предмет, а потом вдруг понимает, что этот предмет — осиное гнездо. Мы знаем, что мы бьем. Таков был план Таразы, и никто из нас не стал задавать вопросов.

Община Сестер столкнулась с противником, чьей обдуманной политикой стало истерическое насилие. «Мы пленницы амока!»

Что будет, если Досточтимые Матроны потерпят чувствительное поражение? Во что превратится их истерия?

Я боюсь этого.

Смеет ли Община Сестер поддерживать этот огонь?

Мы должны это сделать!

Королева Пауков удвоит усилия, чтобы найти Капитул. Насилие примет еще более отталкивающие формы. Что будет потом? Не станут ли Досточтимые Матроны подозревать всех и каждого в тайном сочувствии Бене Гессерит?

Не обратятся ли они против тех, кто их сейчас поддерживает? Нет ли у них искушения остаться одним во вселенной, лишенной всякой разумной жизни? Более вероятно, что такая мысль просто не приходила им в голову.

Как ты выглядишь, Королева Пауков? Как ты мыслишь?

Мурбелла утверждает, что не знает в лицо ни своего командующего, ни его заместителей по Ордену Горму. Однако Мурбелла рассказала, как предположительно выглядят апартаменты заместителя командующей. Это было информативно. Что человек называет своим домом? Кого он выбирает для того, чтобы делить с ним обыденные уроки жизни?

Многие из нас выбирают себе товарищей, которые являются отражением нас самих.

Мурбелла рассказывала: «Одна из ее личных слуг провела меня в ее частные апартаменты. Она демонстративно показывала мне, что имеет доступ в святая святых. Гостиная, предназначенная для посетителей, содержалась в чистоте и опрятности, чего нельзя было сказать о частном жилище. Одежда брошена там, где ее сняли, баночки с косметическими мазями открыты, пища сохнет в тарелках, оставленных на полу,

кровать не убрана. Я спросила, почему здесь никто не убирает. Она ответила, что это не ее работа. Уборщиц допускают в спальню только перед наступлением ночи».

Тайная вульгарность.

Надо иметь соответствующее мышление и душу, чтобы жить в таком беспорядке.

Одраде резко открыла глаза и посмотрела на картину Ван Гога. *Мой выбор.* Он наложил на длинную череду событий человеческой истории небывалое напряжение, какого не могла достичь ни одна Другая Память. *Ты прислал мне письмо, Винсент. И именно благодаря ему я не стану затыкать себе уши… или посылать любовные записки тем, кому нет до меня никакого дела. Это единственное, что я могу сделать в твою честь.*

В спальне стоял знакомый запах — аромат перечной воды, смешанный с духом плоти. Любимый цветочный парфюм Одраде. Служанки постоянно обновляли этот аромат.

Одраде снова закрыла глаза, и ее мысли вернулись к Королеве Пауков. Одраде чувствовала, что ее усилия придают иное измерение этой безликой женщине.

Мурбелла рассказывала, что Великой Досто-

чтимой Матроне достаточно произнести одно слово, как любое ее желание тотчас исполняется.

— Любое?

Мурбелла перечислила известные ей примеры. Половой партнер с необычными уродствами, огромное количество сладостей, устройство оргий со сценами неподдельного насилия.

— Они всегда стремятся к крайностям.

Донесения шпионов и агентов придавали реальность исполненным некоторого восхищения рассказам Мурбеллы.

— Все говорят, что они властвуют по праву.

Эти женщины происходят из автократической бюрократии.

Это подтверждалось множеством свидетельств. Мурбелла говорила, что на уроках истории им рассказывали, что первые Досточтимые Матроны разработали технику сексуального порабощения, которую они использовали для получения господства над населением, когда сбор налогов стал угрожать самому существованию тех, кем они управляли.

Право властвовать?

Одраде не казалось, что эти женщины очень настаивали на своем праве. Нет. Они допускали, что это право просто не может быть подвергнуто

сомнению. Никогда! Они не принимают неверных решений. Невзирая на последствия. Этого просто не может быть никогда.

Одраде села, зная, что нашла тот взгляд на вещи, который был ей так необходим. На нее снизошло озарение.

Ошибки исключены, они не могут случаться.

Для того чтобы удержать все это в душе и не сойти с ума, надо иметь очень большую емкость подсознания. Сознание было рассчитано только на то, чтобы ориентироваться во вселенной, созданной их воображением, не более того. Матронам требовалось крошечное сознание.

О, как это мило!

Одраде вызвала ночную прислугу, послушницу первого года, и попросила ее принести меланжевый чай, с опасным стимулятором, который поддержит ее силы и лишит сна. Но дело стоило того, чтобы рискнуть здоровьем.

Прежде чем повиноваться, послушница несколько секунд простояла в нерешительности, потом вышла и скоро вернулась с подносом, на котором стояла кружка с источающим пар напитком.

Одраде давно пришла к выводу, что меланжевый чай, приготовленный на воде холодных

подземных источников Капитула, имел свойство проникать глубоко в психику. Горький стимулятор отбивал аромат и вкус и вызывал угрызения совести. О ней обязательно расскажут всем. *Сплошное беспокойство.* Так, чего доброго, прокторы опять соберутся голосовать.

Она медленно прихлебывала чай, давая стимулятору время заработать на полную мощь. *Эта проклятая женщина отказывается от ужина, но зато потягивает чай.*

Она отставила в сторону пустую чашку и попросила теплую одежду.

— Хочу прогуляться по саду.

Ночная служанка не проронила ни слова. Все знали, что Одраде частенько прогуливается по ночам.

Через несколько минут она уже шла по узкой огороженной тропинке, ведущей в сад. Путь ей освещал миниатюрный светильник, укрепленный на правом плече. К забору подходили коровы и бычки из стада, с любопытством поглядывая на одинокую человеческую фигуру. Она же разглядывала мокрые морды, вдыхала запах люцерны и приглядывалась к пару дыхания животных. Потом она остановилась. Коровы вдохнули феромоны, исходившие от Одраде,

и приняли ее за свою. После этого они спокойно отправились есть корм, заготовленный для них пастухом.

Повернувшись спиной к скотине, Одраде взглянула на купы голых деревьев, стоящих по краю пастбища. Миниатюрный светильник отбрасывал круг желтого света, подчеркивая зимнюю неподвижность природы.

Немногие понимали, почему это место так притягивает к себе Верховную Мать. Мало было сказать, что здесь она душой отдыхает от тягот навалившихся на нее проблем. Даже зимой, когда под ногами хрустела промерзшая земля. Этот сад был островком тишины в промежутке между бурями. Одраде затушила фонарь и безошибочно пошла по знакомой тропинке. Случайно она взглянула вверх. На фоне звездного неба отчетливо вырисовывались лишенные листвы ветви деревьев. *Бури.* Она чувствовала приближение бури, о которой не могли предупредить никакие синоптики. *Буря порождает бурю. Ярость порождает ярость. Месть порождает месть. Войны порождают войны.*

Старый башар был великим мастером, умевшим рвать эти порочные круги. Сохранит ли гхола этот талант?

Какая опасная игра.

Одраде оглянулась и посмотрела в ту сторону, где коровы мирно жевали свое сено. В свете звезд от стойла поднимался пар. Коровы сбились в тесную кучу, чтобы не замерзнуть. Был слышен характерный звук. Они жевали свою жвачку, перетирая корм.

Мне надо идти на юг, в пустыню, чтобы встретиться с Шианой. Песчаные форели живут. Но почему они не превращаются в червей?

Она вслух обратилась к коровам:

— Ешьте свою траву. Именно для этого вы родились на свет.

Если наблюдатели засекли этот монолог, подумала Одраде, то ей не избежать серьезных объяснений в Совете.

Но сегодня ночью мне удалось заглянуть в сердца наших врагов. И я пожалела их.

Для того чтобы познать какую-либо вещь, надо определить ее границы, выйти за их пределы, и только тогда станет ясна истинная ее суть.

(Правило Амталя)

Нельзя полагаться на теорию, когда ставкой в игре становится жизнь.

(Комментарий Бене Гессерит)

Дункан Айдахо стоял почти в центре тренировочного зала в трех шагах от ребенка-гхола. Рядом находились тренажерные аппараты — некоторые из них были предназначены для изнуряющих упражнений, некоторые же представляли собой опасность для жизни.

Сегодня дитя выглядело полным восхищения и доверия.

Я понимаю его лучше, чем другие, только потому, что я сам — гхола? Спорное допущение. Этот человек воспитывался во многом не так, поскольку предназначается для иных целей, нежели я. Предназначен! Милый термин.

Община Сестер воссоздала обстановку раннего периода жизни Тега как можно ближе к оригиналу. Ему даже предоставили в лице Айдахо обожаемого старшего брата, впрочем, давно умер-

шего. Одраде учила его очень глубоко, так же, как и его природная мать.

Айдахо помнил старого башара, клетки которого были оживлены в лице этого юного создания. То был умный, мыслящий человек, к советам которого стоило прислушиваться. Небольшим усилием памяти Айдахо припомнил манеры того человека и его слова.

«Истинный воин часто понимает своих врагов лучше, чем друзей. Опасна жалость, которой ты можешь поддаться, если твое понимание приведет тебя к симпатии, как это естественно случается, если понимание выпустить из-под контроля».

Очень трудно думать, что эта мысль дремлет где-то в сознании этого младенца. Башар был необычайно проницателен, когда говорил ему о симпатиях в те далекие дни в Убежище на Гамму.

«Симпатия к противнику — это слабость полиции и армии. Самое опасное — это бессознательная симпатия, направленная на сохранение врага целым и невредимым, поскольку этот враг оправдывает твое собственное существование».

— Сэр?

Как этот писклявый голосок превратится в ко-

мандирский рык старого башара?

— Что такое?

— Почему ты просто стоишь и смотришь на меня?

— Башара называли «старым оплотом». Ты знаешь об этом?

— Да, сэр, я изучал историю его жизни.

Что же, прикажете теперь называть это создание «юным оплотом»? Почему Одраде хочет так скоро восстановить его исходную память?

— Из-за башара вся Община Сестер копается в Другой Памяти, пересматривая свой взгляд на историю. Они говорили тебе об этом?

— Нет, сэр. Это знание важно для меня?

— Верховная Мать Одраде говорила, что ты будешь тренировать только мои мышцы.

— Я помню, что ты любил датский маринет, очень хороший бренди.

— Я слишком мал, чтобы пить, сэр.

— Ты был ментатом. Знаешь, что это значит?

— Я узнаю об этом, когда ты восстановишь мою память, не так ли?

На этот раз мальчик не произнес уважительного «сэр». Надо позвать учителя, чтобы оправдать возможную задержку.

Айдахо улыбнулся в ответ. Занятный ребенок.

Очень легко проникнуться к нему искренней привязанностью.

— Хорошенько присматривай за ним, — говорила Одраде. — Он само очарование.

Он вспомнил инструктаж Одраде перед началом обучения.

— Поскольку индивид бесконечно привязан к своей сущности, — сказала она, — формирование этой сущности должно стать предметом нашей неусыпной заботы.

— Это необходимо соблюдать в отношении гхола?

Разговор происходил ночью в гостиной Айдахо. Мурбелла была замечательным слушателем.

— Он запомнит все, чему ты его научишь.

— Итак, мы собираемся слегка отредактировать оригинал.

— Осторожнее в выражениях, Дункан! Обращайся жестче с этим впечатлительным ребенком, научи его никому не доверять, и ты создашь самоубийцу — человека, который рано или поздно покончит с собой тем или иным способом. Не имеет значения, каким именно.

— Вы не забыли, что я лично знал старого башара?

— А ты не помнишь, Дункан, что было до того,

как тебе восстановили исходную память?

— Я знал, что башар сделает это, и смотрел на него как на спасителя.

— Именно так он сейчас смотрит на тебя. Это особый вид доверия.

— Я буду честен с ним.

— Ты можешь искренне полагать, что ведешь себя честно, но все же я советую тебе каждый раз вглядываться в себя, когда ты столкнешься с его доверием к тебе.

— А если я ошибусь?

— Мы исправим твою ошибку, если возможно. — Она красноречиво взглянула на глазок видеокамеры.

— Я знаю, что вы будете наблюдать за нами!

— Пусть это не угнетает тебя. Я не пытаюсь заставить тебя копаться в своем сознании. Это обычная мера предосторожности. И помни, что в распоряжении Сестер есть масса эффективных способов исцеления.

— Я буду осторожен.

— Ты можешь припомнить, что именно старый башар говорил: «Зверство, которое мы проявляем по отношению к супостату, всегда усмиряется тем уроком, который мы хотим преподать».

— Я не могу думать о нем как о противнике.

Башар был одним из лучших людей, которых я когда-либо знал.

— Прекрасно, поэтому я с легким сердцем передаю его в твои руки.

И вот этот ребенок стоит перед ним в тренировочном зале, не проявляя ни малейшего нетерпения при виде колебаний и сомнений своего учителя.

— Сэр, это часть урока, стояние здесь? Я знаю, что иногда…

— Смирно.

Тег вспомнил о воинской дисциплине и превратился во внимание. Никто и никогда так его не учил. Так говорила ему его исходная память. Айдахо был очарован этим проблеском духа старого башара в поведении мальчика.

Они знали, что поймают меня именно на этом!

Никогда нельзя недооценивать умение Бене Гессерит убеждать. Ты можешь делать для них все, что угодно, даже не подозревая, что действуешь по принуждению. Тонко и дьявольски хитро! Конечно, во всем была своя компенсация. Например, возможность жить в интересные времена. В конце концов, подумал Айдахо, он предпочитает жить в интересное время, даже в такое,

как это.

Он глубоко вздохнул.

— Восстановление исходной памяти причинит тебе боль — физическую и моральную. В каком-то смысле душевная боль хуже, чем физическая. Я подготовлю тебя к этому.

Мальчик застыл в неподвижной стойке. Никаких комментариев.

— Мы начнем тренироваться без оружия, ты будешь пока лишь воображать, что в твоей правой руке клинок. Это вариация «пяти отношений». Каждый ответ реализуется перед тем, как в нем возникает необходимость. А теперь опусти руки и расслабься.

Айдахо переместился за спину Тега, крепко взял его правую руку под локтем и показал первое движение.

— Каждый атакующий — это перо, летящее по бесконечной траектории. Когда перо приближается, его следует отклонить от первоначального пути и удалить от себя. Твое движение — это дуновение воздуха, с помощью которого ты удаляешь перо.

Айдахо отступил в сторону и посмотрел, как Тег повторяет движение, исправляя ошибки короткими резкими ударами по напряженным

от неумения мышцам.

— Пусть твое тело заставит тебя учиться! — сказал Айдахо, когда Тег спросил, зачем Дункан это делает.

Когда они присели отдохнуть, Тег спросил, что имел в виду Айдахо под «душевной болью».

— Вокруг твоей исходной памяти возведены защитные стены — таково условие роста гхола. В нужный момент эта память хлынет в твое сознание. Не все воспоминания будут приятными.

— Верховная Мать говорила, что твою память восстановил старый башар.

— О боги бездны, дитя! Почему ты все время говоришь «башар»? Ведь это был ты!

— Но я еще не знаю этого.

— Ты представляешь собой особую проблему. Для того чтобы гхола пробудился, в его сознании должно присутствовать воспоминание о собственной смерти. Но твои клетки были взяты до смерти башара.

— Но башар мертв!

— Башар! Да, он мертв. Ты должен вспомнить самый болезненный момент, и только тогда ты поймешь, что ты — башар!

— Ты действительно сможешь вернуть мне память?

— Да, если ты сможешь выдержать боль. Ты знаешь, что я сказал тебе, когда ты восстановил мою память? Я сказал: «Атрейдес! Как вы все похожи друг на друга!»

— Ты ненавидел… меня?

— Да, и мало того, ты сам себе был отвратителен из-за того, что причинил мне. Теперь ты понимаешь, что мне предстоит с тобой сделать?

— Да, сэр, — тихо произнес мальчик.

— Верховная Мать сказала, что я не должен предать твое доверие… хотя ты предал мое.

— Но я восстановил твою память?

— Видишь, как легко думать о себе как о башаре. Ты был потрясен. Но да, ты восстановил мою память.

— Это единственное, чего я хочу.

— Ты так говоришь.

— Верховная… Мать говорит, что ты ментат. Это поможет тому, чтобы и я… стал ментатом?

— Логика говорит «да». Но у ментатов есть пословица, которая утверждает, что логика движется слепо. Мы знаем, что именно логика выбрасывает тебя из гнезда порядка на мостовую хаоса.

— Я знаю, что такое хаос! — В тоне прозвучала нескрываемая гордость.

— Ты так думаешь.

— Но я доверяю тебе!

— Послушай меня! Мы — слуги Бене Гессерит. Преподобные Матери строили свой Орден не на доверии.

— Должен ли я доверять Верховной Матери?

— В тех пределах, которые со временем станут тебе ясны. Но теперь должен тебя предупредить, что Бене Гессерит основан на принципе организованного недоверия. Тебя учили тому, что значит демократия?

— Да, сэр. Демократия — это когда голосуешь…

— Демократия — это когда не доверяешь тому, кто обладает властью над тобой! Сестры хорошо это понимают. Не слишком доверяй им.

— Значит, я не должен слишком доверять и тебе?

— Единственное, в чем ты можешь мне доверять, так это в том, что я приложу все усилия к тому, чтобы восстановить твою исходную память.

— Тогда мне все равно, насколько это больно.

Он посмотрел на глазок видеокамеры, свидетеля их выражений.

— Они не возражают против того, что ты говоришь о них?

— Они относятся к ментату только как к источнику полезных сведений.

— То есть фактов?

— Факты — хрупкая вещь. Ментат может запутаться в них. Слишком много существует *надежных* данных. Все это похоже на дипломатию. Надо получить добротную ложь, чтобы отразить ее в своих проекциях.

— Я… растерян.

Мальчик употребил слово, сомневаясь, что оно выражает суть того, что он хотел сказать.

— Однажды я сказал об этом Верховной Матери. Она ответила: «Я плохо себя вела».

— Ты не должен вызывать у меня растерянность?

— Только если это делается в интересах обучения.

Видя, что Тег не на шутку озадачен, Дункан продолжил:

— Давай я расскажу тебе одну историю.

Тег немедленно сел на пол, что показало Айдахо, что Одраде часто использовала ту же тактику. Тег был всегда очень восприимчив.

— В одной из моих жизней у меня была собака, которая терпеть не могла моллюсков, — заговорил Айдахо.

— У меня были моллюски, их привозили с Великого Моря.

— Да, ну так вот, мой пес ненавидел моллюсков за то, что одна из этих тварей как-то раз плюнула ему в глаз. Ему стало больно, глаз сильно жгло. Но что еще хуже, жидкость брызнула из совершенно невинной ямки в песке, где не было видно никакого моллюска.

— И что же сделала твоя собака? — Мальчик от нетерпения подался вперед, подперев подбородок кулаком.

— Она раскопала ямку и извлекла оттуда обидчика, чтобы принести его мне. — Айдахо улыбнулся при этом воспоминании. — Урок номер один: никогда не позволяй, чтобы неизвестно кто плевал тебе в глаза.

Тег рассмеялся и захлопал в ладоши.

— Но посмотри на это с точки зрения пса. Преследуй того, кто плюнул. Тогда последует славная награда: хозяин будет доволен!

— А потом твоя собака тоже выкапывала моллюсков?

— Каждый раз, когда мы приходили на берег, пес рычал и выискивал моллюсков, чтобы угодить Хозяину, а тот брал их и выбрасывал так далеко, чтобы они никогда не могли вернуться,

за исключением тех раковин, к которым внутри прилипло немного мяса.

— Ты ел их.

— Смотри на это с собачьей точки зрения. Те, кто плевал, понесли свое заслуженное наказание. Он нашел способ избавить мир от мерзких тварей, а Хозяин доволен его поведением.

Тег тут же показал свою сообразительность.

— Сестры смотрят на нас как на своих верных псов?

— Между прочим, да, и никогда не забывай об этом. Когда вернешься в свою комнату, просмотри «lese majeste», это поможет тебе определить свое отношение к нашим Хозяевам.

Айдахо поднял глаза и посмотрел на дверь.

— Это относится и к тебе тоже.

Тег вскочил на ноги, ожидая увидеть Верховную Мать, но в дверном проеме стояла Мурбелла.

Она стояла, прислонившись спиной к стене.

— Белл не понравятся твои разговоры об Общине Сестер, — произнесла она.

— Одраде сказала, что у меня развязаны руки. — Он взглянул на Тега. — Мы и так потеряли массу времени на всякие истории! Давай-ка лучше посмотрим, чему научилось твое тело.

Странное волнение овладело Мурбеллой, когда она вошла в зал и увидела Дункана с ребенком. Она стояла некоторое время молча, сознавая, что видит их в каком-то новом свете, столь характерном для воспитанниц Бене Гессерит. Следствием инструктажа Одраде стала искренность в отношении Айдахо к Тегу. Это было поистине странное ощущение, говорившее, что Мурбелла далеко отошла от привычек, привитых ей старым окружением. Чувство было окрашено горечью потери.

Мурбелла поймала себя на мысли, что ей многого будет недоставать из опытов прошлой жизни. Не будет охотничьих вылазок на улицы в поисках самца, которого можно поработить для Досточтимой Матроны. Власть, которая проистекала из сексуального господства, потеряла в ее глазах былую привлекательность под влиянием учения Бене Гессерит и опыта общения с Дунканом. Хотя одного элемента прошлой жизни ей было, несомненно, жаль: чувства принадлежности к силе, которую ничто на свете не может остановить.

Это было одновременно абстрактно и очень специфично. Это даже не чувство постоянного завоевания, а то ожидание неизбежной победы,

которое давало средство, которое она принимала вместе с Сестрами Досточтимой Матроны. Когда зависимость к этому средству уступила место зависимости от меланжи, весь прежний опыт предстал перед глазами Мурбеллы в новом ракурсе. Химики Бене Гессерит постоянно контролировали состав крови Мурбеллы, готовые при необходимости возместить недостаток этого средства, похожего по структуре на адреналин. Она знала, что средство больше никогда ей не потребуется. Новое знание изменило ее прошлое.

Она шла по коридору, соединяющему ее апартаменты с тренировочным залом, горя желанием увидеть Дункана с ребенком и одновременно боясь помешать им. Эти медленные, неспешные прогулки по коридору вошли в привычку после напряженных занятий с учителями Бене Гессерит. В эти дни ее тем не менее не покидали мысли о Досточтимых Матронах.

Она не могла избавиться от чувства потери. Это была пустота, и Мурбелла не могла себе представить, что ее можно чем-то заполнить. Это было хуже ощущения надвигающейся старости. Досточтимые Матроны предоставляли компенсацию за наступление старости. В той Общине Сестер власть росла с возрастом. Здесь

все было не так. И это была абсолютная потеря.

Я потерпела поражение.

Досточтимые Матроны никогда не смирялись с поражением. Теперь же Мурбелла чувствовала, что ее вынуждают к этому. Она знала, что иногда Досточтимые Матроны погибали от рук врагов. Но враги всегда дорого платили за это. Таков закон: за одного обидчика выжигали дотла всю его планету.

Мурбелла знала, что Досточтимые Матроны охотятся за Капитулом. Подчиняясь зову прошлого, она сознавала, что должна всячески помогать этой охоте. Особая горечь поражения состояла в том, что Мурбелла не хотела, чтобы Бене Гессерит платил упомянутую цену.

Бене Гессерит представляет собой слишком большую ценность.

Сестры этой Общины очень ценны для Досточтимых Матрон. Правда, Мурбелла сомневалась, что Матроны догадываются об этом.

Тщеславие.

Именно так она судила теперь своих бывших Сестер. *И себя, когда я была одной из них.* Ужасающая гордыня. Эта гордыня выросла на почве многовекового угнетения, которому они подвергались до своего восхождения к вершинам

могущества. Мурбелла пыталась рассказать это Одраде, поведав ей историю Досточтимых Матрон.

— Из рабов получаются отвратительные Хозяева, — прокомментировала этот рассказ Верховная Мать.

Именно таким был образ действий Досточтимых Матрон, поняла тогда Мурбелла. Тогда она принимала этот образ действий, но теперь отвергла, не понимая полностью, почему и во имя чего она это сделала.

Я просто выросла из этого платья. Теперь их поведение кажется мне ребяческим.

Дункан снова сделал перерыв в занятиях. Учитель и ученик изрядно вспотели. Они стояли, отдуваясь и обмениваясь тайными взглядами. Что это за конспирация? Дитя выглядело странно возмужавшим.

Мурбелла вспомнила слова Одраде: «Зрелость накладывает свои ограничения на поведение. Один из наших уроков — сделать эти императивы доступными сознанию. Это называется модификацией инстинктов».

Они модифицировали меня и продолжают это делать.

Теперь она видела, как тот же самый механизм

работает, модифицируя поведение ребенка-гхола.

— Эта активность создает стрессы в обществах, на которые мы влияем, — объясняла Одраде. — Она вынуждает нас все время менять и приспосабливать тактику к изменчивым условиям.

Но как они смогут изменить поведение моих бывших Сестер?

В ответ Одраде продемонстрировала свое обычное хладнокровие, столь характерное для нее в острых ситуациях.

— Мы сами подверглись корректировке из-за своего прошлого. С нами было то же самое во времена правления Тирана.

Корректировка?

Дункан тем временем беседовал с ребенком. Мурбелла подошла поближе, чтобы послушать.

— Ты слышал рассказы о Муад'Дибе? Отлично. Ты — Атрейдес, а это предрасполагает к некоторым порокам.

— Это значит к ошибкам, сэр?

— Будь ты проклят, но это так и есть! Никогда не выбирать курс только ради того, что он представляет возможность сделать эффектный жест.

— Ты хочешь сказать, что я погиб именно при таких обстоятельствах?

Он совершенно по-детски думает о своем прежнем воплощении в первом лице.

— Суди сам. Но это было вечной слабостью Атрейдесов. Очень уж привлекательная вещь жесты. Например, умереть на рогах исполинского быка, как это случилось с дедом Муад'Диба. Это был грандиозный спектакль для публики. Сюжеты для россказней, которых хватило на целые поколения. Осколки этих историй сохранились до нашего времени, хотя прошли целые эпохи.

— Верховная Мать рассказывала мне эту историю.

— Вероятно, ее рассказывала тебе и твоя природная мать.

Ребенок вздрогнул.

— Меня охватывает забавное чувство, когда ты произносишь: «Природная мать».

В голосе Тега слышался почти мистический ужас.

— Забавные чувства — это только одна сторона медали; урок заключается совсем в другом. Я говорю о том, что стало подлинным ярлыком Атрейдесов: десовские жесты. Когда-то говорили «атрейдесовские», но это слишком громоздко.

Ребенок снова проявил почти взрослую зрелость.

— Даже жизнь собаки имеет свою ценность.

У Мурбеллы перехватило дыхание. Как это может быть — взрослая рассудительность в оболочке ребенка. Это не укладывалось в голове.

— Твою природную мать звали Джанет Роксбраф. Она происходила из лернейских Роксбрафов, — сказал Айдахо. — Она была воспитанницей Бене Гессерит. Твоим отцом был Лоши Тег, начальник фактории ОСПЧТ. Через несколько минут я покажу тебе любимый дом башара на лернее. Я оставлю картинку тебе, можешь как следует ее рассмотреть и изучить. Думай об этом пейзаже, как о своей любимой родине.

Тег послушно кивнул, но по выражению лица было видно, что мальчик напуган.

Возможно ли, чтобы великий воин-ментат испытывал страх? Мурбелла покачала головой. Умом она понимала, что делает Дункан, но чувствовала, что в рассказе есть пробелы. В этом было нечто такое, чего ей никогда не было суждено испытать. Что это значит — пробудиться к новой жизни, сохранив в неприкосновенности воспоминания о прежних своих жизнях? Она подозревала, что это совсем не то, что Другая Память Преподобных Матерей.

— Я вспоминаю, как все началось, — принялся

рассказывать Дункан. — Пробуждается Истинная Сущность. Я чувствовал, что меня вышвырнуло в магическую вселенную. Сознание превратилось в круг, а потом в шар. Произвольные формы стали преходящими. Стол перестал быть столом. Потом я впал в транс. Ничто не казалось реальным. Все вокруг стало светиться яркими бликами. Потом все прошло, и я понял, что потерял одну из реальностей. Стол снова стал столом.

Мурбелла успела изучить руководство Бене Гессерит «О пробуждении исходной памяти гхола». Дункан отклонялся от данных там инструкций. Почему?

Дункан отошел от ребенка и приблизился к Мурбелле.

— Мне надо поговорить с Шианой, — сказал он и прошел мимо. — Так будет лучше во всех отношениях.

Быстрое понимание – это зачастую рефлекторный ответ, подобный подергиванию ноги при ударе по надколеннику. Это наиболее опасная форма понимания. Оно занавешивает плотным непроницаемым экраном твою способность к обучению. Судебные суждения о прецедентах очень напоминают такую форму понимания, загромождая путь к истине мертвыми догмами. Будь начеку. Ничего не понимай. Любое понимание временно и преходяще.

(Фиксированное знание ментата)

Айдахо в одиночестве сидел у панели управления, рассматривая материалы, которые он сохранил в системе памяти корабля-невидимки в первые же дни пребывания в заточении. Начав эти поиски, он был буквально захвачен (слово он подобрал позже) отношениями и чувственным восприятием того прежнего времени. Скучный, одуряющий полдень в корабле-невидимке перестал существовать для Дункана Айдахо. Он снова был *там*, в том времени, которое оказалось растянутым между *тогда* и *теперь*, это было то необычное чувство, которое может испытать только гхола, переживший последовательность

воплощений и способный проследить свои воплощения до естественного появления на свет.

Он моментально увидел то, что привык называть «сетью», — престарелую пару, обозначенную пересекающимися в разных направлениях линиями, силуэты тел угадывались под переливающимися тканями платьев, украшенных нитями, расшитыми драгоценностями. Зеленые, синие, золотистые и серебристые тона сияли так ярко, что глазам было больно.

В этих людях была какая-то божественная основательность, но было в них и что-то приземленное. На ум сразу пришло слово *упорядоченные.* За фигурами простирался знакомый ландшафт: цветущие кусты (наверное, это были розы), подстриженные лужайки, высокие стройные деревья.

Пара оглянулась и так пристально посмотрела на Айдахо, что он ощутил себя голым под этим взглядом.

В этом видении появилась какая-то новая сила! Он больше не чувствовал себя в Великой Ловушке, не ощущал действия импульсного магнита, которым его удерживали здесь. Магнит включался очень часто, и каждый раз Айдахо знал, что надзиратели в этот момент находятся в пол-

ной боевой готовности.

Неужели он — новый Квисатц Хадерах?

У Бене Гессерит были какие-то подозрения на этот счет, и они убьют его, если эти подозрения станут сильнее или обретут под собой почву. Но сейчас они пристально наблюдают за ним! Вопросы, беспокойные раздумья. Несмотря на это, он не мог оторваться от видения.

Что так знакомо ему в этой паре? Это кто-то из его прошлого? Семья?

Исследование памяти ничего не дало, несмотря на ментатские ухищрения. Размышления не приводили к результату. Круглые лица. Усеченные подбородки. Толстые складки под челюстью. Темные глаза. Сеть скрывала их истинный цвет. На женщине было надето длинное, до пят, сине-зеленое платье. Белый передник, запачканный зеленью, был повязан под грудью вокруг пояса. В специальных петлях были уложены садовые инструменты. В левой руке садовый совок. Волосы седые. Из-под зеленого платка выбиваются непослушные пряди, обрамляющие глаза, окруженные лучиками морщинок. Она выглядела как… бабушка.

Мужчина идеально подходил своей супруге, словно их ваял специально друг для друга один

и тот же скульптор. На объемистом животе — фартук. Мужчина был без шапки. Те же темные глаза с веселыми искорками. Коротко подстриженные жесткие седые волосы.

У мужчины было на редкость добродушное выражение лица. В уголках рта притаились морщины, образовавшиеся словно от постоянной улыбки. В левой руке он держал небольшую лопату, в правой он удерживал небольшой металлический шар. Шар издавал пронзительный звук, который заставил Айдахо заткнуть уши. Это не остановило звук. Он исчез сам по себе. Айдахо опустил руки.

Лица, внушающие уверенность. Это возбудило подозрения Айдахо, потому что теперь он уловил некоторое сходство. Они были чем-то похожи на лицеделов. Даже своими носами-пуговками.

Он потянулся вперед, но видение сразу же отдалилось. «Лицеделы», — прошептал он.

Сеть и престарелая пара исчезли.

Видение сменилось изображением Мурбеллы в спортивном зале. Женщина была одета в сверкающее трико цвета эбенового дерева. Ему пришлось протянуть руку и коснуться женщины, прежде чем он понял, что она действительно вошла к нему.

— Дункан, что с тобой? Ты весь в поту.

— Я… думаю, что эти проклятые тлейлаксианцы что-то посеяли в моей душе. Я все время вижу… Думаю, что это лицеделы. Они… смотрят на меня и только что… стоял страшный свист. У меня до сих пор болят уши.

Она взглянула на глазок видеокамеры, но не проявила своего беспокойства. Сестры могут знать, что эти видения не представляют непосредственной опасности… может быть, только для Сциталя.

Она опустилась на корточки рядом с ним и положила руку ему на плечо.

— Они что-то сделали с твоим телом в своем чане?

— Нет!

— Но ты же сам сказал…

— Мое тело — это просто новый багаж для нового путешествия. Биохимия и строение его такое же, как и всегда. Что-то стало с моим разумом.

Это взволновало ее. Мурбелла знала, как Сестры относятся к диким дарованиям.

— Будь проклят этот Сциталь!

— Я найду ответ, — сказал он.

Он закрыл глаза и услышал, как Мурбелла

встала. Рука ее соскользнула с его плеча.

— Может быть, тебе не следует этого делать, Дункан.

Ее голос прозвучал словно откуда-то издалека.

Память. Где прячется эта таинственная вещь? Глубоко в исходных клетках? До сего дня он думал о своей памяти как об инструменте ментата. Стоя перед зеркалом, он мог вызвать в ней образы из любого момента любой из своих многочисленных жизней. Он мог подойти поближе, изучить каждую морщинку. Мог посмотреть на женщину, стоявшую позади него, — в зеркале два лица, и его лицо исполнено невысказанных вопросов.

Лица. Последовательность масок, разных видов его самого, того, что он называет своим «я». Лица несколько неуравновешенны. Иногда волосы седые, иногда завиваются, как локоны черного каракуля из его нынешней жизни. Иногда лицо веселое, иногда печальное, ищущее ответа в мудрости, спрятанной в глубине сознания, мудрости, нужной для того, чтобы встретить наступающий день. За всеми этими масками есть нечто, объединяющее их, — способность наблюдать и обдумывать увиденное. За ними стоит тот, кто принимает решения. Тлейлаксианцы вволю

натешились над этой способностью.

Айдахо почувствовал, что кровь толчками пульсирует у него в висках. Значит, опасность близка. Именно это ему предстоит испытать… но причиной станут не тлейлаксианцы. Причина кроется в нем самом.

Вот что значит быть живым.

Не память из других жизней, не то, что сделали с ним тлейлаксианцы, не все то, что изменило его сознание хотя бы на йоту.

Он открыл глаза. Мурбелла стояла рядом, но взор ее был затуманен. *Вот как она будет выглядеть, когда станет Преподобной Матерью.*

Эта перемена не понравилась ему.

— Что будет, если Бене Гессерит проиграет? — спросил он.

Она не ответила, но он кивнул в знак согласия с самим собой. *Да, это самое худшее допущение. Общину Сестер спустят в сточную канаву истории. И ты не хочешь этого, моя возлюбленная.*

Он увидел согласие в ее лице, прежде чем она отвернулась и оставила его одного.

Айдахо посмотрел на глазок видеокамеры.

— Дар, мне надо поговорить с тобой. Дар.

Ни один из механизмов, окружавших его, не отозвался. Но он и не ожидал другого ответа.

Но он все же знал, что сможет поговорить с ней и ей придется его выслушать.

— Я подошел к нашей проблеме с другой стороны, — заговорил Дункан. Он живо вообразил себе шорох записывающих устройств, которые заносят его слова на ридулианские кристаллы. — Мне удалось проникнуть в психику Досточтимых Матрон. Я знаю, что мне это удалось. Мурбелла ответила мне в резонанс.

Это насторожит их. Он имеет свою личную Досточтимую Матрону. *Иметь* не вполне подходит к данному случаю. Он не имел Мурбеллу. Даже в постели. Они имели друг друга. Они подходили друг другу так же, как подходили друг другу люди из его сегодняшнего видения. Может быть, именно это он и увидел утром? Двое пожилых людей, прошедшие тренировку у Досточтимых Матрон?

— Теперь я перехожу к другой проблеме, — сказал он. — Как можно победить Бене Гессерит.

Перчатка брошена.

— Эпизодами. — Одраде очень любила использовать это слово.

— Именно так можно увидеть, что происходит с нами сегодня. Даже самые мрачные допущения необходимо просеивать через основание. Рассеяние имеет такие масштабы, которые превращают

в мелкую возню все, что мы делаем.

Вот оно! В этом его ценность для Общины Сестер. Такой подход позволяет лучше рассмотреть, кто такие Досточтимые Матроны. Они вернулись назад, в Старую Империю. Подруги по несчастью, карлицы. Он знал, что Одраде все поймет. Белл заставит ее это сделать.

Где-то в глубинах необъятной вселенной суд присяжных вынес обвинительный вердикт Досточтимым Матронам. Суд и его служители не пощадили охотниц. Он подозревал теперь, что люди из его видения были членами жюри присяжных. И если они действительно лицеделы, то это не лицеделы Сциталя. Те два человека, скрытые сияющей сетью, могли принадлежать только самим себе.

Главный порок управления проистекает из страха коренных внутренних перемен, который возникает, несмотря на очевидную необходимость таких перемен.

(Дарви Одраде)

Первый утренний глоток меланжи всегда бывал для Одраде особенным. Плоть вела себя как изголодавшийся человек, вонзивший зубы в сладкий плод. Потом следовало медленное, проникающее во все поры и немного болезненное восстановление сил.

Страшная вещь — меланжевая зависимость.

Она стояла у окна и ждала, когда меланжа начнет действовать в полную силу. Управление Погодой сумело и этим утром вызвать дождь. Ландшафт, чистый и омытый дождем, казался погруженным в романтическую дымку, все углы и линии были нарочито подчеркнуты, выявляя суть вещей, подобно старым воспоминаниям. Одраде распахнула окно. Свежий холодный и влажный воздух пахнул ей в лицо, нахлынули воспоминания. Такое чувство бывает, когда найдешь в чулане старую, дорогую когда-то вещь.

Она сделала глубокий вдох. Запах прошедшего дождя! Одраде вспомнила прежнее чувство полноты жизни и успокоения, которое вызывала

в ней падающая с неба вода. Но на этот раз чувства были иными. После дождя на губах появился привкус песка. Одраде не нравился этот привкус. Природа посылала весть о том, что ей не по нраву дожди и что она жаждет, чтобы все дожди кончились на этой планете раз и навсегда. Этот дождь не успокаивал и нес с собой ощущение полноты бытия. Он был признаком грядущих перемен.

Одраде закрыла окно. Сразу же вернулись знакомые запахи жилища, среди которых доминировал запах шира, который был имплантирован всем, кто знал местоположение Капитула. Она слышала, как вошла Стрегги и потрескивание карты — Пустыня снова изменила свою конфигурацию.

Движения Стрегги были ловки и расчетливы. Недели тесного общения доказали Одраде, что она не ошиблась в выборе. Надежна. Не блистает дарованиями, но понимает Верховную Мать с полуслова. Посмотрите, как спокойны и несуетливы ее движения. Надо примерить понятливость Стрегги к нуждам Тега, тогда он с меньшим трудом достигнет высот в обучении. *Рабочая лошадь? Нет, нечто гораздо большее.*

Действие меланжи достигло своего пика и начало понемногу уменьшаться. По отражению

Стрегги в оконном стекле было видно, что девушка ждет указаний. Она была терпелива, зная, что эти утренние минуты отданы Пряности. Стрегги только предстояло познать действие меланжи.

Мне бы хотелось, чтобы она легко перенесла испытание.

Преподобные Матери в большинстве своем следовали учению и редко задумывались о своей меланжевой зависимости. Одраде же каждый день с содроганием думала о том, что значит эта зависимость. Ты принимаешь меланжу в течение дня, следуя требованиям организма, следуя паттерну, заложенному в прежних тренировках. Дозы были небольшими, достаточными лишь для того, чтобы поддерживать уровень обмена веществ на пике работоспособности. Биологические потребности удовлетворялись с меланжей гораздо эффективнее. Меланжа придавала пище некоторую пикантность и улучшала ее вкус. Если не считать нападений и несчастных случаев, то меланжа продлевала жизнь и улучшала ее качество. Но это была самая настоящая наркотическая зависимость.

Тело восстановилось. Одраде сморгнула и посмотрела на Стрегги. Она просто воспринимала

необходимость данного утреннего ритуала для Верховной Матери. Обращаясь к отражению Стрегги в створке окна, Одраде заговорила:

— Ты не слышала о меланжевой абстиненции?

— Слышала, Верховная Мать.

Несмотря на предостережение о том, что осознание зависимости надо держать на замке даже от себя, Одраде чувствовала присутствие и почувствовала гнев и негодование. Подготовка ума еще в послушничестве и закрепление в виде испытания Пряностью постепенно размывались Другой Памятью и жизненным опытом. Наставление старших гласило: «Абстиненция ликвидирует суть вашей жизни, и если она случится в среднем или пожилом возрасте, то может оказаться смертельной». Как мало теперь это значило для Одраде.

— Абстиненция исполнена для меня большого значения, — сказала Одраде. — Я — одна из тех, кому утренняя доза меланжи причиняет боль. Я уверена, что тебе говорили, что это иногда случается.

— Простите, Верховная Мать.

Одраде принялась внимательно изучать карту. Она отметила, что длинный язык Пустыни вытянулся за последний день в северном на-

правлении, а к югу от Централа произошло расширение ее ареала — как раз там, где находилась ставка Шианы. Одраде снова вспомнила о Стрегги, которая с интересом разглядывала Верховную Мать.

Она захвачена мыслями о темной стороне действия Пряности!

— В нашу эпоху редко принимают в расчет уникальность меланжи, — сказала Одраде. — Все наркотики, которыми пользовалось человечество на протяжении своей истории, при всем их разнообразии имели между собой одно общее — они укорачивали жизнь и причиняли страдания.

— Нам говорили об этом, Верховная Мать.

— Но вам, вероятно, не говорили, что сам факт правления может быть омрачен нашей озабоченностью злодеяниями Досточтимых Матрон. Правитель жадно поглощает энергию (да, даже наши правители), и это завлекает его в ловушку. Если ты будешь служить мне, то и сама скоро это почувствуешь, ежедневно видя мои утренние страдания. Пусть же знание об этом глубоко западет в твою душу, знание об этой смертельно опасной ловушке. Не становись беззаботным толкачом, вписанным в систему, которая заме-

щает жизнь беспечной смертью, как это делают Досточтимые Матроны. Помни: приемлемый наркотик можно обложить налогом, чтобы платить зарплату или иначе поощрять к труду ни о чем не думающих функционеров.

Стрегги была озадачена.

— Но меланжа продлевает нашу жизнь, укрепляет здоровье и усиливает аппетит к…

Поток ее красноречия иссяк под хмурым взглядом Одраде.

Готовая цитата из учебника послушниц!

— Есть и другая сторона медали, и ты увидишь ее во мне, Стрегги. Учебник не лжет. Но меланжа — это наркотик, и мы — меланжевые наркоманы.

— Я знаю, что он полезен не всем, Верховная Мать. Например, нам говорили, что Досточтимые Матроны не употребляют меланжу.

— То, что они используют для замены меланжи, имеет несколько полезных свойств, но все равно это средство не может предотвратить мучительной ломки и смерти. Это тоже пристрастие, но к другому, параллельному наркотику.

— А как быть с зависимостью?

— Но средство для пленения?

— Мурбелла пользовалась им, но теперь она

принимает меланжу. Они взаимозаменяемы. Тебе интересно?

— Я… я думаю, что мне надо побольше об этом знать. Я заметила, Верховная Мать, что вы никогда не называете их шлюхами.

— Как это делают послушницы? Ах, Стрегги, Беллонда оказывает на вас дурное влияние. Чувствуется ее тяжелая рука.

Стрегги собралась было протестовать, но Одраде не дала ей заговорить.

— Послушницы чувствуют угрозу. Они смотрят на Капитул как на крепость, способную противостоять наступлению долгой ночи господства шлюх.

— Да, что-то в этом роде, Верховная Мать, — не без колебаний призналась Стрегги.

— Стрегги, эта планета — всего лишь одно из многих временных пристанищ. Сегодня мы отправимся на юг, и это запечатлеется в твоей душе. Найди Тамалейн и попроси ее приготовить все, о чем мы с ней говорили накануне. Речь идет о подготовке визита к Шиане. Кроме Тамалейн, никто не должен об этом знать.

— Слушаюсь, Верховная Мать. Вы хотите, чтобы я сопровождала вас?

— Да, ты будешь рядом со мной. Скажи своей

напарнице, что теперь за карту отвечает только она.

Когда Стрегги вышла, Одраде подумала о Шиане и Дункане Айдахо. *Она хочет поговорить с ним, а он — с ней.*

Наблюдатели-аналитики отметили, что Айдахо и Шиана часто обмениваются тайными знаками языка жестов, стараясь при этом прикрыть свои движения. Это был старый боевой язык Атрейдесов. Одраде узнавала некоторые знаки, но не могла по этим фрагментам восстановить все содержание их разговоров. Беллонда хотела получить объяснения от самой Шианы.

— Подумайте, какие тайны!

— Пусть они немного поговорят, — возражала на это более осторожная Одраде. — Возможно, нам удастся выяснить что-то интересное.

Чего хочет Шиана?

Что бы ни было на уме у Айдахо, это, несомненно, касалось Тега. То, что для восстановления исходной памяти Тега того требовалось подвергнуть боли, претили самой сути Айдахо.

Одраде поняла это, когда вчера оторвала Дункана от консоли управления.

— Вы пришли слишком поздно, Дар, — проговорил Айдахо, не отрывая взгляда от дисплея.

Поздно? Но еще не наступил вечер.

За последние несколько лет Айдахо стал часто называть ее Дар. Это была явная насмешка, проявление нетерпимости по отношению к его заточению в этот аквариум. Эти насмешки изводили Беллонду, которая яростно восставала против такой «возмутительной фамильярности». Он называл Беллонду Белл и довольно щедро пользовался иглой этого сарказма.

Вспомнив об этом, Одраде помедлила, прежде чем войти в свой кабинет. Дункан ударил кулаком по консоли.

— Для Тега существует лучший путь!

Лучший путь? Что он задумал?

Какое-то движение в коридоре вывело Одраде из состояния рефлексии. Это была Стрегги, вернувшаяся от Тамалейн. Вот девушка входит в комнату послушниц. *Сейчас она объявит о своем новом назначении и освобождении от обязанностей по подготовке карты Пустыни.*

На столе Одраде ждали кипы отчетов из Архива. *Беллонда!* Одраде уставилась на пачку донесений. Несмотря на щедрую раздачу полномочий, советницы всегда находили кучу дел, которые, по их мнению, могла разрешить только Верховная Мать. Большинство этих материа-

лов пришло сюда с благословения Беллонды «для предложений и анализа».

Одраде нажала сенсор консоли.

— Белл!

Голос служащей Архива ответил немедленно:

— Верховная Мать?

— Пришлите ко мне Беллонду! Пусть поспешит, если не разучилась быстро переставлять свои жирные ноги!

Ровно через минуту Беллонда стояла перед столом Верховной, вытянувшись в струнку, словно провинившаяся послушница. Все уже давно научились понимать по тону Одраде, когда она действительно сердится.

Верховная протянула руку к кипе бумаг на столе и резко отдернула руку, словно вид этой стопы потряс ее до глубины души.

— Каким именем Шайтана мне назвать все это?

— Мы сочли это очень важным.

— Ты полагаешь, что я могу вникать во все и вся? Где ключевые рубрики? Это очень плохая работа, Белл! Я не дура, да и ты далеко не глупа. Но это… видя все это…

— Я взяла на себя все, что могла…

— Все, что могла! Да ты посмотри на это без-

образие! Что я должна рассмотреть сама, а что я могу отправить ниже? Ни одного ключа, ни одной рубрики!

— Я прослежу, чтобы это немедленно исправили.

— Ты действительно проследишь за этим, Белл! Мы с Там уезжаем сегодня на юг, это тайная инспекционная поездка и визит к Шиане. На время моего отсутствия ты займешь это кресло. Посмотрим, как ты выплывешь из этого ежедневного потопа!

— Ты будешь недосягаема все это время?

— Нет, световод и наушник будут все время при мне.

Беллонда облегченно вздохнула.

— Я уверена на сто процентов, Белл, что ты тотчас отправишься в Архив и назначишь себе заместителя. Будь я проклята, если ты не начнешь действовать, как настоящий закостенелый бюрократ. Первым делом прикроешь свою задницу!

— Настоящая лодка всегда раскачивается, Дар.

Беллонда и чувство юмора? Ну, значит, не все еще потеряно!

Одраде прикоснулась к проектору, и на нем возникло изображение Тамалейн в транспорт-

ном холле.

— Там?

— Слушаю, — ответила Тамалейн, не отрываясь от списка заданий.

— Как скоро мы сможем отправиться?

— Приблизительно через два часа.

— Сообщи мне, когда все будет готово. Да, с нами поедет Стрегги. Приготовь помещение и для нее. — Одраде выключила проектор прежде, чем Тамалейн успела ответить.

Одраде знала, что перед отъездом ей надо кое-что сделать. Там и Белл были не единственными, кто заботил Верховную.

В нашем распоряжении осталось шестнадцать планет. В это число входит Баззелл, эта планета находится под непосредственной угрозой. Только шестнадцать! Она отбросила эту мысль. Сейчас не время попусту горевать.

Мурбелла. Надо ли мне связаться с ней и... Нет. Это может подождать. Новый комитет прокторов? Пусть этим займется Белл. Распад общности?

Отправка персонала в Рассеяние была консолидирована. *Оставаться на острие наступающей Пустыни!* Эта мысль угнетала, и Одраде чувствовала, что сегодня не может ей противостоять.

У меня вечно трясутся поджилки перед такими путешествиями.

Одраде порывисто встала и покинула кабинет, отправившись бродить по коридорам, заглядывая в комнаты и проверяя, как выполняются задания и обязанности. Она входила без предупреждения, видя, чем занимаются студенты, что они читают, как ведут себя в своих бесконечных упражнениях прана-бинду.

— Что ты читаешь? — спросила она у молоденькой послушницы второй ступени, которая сидела в углу с проектором.

— Дневники Толстого, Верховная Мать.

Взгляд послушницы был весьма красноречив: «Хранятся ли его слова непосредственно в вашей Другой Памяти?» Вопрос этот был готов сорваться с языка девушки! Они всегда пробовали себя в таких играх, когда оставались с глазу на глаз с Верховной.

— Толстой — это родовое имя! — огрызнулась Одраде. — Судя по тому, что ты упомянула дневники, я могу сказать, что ты говоришь о графе Льве Николаевиче.

— Да, Верховная Мать. — Послушница была ошарашена такой проницательностью.

Смягчившись, Одраде выстрелила в девушку

цитатой: «Я не река, я — сеть».

— Он произнес эти слова в Ясной Поляне, когда ему было двенадцать лет. Ты не найдешь эти слова в его дневниках, но, вероятно, это самое важное из того, что он когда-либо говорил и писал.

Одраде вышла прежде, чем послушница успела поблагодарить ее. *Всегда приходится кого-то учить!*

Она вошла в главную кухню и проверила ее состояние, осмотрев кастрюли и отметив страх, который испытал даже шеф-повар, следивший за ее действиями.

В кухне стоял приятный запах, помещение было полно пара от котлов, в которых готовили обед. Стоял неумолчный стук и шорох — рубили овощи и перемешивали варево. Однако при появлении Верховной все звуки стихли.

Одраде прошла вдоль стоек, за которыми работали повара, и направилась к возвышению, на котором сидел шеф-повар. Это был крупный, рослый и мускулистый мужчина с выступающими скулами. Лицо его было красным, почти такого же цвета, как куски мяса, над которыми он священнодействовал. Одраде не сомневалась в том, что он один из самых великих поваров

в истории. Имя вполне соответствовало роду его занятий: Пласидо Салат. Она испытывала к нему очень теплые чувства по нескольким причинам, включая тот факт, что именно он в свое время учил ее личного повара. До того как на горизонте замаячили Досточтимые Матроны, все важные гости Капитула обязательно бывали здесь на экскурсии. Их проводили по кухне и давали попробовать самые изысканные блюда.

— Могу я представить вам нашего главного шеф-повара Пласидо Салата?

Его бефпласидо было предметом зависти многих коллег. Мясо этого блюда было почти сырым и подавалось с горчицей, приправленной травами и пряностями, которые только подчеркивали вкус говядины.

Одраде считала это блюдо слишком экзотичным, но никогда не высказывала этого вслух.

Когда Салат весь превратился во внимание (после того, как добавил в соус последний ингредиент), Одраде сказала:

— Мне страшно хочется чего-нибудь особенного, Пласидо.

Повар сразу понял намек. Так обычно начинался заказ любимого блюда Одраде.

— Наверно, вы хотите тушеных устриц, — пред-

положил он.

Это настоящий ритуальный танец, подумала Одраде. Оба прекрасно знали, что именно она желает.

— Превосходно! — согласилась Верховная и перешла к продолжению представления: — Но блюдо надо приготовить очень внимательно. Самое главное — не переварить устриц. В сок надо добавить нашего сушеного сельдерея.

— И немного перца?

— Да, да, это как раз то, что я хотела сказать. И поосторожнее с меланжей. Самую чуточку и не более того.

— Конечно, конечно, Верховная Мать! — Глаза шефа округлились при одной мысли о том, что меланжи может быть слишком много. — Так легко переложить специй.

— Потуши устриц в собственном соку, Пласидо. Я бы предпочла, чтобы ты приготовил все сам. Главное, помешивай их до тех пор, пока их края не начнут сворачиваться.

— Я не стану тушить их ни секундой дольше, Верховная Мать.

— Подогрей немного жирного молока и подай вместе с устрицами. Только не доводи сливки до кипения.

Пласидо изобразил благородное негодование от того, что Верховная могла заподозрить его в том, что он осмелится подать к тушеным устрицам кипяченое молоко.

— В тарелку добавь немного — только совсем немного — масла, — сказала Одраде. — Сверху полей все соком.

— Шерри?

— Как я счастлива, что ты так хорошо знаешь мое любимое блюдо, Пласидо. Я совершенно забыла про шерри. (Верховная Мать никогда ничего не забывала, но это было одно из па их ритуального танца.)

— Три унции шерри в кипящий отвар, — сказал он.

— Хорошенько нагрей шерри, чтобы оттуда испарился весь спирт.

— Конечно! Но нельзя испортить и аромат. Что вы хотите — булочки или соленые сухарики?

— Булочки, если можно.

Одраде усадили за отдельный стол в нише. Она съела две чашки тушеных устриц, вспомнив при этом, как любила их Дитя Моря. Папа приучил ее к этому блюду тогда, когда она едва была в состоянии поднести ложку ко рту. Папа

сам готовил тушеных устриц, это была его кулинарная коронка. Одраде научила Салата готовить устриц так же.

Она похвалила повара за выбор вин.

— Мне особенно понравилось шабли.

— Это вино имеет небольшой песчаный привкус, Верховная Мать. Вино из лучшего урожая. Великолепно подчеркивает вкус устриц.

Тамалейн разыскала Верховную именно здесь, в алькове кухни. Они всегда знают, где ее найти, если захотят.

— Мы готовы.

Почему на лице Там такое недовольное выражение?

— Где мы сегодня остановимся?

— В Эльдио.

Одраде улыбнулась. Ей нравилось это место.

Там старается услужить мне, потому что видит, что я не в духе? Вероятно, она хочет отвлечь меня некоторым разнообразием.

Следуя за Там к взлетным площадкам, Одраде подумала о том, что пожилые женщины предпочитают передвигаться по транспортным туннелям. Наземные переходы раздражают их. «Кто хочет даром терять время в моем возрасте?»

Одраде терпеть не могла эти трубы. В этом

замкнутом пространстве ты так одинока и беспомощна. Она сама предпочитала ходить пешком по поверхности и пользовалась подземным личным транспортом, только когда надо было спешить. Однако она не возражала против использования пневматической почты для пересылки сообщений и мелких посылок. *Записки не переживают и не думают, находясь в тесноте туннельной трубы.*

Эта мысль всегда заставляла ее стыдиться отвращения, которое она испытывала по отношению к сети туннелей, призванных облегчить ее собственное передвижение в любых направлениях.

Где-то в глубине души (а у каждой вещи есть глубина души) Одраде понимала, что автоматическая система коммуникаций была надежна (в большинстве случаев) и вселяла уверенность, что важные послания всегда будут доставлены точно в срок и нужному адресату.

Когда в частных посланиях (их называли ЧП) не было нужды, пользовались системами стационарных или визуальных передающих устройств — световых линий и сортировочных станций. Совсем другое дело — связь межпланетная, особенно в это время гонений. Самое

безопасное — это послать лично Преподобную Мать с запечатленным в памяти сообщением или с имплантированным дистрансом. В каждом случае для предотвращения утечки информации вводили шифр, который делал бессильными Т-зонды.

Каждое межпланетное сообщение было шифрованным, но враги могли разгадать код. Большой риск в этих межпланетных сообщениях. Наверное, поэтому Раввин до сих пор хранил молчание и не выходил на связь.

Но почему я думаю об этих вещах именно сейчас?

— Никаких сообщений от Дортуйлы? — спросила Верховная, пока Тамалейн готовилась войти в диспетчерскую, где их ожидали сопровождающие. *Как же их много? Зачем такая большая свита?*

Одраде увидела Стрегги, которая, стоя у трапа, разговаривала с послушницей из отдела коммуникаций. Там же находились еще с полдюжины послушниц из того же ведомства.

Тамалейн не сочла нужным скрывать свое раздражение.

— Дортуйла! Мы же сказали, что поставим вас в известность сразу, как только получим от нее

первое же сообщение!

— Я просто спросила, Там. Просто спросила.

Одраде смиренно последовала за Тамалейн в диспетчерскую. *Мне обязательно нужен монитор, чтобы следить за всем, что здесь может произойти.* Ментальные вмешательства всегда приносили несомненную пользу делу. Таков обычай Бене Гессерит, как не раз напоминала Беллонда.

Одраде немного удивилась, поймав себя на мысли, что ей порядком поднадоели обычаи Бене Гессерит.

Пусть Беллонда сама немного побеспокоится, как изменить эти вещи!

Настало время свободного полета. Надо отвечать на все происходящее, как дым, подхваченный потоком ветра.

Дитя Моря знало толк в потоках и течениях.

Время не способно считать себя само. Остается только смотреть на бесконечный его бег по кругу, и это – очевидная истина.

(Лето II (Тиран))

— Смотри, смотри! Полюбуйся, до чего мы докатились! — простонал Раввин. Он сидел, скрестив ноги, на выщербленном холодном полу, с головой укрывшись накидкой.

Комната была мрачной, под сводами отдавался неумолчный гул аппаратов, вызывавший у Раввина тошнотворную слабость. Господи, хоть бы прекратились эти проклятые звуки!

Ребекка стояла перед ним, упершись руками в бока, в ее взгляде ясно читались злость и подавленность.

— Не смотри на меня так! — крикнул Раввин и взглянул на женщину из-под накидки.

— Если вы в отчаянии, то, значит, мы погибли? — спросила она.

Звук ее голоса привел его в ярость, но через мгновение он справился с этим непрошеным чувством.

Она осмеливается меня учить? Но разве не говорили мудрые, что не зазорно учиться даже у полевой травы? Тяжкий вздох сотряс его тело.

Раввин сбросил накидку с головы на плечи. Ребекка помогла ему подняться на ноги.

— Убежище-невидимка, — пробормотал Раввин. — Здесь мы прячемся от… — Он вперил взгляд в темный потолок. — Лучше даже здесь не высказываться откровенно.

— Мы и прячемся от того, что нельзя высказать вслух, — произнесла Ребекка.

— Нам нельзя открывать эту дверь даже для пасхального агнца, — сказал он. — Как же тогда войдет к нам Пришелец?

— Мы не хотим, чтобы к нам проникали некоторые пришельцы.

— Ребекка, — при этом Раввин склонил голову. — Ты для меня больше, чем испытание, больше, чем просто хлопоты. Вместе с тобой в изгнание отправляется частица Тайного Израиля, потому что…

— Не говорите этого! Вы абсолютно не понимаете, что со мной случилось. Мои проблемы? — Она приблизилась к нему. — Моя проблема состоит в том, чтобы остаться человеком вопреки Другой Памяти.

Раввин отпрянул.

— Так ты больше не одна из нас? Ты принадлежишь Бене Гессерит?

— Вы узнаете, когда это произойдет. Вы увидите, что я смотрю на себя как на себя саму.

Брови мужчины поползли вверх.

— О чем ты говоришь?

— На что смотрит зеркало, Равви?

— Хм-м-м.

Она заговорила загадками.

Однако улыбка тронула углы его рта. В глазах появилась прежняя решимость. Он оглядел комнату. Их было здесь восемь, гораздо больше, чем могла вместить эта комната-невидимка. *Невидимка!* С каким трудом им удалось соорудить это помещение из контрабандных, добытых потом и кровью частей. Оно так мало. В длину всего двенадцать с половиной метров. Он сам мерил. По форме комната напоминала опрокинутую набок древнюю бочку, на концах которой находились сферические двери. В ширину убежище составляло не более пяти метров, но кривизна потолка и пола делали помещение еще более узким. Питаются они сушеной пищей и пьют очищенную воду. Так им приходится жить, и сколько это еще продлится? Не больше одного стандартного года, если, конечно, их не обнаружат раньше. Раввин не слишком доверял надежности этого укрытия. Какой странный звук у этих машин.

Наступал вечер, когда они заползли в эту лачугу. На улице уже наверняка темно. Но где остальные люди? Разбежались в поисках надежного убежища, вспоминая о старом долге и почетных заслугах былой службы. Некоторые должны выжить. Может быть, это удастся им лучше, чем тем, кто остался здесь.

Вход в убежище был замаскирован свалкой золы, рядом с которой стояла труба. Металл трубы был армирован ридулианским хрусталем, эти волокна пропускали свет и позволяли видеть, что происходит снаружи. Пепел! В помещении и так воняло горелым, и к этому запаху примешивался запах комнаты повторной утилизации. Какой эвфемизм для обозначения обычного туалета!

Кто-то подошел к Раввину сзади.

— Разведчики ушли, какая удача, что нас вовремя предупредили.

Это был Джошуа, один из строителей убежища. То был невысокий стройный человек с треугольным лицом, сужавшимся к подбородку. Темные волосы вились над высоким лбом. Широко расставленные карие глаза смотрели внутрь, что очень не нравилось Раввину — он не доверял людям с таким взглядом. *Он слишком молодо вы-*

глядит, чтобы разбираться в серьезных вещах.

— Итак, они уходят, — сообщил Раввин. — Но они вернутся, и тогда это не покажется тебе такой удачей.

— Они не догадаются, что мы скрываемся так близко от фермы, — сказала Ребекка. — Разведчики пришли сюда, чтобы поживиться.

— Слушайте, что говорит нам Бене Гессерит, — провозгласил Раввин.

— Равви. — Какой детский голос у этого Джошуа! — Разве я не слышал, как вы говорили, что благословенны те, кто умеет укрывать пороки других даже от самих себя?

— Все начали мнить себя учителями! — сказал Раввин. — Но кто может сказать, что случится с нами завтра?

Ему пришлось поверить в истинность слов Джошуа. *Меня больше всего тревожит безысходность нашего бегства. Малость нашей диаспоры. Но мы не рассеемся из Вавилона. Мы спрячемся… в погребе!*

Эта мысль успокоила его. *Ураганы не страшны погребу.*

— Кто отвечает за пищу? — спросил он. — Надо для начала составить наш рацион.

Ребекка испустила вздох облегчения. Не было

ничего хуже, чем Раввин в крайних состояниях — либо очень эмоционален, либо слишком интеллектуален. Но сейчас он, кажется, снова взял себя в руки. Теперь он станет интеллектуальным и рассудочным. Это тоже надо преодолеть. Воспитание Бене Гессерит научило ее по-новому смотреть на окружающих. *О, эта наша иудейская восприимчивость. Посмотрите на этих интеллектуалов!*

Такие мысли были очень распространены среди Сестер Общины. Очень уж велики недостатки того, кто слишком сильно полагается на достижения интеллекта. Ребекка не могла отрицать очевидных вещей, о которых сообщили ей Другие Памяти с Лампадас. Голос говорил с ней всегда, когда она начинала колебаться.

Ребекка пришла в хорошее настроение, когда вспомнила о Другой Памяти. Знание о прошлых временах других людей заставляло ее забывать собственное прошлое. Ее заставили верить в такие вещи, о которых она теперь знала, что они — сущий вздор. Мифы и химеры — импульсы в высшей степени детского поведения.

Наши боги должны взрослеть вместе с нами.

Ребекка с трудом удержала улыбку. Голос истины часто слегка дружески подталкивал ее в бок,

зная, что ей понравится такое напоминание.

Джошуа вернулся к своим аппаратам. Она видела, что кто-то принялся за изучение каталога оставшихся запасов пищи. Раввин взирал на эту активность со своим обычным видом. Все прочие завернулись в одеяла и уснули в темном конце помещения. Видя все это, Ребекка поняла, что должна делать. *Я должна уберечь нас от скуки.*

— Мастер игр?

Если тебе нечего предложить, то не пытайся говорить мне о моем народе, Вещатель.

Что бы еще ни было сказано во время этого внутреннего диалога, у Ребекки не было и тени сомнения, что все фрагменты тесно связаны между собой. Прошлое с этой комнатой, а комната с проекциями Ребекки в будущее — с предвидением последствий. И это было великим даром Бене Гессерит. *Никогда не думай: «Будущее». Предназначение? Но как тогда быть со свободой, которая дана тебе от рождения?*

Теперь Ребекка видела свое рождение в совершенно новом свете. Оно направило ее к неведомому берегу ее предназначения в жизни. Это предназначение было насыщено неведомыми опасностями и радостями. Они обогну-

ли излучину реки и обнаружили там врагов, за следующим поворотом может ждать ливень или мирный, ласкающий глаза пейзаж. А вот здесь нас поджидает приманка предзнания, соблазну которого поддались Муад'Диб и его сын Тиран. Оракул знает, что грядет. Голос Лампадас предостерегал: «Не ищи оракулов!» Известное может наскучить больше, чем незнаемое. Сладость нового в удивлении. Неужели Раввин не видит и не понимает этого?

— Кто может сказать, что случится с нами завтра? — спросил он.

— Ты этого хочешь, Равви? Тебе не понравится то, что ты услышишь. Я гарантирую это. С того момента, когда ты начинаешь слушать оракула, твое будущее превращается в прошлое. Ты утонешь в небывалой скуке. Никогда, никогда не познаешь ты ничего нового. Все станет прошлым и старым в этот момент откровения.

Я слышу, как ты говоришь: «Но это совсем не то, что я хотел услышать!»

Ни жестокость, ни дикость, ни спокойное счастье, ни взрыв радости не смогут обрушиться на тебя неожиданно. Как поезд, несущийся по туннелю, твоя жизнь помчится по расписанию к конечному противостоянию с вечностью.

Как мотылек в машине, ты будешь биться крыльями о стекла и молить судьбу, чтобы она выпустила тебя на волю. «Пусть же туннель прихотливо и неожиданно меняет свое направление. Пусть все время случается что-то новое! Пусть же не произойдет самое ужасное из того, что мне пришлось видеть!»

Внезапно она поняла, что с ней только что говорил сам Муад'Диб. Кому возносил он свои молитвы?

— Ребекка! — Это был уже вполне земной голос Раввина.

Она подошла к тому месту, где Раввин взирал на вид окружающей местности, видимый на экранах приборов Джошуа.

— Надвигается буря, — сказал Раввин. — Джошуа думает, что после него пепел превратится в окаменевшую массу.

— Это хорошо, — сказала женщина. — Значит, поэтому мы построили убежище здесь и покрыли вход, остававшийся за пределами ямы, пеплом.

— Но как мы выйдем отсюда?

— Для этого у нас достаточно инструментов, — ответила Ребекка. — Но даже если бы их не было, мы могли бы надеяться на свои руки.

Главная концепция Защитной Миссии: ***целенаправленное обучение масс.*** *Мы твердо убеждены в том, что целью спора является изменение природы истины. В таких делах мы предпочитаем использование власти, но не грубой силы.*

(Кодексы)

Для Дункана Айдахо жизнь на корабле-невидимке приобрела черты игры с тех пор, как он обрел глубокое видение природы поведения Досточтимых Матрон. Введение в игру Тега было обманным маневром, а не простым добавлением нового игрока.

Сейчас он стоял у консоли управления и легко узнавал элементы этой игры, параллельные собственному детству в Убежище Гамму, когда престарелый башар учил его самого обращаться с оружием.

Образование. Тогда, как и теперь, это было главной заботой. Охранники, они не мозолили глаза и были очень ненавязчивы, но их присутствие чувствовалось всегда, как и на Гамму. Вокруг было множество следящих приборов, тщательно замаскированных среди декора помещений. Помнится, он приобрел немалое мастерство в уклонении от этих всевидящих глаз

еще на Гамму. Здесь с помощью Шианы он довел это мастерство до совершенства.

Активность стражей в последнее время заметно снизилась, превратившись в обычную рутину. Охранники были безоружны. Правда, в большинстве своем это были Преподобные Матери и несколько послушниц. Они считали, что им не нужно оружие.

Некоторые элементы обстановки на корабле-невидимке создавали иллюзию свободы, особенно это касалось сложности оборудования и масштабности самого корабля. Судно было большим, насколько оно велико, Айдахо не имел точного представления, но доступные ему коридоры и палубы имели протяженность более тысячи шагов.

Туннели и трубы, системы лифтов и дропшютов, удобные пути подхода, стопоходящие подвески, просторные коридоры с люками, которые с легким шипением открывались, стоило лишь прикоснуться к ним (или оставались закрытыми. *Это были запрещенные люки!),* — все это запечатлелось в памяти, стало одним из ее слоев. Для него корабль выглядел совсем иначе, чем для стражи.

То количество энергии, которое требовалось

для того, чтобы посадить корабль на поверхность планеты и поддерживать его в рабочем состоянии, говорило о чрезвычайной важности корабля для Общины Сестер. Община же считала ценность того или иного предмета не в обычных казначейских единицах, во всяком случае не в обычной межпланетной валюте. Активом банка Бене Гессерит были люди, пища или плата, которая имела значение тысячелетия, — эта плата была как материальной, так и моральной — она включала в себя верность.

Плати, Дункан! Мы ждем от тебя твоих банкнот!

Этот корабль не был обычной тюрьмой. Айдахо рассмотрел несколько ментатских проекций. Первая: это была лаборатория, в которой Преподобные Матери искали способы сохранения человеческих способностей в условиях жизни на корабле-невидимке.

Корабль-невидимка, как игровая доска, — сплошные лабиринты и головоломки. И все это для того, чтобы содержать троих узников? Нет. Задача была куда грандиознее.

У этой игры были свои тайные правила, о некоторых из них он мог только догадываться. Но Айдахо чувствовал себя окрыленным с тех пор,

как Шиана прониклась духом этой игры. *Я знал, что у нее будут свои планы. Это стало очевидным с тех пор, как она начала практиковать обычаи Досточтимых Матрон, одновременно шлифуя мою технику.*

Шиана требовала интимной информации о Мурбелле, и, более того, ей нужна была память людей, которых он знал на протяжении своих многочисленных жизней, особенно же ее интересовала память Тирана.

А мне нужна информация о Бене Гессерит.

Община Сестер содержала его в условиях минимальной активности. Они приводили его в подавленное состояние, чтобы усилить его ментатские способности. Он не находился в гуще тех событий, которые, в чем он ни на минуту не сомневался, потрясают мир вне корабля-невидимки. Искушающими и мучительными были для него фрагментарные намеки на затруднения Бене Гессерит, которые сквозили в вопросах Одраде, которые она задавала Дункану.

Не достаточно ли принимать новые допущения? Он ничего не сможет сделать без данных. Но получить эти данные с помощью предоставленной ему консоли он не сможет никогда.

Это тоже его проблема, будь они все прокляты!

Он сидит в ящике, запертом в их ящике. Все ящики — одна сплошная западня.

Одраде стояла возле этой самой консоли неделю назад и клятвенно уверяла его, что ему открыта вся возможная информация. Она стояла вот здесь, опершись на консоль и скрестив руки на груди. В этот момент никто не смел бы отрицать ее поразительного сходства с Майлсом Тегом. Они были похожи даже в том, что оба любили стоять во время беседы (или это было намеренное притворство?). Не любила она и кресла-собаки.

Дункану было ясно, что он имеет весьма смутные представления о ее мотивах и планах. Но он и без этого не доверял им. Хватило опыта Гамму.

Все это приманка в мышеловке. Именно в этом качестве они его и используют. Ему повезло, что он не разделил судьбу Дюны — не превратился в обгорелую шелуху. Все для пользы Бене Гессерит.

Когда Айдахо начинали грызть подобные сомнения, он предпочитал сесть в кресло у консоли. Иногда он сидел в нем часами в полной неподвижности, стараясь охватить разумом всю сложность мощных источников данных корабля. Система могла опознать присутствие на борту даже одного-единственного живого существа.

Значит, здесь есть автоматические мониторы. Надо было знать, кто говорит, задает вопросы и отдает распоряжения, допуская, что эти люди могут быть временной командой.

Полетные контуры отклоняют мои попытки взломать замки. Это будет означать разгерметизацию? Так говорили охранники. Но ключ к контурам жизнеобеспечения, в которых была система опознания того, кто вторгается в контур, располагался здесь, и Айдахо твердо это знал.

Поможет ли ему Шиана? Слишком доверять ей было нельзя — это неоправданно высокая ставка в его игре. Иногда, когда Шиана наблюдала за ним с помощью консоли, он сразу вспоминал об Одраде. *Шиана — ученица Одраде.* Это воспоминание отрезвляло.

В чем же заключался их интерес к тому, как он воспользуется системами корабля? Как будто надо было об этом спрашивать!

За три года своего пребывания здесь он получил доступ к секретным данным, используя свой собственный ключ. Для того чтобы обмануть вездесущие видеокамеры, ему пришлось притвориться, что он просто смотрит на консоль. Было очевидно, что он вводит какие-то данные, но получение он осуществлял с задержкой,

используя вторичные обманные послания и сообщения. Для ментата это было сущим пустяком, но при этом можно было выяснить потенциал систем корабля. Он закладывал эти данные в систему без всякой логики и без надежды когда-либо снова их открыть.

Беллонда заподозрила его, но на все ее прямые вопросы он отвечал загадочной улыбкой.

Я скрываю свою историю, Белл. Все мои последовательные жизни, вплоть до моего истинного «я», когда я еще не был ни гхола, ни ментатом. Я помню самые интимные места из этих жизней: это очень зыбкая почва для такой болезненной памяти.

Сидя сейчас у консоли, Айдахо испытывал смешанные чувства. Заключение злило и раздражало его. Какая разница, насколько велика и комфортабельна тюрьма — она всегда остается тюрьмой. Некоторое время назад он понял, что при желании может выскользнуть отсюда, но Мурбелла и его возрастающее понимание их затруднительного положения удерживали его от этого шага. Он чувствовал себя не только пленником стражи и хитроумных приспособлений, но и пленником собственного разума. Корабль-невидимка, естественно, был чудовищ-

ным приспособлением. Это был инструмент, орудие. Способ незаметно передвигаться в полной опасностей вселенной. Это было орудие, с помощью которого можно было скрыть себя и свои мысли даже от тех, кто обладал способностью к предзнанию.

Накопленные за много жизней опыт и навыки позволяли ему смотреть на окружающее сквозь пелену сложностей и неискушенности. Это была странная смесь. Ты начинаешь думать, что знаешь верный способ ослепить самого себя. Это было не медленное нарастание способности тормозить накопление знаний (этому всегда учили ментатов), но и накопление фактов, «которые мне хорошо известны».

Новые источники данных, открытые для него Сестрами (если им можно было доверять), подняли целое множество вопросов. Как было организовано сопротивление Досточтимым Матронам в Рассеянии? Очевидно, что в нем были группы (он колебался в оценке их сил), которые охотились на Досточтимых Матрон точно так же, как они сами теперь охотились на Преподобных Матерей. Их тоже убивали, и свидетельством тому была трагедия Гамму.

Футары и Дрессировщики? Он нарисовал

ментатскую проекцию: отпрыски Тлейлаксу в Рассеянии продолжили свои генетические манипуляции. Те двое, которых он видел сейчас на своей проекции, — не они ли были теми, кто создал футаров? Можно ли объединить их с лицеделами? Были ли они независимы от Мастеров Тлейлаксу? В Рассеянии все было не так однозначно, как кажется.

Будь оно все проклято! Ему нужен доступ к дополнительным источникам данных, к более мощным источникам. Его нынешние источники даже приближенно нельзя было называть адекватными. Консоль — это инструмент с ограниченными возможностями, но ее можно приспособить и к более широким нуждам, но его возможности к адаптации хромают. Он должен выступить как истинный ментат.

Я споткнулся и дал себя стреножить, в этом моя ошибка. Доверяет ли мне Одраде? Она же Атрейдес, черт бы ее побрал! Она знает, что я должник их семейства.

Я должен им много жизней, и этот долг никогда не будет полностью оплачен!

Айдахо понимал, что сильно нервничает. Внезапно его ум замкнулся на этом. Ментат нервничает! Это сигнал того, что он стоит на краю

важного открытия. *Первичная проекция!* Это то, чего они *не* сказали ему о Теге?

Вопросы. Это были невысказанные вопросы, которые стегали его, словно хлыст.

Мне нужна перспектива! Вопрос заключается не в расстоянии. Можно приложить перспективу даже к своему внутреннему миру, если избежать искажений.

Он почувствовал, что в опыте Бене Гессерит (возможно, даже в столь ревностно охраняемых Беллондой архивах) данные лежат в несобранных кусках и фрагментах. Белл сама одобряет это! Она его собрат — ментат и должна знать все волнение, которое охватывает ментата в момент такого открытия. Его мысли были подобны смальте мозаики. Все куски в руках, и они готовы сложиться в картину. И дело здесь не в решениях.

В мозгу Айдахо раздались слова его первого учителя-ментата: «*Собери свои вопросы на противоположной грани и брось свои временные данные на одну чашу весов. Решения выводят из равновесия любую ситуацию. Это нарушение равновесия выявляет то, что ты ищешь*».

Да! Достижение дисбаланса с помощью специальных вопросов — давний трюк ментатов.

Мурбелла что-то сказала прошлой ночью, но что именно? Они лежали в постели. Он вспомнил, что на потолке появилась проекция времени: 9:47. Он тогда подумал: *эта проекция забирает энергию.*

Он почти физически ощущал циркуляцию мощной энергии по кораблю, этому анклаву времени. Лишенные трения двигатели и машины, шум движений которых ни один самый современный детектор не в состоянии отличить от природного фона. Сейчас же, в состоянии покоя, этот корабль был недоступен не только глазу, но и предзнанию.

Рядом с ним Мурбелла: проявление еще одной власти, которая стремится соединиться с предыдущей. Оба они знают, что эти силы стремятся удержать их вместе. Какую энергию они должны развить, чтобы преодолеть это взаимное притяжение! Сексуальная притягательность длится, длится и длится!

Мурбелла что-то говорит. Да, вот оно. Странная для нее попытка анализа. Она рассматривает свою жизнь с новой, довольно зрелой точки зрения, с точки зрения Бене Гессерит — это возвышенное понимание и уверенность в том, что в ней растет какая-то новая сила.

Каждый раз, когда он видел свидетельства влияния Бене Гессерит, Айдахо испытывал грусть. *Приближается день нашего расставания.*

Но Мурбелла говорила:

— Она (подруга Айдахо часто называла Одраде просто «она») продолжает спрашивать, точно ли я люблю тебя.

Вспомнив это, Айдахо проиграл в памяти всю сцену.

— То же самое она пытается делать и со мной.

— И что ты ей отвечаешь?

– *Odi et amo. Excrucior.*

Она приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо.

— Что это за язык?

— Это очень древний язык, которому когда-то научил меня Лето.

— Переведи. — В тоне чувство превосходства. Старая закваска Досточтимой Матроны.

— Ненавижу и люблю. Я распят.

— Ты действительно ненавидишь меня? — В тоне сквозит недоверие.

— Я ненавижу то, что меня связывает, то, что не я являюсь хозяином своего «я».

— Ты бы покинул меня, если б смог?

— Я бы хотел принимать решения ступенчато,

момент за моментом. Мне хочется контролировать свои решения.

— Это игра, из которой нельзя выбрасывать куски.

Вот оно! Это ее доподлинные слова.

Вспомнив, Айдахо не испытал воодушевления, но его глаза словно бы открылись после долгого сна. *Игра, из которой нельзя выбрасывать куски. Игра.* Это его взгляд на то, что представляет собой корабль-невидимка и что делают здесь Сестры Общины.

Но разговор с Мурбеллой не кончился на этом.

— Корабль — это наша специальная школа, — сказала она.

С этим оставалось только согласиться. Община Сестер многократно усилила его способность просеивать данные и представлять то, что не могло быть просеяно сквозь сито. Он чувствовал, куда это может завести, и испытывал гнетущий свинцовый страх.

«Ты очищаешь пути проведения по нервам. Ты отсекаешь все, что тебя отвлекает, и блокируешь всякие бесполезные умственные блуждания».

Ты направляешь свои ответы и реакции в направлении, которого должен избегать любой

ментат. Об этом предупреждали все учителя:

— На этом вы можете потерять себя.

Студентам показывали людей, превратившихся в растения. Их сохраняли живыми в назидание будущим поколениям ментатов.

Однако какое это искушение. В таком режиме поведения начинаешь ощущать свое могущество и власть. *Для меня нет ничего тайного. Я знаю все.*

Он был все еще охвачен этим страхом, когда Мурбелла повернулась к нему, и Айдахо немедленно ощутил невероятное половое возбуждение.

Нет, не время! Еще не время!

Один из них сказал что-то еще. Что? Он в тот момент думал, что одной логики недостаточно для того, чтобы ясно представить себе мотивы Общины Сестер.

— И часто ты пытаешься их анализировать? — спросила Мурбелла.

Каким-то непостижимым образом она сумела ответить на его невысказанные мысли. Мурбелла отрицала у себя способность читать чужие мысли.

— Я просто читаю тебя, мой гхола. Ты же мой, знаешь?

— И наоборот.

— Это слишком верно. — Слова прозвучали почти как добродушная подначка, хотя подразумевалось что-то гораздо более глубокое.

Любая попытка анализа человеческой души скрывает волчью яму, и он сказал Мурбелле от этом.

— Если ты думаешь, что знаешь, почему ведешь себя тем или иным образом, то это дает тебе все шансы простить себе любое экстраординарное поведение.

Простить экстраординарное поведение! Это был еще один кусок мозаики. Игра продолжалась, но теперь на кону были вина и упреки.

Голос Мурбеллы стал почти задумчивым:

— Мне кажется, что можно рационализировать практически все, чтобы исцелить такой рационализацией любую травму.

— Рационализировать до такой степени, что получаешь моральное право сжигать целые планеты?

— В этом есть некая жестокая самонаправленность и решимость. *Она* говорит, что решительный выбор дает чувство своей идентичности, на которое можно положиться в состоянии стресса. Ты согласен со мной, мой ментат?

— Ментат не твой. — Но в голосе Айдахо не было силы.

Мурбелла рассмеялась и откинулась на подушку.

— Ты понимаешь, чего хотят от нас Сестры, мой ментат?

— Детей.

— И много больше сверх того. Они хотят нашего осознанного участия в их мечте.

Еще один кусок мозаики!

Но кто, кроме Бене Гессерит, может знать конкретное содержание мечты? Сестры — великие актрисы, очень мало можно прочесть по их маскам. Истинные лица они не показывают, а если и показывают, то скупо и отмеренными дозами.

— Почему она хранит у себя ту древнюю картину? — спросила Мурбелла.

Айдахо почувствовал ком в горле. Одраде принесла ему голокопию картины, которая висела в ее спальне. *Домики в Кордевилле Винсента Ван Гога.* Для этого она однажды разбудила его среди ночи почти месяц назад.

— Ты спрашивал, сохранила ли я в себе хоть что-то человеческое, и вот мой ответ, — сказала Одраде, обрушив на полусонного Айдахо краски картины. Он сел и уставился на копию, стара-

ясь понять, чего от него хотят. Что случилось с Верховной Матерью? Одраде выглядела очень взволнованной.

Она оставила копию у него в руках и включила яркий свет, который придал всем предметам в комнате необычайную резкость, какой можно было ожидать от всей этой механики корабляневидимки. Где была тогда Мурбелла? Они же ложились спать вместе.

Он сосредоточился на картине, и она неожиданно тронула его, привязав его к Одраде. *Она сохранила в себе человечность?* Копия была холодна на ощупь. Она взяла у него картину и поставила ее на стол возле кровати, а сама села в изголовье. Какая-то сила заставляла ее держаться поближе к Айдахо!

— Эта картина была написана одним сумасшедшим на Древней Земле, — сказала она, глядя на картину и прижавшись щекой к щеке Дункана. — Посмотри на нее! Это момент сохраненной на века человечности.

В этом ландшафте? Да, черт возьми, она права!

Он снова изо всех сил уставился на копию. *Какие замечательные краски!* Это были не просто краски, это была цельность, всеобщность.

— Большинство современных художников посмеялись бы над методом, которым он создавал это, — сказала Одраде.

Неужели она не может помолчать, пока он смотрит на это величие?

— Живой человек создал это своими собственными руками, — продолжала Одраде. — Человеческой рукой, человеческим глазом, человеческой сутью того, кто вобрал в себя средоточие сознания личности, испытующей пределы.

Испытующей пределы. Это еще один кусок цельной мозаики.

— Ван Гог создавал это из примитивных материалов и примитивного оборудования. — Одраде говорила, словно пьяная. — Эти краски были, видимо, знакомы пещерному человеку! Картина написана на холсте, который он мог бы выткать собственными руками. Кисти он тоже мог бы изготовить сам из меха и диких ветвей.

Она коснулась поверхности копии, палец отбросил тень на деревья.

— Культурный уровень, по нашим понятиям, был тогда очень низок, но ты видишь, что он сумел создать?

Айдахо чувствовал, что ему надо что-то сказать, но слов не было. Где Мурбелла? Почему ее

нет здесь?

— Это полотно говорит нам о том, что нельзя подавить дикие природные порывы, ту уникальность, которая свойственна человеку, невзирая на то, что мы стремимся изо всех сил уклониться от нее.

Айдахо оторвал взгляд от картины и вгляделся в губы Одраде, произносившей эти слова.

— Винсент сказал нам нечто очень важное о наших собратьях из Рассеяния.

Этот давно умерший художник? О Рассеянии?

— Они сделали и продолжают делать там такие вещи, которые не поддаются нашему воображению. Природные, дикие вещи! Взрывное увеличение популяции людей в Рассеянии подтверждает мои слова.

В комнату вошла Мурбелла и остановилась за спиной Одраде, подпоясывая белый купальный халат. Ноги ее были босы, волосы влажны после душа. Так вот куда она выходила.

— Верховная Мать? — сонным голосом спросила Мурбелла.

Одраде ответила, почти не повернув головы:

— Досточтимые Матроны думают, что могут предвидеть и контролировать любое проявление дикой жизни. Какой вздор. Они не могут контро-

лировать даже себя.

Мурбелла подошла к изножью кровати и вопросительно посмотрела на Айдахо.

— Мне кажется, что я пришла в самый разгар беседы.

— Сохранение равновесия — вот в чем ключ, — продолжала Одраде.

Айдахо внимательно слушал Верховную Мать.

— Человек способен сохранять равновесие на самых странных поверхностях, — говорила между тем Одраде. — Даже на совершенно непредсказуемых. Это называется «попасть в такт». Великие музыканты знают это. Серферы, которых я наблюдала на Гамму, когда была ребенком, тоже хорошо чувствовали поверхность. Некоторые волны опрокидывают тебя, но ты готов к этому, снова карабкаешься на доску и начинаешь все сначала.

По необъяснимой причине Айдахо задумался еще об одной вещи, которую сказала Одраде.

— У нас нет древних погребов и хранилищ. Мы все утилизируем и потребляем заново.

Потреблять заново. Рециклизация. Кругооборот. Кусочки круга. Кусочки мозаики.

Он сам был охотником и все прекрасно понял. Значит, кругооборот. Значит, Другая Память —

это не древний погреб, а нечто, предназначенное для повторного использования. Это значит, что они использовали прошлое только затем, чтобы изменять и обновлять его.

Попадание в такт.

Странная аллюзия для женщины, которая утверждает, что всячески избегает музыки.

Вспомнив это, он почувствовал свою ментатскую мозаику. Все стало похоже на хаос. Ни одна часть не подходила другой. Разрозненные куски, которые, может быть, и вовсе не предназначались друг для друга.

Но они предназначались!

Голос Верховной Матери продолжал звучать в его ушах. *Значит, было что-то еще.*

— Люди, которые это понимают, доходят до сути вещей, — говорила Одраде. — Они предупреждают, что нельзя думать о том, что ты делаешь. Обдумывание действий — это верный путь к проигрышу. Надо просто делать!

Не думать. Делать. Он почувствовал, что этот призыв пахнет анархией. Ее слова отбрасывали его к тем источникам, которыми ментаты не могли, не имели права пользоваться.

Фокусы Бене Гессерит! Она делает это обдуманно, заранее рассчитывая на должный эффект.

Где та привязанность, которую он иногда в ней чувствовал? Могла ли она заботиться о тех, с кем обращалась подобным образом?

Когда Одраде ушла (он едва ли обратил внимание на ее уход), Мурбелла села на кровать и натянула рубашку на колени.

Люди способны сохранять равновесие на странных поверхностях. В его мозгу происходило интенсивное размышление, мысли шли довольно прихотливыми путями. Куски мозаики пытались найти свое дополнение.

Он ощутил новые волны, колышущие вселенную. Кто были те две странные фигуры, которые он видел в своих грезах? Они были частью этой волны. Он чувствовал, что прав, хотя и не мог объяснить, почему он так думал. Что хотела сказать ему Верховная Мать Бене Гессерит?

— Мы изменяем старые обычаи и старые верования.

— Смотри на меня! — сказала Мурбелла.

Голос? Это было, конечно, не совсем то, но она явно пыталась испробовать на нем этот инструмент. К тому же она ни словом не обмолвилась о том, что они стали тренировать ее в своем колдовстве.

Во взгляде ее зеленых глаз Айдахо уловил от-

чуждение. Значит, сейчас она думает о своих бывших сотоварищах, Досточтимых Матронах.

— Никогда не старайся превзойти умом Бене Гессерит, Дункан.

Она говорит это для видеокамер?

Он не был в этом уверен. В ее глазах в последнее время появился огонек понимания и интеллекта. Было такое впечатление, что учителя надувают интеллектом Мурбеллу, словно воздушный шар. Ее мозг увеличивался в размерах точно так же, как округлялся ее живот, в котором вынашивалась новая жизнь. *Ты перестала быть моей любовницей, моя замечательная, моя дорогая Мурбелла.* Она стала превращаться в Преподобную Мать, хладнокровно рассчитывающую каждый свой шаг, каждое свое слово. Кто сможет любить ведьму?

Я смогу и всегда буду.

— Они схватили тебя, незаметно подобравшись, и теперь используют в своих целях, — сказал он.

Он видел, что его слова попали в цель. Во всяком случае, теперь она поняла, что попала в ловушку, что ее заманили в западню. Как, черт возьми, умны эти выкормыши Бене Гессерит! Они взяли ее в тиски своими намеками на то, что дадут ей понять суть вещей, а это такая же

магнетическая сила, как и та, что привязывает ее к нему. Какую ярость это вызовет у Досточтимой Матроны.

Это мы заманиваем в ловушки, а не нас!

Но Бене Гессерит смогли заманить в ловушку Досточтимую Матрону. Они дрались в разных весовых категориях. Они же почти сестры. Зачем это отрицать? Она сама хотела обрести их способности. Она хотела пройти за время этого испытания полный курс учения и научиться чувствовать все, что происходит даже за стенами этого корабля-невидимки. Она не понимает, что ее все еще испытывают?

Они прекрасно понимают, что она все еще пытается сломать клетку, в которую они ее посадили.

Мурбелла выскользнула из рубашки и легла рядом с Айдахо, но не стала прикасаться к нему. Она давала понять только, что чувствует близость между их телами, но это чувство было с колючками. Она не собиралась подпускать его к себе.

— Сначала они хотели, чтобы я контролировал для них Шиану, — сказал он.

— Как ты контролируешь меня?

— Разве я тебя контролирую?

— Иногда мне кажется, что ты прирожденный комик, Дункан.

— Если я не смогу смеяться над собой, это будет означать, что со мной действительно все кончено.

— И смеяться над своими претензиями на юмор тоже?

— Это в первую очередь. — Он повернулся к ней и обхватил ладонью ее левую грудь, чувствуя, как под его рукой у Мурбеллы набухает и становится твердым сосок. — Ты знаешь, что меня так и не отучили от груди?

— Нет, во всей этой…

— Никогда.

— Я должна была догадаться об этом раньше.

Мимолетная улыбка коснулась ее уст, и через секунду оба расхохотались, заключив друг друга в жаркие объятия. Они ничего не могли с этим поделать. Мурбелла, правда, несколько раз от души выругалась.

— Кого ты проклинаешь? — спросил Дункан, отсмеявшись, когда они отодвинулись друг от друга. Движение это, впрочем, далось им с большим трудом.

— Не кого, а что. Нашу судьбу.

— Мне кажется, что судьбу не очень трогают

твои проклятия.

— Я люблю тебя, но мне нельзя будет этого делать, когда я стану настоящей Преподобной Матерью.

Он ненавидел эти экскурсы, полные жалости к себе. *Шути!*

— Ты никогда не была ничем настоящим. — Он осторожно погладил ее по округлому животу.

— Я такая, как надо!

— Это слово они исключили из обихода, когда начали тебя делать.

Она отодвинулась от него, села и посмотрела Дункану в глаза.

— Преподобные Матери не имеют права любить.

— Я знаю.

Неужели мука и тоска так явно проступают на моем лице?

Но Мурбелла была слишком захвачена своими собственными переживаниями.

— Когда меня подвергнут испытанию Пряностью…

— Любимая! Мне не нравится сама идея подвергать тебя страданиям под каким бы то ни было предлогом.

— Но как мне избежать этого? Я уже в прыжке.

Скоро это падение ускорится, и тогда все произойдет очень быстро.

Он хотел отвернуться, но ее взгляд удержал его.

— Честное слово, Дункан. Я чувствую это. Это как беременность. Наступает момент, когда делать аборт становится очень опасно, и тогда остается одно — пройти предначертанный природой путь.

— Итак, мы любим друг друга. — Из огня да в полымя. Он отвлек мысли от одного опасного предмета и переключил их на другой, не менее опасный.

— Но они запрещают это.

Он взглянул на глазки видеокамер.

— Эти собаки наблюдают за нами, и у них есть клыки.

— *Я знаю.* И сейчас я разговариваю именно с ними. Моя любовь к тебе — не порок. Порок — их холодность. Они очень похожи на Досточтимых Матрон.

Игра, из которой нельзя удалить ни одного фрагмента.

Он хотел выкрикнуть эти слова, но сдержался, понимая, что наблюдатели услышат и то, что не было сказано вслух. Мурбелла права. Нель-

зя обольщаться иллюзией, что можешь усыпить бдительность Преподобных Матерей.

Она смотрела на него, и ее глаза внезапно заволоклись какой-то пеленой.

— Какая ты сейчас чужая. — Он понял, какой Преподобной Матерью она станет.

Отвлекись от этих мыслей!

Мурбелла иногда испытывала странное, похожее на отвращение чувство, когда думала о памяти, которую Айдахо сохранил о своих прошлых жизнях. Она считала, что предыдущие воплощения делали его похожим на Преподобных Матерей.

— Я столько раз умирал.

— Ты помнишь это? — Она каждый раз задавала ему один и тот же вопрос.

Он только молча покачал головой, не желая ничего говорить толкователям из службы наблюдения.

Только не смерти и не пробуждения.

От частого повторения эти диалоги изрядно наскучили обоим. Иногда он даже не пытался занести эти воспоминания в секретный файл. Нет… это были встречи с другими людьми, долгая череда узнаваний.

Это было то, чего, как она сама говорила, хотела

от него Шиана.

— Интимных тривиальностей. Это то, чего хотят все художники.

Шиана сама не понимала, чего просит. Все эти живущие в его памяти люди каждый раз приобретали новое значение. Новые паттерны внутри старых. Мельчайшие детали приобретали мучительную ясность, которой он не мог и не хотел делиться ни с кем… даже с Мурбеллой.

Прикосновение руки к моему плечу. Лицо смеющегося ребенка. Сверкание ярости в глазах нападающего противника.

Мирские дела без счета. Знакомый голос, говорящий: «Я просто хочу поднять ноги и отрубиться. Не проси меня двигаться».

Все это стало частью его существа. Они въелись в его характер. Жизнь спаяла все эти впечатления в один конгломерат, и он не смог бы никому объяснить, что это такое и как это произошло.

Мурбелла заговорила, не глядя на Айдахо:

— В тех твоих жизнях было много женщин.

— Я их никогда не считал.

— Ты любил их?

— Они давно мертвы, Мурбелла. Одно могу сказать — в моем прошлом нет ревнивых призраков.

Мурбелла погасила свет. Он закрыл глаза и в полной тьме почувствовал, как она вползла в его объятия. Он крепко обнял ее, понимая, что она остро нуждается в этом, но мысли продолжали свой заданный бег.

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова одного из учителей школы ментатов: *«Самые значительные вещи могут стать абсолютно неважными в мгновение ока. В такие моменты ментат должен испытывать радость».*

Он не чувствовал никакой радости.

Все эти жизни продолжали существовать в нем, невзирая ни на какие ментатские значимости. Ментат должен свежим входить в каждый новый миг своей жизни. Ничего старого, ничего нового, ничего, налипшего в душе из прежнего опыта, ничего поистине знаемого. Ты сеть и предназначен только лишь для того, чтобы исследовать добычу.

Почему это не проходит? Что я натворил из этого жребия?

Таков был взгляд ментата. Но не было способа, каким Мастера Тлейлаксу могли бы включить все клетки всех Айдахо-гхола, чтобы воссоздать его на этот раз. В серии собраний клеток должны были быть пробелы, и он знал, где расположены

эти пробелы.

Но в моей памяти нет пробелов. Я помню все.

Он стал сетью, сплетенной вне Времени. *Именно так я воспринимаю людей из моего видения… через сеть.* Это было единственным объяснением, которое мог дать ум ментата, и если об этом догадаются Сестры, то они придут в ужас. Не важно, как он станет убеждать их в противном, они все равно будут кричать в один голос: «Это новый Квисатц Хадерах! Убейте его!»

Так что работай на себя, ментат!

Он понимал, что большая часть мозаики уже у него в руках, но они все никак не складывались в цельную картину, не наступал тот момент, когда ментат чувствует себя вознагражденным за все свои вопросы.

Игра, из которой нельзя удалить и одного фрагмента.

Извинения за экстраординарное поведение.

«Они хотят нашего осознанного участия в своей мечте».

Испытующий пределы.

Люди могут сохранять равновесие на самых странных поверхностях.

Попади в такт. Не думай. Делай.

Искусство в своих наивысших проявлениях подчиняет себе жизнь. Если оно порождает мечту, то эта мечта должна быть жизненно важной. В противном случае искусство оторвется от жизни – вилка не подойдет к розетке.

(Дарви Одраде)

По пути на юг Одраде с беспокойством подмечала тревожные изменения, случившиеся в природе за три месяца, прошедшие после предыдущей инспекционной поездки. Не напрасно она выбрала наземный способ передвижения. За армированными плазом стеклами экипажа открывались подробности, которые невозможно было бы разглядеть с высоты.

Стало намного суше.

Она и сопровождение ехали в легкой машине — на пятнадцать человек, включая водителя. Когда дорога становилась совсем непроходимой, включались подвески и реактивный двигатель. Машина была способна перемещаться со скоростью около трехсот скачков в час при движении по ровному месту. Эскорт (слишком большой из-за стараний Тамалейн) двигался сзади в автобусе, в котором, кроме того, находились смена одежды, пища и питье.

Стрегги, сидевшая рядом с Одраде позади водителя, заговорила:

— Нельзя ли устроить здесь маленький дождь, Верховная Мать?

Одраде сжала губы. Это был самый красноречивый ответ.

Они выехали слишком поздно. Все собрались на станции, но не покидали Капитул, ожидая сообщения Беллонды. В последнюю минуту пришло известие о большом несчастье, что потребовало личного вмешательства Верховной Матери.

В такие моменты единственная роль, которую она могла сыграть, была роль официального пресс-атташе. Оставалось только выйти на трибуну и провозгласить: «Сестры, сегодня мы узнали, что Досточтимые Матроны уничтожили еще четыре наши планеты. Итак, мы стали еще меньше».

Осталось только двенадцать планет, включая Баззелл, а безликий убийца с топором подкрадывается все ближе и ближе.

Одраде чувствовала, как под ней разверзается пропасть, готовая поглотить ее.

Беллонде было приказано не разглашать плохую весть до более подходящего момента.

Одраде посмотрела в окно. Но разве может

быть подходящий момент для такой вести?

Они ехали к югу более трех часов по выжженной огнеметом зеркально-гладкой дороге, которая расстилалась перед ними, как темно-зеленая застывшая река. Путь пролегал между холмами, поросшими пробковым деревом, эта местность была ограничена горизонтом, на котором виднелись зубчатые вершины горных хребтов. Карликовым пробковым дубам позволяли расти хаотично, не ухаживая за ними, как за садами. Длинными извилистыми рядами дубы росли по направлению от подножий к вершинам холмов. Исходные посадки были почти не видны, закрытые буйной травой.

— Там мы выращивали трюфели, — нарушила молчание Одраде.

Стрегги припасла для Верховной Матери еще одну дурную новость.

— Я слышала, Верховная Мать, что трюфели гибнут из-за недостатка влаги. Слишком редко идут дожди.

Трюфелей больше нет? Еще немного, и Одраде послала бы послушницу по особым поручениям в Управление Погодой: нельзя ли скорректировать погоду в этом районе?

Она оглянулась и посмотрела на свою свиту.

Три ряда по четыре. Это люди, которые усиливали ее слух и зрение и воплощали в жизнь распоряжения. А посмотрите на автобус, который следует за ними! Это самый большой экипаж такого рода на Капитуле. В длину не меньше тридцати метров! И он битком набит людьми! Вокруг этой махины при движении взметаются клубы пыли.

По приказу Одраде Тамалейн была отправлена назад в город. Все знали, что Верховная Мать может быть очень едкой, если ее рассердить. Там взяла в поездку слишком много людей, но Одраде заметила это, когда было поздно что-либо менять.

— Это не инспекция! Это настоящее вторжение! *Пойми меня, Там. Это небольшая политическая драма. Не принимай смещение слишком близко к сердцу.*

Она снова обратила внимание на водителя, единственного мужчину в машине. Клэйрби, маленький, въедливый специалист по машинам. Маленькое личико, лицо цвета свежевспаханной земли. Это был любимый водитель Одраде. Он вел экипаж быстро, аккуратно и великолепно представлял себе возможности машины.

Холмы, поросшие дубами, остались далеко

позади, сменившись садами, окружавшими какую-то сельскую общину.

Как великолепен этот живописный вид при ярком солнечном свете, подумала Одраде. Низенькие белые домики под красными черепичными крышами. Далеко со склона были видны арки над въездами в улицы. Видно было, что все улицы ведут к высокому зданию, где помещалась местная администрация.

Этот ландшафт вселил в Одраде угасшую было уверенность. Поселок выглядел очень ярко, краски смягчались расстоянием и легкой дымкой, повисшей над садами. Ветви были еще голыми, но они, несомненно, могли принести по крайней мере еще один урожай плодов.

Она напомнила себе, что Община Сестер требовала в обстановке красоты. Надо было все устраивать так, чтобы красота не отвлекала от потребностей желудка. Комфорт возможен… но не до такой же степени!

Позади Одраде раздался чей-то голос:

— Я уверена, что на некоторых из этих деревьев начинают распускаться листья.

Одраде пригляделась к саду внимательнее. Да, так и есть. На темных сучьях появилась первая зелень. Зима сюда не проникла; Управление

Погодой, изо всех сил старающееся соблюсти земную смену времен года, допускало иногда ошибки. Наступление Пустыни вызвало в этом районе необычный подъем температуры слишком рано: странное потепление приводило к тому, что листья начинали распускаться тогда, когда наступало время для сильных морозов. Из-за таких сбоев погибло великое множество плантаций. Это стало обычным явлением.

Советница по сельскому хозяйству предложила возродить древний термин «индейское лето» для описания этого феномена. Часто можно было наблюдать цветущие деревья, засыпанные снегом. При этом воспоминании Одраде почувствовала волнение.

Индейское лето. Какое меткое название!

Ее советницы разделяли взгляд Верховной на эти мародерствующие морозы, которые шли по пятам за несвоевременными оттепелями: внезапно теплело, и в этот момент наступало время для разбойников — терроризировать и грабить ни о чем не подозревающих поселенцев.

Вспомнив об этом, Одраде вновь почувствовала спиной холод топора. *Как скоро это случится?* Она не старалась найти ответ. *Я не Квисатц Хадерах!*

Не оборачиваясь, она обратилась к Стрегги:

— Этот поселок называется Пондерилль. Ты никогда не бывала здесь?

— Нет, моя школа была не здесь, Верховная Мать, но место очень похоже.

Да, все эти поселки были на одно лицо: низенькие постройки, утопающие в садах. То было излюбленное устройство начальных учебных центров Бене Гессерит. Такова была система отбора потенциальных Сестер. Чем тоньше сеть, тем ближе к Централу.

Некоторые из таких коммун, как, например, Пондерилль, были предназначены для закалки воспитанниц. Женщины по много часов работали в поле, занимаясь тяжелым, изнурительным физическим трудом. Руки, испачкавшиеся в навозе, впоследствии редко подводили при выполнении куда более грязных дел.

Теперь, когда они выехали из облака пыли, Клэйрби открыл окна. В салон хлынула удушающая жара. Господи, куда смотрит Управление Погодой?

Два здания на окраине Пондерилля имели общий второй этаж, образовав нечто вроде тунеля над улицей. Не хватает только опускной решетки: получился бы въезд в настоящий сред-

невековый замок. Облаченные в доспехи рыцари у входа не стали бы жаловаться на привычную для них жару. Пластон, из которого были сложены дома, с первого взгляда было трудно отличить от старинного строительного камня. Глазки видеокамер располагались там, где, без сомнения, в древности были бойницы.

Длинный въезд в городок, как заметила Одраде, содержался в чистоте. В общинах Бене Гессерит не надо было опасаться за свое обоняние. Никакого мусора. На улицах практически не встретишь калек. Вокруг только здоровая плоть. Хороший управляющий всегда заботится о том, чтобы население было здоровым и счастливым.

У нас тоже есть свои инвалиды, но это не всегда физические калеки.

Клэйрби припарковал экипаж в тени въезда, и все вышли на улицу. За ними остановился и автобус Тамалейн.

Одраде надеялась, что в тени их ожидает прохлада, но природа сыграла с ними злую шутку, превратив это место в настоящую печку. Температура в туннеле была выше, чем на солнцепеке. Она была просто счастлива, когда вышла на свет и жаркое солнце, слизнув с кожи пот, вызвало мимолетное ощущение прохлады.

Эта иллюзия моментально исчезла, как только солнце начало немилосердно обжигать голову и плечи. Пришлось призвать на помощь умение регулировать обмен веществ, чтобы справиться с жуткой жарой и усилить выделение тепла.

На площадь через равные промежутки времени обрушивались циркулярные потоки воды. С этой роскошью скоро придется навсегда распрощаться.

Но пока это надо оставить. Самое главное — моральный дух!

Одраде слышала, что свита следует за ней. Слышны обычные жалобы на то, что они слишком долго сидели в машине, не меняя позы. С дальнего края площади навстречу им спешила процессия. Их решили приветствовать местные жители во главе с Цимэй, руководительницей Общины.

Женщины, сопровождавшие Одраде, сгрудились возле голубых плит, которыми был облицован фонтан. Только Стрегги осталась возле Верховной Матери. Группа Тамалейн тоже бросилась к воде. Мечты человеческие, подумалось Одраде, настолько древние по своей природе, что их невозможно полностью искоренить никакими средствами.

Унавоженные поля и пригодная для питья вода, в которую можно опустить лицо, чтобы утолить мучительную жажду.

Именно этим и занималось большинство людей из ее свиты — они жадно припали к воде. Лица их блестели от живительной влаги.

Делегация местных жителей остановилась перед свитой, которая все еще топталась на панели фонтана. Цимэй привела с собой трех Преподобных Матерей и пять старших послушниц.

Одраде отметила про себя, что этим послушницам скоро предстоит испытание Пряностью. Они знали об этом, судя по прямым взглядам.

Цимэй приезжала в Централ не часто и только для того, чтобы преподавать. Женщина находилась в превосходной физической форме: каштановые волосы были темны настолько, что в ярком свете выглядели черными с рыжими искорками. Узкое лицо выглядело очень светлым в таком темном обрамлении. Под широкими бровями светились глаза с синими белками.

— Мы рады видеть вас, Верховная Мать. — В ее тоне Одраде не уловила фальши.

Одраде в ответ слегка склонила голову, словно говоря: *Я слушаю. Почему ты так рада меня видеть?*

Цимэй поняла. Она жестом указала на круглолицую высокую Преподобную Мать, стоявшую рядом с ней.

— Вы помните Фали, нашу управляющую садом? Фали только что была у меня с делегацией садовников. Они предъявляют очень серьезную жалобу.

Обветренное лицо Фали имело какой-то сероватый оттенок. *Переутомление?* Над острым подбородком тонкогубый рот. Под ногтями грязь. Одраде отметила это с одобрением. *Человек не чурается грязной работы.*

Делегация садовников. Итак, мы имеем эскалацию жалоб. Должно быть, это действительно серьезно. Не похоже, чтобы Цимэй имела склонность загружать пустяками Верховную Мать.

— Давайте выслушаем эту жалобу, — сказала Одраде.

По знаку Цимэй Фали рассказала все, попутно охарактеризовав каждого члена делегации. Все они, естественно, были очень хорошие люди.

Одраде давно был известен этот прием. Несомненно, из-за происходящих необратимых событий здесь собирали конференции. Цимэй присутствовала на одной из них. Как можно объяснить людям, что какой-то неведомый

песчаный червь (который еще, быть может, и не родился) требует таких изменений климата? Как объяснить фермерам, что дело не только в «обеспечении хотя бы одного дополнительного дождя», а в долговременном изменении климата всей планеты? Если дать здесь больше дождей, то начнется отклонение высокоширотных воздушных потоков, а это вызовет глобальное изменение климата, напоенные влагой сирокко направятся туда, где они будут не просто нежелательными, но крайне опасными. Если создать неверные условия, то можно добиться образования торнадо. Планетная погода не такой простой процесс, чтобы им можно было управлять обычной регулировкой. *Как я сама недавно требовала.* Каждый раз для такой регулировки требовалось решать сложнейшие системы уравнений.

— Планете принадлежит последний решающий голос, — сказала Одраде. Это было старое напоминание Общины Сестер о подверженности человеческой натуры слабости.

— Но разве у Дюны сохранилось право голоса? — спросила Фали. В вопросе было гораздо больше горечи, чем могла предположить Одраде.

— Я ощущаю эту жару. Мы видели по прибытии распускающиеся листья на деревьях в ваших

садах, — проговорила Одраде. *Я понимаю, что заботит тебя, Сестра.*

— В этом году мы потеряем часть урожая, — сказала Фали. В ее голосе прозвучал нескрываемый упрек. *Это твоя вина.*

— Что вы ответили делегации садовников? — поинтересовалась Одраде.

— Я ответила, что Пустыня должна расти, и Управление Погодой не в состоянии все время регулировать климат по нашему желанию.

Это была чистая правда. С таким ответом можно было только согласиться. Ответ был неадекватен, как и подобает истине, но кроме этого в распоряжении Бене Гессерит не было ничего. Скоро придется поступиться еще большим. Кстати, будет все больше делегаций и меньше урожая.

— Вы не выпьете с нами чаю, Верховная Мать? — спросила Цимэй, с ловкостью профессионального дипломата вмешавшись в разговор в самый опасный момент. *Вы видите, что это нарастает, как снежный ком, Верховная Мать? Фали не будет больше заниматься своим прямым делом — фруктами и овощами. Сообщение отправлено адресату.*

Стрегги нервно откашлялась.

Эту привычку надо беспощадно подавлять. Но значение сигнала было ясно и понятно. Стрегги отвечала за соблюдение графика поездки. *Нам пора ехать.*

— Мы слишком поздно выехали, — сказала Одраде, — и остановились только для того, чтобы размять ноги и посмотреть, нет ли у вас проблем, с которыми вы не можете справиться самостоятельно.

— Мы разберемся с садовниками, Верховная Мать.

В резком тоне Цимэй послышался намек на гораздо более важные обстоятельства, и Одраде невольно улыбнулась.

Инспектируйте, если вам угодно, Верховная Мать. Смотрите, наблюдайте. В Пондерилле полный порядок, как и подобает Общине Бене Гессерит.

Одраде бросила взгляд на автобус Тамалейн. Пассажиры начали возвращаться в салон с кондиционером. Тамалейн стояла на подножке в пределах прямой слышимости.

— Я слышала лестные отзывы о вас, Цимэй, — сказала Одраде. — Вы можете действовать без нашего вмешательства. Я действительно не хочу вторгаться сюда со всей своей слишком

многочисленной свитой.

Последние слова были сказаны достаточно громко, так, чтобы их слышали все.

— Где вы проведете ночь, Верховная Мать?

— В Эльдио.

— Я не была там довольно долго, но мне говорили, что море сильно уменьшилось в размере.

— Наблюдения подтверждают эти слухи. Нет нужды оповещать тамошние власти о нашем прибытии, Цимэй. Они и так об этом знают. Мы просто обязаны были предупредить их о нашем вторжении.

Управляющая садами Фали сделала короткий шаг вперед.

— Верховная Мать, если бы мы только могли получить…

— Скажите своим садовникам, Фали, что у них есть выбор. Они могут ворчать здесь и ждать, когда на планету пожалуют Досточтимые Матроны, или добровольно отправиться в Рассеяние.

Одраде вернулась в машину, села на место и закрыла глаза, дожидаясь, когда захлопнутся двери и начнется движение. В этот миг она открыла глаза. Они уже выехали из Пондерилля и мчались по гладкой блестящей дороге сквозь южное кольцо садов. В салоне стояла напряженная тишина.

Сестры явно были озадачены вопросами относительно глубинных причин поведения Верховной Матери. Неважное положение. Послушницы, естественно, уловили общее настроение. Стрегги помрачнела.

Погода требовала к себе внимания. Слова не могут больше останавливать нарастающий поток жалоб. Хорошие дни оцениваются по явно заниженным стандартам. Все знали причину, но изменения оставались. Они были осязаемыми. Видимыми. Нельзя жаловаться на Верховную Мать (без достаточных на то оснований!), но можно ворчать по поводу погоды.

Зачем они сегодня устроили такой холод? Почему именно сегодня, когда я выехала из Централа? Было так тепло, но посмотрите, что творится сейчас! А у нас нет подходящей одежды.

Стрегги явно хотела что-то сказать. *Ну что ж, именно для этого я и взяла ее с собой.* Правда, вследствие тесного длительного общения с Одраде у девушки исчезло благоговение, и в последнее время она стала чрезмерно разговорчивой.

— Верховная Мать, я пробовала найти в учебниках объяснение…

— Берегись учебников! — как много раз в своей жизни слышала и говорила Одраде эти слова. —

Учебники порождают привычки.

Она часто читала Стрегги целые лекции о привычках. У Бене Гессерит были свои привычки — именно на этом основании многие часто говаривали: «Ты поступаешь как типичная ведьма!» Но привычки, которые позволили бы другим прогнозировать твои действия, должны быть полностью исключены из обихода.

— Но зачем тогда существуют учебники, Верховная Мать?

— В основном они существуют для того, чтобы их опровергать. Руководства существуют для новичков и тех, кто только приступает к тренировкам.

— Но истории?

— Не стоит сбрасывать со счетов тривиальную банальность писаной истории. Когда ты станешь Преподобной Матерью, то начнешь изучать историю заново. Ты будешь познавать ее в каждый момент своей жизни.

— Истина — это пустой сосуд. — Девочка очень гордится своим собственным афоризмом.

Одраде с трудом сдержала улыбку.

Стрегги — настоящий бриллиант.

Это была настораживающая мысль. Многие по-настоящему драгоценные камни можно

узнать по тому или иному нарушению чистоты. Специалисты даже картируют эти включения. Это тайный отпечаток пальца камня. Люди в этом отношении подобны драгоценностям. Мы часто узнаем их по их недостаткам. Сверкающая поверхность слишком мало сообщает нам о человеке. Понимание требует заглянуть глубоко внутрь, а там дела обстоят далеко не так блестяще. Именно там заключается истинная ценность любой личности. Кем бы стал Ван Гог, не страдай он сумасшествием?

— Это комментарий восприимчивого циника, Стрегги, истина, которую они говорят об истории. Это должно быть твоей путеводной нитью до испытания. Но после того как ты пройдешь его, ты сама станешь циником, открыв свои собственные ценности. Сейчас тебе достаточно понимать, что история — это собрание фактов, которые когда-то имели место. Преподобные Матери ищут истину помимо этих фактов, изучая предубеждения историков.

— И это все? — Были задеты лучшие чувства Стрегги.

Почему я должна так бездарно тратить на них свое время?

— Многие разделы истории не имеют никакой

ценности, ибо являются плодом предубеждений и предрассудков. Они написаны для того, чтобы угодить той или иной правящей группировке. Подожди, когда откроются твои собственные глаза, моя дорогая. Мы — самые лучшие историки. Мы там были и все видели.

— И моя точка зрения будет меняться каждый день? — Какая интроспекция.

— Это урок, который наш башар постоянно советовал помнить и никогда не забывать. Прошлое надо интерпретировать настоящим.

— Не уверена, что мне это понравится, Верховная Мать. Придется принимать слишком много моральных решений.

Ах, этот бриллиант зрит в корень и высказывается с прямотой, подобающей истинной воспитаннице Бене Гессерит. Среди пороков Стрегги были видны грани настоящего алмаза.

Одраде искоса бросила взгляд на задумавшуюся послушницу. Очень давно Община пришла к выводу, что каждая Сестра должна сама принимать морально тяжелые решения. *Никогда не следуй за лидером, не задавая себе вопросов.* Именно поэтому приоритетным было моральное воспитание молодого поколения Сестер.

Именно поэтому мы предпочитаем брать

на воспитание юных девочек, чтобы воспитать из них полноценных Сестер. Понятно, почему моральный изъян прокрался в душу Шианы. Мы получили ее слишком поздно. О чем они с Дунканом говорят на своем тайном языке жестов?

— Всегда очень легко распознать морально обоснованное решение. В этих случаях ты не заботишься о своих корыстных интересах.

Стрегги посмотрела на Одраде с благоговением.

— Какое мужество надо иметь для этого!

— Никакого мужества! Никакого отчаяния и самоотвержения! То, что мы делаем, это, по большому счету, просто и естественно. Мы поступаем так только потому, что у нас нет иного выбора.

— Иногда вы заставляете меня чувствовать себя круглой невеждой, Верховная Мать.

— Превосходно! Это признак наступающей мудрости. Есть много видов невежества, Стрегги. Самый низкий уровень — это следование своим желаниям без их осмысления. Иногда мы поступаем так совершенно бессознательно. Уважай свою понятливость. Постарайся понять, что именно ты делаешь бессознательно. Всегда спрашивай себя: «Чего я хочу добиться, делая это?»

Они преодолели последний холм на пути к Эль-

дио. Одраде насладилась прыжком экипажа.

— Я вижу море, — сдавленно проговорил кто-то сзади.

— Остановись здесь, — приказала Одраде, когда машина обогнула холм и перед ними открылся вид на водную гладь. Клэйрби знал это место и был готов остановиться именно здесь. Одраде часто просила его об этом. Машина скрипнула и остановилась. Было слышно, как позади остановился автобус, откуда кто-то крикнул: «Смотрите!»

Эльдио раскинулся слева; маленькие аккуратные домики, некоторые стояли, поднятые на высокие трубы. Под этими домами свободно гулял знойный ветер Пустыни. Они были уже далеко на юге, и здесь было намного жарче, чем в Централе. Крошечные на таком расстоянии ветряные мельницы вращали лопастями, снабжая энергией Эльдио. Одраде повернулась к Стрегги и указала рукой в направлении Эльдио.

— Мы думали, что эти мельницы станут символом независимости от бремени современной технологии, которая позволяет другим управлять тобой.

Говоря эти слова, Одраде посмотрела направо.

Море! Практически от этого некогда великого водоема остались одни воспоминания. Дитя Моря пришло в ужас от того, что сейчас открылось ее взору.

От поверхности воды поднимался пар. На противоположном берегу линия горизонта смутно очерчивалась скрытыми туманом пурпурными вершинами холма. Было заметно, что Управление Погодой вызвало в этом месте ветер, чтобы разредить сгустившийся воздух. В результате у берега стали видны барашки волн прибоя, бившегося о прибрежную гальку.

Одраде вспомнила, что когда-то здесь была целая цепочка рыбацких деревушек. Теперь, когда море отступило, эти деревни оказались вдали от берега, высоко на склоне холма. Те давние деревни ее детства выделялись на фоне серого берега веселыми, пестрыми пятнами. Теперь же большинство жителей подалось в Рассеяние. Оставшиеся построили рельсовую дорогу, по которой втаскивали наверх лодки по возвращении с лова. Одраде любила это море и была готова его оплакать. Консервация энергии. Вся ситуация вдруг поразила ее своей неумолимой жестокостью, похожей на обстановку в гериатрических учреждениях Старой Империи, в которых люди

ждали своего конца.

Сколько осталось жить этим деревням и поселкам?

— Как мало это море! — раздался голос из задних рядов. Одраде узнала голос: клерк из Архива. Шпионка Белл, будь она проклята.

Подавшись вперед, Одраде хлопнула по плечу водителя:

— Подвези нас к самому берегу, вон к той бухточке. Я хочу поплавать в море, Клэйрби, пока оно существует.

Стрегги и еще две послушницы последовали за Верховной Матерью и тоже погрузились в теплые волны. Другие наблюдали за этой странной сценой из окон автобуса или прогуливаясь по берегу.

Голая Верховная Мать плавает в море!

Одраде чувствовала, как вода придает ей энергию. Надо было обязательно поплавать перед принятием жизненно важного трудного решения.

Сколько еще времени могли они поддерживать существование моря в эти последние дни умеренного климата? Пустыня наступала — *тотальная Пустыня,* которая должна была возместить потерю Дюны. *Если палач с секирой даст нам на это*

время. Угроза приблизилась, а пропасть стала глубже. *Будь проклят этот дикий талант! Почему именно я должна все понимать?*

Постепенно дух Дитя Моря и движения волн восстановили душевное равновесие Одраде. Этот громадный соленый водоем был очень важен — гораздо важнее мелких озер и морей. Влага испарялась с поверхности моря в очень значительных количествах. У Управления Погодой едва хватало энергии на то, чтобы справляться с непредсказуемыми изменениями, связанными с колебаниями влажности. Да, это море все еще питало Капитул. Оно служило транспортной магистралью и средством связи. Морские перевозки — самые дешевые. Цена энергии в ее решении должна быть увязана с другими обстоятельствами. Но море должно исчезнуть. Это окончательное решение. Все население побережья должно быть переселено.

Снова всколыхнулась память Дитя Моря. Ностальгия. Она мешает принятию правильных и разумных решений. Затуманивает разум, лишает способности судить здраво. *Как скоро должно исчезнуть море?* Это был вопрос вопросов. От решения его зависели темпы переселения и перебазирования населенных пунктов.

Лучше, если все будет сделано очень быстро. Боль будет изгнана в наше прошлое. Давайте останемся с ней наедине!

Она выплыла на мелкое место и посмотрела на озадаченную Тамалейн. Подол юбки старой женщины потемнел от случайно брызнувшей на него волны. Одраде приподняла голову над мелкой рябью.

— Там! Уничтожь море как можно скорее. Пусть Управление разработает схему быстрого обезвоживания водоема. Привлеките Управления Транспорта и Продовольствия. После разработки представьте план мне на утверждение.

Тамалейн, не говоря ни слова, повернулась и отправилась выполнять приказ. Она жестом подозвала к себе несколько Сестер и оглянулась на Одраде. *Видишь, я была права, что взяла с собой необходимые кадры!*

Одраде вышла из воды. Мокрый песок скрипел под ногами. *Скоро этот песок высохнет.* Она оделась, не потрудившись вытереться полотенцем. Одежда неприятно липла к телу, но Одраде не обращала внимания на эту мелочь. Она поднималась по склону вверх, не оглядываясь на море.

Я хочу сохранить о море именно этот миг. Надо накапливать в душе те вещи, которые

при воспоминании ласкают ее. Никакая радость не может быть вечной. Все на свете преходяще. «Все пройдет» — изречение, приложимое ко всем проявлениям жизни во вселенной.

Когда берег стал вязким и глинистым, Одраде обошла несколько чахлых кустиков и в последний раз оглянулась на море, которому она только сейчас вынесла смертный приговор.

Имеет значение только сама жизнь, сказала она себе. Но никакая жизнь невозможна без снисхождения первоначального творения.

Выживание! Наши дети должны выжить. Бене Гессерит должен выжить!

Но ни один отдельно взятый ребенок не может быть важнее целого. Она приняла это, понимая, что это говорит вид, вид, ставший ее сущностью, сущностью, с которой она познакомилась тогда, когда была еще Дитятей Моря.

Одраде позволила Дитяте Моря еще раз втянуть ноздрями соленый запах, прежде чем вернуться в машину и приготовиться к прибытию в Эльдио. Она почувствовала, что ею овладевают спокойствие и безмятежность. Теперь она находится в прекрасном состоянии духа, и не нужно море, чтобы поддерживать душевное равновесие.

Вырвите свои вопросы из породившей их почвы, и вы увидите клубок спутанных корней. Вопросов стало куда больше!

(Ментат Дзенсуфи)

Дама была в своей стихии.

Королева Пауков

Ей нравилось прозвище, данное ей ведьмами. Этот новый центр управления здесь, на Джанкшн, стал сердцем сети, которую она сплела. Правда, внешний вид здания пока не устраивал ее. Слишком много в этой постройке от самодовольства Гильдии. От ее консерватизма. Однако интерьеры становились все более знакомыми, что успокаивало мятежную душу. Было такое впечатление, что она никогда не покидала Дур, что не было никаких футаров и поспешного бегства обратно, в Старую Империю.

Сейчас она стояла у открытой двери Зала Собраний и оглядывала Ботанический Сад. Логно ожидала приказаний, стоя в четырех шагах позади Дамы. *Не слишком приближайся ко мне, Логно, иначе мне придется тебя убить.*

На траве, обрамлявшей плиты двора, выступила роса. Там, когда солнце взойдет достаточно высоко, слуги расставят столы и стулья. Она рас-

порядилась, чтобы сегодня была хорошая погода, и Управление постаралось на совесть. Доклад Логно был интригующим. Итак, старая ведьма вернулась на Баззелл. Она была не на шутку разозлена. Великолепно. Совершенно очевидно, что она знала, что за ней следят, и встретилась со своим руководством, попросив, чтобы ей разрешили покинуть Баззелл и спрятаться в надежном укрытии. Но она получила отказ.

Их не волнует, что мы отрубаем их конечности, пока в целости и сохранности остается тело.

Не оборачиваясь, Дама обратилась к Логно:

— Доставь сюда ту старую ведьму и всех ее слуг.

Логно повернулась, чтобы выполнить распоряжение, но Дама остановила ее:

— Позаботься, чтобы нескольких футаров перестали кормить. Они нужны мне голодными.

— Слушаюсь, Дама.

На посту Логно немедленно заменила другая Матрона, однако Дама не обернулась, чтобы посмотреть, кто заменил на посту Логно. Всегда найдется достаточно слуг для выполнения ее приказов. Все они на одно лицо и различаются только по степени своей опасности. *Это держит*

меня в форме.

Дама жадно вдохнула свежий прохладный воздух. Кажется, будет прекрасный день, еще лучший оттого, что он будет таким по ее желанию. Она вспомнила некоторые приятные эпизоды из прошлого, и это еще больше успокоило ее.

Гульдура мы благословляем! Мы нашли место для возрождения нашей силы.

Консолидация Старой Империи проходила по плану. Не так уж много останется после этого гнезд, где укрылись ведьмы, а когда Матроны уничтожат Капитул, то расправиться с щупальцами, оставшимися без тела, не представит никакого труда.

Да, еще Икс. Это проблема. *Вероятно, вчера мне не следовало убивать тех двух иксианских ученых.*

Да, но эти олухи потребовали, чтобы им предоставили больше информации. Потребовали! Но даже после того, как им все сказали, они оказались не в состоянии перезарядить Оружие. Конечно, они не знали, что это оружие. Но так ли? Точно ли они этого не знали? В этом нет никакой уверенности. Так что ничего страшного в том, что она их убила. Это послужит уроком для других.

Пусть нам дают ответы, а не задают вопросы.

Ей нравился порядок, который она и Сестры установили в Старой Империи. Здесь было так много всяких бродячих проходимцев, столько различных культур, огромное количество не устоявшихся до сих пор религий.

Поклонение Гульдуру послужит им так же, как оно служит нам.

Она не чувствовала мистического притяжения своей собственной религии. Для нее она была не чем иным, как полезным орудием власти. Корни хорошо известны: Лето II, тот самый, кого ведьмы называют Тираном, и его отец Муад'Диб. Оба были маклерами власти, причем маклерами высшей пробы. Вокруг себя они насаждали семена раскола, но растения, выросшие из этих семян, можно было легко выкорчевать. Надо было сохранить суть. Лето создал великолепно отлаженную машину власти.

Тирания меньшинства, задрапированного покровами большинства.

Именно это понимала ведьма Луцилла. Нельзя было оставлять ее в живых — она знала, как надо манипулировать массами. Гнезда ведьм надо обнаружить и выжечь дотла. Способности Лу-

циллы — не изолированное явление. В ее словах чувствовалась школа. Их учили таким вещам. Дуры! Надо управлять реальностью, иначе она выйдет из-под контроля.

Вернулась Логно. Дама безошибочно узнавала ее по крадущейся походке.

— Старую ведьму доставят с Баззелла со всеми ее слугами, — доложила Логно.

— Не забудь о футарах.

— Я уже распорядилась, Дама.

Все это только слова! Ты с удовольствием скормила бы меня стае футаров, не так ли, Логно?

— И прикажи покрепче запирать клетки, Логно. Сегодня ночью еще трое футаров сумели сбежать. Когда я проснулась, они бродили по саду.

— Мне говорили об этом, Дама. К клеткам приставлена дополнительная охрана.

— И не говори мне, что они безопасны без Дрессировщиков.

— Я сама не верю в это, Дама.

На этот раз она говорит истинную правду. Она до смерти боится футаров. Это хорошо.

— Я убеждена, что нам удалось заложить основы нашей власти, Логно. — Дама повернулась к камеристке, отметив про себя, что та вторглась на пару миллиметров в запретную зону. Логно

тоже заметила это и отступила. *Можешь приближаться ко мне на любое расстояние, когда я смотрю на тебя, Логно, но не смей подходить, когда я стою к тебе спиной.*

Камеристка заметила оранжевые сполохи в глазах Дамы и едва не упала на колени. *Она явно их согнула.*

— Служить вам, Дама, — это восторг моей жизни!

Ты с восторгом бы заняла мое место, Логно.

— Что слышно о той женщине с Гамму? У нее такое странное имя. Как, кстати, ее зовут?

— Ребекка, Дама. Она и некоторые из ее товарищей… э-э-э… временно ускользнули из поля нашего зрения. Мы найдем их. Они не могли покинуть планету.

— Ты полагаешь, что я должна держать ее здесь, не правда ли?

— Было бы мудро задержать ее здесь как приманку, Дама!

— Она и сейчас приманка. Та ведьма, которую мы обнаружили на Гамму, попала туда не случайно.

— Да, Дама.

Да, Дама! Но слышать покорность в тоне Логно было приятно и радостно.

— Займись этим!

Логно поспешила прочь.

В любом уголке можно было встретить мелкие тайные очаги яростного сопротивления. Это порождало взаимную ненависть, она накапливалась, разрушая жизни всех, кто сталкивался с нею. После таких потрясений всегда надо очищаться. Дама вздохнула. Тактика террора такая… зыбкая!

Успех — вот в чем таилась опасность. Успех стоил ведьмам империи. Если вы постоянно размахиваете успехом, словно знаменем, то всегда найдутся завистники, готовые уничтожить вас. Зависть!

Мы будем с большей осторожностью обращаться со своим успехом.

Она погрузилась в задумчивость, не пропуская тем не менее ни одного звука, который доносился до ее ушей. Но самым главным было приятное чувство от свидетельств побед, которые она получила сегодня утром. Как музыка, звучали названия захваченных планет:

Валлах, Кронин, Ринол, Эказ, Тегез, Гамму, Гамонт, Ниуш…

Люди появляются на свет, страдая подверженностью самой упорной и изнурительной из всех интеллектуальных болезней, – самообману. Эта болезнь придает драматическую окраску самому лучшему и самому худшему из миров. По нашему мнению, к этой болезни не существует естественного иммунитета. Надо проявлять постоянную бдительность.

(Кодексы)

Как только Одраде покинула Централ (вероятно, на весьма непродолжительное время), Беллонда поняла, что действовать надо незамедлительно. *Этот проклятый ментат-гхола слишком опасен для нас, пока он жив!*

Едва лишь кортеж Верховной Матери скрылся за горизонтом в тускнеющем свете дня, как Беллонда поспешила на корабль-невидимку.

Она не была бы Беллондой, если бы выбрала неспешный путь через кольцо садов. Нет, она воспользовалась скоростным пневмопоездом. Зачем рисковать, ведь найдутся соглядатаи, которые немедленно обо всем доложат Одраде.

По дороге она еще раз обдумала и оценила значение всех многочисленных жизней Ай-

дахо. Записи, хранившиеся в Архиве, всегда были под рукой. В исходной жизни и в ранних воплощениях гхола этот человек проявлял повышенную импульсивность, которая нередко брала верх над рассудительностью. Он быстро вспыхивал ненавистью и быстро становился верным, как цепной пес. Позже гхола Айдахо стали большими циниками, но под этой маской все равно тлела скрытая импульсивность. Тиран часто пользовался ею в своих целях. Беллонда даже знала, как именно.

Айдахо можно привести в ярость надменностью.

Зачаровывала его многолетняя верная служба Тирану. Он не только несколько раз был ментатом, в течение нескольких своих воплощений он был Вещающим Истину.

Внешность Айдахо вполне соответствовала тому, что Беллонда читала в архивах. Лицо отличалось интересными чертами, взгляд интригующий, и во всем облике чувствуется сильное внутреннее развитие.

Почему Одраде отказывается понимать всю опасность этого человека? Беллонду часто охватывали дурные предчувствия, когда Одраде начинала проявлять бурные эмоции, говоря

об Айдахо.

— Он мыслит ясно и четко. У него изощренная ясность ума, это освежает. Он нравится мне, и я знаю, что он оказывает влияние на принимаемые мною решения.

Она допускает его влияние на свои решения!

Беллонда нашла Айдахо в одиночестве. Ментат сидел возле консоли. Дункан внимательно смотрел на дисплей, и Беллонда поняла, что перед ним операционная схема управления кораблем-невидимкой. Увидев незваную гостью, он стер изображение.

— Привет, Беллонда, я ждал тебя.

Он коснулся панели управления, и в глубине помещений открылась дверь, через которую в комнату вошел маленький Тег и встал около Айдахо, молча разглядывая Беллонду.

Айдахо не пригласил ее войти и не предложил сесть, спокойно глядя, как она сама принесла себе стул из его спальни. Когда Беллонда уселась, Айдахо вперил в нее удивленный и настороженный взгляд.

Беллонда сама была поражена его приветствием. *Почему он ждал моего появления?*

Он ответил на невысказанный вопрос:

— Я выполнил проекцию и понял, что Дар соби-

рается навестить Шиану, и как только Верховная отбудет, ты не станешь терять время попусту.

Это простая проекция ментата или…

— Она тебя предупредила!

— Это неправда.

— Какие у вас с Шианой секреты? — В приказном тоне.

— Она использует меня в точном соответствии с вашими инструкциями.

— Миссия?

— Белл! Два ментата в одной берлоге — это перебор. Неужели нам надо играть в эти дурацкие игры?

Беллонда тяжело вздохнула и переключилась в режим ментата. Это было не так-то легко сделать под испытующим взглядом ребенка и при таком насмешливом выражении лица Айдахо. Одраде проявила несвойственную ей хитрость? Неужели она выступила против Сестер с помощью этого гхола?

Айдахо успокоился, когда увидел, что эта воспитанница и верная дочь Бене Гессерит уставилась на него с удвоенным вниманием ментата.

— Я давно знаю, что ты хочешь меня умертвить, Белл.

Да… Страх делает меня вполне предсказуемой.

Все подошло очень близко к роковой черте, подумал он. Беллонда пришла сюда, неся с собой смерть. Готовилась маленькая драма, все было бы сделано «по необходимости». Айдахо не питал больших иллюзий относительно своей способности противостоять натиску Беллонды. Но Беллонда-ментат сначала подумает и только потом начнет действовать.

— Ты очень неуважительно ведешь себя, обращаясь к нам по именам. — Беллонда явно провоцировала Айдахо.

— Просто обстоятельства изменились, Белл. Ты больше не Преподобная Мать, а я не гхола. Здесь находятся два человеческих существа, объединенных общей проблемой. Не говори мне, что ты этого не знала.

Она оглядела его кабинет.

— Если ты ждал меня, то почему здесь нет Мурбеллы?

— Для того, чтобы заставить ее убить тебя ради моего спасения?

Беллонда именно это и имела в виду. *Эта проклятая Досточтимая Матрона действительно могла бы меня убить, но потом…*

— Ты отослал ее, чтобы защитить?

— У меня есть куда более полезный защит-

ник. — Он жестом указал на ребенка.

Тег? Защитник? О нем еще со времен Гамму ходили всякие неправдоподобные истории. Айдахо что-то знает о них?

Она хотела было прямо спросить его об этом, но не осмелилась навлечь на себя риск какой-то хитрости с его стороны. Наблюдатели немедленно отметят опасность.

— Он?

— Будет ли он служить Бене Гессерит, если станет свидетелем моего убийства?

Она не ответила, и Айдахо продолжил:

— Поставь себя на мое место, Белл. Я ментат, который попал не только в вашу ловушку, но и в западню Досточтимых Матрон.

— И это все, что ты собой представляешь, ментат?

— Нет, я — воплощенный эксперимент Тлейлаксу, но я не могу провидеть свое будущее. Я не Квисатц Хадерах. Я просто ментат, отягощенный памятью множества прежних жизней. Ты, Преподобная Мать с Другой Памятью, должна понимать, какие мощные рычаги дает мне это состояние.

Пока Айдахо говорил, Тег подошел ближе к консоли и встал у локтя Дункана. На лице мальчика

было написано любопытство, но страха перед Беллондой он, судя по всему, не испытывал.

Айдахо жестом указал на область проекции над своей головой, в которой прыгали серебристые точки, готовые собраться в фокус и сформировать изображение.

— Ментат всегда чувствует, что его релейные переключения вызывают видимые задержки, зимой у него летние проекции, яркий солнечный свет, когда его гости приходят к нему, промокшие под дождем до нитки… Ты не ожидала, что я разгадаю твои маленькие игры?

Она услышала в его словах суммацию ментата. В этом отношении у них была одна школа.

— Ты, естественно, приказал себе не минимизировать Тао.

— Я задал другие вопросы. Вещи, которые происходят одновременно, должны иметь глубинную связь. Что есть причина и следствие, если сталкиваешься с одновременностью?

— У тебя были хорошие учителя.

— И не в одной жизни.

Тег подался к Беллонде.

— Вы действительно пришли сюда, чтобы убить его?

Нет никакого смысла лгать.

— Я и сейчас думаю, что он слишком опасен, чтобы оставлять его в живых.

Пусть наблюдатели попробуют это оспорить!

— Но он должен вернуть мне исходную память!

— Мы танцуем на одном полу, Белл, — сказал Айдахо. — Мы можем танцевать врозь, выполнять разные па, но видят нас все равно вместе.

Она начала задумываться, куда он клонит, и задала себе вопрос: нет ли иного способа уничтожить его?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — признался Тег.

— Это просто интересное совпадение, — проговорил Айдахо.

Тег повернул умоляющее лицо к Беллонде:

— Может быть, вы мне объясните, в чем дело?

— Он пытается доказать мне, что мы нужны друг другу.

— Но почему он не говорит об этом прямо?

— Дело гораздо глубже, мой мальчик.

При этом она подумала: *Записи должны показать мне, что Айдахо был предупрежден.*

— Наличие носа осла еще не говорит о том, что за ним обязательно последует хвост, если ты смотришь на животное, которое медленно про-

ходит мимо узкой щели в заборе, сквозь которую ты его наблюдаешь.

Айдахо встретился глазами с застывшим взглядом Беллонды.

— Дар однажды пришла сюда с веткой цветущей яблони, но моя проекция показала, что на дворе осень.

— Это игра в загадки? — Тег хлопнул в ладоши.

Беллонда помнила запись того визита. Очень расчетливый шаг Верховной Матери.

— Тебе не пришло в голову, что она принесла тот побег из оранжереи?

— Или просто решила доставить мне радость?

— Мне надо угадать? — вмешался в разговор Тег.

После долгого молчания взгляды двух ментатов встретились.

— За пределами моей тюрьмы — анархия и несогласие в вашем Высшем Совете, Белл.

— Даже при анархии возможны осмысленные и целенаправленные действия, — возразила она.

— Ты лицемеришь, Белл!

Она отпрянула, словно от удара, это было инстинктивное движение, которое потрясло ее своей насильственностью. *Голос?* Нет… это было нечто более глубокое. Она внезапно пришла

в ужас от этого человека.

— Я нахожу очаровательным, что ментат и Преподобная Мать может быть такой лицемеркой, — сказал Айдахо.

Тег потянул Дункана за руку.

— Вы ругаетесь?

Айдахо стряхнул со своего плеча руку мальчика.

— Да, мы ругаемся.

Беллонда не могла оторвать глаз от Айдахо. Ей хотелось немедленно бежать отсюда. Что он делает? Все пошло не так, как надо!

— Среди вас есть лицемеры и преступники? — спросил он.

Беллонда опять вспомнила о видеокамерах. Он играет не только для нее, но и для них. И делает он это с величайшим тщанием. Она внезапно прониклась восторгом при виде его игры, но это не уменьшило ее страха.

— Мне интересно знать, как Сестры тебя терпят? — Как точно движутся его губы. — Ты для них — необходимое зло? Источник полезных данных и время от времени — полезных советов?

Беллонда наконец обрела дар речи.

— Как ты смеешь? — Вопрос прозвучал гор-

танно, вобрав в себя всю злобу порочной души Беллонды.

— Возможно, ты укрепляешь Общину Сестер. — Голос бесстрастный, ровный и спокойный, лишенный всякого выражения. — Слабые связи создают места, которые укрепят другие, и это послужит усилению тех, других.

Беллонда поняла, что едва выдерживает режим ментата. Неужели хоть часть того, что он говорит, — правда? Неужели Верховная Мать смотрит на нее именно с такой точки зрения?

— Ты пришла сюда с преступными намерениями, с намерениями нарушить повиновение, — сказал он. — И все это ты собиралась сделать под маской необходимости! Небольшая драма для скучающих наблюдателей, что должно будет доказать твою невиновность — у тебя просто «не было другого выбора».

— Ты полагаешь, что желания Верховной Матери — закон? — спросила она.

— Ты думаешь, что я совсем не наблюдателен? — Он махнул рукой, заставив замолчать Тега, который собирался что-то сказать. — Белл! Будь просто ментатом.

— Я тебя слушаю.

Так же, как и многие другие.

— Я глубоко проник в твою проблему.

— Мы не давали тебе задания копаться в наших проблемах!

— Но ты дала. *Ты,* Белл. Ты скупо расстаешься с мелкими кусочками своих посланий, но я принимаю их.

Беллонда внезапно вспомнила, как Одраде однажды сказала: «Мне не нужен ментат. Мне нужен изобретатель».

— Я… тебе… нужен, — сказал Айдахо. «Твоя проблема все еще заключена в раковину, но мясо в ней еще осталось, и его надо извлечь».

— Но почему ты вообще нам нужен, для какой цели, возможно ли это?

— Вам нужны мое воображение, моя изобретательность, то есть те вещи, которые позволяли мне выживать перед лицом гнева Лето.

— Ты же сам говорил, что он столько раз тебя убивал, что ты сбился со счета.

Подавись своими собственными словами, ментат!

Он одарил ее столь искусной улыбкой, что ни у нее, ни у наблюдателей не могло возникнуть ни тени сомнения в ее истинном значении.

— Но как ты можешь доверять моим словам, Белл?

Он сам выносит себе приговор!

— Если вы не придумаете что-то новое, вы обречены, — продолжал он. — Это лишь вопрос времени, и вы это прекрасно знаете. Возможно, конец настанет для следующего поколения или через одно, но он неизбежен.

Тег нетерпеливо дернул Айдахо за рукав:

— Башар может помочь, может, да?

Итак, ребенок внимательно прислушивается к разговору. Айдахо потрепал мальчика по плечу.

— Сил одного башара недостаточно. — Потом он обратился к Беллонде: — Псы собрались вместе. Будем рычать друг на друга из-за неподеленной кости?

— Ты уже говорил это раньше.

И, без сомнения, будешь повторять еще не раз.

— Ты все еще ментат? — спросил он. — Тогда сворачивай этот спектакль. Перестань разыгрывать дешевый роман из настоящей трагедии.

Это Дар романтик, а не я.

— Что романтичного может быть в мелких поселениях Преподобных Матерей в Рассеянии, ожидающих, когда их убьют, словно скот на бойне?

— Ты думаешь, что никто не сможет спастись?

— Вы сами насаждаете своих врагов по всей вселенной, — сказал он. — Вы сами питаете силы Досточтимых Матрон!

Сейчас она была только ментатом для того, чтобы ответить на способности этого гхола полным спектром своих способностей. Драма? Спектакль? Романтика? Тело ответило на потребности ментата. Ментат должен уметь использовать свое тело, но не допускать его вмешательства в принятие решения.

— Ни одна из Преподобных Матерей, которых вы послали в Рассеяние, не вернулась назад и даже не прислала сообщения, — продолжал он. — Вы пытаетесь утешить себя тем, что они сами выбирают маршрут. Как вы можете игнорировать их молчаливые послания? Почему никто из них не выказывает желания поддерживать связь с Капитулом?

Он отчитывает нас, как маленьких детей! И он прав.

— Я сумел представить проблему в элементарном виде?

Это вопрос ментата.

— Простейший вопрос, простейшая проекция, — согласилась она.

— Умноженный сексуальный экстаз: запечатле-

ние Бене Гессерит? Захватывают ли Досточтимые Матроны ваших людей именно таким способом?

— Мурбелла?

Вызов, уместившийся в одном слове. *Используешь женщину, которую, как ты утверждаешь, ты любишь! Знает ли она то, что должны знать и мы?*

— Они воспитаны так, чтобы не доводить свое наслаждение до уровня устойчивой привязанности, но они все же уязвимы.

— Она отрицает, что в истории Досточтимых Матрон прослеживается влияние Бене Гессерит.

— Ей внушили это мнение.

— Вожделение в обмен на власть?

— Наконец-то ты задала правильный вопрос, — и поскольку Беллонда молчала, он продолжил: — Mater Felicissima[2].

Он назвал ее старинным титулом, который носили члены Высшего Совета Бене Гессерит.

Беллонда поняла, почему он это сделал, и почувствовала, что слово произвело на нее нужное впечатление. Теперь она пришла в уравновешенное состояние духа. Преподобная Мать — ментат, дух, которой усилен *мохалатой* испытания Пря-

---

[2] Сноски: 2
Счастливая мать *(лат.)*.

ностью. Ее охраняет и добрая Другая Память. Она защитит ее от вмешательств ее злых и порочных предков.

Но как он понял, что надо сделать именно это? Сейчас все наблюдатели, как один, задавали себе этот вопрос. *Ну конечно же, Тиран обучил его этому, терпеливо преподавая этот урок в каждой жизни Айдахо. Итак, с чем мы имеем дело? Неужели Верховная Мать осмеливается использовать этот его страшный талант? Это опасно, но гораздо ценнее, чем я могла предполагать. Боги нашего творения! Неужели он тот, кто спасет нас?*

Как он спокоен. Знает, что взял ее за живое.

— В одной из своих жизней, Белл, я как-то раз посетил дом Бене Гессерит на Валлах IX, там я беседовал с одной из твоих прародительниц, Терсиус Хелен Антеак. Пусть она ведет тебя, Белл. Она знает.

Беллонда почувствовала знакомый укол. *Откуда он может знать, что Антеак — моя прародительница?*

— Я отправился на Валлах по приказу Тирана, — продолжал свой рассказ Айдахо. — О да, я часто думал о нем как о Тиране. Я получил приказ уничтожить школу ментатов, которую,

как вы думали, вам удалось утаить от всевидящего ока Тирана.

В памяти Беллонды возник образ Антеак. Образ заговорил:

Сейчас я покажу тебе событие, о котором он рассказывает.

— Ты только подумай, — сказал он, — я, ментат, был принужден закрывать школу, в которой людей учили так же, как когда-то меня самого. Я, конечно, знал, почему он отдал такой приказ, и ты знаешь.

Одновременный поток пронизал ее сознание: *Орден ментатов, основанный Гильбертусом Альбансом; временное убежище в Бене Тлейлаксу, который надеялся привлечь ментатов к созданию гегемонии тлейлаксианцев; организация массы «дочерних школ», которые были безжалостно подавлены Лето Вторым, как рассадники независимой оппозиции; уход в Рассеяние после Великого Голода.*

— Он держал на Дюне нескольких блестящих учителей, но вопросы, которые теперь ставит перед тобой Антеак, не о том. Куда ушли ваши Сестры, Белл?

— Пока мы не можем ответить на него, не так ли? — Она посмотрела на консоль с вновь

пробудившимся интересом. Было бы неразумно блокировать такой мощный ум. Если они должны использовать Айдахо, то это надо делать как можно полнее.

— Между прочим, Белл, — проговорил он, видя, что она собирается уходить, — Досточтимые Матроны могут представлять собой весьма немногочисленную группу.

Немногочисленную? Он что, не знает, что Община Сестер была подавлена именно численностью врагов, которые покоряли планету за планетой?

— Всякое число относительно по своей природе. Есть ли во вселенной что-либо по-настоящему неподвижное? Наша Старая Империя может быть для них последним убежищем, Белл. Местом, в котором можно спрятаться и перегруппироваться.

— Ты предположил это раньше Дар?

Не Верховная Мать, не Одраде, а именно Дар. Он усмехнулся:

— И кроме того, мы, вероятно, сможем помочь вам со Сциталем.

— Мы?

— Мурбелла сможет собрать информацию, а я — оценить ее.

Ему не понравилась улыбка, которой Белл от-

ветила на его слова.

— Так что именно ты предлагаешь?

— Давай отпустим на волю наше воображение и будем согласованно проводить наши эксперименты. Какая польза в планете-невидимке, если найдется кто-то, кто сможет прорвать защитное поле?

Беллонда посмотрела на мальчика. Знает ли Айдахо об их подозрении, что башар способен *видеть* корабль-невидимку? Естественно, да. Ментат с его способностями… он может собрать разрозненные куски и фрагменты в единое целое и создать соответствующую проекцию.

— Потребуется энергия солнца класса G-3 для того, чтобы создать экран вокруг любой мало-мальски пригодной для жизни планеты.

Она взглянула на Айдахо сухо и холодно.

— В Рассеянии проводили в жизнь еще и не такие проекты.

— Но не с нашими нынешними возможностями заниматься такими грандиозными начинаниями. Нет ли у вас каких-нибудь менее амбициозных предложений?

— Стоит просмотреть генетические маркеры клеток народа. Поискать нечто общее с наследственностью Атрейдесов. Может быть, найдутся

такие таланты, о наличии которых ты и не подозреваешь.

— Ваша изобретательность рыщет вокруг да около.

— От солнца G-3 до генетики. Могут найтись общие факторы.

Зачем они делают такие сумасшедшие предложения? Планеты-невидимки и люди, предзнание которых делает прозрачным любое защитное поле? Что он делает?

Она не льстила себя надеждой, что он говорит исключительно для нее, вокруг находились глазки видеокамер.

Он молчал, небрежно положив руку на плечо мальчика. Они оба внимательно следили за ней! Это вызов?

Будь ментатом, если сможешь!

Планеты-невидимки? По мере роста массы объекта энергия, потребная для уничтожения гравитации, переходит барьер, кратный простым числам. Защитные поля требуют для своего создания еще больших энергий. Величина энергетического барьера при этом возрастает экспоненциально. Айдахо предполагает, что можно найти способ обойти эту проблему? Она спросила его об этом.

— Иксианцы не преодолели унификационную концепцию Хольцмана, — ответил Дункан. — Они просто использовали ее. Это тот случай, когда используют теорию, не понимая ее сущности.

Почему он постоянно направляет мое внимание на технократов с Икса? Иксианцы и так слишком многое знают о Бене Гессерит, чтобы можно было им доверять.

— Вы никогда не любопытствовали, почему Тиран ни разу не попытался подчинить себе Икс? — спросил Айдахо. Он продолжил, видя, что Беллонда молча ждет ответа на поставленный вопрос: — Он их просто обуздал. Тиран был заворожен идеей полного слияния человека и машины, при этом каждый из партнеров постоянно испытывает возможности другого.

— Киборги?

— Да, среди всего прочего.

Разве Айдахо не знает об отвращении, которое даже Бене Гессерит питал к этим техническим изысканиям? Это было тяжкое наследие Джихада Слуг. Такой интерес настораживает и вызывает тревогу. Конвергенция того, на что способен каждый участник пары, — человек и машина. Учитывая ограничения машин, то, что дела-

ли иксианцы, можно было кратко объяснить их недальновидностью. Неужели Айдахо хочет сказать, что Тиран подписался под идеей Машинного Интеллекта? Какая глупость! Она повернулась, чтобы уйти.

— Ты слишком поспешно уходишь, Белл. Ты могла бы проявить побольше интереса к иммунитету Шианы по отношению к сексуальному плену. Молодые мужчины, которых я посылал для полировки, не прошли запечатления, так же, как и она. Так что в этом деле не слишком-то сведущи даже Досточтимые Матроны.

Теперь Беллонда ясно видела, какую ценность в этом гхола сумела разглядеть Одраде. *Это же не имеет цены. А я чуть было не убила его.* Она преисполнилась недовольства при одной мысли о близости этого рокового решения.

Она была в дверях, когда Айдахо снова остановил ее.

— Почему, кстати, нам говорят, что футары, которых я видел на Гамму, охотятся на Досточтимых Матрон и убивают их? Мурбелла ничего об этом не знает.

Беллонда вышла, не оглянувшись и ничего не ответив. Все, что она сегодня узнала об Айдахо, делало его еще более опасным, но с этим надо

было мириться… во всяком случае, пока.

Айдахо перевел дух и взглянул на озадаченного Тега.

— Спасибо тебе за то, что ты был здесь, и вдвойне спасибо, что ты сумел смолчать перед лицом крупной провокации.

— Она что, действительно могла бы убить тебя?

— Если бы ты не помог мне в первые несколько секунд, то могла бы.

— Почему?

— Она захвачена ошибочной идеей, что я — Квисатц Хадерах.

— Как Муад'Диб?

— И его сын.

— Ну что ж, зато теперь она не причинит тебе никакого вреда.

Айдахо посмотрел на дверь, в которую только что вышла Беллонда. Отсрочка. Это все, чего он сумел добиться. Вероятно, теперь его не считают простой шестеренкой в сложном механизме. Они достигли нового уровня взаимоотношений, и это позволит ему сохранить жизнь, если правильно воспользоваться новым соотношением сил. Эмоциональная привязанность не играла в этом никакой роли, даже в отношениях

с Мурбеллой… или с Одраде. Если покопаться поглубже, то Мурбелла негодует по поводу сексуальной привязанности так же сильно, как он сам. Одраде может намекать на старую верность Айдахо роду Атрейдесов, но никаким эмоциям Преподобных Матерей никогда нельзя доверять.

Атрейдесы! Он взглянул на Тега, родовые черты которого стали проступать на детском личике.

Но чего я в действительности добился от разговора с Белл? Кажется, они больше не будут снабжать его фальшивыми данными. Теперь можно надеяться на то, что говорят ему Преподобные Матери, делая скидку только на человеческое свойство совершать ошибки.

Не один я прохожу эту специальную школу. Теперь и сами Сестры оказались в моей шкуре.

— Можно, я пойду к Мурбелле? — спросил Тег. — Она обещала научить меня драться ногами. Не думаю, что башар когда-либо учился этому.

— Кто никогда не учился?

Мальчик смущенно опустил голову.

— Я никогда не учился.

— Мурбелла в тренировочном зале. Беги к ней, но сначала я должен рассказать ей о Беллонде.

Бене Гессерит по сути своей был постоянно

и непрерывно действующей школой, подумал Айдахо, глядя вслед мальчику. Но Мурбелла была права, когда говорила, что здесь учат только тому, что знают сами Сестры.

Эта мысль пробудила дурные предчувствия. В памяти встал образ Сциталя, который стоит за защитным барьером в коридоре. Чему научился их товарищ по несчастью? Айдахо содрогнулся. При мысли о тлейлаксианцах в памяти всегда всплывали лицеделы. При этом сразу вспоминалось, что лицеделы могли извлекать память того, кого они убивали. Айдахо снова испытал страх от своего видения. Кто были те люди? Лицеделы?

Я — подопытное животное Тлейлаксу.

Эту вероятность он не осмеливался исследовать не только с помощью какой-либо из Преподобных Матерей, но даже в их присутствии.

Он вышел в коридор и прошел в жилище Мурбеллы, где, устроившись в кресле, принялся изучать урок, которым она только что занималась. Голос. Она теперь часто применяла в общении с ним странные обертоны обычного голоса. Небрежно брошенная, спутанная сбруя, ограничивающая дыхание по методу прана-бинду, лежала на стуле. Дурная привычка, унаследованная от Досточтимых Матрон.

Мурбелла, вернувшись, застала его за этими размышлениями. На ней было надето белое трико, пропитанное потом после тренировки, и она спешила снять с себя эти доспехи и вымыться. Он остановил ее по дороге в душ старым испытанным приемом.

— Я узнал кое-что о Сестрах, чего мы с тобой не знали раньше.

— Расскажи!

Это была просьба *его* Мурбеллы. Продолговатое лицо, блестящее от пота, зеленые глаза, в которых горит восхищение. *Мой Дункан снова сумел разгадать их подлые трюки!*

— Игра, из которой нельзя удалить ни одного куска, — напомнил он ей. *Пусть шпионки поломают себе головы!* — Они не только надеются, что я помогу им создать новую религию, культ Шианы, нет, *они хотят, чтобы мы по собственной воле приняли участие в воплощении их мечты.* Предполагается, что я буду их оводом, их совестью, которая поставит перед ними вопросы, которые станут извинением их экстраординарного поведения.

— Здесь была Одраде?

— Нет, Беллонда.

— Дункан! Она очень опасна. Ты никогда

не должен встречаться с ней наедине.

— Со мной был мальчик.

— Он ничего мне не сказал!

— Он исполнил приказ.

— Ясно. Так что произошло?

Он вкратце рассказал ей о визите Беллонды, описав выражение лица Белл и другие ее реакции. (То-то порезвились люди у видеокамер!)

Мурбелла была вне себя от ярости.

— Если она причинит тебе вред, то я не стану больше с ними сотрудничать. Ни с кем!

Ты правильно поняла намек, моя дорогая! Последствия. Вам, ведьмам Бене Гессерит, надо тщательно пересмотреть свое поведение.

— Я вся провоняла потом после тренировки, — сказала она. — Все этот мальчик. Он очень быстр. Я никогда не видела такого умного ребенка.

Он встал.

— Я потру тебе спинку.

В душе он помог ей снять липкое от пота трико, его прохладные руки коснулись ее тела. Он видел, какое удовольствие доставили ей его прикосновения.

— Какие нежные и сильные у тебя руки, — прошептала она.

О Боже! Она так смотрела на него, словно была

готова пожрать.

В этот момент мысли об Айдахо были свободны от всяких самообвинений. *Не помню такого момента, чтобы я проснулась с мыслью: «Я люблю его!»* Нет, это чувство вползло в их отношения, оно все глубже и глубже въедалось в ее сущность, пока не стало таким же привычным действием, как просто жить и дышать. Это было как дыхание… или стук сердца. *И это порок? Нет, Сестры ошибаются!*

— Помой мне спину, — попросила она и рассмеялась, когда вода брызнула на его одежду. Она помогла ему раздеться, и это снова случилось в душе: неподвластное разуму слияние мужчины и женщины в одно существо, которое погасило все ощущения, кроме взаимного чувства. Только когда все кончилось, она смогла вспомнить и сказать себе: *Он владеет той же техникой, что и я.* Но это было нечто большее, чем просто техника. *Он хочет доставить мне наслаждение. О несравненный Бог Дур! Как мне привалило такое счастье?*

Она обняла его за шею. Дункан вынес ее из душа и мокрую положил в постель. Она притянула его к себе, и они спокойно лежали рядом, ожидая, когда восстановятся их силы.

Она прошептала:

— Итак, Миссия хочет использовать Шиану.

— Это очень опасно.

— Это ставит Общину Сестер в невыгодную позицию. Мне казалось, что они всегда стараются избежать такого положения.

— С моей точки зрения, это просто нелепо.

— Это все затем, чтобы ты контролировал Шиану?

— Ее никто не может контролировать! Или, если точнее, никто *не должен.* — Он посмотрел в глазок видеокамеры. — Эй, Белл! Ты стараешься удержать за хвост сразу несколько тигров.

Беллонда возвратилась в Архив, остановилась у оператора видеокамеры и вопросительно взглянула на женщину.

— Опять в душе, — сказала та. — Это временами становится скучно.

— Мистическое участие! — сказала Беллонда и направилась в свои апартаменты, ее душила досада, в которой надо было как следует разобраться. *Он лучший ментат, чем я!*

Я ревную Шиану, черт бы ее побрал! И он это знает!

Мистическое участие! Оргия, как источник энергии. Сексуальные знания Досточтимых

Матрон возымели эффект, сходный с эффектом совместного погружения в примитивный экстаз. Мы делаем шаг по направлению к этому, но потом отступаем назад.

Чего стоит одно знание, что это существует! Как это отвратительно, как опасно и… и, однако, как притягательно.

Но Шиана невосприимчива! Будь она проклята! Но почему Айдахо напомнил им об этом только сейчас?

Суждение здравого ума всегда предпочтительнее закона. Кодексы и уставы создают определенные виды поведения. Всякое запрограммированное поведение никогда не ставится под вопрос и тем самым приобретает разрушительный момент.

(Дарви Одраде)

Тамалейн вошла в покои Одраде незадолго до рассвета для того, чтобы сообщить неприятную новость.

— Подвижные пески сделали дорогу опасной или непроходимой в шести местах за морем. На полотно надвинулись большие дюны.

Одраде только что закончила свой утренний ритуал: мини-испытание Пряностью, комплекс физических упражнений и холодный душ. В гостевых апартаментах Эльдио (согласно вкусам Одраде) было только одно подвесное кресло, в котором она и сидела, ожидая Стрегги с утренним докладом.

Лицо Тамалейн имело нездоровый оттенок в свете плавающих ламп, но на нем ясно читалось злорадное удовлетворение: *Я вас предупреждала!*

— Доставьте сюда орнитоптеры, — сказала

Одраде.

Тамалейн вышла, явно разочарованная такой мягкой реакцией Верховной Матери.

Одраде проинструктировала и Стрегги:

— Проверь, нет ли другого пути. Обследуйте дороги, огибающие море с запада.

Стрегги поспешила выполнять приказ, едва не столкнувшись в коридоре с возвращающейся Тамалейн.

— Мне очень жаль, но Управление Транспорта не сможет немедленно обеспечить нас достаточным количеством орнитоптеров. Сейчас они заняты эвакуацией пяти общин с востока, и, вероятно, смогут выделить нам машины только к полудню.

— Нет ли на южном выступе Пустыни наблюдательного терминала? — спросила Одраде.

— Первая преграда расположена именно там, — ответила Тамалейн, все еще очень довольная собой.

— Пусть орнитоптеры ожидают нас там, — приказала Одраде. — Мы отправимся отсюда сразу после завтрака.

— Но, Дар…

— Скажи Клэйрби, что сегодня ты поедешь со мной. Слушаю тебя, Стрегги.

За спиной Тамалейн в дверях стояла вернувшаяся послушница.

Тамалейн вышла. Подчеркнуто развернутые плечи говорили о том, что Там не восприняла совместную поездку как прощение. *Всю жизнь на раскаленных углях!* Но такое поведение Тамалейн было сейчас только на руку Одраде.

— Мы сможем доехать до наблюдательного терминала, — доложила Стрегги, слышавшая конец разговора с Тамалейн. — Придется поглотать пыль и песок, но дорога безопасна.

— Давайте поторопимся с завтраком.

Чем ближе подъезжали они к Пустыне, тем более запустевшей выглядела земля. Машина неслась к югу, и Одраде объясняла спутнику то, что они видели.

Экипаж не сделал и нескольких сотен скачков, войдя в пределы выдвинувшегося к северу языка Пустыни, как стали видны следы перемещенных в более прохладные регионы поселков. Обнажившиеся фундаменты, разрушенные стены. Трубы, срезанные на уровне фундаментов. Было бы слишком дорогим удовольствием выкапывать их из земли. Скоро наступающий песок скроет эти руины, и никто никогда не отыщет их следов.

— Здесь нет такого Защитного Вала,

как на Дюне, — заметила Одраде, обращаясь к Стрегги. — Скоро настанет день, когда население Капитула сосредоточится возле полюсов и будет черпать воду, вгрызаясь в лед.

— Верно ли говорят, Верховная Мать, — спросил кто-то, сидевший сзади вместе с Тамалейн, — что мы уже приступили к изготовлению приспособлений для сбора Пряности?

Одраде обернулась. Вопрос задала старшая послушница, клерк из Управления Связи, пожилая женщина, лоб которой был изборожден глубокими морщинами от постоянной работы со сложным оборудованием и тяжкой ответственности. Послушница заметно косила.

— Мы должны быть готовы к приходу червей.

— Если они появятся, — проговорила Тамалейн.

— Ты когда-нибудь выходила в Пустыню, Там? — спросила Одраде.

— Я была на Дюне, — коротко парировала Тамалейн.

— Но была ли ты в открытой Пустыне?

— Только в ближних окрестностях Кина.

— Это не то же самое, — кроткий ответ требовал столь же краткого комментария.

— Другая Память рассказывает мне все, что нуж-

но. — Это было сказано для послушниц.

— Опять-таки это не то же самое, Там. Это надо сделать самой. На Дюне испытываешь любопытное ощущение, зная, что в любую минуту может прийти червь и пожрать тебя.

— Я слышала о том, как вы эксплуатировали Дюну.

Эксплуатировали. Не исследовали. Она осуждает нас. Очень похоже на Там. Кто-нибудь мог бы сказать, что «Тамалейн восприняла слишком многое от Беллонды».

— Такие прогулки по Пустыне изменяют человека, Там. Другая Память становится яснее. Это способ оживить в душе опыт наших фрименских предков. Это совершенно другое дело — походить по Пустыне самой хотя бы несколько часов, как это делали в незапамятные времена вольные фримены.

— Мне никогда не нравилось это ощущение.

Не требовалось больше никаких слов для характеристики духа Тамалейн. Ее собственная фраза выставила ее в дурном свете. Эти слова разнесутся по всему Капитулу.

Она действительно балансирует на раскаленных углях!

Однако все к лучшему. Не придется долго объ-

яснять, почему Шиана введена в Совет (если, конечно, она подойдет для этого назначения).

Наблюдательный терминал представлял собой массу зеленоватого и блестящего от жара оплавленного песка. Одраде постояла на краю этой массы, заметив, что на склоне некогда зеленого холма видны островки умирающей травы. Зато весь склон был покрыт соляным кустарником (его насаждали здесь люди Шианы, как сказал кто-то из сопровождения). Этот кустарник обрамлял наступающие языки Пустыни, словно прикрывая отчаянно оборонявшийся арьергард уходящей к северу пышной зелени.

Справа на терминал надвигалась низкая дюна. Сделав знак, чтобы за ней никто не следовал, Одраде поднялась на вершину песчаного холма и, дойдя до его края, увидела внизу Пустыню, столь знакомую ее памяти.

Так вот что мы создаем.

Никаких признаков человеческого присутствия. Одраде не стала оглядываться на растения, которые вступили в последнюю, отчаянную схватку с Пустыней, но вгляделась в расстилавшийся перед ней горизонт. Житель Пустыни не знает ничего, что бы ограничивало горизонт. Нет ни краев, ни границ. Все, что двигалось

в этой застывшей тишине, могло представлять опасность.

Вернувшись к остальным, она некоторое время рассматривала оплавленные стены Наблюдательного Терминала.

Престарелая послушница из Управления Связи выступила вперед и подала Одраде сообщение из Управления Погодой.

Одраде просмотрела сообщение. Кратко и неизбежно. Ничего неожиданного не содержалось в этих словах, говоривших о наступающих изменениях. Управление просило снабдить его новым наземным оборудованием. Спешка была вызвана не внезапной бурей, а вчерашним решением Верховной Матери.

Вчерашним? Но разве я только вчера приняла решение о ликвидации моря?

Она вернула сообщение связистке и снова посмотрела на оплавленные стены терминала, присыпанные песком.

— Требование удовлетворено. — Потом добавила: — Мне очень грустно видеть эти развалины.

Послушница пожала плечами. *Она пожимает плечами!* Одраде почувствовала острое желание ударить женщину. (Но не усилит ли это недовольство, которое и так распространяется

в Общине от наступления Пустыни!)

Одраде повернулась к послушнице спиной.

Что я могу ответить ей? Мы прожили на этой земле пять сроков жизни старейшей из наших Сестер, а эта… еще пожимает плечами!

Однако… если придерживаться строгих стандартов, Общины Сестер, обосновывавшиеся на планетах, редко достигали стадии подлинной зрелости. Плаз и пластил создавали, конечно, некоторую гармонию между зданиями и их расположением. *Они надолго оставались на земле и в памяти.* Поселки и города не так-то легко подчиняются воздействию внешних сил… но разрушаются из-за человеческой прихоти.

Это еще одна сила природы.

Уважение к старшим — очень странная вещь, подумала Одраде. Люди обладают этим свойством от рождения. Она чувствовала это почтение в голосе старого башара, когда он рассказывал о своем доме на Лернее.

«Мы думали, что такое убранство будет соответствовать вкусу моей матери».

Непрерывность. Сохранит ли это почтение новый гхола башара?

Это сохранение моего рода.

Слово «род» было как благородный налет

на старой меди. Мои предки, кровные предки.

Стоит посмотреть, как мы, Атрейдесы, держались за Каладан, восстанавливая старые замки, тщательно полируя резьбу на древних деревянных украшениях. Целые толпы слуг, которые отвечали за их сохранность. Те люди должны были поддерживать старые, трескавшиеся здания в пригодном для жилья виде.

Но сами эти слуги не чувствовали себя простыми марионетками. Они чувствовали особую привилегию в том, что им достался этот тяжкий труд. Их руки полировали старое дерево так, словно ласкали его.

— Это старина. Она пережила многие поколения Атрейдесов.

Люди и их произведения. Она почувствовала, что и сама является орудием, живым орудием времени.

Я становлюсь лучше, потому что в моих руках палка… с закаленным в огне концом, чтобы убивать добычу… потому что у меня есть убежище, охраняющее меня от холода… потому что в моей каменной келье собраны запасы пищи на зиму… потому что у меня есть быстроходные парусные суда… гигантские океанские лайнеры… эти корабли из металла и керамики, которые

несут меня в космос…

Как мало знали первые люди, прорвавшиеся в космос, куда принесет их корабль. Как одиноки были люди в те древние времена! Небольшие капсулы, в которых создавалась атмосфера, едва пригодная для жизни, скудные, ненадежные данные, которыми приходилось оперировать, слабые системы коммуникации. Изоляция. Покинутость. Одиночество. Ограниченные возможности для выживания. Необходимость очищать использованный воздух. Постоянные упражнения, чтобы не заболеть от невесомости. Все время быть подвижным и активным. Здоровый дух в здоровом теле. Но что такое здоровый дух?

— Верховная Мать?

Опять эта проклятая баба из Управления Связи!

— Да?

— Беллонда говорит, что должна немедленно сообщить вам о послании, полученном с Баззелла. На планету прибыли какие-то чужаки и увезли с собой всех Преподобных Матерей.

Одраде вскипела от негодования:

— И это все, что она сообщает?

— Нет, Верховная Мать. Чужаки подчинялись женщине. Посланец сообщил, что она выглядела

как Досточтимая Матрона, хотя и не была одета в их одежду.

— И никаких сообщений от Дортуйлы или других?

— Им не дали такой возможности, Верховная Мать. Посланец — послушница первой ступени. Она прибыла на маленьком корабле-невидимке, следуя ясному приказу Дортуйлы.

— Передай Белл, чтобы она ни под каким видом не отпускала послушницу. Это очень опасный источник информации. Я займусь подготовкой посланца, как только вернусь. Посланцем должна быть только Преподобная Мать. Ты поняла?

— Конечно, Верховная Мать!

В ответе прозвучала обида от проявленного сомнения.

Это произошло! Одраде с трудом сдерживала волнение.

Они клюнули на приманку. Теперь… но надежно ли они проглотили крючок?

Дортуйла сделала опасный шаг, доверив столь щекотливое поручение послушнице. Зная Дортуйлу, можно было, правда, предположить, что это очень надежная послушница, готовая убить себя в случае захвата. Надо обязательно встретиться с этой послушницей. Видимо, она готова к ис-

пытанию Пряностью. Вероятно, это послание, которое Дортуйла посылает лично мне и никому другому. Это очень похоже на нее.

Беллонда, конечно, проявит недоверие. *Глупо полагаться на людей, живущих на каторге!*

Одраде вызвала Управление Связи:

— Соедините меня с Беллондой.

Портативный проектор имел не такое хорошее разрешение, как стационарный, но тем не менее позволял разглядеть Белл, сидевшую в рабочем кабинете Верховной Матери.

Сидит за моим столом, как за своим собственным. Превосходно!

Одраде заговорила, не давая Беллонде времени на очередную вспышку:

— Посмотри, готова ли посланница к испытанию Пряностью?

— Она готова.

Господи! Для Беллонды это покорность.

— Тогда присмотрись к ней. Может быть, она подходит на роль нашего вестника.

— Уже сделано.

— Есть ли у нее силы?

— Есть, и очень много.

Все черти преисподней, что происходит с Белл? Она поступает очень странно. Такое впечат-

ление, что она перестала быть самой собой. Дункан!

— Да, вот еще что, Белл, Дункан должен получить открытый доступ в Архив.

— Он получил его сегодня утром.

Так, так. Встреча с Дунканом возымела свое действие.

— Я поговорю с тобой после встречи с Шианой.

— Передай Там, что она была права.

— В чем?

— Просто скажи ей это.

— Очень хорошо. Должна сказать, Белл, что твои действия более чем удовлетворяют меня.

— Как же я могу ошибаться после того, что ты сделала со мной?

Беллонда улыбалась, когда они разъединили связь. Одраде обернулась, за ее спиной стояла Тамалейн.

— В чем ты оказалась права, Там?

— В контактах между Айдахо и Шианой есть нечто большее, чем то, что мы подозревали. — Тамалейн приблизилась к Одраде и понизила голос: — Не сажай ее на мое место до тех пор, пока не узнаешь, в чем состоит их тайна.

— Я понимаю, что тебе ясны мои намерения, Там, но… неужели они так прозрачны?

— Иногда да, Дар.

— Какое счастье, что у меня есть такой друг, как ты.

— Есть и другие, верные тебе люди. Когда прокторы голосовали вотум доверия, то в твою пользу громче всего говорила твоя способность к творчеству. «Вдохновение» — так определила эту способность одна из прокторов.

— Тогда тебе понятно, что я как следует помучу Шиану, прежде чем приму одно из моих «вдохновенных» решений.

— Естественно.

Одраде дала знак связистке убрать проектор и направилась к краю оплавленного остатка стены.

Творческое воображение.

Ассоциации вызывали странную смесь чувств.

Творчество!

Оно всегда опасно для пошатнувшейся, разделенной власти. Творчество всегда связано с чем-то новым, а новое всегда способно ослабить хватку власти. Даже воспитанницы Бене Гессерит относились к творчеству с некоторой долей недовольства. Спокойный и ровный ход судна всегда побуждает некоторых людей попытаться раскачать лодку. За действиями Дортуйлы

чувствовалась стихия. Беда в том, что для творческих личностей необходимы участки стоячей воды. Они называют это частной жизнью. Потребовалось приложить усилие, чтобы вывести Дортуйлу из ее заводи.

Всего тебе хорошего, Дортуйла. Будь нашей самой лучшей приманкой.

Прибыли орнитоптеры — шестнадцать машин. Пилоты не скрывали недовольства этим новым заданием после всего, что им пришлось сегодня пережить. Эвакуировать целые поселки!

Расстроенная Одраде посмотрела на орнитоптеры, приземлившиеся на ровную оплавленную поверхность. Со сложенными крыльями, спрятанными в кожухи, они напоминали спящих насекомых.

Насекомые, спроектированные сумасшедшим роботом.

Когда они поднялись в воздух, Стрегги присела рядом с Одраде.

— Мы увидим червей? — спросила послушница.

— Возможно, но пока не поступало никаких сообщений об этом.

Стрегги, разочарованная ответом, отошла. Но ответ Одраде не побудил ее задать следующий

вопрос. Истина иногда бывает горькой, а они вложили все свои надежды в последнюю ставку этой эволюционной игры, подумала Одраде.

Но почему мы должны для этого уничтожить все, что мы любим на Капитуле?

Параллельный поток сознания вызвал в памяти образ арки, ведущей к входу в здание из розового кирпича: *ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ НЕИЗЛЕЧИМЫХ БОЛЬНЫХ.*

Не оказалась ли вся Община Сестер в таком госпитале? Или это было отражением того, что на пути Общины случилось так много неудач? Вторжение Другой Памяти имело свой смысл.

Неудачи?

Одраде поразмыслила. *Если уж на то пошло, то мы должны считать Мурбеллу Сестрой.* Нельзя сказать, что плененная Досточтимая Матрона была неизлечимым случаем, но она не подходила им по многим параметрам, и самое главное, ее обучение началось в очень позднем возрасте.

Какое спокойствие царит вокруг. Сопровождающие во все глаза уставились на бескрайний песок. Дюны, похожие на спины китов, выступали над поверхностью Пустыни, по которой

изредка пробегала мелкая рябь. Раннее полуденное солнце высвечивало очертания дюн, подчеркивая ближнюю перспективу. Горизонт был закрыт облаками пыли.

Одраде свернулась клубочком на сиденье и заснула. *Мне знаком этот вид, ведь я пережила Дюну.*

Орнитоптер зашел на посадку, и болтанка разбудила Одраде. Внизу был Центр Слежения за Пустыней. Здесь живет Шиана и руководит Центром.

Центр Слежения за Пустыней. Опять мы здесь. Мы даже не дали этому центру подобающего названия… так же, как не дали имени всей планете. Капитул! Что это за имя? Центр Слежения за Пустыней! Описание, а не имя. Ударение сделано на преходящем.

Пока они спускались, Одраде успела разглядеть подтверждение своим мыслям. Впечатление временности поселения усиливалось видом домов, которые были соединены между собой грубыми, угловатыми конструкциями. Ни мягкости, ни округлостей. *Эти элементы соединены в единое целое, а выход находится там.* Все части были соединены между собой временными, съемными деталями.

Посадку нельзя было назвать мягкой.

— Сели, и слава Богу! — сказал по этому поводу пилот.

Одраде немедленно направилась в отведенные ей апартаменты в доковой пристройке и вызвала Шиану. Временное жилье: спартанская келья с жесткой лежанкой. На этот раз в комнате два стула. Из окна, выходящего на запад, открывался вид Пустыни. Временность обстановки действовала на Одраде раздражающе. Все, что здесь находилось, могло быть демонтировано за считанные часы и увезено в любом направлении. Верховная умылась в маленькой ванной, попытавшись одновременно размяться. Сон в неудобном положении отзывался болью в оцепеневших суставах.

Освежившись, Одраде подошла к окну. Как хорошо, что строители возвели эту башню. Десять этажей. Этот — девятый. Шиана располагалась на десятом, последнем, откуда ей было удобно осуществлять то, для чего самим названием предназначалось это место.

Ожидая встречи, Одраде сделала необходимые приготовления.

Открой свой разум. Спрячь предубеждения поглубже.

Первое впечатление, когда войдет Шиана, надо воспринять наивным взором. Не надо готовить слух к определенным модуляциям голоса. Не надо готовиться к каким-то знакомым запахам.

Я сама ее выбрала. Я, ее первый учитель, больше всех склонна к ошибочным решениям.

Одраде обернулась на звук открываемой двери. Стрегги.

— Шиана только что вернулась из Пустыни и сейчас находится со своими людьми. Она просит Верховную Мать встретиться с ней наверху, в более удобном помещении.

Одраде согласно кивнула.

Апартаменты Шианы производили то же впечатление конструкции, собранной на скорую руку из фабричных деталей. Временное укрытие на краю наступающей Пустыни. Помещение было большим, в шесть-семь раз больше, чем каморка для гостей, но оно служило одновременно рабочим кабинетом и спальней. Окна в двух стенах — западной и северной. Одраде поразилась сочетанию функциональных и нерациональных деталей обстановки.

Шиана сумела выразить обстановкой свою суть. Стандартный диван Бене Гессерит был застелен оранжево-янтарным покрывалом. На дальней

стене висел черно-белый рисунок, на котором был изображен песчаный червь, выставивший все свои хрустальные зубы. Шиана нарисовала его, положившись на Другую Память и детские впечатления, которые водили ее руку.

О Шиане говорило многое: она не пыталась создать что-то более амбициозное, например картины в полном цвете, в традициях Пустыни. Это был просто червь, рядом с которым угадывался песок. Перед пастью зверя стояла одинокая крошечная фигурка в длинной накидке.

Она сама?

Достойное восхищения самоограничение и постоянное напоминание о том, как она оказалась здесь. Глубокое впечатление природы.

Природа не может произвести плохое искусство?

Это очень поверхностное утверждение, его нельзя принять безоговорочно.

Что мы имеем в виду под словом «природа»?

Одраде приходилось видеть отвратительную природную дикость: хрупкие деревца, словно испачканные в тусклой зеленой краске и оставленные на краю тундры, словно высушенные пародии на настоящие деревья. Отталкивающее зрелище. Трудно вообразить, что в существо-

вании таких деревьев была заложена какая-то разумная цель. А слепые черви… со слизистой желтой шкурой. Где заключенное в них искусство? Это просто временные промежуточные станции на бесконечной дороге эволюции. Можно ли сказать, что вмешательство человека в искусство природы представляет собой что-то особенное? Слиньи! Тлейлаксианцы действительно создали нечто не только особенное, но и омерзительное.

Восхищаясь рисунками Шианы, Одраде решила, что некоторые комбинации все же являлись вызовом и оскорблением для некоторых человеческих чувств. Слиньи — прелестная еда, нечего сказать! Безобразные сочетания задевали самый примитивный и древний опыт. Этот опыт имел право на суждения.

Какая отвратительная вещь!

Многое из того, что мы считаем искусством, в действительности служит для укрепления уверенности в себе. Не задевай меня! Я знаю, что я могу воспринять.

В каких чувствах укрепляло Шиану ее искусство?

Песчаный червь: слепая сила, охраняющая спрятанные сокровища. Артистичность мисти-

ческого великолепия.

Ей докладывали, что Шиана с юмором относилась к своему назначению.

— Я пастух червей, которые, вероятнее всего, не существуют.

Но даже если они и появятся, пройдет не один год, прежде чем хотя бы один из них достигнет размера, изображенного на рисунке Шианы. Не звучит ли ее голос в словах, которые произносит фигурка перед пастью червя?

«Он придет в свое время».

Комната была заполнена ароматом меланжи, этот запах был намного сильнее, чем в жилище обычной Преподобной Матери. Одраде внимательно оглядела мебель: стулья, стол, осветительные приборы — все было размещено весьма обдуманно и рационально. Но что это за бесформенный кусок плаза в углу? Еще одна работа Шианы?

Эти комнаты вполне подходят Шиане, решила Одраде. Ничто, кроме рисунка, не напоминало о происхождении Шианы, но вид из окна мог быть видом Дар-эс-Балата, затерянного в глубинах засушливых земель Дюны.

У двери раздался легкий шорох. Одраде обернулась и увидела стоявшую у входа Шиану.

Она огляделась со смущенным видом, прежде чем осмелилась войти в комнату, в которой находилась сама Верховная Мать.

Движения могут заменить слова: «Итак, она пришла в мою комнату. Это хорошо. Кто-то другой мог бы и пренебречь моим приглашением».

Одраде привела в порядок ощущения, спутанные появлением Шианы, — самой молодой за всю историю Бене Гессерит Преподобной Матери. Ты часто думала о ней как о *тихой маленькой Шиане.* Она не всегда была тихой и давно перестала быть маленькой, но ярлык остался. Нет, Шиана не похожа на мышь, но в ее поведении было что-то от повадки грызуна, который терпеливо сидит на краю поля и ждет, когда уйдет земледелец, а тогда мышь бросится вперед, грызть посеянные зерна.

Шиана вошла в комнату и остановилась в полушаге от Одраде.

— Мы очень давно не виделись, Верховная Мать.

Первое впечатление было очень неотчетливым и до странности спутанным.

Искренность и скрытность?

Шиана стояла, исполненная готовности слу-

шать.

У этого потомка Сионы Атрейдес получилось интересное лицо, прикрытое маской Бене Гессерит. Зрелость наложила на нее как отпечаток воспитания Бене Гессерит, так и следы происхождения от Атрейдесов. На лице запечатлелись следы твердых решений. Стройная девочка из Пустыни с выжженной солнцем прядью уступила место уравновешенной и спокойной Преподобной Матери. Кожа сохранила свой темный оттенок благодаря постоянному пребыванию на солнце. В волосах сохранилась выгоревшая прядь. Глаза, однако, изменились. Они стали синими, со стальным оттенком, говорившим: «Я прошла испытание Пряностью».

Это и есть то, что я в ней чувствую?

Шиана уловила выражение лица Одраде (наивность Бене Гессерит!) и поняла, что Верховная ожидала этой встречи с затаенным страхом.

У нее нет другой защиты, кроме правды, и я надеюсь, что она не замедлит с полным признанием!

Одраде тщательно рассматривала свою бывшую ученицу, ее чувства были полностью открыты.

Страх! Что я чувствую? Что я ощутила, когда

она заговорила?

Твердость голоса Шианы трансформировалась в мощный инструмент. Это Одраде предчувствовала заранее, еще при первом знакомстве с девочкой. Исходная природа Шианы (природа фременов, если таковая когда-то существовала!) изменила свою направленность и форму, оставшись верной духу и сути. Под жесткой уздой угадывалась способность любить и ненавидеть.

Почему меня не покидает ощущение, что она хотела меня обнять?

Одраде внезапно почувствовала свою уязвимость.

Эта женщина смогла взломать мою оборону и сейчас находится на моих позициях. Мне не удастся полностью от нее избавиться, изгнать ее из себя.

На память пришел давний разговор с Тамалейн: *«Она из тех, кто умеет сохранять верность самим себе. Помнишь Сестру Швандью? Шиана похожа на нее, но она лучше. Шиана знает, куда идет. За ней надо внимательно следить. Ты же понимаешь, кровь Атрейдесов».*

– Я тоже Атрейдес, Там.

– Не думай, что мы об этом забыли! Думаешь, мы будем спокойно стоять и смотреть,

как Верховная Мать станет скрещивать себя для потомства? Есть пределы и нашему терпению, Дар».

— Мой визит несколько запоздал, Шиана.

Тон Одраде насторожил Шиану. Она посмотрела в глаза Одраде с тем выражением, которое называлось в Общине Сестер «безмятежностью Бене Гессерит». Это было спокойствие, безмятежнее которого не существует ничего во вселенной. Никто никогда не узнает, какие страсти бушуют под маской этого спокойствия. Это был даже не барьер, это было подлинное *ничто.* Все, что появляется на этой маске, являлось преступлением, то есть предательством. Шиана мгновенно это поняла и рассмеялась.

— Я так и поняла, что меня будут прощупывать! Разговоры с Дунканом с помощью языка жестов, так? *Будьте любезны, Верховная Мать, съешьте и это!*

— Я хочу все знать об этих разговорах, Шиана.

— Он хочет, чтобы его кто-нибудь спас, если нападут Досточтимые Матроны.

— И это все?

Она что, действительно считает меня непроходимой дурой?

— Нет. Он хочет получить информацию о на-

ших намерениях… и о том, что мы будем делать для отражения угрозы нападения Досточтимых Матрон.

— И что ты ему сказала?

— Все, что смогла.

Правда — мое единственное оружие. Мне надо ее отвлечь.

— Ты друг Дункана, Шиана?

— Да!

— Я тоже.

— Но не Там и Белл?

— Мои информаторы доносят, что Белл стала относиться к нему терпимо.

— Белл? Терпимо?

— Ты неверно судишь о ней, Шиана. Это твой недостаток.

Она что-то скрывает. Что ты сделала, Шиана?

— Шиана, ты полагаешь, что не сможешь работать с Белл?

— Потому что я поддразниваю ее?

Работать с Белл? Только не Белл должна возглавлять этот проклятый проект Защитной Миссии.

У Одраде непроизвольно дернулся угол рта. *Еще одна шалость? Возможно ли это?*

Шиана была главной темой всех сплетен обеденного зала в Централе Капитула. Истории о том, как она дразнит специалистов по селекции (особенно Белл) и снабженные пикантными подробностями россказни о соблазнениях, топливом для которых служило сравнение с Досточтимыми Матронами, сведения о которых просачивались через Мурбеллу, возбуждали послушниц больше, чем пища, приправленная Пряностью. Одраде сама слышала обрывки одной из таких историй пару дней назад: «Она сказала: «Я пользовалась методом *Пусть он плохо себя ведет.* Очень эффективен с мужчинами, которые воображают себя лидерами»».

— Поддразниваешь? Это действительно то, чем ты занимаешься, Шиана?

— Это самое подходящее слово. Воссоздаешь форму, которая противоречит естественным склонностям жертвы.

Шиана поняла, что допустила ошибку, не успев закончить фразу.

Одраде почувствовала предостерегающее спокойствие. *Воссоздать форму?* Ее взгляд уперся в странную бесформенную массу в углу. Она уставилась на эту массу с вниманием, удивившим ее самое. Внимание размывало видение. Она пыта-

лась сосредоточиться, понять, что эта куча плаза старается ей сказать. Ответа не было, его не было даже тогда, когда Одраде дошла до предела сосредоточенности. *В этом и заключается его цель!*

— Эта скульптура называется «Пустота», — проговорила Шиана.

— Твое? — спросила Одраде.

Шиана, прошу тебя, скажи «нет», ибо тот, кто сделал это, проник в мироздание до недоступных мне пределов.

— Я вылепила это однажды ночью, пару недель назад.

Черный плаз — это единственная вещь, которой ты придаешь форму?

— Чарующий общий взгляд на искусство.

— А частный?

— У меня большие проблемы с тобой, Шиана. Ты внушаешь тревогу некоторым Сестрам.

И мне. В тебе есть нечто дикое, то, что мы не нашли в тебе своевременно. Маркеры генов Атрейдесов, о которых говорил Дункан, присутствуют в твоих клетках. Что они дали тебе?

— Тревогу?

— Особенно когда они вспоминают, что ты — самая молодая из всех, кто пережил испытание Пряностью.

— Я уже не говорю о Мерзости.

— Ты — ее воплощение?

— Верховная Мать!

Она никогда намеренно не причиняла мне боль, только в воспитательных целях.

— Ты прошла испытание так, словно это был акт неповиновения.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я пошла против советов взрослых?

Юмор иногда отвлекает ее.

Престер, послушница Шианы, подошла к двери и легонько поскреблась в нее, привлекая к себе внимание.

— Вы приказали, чтобы я немедленно доложила о возвращении поисковых групп.

— Что они сообщают?

В голосе Шианы слышится облегчение?

— Команда номер восемь хочет, чтобы вы посмотрели их скан.

— Они все этого хотят!

Шиана говорила с деланной растерянностью.

— Вы не хотите взглянуть на скан, Верховная Мать?

— Я подожду здесь.

— Это не займет много времени.

Когда они вышли, Одраде подошла к западному

окну, из которого открывался вид на Пустыню поверх крыш. Виднелись мелкие дюны. Предзакатный час и сухой жар очень напоминали Дюну.

Что скрывает Шиана?

На соседней крыше загорал обнаженный молодой человек, почти мальчик. Он лежал лицом вверх на зеленом матраце, прикрыв глаза золотистым полотенцем. Кожа его приобрела золотистый оттенок в тон полотенцу и волосам на лобке. Ветерок шевелил угол полотенца. Рука вяло поднялась и поправила полотенце.

Почему он проводит время в праздности? Работает в ночную смену? Возможно.

Праздность не поощрялась, а этот тип выставлял ее напоказ. Одраде мысленно усмехнулась. Каждый может в свое оправдание сказать, что работает по ночам. Вероятно, он зависит от этой догадки. Трюк не заметит тот, кто не знает правду.

Я не стану ни о чем спрашивать. Сообразительность должна быть вознаграждена. Да и в конце концов, он действительно может *работать в ночную смену.*

Она подняла взор. На горизонте разворачивалось незабываемое зрелище. По всей его линии

полыхнула яркая оранжевая полоса, вспухшая в том месте, где садилось солнце, только что нырнувшее за горизонт. Серебристая голубизна над оранжевым поясом, постепенно темнеющая по направлению к востоку. Она видела такие закаты на Дюне. Одраде никогда не интересовалась метеорологическими объяснениями этого феномена.

Лучше просто смотреть на это преходящее великолепие. Лучше просто позволить ушам и коже почувствовать внезапную тишину и покой, нисходящие на землю в стремительно наступающей темноте, следующей за игрой оранжевых красок заката.

Краем глаза она заметила, что молодой человек встал, поднял матрац и скрылся за вентиляционной трубой.

В коридоре послышался звук множества бегущих ног. В комнату, едва переводя дыхание, влетела Шиана.

— Они нашли скопление Пряности в тридцати переходах к северо-востоку от нас! Скопление небольшое, но компактное!

Одраде не смела высказать вслух свою надежду.

— Может быть, его нанес ветер?

— Не похоже. Я установила там круглосуточное наблюдение. — Шиана взглянула в окно, возле которого стояла Одраде. *Она видела Требо. Возможно…*

— Я спросила тебя, Шиана, сможешь ли ты работать с Белл. Это очень важный вопрос. Там стареет, и скоро ее надо будет заменять. Конечно, по этому поводу состоится голосование.

— Я?

Для Шианы это было полной неожиданностью.

— Ты — мой первый выбор.

Это императив. Я хочу, чтобы ты была рядом. Так мне будет легче следить за тобой.

— Но я думала… Я хочу сказать, что план Миссии…

— Это может подождать. Должен найтись человек, который сможет пасти червей… если, конечно, скопление Пряности означает то, на что мы все надеемся.

— О? Да… среди моих людей есть несколько человек, но среди них нет ни одного, кто мог бы… Вы не хотите испытать, по-прежнему ли черви реагируют на меня?

— Работа в Совете не имеет с этим ничего общего.

— Я… но вы же видите, как я удивлена.

— Я бы сказала, что ты потрясена. Скажи мне, Шиана, что по-настоящему интересует тебя в последние дни?

Она все еще прощупывает меня. Послужи мне, Требо!

— Забота о том, чтобы Пустыня быстрее росла. *Правда!* Ну и, конечно, моя половая жизнь. Вы видели на крыше молодого человека. Его зовут Требо, и прислал мне его Айдахо для шлифовки.

Даже после ухода Одраде Шиана не могла понять, почему последнее сообщение вызвало такое бурное веселье. Но, во всяком случае, Верховную Мать удалось отвлечь.

Не пришлось даже для этого пользоваться своим главным оружием — говорить правду. *«В действительности мы обсуждали возможность моего запечатления Тега и восстановления таким способом исходной памяти старого башара».*

Удалось избежать полной откровенности. *Верховная Мать так и не узнала, что я открыла способ привести в движение наш ставший тюрьмой корабль-невидимку и обезвредить мины, которые заложила в него Беллонда.*

Есть такая горечь, которую не могут замаскировать никакие сладости. Если вам в рот попала горечь, выплюньте ее. Так поступали наши далекие предки.

(Кодексы)

Мурбелла проснулась среди ночи, страшный сон продолжался и наяву, хотя женщина осознавала, что уже не спит. Рядом посапывал Дункан, тихо пощелкивали механизмы, на потолке светилась хронопроекция. Сегодня Мурбелла настояла на том, чтобы Дункан спал с ней; она боялась оставаться одна. Недаром он не желал четвертой беременности.

Она присела на край кровати. Хронопроектор заливал комнату тусклым призрачным светом. Образы сновидения не отпускали Мурбеллу.

Дункан что-то пробурчал и перевернулся на другой бок. Рука его легла на ее бедро.

Мурбелла чувствовала, что образы, преследующие ее, не имеют отношения к сновидению, хотя и несли его внешние признаки. Это было одним из проявлений учения Бене Гессерит. Это они и их проклятые предположения относительно Сциталя и… всего прочего! Они навязывали ей движения, которыми она не умела управлять.

Сегодня вечером ее буквально утопили в безум-

ном мире слов. Причина ясна. Утром Беллонда узнала, что Мурбелла говорит на девяти языках, и направила подозрительную послушницу по пути так называемого лингвистического наследия. Одно то, что Белл имела отношение к этому ночному безумию, делало положение безвыходным.

Ночной кошмар. Она сама представлялась себе микроскопическим созданием, зажатым в огромной ловушке, на стенах которой были огромными буквами начертаны слова: «Резервуар Данных». Эти буквы были везде, на какой бы бок она ни повернулась. Ожившие буквы с хищными челюстями и жадными щупальцами окружили Мурбеллу со всех сторон.

Хищные твари, а она их жертва!

Она окончательно проснулась, но, даже сознавая, что сидит на краю постели и что Дункан обнимает ее за ноги, она по-прежнему видела этих ненасытных зверей. Они грозили ей, отталкивая назад. Она понимала, что пятится назад, хотя тело ее оставалось неподвижным. Твари подталкивали ее к ужасной катастрофе, которую она не могла себе представить. Она не могла повернуть головы! Она не только видела этих животных, которые заполняли своими телами часть спальни, но и слышала дикий вой, какофо-

нию девяти разных наречий.

Они разорвут меня на части!

Хотя она и не могла повернуться, Мурбелла вполне отчетливо сознавала, что сзади ее поджидают те же клыки и когти. Угроза надвигается отовсюду! Если чудовища загонят ее в угол и набросятся, то она обречена.

Загнанная в угол. Мертвая. Жертва. Плен и пытки. Честная игра.

Отчаяние переполняло Мурбеллу. Почему Дункан не проснется и не спасет ее? Его рука лежала на ее ногах мертвым грузом; это он не пускает ее и позволяет чудовищам угрожать ей страшной западней. Она задрожала. По всему телу выступил холодный пот. Какие страшные слова! Они соединяются в ужасные сочетания. Тварь с торчащими изо рта острыми клыками подошла к ней вплотную, выкрикивая слова, вылетавшие из чернеющей между зубами пасти.

Смотри выше.

Мурбелла начала нервно хохотать. Она не властна над этим. *Смотри выше. Все кончено. Смерть. Жертва…*

Смех Мурбеллы разбудил Дункана. Он сел, прибавил свет и воззрился на подругу. Как же он

взъерошен после ночи бурной любви.

Он ничего не понимал, и в его взгляде читались удивление и недоумение.

— Над чем ты смеешься?

Смех сменился судорожным рыданием. У Мурбеллы сильно кололо в боку. Она опасалась, что расспросы Дункана спровоцируют новый спазм.

— О, Дункан! Это… сексуальное столкновение!

Оба называли этим термином взаимный сексуальный плен. Но почему она смеется?

Озадаченное выражение лица Айдахо показалось Мурбелле неуместным и нелепым.

Между рыданиями она выдавила из себя:

— Еще два слова.

Ей пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы предупредить следующую вспышку.

— Что?

Какой у него смешной голос. Она никогда в жизни не слышала ничего более забавного. Она шлепнула его ладонью и помотала головой.

— О… о!

— Мурбелла, что с тобой происходит?

Но она в ответ лишь продолжала трясти головой.

Он попробовал улыбнуться. Это немного успо-

коило ее. Мурбелла прильнула к другу.

— Нет! — крикнула она, почувствовав, что он начинает ласкать ее. — Я просто хочу быть с тобой рядом.

— Посмотри, который час.

Дункан поднял лицо к потолку.

— Почти три.

— Это было так забавно, Дункан.

— Так расскажи мне, что произошло.

— Сейчас, только переведу дух.

Он ласково уложил подругу на подушку.

— Мы с тобой ведем себя как старая супружеская чета. Рассказываем друг другу по ночам забавные истории.

— Нет, дорогая, мы — совсем другое.

— Дело только в степени, не более того.

— Нет, дело в качестве, — настаивала она на своем.

— Так что было здесь забавного?

Она рассказала о ночном кошмаре и влиянии Беллонды.

Дзенсунни. Это очень древняя техника. Сестры используют ее для твоего избавления от старых травм. Слова стимулируют ответы подсознания.

Страх вернулся с новой силой.

— Мурбелла, почему ты дрожишь?

— Досточтимые Матроны предупреждали, что с нами произойдет нечто ужасное, если мы попадем в руки Мастеров Дзенсунни.

— Чушь собачья! Я прошел через это, когда учился на ментата.

Его слова спровоцировали появление другого фрагмента. Откуда-то возник зверь о двух головах. Обе пасти открыты. В них — слова. Голова слева кричала «Одно слово…», а справа: «Приводит к другому!»

Веселье вытеснило страх. Он улегся без смеха.

— Дункан!

— М-м-м! — В этом звуке послышалось отчуждение ментата.

— Белл сказала, что Бене Гессерит использует слова, как оружие, в виде Голоса. «Инструмент управления» — назвала она его.

— Это урок, который ты должна усвоить, как инстинкт. Они никогда не решатся обучать тебя чему-то более глубокому, пока ты не пройдешь эту ступень. Они просто не смогут тебе доверять.

Но тогда я не смогу верить тебе.

Она отодвинулась от него и посмотрела в глазок видеокамеры, поблескивающий в стене.

Они все еще испытывают меня.

Мурбелла была уверена, что учителя между

собой обсуждают ее. Разговоры затихали при ее появлении. Они смотрели на нее с таким выражением, словно она была представителем редкого биологического вида.

В мозгу зазвучал голос Беллонды.

Щупальца ночного кошмара. Потом наступило утро. Она выполняла упражнения, и запах пота бил ей в ноздри. Она проходит испытание и должна держаться на расстоянии трех шагов от Преподобной Матери. Слышен голос Белл:

— Никогда не становись экспертом, это подавляет способность рассуждать.

Все это из-за того, что я спросила, нет ли слов, которые могут привести в Бене Гессерит.

— Дункан, почему они смешивают духовное и физическое учения?

— Тело и дух взаимно укрепляют друг друга. — Голос прозвучал сонно. *Будь он проклят! Он опять засыпает.*

Она потрясла Дункана за плечо.

— Если слова ни черта не значат, то почему они так много говорят о дисциплине?

— Паттерн, — пробормотал он сквозь сон. — Грязное слово.

— Что? — Она снова изо всех сил встряхнула его.

Дункан перевернулся на спину и, едва шевеля губами, произнес:

— Дисциплина — это образец, образцу нельзя подражать, это неправильно. Они говорят, что все мы — творцы образцов… мне думается, для них это то же самое, что «порядок».

— Но чем образец так плох?

— Он дает другим в руки рычаг для нашего уничтожения или заманивания в западню… которой мы не можем избежать, так же, как и не можем ничего изменить в естественном ходе вещей.

— Ты сказал неправду о духе и теле.

— Гм-м-м, что?

— Это давление, которое прижимает одного человека к другому.

— Разве это не то же самое, что я сказал? Эй! Ты собираешься говорить или спать, или как?

— Или как. Мы не будем спать сегодня.

Дункан тяжело вздохнул.

— Они, кажется, не собираются укреплять мое здоровье.

— Никто из них и не обещал тебе этого.

— Это приходит позже, после испытания.

Она знала, что он ненавидит само воспоминание об этой муке, но не смогла промолчать. Страшная перспектива захватила ее до глубины

души.

— Ладно! — Он сел, взбил подушку и, подложив ее себе под спину, уставил на Мурбеллу изучающий взгляд. — Так в чем дело?

— Как они умны со своими словами-оружием! Она привела к тебе Тега и сказала, что ты несешь за него полную ответственность.

— Ты не веришь в это?

— Он думает о тебе как о своем отце.

— Это не так.

— Нет, но… но ты сам разве не думал так о старом башаре?

— Когда он восстанавливал мою память… Ну да.

— Вы оба — пара интеллектуальных сирот, которые постоянно ищут родителей, которых нет с вами. Он не имеет ни малейшего представления о том, какую боль ты ему причинишь.

— Это означает разбить семью.

— Итак, ты ненавидишь в нем башара и очень рад, что сможешь причинить ему боль.

— Я этого не говорил.

— Почему он так важен для них?

— Башар? Он военный гений, всегда совершал то, чего от него никто не ждал. Он побеждал противников тем, что всегда появлялся там, где его

не ждали.

— Но разве этого не может делать кто-то другой?

— Может, но не так, как это делал он. Он сам изобретает тактику и стратегию. Вот так! — Он яростно щелкнул пальцами.

— Еще больше насилия, как у Досточтимых Матрон.

— Не всегда. Башар имел репутацию человека, способного побеждать без сражений.

— Я знаю историю.

— Не доверяй ей.

— Но ты только что сам сказал…

— История фокусирует свое внимание на столкновениях и конфронтации. В этом есть доля истины, но не вся истина. Есть упрямые вещи, которые прячутся под многочисленными наслоениями, нагроможденными историками.

— Упрямые вещи?

— История касается женщин, которые сеют рис, погоняя буйвола, который тянет ее плуг. В это время ее муж скорее всего воюет в чужой стране, не так ли?

— Но почему это — упрямая вещь, и почему это важнее, чем…

— Ее дети в доме, они хотят есть, им нужна

пища. Мужчины в это время предаются своему сезонному сумасшествию. Но кто-то должен пахать. Она, и только она, — образ человеческого упорства.

— В твоих устах это звучит очень горько… И вообще мне кажутся странными твои слова.

— Учитывая мой военный опыт?

— Да, и то, что Бене Гессерит постоянно подчеркивает, что его башар и его элитные войска… и…

— Ты думаешь, что важные сами по себе люди занимаются важным самим по себе насилием? Они могут переехать женщину, пашущую на волах?

— Почему нет?

— Потому что очень немногие могут избежать их колесниц. Насильники проезжают мимо женщин, пашущих землю, и редко видят, что они только что прикоснулись к основной реальности. Бене Гессерит просто не мог пройти мимо этого.

— Опять-таки почему нет?

— Важные сами по себе имеют ограниченный кругозор, потому что все время скачут в пределах мертвой реальности. Женщины и плуг — это реальность жизни. Без реальности жизни не может существовать человечество. Мой Тиран ясно видел это. Сестры благословляют его за это, не пе-

реставая проклинать.

— То есть ты сознательно принимаешь участие в воплощении их мечты?

— Кажется, так оно и есть. — В его голосе прозвучало искреннее удивление.

— Ты до конца честен с Тегом?

— Он спрашивает, я даю ему искрение ответы. Я не верю, что можно совершать насилие из чистого любопытства.

— И ты действительно несешь за него полную ответственность?

— Это не совсем то, о чем она говорит.

— Ах, любовь моя. Это не совсем то. Ты называешь Беллонду лицемеркой, но не называешь так Одраде. Дункан, если бы ты только знал…

— Поскольку мы игнорируем видеокамеры, плюнь на все это.

— Ложь, порок, обман…

— Эй, как быть с Бене Гессерит?

— У них на этот счет существует древнее как мир оправдание: Сестра **А** делает так, если я делаю то, что само по себе не плохо. Два преступника покрывают друг друга.

— Какие преступники?

Она заколебалась. *Говорить или нет? Нет. Но он ждет какого-нибудь ответа.*

— Белл в восторге от того, что вы с Тегом поменялись ролями! Она просто жаждет увидеть, как он перенесет эту боль.

— Вероятно, нам придется ее разочаровать. — Он понимал, что слишком рано открывает карты. Слишком рано.

— Поэтическая справедливость! — Мурбелла тоже была в полном восторге.

Отвлеки их!

— Их не интересует справедливость. Честность, да. Это их излюбленная проповедь: «Те, против кого направлено суждение, должны признать его честность».

— Итак, они приучили тебя принимать их суждения?

— В любой системе есть крупные ячейки.

— Ты же знаешь, милый, что послушницы учатся многим вещам.

— Именно поэтому они и называются послушницами.

— Я имею в виду, что мы много общаемся друг с другом.

— Мы? Ты же не послушница, ты прозелитка.

— Кем бы я ни была, я слышу много всяких историй. Твой Тег может оказаться совсем не тем, кем он кажется.

— Сплетни послушниц.

— Есть истории о Гамму, Дункан.

Он изумленно уставился на нее. *Гамму? Он мог называть эту планету только ее исходным именем: Гьеди Один. Адское гнездо Харконненов.*

Она приняла его молчание за приглашение продолжать.

— Рассказывают, что Тег мог передвигаться так быстро, что за ним невозможно было уследить взглядом, что он…

— …вероятнее всего, и является автором этих россказней.

— Некоторые Сестры не разделяют твоего скепсиса. Они занимают выжидательную позицию. Они хотят проявить осторожность.

— Ты ничего не читала о Теге в своей распрекрасной истории? Для него очень характерно распускать о себе всяческие слухи. Заставлять людей принимать меры напрасной предосторожности.

— Но вспомни, что я сама была тогда на Гамму. Досточтимые Матроны были расстроены и вне себя от ярости. Что-то шло не так, как надо.

— Совершенно точно можно сказать, что Тег, как всегда, был непредсказуем. Он поразил и ошеломил их. Похитил один из их кораблей-

невидимок. — Он постучал кулаком по стене. — Вот этот, между прочим.

— Община Сестер играет на запрещенном поле, Дункан. Они всегда говорят мне, что надо дождаться испытания. Тогда все станет ясно. Будь они прокляты!

— Похоже, что они готовят тебя для работы в Защитной Миссии. Они разрабатывают религии для разных народов и преследуют особые цели.

— Тебе не кажется, что это неправильно?

— Это мораль. Я не собираюсь дискутировать на эту тему с Преподобными Матерями.

— Почему?

— Религии разбиваются об эту скалу, но БГ никогда не разобьется.

Дункан, если бы ты только знал их мораль!

— Их очень раздражает то, что ты слишком много о них знаешь.

— Белл даже хотела меня за это убить.

— Ты не думаешь, что Одраде не лучше ее?

— Что за вопрос!

Одраде? Ужасная женщина, если задуматься о ее способностях. Атрейдес, этим сказано все. Я знал Атрейдесов и Атрейдесов. Эта — первое лицо Бене Гессерит. Тег — идеал Атрейдесов.

— Одраде говорила, что верит в твою верность

Атрейдесам.

— Я верен чести Атрейдесов, Мурбелла. *Но я сам принимаю моральные решения, касающиеся Общины Сестер, этого ребенка, которого они мне вручили, Шианы… и моей возлюбленной.*

Мурбелла прильнула к Дункану, прижавшись грудью к его руке.

— Иногда я хочу убить их всех!

Неужели она думает, что ее могут не услышать? Он сел, увлекая ее за собой.

— Что выбило тебя из колеи?

– *Она* хочет, чтобы я поработала со Сциталем.

Поработать. Это эвфемизм Досточтимых Матрон. *Ну а почему бы и нет? Она «работала» со многими мужчинами, прежде чем мы с ней встретились.* Но здесь сработала древняя мужская реакция. Только не с этим… Сциталем? С проклятым Тлейлаксу?

— Верховная Мать? — Ему надо было удостовериться.

— Она, именно она. — Мурбелла почувствовала необычайное облегчение, сбросив с себя страшную тяжесть.

— Как ты отреагировала?

— Она сказала, что это твоя идея.

— Моя… Ни в коем случае! Я предложил полу-

чить от него информацию, но…

— Она говорит, что в Бене Гессерит это обычная вещь, точно так же, как и у Досточтимых Матрон. Иди и спи с этим. Соблазни того. Обычная повседневная работа.

— Я спросил, как ты отреагировала?

— Я возмутилась.

— Почему?

Зная твою историю…

— Я люблю тебя, Дункан, и… мое тело… предназначено для того, чтобы дарить тебе радость, точно так же, как ты…

— Мы старая супружеская чета, и ведьмы хотят нас разлучить.

Его слова зажгли в душе воспоминание о леди Джессике, любовнице давно умершего герцога, матери Муад'Диба. *Я любил ее. Она не любила меня, но…* Тот взгляд, которым она смотрела на своего герцога, был как две капли воды похож на тот взгляд, которым сейчас смотрела на него Мурбелла, — взглядом слепой, безусловной любви. Бене Гессерит не допускал таких вещей и не верил в них. Джессика была намного мягче Мурбеллы, но была тверда духом. А Одраде… Она была тверда с самого начала. Тверда, как пластил.

Но что сказать о том времени, когда он подозревал, что она тоже подвержена обычным человеческим эмоциям? Как она говорила о башаре, когда они узнали, что он погиб на Дюне.

– *Это был мой отец, понимаешь?*

Мурбелла вывела его из задумчивости.

— Ты можешь разделять их мечту, какой бы она ни была, но…

— Выращивать людей!

— Что?

— Это и есть их мечта. Начать вести себя, как подобает взрослым, а не злобным детишкам на школьном дворе во время перемены.

— Мама лучше знает?

— Да… Мне кажется, что все обстоит именно так.

— Ты именно так видишь их? Даже когда называешь ведьмами?

— Это хорошее слово. Ведьмы иногда совершают удивительные поступки и делают поразительные вещи.

— А ты не уверен в том, что это плод многолетних тренировок, испытания Пряностью и постоянного приема меланжи?

— Какое отношение имеет ко всему этому вера? Неизвестное творит собственную мистику.

— Но ты не думаешь, что они обманом заставляют людей делать то, что нужно им?

— Конечно, они это делают.

— Слова, как оружие, Голос, импринтеры…

— Нет никого прекраснее тебя.

— Что такое красота, Дункан?

— В красоте есть стиль, в этом нет никакого сомнения.

— Она говорит то же самое. «Стиль зиждется на творческих корнях, которые так глубоко скрыты в вашей расовой психике, что мы никогда не осмелимся тронуть эти корни». Но они хотят вмешаться, Дункан.

— Но могут ли они осмелиться на все, что угодно?

— Она говорит: «Мы не станем впутывать наше потомство в то, что не считаем людьми». Они судят, они выносят приговоры.

Дункан подумал о двух чуждых силуэтах своего видения, о лицеделах. Он спросил:

— Так же, как аморальные тлейлаксианцы? Аморальные, а не бесчеловечные.

— Иногда мне даже кажется, что я слышу, как в мозгу Одраде вращаются шестерни. Она и ее Сестры — они слушают, они следят, они кроят по своему усмотрению любой ответ. У них все

просчитано.

И ты хочешь стать одной из них, моя дорогая? Он почувствовал, что попал в западню. Она права, и одновременно она не права. Результат оправдывает средства? Как он сможет оправдать потерю Мурбеллы?

— Ты считаешь их аморальными? — спросил он.

Было такое впечатление, что она не слышит Дункана.

— Всегда спрашиваешь, что надо сказать в следующий момент, чтобы получить желаемый ответ.

— Какой ответ? — неужели она не чувствует, насколько ему больно?

— Никогда ничего не понимаешь до тех пор, пока не становится слишком поздно! — Она повернулась и посмотрела ему в глаза. — Точно так же все обстоит и у Досточтимых Матрон. Ты знаешь, как Досточтимые Матроны заманили меня в свои сети?

Дункан против воли представил себе, с каким нетерпением ожидают наблюдатели следующих слов Мурбеллы.

— Меня подобрали на улице после того, как нашу планету вымели Досточтимые Матроны.

Мне кажется, что они сделали это из-за меня. Моя мать была замечательная красавица, но слишком старая для них.

— Вымели?

Наблюдатели ждут от меня этого вопроса.

Да, они проходили по целым районам и после их нашествия исчезали люди. Не оставалось ни тел, ничего. Исчезали целые семьи. Это объясняли наказанием, потому что люди якобы составляли заговоры против Досточтимых Матрон.

— Сколько тебе было лет?

— Три… может быть, четыре года. Я играла с подружками на улице под деревьями. Вдруг стало очень шумно. Вокруг кричали какие-то люди. Мы спрятались в расщелине какой-то скалы.

Дункан воочию увидел эту драму.

— Земля содрогалась, — теперь Мурбелла смотрела в себя отрешенным взглядом, — от взрывов. Через некоторое время все стихло, и мы вылезли наружу. На месте, где стоял мой дом, зияла огромная воронка.

— Ты стала сиротой?

— Я помню своих родителей. Отец был высокий, сильный парень. Мне кажется, что моя мать была служанкой. Они носили форму, и я хорошо помню эту форму.

— Почему ты так уверена, что твои родители были убиты?

— Я точно помню, что нас вымели, но я знаю, как это бывает. Крики, бегущие в панике люди. Мы были в ужасе.

— Почему ты думаешь, что в тот раз опустошение затеяли из-за тебя?

— Они всегда так поступают.

Они. Наблюдатели могут порадоваться. Успех Преподобных Матерей выражался одним этим словом.

Мурбелла все еще была глубоко погружена в свою память.

— Мне кажется, что мой отец отказался сожительствовать с Досточтимой Матроной. Это всегда считалось опасным. Большой, красивый человек, сильный мужчина.

— Итак, ты ненавидишь их?

— Почему? — Она была искренне удивлена его вопросом. — Если бы не они, я никогда не стала бы Досточтимой Матроной.

Ее черствость неприятно поразила его.

— Значит, это кое-чего стоит?

— Любимый, ты недоволен тем, что я оказалась рядом с тобой?

Туше!

— Но тебе никогда не хотелось, чтобы это произошло другим способом?

— Это произошло.

Какой неприкрытый фатализм. Он никогда не подозревал, что она окажется такой. Было ли это закваской Досточтимых Матрон или Общины Сестер?

— Ты стала достойным дополнением для их конюшен.

— Да, эта должность так и называлась — укротительница. Мы рекрутировали подходящих самцов.

— И ты это делала?

— Я многократно окупила их затраты на меня.

— Ты понимаешь, как толковали твое поведение Сестры?

— Не делай из мухи слона.

— Значит, ты готова поработать со Сциталем.

— Я так не сказала. Досточтимые Матроны манипулировали мною, не считаясь с моими желаниями. Сестры хотят использовать меня точно так же. Моя цена может быть очень высокой.

Дункан почувствовал, что у него моментально пересохло в горле.

— Цена?

Она вперила в него горящий взор.

— Ты, ты — часть этой цены. Не работа со Сциталем. Это еще одно напоминание об их драгоценной искренности. Они просто нуждаются во мне!

— Осторожнее, любимая. Они могли бы все сказать тебе.

Она посмотрела на него взглядом почти законченной воспитанницы Бене Гессерит.

— Как ты сможешь без боли восстановить память Тега?

Проклятие! Стоило им только вообразить, что они не попадутся в ловушку, как их настиг этот удар. Спасения не было, бежать некуда. По ее глазам он понял, что она прочитала его мысли.

Мурбелла сама подтвердила это:

— Если бы я не согласилась, то вы проработали бы этот вариант с Шианой.

Он мог только кивнуть в ответ. Его Мурбелла продвинулась в Общине Сестер гораздо дальше, чем он мог предполагать. А она знала, что ее импринтинг помог восстановить его исходную память. Он внезапно увидел рядом с собой Преподобную Мать и едва не закричал от отчаяния и протеста.

— И чем же ты отличаешься от Одраде? — спросила она.

— Шиана была воспитана, как импринтер. — Его слова отозвались пустотой даже для него самого.

— Чем же это отличается от моей подготовки? — В тоне прозвучало неприкрытое обвинение.

В нем вспыхнул гнев.

— Ты бы предпочла боль? Как Беллонда?

— А ты бы предпочел, чтобы Бене Гессерит потерпел поражение? — В голосе звучала бархатная нежность.

Он услышал в тоне подруги отчуждение, словно она уже наблюдала за ним с холодностью, присущей членам Общины Сестер. Они заморозили его любимую Мурбеллу. Но в ней еще столько жизни! Это разрывало ему сердце. Она источала ауру здоровья, особенно во время беременности. Бодрость и наслаждение жизнью. Жизнелюбие светилось в ней. Сестры возьмут это и притушат вечный свет.

Мурбелла затихла под его пристальным взглядом.

В отчаянии он лихорадочно соображал, что можно предпринять.

— Я думала, что со временем мы сможем вести себя друг с другом более открыто, — сказала она.

Еще один прием Бене Гессерит.

— Я не согласен со многими их поступками, но я доверяю их мотивам.

— Я узнаю их мотивы, когда пройду испытание Пряностью.

Он оцепенел, когда до него дошло, что она может не перенести испытания. Жизнь без Мурбеллы? Это была бы бездонная пустота, чернее которой он не видел в своей жизни и не мог себе представить. Не было ничего самого страшного во всех его многочисленных жизнях, что он мог бы поставить рядом с таким горем. Не думая о том, что делает, он протянул руку и начал ласкать ее спину. Кожа была мягкой, но удивительно упругой.

— Я слишком сильно люблю тебя, Мурбелла. Это мое испытание, мое сладкое мучение.

Она задрожала под его рукой.

Он вдруг понял, что предается сентиментальности, представляя себе картины неизбывного горя, но потом вспомнил, как один из его учителей говорил об «эмоциональных оргиях»:

«Разница между добротой и сентиментальностью очевидна. Если ты изо всех сил стараешься не убить чью-нибудь собаку на шоссе, то ты добрый человек. Но если ты, объезжая собаку,

давишь пешехода, то это сентиментальность».

Она взяла его руку и прижала ее к губам.

— Слова плюс тело — это сильнее, чем каждое из них по отдельности, — прошептал он.

Его слова пробудили в ней видения ночного кошмара, но теперь она была отмщена, поняв всю силу слов-орудий. Ее переполняла радость нового опыта, желание посмеяться над собой.

Когда страх кошмара прошел, она с удивлением отметила про себя, что ей никогда в жизни не приходилось видеть смеющейся над собой Досточтимой Матроны.

Нет ничего более важного на свете, чем Община Сестер?

Ей говорили о клятве, о чем-то еще более таинственном, чем слова прокторов на инициации послушниц.

Моя клятва Досточтимым Матронам была всего лишь набором слов. Клятва Бене Гессерит стоит не больше.

Она вспомнила воркотню Беллонды, которая говорила, что дипломатия — это искусство лжи.

— Ты тоже станешь дипломатом, Мурбелла?

Нет, клятвы, конечно, придуманы не для того, чтобы их нарушать. Какое детство! *Если ты нарушишь свое слово, то я нарушу свое! Ля, ля, ля!*

Нет ничего более бесполезного, чем тревожиться о клятвах. Гораздо важнее найти в своей душе обиталище свободы. Там живет существо, способное слушать.

Прижав ладонь Дункана к своим губам, она прошептала:

— Они слушают. О, как внимательно они слушают.

Не вступайте в конфликт с фанатиками, если не можете их обезвредить. Противопоставляйте одну религию другой только в том случае, если ваши доказательства (чудеса) не могут быть опровергнуты или если фанатики воспринимают вас как вдохновенного Богом пророка. Эти обстоятельства всегда были препятствием для науки, пытающейся рядиться в тогу божественного промысла. Но наука всегда представляется людям как дело рук человеческих. Фанатики (а многие люди являются фанатиками в том или ином частном вопросе) должны знать, на чем вы стоите, но что еще более важно, они должны знать, кто нашептывает вам на ухо.

(Защитная Миссия. Первичное учение)

Неудержимый бег времени досаждал Одраде не меньше, чем постоянное ощущение приближения охотников. Годы шли так стремительно, что дни сливались друг с другом в мутную пелену. Потребовалось два месяца споров, чтобы утвердить Шиану преемницей Там!

Беллонда неизменно заступала на вахту в отсутствие Одраде, как, например, сегодня, когда

Верховная Мать инспектировала новую партию воспитанниц Бене Гессерит, отправлявшихся в Рассеяние. Совет не без колебаний решил продолжить эту практику. Мнение Айдахо о бесполезности этого мероприятия вызвало потрясение в Общине Сестер. На совещаниях вырабатывалась теперь новая оборонная доктрина: «С чем вы можете встретиться в Рассеянии».

Когда Одраде вошла в свой кабинет, а произошло это только вечером, Беллонда недвижимо восседала за ее рабочим столом. Щеки толстухи отвисали больше обычного, а в глазах светилась непреклонная твердость, как бывало всегда, когда их обладательница стремилась скрыть утомление. Из-за Беллонды ежедневное подведение итогов становилось объектом резкой критики.

— Они утвердили Шиану, — сказала Беллонда, передавая Одраде маленький кристалл. — Там поддержала это решение. Мурбелла родит через восемь дней, так говорят доктора Сукк.

Беллонда не слишком доверяла мнению этих докторов.

Еще одного? Как все-таки безлична может быть жизнь! Одраде почувствовала, как сильно забилось ее сердце от этой новости.

Когда Мурбелла оправится после родов, ее надо подвергнуть испытанию. Она готова.

— Дункан очень нервничает, — сообщила Беллонда, вставая из-за стола.

Еще и Дункан! Эти двое превратились в настоящую семью.

Но Беллонда еще не закончила:

— Хотя ты и не спрашиваешь, могу тебе сказать, что от Дортуйлы не поступало никаких донесений.

Одраде заняла свое место и взвесила на ладони кристалл с сообщением. Доверенная послушница Дортуйлы, теперь Преподобная Мать Фонтиль, не стала бы рисковать кораблем-невидимкой только для того, чтобы угодить Верховной Матери. Отсутствие новостей говорило лишь о том, что приманка до сих пор действует или… погибла.

— Ты сказала Шиане о ее утверждении? — спросила Одраде.

— Оставила это для тебя. Она сегодня снова опоздала со своим ежедневным докладом. Это не подобает члену Совета.

Так-так, значит, Белл до сих пор не одобряет это назначение.

Доклады Шианы не отличались особым раз-

нообразием. *«Никаких признаков червей. Масса Пряности остается нетронутой».*

Все, на что они возлагали последние надежды, безнадежно повисло в воздухе. В это время палач из ночного кошмара подкрадывался все ближе и ближе. Напряжение нарастало. Оно грозило взрывом.

— Ты достаточно часто слышала разговоры Мурбеллы с Дунканом, — сказала Беллонда. — Это как раз то, что скрывает Шиана. Скажи мне, почему она это делает?

— Тег — мой отец.

— Какая деликатность! Преподобная Мать впадает в истерику от того, что происходит импринтинг гхола, который приходится отцом Верховной Матери!

— Она была моей личной ученицей, Белл. Она испытывает ко мне такие теплые чувства, которые ты никогда не сможешь испытать. Кроме того, это не просто гхола, это маленький ребенок.

— Мы должны быть уверены в ней на все сто процентов!

Одраде видела, как шевельнулись губы Беллонды, и хотя последняя ничего не сказала, по этому движению Одраде прочитала слово

«*ДЖЕССИКА*».

Еще одна Преподобная Мать-отступница? Белл права, надо быть полностью уверенными в Шиане. *Я отвечаю за это.* Перед внутренним взором Одраде вновь возникла последняя скульптура Шианы.

— План Айдахо достаточно привлекателен, но… — Беллонда замялась.

Одраде закончила ее мысль:

— Он еще очень мал, его развитие неполно, Тег еще совсем мальчик. Боль восстановления памяти может приблизить муку испытания. Это может привести к его отчуждению. Но…

— Им надо управлять с помощью импринтера. Эту часть плана я целиком одобряю. Но что, если такой подход не сможет восстановить его память?

— Тогда в силе останется первоначальный план, который оказал нужное воздействие на самого Айдахо.

— Он — другое дело, но решение может и подождать. Ты опаздываешь на встречу со Сциталем.

Одраде зажала кристалл в ладони.

— Обычное совещание?

— Ничего нового. Все это ты слышала не один раз, — по голосу Белл чувствовалось, что она

испытывает к Одраде нечто вроде сострадания.

— Я приведу его сюда. Пусть Там будет наготове и заходит под каким-нибудь предлогом.

Сциталь уже привык к этим совместным прогулкам вне корабля, и Одраде поняла это, видя, как непринужденно он вышел из транспортера к югу от Централа.

Это была не просто прогулка, и оба отлично это понимали, но Одраде регулярно выводила Сциталя на волю, чтобы усыпить его бдительность. *Как полезна бывает иногда рутина.*

— Это очень мило с вашей стороны, что вы устраиваете мне такие прогулки, — сказал Сциталь, оглядываясь. — Воздух, правда, стал суше. Чем мы займемся сегодня?

Как он щурится, глядя на солнце.

— Мы пойдем ко мне в кабинет. — Она кивнула в сторону северного крыла Централа. Безоблачное весеннее небо дышало холодом, но теплые краски крыш обещали скорое наступление тепла и избавление от пронизывающего до костей мороза, который обрушивался на Капитул каждый вечер.

Одраде искоса внимательно следила за действиями Сциталя. Какое напряжение! Она чувствовала его, несмотря на близкое присутствие

охраны из нескольких Преподобных Матерей и доверенных послушниц, специально подобранных и проинструктированных лично Беллондой.

Нам нужен этот маленький монстр, и он это хорошо понимает. Боже, ведь мы до сих пор не представляем себе всю глубину способностей Тлейлаксу! Какие таланты собраны в этом человеке? Почему он так неудержимо стремится войти в контакт со своими товарищами по заключению?

Тлейлаксианцы изготовили гхола Айдахо, напомнила себе Одраде. Неужели они спрятали в нем какой-то секрет?

— Я — нищий, пришедший к вашим дверям, Верховная Мать, — сказал он жалобным тонким голоском невинного эльфа. — Наша планета в развалинах, мой народ погиб. Зачем нам идти в ваше жилище?

— Чтобы поторговаться в более уютном месте.

— Да, обстановка корабля давит. Но мне непонятно, почему мы каждый раз выходим из экипажа так далеко от Централа. Почему мы идем пешком?

— Я нахожу, что пешие прогулки освежают.

Сциталь оглядел посаженные по обочине дороги деревья.

— Здесь приятно, но довольно холодно, вам не кажется?

Одраде оглянулась и посмотрела на юг. Южные склоны холмов были засажены виноградом, гребни и северные склоны оставили под сады. На южных склонах были расположены улучшенные виноградники. Способ разведения винограда разработали садовники Бене Гессерит. Старая лоза, уходившая своими корнями «в ад», откуда, по древнему преданию, лоза высасывала воду из сгорающих в геенне душ. Виноделием занимались в подземных винокурнях, там же были и пещеры, в которых выдерживалось готовое вино. Ничто не омрачало ландшафт. Виноград был посажен ровными рядами, между которыми оставалось достаточно места для сборщиков и культивационной техники.

Ему приятно? Вряд ли что-то в этом пейзаже радовало его глаз. Вероятно, он, как и хотелось Одраде, нервничал, все время задавая себе один и тот же вопрос: «Какова истинная причина того, что она так часто выводит меня в эту сельскую идиллию?»

Одраде очень раздражало, что они так и не осмелились применить к этому маленькому человечку более мощные средства убеждения

из арсенала Бене Гессерит. Но она была вынуждена согласиться с доводом, что если эта попытка провалится, то другого шанса у них не будет. Тлейлаксианцы были известны своей решимостью умереть, но не раскрывать тайное (и священное) знание.

— Меня ставят в тупик некоторые вещи, — сказала Одраде, направляясь по тропинке, вьющейся среди подстриженных виноградных кустов. — Почему ты настаиваешь на том, чтобы тебе предоставили лицеделов до того, как ты согласишься с нашими требованиями? И почему ты проявляешь такой интерес к Дункану Айдахо?

— Дорогая леди, у меня нет никого, кто скрасил бы мое одиночество в заключении. И в этом ответ на оба вопроса. — Он с отсутствующим видом потер грудь, где под одеждой хранилась капсула с нулевой энтропией.

Почему он так часто потирает это место? Это был вопрос, на который не было ответа ни у нее, ни у аналитиков. *Там нет ни рубцов, ни кожного воспаления. Может быть, это привычка, оставшаяся с детства? Но это было так давно! Может быть, в технику его частного перевоплощения вкралась какая-то техническая ошибка?* Никто не знал этого. Откуда эта серая кожа, ко-

торая не пропускает через себя никакие зонды? Сциталь был защищен даже от воздействия более сильного жесткого излучения, словно знал, что и их попытаются применить. Но нет, сейчас речь идет только о дипломатии. *Будь проклят этот маленький монстр!*

Сциталь, в свою очередь, тоже недоумевал: неужели у этой женщины-повиндах нет слабостей, на которых можно было бы сыграть? Типичные ответы в данном случае были двусмысленны.

— Вехт из Джандолы перестал существовать. Миллиарды наших людей убиты этими шлюхами. На всем протяжении Ягиста мы уничтожены, в живых остался один я.

Ягист, подумала Одраде. *Страна непокоренных.* То были слова откровения на исламияте — языке, на котором говорили тлейлаксианцы.

Она тоже перешла на этот язык:

— Магия нашего Бога — это единственный мост, способный соединить нас.

Она опять заявляет претензию на единую с ним веру, Великую Веру, экуменизм Суфи-Дзенсунни, который оплодотворил Бене Тлейлаксу. Она говорила на исламияте безупречно, знала нужные слова, но Сциталь уловил фальшь. *Эта женщина*

называет Посланца Бога Тираном и не подчиняется основным установлениям!

Встречаются ли эти женщины в кехле, чтобы почувствовать присутствие Бога? Если бы они действительно общались на Его языке, то давно знали бы то, что они сейчас хотят выудить у него с помощью грубой торговли.

Когда они с Одраде преодолели последний склон и вышли на мощеную дорогу, ведущую к Централу, Сциталь воззвал к Богу о помощи. *Бене Тлейлаксу дошел до последней степени истощения! Зачем Ты возложил на нас этот гнет? Мы — последние, кто исполнял законы Шариата, и я — Мастер своего народа, смею обратиться к Тебе, ибо Ты не можешь больше говорить со мной в кехле.*

Одраде снова заговорила на безупречном исламияте:

— Тебя предал твой собственный народ, который ты послал в Рассеяние. У тебя нет больше братьев Малика, остались только сестры.

Но где в таком случае твои покои сагра, повиндахская обманщица? Где подземная молельня без окон, куда могут войти только братья?

— Это большая новость для меня, — сказал он, — сестры Малика? Эти два слова несут в себе

свое собственное отрицание. Сестры не могут носить имя Малик.

— Вафф, ваш покойный махаи и абдль, очень страдал от этого заблуждения и довел свой народ почти до полного исчезновения.

— Почти? Ты знаешь, что кто-то выжил? — Сциталь не смог скрыть неподдельного волнения, охватившего его.

— Мастеров не осталось ни одного, но мы слышали о домелях, которые, правда, все находятся в руках Досточтимых Матрон.

Она молчала, пока они не поравнялись с входом в Централ и стены не скрыли от них вид заката. Потом Одраде на тайном языке Тлейлаксу сказала:

— Солнце — не Бог.

Эти слова выкрикивает на рассвете и на закате махаи!

Сциталь почувствовал, как зашаталась его вера, когда следом за Одраде вошел в сводчатый проход между двумя приземистыми зданиями. Ее слова были истинными, но произносить их имел право только махаи или абдль. Они вошли под своды. Сзади гулко звучали шаги стражи. В этот момент Одраде поразила Сциталя еще больше.

— Почему ты не произносишь в ответ нужных слов? Разве ты не последний Мастер? Разве это не делает тебя махаи или абдлем?

— Меня не избирали братья Малик. — Этот ответ показался не слишком убедительным даже самому Сциталю.

Одраде вызвала подъемник и остановилась у двери лифтовой шахты. В Другой Памяти возникла нужная подробность — Верховная Мать увидела кехль и почувствовала, что такое право гхуфрана, услышала слова, которые шептали в минуты страсти любовники своим давно умершим женщинам. «И тогда мы…», «И если мы говорим эти священные слова…». *Гхуфран!* Принятие в лоно тех, кто жил среди повиндах, кто вернулся и просит прощения за общение с чужаками, погрязшими в грехах. *Машейхи встретились в кехле и восчувствовали присутствие своего Бога!*

Дверь шахты открылась. Одраде пропустила вперед Сциталя и стражу. Когда он проходил мимо, она подумала: *скоро что-то должно произойти. Мы не можем закончить эту игру по его правилам.*

Когда Одраде и Сциталь вошли в кабинет Верховной Матери, Тамалейн стояла спиной к входу

в амбразуре окна. Косые лучи заходящего солнца отбрасывали резкие тени на крыши близлежащих домов. Солнце скрылось, и наступившая тьма казалась еще гуще по контрасту с последним всплеском уходящего света.

В наступивших туманных сумерках Одраде знаком велела стражницам удалиться, что они выполнили с большой неохотой. Вероятно, Беллонда велела им остаться, но они не посмели ослушаться приказания Верховной Матери. Она указала Сциталю на кресло-собаку напротив стола и подождала, когда он сядет. Сциталь опасливо покосился на Тамалейн, но прикрыл свой страх словами:

— Почему не включают свет?

— Это успокоительная интерлюдия, — ответила Одраде.

Теперь я знаю, что темнота вселяет в тебя тревогу!

Она несколько секунд постояла возле стола, разглядывая светлые пятна в темноте кабинета; блестящие безделушки, расставленные на рабочем столе, бюст давно умершей Ченоэ в нише рядом с окном, пасторальный ландшафт, написанный во времена первых межпланетных путешествий, стопка ридулианских кристаллов

на столе и серебристое отражение светового экрана, в котором фокусировался гаснущий свет, исходивший из окон.

Так, теперь с него, пожалуй, хватит.

Одраде нажала сенсор на консоли, и зажглись светильники, плававшие под потолком и вдоль стен. По этому знаку Тамалейн повернулась, шелестя накидкой, чтобы усилить желаемый эффект. Она остановилась в двух шагах за спиной Сциталя — воплощение зловещей таинственности Бене Гессерит.

Сциталь слегка вздрогнул от движения Тамалейн, но потом успокоился и продолжал сидеть неподвижно. Кресло было слишком велико для него, и он выглядел в нем сущим ребенком.

— Сестры, которые спасли тебя, рассказали, что ты командовал на Джанкшн кораблем-невидимкой, готовым к прорыву в свернутое пространство при нападении Досточтимых Матрон. Ты прибыл на корабль в одноместном экипаже и стартовал до того, как прозвучали первые взрывы. Ты определил, что приближается нападение с помощью детектора? — спросила Одраде.

— Да, — неохотно признал Сциталь.

— Ты знал, что Досточтимые Матроны смогут определить местонахождение корабля по следу

его траектории. Итак, ты отбыл, бросив на произвол судьбы своих братьев.

Он заговорил, выдерживая исполненный горечи тон свидетеля страшной трагедии:

— Раньше, когда нам пришлось покинуть Тлейлаксу, мы видели, как началась атака. Мы сами взорвали все, что могло представлять ценность для нападающих. Наши же огнеметы стали причиной холокоста. После этого мы бежали.

— Но не прямо на Джанкшн.

— Мы произвели разведку, но нас везде опередили. После них оставался пепел, но у нас тоже были свои секреты.

Надо напомнить ей, что я все еще представляю для них какую-то ценность, мне есть о чем с ними поторговаться! Он постучал себя по голове.

— На Джанкшн вы искали Убежище Гильдии или ОСПЧТ, — сказала Одраде. — Какое счастье, что наш корабль был там и мы смогли вывезти вас, прежде чем враги успели среагировать.

— Сестра. — Как странно звучит это слово и как оно меняет все! — Если ты действительно моя сестра по кехлю, то почему отказываешься предоставить мне слуг-лицеделов?

— Между нами накопилось слишком много тайн, Сциталь. Например, оставили ли вы Банда-

лонг, когда нагрянули нападающие?

Бандалонг!

Упоминание о Великом Городе Тлейлаксу вызвало стеснение в груди Сциталя, он словно бы ощутил пульсацию капсулы с ее драгоценным содержимым. *Гибель Бандалонга. Никогда больше не увижу я священные небеса, никогда не почувствую присутствие братьев по вере, никогда не увижу терпеливых домелей и…*

— Ты болен? — спросила Одраде.

— Я просто переживаю потерю Бандалонга, — ответил Сциталь. Он услышал шелест материи и почувствовал, что Тамалейн приблизилась еще больше. Как давит на него ее присутствие! «Почему она стоит у меня за спиной?»

— Я слуга моих Сестер, и она находится здесь, чтобы следить за нами.

— Вы, конечно, взяли мои клетки, не правда ли? Выращиваете замену Сциталя в своих чанах!

— Конечно, да. Не думаешь ли ты, что Община Сестер позволит так просто умереть последнему Мастеру?

— Ни один гхола не сделает того, чего не смог бы сделать я!

И у него не будет пробирки с нулевой энтро-

пией!

— Мы знаем это.

Но, интересно, чего мы не знаем?

— Так не торгуются, — жалобно произнес Сциталь.

— Ты неверно судишь обо мне, Сциталь, — сказала Одраде. — Мы знаем, когда ты лжешь и когда ты скрываешь правду. Мы умеем пользоваться чувствами, недоступными другим.

Это было правдой! Они улавливали истину по запахам его феромонов, по мельчайшим движениям мышц, по выражению лица, которого он не мог подавить.

Сестры? Эти твари — повиндах! Все, без исключения!

— Ты был в Лашкаре, — бросила еще один пробный шар Одраде.

Лашкар! Как он желал бы, чтобы он был *здесь*, в Лашкаре. *Воины-лицеделы. Верные помощники — домели. Мы бы живо уничтожили эту греховную мерзость!* Но он не осмелился лгать. Эта ведьма, которая стоит сзади, скорее всего Вещающая Истину. Опыт многих прожитых жизней подсказывал, что Вещающие Истину — самые проницательные в Бене Гессерит.

— Я командовал хасдарами. Мы искали стаю

футаров, которых хотели использовать для нашей защиты.

Стаю? Знали ли тлейлаксианцы что-то такое о футарах, что было неизвестно Общине Сестер?

— Вы сами были готовы к насилию. Знали ли Досточтимые Матроны о вашей задаче и не стремились ли они предотвратить свое собственное уничтожение? Думаю, что это очень вероятно.

— Почему ты называешь их Досточтимыми Матронами? — Голос его почти сорвался на крик.

— Потому что они сами себя так называют.

Теперь спокойствие. Пусть он немного поварится в кипящем соку своих ошибок.

Она права. Нас предали. Это была горькая мысль. Он задумался, как лучше ответить на поставленный вопрос. *Сделать небольшое признание? Но с этими женщинами невозможно быть немного откровенным.*

Тяжкий вздох потряс его маленькую грудь. Капсула с нулевой энтропией и ее содержимое. Это самая главная его забота. Как угодно, но он должен добраться до чана со своими клетками.

— Потомки людей, которых мы посылали в Рассеяние, возвращались назад с пленными футарами. Это помесь людей и кошек, как вы,

несомненно, знаете. Но их было невозможно воспроизводить в наших лабораториях. Но прежде чем мы успели разобраться, почему это происходит, все добытые нами экземпляры погибли.

Предатели привезли нам только двух. Мы должны были заподозрить неладное.

— Вам доставили мало футаров, не правда ли? Вы должны были заподозрить, что это просто приманка.

Теперь ясно, что от этих женщин не отделаешься малыми признаниями!

— Почему на Гамму футары не начали охоту и истребление Досточтимых Матрон? — Это был вопрос Дункана, и он заслуживал того, чтобы получить на него ответ.

— Нам сказали, что не было соответствующего приказа. Они не могут убивать без приказа.

Она знает это и просто проверяет меня.

— Лицеделы тоже убивают только по приказу, — сказала Одраде. — Они могут убить даже тебя, если ты им прикажешь. Разве это не так?

— Такой приказ зарезервирован на случай недопущения попадания наших секретов в руки врагов.

— Именно для этого тебе понадобились слуги-лицеделы? Ты считаешь нас врагами?

Прежде чем он собрался с мыслями, чтобы ответить, над столом появилось изображение Беллонды. В полный рост в натуральную величину. Позади нее виднелись полки архива.

— Экстренное сообщение от Шианы! — почти прокричала Беллонда. — Произошел выброс Пряности. Песчаные черви!

Она повернулась к Сциталю.

— Вы потеряли свой главный козырь, мастер Сциталь! Теперь наконец у нас есть собственная Пряность!

Фигура Беллонды исчезла, оставив после себя слабый запах озона. Раздался явственный щелчок, и проектор выключился.

— Вы пытаетесь надуть меня! — выпалил Сциталь.

В этот момент открылась дверь по левую руку Одраде. В кабинет вошла Шиана. Она тянула за собой небольшой контейнер на подвесках. Длина контейнера была не более двух метров. Светильники отражались от прозрачных стенок контейнера желтыми бликами. На дне, съежившись, лежало какое-то существо!

Шиана остановилась в стороне, давая всем насладиться этим зрелищем. Он так мал! Червь занимал едва ли половину отведенного ему

пространства. Но это был настоящий червь, лежащий на золотистом песчаном ложе.

Сциталь не смог сдержать благоговейного вздоха. Пророк!

Одраде отреагировала, как истинный прагматик. Она наклонилась над контейнером и заглянула в миниатюрную пасть. Неужели страшный огонь внутренностей червя работает и в этом карликовом создании? Какая крошечная мимикрия!

Когда червь поднял верхний сегмент, сверкнули хрустальные зубы.

Червь поворачивал пасть в разные стороны, словно принюхиваясь. Позади зубов можно было различить бушующее пламя чуждого для людей обмена веществ.

— Их тысячи, — сообщила Шиана. — Они явились выбросить Пряность, как они всегда это делают.

Одраде не произнесла в ответ ни слова. *Мы сделали это!* Но это был личный триумф Шианы. Пусть же ей достанутся и лавры. Сциталь никогда еще не выглядел таким разбитым. Он потерпел поражение и сознавал это.

Шиана открыла контейнер и извлекла оттуда червя, баюкая его, словно младенца. Зверь смир-

но лежал в ее объятиях.

Одраде вздохнула, не скрывая своего удовлетворения. *Шиана все еще управляет ими.*

— Мастер Сциталь, — сказала Одраде.

Он не ответил, не в силах оторвать взор от червя.

— Ты все еще служишь Пророку? — спросила Одраде. — Смотри, вот он!

Он не знал, что ответить. Истинно ли это пришествие Пророка? Он не хотел признавать очевидное, но картина, открывшаяся его глазам, была неумолима.

Одраде заговорила; в голосе ее звучали мягкие нотки:

— Пока ты выполнял свою идиотскую миссию, свою эгоистичную миссию, мы воистину служили Пророку. Мы спасли его последнее воплощение и перенесли его сюда. Капитул станет второй Дюной!

Она откинулась на спинку кресла и сложила руки на груди. Беллонда, конечно, следит за ней во все глаза. Наблюдение ментата всегда ценно. Хорошо бы и Айдахо следил за этой сценой, подумала Одраде. Верховной Матери было ясно, что для Сциталя Бене Гессерит был лишь орудием для восстановления милой его сердцу цивили-

зации Тлейлаксу. Не заставит ли его явившееся откровение открыть внутренние тайны его лабораторий? Что он предложит теперь?

— Мне необходимо время, чтобы подумать, — сказал он дрожащим голосом.

— О чем ты будешь думать?

Он не ответил, неотрывно глядя на Шиану, которая тем временем положила червя обратно в контейнер. Прежде чем закрыть крышку, она погладила зверя.

— Скажи мне, Сциталь, — настаивала на своем Одраде. — Что тебя не устраивает? Вот наш Пророк! Ты утверждаешь, что служишь Великой Вере. Так служи ей!

Она ясно видела, как рушатся его мечты. *Его лицеделы, копирующие память своих жертв, перенимающие внешность и особенности поведения тех, кого они убивают.* Он никогда не лелеял надежду усыпить бдительность Преподобных Матерей, но послушницы, слуги и простые рабочие Капитула… все тайны, которые он хотел добыть… Все рухнуло в один миг. Надежды потеряны, как все обращенные в пепел планеты Тлейлаксу.

Наш Пророк, сказала она. Он покосился на Одраде, но не осмелился повернуть головы. *Что мне*

делать? Я больше не нужен этим женщинам. Но они нужны мне!

— Сциталь, — как вкрадчив ее голос. — Великое Соглашение изжило себя. Наступает эпоха Новой Вселенной.

В горле у Сциталя пересохло. Он попытался проглотить слюну. Вся концепция насилия перешла в новое измерение. В Старой Империи любого, кто осмелился спалить планету, ждало неминуемое возмездие.

— Эскалация насилия, Сциталь. — Одраде перешла почти на шепот. — Мы *рассеиваем* семена насилия.

Он посмотрел ей в глаза. *О чем она говорит?*

— Накапливается ненависть к Досточтимым Матронам, — сказала Верховная Мать. *Не ты один понес потери, Сциталь. Однажды, когда нашу цивилизацию охватили потрясения, раздался клич: «Приведите Преподобную Мать!» Досточтимые Матроны не дали это сделать. Мифы были переделаны. Золотой свет упал на наше прошлое. «В старые дни было лучше, потому что тогда Бене Гессерит мог помочь нам. Куда можно пойти в наши дни, чтобы найти достойного Вещающего Истину? В суд? Эти Досточтимые Матроны просто не знают такого*

слова. А Преподобные Матери всегда вежливы и обходительны. Этого у них не отнимешь».

Сциталь не ответил, и Одраде продолжала:

— Подумай, что может случиться, если слепая ярость выродится в новый джихад!

Сциталь упрямо молчал, и Одраде снова заговорила:

— Ты видел все это. Тлейлаксу, Бене Гессерит, жрецы Разделенного Бога — все превратились в диких зверей, на которых идет охота.

— Они не смогут убить всех! — Это был мучительный крик души.

— Разве? Ваши люди, отправленные в Рассеяние, составили заговор, став заодно с Досточтимыми Матронами. Неужели ты после этого будешь искать убежища в Рассеянии?

Сейчас он лелеет другую мечту: небольшие общины тлейлаксианцев, существующие, словно гноящиеся язвы, и ожидающие дня Великого Возрождения Сциталя.

— Люди становятся сильнее от угнетения, — сказал он, но слова эти были лишены силы убеждения. — Даже жрецы Ракиса искали норы, чтобы спрятаться в них!

В словах этих было одно лишь отчаяние.

— Кто это говорит? Некоторые из твоих вернув-

шихся *друзей?*

Молчание было красноречивее любого ответа.

— Бене Тлейлаксу убивал Досточтимых Матрон, и они это знают. — Ее слова били Сциталя, как молот. — Они удовлетворятся только тогда, когда истребят вас всех!

— И вас тоже!

— Мы партнеры по необходимости, если уж оставить в стороне веру. — Она сказала это на чистейшем исламияте, увидев, что в глазах Сциталя промелькнула надежда. *Кехль и Шариат могут обрести свой исконный смысл среди людей, которые выражают свои мысли на языке Бога.*

— Партнеры? — Вопрос прозвучал слабо и в высшей степени пытливо.

Она приняла новый тон.

В некотором смысле это гораздо более надежная основа для сотрудничества, чем любая другая. Каждый из нас знает, чего хочет партнер. Это характерное положение: просеять все через это сито, и что-нибудь останется, на что можно положиться.

— Чего вы хотите от меня?

— Ты и сам это знаешь.

— Вы хотите узнать, как усовершенствовать лабораторные чаны, ясно.

Он покачал головой, явно испытывая неуверенность. Какие изменения произошли в ее требованиях!

Одраде подумала, не стоит ли обрушить на него открытый гнев. Какой же он тупой! Но в то же время он близок к панике. Старые ценности сменялись новыми, и Досточтимые Матроны были не единственным источником потрясений. Сциталь не представлял себе полной меры того разложения, которое постигло в Рассеянии его единоплеменников!

— Времена изменились, — только и сказала Одраде.

Изменение — какое это тревожное слово, подумал он.

— Мне нужны мои слуги-лицеделы! И мои чаны! — Тон тем не менее был почти умоляющим.

— Я и мой Совет рассмотрим твою просьбу.

— Что здесь рассматривать? — Он бросил ей в лицо ее же собственные слова.

— Тебе необходимо только твое личное одобрение. Мне же необходимо одобрение других. — Она жестко усмехнулась. — Так что у тебя есть время подумать.

Она дала знак Тамалейн, и та вызвала охрану.

— Назад в корабль-невидимку? — спросил он

от двери. Его фигурка выглядела гротескно маленькой на фоне дюжих охранниц.

— Но сегодня тебе не придется идти туда пешком.

Уходя, Сциталь бросил последний цепкий взгляд на червя.

Когда Сциталь и охрана вышли, заговорила Шиана:

— Ты правильно поступила, что надавила на него. Он уже почти в панике.

Вошла Беллонда.

— Может, было бы правильнее просто убить его?

— Белл, возьми голограмму и прослушай весь наш разговор. Используй это время, как подобает ментату.

Это охладило пыл Беллонды.

Тамалейн рассмеялась.

— Неловкость, которую испытывают Сестры, слишком часто доставляет тебе радость, Там, — укоризненно произнесла Шиана.

Тамалейн пожала плечами, но Одраде была в полном восторге. *Она больше не дразнит Белл?*

— Он впал в панику, когда ты заговорила о Капитуле как о второй Дюне, — сказала Беллонда отчужденным голосом ментата.

Одраде тоже видела эту реакцию, но еще не сделала окончательных выводов. В чем и состоит ценность ментатов: паттерны и система, все это выстраивается в цельные блоки. Белл уловила паттерн поведения Сциталя.

— Я спрашиваю себя: действительно ли то, что происходит, реально? — спросила Беллонда.

Одраде поняла это сразу. Странное чувство охватывает при мысли об утерянных местах. До тех пор, пока Дюна была известной и обитаемой планетой, существовала какая-то историческая твердость в ее присутствии в Галактическом Регистре. Можно было ткнуть пальцем в проектор и сказать: «Это Дюна. Потом ее называли Арракисом, потом Ракисом. Дюной эту планету называли за полностью пустынный характер в дни Муад'Диба».

Уничтожь это место, и мифологический налет сразу же вступит в непримиримое противоречие с объективной реальностью. Со временем такие места становятся полностью мифическими. *Артур и его Круглый стол. Камелот, в котором дожди шли только по ночам. Хорошо же было налажено у них Управление Климатом!*

Но вот появилась новая Дюна.

— Сила мифа, — произнесла Тамалейн.

Ах да. Скоро душа покинет тело Там, и потому станет более чувствительной к мифам. Мистика и таинственность, орудия Миссии, использовались на Дюне во времена Муад'Диба и во времена Тирана. Семена были посеяны. Эти мифы распространялись даже нашедшими свою гибель жрецами Разделенного Бога.

— Меланжа, — сказала Тамалейн.

Обе Сестры сразу поняли, что она имела в виду. В Рассеяние Бене Гессерит можно теперь вдохнуть новые надежды.

— Почему они хотят умертвить, а не пленить нас? Это всегда ставило меня в тупик.

Вероятно, Досточтимые Матроны не желали оставить в живых ни одну Сестру Бене Гессерит… делая исключение только в тех случаях, когда стремились добыть знания о Пряности. Но это только предположение. Ведь уничтожили же они Дюну, Тлейлаксу. Сама мысль о возможном столкновении с Королевой Пауков внушала осторожность — даже если Дортуйла добьется успеха.

— Никаких полезных заложников? — спросила Беллонда.

Одраде уловила взгляды Сестер. Все мыслили сейчас одинаково, словно у всех был один мозг.

Предметный урок, преподанный Досточтимыми Матронами. Они не оставляли живых свидетелей, что делало возможную оппозицию еще более предусмотрительной. Возникал обет молчания, горькая память становилась горькими мифами. Досточтимые Матроны вели себя так, как вели себя варвары во все времена: кровь вместо заложников. Удары наносились беспощадно и злобно.

— Дар права, — сказала Тамалейн. — Мы ищем союзников слишком близко от дома.

— Футары создали себя не сами, — проговорила Шиана.

— Те, кто их создал, надеются подчинить нас своему контролю, — заговорила Беллонда. В ее словах сквозил результат первичной проекции. — В этом заключалось сомнение, которое Дортуйла слышала в голосе Дрессировщиков.

Так обстояли дела, и они видели всю опасность создавшегося положения. Все сводилось к людям (как это бывало всегда). Люди — это современная данность. Ценные вещи черпают от людей, которые живут в одно с тобой время, и из знаний, которые эти люди выносят из своего прошлого. Другая Память — это не только исторический компендиум.

Одраде чувствовала себя так, словно вернулась

домой после долгого отсутствия. Теперь все четверо мыслили совершенно одинаково. Именно это ощущение знакомого опыта делало конкретное место пребывания трансцендентным. Домом была сама Община Сестер. Не место, а сообщество.

Беллонда первая произнесла это вслух:

— Боюсь, что мы работаем для достижения пересекающихся целей.

— И делаем это от страха, — добавила Шиана.

Одраде не осмелилась улыбнуться. Ее могли неверно понять, а она не хотела объясняться. *Дайте нам Мурбеллу как Сестру и восстановите башара! Тогда в этой битве у нас появится шанс на успех.*

Одраде чувствовала, что наступил перелом. Она посмотрела на проектор — это был выработанный годами рефлекс — и окончательно поняла, что кризис миновал. Такой малый (относительно) повод вызвал грандиозный перелом. Клэйрби получил смертельное ранение в катастрофе орнитоптера. Смертельное, если только… Это «если» было написано специально для нее и означало, что есть возможность изготовить киборга. Сестры прочли это сообщение, хотя его отражение было для них зеркальным. Но они давно научились читать зеркальные изображения.

Где мы подведем черту?

Беллонда со своими допотопными очками, хотя могла бы давно пользоваться искусственными глазами, как, впрочем, и любым другим протезом, выразила свое отношение самим телом. *Вот что значит быть человеком. Попытайся схватиться за молодость, и она подведет тебя, исчезнув в один момент, словно дым. Меланжи много… пожалуй, даже слишком много.*

Одраде поняла, что хотят сказать ей ее собственные эмоции. Но какова необходимость в этом для Бене Гессерит? Белл могла поставить вопрос на голосование, и все отнеслись бы к этому с уважением. Но голос Верховной Матери мог решить судьбу Ордена.

Сначала лабораторные чаны, а потом еще и это.

Необходимость говорила о том, что нельзя терять специалиста калибра Клэйрби. Таких было достаточно мало, если не сказать большего. Сказать, что «таких мало», — это значит ничего не сказать. Появлялись провалы. Киборг Клэйрби — это было готовое решение.

Были подготовлены доктора Сукк. Это была мера, которую применяли в самых необходимых случаях для сохранения незаменимых людей.

Таких, например, как Верховная Мать. Одраде одобрила это с некоторыми оговорками. Куда девались сегодня эти оговорки?

Киборг — это слово из некоего попурри. Когда наступил тот момент, когда в организме человека стали преобладать механические запасные части? С какого момента киборг перестает быть человеком? Искушение слишком велико: только одно мелкое усовершенствование, маленькое исправление. Так легко переступить тот порог, после которого человек-попурри превращается в робота, который не задает неудобных вопросов.

Но… Клэйрби?

Необходимость кричала: «Надо сделать из него киборга!» Неужели Община Сестер находится в таком отчаянном положении? Приходится дать утвердительный ответ.

Так и бывает — решение, которое не вполне зависит от нее, но зато под рукой готовое оправдание: «Это продиктовано необходимостью!»

Джихад Слуг оставил в людях неизгладимую метку. Воевали и победили… тогда. И вот сейчас разразилась новая битва в том же старом конфликте.

Но теперь ставка — выживание Общины

Сестер. Сколько технических специалистов осталось на Капитуле? Для того чтобы ответить на этот вопрос, Одраде не надо было заглядывать в сводки. Специалистов катастрофически не хватало.

Одраде наклонилась вперед и нажала соответствующую клавишу.

— Сделайте из него киборга! — приказала она.

Беллонда хмыкнула. *Одобряет или нет?* Можно не спрашивать, все равно не скажет. Решение зависит от Верховной Матери, и только от нее!

Кто же победил в этой битве? — спросила себя Одраде.

Мы идем по очень узкой тропе, стараясь увековечить гены Атрейдесов (Сиона) в нашей популяции, чтобы скрыться от предзнания. В этом мешке мы несем Квисатц Хадераха! Воля породила Муад'Диба. Пророки заставляют сбываться свои предсказания! Осмелимся ли мы когда-нибудь игнорировать наше чувство Тао, чтобы угодить культуре, ненавидящей случайность и ищущей Пророка.

(Архивный конспект)

Сразу после рассвета Одраде прибыла на корабль-невидимку, но не застала Мурбеллу, которая в это время занималась в тренажерном зале, куда и направилась Верховная Мать.

Остаток пути от Централа до корабля Одраде прошла пешком, наслаждаясь прохладой сада, окаймляющего взлетное поле. Облака, скопившиеся на небе ночью, начали таять с приближением рассвета, открывая небо, усеянное звездами.

Одраде понимала, что эти осторожные колебания погоды предназначены для того, чтобы собрать последний урожай, но само по себе ограничение осадков могло привести к уничтожению садов и пастбищ.

По пути Одраде охватили грусть и мрачные

предчувствия. Прошедшая зима была лишь передышкой между бурями. Жизнь превратилась в холокост. Опыление растений насекомыми, плодоношение и разнос семян, следующий за цветением. Эти сады были тайной бурей, сила которой пряталась до поры в круговороте жизни. Новая жизнь всегда несла с собой перемены. Тот, кто нес их, всегда появлялся под новой личиной. Песчаные черви придадут Пустыне первозданную чистоту Дюны.

Опустошительная сила таких трансформаций поражала воображение. Одраде могла воочию представить себе ландшафт вылизанной ветром пустыни, места обитания потомков Лето Второго.

Искусство Дюны претерпит мутацию: одни мифы будут заменены другими, одна цивилизация сменит другую.

Аура этих мыслей окрасила настроение Одраде, когда она пришла в тренировочный зал, где Мурбелла выполняла упражнения с большой физической нагрузкой, тяжело дыша после каждого подхода. На тыльной стороне кисти Мурбеллы виднелась свежая тонкая царапина — женщина не успела увернуться от муляжа оружия. Автоматический тренер стоял в центре

зала, похожий на золотой столб, из которого с быстротой молнии выскакивали разнообразные боевые орудия, что делало тренера похожим на гигантское насекомое.

На Мурбелле был надет зеленый тренировочный костюм, на открытой коже блестел обильный пот. Несмотря на явные признаки беременности, Мурбелла выглядела, как всегда, грациозной. Кожа дышала здоровьем. Ощущение здоровья исходило откуда-то изнутри, из самого существа Мурбеллы. Причиной, подумалось Одраде, была беременность… но не только. Была и еще какая-то причина. Это несокрушимое здоровье поразило Одраде со времени их первой встречи. Об этом же говорила Луцилла, захватившая в плен Мурбеллу и спасшая Айдахо на Гамму. Здоровье жило в глубине, словно линза, которая фокусирует внимание на живительном потоке.

Надо заполучить ее на нашу сторону!

Мурбелла видела, что к ней пришли, но не стала прерывать занятие.

— Повремените, Верховная Мать! Конечно, скоро у меня родится ребенок, но мое тело все равно будет нуждаться в упражнениях.

Одраде заметила, что имитатор проявляет гнев, что говорит о программировании фрустрации

в его схеме. Очень опасный режим работы с тренажером.

— С добрым утром, Верховная Мать.

Голос Мурбеллы звучал с большим напряжением. Еще бы, попробуйте поговорить, уворачиваясь от молниеносных ударов и выпадов неумолимого и смертельно опасного тренажера.

За быстротой движений было невозможно уследить глазом. Все сливалось в одну пелену.

Одраде принюхалась. Говорить в такой ситуации — это значит многократно усиливать риск ранения или смерти. Нельзя отвлекать внимание при такой смертельно опасной игре! *Довольно!*

Справа от двери на стене размещалась зеленая панель управления тренажером. Изменения в схеме были видны на дисплее: Мурбелла изменила расположение элементов и их соединение. Одраде протянула руку и выключила тренажер.

Мурбелла повернулась к Верховной Матери лицом.

— Зачем ты изменила схему?

— Чтобы вызвать гнев.

— Так принято у Досточтимых Матрон?

— Что происходит, когда сгибают ветку? — Мурбелла помассировала травмированную руку. — Но что, если ветка знает, как ее гнут,

и одобряет это действие?

Одраде ощутила волнение.

— Одобряет? Почему?

— Потому что в этом есть что-то… великое.

— Ты просто следуешь за высоким выбросом адреналина в твою кровь.

— Вы же знаете, что это не так! — Мурбелла уже перестала учащенно дышать.

— Тогда в чем дело?

— Дело в том, что хочется испытать себя, понять, где пределы твоих возможностей. Оказывается, ты даже не подозревал, на что ты способен, какие свершения тебе по плечу.

Одраде едва сумела скрыть радость.

Mens sana in corpore sano[3]*. Наконец она наша.*

— Но какую цену тебе приходится за это платить!

— Цену? — В голосе Мурбеллы прозвучало неподдельное удивление. — Мне доставляет удовольствие платить, если есть чем.

— Брать то, что нравится, и платить за это?

— Это магический рог изобилия вашего Ордена: чем больше возрастают мои возможности, тем больше становится моя способность пла-

---

[3] Сноски: 3

В здоровом теле здоровый дух *(лат.).*

тить.

— Берегись, Мурбелла, этот рог изобилия, как ты его называешь, может обернуться ящиком Пандоры.

Мурбелла поняла намек. Она застыла на месте, не сводя взгляда с Верховной Матери.

— Вот как? — едва слышно выдохнула она.

— Ящик Пандоры порождает распыление сил, что приводит к потере жизненной энергии. Ты многословно рассуждаешь о том, что попала в струю, что станешь Преподобной Матерью, но не понимаешь, что это значит и чего мы от тебя хотим.

— Значит, вам нужны не мои сексуальные способности.

Одраде с нарочитой величавостью приблизилась к Мурбелле на восемь шагов. Поскольку Мурбелла коснулась этого предмета, то нельзя вступать с ней в спор, пререкания должны быть пресечены волевым решением Верховной Матери.

— Шиана легко овладела твоим мастерством, — сказала Одраде.

— Значит, вы используете ее для этого ребенка!

В голосе Мурбеллы Одраде услышала недо-

вольство. Отголосок прежнего воспитания. Когда начинает развиваться человеческая сексуальность? Шиане, которая находится сейчас в одном из отсеков корабля-невидимки, предстоит заняться выяснением этого вопроса. «Надеюсь, вы поймете источник моего упрямства и почему я была такой скрытной, Верховная Мать».

«Я понимаю, что фрименские запреты переполняли твое сознание, когда ты попала в наши руки».

Этот обмен мыслями разрядил обстановку. Но как использовать этот диалог для того, чтобы изменить направление хода мыслей Мурбеллы? *Надо предоставить события самим себе, прежде чем я найду выход.*

Это должна быть репетиция. Постоянно будут возникать нерешенные проблемы. Тот факт, что практически каждое слово, произнесенное Мурбеллой, может быть предсказуемым, станет большим испытанием.

— Почему вы избегаете применять этот испытанный способ для достижения господства, но хотите применить его в отношении ребенка?

— Вам нужны были рабы? — парировала Одраде.

Их взгляды встретились. Мурбелла лихора-

дочно размышляла. *Разве я считала мужчин своими рабами? Возможно, я провоцировала в них состояние полной покинутости, давая им предварительно ощущение такого полового экстаза, о котором они не могли даже мечтать до встречи со мной. Меня учили давать им это ощущение и, таким образом, контролировать их поведение.*

Я поступала так, пока меня не поработил Дункан.

Одраде уловила скрытность во взгляде Мурбеллы и поняла, что молодую женщину переполняют мысли, которые очень трудно высказать. *Дикость следует своими путями, которыми разум идти не способен.* Похоже, что душа Мурбеллы необратимо запятнана, женщина пытается замаскировать эту отметину и стремится спрятать даже саму маскировку. В Мурбелле была грубость, которая искажала все ее мысли и поступки. Слой над слоем, над слоем…

— Вы боитесь того, что я могу сделать, — сказала Мурбелла.

— В том, что ты говоришь, есть доля правды, — согласилась Одраде.

Честность и искренность — инструменты, которые надо использовать с осторожностью

и в ограниченных пределах.

— Дункан. — Голос Мурбеллы был лишен всякого выражения, сказалось воспитание, полученное в Бене Гессерит.

— Боюсь, что ты разделишь с ним его судьбу. Ты находишь странным, что Верховная Мать способна испытывать страх?

— Я знаю о вашей искренности и честности. — В устах Мурбеллы эти слова прозвучали отталкивающе.

— Преподобных Матерей учат никогда не отказываться от своего «я». Нас учат не мешать себе заботами о других.

— И это все?

— На самом деле все обстоит гораздо глубже и тянет за собой многочисленные крепкие нити. Быть членом Бене Гессерит — значит приобщиться к совершенно неординарному образу мыслей и действий.

— Я понимаю, в чем суть вашего вопроса: Дункан или Бене Гессерит. Знаю я ваши трюки.

— Думаю, что нет.

— Есть вещи, которых я никогда не сделаю.

— Каждый из нас ограничен своим прошлым. Я делаю свой выбор, делаю то, что должна, только потому, что мое прошлое отличается от твоего.

— Вы продолжите мое обучение, невзирая на то, что я сейчас сказала?

Одраде вникала в слова Мурбеллы со всем тщанием, которого требовала обстановка. Каждое чувство было обострено до предела, словно щупальца, протянутые из сознания для зондирования враждебной вселенной.

Бене Гессерит должен изменить свои обычаи. И передо мной человек, который поведет нас навстречу этим изменениям.

Беллонда пришла бы в ужас от такой перспективы, да и многие Сестры откажутся принять ее. Но от реальности не уйдешь, факты — упрямая вещь.

Одраде молчала, и Мурбелла спросила:

— Обучение? Это подходящее слово?

— Нет, здесь больше подходит понятие обусловленности. Этот термин должен быть тебе лучше знаком.

— То, чего вы хотите в действительности, — это объединения нашего опыта, сделать меня похожей на вас и постараться создать между нами доверие. Это все, к чему ведет мое образование.

Не играй со мной в игры эрудитов, детка!

— Мы будем плыть в одном потоке, не прав-

да ли, Мурбелла?

Любая послушница третьей ступени по тону Верховной Матери поняла бы, что не стоит продолжать дискуссию в прежнем тоне. Но Мурбелла не поняла ничего.

— Я никогда не откажусь от него, — сказала она.

— Это должна решать ты сама.

— Но вы позволили леди Джессике решать самой?

Наконец-то впереди забрезжил выход из тупика.

Дункан побудил Мурбеллу почитать историю жизни леди Джессики. *Он надеется расстроить наши планы!* Голограммы его разговоров на эту тему послужили топливом для усиленной работы аналитиков.

— Очень интересная личность, — сказала Мурбелла.

— Любовь! После всего вашего образования и обусловливания!

— Ты не считаешь ее поведение предательским?

— Никогда!

Теперь прояви деликатность.

— Но посмотри на последствия: Квисатц Хаде-

рах… и его внук, Тиран!

Как, должно быть, этот аргумент мил сердцу Беллонды.

— Золотой Путь, выживание человечества, — возразила Мурбелла.

— Великий Голод и Рассеяние.

Ты наблюдаешь за нами, Белл? Не важно, ты увидишь все это в записи.

— Досточтимые Матроны! — подлила масла в огонь Мурбелла.

— И все это из-за Джессики? — спросила Одраде. — Но Джессика вернулась в лоно и прожила остаток жизни на Каладане.

— Будучи преподавателем послушниц!

— Скорее она служила для них наглядным примером. Смотрите, что может получиться, если вы уклоняетесь от служения.

Уклонись, Мурбелла! Сделай это более твердо и решительно, чем Джессика.

— Иногда вы внушаете мне отвращение! — Природная честность заставила ее добавить: — Но вы знаете, что я хочу знать и иметь то, что знаете и имеете вы.

Что мы имеем.

Одраде вспомнила свою первую встречу с приманками Бене Гессерит. Все тело буквально кон-

струируется с величайшей точностью, каждая мышца подчиняется воле, все чувства тренированы до высочайшей чуткости и разрешения. Эти способности, если их приобретут Досточтимые Матроны, только добавят новое измерение, усиленное необычайной скоростью рефлексов.

— Ты все сваливаешь на меня, — сказала Мурбелла. — Пытаешься принудить меня саму сделать выбор, но прекрасно знаешь, что я выберу.

Одраде промолчала. То был способ спора, который древние иезуиты довели до практического совершенства. Параллельный поток накладывался на предмет спора: пусть Мурбелла сама вырабатывает свои убеждения. Можешь только слегка подталкивать ее, главное, чтобы она этого не замечала. Надо незаметно предоставлять ей лазейки, которыми она, несомненно, воспользуется.

Но самое главное, Мурбелла, крепче держись за любовь к Дункану!

— Это очень умно с твоей стороны — постоянно демонстрировать мне преимущества Общины Сестер, — сказала Мурбелла.

— Мы не кафетерий, рекламирующий сладости!

На губах Мурбеллы появилась беспечная улыб-

ка.

— Я бы выбрала вот это, и вот это, и еще вот ту булочку с кремом.

Одраде очень понравилась метафора, но у наблюдателей мог разыграться аппетит.

— Эта диета может оказаться для тебя смертельной.

— Но ваше предложение так привлекательно, а ассортимент так разнообразен. Голос! Это самое замечательное блюдо, которое вы научились готовить. Этот инструмент находится у меня в горле, и только вы можете научить меня пользоваться им в полной мере.

— Так ты, оказывается, концертирующий маэстро!

— Я хочу научиться, как вы, повелевать окружающими.

— До каких пределов, Мурбелла, и с какой целью?

— Если я стану есть то же, что и вы, то смогу ли и я стать такой, как вы: снаружи пластил, а под ним субстанция еще более твердая?

— Ты видишь меня именно такой?

— Я вижу тебя шефом на моем банкете! Я должна съесть все, что ты мне принесешь, — во имя твоей и моей пользы.

Это звучало почти маниакально. Странная личность. Временами она казалась просто свихнувшейся бабой, которая меряет быстрыми шагами свое жилище, словно зверь, посаженный в клетку. В глазах сумасшедший взгляд, радужки пылают рыжими пятнами… как сейчас.

— Ты все еще отказываешься *работать* со Сциталем?

— Пусть с ним работает Шиана.

— Ты научишь ее?

— А потом она начнет учить ребенка, пользуясь моими уроками!

Они уставились друг на друга, поняв, что их обуревают одни и те же мысли. *Это не конфронтация, потому что мы обе хотим многое получить друг от друга.*

— Я сохраняю вам верность за то, что вы можете дать мне, — сказала Мурбелла тихим голосом. — Но вы хотите знать, не изменю ли я вам?

— А ты могла бы?

— Не более чем вы, когда того требуют обстоятельства.

— Ты не думаешь, что пожалеешь о своем решении?

— Конечно, пожалею! — Что за идиотский вопрос. Люди всегда сожалеют о принятых реше-

ниях. Мурбелла заявила об этом прямо.

— Ты подтвердила свою честность. Нам нравится, что ты не прикрываешься фальшивыми знаменами.

— А у вас есть фальшивые знамена?

— Есть.

— Но тогда должны быть способы искоренения их.

— За нас это делает мука испытания Пряностью. Фальшь не выдерживает испытания.

Одраде почувствовала, что сердце Мурбеллы неистово застучало.

— Но вы не будете требовать, чтобы я отказалась от Дункана? — очень задиристо.

— Это трудное задание, но это твои трудности.

— Это другой способ заставить меня отказаться от него?

— Прими в расчет свои возможности, вот и все, что я могу тебе на это ответить.

— Я не могу.

— Значит, ты не будешь этого делать?

— Я говорю то, что есть. Я не способна это сделать.

— А если кто-нибудь покажет тебе, как это сделать?

Мурбелла долгое, почти бесконечное мгнове-

ние смотрела в глаза Одраде.

— Я было сказала, что это освободит меня… но…

— Что?

— Я не смогу быть свободной до тех пор, пока он привязан ко мне.

— Это отречение от Досточтимых Матрон?

— Отречение? Это неподходящее слово. Я просто переросла своих бывших Сестер.

— Бывших Сестер?

— Нет, они до сих пор мои Сестры, но это Сестры моего детства. Некоторые мне глубоко симпатичны, некоторые отвратительны. Это товарищи по играм, в которые мне теперь неинтересно играть.

— Это решение устраивает тебя?

— Вы удовлетворены, Верховная Мать?

От охватившего ее воодушевления Одраде хлопнула в ладоши. Как быстро Мурбелла научилась находчивости истинной воспитанницы Бене Гессерит!

— Удовлетворена? Какое это дьявольски мертвое слово!

Слушая Одраде, Мурбелла ловила себя на мысли, что она, словно сомнамбула, продвигается к краю пропасти, в которую неминуемо свалится,

но не может остановиться, чтобы предотвратить падение в бездну. Слова Одраде доносились до нее, как будто с дальнего расстояния.

— Бене Гессерит держится исключительно на Преподобных Матерях. Ты никогда не сможешь забыть это.

Ощущение сновидения прошло так же внезапно, как и появилось. Следующие слова Верховной Матери были холодны и прямы:

— Готовься к более серьезному обучению.

Тебе предстоит мука испытания — ты или выдержишь ее, или умрешь.

Одраде подняла глаза к потолку, где располагались глазки видеокамер:

— Пришлите сюда Шиану. Она сегодня же начнет заниматься со своим новым преподавателем.

— Итак, вы все же хотите это сделать. Вы хотите *работать* с этим дитятей!

— Думай о нем как о башаре Теге, — коротко приказала Одраде. — Это помогает.

А мы позаботимся о том, чтобы у тебя было поменьше времени на лишние раздумья.

— Я не сопротивлялась Дункану и не могу спорить с вами.

— Не спорь даже с собой, Мурбелла. Это бес-

смысленно. Тег — мой отец, но я тем не менее считаю, что это надо сделать.

До этого момента Мурбелла не понимала, какая сила стояла за прежним замечанием Одраде о том, что *Бене Гессерит держится исключительно на Преподобных Матерях. Великий Дур, помоги мне! Неужели я буду такой же, как они?*

Мы являемся свидетелями текущей фазы вечности. Происходят весьма важные события, но многие люди предпочитают их не замечать. Происходят катастрофы. Но вы не являетесь их участниками. Вы зависите от сообщений. Люди теряются в догадках. Чего стоят эти сообщения? Является ли нам история под маской этих сообщений? Или эти новости – просто продукт редакционных совещаний, тщательного отбора, который превращает живые события в переваренные и отфильтрованные предрассудками карикатуры этих событий? Сведения, которые нужны вам как воздух, редко исходят от тех, кто в действительности творит историю. Дневники, мемуары и автобиографии суть субъективные формы самооправдания. Архивы забиты такими подозрительными материалами.

(Дарви Одраде)

Приблизившись к разделительному барьеру в конце коридора, Сциталь стал свидетелем суеты среди охранников и послушниц. Собственно, стремительные движения и переполох он

заметил издали и поэтому поспешил в конец коридора. Первым делом он увидел оратора Сукк Джаланто. Эту женщину Сциталь помнил: когда-то Одраде присылала ее к Мастеру под предлогом, что он «выглядит совсем больным». *Еще одна Преподобная Мать, приставленная ко мне шпионкой!*

Ах вот в чем дело! Мурбелла родила очередного ребенка! Вот почему здесь врачи и охрана.

Но кто эти другие, посторонние люди, которых тоже немало? Такого скопления накидок Преподобных Матерей Бене Гессерит Сциталь не видел никогда в жизни. Это были не послушницы, а именно полные Преподобные Матери, своим видом напомнившие Сциталю стервятников. Наконец появилась послушница, несущая ребенка. Очень таинственно. *Как жаль, что у меня нет доступа к системе управления кораблем!*

Он прислонился к стене и принялся ждать, но люди растворились, исчезнув в боковых люках и дверях. Куда ушли одни, он мог сказать, но куда делись другие, осталось для него полнейшей загадкой.

Святой Пророк! Пожаловала сама Верховная Мать! Она вошла через широкий главный вход, через который ушли большинство Преподобных

Матерей.

Сейчас бесполезно спрашивать Одраде, когда он увидит ее в следующий раз. Она уже завлекла его в западню и не станет отвечать на его нелепые вопросы.

Пророк здесь — и он в руках повиндах.

Больше в коридоре никто не появлялся, и Сциталь направился в свою квартиру. Идентификационный монитор мигнул в тот момент, когда он входил в дверь, но Сциталь усилием воли заставил себя не смотреть на него. Идентификация — это ключ ко всему. С его знаниями изъян иксианской системы слежения манил к себе Сциталя, словно сладкоголосая сирена.

Если я вздумаю бежать, они не дадут мне много времени.

Было бы актом отчаяния покончить со своим положением заложника на корабле-невидимке. В его распоряжении будут секунды, которые решат исход предприятия. Кто знает, какие фальшивые панели управления встроены в стены корабля и из каких люков могут наброситься на него эти страшные женщины. Он не смел даже подумать о таком безумии, прежде чем не испытает другие способы. Особенно важно это теперь… когда возродился Пророк.

Коварные ведьмы. Что еще изменили они в системах корабля? Эта мысль не давала покоя. *Приложимы ли здесь еще мои знания?*

Присутствие Сциталя по ту сторону защитного барьера не укрылось от внимания Одраде, но у нее в тот момент были более важные дела. Разрешение Мурбеллы от бремени (Одраде любила древние термины) произошло в очень удобное время. Одраде очень хотелось, чтобы Айдахо был отвлечен, когда Шиана начнет заниматься восстановлением памяти башара. Айдахо часто отвлекали мысли о Мурбелле, но сейчас это было особенно сильно, потому что в данный момент Айдахо не мог находиться рядом с возлюбленной.

Было бы мудрым осуществлять за ним сейчас личное наблюдение. Не стоило забывать, что Дункан — ментат.

Одраде застала Айдахо, как и в прошлый раз, за консолью. Едва только выйдя из двери лифта, Одраде услышала пощелкивание реле и гудение аппаратов, сразу поняв, где следует искать Айдахо.

Он странно вел себя, когда она привела его в комнату наблюдения, из которой они могли видеть, что происходит в помещении, в котором

находились Шиана и Тег.

Он беспокоится за Мурбеллу? Или его больше волнует то, что он видит сейчас?

Комната наблюдения представляла собой длинный и узкий пенал. Три ряда стульев были повернуты в сторону стены наблюдения, за которой находилась комната, где должен был произойти секретный эксперимент. Область наблюдения была погружена в полумрак, только в дальнем углу висели два довольно тусклых светильника.

Присутствовали два доктора Сукк, но Одраде все время казалось, что это не играет никакой роли. Джаланто, которую Айдахо считал лучшим врачом, находилась с Мурбеллой.

Продемонстрируй свое участие, тем более что оно вполне искренно.

Вдоль стены покачивались подвесные стулья. В соседнюю комнату вел аварийный люк.

Стрегги провела ребенка в комнату эксперимента по боковому ходу, чтобы он не мог видеть наблюдающих. Помещение было подготовлено под руководством Мурбеллы: спальня, предметы обстановки которой частично перенесены из комнаты Тега, частично из спальни Мурбеллы и Айдахо.

Логово зверя, подумала Одраде. Комната производила довольно убогое впечатление от царившего в ней беспорядка, столь характерного для спальни Айдахо: одежда, разбросанная на спинках стульев, тапочки, оставленные в углу. На принесенном в комнату матраце спали Айдахо и Мурбелла. Одраде сразу отметила запах слюны и интимной близости. Это тоже должно было воздействовать на подсознание Тега.

Вот с чего начинаются первобытные инстинкты. Инстинкты, которыми не в состоянии управлять. Какое самомнение полагать, что мы можем это делать. Но мы должны добиться успеха и в этом.

Стрегги раздела мальчика и оставила его, обнаженного, на кровати. Одраде почувствовала, как у нее участился пульс. Она передвинула кресло ближе к экрану, увидев, как другие наблюдатели последовали ее примеру.

Боже мой, подумала она. *Мы же сейчас выступаем в роли вуайеристов.*

Такая мысль была в тот момент неизбежной, но Одраде почувствовала, что ее человеческое достоинство унижено. Она потеряла что-то из-за такого вторжения в чужую жизнь. Мысль не украшала воспитанницу Бене Гессерит, но бы-

ла такой человеческой!

Дункан принял вид полного безразличия, но не надо было быть психологом, чтобы понять, что он притворяется. Слишком много в нем субъективного, чтобы считать Айдахо хорошим ментатом. Однако в данный момент он был нужен Одраде именно таким. Участие в мистерии. Оргазм как источник энергии. Белл правильно расставила акценты.

Одной из трех прокторов, которые были выбраны наблюдателями благодаря своей выдержке, Одраде сказала:

— Гхола хочет, чтобы была восстановлена его исходная память, но сильно этого боится. Это главный барьер, который предстоит преодолеть.

— Чушь, — вмешался в разговор Айдахо. — Вы понимаете, над чем мы сейчас работаем? Его мать была одной из вас и дала ему очень глубокие знания и навыки. Насколько вероятно, что она не научила его умению противостоять импринтингу?

Одраде резко повернулась в его сторону. *Ментат?* Нет, он снова впал в воспоминания о своем прошлом, переживая его и делая сравнения. Это упоминание об импринтинге, однако… Мо-

жет быть, его первый сексуальный опыт с Мурбеллой восстановил его память о жизнях гхола? В нем живо глубинное неприятие импринтинга?

Проктор, к которой обратилась Одраде, предпочла не заметить грубой реплики Айдахо. Она прочитала архивные материалы, когда Беллонда назначила ее наблюдателем. Все три знали, что в случае крайней необходимости именно им предстояло убить мальчика-гхола. Нет ли у него способностей, опасных для Бене Гессерит? Они этого не узнают до тех пор, пока Шиана не выполнит свою миссию.

Одраде обратилась к Айдахо:

— Стрегги сказала ему, зачем он здесь.

— Что именно она сказала?

Проктоpы во все глаза уставились на Дункана: с Верховной Матерью не полагалось разговаривать столь безапелляционным тоном.

Одраде, сделав над собой усилие, заговорила с необычной для себя вкрадчивостью:

— Стрегги сказала, что Шиана восстановит его память.

— Что он ответил на это?

— Спросил, почему этого не делает Дункан Айдахо?

— Она дала ему честный ответ?

— Честный, но ничего не объясняющий. Стрегги сказала, что Шиана знает лучший способ и что ты одобрил наши действия.

— Смотрите, он даже не шевелится! Вы ничем его не опоили?

Айдахо посмотрел на прокторов ненавидящим взглядом.

Мы бы не осмелились это сделать. Но он и так погружен в себя. Разве ты не помнишь самого себя в этой ситуации? С тобой было то же самое.

Айдахо откинулся на спинку стула, плечи его бессильно опустились.

— Мурбелла все время повторяет: «Он же еще ребенок. Он же еще ребенок». Вы же знаете, что мы даже поссорились из-за этого.

— Я полагаю, что ваш спор был деструктивным. Башар не был ребенком. Мы же восстанавливаем память башара.

Айдахо поднял вверх два скрещенных пальца.

— Надеюсь.

Одраде откинулась назад и внимательно посмотрела на Дункана.

— Я не знала, что ты суеверен.

— Я бы помолился даже Дуру, если бы думал, что это поможет.

Он хорошо помнил свою боль при пробуждении

исходной памяти.

— Не проявляйте сочувствия, — пробормотал он. — Обратите его на него. Заставьте его как можно дольше смотреть в себя. Надо, чтобы он разозлился.

Эти слова были выстраданы собственным опытом Дункана.

— Видимо, это самое дурацкое предложение, которое я когда-либо делал. Мне сейчас надо быть рядом с Мурбеллой.

— Не покидай нашего общества, Дункан. Сейчас ты ничем не можешь помочь Мурбелле. Смотри, Тег соскочил с матраца и посмотрел на потолок, в глазок видеокамеры.

— Кто-нибудь придет помочь мне? — спросил Тег. В его голосе было намного больше отчаяния, чем предусматривалось этим этапом опыта. — Где Дункан Айдахо?

Одраде положила руку на плечо Дункана, который рванулся вперед.

— Сиди на месте, Дункан. Ты ничем ему не поможешь. Во всяком случае, пока.

— Кто-нибудь скажет мне, что делать? — Голосок был жалобным и тонким. — Что вы собираетесь делать?

Это был сигнал для Шианы. Она вошла в ком-

нату через люк, расположенный за спиной Тега.

— Я пришла, — сказала она. На Шиане было надето голубое, почти прозрачное, плотно облегающее фигуру платье.

У мальчика от неожиданности отвисла челюсть. И это Преподобная Мать? Он никогда не видел, чтобы они носили такие одеяния.

— Ты собираешься вернуть мне память? — В голосе прозвучали сомнение и отчаяние.

— Я помогу тебе сделать это самому, — произнося эти слова, Шиана выскользнула из платья и сбросила его на пол. Лежащее платье напоминало огромную голубую бабочку.

Тег во все глаза уставился на Шиану.

— Что ты делаешь?

— Как ты думаешь, что я делаю? — Она села рядом с ним и положила ладонь на его член.

Голова мальчика дернулась вперед с такой силой, словно кто-то ударил его по затылку. Он смотрел, как в руке Шианы наполняется кровью его член.

— Зачем ты это делаешь?

— Разве ты не знаешь?

— Нет! — Он смотрел в ее такое близкое лицо.

— Башар должен знать.

— Но ведь ты же знаешь, но почему не хочешь

сказать?

— Я — не твоя память!

— Почему ты так стонешь?

Она прижалась губами к его шее. Сладострастный стон был отчетливо слышен всем наблюдателям. Мурбелла называла этот стон усилителем, ключом к возбуждению нужного сексуального ответа. Стон становился все громче.

— Что ты делаешь? — Он почти кричал, когда Шиана широко раздвинула ноги и силком положила его на себя. Она извивалась, поглаживая его по пояснице.

— Отвечай мне, черт бы тебя побрал! — взвизгнул мальчик.

Откуда это «черт бы тебя побрал»?

Шиана ввела член во влагалище.

— Вот ответ!

Губы Тега округлились.

Наблюдатели видели, как внимательно Шиана рассматривает Тега, но она не только рассматривала его, она впитывала в себя все, что чувствовала.

«Чувствую напряжение его бедер, отчетливый вагусный пульс и особенно замечательно, что у него потемнели соски. Когда все свершится, у него расширятся зрачки».

— Импринтер! — пронзительно вскричал Тег. Наблюдатели от неожиданности подскочили на месте.

Тег изо всех сил ударил кулаками Шиану по плечам. Все сидевшие у экрана заметили, как в его глазах заплясали странные огоньки, и он отпрыгнул назад. Во взгляде появилось что-то совершенно новое.

Одраде вскочила на ноги.

— Что-то пошло не так?

Айдахо продолжал неподвижно сидеть в кресле.

— Я вас предупреждал.

Шиана оттолкнула Тега, чтобы избежать еще одного удара.

Мальчик спрыгнул на пол и развернулся с такой быстротой, что наблюдатели остолбенели. Несколько томительно долгих мгновений Шиана и Тег смотрели в глаза друг другу. Он медленно выпрямился и столь же медленно опустил голову, разглядывая себя. Наконец он поднял глаза, продолжая рассматривать свою поднятую левую руку. Потом он не спеша рассмотрел потолок, потом все четыре стены. Опять взглянул на свое тело.

— Что за дьявольщина… — Голос был по-преж-

нему детский, но интонации принадлежали зрелому мужчине.

— Добро пожаловать, гхола-башар, — сказала Шиана.

— Ты пыталась запечатлеть меня! — В голосе злоба и обвинение. — Ты думала, что моя мать не научила меня этим фокусам и тому, как с ними бороться?

На лице мальчика появилось отчужденное выражение.

— Гхола?

— Некоторые предпочитают в данном случае говорить о клонировании.

— Кто… Шиана! — Он повернулся, рассматривая комнату. Все было продумано, и Тег не увидел ни одного люка или двери. — Где мы?

— В корабле-невидимке, который ты захватил на Дюне как раз перед тем, как тебя убили.

Пока все шло по правилам.

— Убили… — Он снова посмотрел на свои руки. Наблюдатели видели, как с его глаз спадает пелена беспамятства гхола. — Меня убили на Дюне? — Вопрос прозвучал почти жалобно.

— Ты погиб, как настоящий герой, — сказала Шиана.

— Мои… люди, которых я взял на Гамму… они

тоже…

— Досточтимые Матроны решили образцово наказать Дюну и оставили от нее только пепел. Теперь это абсолютно безжизненная планета.

Гнев исказил черты лица Тега. Он сел, скрестив ноги, положив на колени сжатые кулаки.

— Да, это я знаю из истории… моей жизни.

Он снова посмотрел на Шиану. Она продолжала неподвижно сидеть на матраце. Это был такой прорыв в память, который мог полностью оценить только тот, кто прошел через муки испытания Пряностью. Теперь требовалось полное спокойствие.

— Не говори ничего, Шиана, — прошептала Одраде. — Пусть все идет своим чередом. Пусть он все сделает сам.

Рукой она дала сигнал трем прокторам. Они направились к входному люку, с гораздо большим вниманием глядя на Верховную Мать, чем на экран с проекцией потайной комнаты.

— Мне очень странно ощущать себя личностью исторического масштаба, — произнес Тег. Голос оставался детским, но в нем явственно звучали интонации взрослого мужчины. Он закрыл глаза и тяжело вздохнул.

В комнате наблюдателей Одраде откинулась

на спинку кресла и спросила:

— Ты ничего не заметил, Дункан?

— Я заметил, что, когда Шиана оттолкнула его, он развернулся с быстротой, которую я до сих пор видел только у Мурбеллы.

— Пожалуй, он двигался еще стремительнее.

— Может быть… это оттого, что он слишком юн и прошел тренировку прана-бинду.

— Нет, это что-то другое. Ты насторожил нас, Дункан. Это нечто неизвестное в маркерах генов Атрейдесов.

Она посмотрела на превратившихся во внимание прокторов и покачала головой. *Нет, еще не время.*

— Будь проклята его мать! Гипнотическое наведение для защиты от импринтинга! И она скрыла это от нас.

— Но посмотрите, что она нам дала, — возразил Айдахо. — Более эффективный способ восстановления памяти.

— Нам следовало бы понять это самим! — Одраде рассердилась на себя. — Сциталь утверждает, что тлейлаксианцы применяют боль и конфликт. Хотелось бы посмотреть.

— Спроси у него.

— Это не так-то просто. Наша Вещающая

Истину не уверена, что может оценить его искренность.

— Он непрозрачен.

— Когда ты успел его изучить?

— Дар! Я же получил доступ к записям наблюдений.

— Я знаю, но…

— Черт возьми! Ты собираешься следить за Тегом? Смотри на него! Что происходит?

Одраде впилась взглядом в сидящего мальчика.

Тег с выражением крайнего напряжения смотрел на глазки видеокамер.

Было похоже, что он пробудился от сна в шатре главнокомандующего, разбуженный в разгар битвы бесцеремонной рукой адъютанта. Требовалось его немедленное вмешательство! Он вспомнил, как сидел на командном пункте в рубке корабля-невидимки, рядом стояла Одраде и ногтями царапала его шею. Надо что-то срочно предпринять. Что? Он всем телом чувствовал, что происходит что-то неладное. Гамму… нет, сейчас он на Дюне и… Одновременно память подсовывала ему что-то другое: детство на Капитуле? Дар, как… как… Память путалась. *Они пытались провести импринтинг!*

Поток сознания обтекал эту мысль, словно река, огибающая скалистый выступ берега.

— Дар, ты здесь? Ты здесь?

Одраде села поглубже в кресло и прижала ладонь к подбородку. *Что дальше?*

— Мама! — Тон был обвиняющим.

Одраде нажала сенсор в ручке кресла.

— Майлс, пойдем прогуляемся по саду?

— Хватит этих игр, Дар. Мне понятно, зачем я вам нужен, однако хочу сразу предупредить: насилие приводит к власти не тех людей. Но вы и сами это прекрасно знаете.

— Ты все еще верен Общине Сестер, Майлс, несмотря на то, что мы пытались с тобой сделать?

Он посмотрел на исполненную внимания Шиану и сказал:

— Я все еще ваш верный пес.

Одраде метнула в Айдахо негодующий взгляд.

— Это все ты и твои проклятые истории!

— Ладно, Майлс, с играми покончено, но я должна знать, что произошло на Гамму. Говорят, что там ты двигался со скоростью, за которой было невозможно уследить взглядом.

— Это верно. — Тон был будничным и совершенно безразличным — «подите вы все к черту».

— И только сейчас…

— Это тело слишком мало, чтобы выдерживать подобные нагрузки.

— Но ты…

— Это был всего один рывок, и теперь я испытываю зверский голод.

Одраде взглянула на Айдахо. Тот кивнул. *Это правда.*

Верховная поманила пальцем прокторов, приказывая им вернуться от люка в комнату наблюдателей. Те, поколебавшись, повиновались. Что сказала им Беллонда?

Тег все еще не до конца понял, что произошло.

— Я правильно все понял, дочка? Поскольку каждый индивид может быть проанализирован до самой своей сути, постольку эта суть нуждается в тщательном уходе при своем формировании?

Его проклятая мать ничего не утаила от своего сынка!

— Хочу попросить у тебя прощения, Майлс. Мы не знали, насколько хорошо подготовила тебя твоя мать.

— Кому принадлежала идея? — спросил Тег, взглянув на Шиану.

— Это моя идея, Майлс, — ответил за женщину

Айдахо.

— О, и ты тоже здесь? — Память полностью вернулась к Тегу.

— И я помню боль, которую причинил мне в свое время ты, — сказал Дункан.

Это отрезвило Майлса.

— Принято, Дункан. Не нужно никаких извинений.

Он посмотрел на динамики, повторяющие голоса собеседников.

— Как там с воздухом наверху, Дар? Достаточно ли он разрежен?

Какая глупая мысль! — подумала она. *Главное, он это знает.* Воздух в наблюдательном помещении был спертым от дыхания собравшихся там людей, каждый из которых преследовал свои цели: одни хотели быть ближе к Верховной, другие предложить свои идеи, чтобы продвинуться по иерархической лестнице, третьи просто хотели сунуть свой нос в это дело из любопытства. Разрежен! Вот уж действительно! Он явно хотел ей что-то сказать.

Иногда мне надо быть автократичной.

Она вспомнила, как говорила Тегу эти слова во время одной из прогулок по саду. Тогда она объяснила ему, что такое автократия. *У ме-*

ня есть власть, и я должна пользоваться ею. Это страшно меня угнетает.

Если у тебя есть власть, воспользуйся ею! Вот что хотел сказать ей башар Тег. *Убей или освободи меня, Дар.*

Она на мгновение потеряла дар речи, и Тег почувствовал это.

— Майлс, Бурцмали мертв, но здесь есть резерв, подготовленный им лично. Это лучшие силы, которые…

— Не занимай меня мелкими деталями! — Это была команда военачальника. Голос детский и слабый, но в остальном все соответствовало характеру прежнего башара.

Прокторы, не дожидаясь повторного приказа, направились к люку. Взбешенная Одраде вернула их назад одним жестом. Теперь ей стало ясно, что она приняла решение.

— Верните ему одежду и выпустите. Вызовите сюда Стрегги.

Первые же слова Тега, которые он произнес после этой вспышки, заставили Одраде задуматься, не совершила ли она роковую ошибку.

— Что, если я проведу кампанию не так, как хочется вам?

— Но ты же сказал…

— Я произносил много слов в течение своих… жизней. Битвы не укрепляют мораль, Дар.

И Одраде, и Тараза не раз слышали высказывания башара на эту тему. *Война оставляет в остатке «еду, питье и простые радости», что неизбежно приводит к моральному вырождению.*

Это были слова Тега и ее убеждение.

Запыхавшаяся Стрегги вбежала в комнату, но, прежде чем она заговорила, Одраде сделала ей знак отойти в сторону и помолчать.

Впервые эта дисциплинированная послушница не выполнила повеления Верховной Матери.

— Дункан должен знать, что у него родилась еще одна дочь. Мать и дитя здоровы. — Она взглянула на Тега. — Привет, Майлс.

Только после этого Стрегги отошла в сторону и встала у стены.

Она лучше, чем я ожидала, подумала Одраде.

Айдахо наконец расслабился в кресле, только теперь поняв, в каком напряжении пребывал все это время.

Тег кивнул Стрегги, но обратился к Одраде:

— Надо ли мне шепнуть на ушко Богу еще несколько слов?

Самое главное — отвлечь внимание прокторов

и понять, дошел ли до Верховной смысл слов Тега.

— Если нет, то меня надо накормить, я действительно просто умираю от голода.

Одраде подала знак Стрегги, и та вышла.

Одраде почувствовала, что понимает, куда клонит Тег. Удостоверившись в этом, он продолжил:

— Вероятно, сейчас ты создала еще один рубец.

Это был камень в огород Общины Сестер, которые хвастались: «Мы не позволяем рубцам накапливаться в своем прошлом. Рубцы чаще скрывают, чем выявляют».

— Некоторые шрамы больше выявляют, чем скрывают, — сказал Тег, взглянув на Айдахо. — Верно, Дункан?

Один ментат обращается к другому.

— Кажется, мы возобновляем давнишний спор, — сказал Айдахо.

Тег взглянул на Одраде.

— Видишь, дочка? Ментат сразу узнает давнишний спор, когда он возобновляется. Ты гордишься тем, что знаешь, что требуется от тебя на каждом повороте судьбы, но чудовище, которое подстерегает тебя на каждом таком повороте, — это твои собственные творения.

— Верховная Мать, — сказала одна из пр-

окторов. Она не могла допустить, чтобы так обращались к Одраде.

Одраде не обратила никакого внимания на этот крик души. Она чувствовала, что время уходит, и ее незаметно, но очень сильно подталкивают к принятию окончательного решения. В спор вступила память Таразы: «*Мы сформированы ассоциациями Бене Гессерит. Особым образом эти ассоциации делают нас грубыми. Да, мы часто режем сплеча, когда это необходимо, но это только иной показатель нашей туповатой грубости».*

— Я не хочу представлять вас тупицами, — сказал Тег. Итак, он все помнит.

Вернулась Стрегги с миской бульона с мясом. Тег уселся на пол и одним глотком осушил миску.

Одраде оставалась недвижимой, но ее мысли постоянно вертелись вокруг одной и той же проблемы: куда завлек их Тег. Все Преподобные Матери окружали себя броней, на которой все внешние события (включая эмоции) воспринимались как отстраненные проекции. Мурбелла права, Сестрам надо овладевать искусством испытывать эмоции и простые человеческие чувства. Они обречены, если останутся простыми

наблюдателями.

Она обратилась к Тегу:

— Никто не собирается просить тебя делать из нас бесчувственных тупиц.

Однако и Тег, и Айдахо услышали в тоне Одраде не только это. Майлс отставил в сторону пустую миску, но Айдахо заговорил первый.

— Культивация! — произнес он.

Тег согласно кивнул. Сестры редко проявляли импульсивность. Их реакции упорядочены даже в минуты повышенной опасности. Этот порядок находится за пределами того, что обычный человек считает культурным поведением. Сестрами обычно двигала не столько жажда власти, сколько собственный взгляд на вещи и практически неограниченная память. Так, Одраде следовала в своих действиях давно и тщательно разработанному плану. Тег взглянул на прокторов, которые слушали разговор, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Вы были готовы убить меня, — сказал он.

Никто не ответил. В этом не было никакой необходимости. Все сразу поняли, что имеют дело с проекцией ментата.

Тег оглянулся и осмотрел комнату, где он вновь обрел исходную память. Шиана ушла. В зако-

улках сознания что-то говорила память других людей — далеких предков Тега. Они заговорят в полный голос в свое время. Какое у него ничтожное тело. С этим было трудно смириться. И Стрегги… Он внимательно посмотрел на Одраде.

— Вы оказались умнее, чем можно было предполагать, но моя мать…

— Не думаю, что она могла все это предвидеть, — возразила Верховная Мать.

— Нет, она была не настолько сильно поражена наследием Атрейдесов.

Это слово в данной ситуации наэлектризовало воздух помещения. Прокторы придвинулись ближе к люку.

Ох уж эта мать!

Тег не обратил внимания на угрожающий жест прокторов.

— В ответ на вопрос, который вы мне так и не задали, могу сказать, что не могу объяснить, что произошло со мной на Гамму. Мои физические и умственные способности, проявившиеся там, не поддаются никакому разумному объяснению. Учитывая мой нынешний рост и силу энергии, я мог бы в мгновение ока покинуть корабль-невидимку и… Но… — он поднял ру-

ку, — я по-прежнему остаюсь вашим верным псом. Я сделаю все, что вы от меня потребуете, но, возможно, не тем способом, которого вы от меня ждете.

Одраде увидела оцепенение на лицах своих Сестер. *Какую силу я выпустила на волю?*

— Мы можем помешать любому живому существу покинуть этот корабль, — сказала она. — Ты можешь передвигаться очень быстро, но я сомневаюсь, что ты сможешь обогнать огонь, который охватит тебя, как только ты попытаешься бежать без нашего разрешения.

— Я покину корабль по своей доброй воле и только с вашего разрешения. Какова численность сил, оставленных здесь Бурцмали?

— Около двух миллионов, — выпалила Одраде.

— Так много?

— У него было вдвое больше сил, когда Досточтимые Матроны уничтожили Лампадас.

— Нам придется быть умнее бедняги Бурцмали. Вы не оставите нас наедине с Дунканом? Мы должны обсудить этот вопрос с ним. Не поэтому ли вы держите нас вместе? Двух специалистов одного профиля.

Он насмешливо взглянул в глазок видеокамеры.

— Думаю, что вы не один раз прослушаете наш разговор, прежде чем утвердите наш план.

Одраде переглянулась с Сестрами. В их глазах застыл один и тот же немой вопрос: *Что еще мы можем сделать?*

Поднимаясь с кресла, Одраде взглянула на Айдахо.

— Вот настоящая работа для ментата, Вещающего Истину!

Когда женщины ушли, Тег прыгнул в одно из кресел и заглянул в комнату, хорошо видимую теперь позади смотрового экрана. Сердце Майлса все еще билось от выполненного им чрезмерного усилия.

— Какое шоу, — сказал он.

— Мне приходилось видеть и получше, — сухо парировал Айдахо.

— Единственное, что мне сейчас хочется, — это стаканчик маринета, но боюсь, что это тельце не предназначено для таких напитков.

— Белл ждет, когда Дар вернется в Централ, просто сгорает от нетерпения, — сказал Айдахо.

— Ко всем чертям эту Белл! Нам надо обезвредить Досточтимых Матрон прежде, чем они отыщут нас.

— И у башара, конечно же, уже готов план.

— К черту этот титул!

Айдахо едва не задохнулся от изумления.

— Вот что я скажу тебе, Дункан, — с напряжением в голосе начал Майлс Тег. — Однажды, когда я прибыл для переговоров с потенциальными противниками, адъютант объявил: «Прибыл башар». Я остолбенел. Меня вдруг захватила одна весьма абстрактная мысль.

— Ментатский туман.

— Конечно, да, но не только. Я понял, что звание отделяет меня от того, что я не смею терять ни при каких обстоятельствах. Башар? Я больше, чем башар! Я — Майлс Тег, это, и только это, имя дали мне мои родители.

— Ты считаешь, что ты — звено в цепи имен?

— Конечно, и я понимаю, что мое имя стоит довольно далеко от чего-то более первичного. Я слышал, как моя мать говорила: «О, какое прелестное дитя!» Итак, тогда у меня было другое имя: Прелестное Дитя.

— Ты не пытался покопаться глубже? — поинтересовался зачарованный Айдахо.

— Я попался на крючок. Имя приводит к имени, потом еще к одному имени, и в конце концов к безымянности. Когда я вошел в зал важных переговоров, то был безымянным. Ты когда-нибудь

так рисковал?

— Однажды, — неохотно признал Айдахо.

— Мы все делаем это хотя бы один раз в жизни. Но вот что было тогда. Я чувствовал себя так, словно получил сведения обо всех, кто сидел за столом. Я знал их в лицо, по имени и званию, плюс к этому я знал всю их подноготную.

— Но ведь в действительности ты встречался с ними впервые.

— О да, я видел выжидательное выражение их лиц, они думали, кто я, волновались, терялись в догадках. Но они не знали, кто я!

— Это давало тебе ощущение великой власти?

— Да, как нас в свое время предупреждали в школе ментатов. Я спросил себя: «Не есть ли это начало разума?» Не смейся, это очень мучительный вопрос.

— Значит, ты все же слишком глубоко копнул? — захваченный откровениями Тега, Айдахо не заметил предупреждающих голосов, которые зазвучали где-то на окраине его сознания.

— О да. Я понял, что нахожусь в знаменитой «Комнате зеркал», которой нам советовали избегать, как чумы.

— Итак, ты запомнил, как выйти оттуда и…

— Запомнил? Да ты и сам наверняка там был.

Разве тебя вывела оттуда память?

— Она помогла.

— Несмотря на предупреждение, я задержался, разглядывая свою самость самости и бесконечные изменения. Отражения отражений до бесконечности.

— Очарование «ядерной сущности». Только немногие смогли вырваться из этой бездны. Тебе крупно повезло.

— Не уверен, что это можно назвать везением. Я знал, что должно быть Первое Сознание, потом пробуждение…

— … которое оказывается вовсе не первым.

— Но я хотел познать самость своей самости.

— Эти люди не сочли твое поведение странным?

— Потом я осознал, что сидел за столом с каменным выражением лица, которое скрывало мою ментальную гимнастику.

— Ты говорил?

— Сидел молча, как пень. Это было истолковано как «башар, как и ожидалось, что-то скрывает». Репутация — великая вещь.

Айдахо едва не улыбнулся, но вовремя вспомнил о видеокамерах, сразу подумав о том, как отнесутся наблюдатели к таким откровениям.

Дикий талант отпрыска Атрейдесов. Сестры знали о зеркалах. Всякий, кто избежал смерти в такой «комнате», должен быть взят на заметку по подозрению в неблагонадежности. Неизвестно, что могли показать такому человеку зеркала.

Тег, словно услышав опасный вопрос, произнес:

— Я попал в ловушку и понял это. Я мог бы визуализировать себя как прикованное к одру смерти растительное существо, но это меня нисколько не заботило. Зеркала были везде, они словно выплывали из воды. Это продолжалось до тех пор, пока я не увидел свою мать. Она выглядела приблизительно так, как незадолго до своей смерти.

Айдахо, дрожа, глубоко вздохнул. Неужели Тег не понимает, что он только что сказал на виду у наблюдателей?

— Теперь Сестры вообразят, что я — потенциальный Квисатц Хадерах, — сказал Тег. — Следующий Муад'Диб. Чушь! Кажется, это твое любимое слово, Дункан. Никто из нас не рискнет. Мы знаем, что мы сотворили, и мы не настолько глупы.

Айдахо едва не подавился собственной слюной. Примут ли они как надо слова Тега? Он говорит истинную правду, но все же…

— Она взяла меня за руку, — продолжал Тег. —

Я чувствовал это физически. И это она вывела меня из страшного зала. Мне казалось, что она продолжает находиться рядом со мной, когда понял, что сижу в Зале заседаний за круглым столом переговоров. Мои руки все еще горели от ее прикосновения. Но матери не было. Она ушла. Я знал это. Я снова овладел собой и обратил внимание на то, что происходит вокруг. Сестры хотели получить в ходе этих переговоров важные преимущества, и мне удалось их добиться.

— Что-то такое, что твоя мать сумела насадить в твоей…

— Нет, я видел ее точно так же, как Преподобные Матери видят в своем сознании свою Другую Память. Мать так и говорила: «Зачем ты теряешь здесь время, когда тебя ждут важные и неотложные дела?» Она никогда не оставляла меня, Дункан. Прошлое никогда не отпускает нас.

Айдахо внезапно осознал цель, с которой Тег произносил свой страстный монолог. *Честность и искренность — вот путь к победе!*

— Ты обладаешь Другой Памятью!

— Нет, только в самых экстренных случаях она приходит ко мне на помощь. Зеркальный зал — это внештатная ситуация, и только Другая Память помогла мне найти выход из него. Но я

никогда не возвращался в зал!

Айдахо понял и принял это. Большинство ментатов рисковали и однажды в жизни погружались в бесконечность, понимая при этом преходящую природу имен и титулов, но рассказ Тега был чем-то большим, нежели просто рассказом о Времени как о потоке и ожившей картине.

— Я полагаю, что наступил момент для того, чтобы полностью посвятить себя делу Бене Гессерит, — сказал Тег. — Они должны знать, насколько глубоко они могут доверять нам. Нам предстоят большие дела, а мы и так потратили массу времени на разные глупости.

Расходуйте энергию на тех, кто может сделать вас сильными; сила, израсходованная на помощь слабаку, обрекает вас на гибель (правило ДМ). Комментарий Бене Гессерит: Кто может судить?

(Донесение Дортуйлы)

День возвращения Дортуйлы был не слишком удачным для Одраде. Обсуждение вооружений с Тегом и Айдахо не привело ни к какому решению. Верховная чувствовала, что палач с топором подбирается все ближе и ближе.

Потом дневная встреча с Мурбеллой — слова, слова, слова. Бывшая Досточтимая Матрона утонула в философских вопросах. По мнению Одраде, решать эти вопросы означало загонять себя в тупик.

И вот сейчас, ранним вечером, Одраде стоит на самом западном участке брусчатки, окаймлявшей периметр Централа. Это было одно из самых любимых мест Верховной, но рядом стояла Беллонда, готовая испортить предвкушаемую тихую радость.

Здесь их нашла Шиана.

— Это верно, что ты предоставила Мурбелле свободу покидать корабль? — спросила она.

— Вот так! — Это было то, чего больше всего

на свете боялась Беллонда.

— Белл, — прервала Беллонду Одраде и указала рукой на сады, окружающие Капитул. — Вон на том небольшом пригорке мы не сажали никаких растений. Я хочу, чтобы ты организовала там постройку пастушьего домика, обставленного по моему усмотрению. Там обязательно должен быть бельведер, обнесенный узорчатой решеткой.

Теперь Беллонду можно было не останавливать. Одраде никогда не видела свою советницу такой взбешенной. Чем больше кричала Беллонда, тем непреклоннее становилась Одраде.

— Ты хочешь построить бельведер? В саду? На что еще ты хочешь потратиться, пустить на ветер драгоценную энергию? Бельведер! Пастуший домик! Идиотизм! Это самое подходящее название для твоей следующей…

Это был глупый спор. Обе знали, что его можно разрешить в два слова. Верховная Мать не хотела уступать первой. А Беллонда вообще редко кому бы то ни было уступала. Даже когда Одраде замолкла, Беллонда продолжала осыпать ее совершенно беспочвенными обвинениями.

— Ты должна устроить мне роскошный обед, Беллонда, — заговорила наконец Одраде. —

Смотри, чтобы это был самый лучший обед, на который ты способна.

— Я должна… — Казалось, Беллонда сейчас начнет плеваться от ярости.

— Предлагаю мир, — произнесла Одраде. — Я хочу, чтобы этот обед подали в бельведере… в Фоли Бержер.

Шиана расхохоталась, и Беллонде пришлось последовать ее примеру, хотя смех был ледяным. Белл чувствовала, что в ссоре потеряла лицо.

— Все увидят это и скажут: «Смотрите, как уверена в будущем Верховная Мать», — сказала Шиана.

— Итак, ты хочешь сделать это с целью повышения морального духа. — В данный момент Беллонда была готова принять любое объяснение.

Одраде одарила Шиану лучистым взглядом. *Моя умненькая малютка!* Она не только не поддразнила Беллонду, но и сумела поддержать самоуважение в старой женщине. Белл, несомненно, поняла это, но в ее мозгу неизбежно возник типичный для воспитанницы Бене Гессерит вопрос: *зачем?*

Почувствовав подозрения Беллонды, Шиана сказала:

— В действительности мы спорим о Дункане и Теге. Сказать по правде, мне уже надоел этот спор.

— Если бы я только могла понять, что ты на самом деле затеваешь, Дар, — протянула Беллонда.

— Энергия всегда выступает в некоей форме, Белл!

— Что ты хочешь этим сказать? — изумленно спросила старуха.

— Они скоро найдут нас, и я знаю как.

Ошеломленная Беллонда едва не раскрыла рот.

— Мы — рабы своих привычек, — сказала Одраде. — Рабы энергии, которую создаем. Может ли раб вырваться на свободу? Белл, ты знаешь эту проблему не хуже меня.

Белл выглядела совершенно растерянной.

Одраде внимательно посмотрела на нее.

Гордыня — вот что увидела Одраде, глядя на Сестер. Чувство собственного достоинства — лишь маска. Не было никакого унижения. Вместо этого видимый невооруженным глазом конформизм, истинный паттерн Бене Гессерит. В обществе, образованном по такому принципу, зазвучал предупреждающий об опасности сигнал.

Шиана пришла в замешательство.

— Привычек?

— Привычка всегда охотится за тобой. Твое «я», которое ты сформировала, будет всегда преследовать тебя. Призрак станет рыскать вокруг тебя, стремясь овладеть твоим телом, твоим существом. Мы пристрастны к тому «я», которое сами сконструировали. Мы — рабы наших деяний. Мы привязаны к Досточтимым Матронам, а они к нам, словно к наркотику!

— Это все твой проклятый романтизм! — сказала Беллонда.

— Да, я романтик… в том же смысле, как и Тиран. Он приучил себя к фиксированной форме своего творения. Я же очень чувствительна к западне предзнания, которую он соорудил.

Но, Боже, как близок охотник и как глубока пропасть.

Беллонда не была умиротворена.

— Ты сказала, что знаешь, как они найдут нас.

— Им остается только познать собственные привычки, и тогда они… Что такое? — осеклась Одраде, обратившись к послушнице, подошедшей к Преподобным Матерям по крытому переходу.

— Верховная Мать, прибыла Преподобная Мать Дортуйла. Мать Финтиль встретила ее на взлет-

ном поле, и через час они обе будут здесь.

— Доставьте ее в мой кабинет, — распорядилась Одраде. Она посмотрела на Беллонду диким взглядом: — Что она говорит?

— Мать Дортуйла больна, — ответила послушница.

Больна? Странное слово для обозначения состояния Преподобной Матери.

— Убереги свои суждения. — В Беллонде заговорил ментат, враг романтизма и необузданного воображения.

— Пусть Там присутствует при разговоре в качестве наблюдателя, — сказала Одраде.

Дортуйла вошла в кабинет Верховной Матери, опираясь на костыль. Стрегги и Финтиль помогали ей. В глазах Дортуйлы светилась прежняя твердость, она оценивающим внимательным взглядом окинула помещение. Капюшон был откинут, открывая волосы, словно перцем, побитые коричневатой сединой. Когда гостья заговорила, в ее голосе почувствовалось явное утомление.

— Я все сделала, как вы приказали, Верховная Мать.

Как только Стрегги и Финтиль вышли, Дортуйла, не дожидаясь разрешения, села в кресло рядом с Беллондой. Коротко взглянув на Шиа-

ну и Тамалейн, она твердо посмотрела в глаза Одраде.

— Они встретятся с вами на Джанкшн. Они думают, что эта идея принадлежит им, там же находится и Королева Пауков.

— Как скоро состоится встреча? — спросила Шиана.

— Они настаивают на сроке в сто дней, начиная с сегодняшнего числа. Могу сказать и более точно, если хотите.

— Почему так долго? — поинтересовалась Одраде.

— Вы хотите знать мое мнение? Они используют это время для укрепления обороны Джанкшн.

— Гарантии? — смиренно спросила Там.

— Дортуйла, что с тобой случилось? — Одраде была потрясена внешним видом дрожавшей от слабости женщины.

— Они проводили на мне опыты. Но важно не это, а подготовка к встрече. Что ценно, они обещают вам безопасный прилет на Джанкшн и вылет оттуда. Не верьте им. Вам разрешено взять с собой небольшую свиту из слуг, не более пяти. Примите во внимание, что они могут убить их всех, хотя… Возможно, мне удалось убедить их в ошибочности такого решения.

— Они надеются, что я привезу им свидетельства подчинения Бене Гессерит? — холодно поинтересовалась Одраде. Слова Дортуйлы приподняли завесу над призраком надвигающейся трагедии.

— Это была приманка.

— Где Сестры, которые отбыли с тобой?

Дортуйла стукнула себя по лбу — характерный жест для воспитанниц Бене Гессерит.

— Я говорила с ними. Все согласны, что Досточтимые Матроны должны быть наказаны.

— Они мертвы? — с трудом произнесла Одраде.

— Они пытались силой вовлечь нас в свои ряды. «Вы видите? Мы будем убивать вас по одной, если вы не согласитесь». Я сказала им, чтобы они убили нас всех и забыли о встрече с Верховной Матерью. Сестры не приняли предложения и ушли.

— Ты разделила с ними память? — спросила Тамалейн. Да, Там постоянно беспокоится об этом, поскольку приближается и ее собственная смерть.

— Для этого мне пришлось притвориться, что я удостоверяюсь в их смерти. Вы и сами прекрасно знаете обстановку. Эти женщины гротескны! У них есть посаженные в клетки футы.

Тела Сестер были брошены в клетку и съедены этими существами. Королева Пауков — какое подходящее для нее прозвище — заставила меня наблюдать за этим пиршеством.

— Отвратительно! — прорычала Беллонда.

Дортуйла вздохнула:

— Они, естественно, не знали, что в Другой Памяти у меня были и гораздо худшие видения.

— Они хотели подавить твою волю страшным зрелищем, — сказала Одраде. — Глупо. Они были сильно удивлены, когда поняли, что не сумели произвести на тебя впечатление, на которое рассчитывали?

— Я бы сказала, что они были раздосадованы. Думаю, что они и раньше наблюдали такую реакцию. Я сказала им, что это неплохой способ изготовления удобрений. Думаю, это их разозлило.

— Каннибализм, — пробормотала Тамалейн.

— Только по видимости, — поправила ее Дортуйла. — Футары — не люди. Это не слишком сильно прирученные дикие животные.

— Дрессировщиков не было? — спросила Одраде.

— Я их не видела. Футары умеют говорить. Они говорили: «Есть!», прежде чем им дали еду,

и рычали на Досточтимых Матрон, которые находились в помещении. «Вы голодны?» — вот так вот. Но важнее всего то, что произошло после того, как они поели.

Дортуйлу сотряс приступ кашля.

— Они испытывали на мне яды, — сказала она. — Глупые женщины!

Отдышавшись, Дортуйла снова заговорила:

— Один из футаров подошел к прутьям клетки после… банкета, уставился на Королеву Пауков и начал пронзительно визжать. Мне никогда не приходилось слышать такого леденящего душу звука. Он замораживал! Все Досточтимые Матроны, находившиеся в зале, оцепенели. Клянусь вам, они были в ужасе.

Шиана коснулась плеча Дортуйлы.

— Хищник, парализующий жертву?

— Несомненно. Это было что-то похожее на Голос. Кажется, футар был удивлен, что его визг не действует на меня.

— Реакция Досточтимых Матрон? — спросила Беллонда. Да, ей, как ментату, требовались точные данные.

— Общий ропот после того, как они обрели дар речи. Они стали требовать, чтобы Великая Досточтимая Матрона умертвила всех футаров.

Однако она более спокойно смотрит на вещи, говоря, что они полезны живыми.

— Это обнадеживает, — произнесла Тамалейн.

Одраде взглянула на Беллонду.

— Я прикажу Стрегги привести сюда башара. Возражения есть?

Беллонда коротко кивнула. Они понимали, что ставки должны быть сделаны, невзирая на намерения Тега.

Одраде обернулась к Дортуйле:

— Ты будешь моим личным гостем. Сюда придут врачи Сукк. Можешь заказывать себе все по твоему желанию и готовься к выступлению на Большом Совете. Ты назначена моим специальным советником.

Дортуйла ответила, с трудом поднимаясь на ноги:

— Я не спала почти пятнадцать дней, и мне нужна специальная еда.

— Шиана, проследи, чтобы все было сделано, и пригласи врачей. Там, оставайся с башаром и Стрегги. Постоянно докладывай мне обстановку. Он захочет посетить военный городок и принять командование. Обеспечь ему оперативную связь с Дунканом. Ничто не должно ему мешать.

— Ты хочешь, чтобы я была с ним здесь? — спросила Тамалейн.

— Я хочу, чтобы ты была с ним неотлучно. Стрегги ничего не сможет для него сделать без твоих знаний. Он хочет, чтобы Дункан стал его Оружейным Мастером. Убеди его согласиться на заключение Дункана в корабле-невидимке. Белл, в первую очередь обеспечивайте Дункана всеми сведениями об оружии, которые ему, возможно, потребуются. Вопросы есть?

Вопросов не было. Были мысли о последствиях, но решительность Одраде оказалась заразительной.

Откинувшись на спинку кресла, Одраде закрыла глаза, ожидая, когда тишина скажет ей, что она осталась одна. Естественно, за ней продолжали наблюдать видеокамеры.

Они знают, что я устала. Но кто бы не устал при таких обстоятельствах? Еще три Сестры убиты этими чудовищами. Башар! Они должны почувствовать удар нашего хлыста и усвоить урок!

Услышав, что прибыла Стрегги с Тегом, Одраде открыла глаза. Стрегги подвела Майлса к руке Верховной Матери, но было ясно, что это не взрослый ведет ребенка. Движения и походка

Тега говорили о том, что это он разрешает Стрегги обращаться с собой таким образом. Надо предупредить послушницу.

Следом вошла Тамалейн и села в кресло, стоявшее под бюстом Ченоэ. Это было сделано со значением? В последнее время Там часто совершает странные поступки.

— Вы хотите, чтобы я осталась, Верховная Мать? — спросила Стрегги, выпустила руку Тега и встала у двери.

— Сядь рядом с Там. Слушай, но не вмешивайся. Ты должна понять, что от тебя требуется.

Тег без приглашения сел в одно из кресел, которое только что занимала Дортуйла.

— Я полагаю, что меня пригласили на военный совет?

За детским голосом скрывались слова зрелого мужа.

— Пока я не спрашиваю о твоих планах, — ответила Одраде.

— Хорошо. Неожиданности отнимают массу времени, и, возможно, я смогу представить свой план в самый последний момент, когда надо будет действовать.

— Мы долго наблюдали за тобой и Дунканом. Почему ты интересуешься кораблями, находящи-

мися в Рассеянии?

— Корабли с длинными корпусами имеют характерные внешние признаки. Я видел их на Гамму.

Тег выпрямился, ожидая, когда Одраде переварит его слова. Ему импонировала ее решительность и резкость. Надо принимать решения! Довольно размышлять и колебаться. Таковы потребности момента. *Они не должны знать все мои способности. Пока.*

— Ты замаскируешь силы нападения?

Вошедшая в этот момент Беллонда рыкнула, как дикий зверь.

— Это невозможно! У них есть коды наших сигналов и…

— Позвольте мне принимать решения, Белл, или отстраните меня от командования.

— Это Совет! — заявила Беллонда. — Вы не должны затыкать мне…

— Ментат? — Он посмотрел на нее, не отводя взгляд, в котором появилось выражение настоящего башара.

Когда она замолчала, Тег заговорил:

— Не стоит обсуждать мою верность! Если вы хотите меня ослабить, то сместите с поста.

— Пусть говорит, что думает, — подала голос

Тамалейн. — Это не первый Совет, на котором башар выступает на равных с нами.

Беллонда чуть-чуть опустила подбородок.

Тег обратился к Одраде:

— Избегание открытого столкновения — вопрос разведки и интеллекта. Отобранное многообразие решений и интеллектуальная мощь.

Он бросил нам в лицо наш собственный камень! Она услышала в детском голосе Тега интонации ментата, что, конечно же, не ускользнуло и от внимания Белл. Разведка и интеллект: одно невозможно без другого. Без этого война превращается в цепь случайных стычек.

Башар сидел молча, предоставив женщинам повариться в соку собственных воспоминаний. Потребность в конфликте лежала гораздо глубже поверхности его сознания. Тиран был прав. Человечество действует как «одно животное». Силы, побуждающие людей действовать заодно, восходят к временам племенного строя или еще дальше, как и все силы, которые заставляют человека поступать не раздумывая.

Смешивайте гены.

Расширяйте жизненное пространство для своих потомков.

Отбирайте энергию у других: копите рабов,

пеонов, слуг, рынки, рабочих… Термины взаимозаменяемы.

Одраде прекрасно понимала, что он делает. Знания, почерпнутые им из сокровищницы Общины Сестер, делали его несравненным башаром. Он был башаром по инстинкту. Пожирание энергии приводит в движение насилие войны. Это описывается как «жадность, страх (боязнь, что другие овладеют твоей ордой), жажда власти» и так далее, и так далее вплоть до бесполезного во всех отношениях умствования, выдаваемого за анализ. Одраде слышала это даже от Беллонды, которая была не в восторге от того, что подчиненные напоминают им о том, что они и так хорошо знают.

— Тиран понимал, — заговорил Тег, — и не зря его так часто цитирует Дункан: «Война — это поведение, корни которого уходят в свойства клетки, обитавшей в первобытном море. Поедай все, что прикоснулось к тебе, иначе оно само пожрет тебя».

— Что ты предлагаешь? — резко спросила Беллонда.

— Отвлекающий удар по Гамму, потом атака их базы на Джанкшн. Для этого нам нужны непосредственные наблюдения, рекогносциров-

ка. — Он посмотрел в глаза Одраде.

Он знает! Мысль вспыхнула в мозгу Одраде, словно факел.

— Ты полагаешь, что те сведения о Джанкшн, когда она была планетой Гильдии, сохраняют свою ценность? — требовательно спросила Беллонда.

— Они не сильно изменили то, что я храню вот здесь. — Тег хлопнул себя по лбу, невольно пародируя жест Сестер.

— Окружение! — сказала Одраде.

Беллонда бросила на нее быстрый взгляд.

— Цена!

— Потеря всего стоит гораздо дороже, — возразил Тег.

— Сенсоры свернутого пространства не должны быть очень большими, — сказала Одраде. — Дункан установит их, чтобы получить взрыв Хольцмана при соприкосновении?

— Взрывы будут видны и дадут нам траекторию. — Он откинулся назад и посмотрел на изображение бесконечности на дальней стене. Примут ли они его предложение?

Он не смел пугать их большим проявлением своего первобытного дикого таланта. Если бы Белл знала, что может *видеть* корабль-неви-

димку!

— Делай это! — сказала Одраде. — Ты — командующий, пользуйся этим званием.

В Другой Памяти раздался едва слышный смех Таразы. *Пусть он сам распоряжается своей головой! Именно таким поступком я заработала свою великую репутацию!*

— Еще одно, — произнесла Беллонда, посмотрев на Одраде. — Ты собираешься стать его шпионкой?

— Но кто еще сможет попасть туда и передать необходимую информацию?

— Они будут отслеживать любую попытку передать сообщение.

— Даже нашу попытку получить сведения о корабле-невидимке, который мы не передали им? — спросила Одраде.

— Зашифрованное сообщение, заложенное в трансмиссии, — сказал Тег. — Дункан разработал шифр, который можно раскрыть не меньше чем за несколько месяцев, и это в лучшем случае. Вообще же раскрыть шифр они вряд ли смогут.

— Сумасшествие, — буркнула Беллонда.

— Я видел одного военачальника Досточтимых Матрон на Гамму, — сказал Тег. — Он оказался слабоват, когда дошло до конкретных дел. Думаю,

что эти дамы слишком самоуверенны.

Беллонда уставилась на Майлса и увидела в невинных глазах ребенка взгляд настоящего башара.

— Теперь расходитесь! — приказала Одраде. — У всех вас впереди много работы. А ты, Тег…

Он уже успел сползти со своего кресла, но остановился, подняв на Одраде взгляд, которым смотрел на нее маленький Майлс, который во время прогулок по саду ждал, когда эта *мама* скажет ему что-то важное.

— Ты говорил о безумии драматических событий, которое всегда умножает война?

— А о чем же еще? Наверняка вы не думаете, что я имел в виду Общину Сестер.

— Дункан иногда поигрывает в такие игры.

— Я не хочу, чтобы мы подхватили сумасшествие Досточтимых Матрон, — сказал Тег. — Оно заразительно, вы же понимаете это.

— Они попытались овладеть сексуальным влечением, — сказала Одраде. — Это всегда ускользало от тебя.

— Попытка избежать контакта с безумием, — согласился Тег. Он прижался грудью к столу, едва доставая до столешницы подбородком. — Что-то тянет этих женщин в ту пропасть. Дункан прав.

Они тянутся к чему-то, но в то же время пытаются бежать от этого.

— Для приведения плана в полную готовность в твоем распоряжении девяносто стандартных дней, — сказала она. — И ни дня больше.

Иш яра аль-ахдаб хадбат-у. (Горбатый не видит свой горб. Народная пословица). Комментарий Бене Гессерит: Горб можно увидеть в зеркале, но зеркало может показать человека целиком.

(Башар Тег)

У Бене Гессерит была одна слабость, о которой, как было ясно Одраде, скоро узнают все Сестры. Верховную мало утешало то обстоятельство, что она первая осознала наличие этой слабости. *Отрицание наших самых глубинных ресурсов тогда, когда мы больше всего в них нуждаемся!* Люди из Рассеяния превзошли все человеческие способности в собирании опыта в виде управляемых форм. *Мы же умеем только извлекать суть, и на этом основываем свои суждения.* Жизненно важные данные дремлют в больших и малых событиях, в скоплениях, которые называются инстинктами. Вот что мы получаем в финале — мы снова впадаем в невысказанное знание.

В эту эпоху термин «беженец» принял оттенок, характерный для эпохи, предшествовавшей покорению космоса. Небольшие группы Сестер, отправленных в Рассеяние, имели много общего с теми бродягами, которые шли по забытым тропам, теми созданиями, которые, одетые в немыс-

лимые лохмотья, плыли в утлых суденышках и набивались в готовые развалиться экипажи. На лицах этих людей было горе, а в сердцах отчаяние.

И так мы повторяем и повторяем историю.

Входя перед обедом в кабину лифта, Одраде подумала о Сестрах Рассеяния: политических, экономических и военных беженцах.

И это твой Золотой Путь, Тиран?

Видения Сестер, рассеянных в глубинах мироздания, продолжали преследовать Одраде, когда она вошла в резервную столовую, куда допускались только Преподобные Матери. Здесь располагался кафетерий самообслуживания.

Прошло двадцать дней с того момента, когда она отпустила Тега в военный городок. По Централу, особенно среди прокторов, ходили самые невероятные слухи, хотя новым голосованием пока не пахло. Сегодня предстоит огласить новое решение, и им придется назвать тех, кто будет сопровождать Одраде на Джанкшн.

Она оглядела обеденный зал — строгое помещение с желтыми стенами, низкими потолками, уставленное маленькими квадратными столиками, которые при необходимости можно было расставить рядами. По одной стене тянулись

окна, из которых открывался вид на сад, расположенный под прозрачной крышей. Карликовые абрикосовые деревья, увешанные зелеными плодами, лужайка. Скамьи, небольшие столики. Сестры ели во дворе, когда стояла солнечная погода и яркий свет заливал внутренний дворик. Сегодня солнца не было.

Она не обратила внимания на прилавок кафетерия, возле которого было зарезервировано место для нее. *Позже, Сестры.*

Подойдя к угловому столику, Одраде намеренно передвинула кресла. Кресло-собака, предназначенное для Беллонды, недовольно заворчало от такого неосторожного обращения. Одраде села спиной к залу, зная, что это будет вполне адекватно истолковано: *«Оставьте меня наедине с моими мыслями».*

Она ждала, глядя в окно на двор. Живая изгородь состояла из экзотических кустов с пурпурными листьями и красными цветами — огромными лепестками, обрамлявшими нежные пестики интенсивно желтого цвета.

Первой пришла Беллонда, она уселась в свое кресло, не поинтересовавшись, почему оно оказалось на новом месте. Белл часто появлялась на людях в неопрятном виде: мятое платье, рас-

пущенный пояс, крошки еды на груди. Но сегодня она была одета подчеркнуто аккуратно.

Что бы это значило?

— Там и Шиана немного опоздают, — сказала Беллонда.

Одраде слушала старуху, не переставая дивиться происшедшей в Беллонде метаморфозе. Неужели она стала немного худее? Преподобная Мать не могла полностью изолировать себя от того, что происходило в ее поле зрения и что могло послужить предметом ее озабоченности, но иногда масса работы отвлекала от небольших внутренних изменений. Это было нормально для Преподобной Матери, и негативные изменения были видны так же хорошо, как и положительные. По зрелом размышлении Одраде пришла к выводу, что новая Беллонда появилась уже несколько недель назад.

Что-то случилось с прежней Беллондой. Любая Преподобная Мать может самопроизвольно менять свою биохимию — либо приглушать огонь обмена, либо заставить его гореть ярче. Однако в течение многих лет мятежная Беллонда гордо выставляла напоказ свое грузное тело.

— Ты похудела, — сказала Одраде.

— Жир стал слишком сильно стеснять мои

движения.

Это никогда не было причиной, заставлявшей Беллонду изменить образ жизни. Она всегда компенсировала физическую неповоротливость быстротой мышления, остроумными проекциями и скоростным транспортом.

— Дункан действительно задел тебя за живое, не правда ли?

— Я не лицемерка и не преступница!

— Полагаю, что настало время послать тебя в места наказаний.

Эта довольно часто повторявшаяся шутка всегда раздражала Беллонду, но сегодня она не отреагировала на нее. Старуха решила промолчать, но пристальный взгляд Одраде заставил ее говорить.

— Если уж ты должна все знать, то я скажу, что все это из-за Шианы. Она постоянно таскалась за мной и говорила, что мне надо улучшить свою внешность и больше общаться с людьми. Как это меня раздражает! Я делаю это, чтобы заткнуть ей рот.

— Почему опаздывают Там и Шиана?

— Они просматривают запись твоей последней встречи с Дунканом. Я сильно ограничила доступ к этой записи. Не стоит говорить, что начнется,

когда эта пленка станет всеобщим достоянием.

— А она станет.

— Несомненно, но я просто решила выиграть время, чтобы мы успели приготовиться.

— Я не хочу никого подавлять, Белл.

— Дар, что ты *хочешь* сделать?

— Я объявлю об этом на собрании.

Беллонда не сказала в ответ ни слова, но взгляд выдал ее изумление.

— Созыв Собрания — это мое право, — сказала Одраде.

Беллонда откинулась назад, рассматривая Одраде, оценивая и задавая вопросы… не произнося ни единого слова. Последнее Собрание Бене Гессерит состоялось сразу по смерти Тирана, а до этого при захвате им власти. Собрание казалось немыслимым ввиду угрозы нападения Досточтимых Матрон. Слишком много времени уходило на неустанные заботы и труды.

Наконец Беллонда обрела дар речи.

— Ты рискнешь вызвать Сестер из Убежищ, где они смогли уцелеть?

— Нет, их будет представлять Дортуйла. Это прецедент, как ты понимаешь.

— Во-первых, освободи Мурбеллу: это Собрание.

— Освободить? Мурбелла скована золотой цепью. Куда она пойдет без своего Дункана?

— Но ты же предоставила Дункану свободу покинуть корабль!

— Но предоставил ли он сам себе эту свободу?

— Ты думаешь, что информация, которую он черпает с помощью средств корабля, — это все, что он имеет?

— Я убеждена в этом.

— Я вспоминаю о Джессике, которая повернулась спиной к ментату, который должен был убить ее.

— Того ментата остановили его собственные убеждения.

— Иногда случается, что бык убивает матадора, Дар.

— Но чаще он не может этого сделать.

— Наше выживание не должно зависеть от статистики.

— Согласна. И именно поэтому я хочу созвать Собрание.

— Включая послушниц?

— Всех.

— Даже Мурбеллу? Она получит право голоса послушницы?

— Мне кажется, что к тому времени она успеет

стать Преподобной Матерью.

Беллонда остолбенела, но быстро взяла себя в руки.

— Ты слишком широко шагаешь, Дар.

— Время требует быстрых действий.

Беллонда посмотрела на входную дверь обеденного зала.

— Вот и Там. Она пришла позже, чем я ожидала. Интересно, они что, консультировались с Мурбеллой?

Пришла Тамалейн, запыхавшаяся от спешки. Она буквально рухнула в свое синее кресло-собаку, но заметила, что оно стоит на новом месте.

— Шиана сейчас придет. Она показывает запись Мурбелле.

Беллонда обратилась к Тамалейн:

— Она собирается подвергнуть Мурбеллу испытанию Пряностью и созвать Собрание.

— Я не удивлена. — Тамалейн говорила с издавна присущей ей ясностью. — Положение с Досточтимыми Матронами надо разрешить как можно скорее.

Пришла Шиана и заняла висячий стул по левую руку от Одраде. Усевшись, она заговорила:

— Вы видели, как ходит Мурбелла?

Одраде поразилась отрывистости тона которым

был задан это неожиданный вопрос, и сфокусировала свое внимание. *Мурбелла идет по кораблю.* Она видела ее только сегодня утром. Она красива, и это нельзя отрицать. Для других членов Бене Гессерит, равно Преподобных Матерей и послушниц, она была чем-то экзотическим. Она прибыла в Орден взрослой, прибыла из опасного далека. Она была одной из них. Но привлекали внимание именно ее движения. Ее гомеостаз был более чем нормален.

Мурбелла всегда тщательно выбирала движения. Она исключала всякое лишнее усилие при перемещении от одной точки к другой. *Путь наименьшего сопротивления?* Именно вид Мурбеллы заставил сейчас вздрогнуть Одраде, и это не укрылось от внимания Шианы. Была ли Мурбелла человеком, который и в жизни всегда выбирает самые легкие пути? Одраде могла прочитать этот вопрос на лицах своих собеседниц.

— Муки Пряности выявят и это, — сказала Тамалейн.

Одраде в упор взглянула на Шиану.

— Ну? — В конце концов, это именно она задала вопрос.

— Возможно, это говорит лишь о том, что она никогда не тратит энергию попусту. Но я соглас-

на с Там. Испытание поможет расставить все точки над і.

— Не совершаем ли мы ужасную ошибку? — усомнилась Беллонда.

Что-то в тоне Беллонды подсказало Одраде, что та произвела суммацию ментата. *Она увидела, что я намерена сделать.*

— Если ты знаешь лучшие способы, то открой их нам, — сказала Одраде. *Или успокойся.*

Наступило тяжелое молчание. Одраде одну за другой оглядела своих соратниц, задержав взгляд на Белл.

Любые боги, помогите нам! И я, будучи членом Бене Гессерит, слишком агностик, чтобы творить эту молитву для чего-то большего, чем осуществление всех мыслимых возможностей. Не открывай мои намерения, Белл. Если ты знаешь, чего я хочу и что я сделаю, то ты понимаешь, что все должны увидеть это в свое положенное время.

Беллонда вывела Одраде из раздумий кашлем.

— Мы будем есть или болтать? На нас уже смотрят.

— Может быть, нам стоит еще раз пойти к Сциталю? — спросила Шиана.

Это попытка отвлечь мое внимание?

— Не давайте ему ничего! Это наш резерв. Пусть попотеет!

Одраде внимательно посмотрела на Беллонду. Она просто дымилась от необходимости молчать о решении Одраде. Она избегала встречаться взглядом с Шианой. Ревность! Беллонда ревнует Шиану!

— Я всего-навсего советник, но… — заговорила Тамалейн.

— Прекрати, Там! — огрызнулась Одраде.

— Там и я обсуждали этого гхола, — сказала Беллонда (Айдахо всегда был «этот гхола», когда ей было угодно говорить о нем гадости). — Почему он вообразил, что ему позволено общаться с Шианой на секретном языке?

Она уставила на Шиану тяжелый взгляд.

Одраде видела, что подозрения обоюдны. *Она не принимает объяснений. Неужели она отбрасывает эмоциональные переживания Айдахо?*

Шиана быстро заговорила:

— Верховная Мать все объяснила!

— Эмоции! — язвительно воскликнула Беллонда. Одраде, к своему удивлению, повысила голос:

— Подавление эмоций — это признак слабости.

Кустистые брови Тамалейн взлетели вверх

от крайнего изумления.

В разговор вмешалась Шиана:

— Если он не поддастся, то мы сломаемся.

Прежде чем Беллонда успела ответить, заговорила Одраде:

— Лед можно раздробить или растопить. Ледяные девы уязвимы к единственной форме атаки.

— Я голодна, — произнесла Шиана.

Предложение мира? Никто не ожидал *роли миротворца от Мышки.*

Тамалейн встала.

— Рыбный суп. Надо поесть рыбы, пока не исчезло наше последнее море. Нам вряд ли хватит хранилищ с нулевой энтропией.

Погруженная в параллельный поток сознания, Одраде едва заметила, что ее соратницы направились к прилавкам кафетерия. Обвиняющие слова Тамалейн напомнили тот второй день инспекционной поездки после решения об уничтожении Великого Моря. Стоя в тот день у окна рядом с Шианой, Одраде следила за полетом чайки на фоне дюн Пустыни. Взмахивая крыльями, птица стремилась к северу; она стала чужой в родных местах, и от этой ностальгической ноты казалась еще прекраснее.

Белые крылья сверкали в лучах рассветно-

го солнца. Видны были мазки черного цвета на передних перьях крыльев и возле глаз. Внезапно чайка сложила крылья и камнем упала вниз. Потом ее подхватил поток восходящего воздуха, и птица начала, словно ястреб, парить над дальними домами. Она исчезла из виду, потом появилась снова, неся что-то в клюве. Она съела свою пищу, не прекращая полета.

Морская птица одинока, она адаптируется.

Мы адаптируемся. Мы действительно адаптируемся.

Эта мысль не давала покоя. Ничто не предвещало скорого отдыха. Скорее их ждали большие потрясения. Одраде чувствовала себя выбитой из привычной колеи. Не только ее возлюбленный Капитул, но и все человечество теряло старые очертания и принимало новые формы. Вероятно, вполне оправданно, что в этой новой вселенной Шиана продолжала скрывать многое от Верховной Матери. А она точно что-то скрывает.

Язвительный голос Беллонды вернул Одраде к окружающей действительности.

— Если ты не хочешь себя обслужить, нам придется о тебе позаботиться. — Беллонда поставила перед Одраде тарелку с аппетитным рыбным супом. Рядом с тарелкой лежал кусок чесночного

хлеба.

Когда все попробовали суп, Беллонда отложила ложку и тяжелым взглядом посмотрела на Одраде:

— Уж не хочешь ли ты предложить нам «любить друг друга» или еще какой-нибудь подобный вздор?

— Спасибо вам за то, что вы принесли мне еду, — сказала Одраде.

Шиана проглотила ложку супа с блаженной улыбкой.

— Восхитительно!

Беллонда снова принялась за еду.

— Все нормально, — но она услышала за этими словами кое-что другое.

Тамалейн ела, словно выполняла какую-то работу, переводя взгляд с Шианы на Беллонду. Потом она взглянула на Одраде. Там, казалось, не возражала против ослабления эмоциональных ограничений. Во всяком случае, она не высказывала возражений вслух, хотя именно старые Сестры были против всяких послаблений.

Любовь, которую столь ревностно отрицала Община Сестер, была всюду, думала Одраде. Она проявлялась как в большом, так и в малом. Как много способов существует для приготов-

ления изумительной, полезной пищи, рецепты блюд были истинным воплощением любви — старой и новой. Этот суп, который буквально ласкал язык; его зарождение крылось в любви: жена готовила суп из наловленной мужем рыбы, которую он не смог продать.

Сама сущность Бене Гессерит зиждилась на скрытой любви. Как еще можно было служить тем невысказанным нуждам, которые всегда испытывало человечество? Зачем еще работать для усовершенствования человека, если не во имя любви?

Беллонда собрала остатки супа куском хлеба. Она проглотила деликатес, вид у нее был задумчивым.

— Любовь ослабляет нас, — сказала она, но в ее голосе не было убежденности.

Эту фразу с равным успехом могла произнести послушница первой ступени, это была цитата из Кодекса. Одраде скрыла удивление и произнесла еще одну фразу из катехизиса послушниц:

— Берегись жаргона. Обычно он скрывает невежество и несет малое знание.

В глазах Беллонды появилось уважительное внимание.

Шиана откинулась на спинку стула и вытерла

губы салфеткой. Тамалейн сделала то же самое. Собака под ней сменила позу, когда старая женщина подалась назад. Глаза Тамалейн были ясны и насмешливы.

Там все понимает! Хитрая старая ведьма все еще мудра, так же, как я. Но Шиана… какую игру затеяла Шиана? Я могу с полной уверенностью сказать, что она хочет отвлечь мое внимание, отвлечь от себя. Она очень хорошо умеет это делать, зная меня с младых ногтей. Ну… пожалуй, в эту игру сейчас играют двое. Я надавлю на Беллонду, но посмотрю, как поведет себя маленький сорванец с Дюны.

— Сколько стоит респектабельность, Белл? — спросила Одраде.

Беллонда приняла этот выпад молча. В жаргоне Бене Гессерит было определение респектабельности, и они все знали его.

— Не почтить ли нам память леди Джессики за ее человечность? — спросила Одраде. *Шиана удивлена!*

— Джессика подвергла опасности Общину Сестер! *Беллонда обвиняет!*

— Твоей Сестре будь верна, — пробормотала Тамалейн.

— Наше древнее определение респектабель-

ности помогает нам оставаться людьми, — произнесла Одраде. *Слушай меня внимательно, Шиана.*

— Если мы потеряем это, то мы потерям все, — едва слышным шепотом произнесла молодая женщина.

Одраде едва сдержала вздох облегчения. *Вот оно!*

Шиана посмотрела в глаза Верховной Матери.

— Вы, естественно, учите нас.

— Сумеречные мысли, — пробормотала Белломонда. — Их лучше избегать.

— Тараза называла нас «Последним днем Бене Гессерит», — проговорила Шиана.

Настроение Одраде стало самообвиняющим.

Проклятие нашего существования. Порочное воображение может уничтожить нас.

Как легко заклинать будущее, которое смотрело на них оранжевыми глазами превратившихся в берсерков Досточтимых Матрон. Страх многочисленных предшествующих поколений вполз в душу Одраде, дыхание перехватывало от острых клыков судьбы, которые прятались за рыжими радужками осатаневших глаз.

Одраде силой воли вернулась к размышлениям о более насущных проблемах.

— Кто отправится со мной на Джанкшн?

Все они знали о муках Дортуйлы, слух о них успел распространиться по всему Капитулу.

Всякого, кто будет сопровождать Верховную Мать, могут скормить футарам.

— Там, — сказала Одраде, — поедете ты и Дортуйла.

Это может быть смертным приговором, поэтому следующий шаг очевиден.

— Шиана, ты разделишь Память с Там. Дортуйла и я поделимся с Белл. Перед тем как ехать, я поделюсь и с тобой.

Беллонда была ошеломлена.

— Верховная Мать! Я не гожусь для того, чтобы занять ваше место.

Одраде внимательно посмотрела на Шиану.

— Это не предложение. Я просто хочу, чтобы ты стала хранителем моих жизней.

На лице Шианы явно отразился страх, но она не посмела ослушаться недвусмысленного приказа. Одраде кивнула Тамалейн:

— Я поделюсь позже. Ты и Шиана сделаете это немедленно.

Тамалейн наклонилась к Шиане. Старческий возраст и приближающаяся неминуемая смерть делали передачу Памяти желанной вещью

для старухи, но Шиана непроизвольно отпрянула назад.

— Немедленно! — повторила Одраде. *Пусть Тамалейн рассудит, что ты прячешь от нас.*

Выхода не было. Шиана наклонилась к Тамалейн; они коснулись друг друга лбами. Обмен сопровождался вспышкой, подобной электрической искре. Эту вспышку ощутили все присутствовавшие в обеденном зале. Разговоры стихли, все взоры обратились к столику у окна.

Женщины отодвинулись друг от друга; в глазах Шианы стояли слезы.

Тамалейн улыбнулась и ласково погладила Шиану обеими руками по щекам.

— Все хорошо, моя дорогая. Мы все испытываем при этом страх и иногда делаем из-за этого глупости. Но я очень рада, что могу назвать тебя Сестрой.

Скажи нам, Тамалейн! Сейчас!

Но старая женщина решила не делать этого. Она посмотрела в глаза Одраде и сказала:

— Мы должны держаться за нашу человечность любой ценой. Твой урок хорошо усвоен и многому научил Шиану.

— Когда Шиана поделится с тобой, не сможешь ли ты уменьшить влияние, которое она

оказывает на Айдахо?

— Я не стану ослаблять вероятную Верховную Мать, — ответила Одраде. — Благодарю тебя, Там. Думаю, что мы отправимся на Джанкшн без лишнего багажа. Да, вот еще что! Я хочу получить доклад о том, что успел сделать Тег. Поводырь Майлса покинул его слишком надолго.

— Он узнает о том, что теперь у него два поводыря? — спросила Шиана. *Какая радость звучит в ее голосе!*

Одраде встала.

Если Там принимает ее, то и я должна сделать то же. Там никогда не предаст нашу Общину. А Шиана — из всех нас именно Шиана — отчетливее всех проявляет естественные черты, обнажая человеческие корни. Все же… я не хочу, чтобы она закончила свою статую «Пустота».

Религию следует принимать как источник энергии. Эта энергия может быть направлена на достижение наших целей при условии, что эта последняя находится в рамках открытого для нас опыта. В этом и заключается тайный смысл Свободы Воли.

(Защитная Миссия. Первичное учение)

В это утро над Централом нависла густая облачность, и кабинет Одраде казался от этого серым и тихим, да и сама Верховная Мать чувствовала какое-то внутреннее оцепенение. Ей казалось, что стоит ей двинуться с места, как придут в движение опасные силы.

День испытания Пряностью для Мурбеллы, сегодня нельзя думать ни о чем зловещем.

Управление Погодой выдало на сегодня безапелляционный прогноз, предупредив о низкой облачности. Это было *случайное возмущение.* Были приняты меры по исправлению ситуации, но для достижения должного эффекта требовалось время. Ожидались высотные ветры, можно рассчитывать на осадки.

Шиана и Тамалейн, касаясь друг друга плечами, стояли у окна, глядя на серый пейзаж. Управлять погодой становилось труднее с каждым днем.

Одраде наблюдала за Сестрами, сидя в своем кресле за рабочим столом. Эти две женщины стали одним целым после вчерашней передачи Памяти, и это не было неожиданностью. Интересно было другое: чаще всего передача Памяти происходила либо в условиях острого отравления Пряностью, либо в момент смерти, что и в том и в другом случае исключало дальнейшие контакты между людьми. Две спины были одинаково напряжены.

Сила экстремальных обстоятельств, при которых только и возможна передача, вызывала заметные изменения личности, и Одраде, глубоко понимая сущность происшедшего, терпимо относилась к таким изменениям. Что бы ни скрывала Шиана, теперь это скрывала и Там. Это что-то связано с основами человеческой сущности Шианы. Там можно доверять. Пока она не разделит свою Память с другой Сестрой, ее не надо трогать, но принимать такой, какая она есть. Дело не в том, что надо успокоить кресла-собаки, этим женщинам сейчас не нужен новый кризис.

— Сегодня день Мурбеллы, — сказала Одраде.

— Очень возможно, — заговорила Беллонда, согнувшись в кресле, — что она не переживет испытание. Что тогда будет с нашим драгоцен-

ным планом?

Нашим планом?

— Да, положение экстремальное, — согласилась Одраде.

В данном контексте Верховную Мать можно было понять по-разному. Беллонда толковала ответ Верховной в том смысле, что в крайнем случае надо будет делить память с умирающей Мурбеллой.

— Но мы не должны допустить, чтобы момент передачи памяти видел Айдахо!

— Мой прежний приказ остается в силе, — возразила Одраде. — Это желание Мурбеллы, и я дала слово.

— Ошибка… это большая ошибка, — пробормотала Беллонда.

Одраде были понятны истоки сомнений Беллонды. Впрочем, они были ясны всем Преподобным Матерям: где-то в глубине души Мурбеллы находилось что-то очень болезненное. Эта боль заставляла ее уклоняться от некоторых вопросов, как жертва уклоняется от встречи с хищником. Что бы там ни было, но эта боль сидела где-то очень глубоко в существе Мурбеллы. Эту боль можно было не обнаружить даже с помощью введения в гипнотический транс.

— Ладно! — громко сказала Одраде, давая понять, что ее слова относятся ко всем присутствующим. — Мы никогда прежде так не поступали. Но мы не можем выпустить Дункана из корабля, значит, нам придется идти к нему. Он будет присутствовать.

Беллонда была глубоко потрясена. Ни один мужчина, за исключением проклятого Квисатц Хадераха и его сына Тирана, не знал особенностей этой тайны Бене Гессерит. Оба эти чудовища в свое время пережили муки испытания Прянностью. Это были две катастрофы! Не важно, что испытание Тирана было направлено внутрь клетки, что и привело в конце концов к трансформации его в червя-симбионта (не человек, но и не червь). А Муад'Диб! Он осмелился подвергнуться испытанию по собственной воле, и смотрите, что из этого вышло!

Шиана отвернулась от окна и подошла к столу. Одраде охватило странное чувство. Ей показалось, что она видит двуликого Януса. Две женщины стояли спина к спине, но это была единая личность.

— Белл растерялась из-за твоего обещания, — нежно сказала Шиана тихим голосом.

— Он может быть катализатором, который

поможет Мурбелле пережить испытание, — сказала Одраде. — Кажется, ты склонна понимать силу любви.

— Нет, — заговорила, не оборачиваясь, Тамалейн. — Мы боимся этой силы.

— Может быть. — На лице Белл все еще было написано презрительное выражение. Впрочем, это было ее обычное состояние. Беллонда твердо стояла на своем.

— Хубрис, — пробормотала Шиана.

— Что? — Беллонда с такой быстротой повернулась в кресле, что собака протестующе взвизгнула.

— Мы разделили общую неудачу со Сциталем, — сказала Шиана.

— Вот как! — Беллонда испытывала грызущее желание узнать тайну Шианы.

— Мы думаем, что творим историю, — проговорила Шиана. Она вернулась к окну и встала рядом с Тамалейн.

Беллонда повернулась к Одраде:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Верховная не ответила, пропустив вопрос мимо ушей. Пусть ментат исполняет свою работу. На столе щелкнул проектор, и на дисплее появилось сообщение. Одраде прочла его вслух:

— На корабле еще не готовы. — Она вгляделась в две неестественно прямые спины у окна.

Историю?

Здесь, на Капитуле, происходило мало такого, что Одраде могла бы считать сотворением истории. Так было до появления Досточтимых Матрон. Происходила только смена Преподобных Матерей — испытание за испытанием.

Как течение реки.

Река течет и течет. Куда-то. Ты стоишь на берегу (Одраде часто приходила на ум такая аналогия) и видишь поток. Карта может рассказать, куда течет река, но никакая карта не может рассказать более существенных вещей. Карта не расскажет, какие грузы перевозят по реке. Куда направляются эти груженые корабли? В наше время карты имеют ограниченную ценность. Распечатки архивных данных или их проекции; это были не те карты, которые требовались. Должно быть что-то другое, путеводитель, который мог бы рассказать о каждой отдельно взятой жизни. Такую карту можно было бы носить в уме и пользоваться ею всякий раз, когда требуется более пристальное рассмотрение.

Что могло случиться с Преподобной Матерью Перинте, которую мы послали в Рассеяние в про-

шлом году?

Карта в уме. Это изобретение позволило бы создать «Сценарий Перинте». Конечно, это было то же самое, что самой плыть по реке в неведомую даль, но какая, в сущности, разница? Это была бы карта, в которой они так сильно нуждались.

Мы не любим быть захваченными чьим-то потоком, потому что не знаем, что откроется за следующим изгибом течения. Мы всегда предпочитаем наблюдать сверху, даже понимая, что любая командная позиция должна быть частью чужого течения. Каждый поток таит в себе непредсказуемость.

Одраде подняла глаза и увидела, что все три Преподобные Матери внимательно смотрят на нее. Тамалейн и Шиана повернулись спинами к окну.

— Досточтимые Матроны забыли, что привязанность к какой-то одной застывшей форме очень опасна, — заговорила Одраде. — Неужели мы тоже об этом забыли?

Они продолжали смотреть на Верховную, внимательно прислушиваясь к ее словам. Становишься излишне консервативным и оказываешься не готовым к сюрпризам. Это было именно

то, чему учил их Муад'Диб, а его сын Тиран сделал урок неизгладимым.

Беллонда продолжала сохранять угрюмый вид.

Где-то в уголке сознания Одраде послышался шепот Таразы:

Осторожно, Дар. Мне повезло. Я быстро получила преимущество. Так же, как ты. Но ты не можешь зависеть от удачи, и это очень тревожит их. Не надейся на везение. Гораздо лучше доверять своей воде. Пусть Беллонда выскажется.

— Белл, — сказала Одраде. — Я думала, что ты приняла Дункана.

— С оговорками. — В тоне старухи послышалось обвинение.

— Думаю, что нам пора идти на корабль, — вмешалась в разговор Шиана. — Здесь не место для ожидания. Разве мы боимся увидеть, кем она может стать?

Там и Шиана одновременно направились к двери, словно они были марионетками, за веревочки которых одновременно дернул один и тот же кукловод.

Одраде сочла это вмешательство Шианы благом. Вопрос молодой женщины встревожил их. *Кем может стать Мурбелла? Катализатором,*

мои Сестры, катализатором.

Ветер едва не сбил их с ног, когда они вышли из здания Централа. Впервые Одраде была благодарна небесам за то, что существует туннельный транспорт. По туннелю можно было идти с ощущением тепла, потому что пронизывающий ветер не гулял под развевающимися накидками.

Когда они уселись в личный экипаж Одраде, Беллонда снова принялась обвинять:

— Все, что он делает, может оказаться маскировкой.

Одраде вновь возразила, повторив старое предупреждение Бене Гессерит относительно ограниченности ментатов:

— Логика слепа, и часто знает только свое прошлое.

Тамалейн неожиданно поддержала Одраде:

— Белл, ты становишься параноиком!

Шиана проявила большую деликатность:

— Белл, я слышала, как ты сама говорила, что логика хороша при игре в пирамиды, но часто запаздывает там, где речь идет о выживании.

Беллонда обиженно замолчала, и некоторое время тишину нарушал лишь свист ветра в туннеле.

Нельзя нести на корабль свои раны.

Одраде заговорила, приняв тон Шианы:

— Белл, дорогая Белл, у нас просто нет времени распутывать все тонкости и хитросплетения нашего нынешнего положения. Мы не можем позволить себе говорить: «Если это произойдет, то последует то-то и то-то, и мы сделаем это, и это, и это...»

Беллонда усмехнулась:

— Боже мой, как неупорядочен обыденный ум, и я не могу требовать того, что нам всем нужно, но чего у нас нет — времени для выработки адекватного плана.

Это говорила Беллонда-ментат. Она говорила им, что в ее обыденном уме есть изъян — непомерная гордыня. Каким же плохо организованным и неопрятным было это место сознания. Можно вообразить, что нагромождает в своем уме человек, если он не ментат. Какой сумбур и беспорядок в мозгу обычного человека! Беллонда протянула руку и похлопала Одраде по плечу.

— Все в порядке, Дар, я буду хорошо себя вести.

Что бы подумал посторонний человек, доведись ему наблюдать этот разговор? Все четверо действуют слаженно и заодно, только чтобы удовлетворить потребности одной Сестры.

А также для благополучного исхода испыта-

ния Мурбеллы.

Люди видели только маски, которые всегда носят Преподобные Матери.

Когда мы должны (а в последнее время это случается очень часто), то действуем на высочайшем уровне компетентности. Это не гордыня; простая констатация факта. Но стоит нам расслабиться, как наши мысли становятся такими же невнятными, как у большинства обычных людей. Просто наши мысли имеют больший объем. Мы живем в такой же тесноте и скученности, как и все остальные. Есть вместилище духа и есть вместилище тела.

Беллонда овладела собой и сидела спокойно, сложив руки на коленях. Она понимала, что планирует Одраде, и приняла это к сведению. Это было доверие, которое выходило за пределы ментатских проекций, растворяясь в чем-то примитивно-человеческом. Проекция — очень полезный инструмент, но все же только инструмент, и ничто больше. Как правило, качества орудия зависят от тех, кто их использует. Одраде терялась в догадках, как отблагодарить Беллонду, не уменьшив ее доверия.

Я должна шагать по своему канату молча.

Она почувствовала, что под ее ногами развер-

зается пропасть, а сзади опять подкрадывается фигура с топором. Образы ночного кошмара ожили, привлеченные мрачными мыслями. Одраде хотелось обернуться, чтобы разглядеть врага в лицо, но она противилась этому желанию. Нельзя повторить ошибку Муад'Диба. Предостережение предзнания, которое Одраде впервые ощутила на Дюне, среди развалин Сиетч Табра, нельзя изгнать заклинаниями до тех пор, пока не погибнет она сама или пока не погибнет Община Сестер. *Неужели я сама создала эту страшную угрозу своим страхом? Конечно же, нет!* Ее душит старая как мир фрименская удавка: прошлое и будущее застыло в картине, которую ничто не может изменить. *Я должна освободиться от тебя, Муад'Диб!*

Они прибыли к кораблю, и Одраде отвлеклась от своих страшных мыслей.

Мурбелла ожидала в помещении, подготовленном прокторами для проведения ритуала. У стены был построен амфитеатр глубиной около семи метров. Ступени-сиденья крутого подъема предназначались не более чем для двадцати наблюдателей. Ничего не объяснив Мурбелле, прокторы оставили ее одну сидеть на первом ряду амфитеатра, уставившись на подвешенный

в середине зала стол. Подвески с двух сторон ограничивали место, на котором должен кто-то лежать.

Это буду я.

Как поразительно выглядит эта анфилада комнат. Мурбеллу до сих пор не пускали в эту часть корабля. Она чувствовала себя выставленной напоказ всему свету. У нее не было такого ощущения даже тогда, когда она оказывалась в открытом поле. Небольшие комнаты, сквозь которые она прошла, пока ее вели в помещение с амфитеатром, предназначались для оказания экстренной медицинской помощи: реанимационное оборудование, запах лекарств и антисептиков.

Ее привод в эту комнату не обсуждался, никто не отвечал на вопросы Мурбеллы. Прокторы привели ее сюда из класса старших послушниц, когда Мурбелла выполняла упражнения прана-бинду. Они сказали лишь:

— Таков приказ Верховной Матери.

Поведение прокторов было само по себе достаточно красноречивым. *Вежливым, но твердым.* Они были здесь, чтобы не допустить бегства и доставить ее, куда надо. *Я не буду пытаться бежать!*

Где Дункан?

Одраде обещала, что он будет здесь во время испытания. Означает ли его отсутствие, что в действительности это не будет ее окончательным испытанием? Или, быть может, они спрятали его за полупрозрачную стену, сквозь которую он может видеть, но снаружи его не увидит никто?

Я хочу, чтобы он был рядом со мной!

Неужели они не знают, как управлять мною? Конечно, знают!

Им достаточно пригрозить, что они разлучат меня с этим человеком. Это все, что нужно, чтобы удержать и удовлетворить меня. Удовлетворить! Какое бессмысленное слово. Дополнить меня. Это лучше. Я уменьшаюсь, когда его нет. И он это знает, будь он проклят!

Мурбелла усмехнулась. *Знает! Просто я так же дополняю его, как и он меня.*

Как можно называть это любовью? Она не чувствовала слабости от приступов желания. Бене Гессерит и Досточтимые Матроны в один голос твердят, что любовь ослабляет. Но Дункан делает ее сильнее. Даже небольшое внимание с его стороны делает ее сильнее. Когда он утром подает ей чашку горячего чая, он кажется ей вкуснее из-за того, что она принимает напиток из его рук. *Может быть, нас связывает нечто большее,*

чем любовь?

Одраде и ее спутницы вошли на верхний ряд амфитеатра и, стоя там, внимательно рассмотрели одинокую фигурку, сидевшую внизу, на первом ряду. На Мурбелле было надето отороченное белой полосой платье старшей послушницы. Она сидела, упершись локтями в колени, положив подбородок на сжатый кулак, и внимательно смотрела на стол.

Она знает.

— Где Дункан? — спросила Одраде.

При этих словах Мурбелла встала и оглянулась. Вопрос подтвердил ее мрачные подозрения.

— Сейчас я все выясню, — сказала Шиана и вышла.

Мурбелла, не произнося ни слова, стояла, глядя в глаза Одраде.

Мы должны получить ее, подумала Верховная Мать. Никогда еще Бене Гессерит так не нуждался в новых Сестрах. Какой маленькой казалась Мурбелла сверху, но как значительна была для Общины ее личность. Овальное лицо, расширенное у бровей, являло собой образец спокойствия; этому она научилась в Бене Гессерит. Широко посаженные зеленые глаза, дугообразные брови; нет больше искоса брошенных взглядов

и оранжевых сполохов. Маленький рот не гримасничает.

Она готова.

Вернулась Шиана. Рядом с ней шел Дункан.

Одраде приветствовала его скупым кивком. *Он очень нервничает.* Значит, Шиана все ему сказала. Хорошо. Это дружеский поступок. Ему могут понадобиться друзья.

— Ты будешь сидеть здесь и не двинешься с места, пока я сама не позову тебя, — сказала Одраде. — Шиана, будь рядом с ним.

Не говоря ни слова, Тамалейн тоже подошла к Дункану и встала с другой стороны. По едва заметному знаку Шианы они сели.

Одраде с Беллондой спустились в нижний ряд и подошли к столу. Шприцы, с помощью которых в рот вводили Пряность, были готовы, но не наполнены. Одраде знаком указала на шприцы и кивнула Беллонде, которая вышла за доктором Сукк, которая должна была следить за введением пряной эссенции.

Отодвинув стол от стены, Одраде принялась раскладывать ремни и подушки. Она действовала методично, стараясь не пропустить ни одну мелочь, чтобы все было разложено на маленьком лотке под столом, на специальной полочке.

Вот ротовая подушка, которую используют для того, чтобы испытывающая муки Пряности Сестра не прикусила себе язык. Одраде удостоверилась в прочности подушки. У Мурбеллы очень сильные челюсти.

Мурбелла следила за действиями Одраде молча, стараясь не беспокоить Верховную Мать лишним шумом.

Вернулась Беллонда с эссенцией и принялась набирать шприцы. Ядовитая эссенция остро пахла горькой корицей.

Поймав взгляд Одраде, Мурбелла сказала:

— Я очень благодарна вам за то, что вы лично участвуете в этом.

— Она благодарна, — зло процедила сквозь зубы Беллонда, не отрываясь от своей работы.

— Оставь это мне, Белл, — сказала Одраде, повернувшись к Мурбелле.

Беллонда продолжала свое дело, но в ее действиях появилось что-то новое. Она *стерла* себя! Мурбелла не раз поражалась тому, как ловко послушницы стирали с лица всякое выражение, оказываясь в присутствии Верховной Матери. Они здесь, но их нет. Мурбелла так и не научилась в полной мере пользоваться этим инструментом, даже перейдя с первой ступени

на вторую. Что, Беллонда тоже не умеет этого делать?

Глядя в упор на Мурбеллу, Одраде заговорила:

— Мне известно, какие предубеждения ты лелеешь в своей груди, какие ограничения ты накладываешь на свою верность и преданность нам. Это хорошо. Я не стану спорить с тобой относительно этих предубеждений потому, что по большому счету все эти предубеждения и сомнения присущи и нам.

Искренность.

— Разница заключается, если ты этого не знаешь, в чувстве ответственности и в ее мере. Я отвечаю за Общину Сестер, более того… сейчас я отвечаю за ее выживание. Это тяжкая ответственность и часто я рассматриваю ее весьма желчно.

Беллонда хмыкнула.

Одраде, сделав вид, что ничего не заметила, продолжала:

— Община Сестер Бене Гессерит стала очень угрюмой с времен Тирана. Встреча с вашими Досточтимыми Матронами не добавила нам хорошего настроения. Досточтимые Матроны пахнут смертью и разложением. Они тихо и молча скатываются вниз по наклонной плоскости.

— Почему вы говорите мне это именно сейчас? — В голосе Мурбеллы прозвучал плохо скрытый страх.

— Потому что каким-то непостижимым образом это разложение не коснулось тебя. Возможно, решающую роль в этом сыграла твоя спонтанная природа. Хотя многое отмерло на Гамму.

— Вашими стараниями!

— Мы просто удалили из тебя немного дикости, придав тебе лучшее душевное равновесие. Именно поэтому ты сможешь жить дольше и счастливее.

— Если переживу это! — Она дернула головой в сторону стола.

— Уравновешенность — вот что ты должна хорошенько запомнить, Мурбелла. Гомеостаз. Всякая группа населения, выбирающая самоубийство, в то время как существует иной исход, страдает безумием. Гомеостаз таких групп непрочен и легко разрушается.

Мурбелла озадаченно потупилась, но ее одернула Беллонда:

— Слушай ее, дура! Она изо всех сил старается помочь тебе.

— Уймись, Белл. Пусть это останется между нами.

Мурбелла продолжала упрямо смотреть в пол, но Одраде продолжила:

— Верховная Мать приказывает тебе: смотри мне в глаза!

Мурбелла рывком подняла голову и уставилась в глаза Одраде.

Эту тактику Одраде применяла нечасто, но неизменно с блестящим результатом. Послушницы в таких случаях впадали в истерику, а потом их учили справляться с избыточной реакцией на эмоции. Мурбелла же была скорее рассержена, чем испугана. Превосходно! Но сейчас надо проявить осторожность.

— Ты жаловалась, что твое образование идет слишком медленно, — сказала Одраде. — Это было сделано нами преднамеренно, в первую очередь с учетом твоих потребностей. Все твои учителя отличались твердостью нрава, никто из них не был импульсивным. Мои инструкции были ясны и прозрачны: «Не развивать слишком быстро твои способности. Не открывать шлюзы потоку, ибо ты не сможешь с ним справиться».

— Откуда вы можете знать, с чем я справлюсь, а с чем — нет? — Она все еще злилась.

В ответ Одраде лишь улыбнулась.

Молчание Верховной Матери затянулось,

и Мурбелла начала волноваться. Она показала себя полной дурой в глазах Верховной Матери, перед Дунканом и другими. Как это унизительно!

Одраде поняла, что не стоит заставлять Мурбеллу слишком сильно осознавать свою уязвимость. Сейчас это плохая тактика. Нет нужды провоцировать ее. У нее обостренное чувство адекватности, она легко приспосабливается к потребностям момента. Это свойство натуры, как опасались Преподобные Матери, имело тот же источник, что и стремление двигаться по пути наименьшего сопротивления. Это настораживало. *Пусть все будет не так.* Требуется предельная честность. Окончательное орудие образования Бене Гессерит. Классическая техника, превращающая послушниц в учителей.

— Я буду рядом с тобой во время мук испытания Пряностью. Если ты провалишься, то для меня это будет большим горем.

— Дункан? — В глазах Мурбеллы стояли слезы.

— Мы разрешим ему сделать для тебя все, что он сможет.

Мурбелла подняла глаза, и на короткое мгновение взгляды возлюбленных встретились. Айдахо приподнялся, но Тамалейн заставила его остаться на месте.

Они могут убить мою любимую! Должен ли я просто сидеть и созерцать, что происходит? Но Одраде сказала, что она разрешит мне помочь в случае необходимости. *Этого сейчас не остановишь. Я должен доверять Дар. Но, Боже мой! Она же не понимает всей глубины моего горя, если… если…* Он закрыл глаза.

— Белл. — В голосе Одраде прозвучал холод закаленного клинка.

Беллонда взяла Мурбеллу под руку и помогла ей забраться на стол. Стол слегка покачнулся, потом принял новое положение, приняв тяжесть тела Мурбеллы.

Это похоже на падение в пропасть, подумала она.

Она едва почувствовала ремни, которыми привязывали ее руки и ноги, чувствовала деловую суету вокруг себя.

— Это обычная рутина, — сказала Одраде.

Рутина? Мурбелла от всей души ненавидела рутину вступления в Бене Гессерит, все эти уроки, слушания и реакции на замечания прокторов. Особенно отвратительна была ей необходимость очищения реакций, которые она сама считала вполне адекватными, но которые не казались такими наблюдателям.

Адекватность! Какое опасное слово.

Это осознание было как раз тем, что они от нее добивались. Именно такой рычаг требовался для обучения послушниц.

Если ты ненавидишь это, то удвой усилия в овладении именно ненавистным навыком. Делай проклятое дело лучше. Используй отвращение как путеводную нить. Тогда работа станет для тебя привычной и потеряет свою мерзость.

Какими замечательными способностями обладали ее учителя! Они могли заглянуть в основы и причины ее поведения! Она хотела овладеть их способностями. О, как она хотела этого!

Я должна превзойти их в мастерстве.

Такому могла позавидовать любая Досточтимая Матрона. Мурбелла могла видеть себя как бы двойным зрением: она — воспитанница Бене Гессерит и одновременно — Досточтимая Матрона. Устрашающее зрелище.

Чья-то рука прикоснулась к ее щеке и повернула голову в сторону.

Ответственность! Скоро я узнаю, что они имеют в виду под «новым пониманием истории».

Взгляд Бене Гессерит на историю очаровывал Мурбеллу. Как они видят свое множественное прошлое? Включено ли это видение в более ши-

рокую схему? Желание стать одной из них было невыносимо.

Настал момент моего учения.

Она увидела, как над ее лицом навис полный шприц, зажатый в руке Беллонды.

Мы несем свою чашу Грааля в голове, говорила ей Одраде. *Неси эту чашу осторожно, если она попадет в твое владение.*

Канюля шприца коснулась ее губ. Мурбелла закрыла глаза, и в этот момент чьи-то пальцы разжали ей губы. Холодный металл обжег зубы. В голове постоянно звучал напоминающий голос Одраде:

Избегай избыточности. Слишком много исправлений, и в твоих руках окажется полная мешанина. Тебе придется вносить все больше и больше исправлений. Возникнут осцилляции. Фанатики — вот самые упрямые творцы осцилляций.

Наш Грааль. Он линеен, поскольку каждая Преподобная Мать несет одинаковое со своими Сестрами предназначение. Вместе мы создадим вечные ценности.

В рот полилась горькая жидкость. Мурбелла судорожно проглотила ее, ощутив, как по горлу в желудок прокатился огненный шар. Боли

не было, только жжение. Что, если жидкости будет слишком много? В желудке стало тепло.

Медленно, так медленно, что прошло несколько секунд, прежде чем она осознала, что это происходит, тепло начало выходить наружу. Когда тепло достигло кончиков пальцев, Мурбелла почувствовала, как ее тело сотрясла судорога. Спина выгнулась над покрытым подушками столом. Кто-то очень аккуратно, но твердо заменил шприц во рту.

Голоса. Она слышала их, понимала, кто именно говорит, но не могла разобрать ни одного слова.

Когда она начала слышать голоса, то поняла, что тело больше не принадлежит ей. Она потеряла всякую связь с ним. Где-то далеко извивалась ее плоть, терзаемая болью, но она была отчуждена от тела и не чувствовала боли.

Чья-то ладонь крепко обхватила руку Мурбеллы. Она узнала прикосновение Дункана, и в этот же момент она ощутила всю боль, которую испытывало ее тело. Было больно выдыхать воздух из измученных легких. Вдыхать же, напротив, было совсем не больно. Потом она почувствовала, что не может вдохнуть полной грудью. Ей казалось, что легкие пусты. Ощущение присутствия в собственном теле превратилось

в тонкую нить, которая свертывалась много раз, наматываясь на многочисленные прежние воплощения. Она чувствовала, что вокруг нее очень много людей, слишком много людей для такого маленького амфитеатра.

Вот в поле зрения попало еще одно живое человеческое существо. Мурбелла почувствовала, что находится в челноке… летит в космос. Челнок оказался примитивным, с множеством кнопок ручного управления. Слишком много мигающих лампочек. За панелью управления маленькая неопрятная, потная от тяжелой работы женщина. У нее каштановые волосы, на которых укреплен шиньон из более светлых волос, спадающих на впалые щеки. На женщине надето короткое платье, сотканное из блестящих красных, синих и зеленых нитей.

Машинное отделение.

Было ощущение присутствия каких-то чудовищных механизмов за пределами этого помещения. Одеяние женщины было нестерпимым контрастом с тусклым металлическим блеском монструозных машин. Она попыталась говорить, но губы не повиновались. «Слушай, ты! Когда ты встанешь к панели управления, не становись разрушителем. Я здесь только для того, чтобы

помочь тебе избежать общества разрушителей. Знаешь ли ты это?»

Мурбелла попыталась ответить, но голоса не было.

— Не старайся так сильно, девочка, я слышу тебя, — сказала женщина.

Мурбелла попыталась отключиться от женщины.

Где я нахожусь?

Один оператор, гигантский склад… завод… все автоматизировано… сети обратной связи, линии которых сосредоточены в этом крошечном помещении со сложными системами контроля.

Прислушиваясь к своему шепоту, Мурбелла спросила: *«Кто ты?»* и услышала свой собственный рокочущий голос. Какая мука, какая боль в ушах!

— Не говори так громко! Я твой проводник по мохалата, того, что отвратит тебя от разрушителей.

Дур, защити меня! Это не просто место; это я.

При этой мысли панель управления исчезла. Сама она была изгнанником бесконечной пустоты, осужденной никогда не найти покоя, нигде не найти убежища и тихой гавани. Все, кроме ее летящих мыслей, стало нематериальным. В ее

теле не осталось никакого вещества. Осталась только тонкая нить, в которой Мурбелла узнала свое сознание.

Я построила себя из тумана.

Пришла Другая Память. Куски и обрывки опыта, которые не принадлежали ей. Надвигались лица каких-то людей, которые чего-то требовали от нее, но женщина за пультом оттащила Мурбеллу от этих лиц. Мурбелла осознала необходимость, но не смогла придать ей связную форму.

— Это жизни из твоего прошлого. — Голос принадлежит женщине за пультом управления, но был он бестелесным и доносился словно из другого пространства.

— Мы — потомки людей, совершавших отвратительные поступки, — сказала женщина. — Мы не любим признавать, что наши предки были настоящими варварами. Но Преподобная Мать должна это признать. У нас нет иного выбора.

Мурбелла научилась задавать вопросы мысленно. *Почему я должна…*

Мы отпрыски победителей. Мы — их потомки. Победы зачастую доставались дорогой моральной ценой. Варварство не самое подходящее слово для тех злодеяний, которые совершали

наши предки.

Мурбелла ощутила прикосновение знакомой руки к щеке. *Дункан!* От прикосновения мучения усилились. *О Дункан, ты делаешь мне больно.*

Сквозь боль она почувствовала промежутки, разделяющие жизни, проснувшиеся в ней. Вещи оставались.

— Это только то, что ты способна воспринять сейчас, — произнес бестелесный голос. — Другие придут позже, когда ты окрепнешь… если выживешь.

Селективный фильтр. Это слова Одраде. *Необходимость открывает двери.*

Из глоток других лиц в памяти исходил нескончаемый стон и вопль. Жалобы: *Видишь? Видишь, что происходит, когда игнорируешь здравый смысл?*

Мучительная боль нарастала. Ее невозможно избежать. Каждый нерв был объят пламенем. Мурбелле хотелось кричать, плакать, изрыгать проклятия, просить помощи. Все происходящее висело на тонкой ниточке призрачного существования. Ниточка может лопнуть!

Я умираю.

Нить вытягивалась. Она вот-вот порвется! Сопротивляться бесполезно. Безнадежность. В теле

не осталось ни одной мышцы. Да они больше не нужны Мурбелле. Была только боль. Это был ад… нескончаемый ад, который будет преследовать ее и тогда, когда порвется проклятая нить жизни. Языки пламени распространяются по нити, лижут сознание.

Рука потрясла ее за плечо. *Дункан… не делай этого.* Каждое движение причиняло такую боль, о которой Мурбелла не могла бы представить себе в самом страшном сне. Это была боль за гранью возможного; недаром в Бене Гессерит это испытание называют Агонией.

Нить перестала натягиваться. Она потянулась назад, сжалась. Она сама превратилась в маленькую сосиску, средоточие такой боли, которая не могла существовать больше нигде и никогда. Чувство *бытия* притупилось, оно просвечивало, становилось прозрачным и зыбким…

— Ты видишь? — спросил чей-то голос.

Я вижу предметы.

Это не совсем зрение. Просто отчужденное восприятие других. Других сосисок. Другая Память прячется в шкуру потерянных жизней. Эти жизни протянулись друг за другом в виде поезда, длину которого она не могла определить, но ей приходится тащить этот страшный по-

езд за собой. Светлый туман. Иногда он рвется, и в провалах возникают видения событий. Нет… это не события сами по себе. Это память.

— Ты видишь, что делали наши предки, — сказала женщина-проводник. — Они обесценили ругательства, которые кажутся тебе страшными. Не стоит извинять их временем, в котором они жили. Помни: на свете нет невинных агнцев!

Отвратительно! Отвратительно!

Она не могла различить ни одну из этих жизней, узнать их в лицо. Все превратилось в блики и отражения, рвущийся туман. Где-то впереди была слава, которую, как она знала, ей предстояло обрести.

Отсутствие Агонии.

Вот и все. Как все будет славно теперь!

Но где же это ощущение славы?

Чьи-то губы коснулись ее лба, рта. *Дункан!* Она приподнялась. *Руки свободны.* Пальцы погрузились в кудри таких знакомых волос. *Это реальность.*

Агония отступила. Только теперь она поняла, что пережила боль, для описания которой в человеческом языке не существует подходящих слов. Агония? Она притупила психику и переплавила ее самое. В Агонию вступил один человек, а вы-

шел из нее другой.

Дункан! Она открыла глаза и увидела прямо над собой его лицо. *Я все еще люблю его? Он здесь. Он — мой якорь, за который я держалась в самые худшие моменты. Но люблю ли я его? Я все еще уравновешенна?*

Нет ответа.

Откуда-то со стороны раздался голос невидимой Одраде:

— Снимите с нее эту одежду. Принесите полотенца. Она плавает в поту. Принесите достойное платье.

Послышалась суета, потом снова раздался голос Одраде:

— Мурбелла, я рада сказать тебе, что ты с честью преодолела этот трудный путь.

Какое воодушевление в ее голосе. Чему она так радуется?

Где чувство ответственности? Где Грааль, который должен быть у меня в голове? Ответь мне хоть кто-нибудь!

Но женщина с пульта управления челноком куда-то ушла.

Я осталась одна. Но я помню отвратительные и ужасные вещи, от которых могли бы дрогнуть даже Досточтимые Матроны. Вдруг она уви-

дела Грааль, но это был не предмет, а вопрос: «Как уравновесить чаши весов?»

Мы передаем бога нашего домашнего алтаря от поколения к поколению: это наше послание человечеству в надежде на его возмужание. Больше всего похожа на домашнюю богиню отступница Преподобная Мать Ченоэ, бюст которой с незапамятных времен занимает нишу в моем кабинете.

(Дарви Одраде)

С некоторого момента Айдахо начал считать свои способности ментата своеобразным убежищем. Мурбелла оставалась с ним только тогда, когда это позволяли их с Дунканом обязанности. Он занимался совершенствованием оружия, а она привыкала к своему новому статусу.

Она не лгала другу и не пыталась доказать ему, что не чувствует никакой разницы между прошлым и настоящим их положением. Однако он чувствовал, что их разъединяет какая-то сила, и узы, связывающие их, натянулись до предела, готовые вот-вот разорваться.

— Сестры научили меня не делиться сердечными тайнами. В любви Сестры усматривают большую опасность. Интимность угрожает. Глубокая чувствительность отупляет. Нельзя давать никому палку, которой тебя могут побить.

Она думала, что ее слова ободряют его, но он слышал в них продолжение внутреннего спора. *Быть свободной! Разорвать тягостные путы!*

Он видел, как часто мучает ее Другая Память. По ночам с уст Мурбеллы срывались загадочные слова:

— Зависимость… групповая душа… пересечение живого сознания… Говорящие Рыбы…

Она охотно рассказывала ему о значении этих слов.

— Пересечение? Каждый чувствует связующие пункты в разрывах естественного течения жизни. Смерти, расставания, наполненные обыденностью промежутки между великими или значительными событиями, рождения…

— Рождение — это разрыв?

Они лежали в постели, в спальне было темно, не горел даже циферблат часов, однако видеокамеры работали — их питали какие-то другие, неведомые источники энергии, может быть, любопытство Преподобных Матерей…

— Ты никогда не думал о рождении как о разрыве? Сестры находят это удивительным.

Удивительным? Отчуждение… отчуждение…

Говорящие Рыбы, еще одно откровение, которое буквально очаровало Преподобных Матерей Бене

Гессерит. Они давно это подозревали, но теперь получили подтверждение с помощью Мурбеллы: демократия Говорящих Рыб выродилась в автократию Досточтимых Матрон. В этом больше не было никаких сомнений.

— Тирания меньшинства, рядящегося в тогу большинства, — ликующим тоном говорила по этому поводу Одраде. — Падение демократии. Либо она пала под тяжестью своей собственной избыточности, либо ее пожрала бюрократия.

В этом суждении Айдахо слышал явственное влияние Тирана. Если у истории есть повторяющиеся паттерны, то это один из самых ярких образчиков. Бьют барабаны повторения. Сначала Гражданская Служба: закон о ней маскировал ложь о том, что это единственный способ исправить недостатки демагогической болтовни, процветающей в прогнившей государственной системе. Потом следует концентрация власти в местах, недосягаемых для рядовых избирателей. И наконец, наступает царство аристократии.

— Бене Гессерит — это, пожалуй, единственная организация, которая впервые в истории создала полновластное жюри, — говорила Мурбелла. — Жюри не слишком популярны среди

профессиональных законников. Жюри — это противопоставление закону. Члены жюри могут игнорировать мнение судей.

Она рассмеялась в темноте.

— Улики! Доказательства! Что такое улика, как не вещь, наличие которой тебе разрешают принять? Вот о чем заботится закон: о тщательно управляемой действительности.

Эти слова предназначались для того, чтобы отвлечь его, показать новую власть, которую Мурбелла получила вместе с вступлением в Орден Бене Гессерит. Слова о любви звучали холодно и фальшиво.

Она говорит их по памяти.

Айдахо видел, что это тревожит Одраде почти в такой же степени, как вызывало его собственное недовольство, но Мурбелла не замечала ни того, ни другого.

Одраде пыталась ободрить Дункана:

— Каждая новообращенная Преподобная Мать должна пройти период адаптации. Временами они становятся маниакальными. Они осваиваются с почвой, на которой оказались!

Как я могу не думать об этом?

— Это первый закон бюрократии, — говорила между тем Мурбелла.

Тебе не удастся отвлечь меня, любимая.

— Расти до пределов доступной энергии! — В тоне действительно слышалась маниакальность. — Используй для этого любую ложь, ее ценой можно решить любые проблемы.

Она повернулась к нему лицом, но не для того, чтобы заняться любовью.

— Досточтимые Матроны разыграли весь этот рутинный спектакль как по нотам! Они ввели даже общественную систему безопасности, для того чтобы успокоить массу, но вся энергия накапливалась в их банках.

— Мурбелла!

— Что? — Она была встревожена резкостью его тона. *Разве он не понимает, что говорит с Преподобной Матерью?*

— Я, как всякий ментат, знаю это не хуже тебя.

— Ты хочешь заткнуть мне рот? — Она была рассержена.

— Наше дело заключается в том, чтобы научиться думать, как думает противник, — сказал он. — Разве у нас не общий враг?

— Ты издеваешься надо мной, Дункан.

— У тебя рыжие глаза?

— Меланжа не позволяет им становиться рыжими, ты же знаешь… О!

— Бене Гессерит нуждается в твоих знаниях, но ты должна их *окультурить!* — Он включил свет и увидел, что она в упор смотрит на него горящим взглядом. Так он и знал! Она не на сто процентов принадлежит Бене Гессерит.

Гибрид.

Слово запало ему в душу. Было ли это живостью и энергичностью гибрида? Ожидала ли Община Сестер именно такой метаморфозы от Мурбеллы? Иногда Бене Гессерит может удивить. Вот ты видишь их в полумраке коридора; они смотрят на тебя странным взглядом, глаза не мигают, на лицах обычные маски, под которыми вызревают неожиданные реакции. Именно так Тег научился совершать непредсказуемые поступки. Но что это? Кажется, новая Мурбелла нравится ему все меньше и меньше.

Она сразу почувствовала его новое отношение, читая своего Дункана, как открытую книгу.

— Не надо ненавидеть меня, Дункан.

В тоне не чувствовалось стремления оправдаться, но за ее словами крылось что-то очень обидное.

Она прижалась к нему почти так же, как делала это до испытания мукой Пряности, но это почти решало все. *Почти.* Разница разрывала

сердце Айдахо.

— Досточтимые Матроны рассматривают Бене Гессерит как соперника в борьбе за власть, — сказала Мурбелла. — Многие хотели бы покинуть ряды Матрон, но не могут осмелиться это сделать.

Она тесно прильнула к нему, требуя сексуальной ласки. Ее безоглядность поразила Дункана. Было такое впечатление, что Мурбелла в последний раз хочет его любви.

Когда все кончилось, он, обессилев, откинулся на подушку.

— Надеюсь, что я снова забеременела, — шепнула она. — Нам все еще нужны наши дети.

Нам нужны. Бене Гессерит нужны. Она больше не говорит: им нужны.

Он уснул, и ему приснился сон, что он находится в оружейной комнате корабля. Этот сон был невероятно реалистичен. Корабль оставался оружейным заводом. Во сне он слышал обращенные к нему слова Одраде:

— Я принимаю решения по необходимости, Дункан. Очень мала вероятность того, что ты вырвешься от нас, потеряв рассудок.

— Для этого я слишком ментат! — Какой важностью и самодовольством отдают эти слова!

Это сон, и я знаю, что это сон. Почему я оказался в арсенале вместе с Одраде?

Перед глазами ползет список оружия.

Атомное. (Он видит взрывы и смертоносную пыль.)

Лазерное. (Невозможно сосчитать всевозможные модификации.)

Бактериологическое.

По приказу Одраде список остановился.

— Как обычно, мы можем заставить контрабандистов сосредоточиться на мелочах… но дорогостоящих мелочах.

— Конечно, на камнях су. — Он все еще исполнен ощущения собственной важности. *Но я же совсем не такой!*

— Средства самоубийства, — сказала она. — Здесь планы и спецификации некоторых средств.

— Похищение промышленных и торговых секретов — вот подходящая задача для контрабандистов. *Я просто невыносим.*

— Всегда есть лекарства и болезни, при которых необходимы эти лекарства, — произнесла Одраде.

Где она? Я ее слышу, но не вижу.

— Знают ли Досточтимые Матроны, что наша

вселенная полна мерзавцев, и что, прежде чем сеять ветер, надо продумать средства борьбы с бурей? *Мерзавцы? Я никогда не употребляю этого слова.*

— Все на свете относительно, Дункан. Они сожгли Лампадас и убили там четыре миллиона наших лучших людей.

Он проснулся и сел. *Спецификация новых средств!* Он представлял их себе в мельчайших деталях, поняв, как можно миниатюризировать генератор Хольцмана до размеров не более двух сантиметров. К тому же он станет намного дешевле! *Как эта мысль прокралась в мою голову?*

Он выскользнул из постели, не потревожив Мурбеллу, и схватил одежду. Он слышал, как подруга засопела во сне, когда он покинул их общую постель, и выскочил в кабинет.

Усевшись за консоль, он изобразил свой проект и начал его внимательно изучать. Блестяще! Он передал проект в Архив, пометив адресатов — Одраде и Беллонду.

Вздохнув, он снова просмотрел свой проект. Чертеж исчез, и вместо него появился уже знакомый список оружия. *Я все еще сплю? Нет!* Он сидел на реальном стуле, касался консоли и слышал жужжание силового поля. *Это продол-*

жение сна.

Список демонстрировал режущие и колющие орудия, предназначенные для внедрения ядов и бактерий в плоть противника.

Снаряды и пули.

Как остановить список и изучить его детально?

Он все еще находится у тебя в голове!

Люди и животные, выведенные специально для нападения и уничтожения противника, возникли перед взором Дункана, заслонив собой консоль и ее экран. *Футары? Как попали сюда футары? Что я о них знаю?*

Животных заменили дезинтеграторы. Оружие, затуманивающее мозг и нарушающее жизненно важные обменные процессы в живом организме. *Дезинтеграторы? Я впервые слышу это название.*

Дезинтеграторы исчезли, и их место заняли поисковые системы, нацеленные на объекты G-нуль. Про это оружие Дункан знал.

Затем последовали взрывчатые вещества и снаряды, несущие химические и бактериологические заряды.

Средства отвлечения, средства постановки фальшивых целей и ложных объектов. Этим в свое время широко пользовался Тег.

Аккумуляторы энергии. У него самого был целый арсенал подобных средств. Они очень полезны для усиления войск.

Внезапно список оружия исчез, и на проекторе появилась пестрая блестящая сеть — изображение пожилой пары в саду. Они уставились на Дункана горящими глазами.

— Перестань шпионить за нами!

Айдахо обеими руками вцепился в подлокотники кресла и подался вперед, но пара исчезла, прежде чем он успел ее рассмотреть.

– *Шпионить?*

Снова возник список, но на этот раз он был невидим; его зачитывал мужской голос.

— Средства обороны часто имеют характеристики наступательного вооружения. Иногда, однако, простые средства могут предотвратить воздействие самых разрушительных систем.

Простые средства! Он громко рассмеялся.

— Майлс! Черт тебя возьми, где ты, Тег? У меня есть твои замаскированные средства нападения! Надутые, как воздушные шары приманки! Они пусты, в них есть только миниатюрный генератор Хольцмана или лазерная пушка. — Это он тоже послал в Архив.

Закончив, Айдахо еще раз задал себе вопрос

о видении. *Это влияние моего сна? Что я нащупал?*

Каждую свободную минуту, с тех пор как он стал Оружейным Мастером Майлса, Айдахо тратил на запросы в Архив. Там должен был найтись ключ к решению загадки накопления энергии в малом объеме.

Некоторое время его привлекали резонансная и тахионная теории. Тахионная теория была изначально разработана самим Хольцманом. Он назвал ее «Техис».

Волновая система, законы которой не подчинялись ограничению скорости света. Действительно, скорость движения межзвездных кораблей не ограничена скоростью света. «Техис»?

— Работает, потому что работает, — пробормотал Айдахо. — Вера. Такая же, как в любой религии.

Ментат отметал непоследовательные и нелогичные данные. Был склад под названием «Техис», и рыться в нем не доставляло никакого удовлетворения.

Даже Гильд-навигаторы не обладали профессиональными знаниями того, каким именно образом они способны преодолевать свернутое пространство на своих кораблях. Иксианцы

пытались воссоздать способности навигаторов своими машинами, но сами не понимали, что они делали.

Формуле Хольцмана можно доверять.

Никто и никогда не пытался понять логику рассуждений Хольцмана. Его формулами просто пользовались, потому что они работали. Это был «эфир», в котором совершались космические путешествия. Пространство можно было *свертывать*. Сейчас ты здесь, а спустя мгновение оказываешься на расстоянии бесчисленного количества парсек от первоначальной точки.

Кто-то «там» нашел способ нового использования теорий Хольцмана! Такова была проекция ментата!

Айдахо понимал точность такого вывода по вопросам, которые они поднимали. Болтовня Мурбеллы о Другой Памяти продолжала преследовать Айдахо, хотя теперь он понимал основы учения Бене Гессерит.

Власть привлекает тех, кто подвержен коррупции. Абсолютная власть привлекает тех, кто подвержен коррупции абсолютно. В этом состоит опасность окопавшейся у власти бюрократии для народа, которым она управляет. Даже система, предусматривающая раздачу госу-

дарственных должностей по протекции и среди сторонников победившей партии, не так опасна, поскольку предусматривает периодическую смену носителей власти и имеет низкий порог толерантности. До окопавшейся же бюрократии трудно добраться и подвергнуть ее насильственному отстранению от власти. Особенно следует опасаться объединения Гражданской Службы и Армии!

Именно этого достигли в своем развитии Досточтимые Матроны.

Власть во имя власти… аристократия с вывихнутой генеалогией.

Кто были те люди, которых он видел? Они были достаточно сильны, чтобы устранить Досточтимых Матрон. Он знал это из данных своей проекции.

Айдахо потерял покой от этих мыслей. Досточтимые Матроны в качестве беглецов! Варварски жестокие, но невежественные и не знающие судьбы всех разбойных племен, начиная с времен, гораздо более ранних, нежели эпоха вандалов. Ими двигала, наряду с другими силами, необычайная жадность. *«Взять римское золото!»* Все сомнения были изгнаны из их сознания. Это было отупляющее, агрессивное невежество,

которое уступило место интеллекту только тогда, когда в варварское сознание проникли элементы культуры покоренных интеллектуалов.

Внезапно он понял, чего добивается Одраде.

Боже, как хрупок ее план!

Он прижал ладони к глазам, едва сдерживая крик бессильного гнева. *Пусть они думают, что я устал.* Он понял план Одраде, но одновременно осознал, что в скором будущем неизбежно потеряет Мурбеллу.

Когда можно доверять этим ведьмам? Никогда! Общине Сестер принадлежит темная магическая сторона нашей вселенной, и поэтому их надо отвергнуть.

(Тилвит Вафф, Мастер Мастеров)

Большой зал на корабле-невидимке с рядами кресел, расположенных амфитеатром, и высокой сценой перед ним был до отказа заполнен Сестрами. Такого количества народа в зале не было никогда. Жизнь Капитула была практически парализована, потому что почти все хотели непосредственно участвовать в Собрании, а не делегировать свои полномочия с другими. Большинство присутствующих составляли Преподобные Матери, одетые в черное. Они занимали почти весь зал до самой сцены, однако много было и послушниц в отороченных белыми полосами платьях, присутствовали даже вновь обращенные. Небольшими группками там и сям виднелись одетые в белые платья послушницы первой ступени. Все остальные не были допущены на Собрание строгими прокторами.

В воздухе отчетливо пахло меланжей, было душно и сыро, как бывает в помещении, кондиционеры которого работают с большой перегрузкой. Словно незваный пришелец, над со-

бравшимися витал запах сегодняшней трапезы, обильно приправленной чесноком. Напряжение еще больше усиливалось от всяких россказней, циркулировавших по залу.

Взоры сотен глаз были прикованы к боковой двери сцены, откуда в зал должна была войти Верховная Мать. Даже болтая о пустяках или обсуждая последние сплетни, делегаты постоянно оглядывались на то место, откуда должна будет скоро выйти та, кто произведет, быть может, самые решительные перемены в их жизни. Верховная Мать не стала бы созывать Собрание, если бы на пороге не стояли события, способные потрясти самые основы Бене Гессерит.

Впереди Одраде шествовала Беллонда, которая своей характерной воинственной походкой взошла на сцену. По этой воинственности ее сразу узнали все даже на расстоянии. В пяти шагах за Беллондой следовала Верховная Мать. После нее вошли старшие советницы и помощницы, среди которых была и Мурбелла, одетая в черное (она все еще выглядела не лучшим образом после испытания, со времени которого прошло всего две недели). Сразу за Мурбеллой хромала Дортуйла, которую под руки поддерживали Там и Шиана. Шествие замыкала Стрегги с Майлсом

на плечах. При виде Тега все притихли, потом по толпе собравшихся прошел ропот. Мужчины редко посещали собрания Сестер, но все на Капитуле знали, что это гхола их башара-ментата, жившего ныне в военном городке с остатками армии Бене Гессерит.

Глядя на столь внушительное сборище Сестер, Одраде ощутила в сердце пустоту. Один древний автор очень хорошо выразил ее чувства одной фразой: «Каждый самый дремучий дурак может понять, что одна лошадь может обогнать другую». Она часто вспоминала эту цитату во время меньших по масштабу собраний, происходивших в этой уменьшенной копии римского цирка, но она знала также, что ритуалы имеют свою цель. На собраниях можно показать себя другим.

Здесь мы все вместе. Весь наш род.

Верховная Мать и ее свита, словно пучок энергии, прошли сквозь толпу и взошли на сцену, где для них на отдельном возвышении было приготовлено место.

Верховная Мать никогда не чувствовала склонности к тесноте многолюдных собраний и никогда их не посещала. Ей было незнакомо чувство прижатых к ребрам локтей; ей никогда не наступали на ноги в тесноте, и никогда не видела

она толпу, которая ползла по залу, как огромный червь, состоящий из множества людей, прижатых друг к другу в невообразимой тесноте.

Так прибывал в цирк Цезарь. Опустите большие пальцы! Долой это проклятие! Обернувшись к Беллонде, она произнесла:

— Давайте начинать.

Впоследствии она поняла, что должна была удивляться тому, что не поручила никому больше исполнить ритуал Собрания и произнести перед ним полные зловещих предзнаменований слова. Беллонда любила быть на почетном месте, и именно поэтому ей нельзя было доверять высоких постов. Но, вероятно, Сестра из более низкого эшелона могла бы сделать это только из чувства верности, только потому, что такова воля Верховной Матери.

Боги! Если вы есть, то почему позволяете нам быть такими овцами?

Вот они, все стадо, Беллонда приготовила их для нее. *Батальоны Бене Гессерит.* Конечно, это были не настоящие батальоны, но Одраде, глядя на ряды Сестер, представляла функции каждой из них именно в военных терминах. *Вот это — командир роты. Это генерал армии. Это сержант, а это — ординарец.*

Сестры были бы очень обижены, знай они об этой причуде Верховной, но Одраде умело скрывала свое отношение за завесой «упорядочения заданий». Если даешь человеку поручение лейтенанта, то при этом совершенно не обязательно называть его лейтенантом. Так всегда поступала покойная Тараза.

Беллонда говорила о том, что Общине Сестер, вероятно, придется пересмотреть свое отношение к плененному Тлейлаксу. Для Белл это были исполненные горечи слова:

— Мы прошли сквозь тяжкие испытания, Тлейлаксу и Бене Гессерит, и мы изменились. В каком-то смысле мы изменили и друг друга.

Да, мы сейчас подобны камням, которые столь долго терлись друг о друга, что приобрели дополняющие друг друга формы, но по сути своей мы все же остались совершенно разными.

Аудитория притихла. Сестры понимали, что это лишь преамбула, не важно, что намеки на главное прозвучали в упоминании о Тлейлаксу. Важность вступления всегда относительна. Одраде подошла к Беллонде, подав таким образом знак, что той пора заканчивать.

— Верховная Мать, — объявила Беллонда.

Как трудно умирают старые обычаи.

Неужели Беллонда всерьез думает, что зал не узнал, кто я?

Одраде заговорила, принудив зал к вниманию, применив Голос.

— События приняли такой оборот, что мне в силу обстоятельств придется встретиться на Джанкшн с руководством Досточтимых Матрон. Ясно, что я, возможно, не вернусь с этой встречи. Вполне вероятно, что я погибну. Может быть, эта встреча — ловкий отвлекающий маневр со стороны Досточтимых Матрон. Мы же готовы их примерно наказать.

Одраде дождалась, когда стихнет возникший шум в зале, слыша как одобрение, так и возражения в высказываниях присутствующих Сестер. Интересно, что согласные в большинстве своем были послушницы, сидевшие ближе всех к сцене. Старшие послушницы не согласны? Да, они поняли предупреждение: *«Мы не смеем подбрасывать дров в этот костер»*.

Она понизила голос, добавив в него свистящие нотки, чтобы донести силу убеждения до задних рядов:

— Прежде чем отбыть, я разделю Память с несколькими Сестрами. Наше положение требует особых мер предосторожности.

— Каков ваш план? Что вы будете делать? — Вопросы посыпались на Одраде со всех сторон.

— Мы проведем отвлекающий маневр на Гамму, при этом союзники Досточтимых Матрон будут вынуждены бежать на Джанкшн, и мы атакуем Джанкшн и, если повезет, возьмем в плен Королеву Пауков.

— Нападение произойдет в тот момент, когда вы будете на Джанкшн? — Этот вопрос задала Гарими, проктор с серьезным лицом, сидевшая в первом ряду, очень близко от Одраде.

— Да, таков план. Я передам свои наблюдения атакующим войскам. — Одраде жестом указала на Тега, сидевшего на плечах Стрегги. — Башар лично возглавит вторжение.

— Кто поедет с вами? Да, кого вы берете с собой?

В этих криках ясно слышался страх. Значит, слухи об отъезде Верховной не успели распространиться среди Сестер Капитула.

— Там и Дортуйла, — ответила Одраде.

— С кем вы разделите Память? — снова Гарими. *Вот уж действительно. Это политический и очень интересный вопрос. Кто наследует власть Верховной Матери?* За спиной Одраде послышался нервный вздох. *Кто это волнуется?*

Беллонда взволнована? Это не ты, Белл. Ты уже это знаешь.

— С Мурбеллой и Шианой, — ответила Одраде. — И еще с одной Сестрой, если прокторы назовут кандидатуру.

Прокторы образовали несколько групп, каждая из которых предложила своего кандидата, но ни один из них не прошел. Однако прозвучал вопрос:

— Почему с Мурбеллой?

— Кто лучше ее знает Досточтимых Матрон? — парировала Одраде.

Этот ответ сразу успокоил страсти.

Гарими подошла ближе к сцене и уставила в Одраде проницательный взгляд. *Не пытайся ввести в заблуждение Преподобную Мать, Дарви Одраде!*

— После отвлекающего маневра на Гамму противник мобилизует все свои силы на Джанкшн, чтобы приготовиться к отражению атаки. Почему вы думаете, что мы сможем одолеть их?

Одраде отошла в сторону и пропустила вперед Стрегги с Майлсом.

Тег внимательно следил за выступлением Одраде, оно очаровало его. Он посмотрел на Гарими. Нет сомнения, что она, будучи Главным

Проктором Назначений, говорила от имени какой-то группировки Сестер. Тег понял, что его смешное положение на плечах послушницы было выбрано Верховной Матерью по иным соображениям, чем те, которые она озвучила.

Мои глаза должны находиться на одном уровне с глазами взрослых людей, но не только это. Одраде хочет уверить Сестер, что Бене Гессерит (и даже послушницы) могут контролировать мое поведение и управлять мною.

— В данный момент я не стану входить во все детали военных приготовлений, — начал Тег. *Черт бы побрал этот писклявый голосок!* Слушали его, однако, очень внимательно. — Но могу сказать, что мы рассчитываем на мобильность и маневренность, на ложные цели и лазерное оружие, с помощью которого нам удастся уничтожить их позиции на большую глубину, если луч возьмет их… кроме того, мы собираемся окружить Джанкшн оболочкой поля и с помощью этого маневра обеспечим обнаружение всех кораблей-невидимок Досточтимых Матрон.

Присутствующие смотрели на Тега во все глаза, тем не менее он продолжал:

— Если Верховная Мать подтвердит мое уже высказанное мнение о Джанкшн, то мы будем

очень точно знать расположение сил неприятеля. Там не могло произойти каких-либо серьезных изменений, прошло слишком мало времени.

Это было для них неожиданностью. Они удивлены. Но что еще могли они ожидать от мента-та башара? Он посмотрел на Гарими, готовый выслушать ее дальнейшие сомнения в его военных способностях.

У проктора был наготове еще один вопрос:

— Правда ли, что Дункан Айдахо является вашим советником по вопросам вооружений?

— Если у вас есть лучший советник, то было бы непростительной глупостью не воспользоваться его услугами.

— Но будет ли он сопровождать вас в качестве Оружейного Мастера?

— Он решил не покидать корабль, и вы знаете почему. Что вы хотели сказать этим вопросом?

Он отразил ее нападки и заставил замолчать, что очень не понравилось Гарими. Мужчина не смеет таким образом распоряжаться Преподобной Матерью!

Одраде выступила вперед и положила ладонь на плечо Тега.

— Разве вы забыли, что этот гхола — наш самый верный и испытанный друг Майлс Тег? —

Она взглядом выбрала несколько лиц из толпы, начав с тех, кто знал, что Тег — ее отец. Она медленно переводила взгляд с одного лица на другое, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения в ее истинных намерениях.

Найдется ли среди вас та, что первой выкрикнет: «Это непотизм!»? Прежде посмотрите записи о его прежних деяниях на нашей службе!

Собрание несколько преобразилось. Проявились те благотворные тенденции, ради которых вообще созывалось Собрание. Не было больше вульгарных криков, требований предоставить голос вне очереди. Слова и выступления звучали в унисон. Это было уже стройное пение, хотя и не хоровое заклинание. Одраде всегда приходила в восторг от этой естественной гармонии поведения, исток которой лежал в привычке согласовывать свое поведение с поведением других. Это было естественно для Бене Гессерит. Это было единственным объяснением. Танец их повседневных действий выразился в согласованности голосов. Они партнеры, несмотря на временные и поверхностные разногласия.

Мне будет не хватать этой гармонии.

— Никогда нельзя точно предсказать ход какого-либо неприятного и страшного события, —

сказала она. — Кто знает это лучше, чем мы? Нет ли среди нас тех, кто не усвоил урок Квисатц Хадераха?

Не надо ничего изобретать. Дурные предсказания не изменят их курс. Поэтому молчит Беллонда. Воспитанницы Бене Гессерит получили новый урок просвещения. Они не тупицы, которые нападают на вестника, принесшего плохую новость. Разжаловать вестника? *(Чего хорошего можно ожидать от такого субъекта?)* Такого поведения надо было избегать любой ценой. *Заставим ли мы замолчать вестников, несущих плохие новости, надеясь, что молчание смерти отменит дурные известия?* Бене Гессерит не верит в эти сказки! *Смерть возвышает голос Пророка. Мученики поистине опасны.*

Одраде видела, что задумчивое молчание овладевает аудиторией, добравшись до самых верхних рядов амфитеатра.

Мы вступаем в трудные времена, Сестры, и должны это принять. Это знает даже Мурбелла. Она знает также, почему я так хотела, чтобы она стала одной из нас. Мы все так или иначе знаем это.

Одраде оглянулась и посмотрела на Беллонду. Старуха не разочаровала ее. Белл знала, почему

она не попала в когорту избранных. *Это наш лучший курс, Белл. Инфильтрация. Взять их теплыми, прежде чем они заподозрят, что мы что-то делаем.*

Одраде перевела взгляд на Мурбеллу и увидела на ее лице уважительное внимание. Мурбелла уже пользуется полезными плодами общения с Другой Памятью. Маниакальная стадия прошла, и она даже восстановила свое увлечение Дунканом. Возможно, со временем… она научится самостоятельно оценивать Другую Память. В Мурбелле сейчас не чувствовалось желания сказать: «Отстаньте от меня со своими вшивыми советами!» Она сделала исторические сравнения и не может игнорировать очевидное.

Не маршируй по улицам с теми, кто разделяет твои предрассудки. Громкие крики легче всего игнорировать. «Посмотри, что в их дурных головах, кроме воплей? Ты хочешь быть заодно с ними?»

Я говорила тебе, Мурбелла: суди обо всем сама. «Для того чтобы произвести перемены, надо найти точку опоры для приложения рычага и сдвинуть косную массу с места. Предложение высоких постов — это всего лишь отвлекающий маневр, на который клюют те, кто охотно выходит на уличные демонстрации. Точки опоры

находятся отнюдь не в высоких кабинетах. Точки опоры находятся в экономических и коммуникативных центрах, и пока ты этого не поймешь, для тебя окажутся бесполезными самые высокие посты. Даже лейтенант может изменить общее направление движения. Он может сделать это не искажением донесений, а оттяжкой исполнения приказа. Например, Белл оттягивает исполнение до того момента, когда приказ становится бессмысленным. Иногда я специально отдаю такие приказы, чтобы она могла без всякого вреда для дела играть в свои игры. Она знает об этом и все равно продолжает играть. Знай это, Мурбелла! После того как мы разделим Память, учись на моих ошибках и на моем опыте!»

Согласие достигнуто, но какой ценой! Одраде дала знак, что Собрание окончено, зная, что не только не даны ответы на все вопросы; остались незаданные вопросы. Но эти вопросы поступят позже. Их отфильтрует Белл, которая ими и займется.

Самые настороженные из Сестер не станут задавать вопросы — они уже поняли план.

Покидая Зал Больших Собраний, Одраде ощутила весь груз ответственности, которую взяла на себя, и только теперь осознала все обуре-

вавшие ее ранее колебания. Были сожаления, но только Мурбелла и Шиана узнают о них.

Идя следом за Беллондой, Одраде думала о *тех местах, в которых ей не суждено побывать, о тех вещах, которые она никогда не увидит иначе, чем в отражении сознания Сестер, с которыми поделит свою память.*

Это была своеобразная ностальгия, хорошо знакомая тем, кто отправился в Рассеяние, и эта мысль облегчала боль. Слишком многое обрушивалось на человека, отправившегося туда. Переварить такое в одиночку страшно тяжело. Даже член Ордена Бене Гессерит с накопленной памятью не мог охватить всего, не говоря уже о некоторых интересных деталях. Надо было вернуться к истокам. К Великому Замыслу, Великой Картине, Главному Потоку. *Это специальность и крест Сестер.* Для этого создавались ментаты, это была их первоочередная задача: осмысление паттернов, движений потоков и того, что несли эти потоки, куда они направляются. Последствия. Не мертвые карты, а живые потоки.

По крайней мере мне удалось сохранить ключевые элементы нашей демократии в неизменной исходной форме. Они могут поблагодарить меня за этот день.

Ищи свободу, и ты станешь пленником своих вожделений. Ищи подчинения, и ты обретешь вольность.

(Кодексы)

— Кто мог подумать, что выйдет из строя воздухоочистительная машина?

Раввин задал этот вопрос, не обращаясь ни к кому в отдельности. Он сидел на низенькой скамеечке, прижав к груди свиток. Бумага со священным текстом была укреплена современными материалами, но все же надо принять во внимание ветхость древнего свитка. Раввин не знал точно, который теперь час. Возможно, утро. Совсем недавно они поели, можно было считать эту трапезу завтраком.

— Я знал, что рано или поздно это произойдет.

Казалось, он обращается к свитку. Пасхальный агнец пришел и ушел, и двери наши остались запертыми.

Ребекка подошла к Раввину и склонилась над ним.

— Прошу вас, Равви, не надо. Это не поможет Джошуа в его трудах.

— Мы не покинуты. — Раввин продолжал свой диалог со свитком. — Мы сами скрылись, выбрав свой путь. Если нас не могут найти пришельцы,

то как же отыщет нас тот, кто может протянуть нам руку помощи?

Он взглянул на Ребекку, очки делали его похожим на сову.

— Ты принесла нам зло, Ребекка?

Она поняла, что он имел в виду.

— Чужаки всегда думают, что в Бене Гессерит есть что-то нечестивое, — ответила она.

— Значит, теперь я, ваш Раввин, тоже чужак?

— Вы сами отстранились, Равви. Я говорю сейчас с точки зрения Общины Сестер, которой я помогла по вашему требованию. Вы сами заставили меня это делать. То, что они делают, иногда кажется скучным. Они повторяются, но это не есть зло.

— Я *заставил* тебя им помогать? Да, признаю, я это сделал. Прости меня, Ребекка. Если нас постигнет зло, то в этом будет моя вина.

— Прекратите, Равви! Они очень разветвленный клан. Но при этом умудряются сохранить свой индивидуализм в полной неприкосновенности. Разветвленный клан: разве это словосочетание ничего не говорит вам, Равви? Неужели мое достоинство оскорбляет вас?

— Я говорю тебе, Ребекка, что оскорбляет меня. Под моим руководством ты изучала иные книги,

нежели… — Он потряс свитком, словно дубиной.

— Дело не в книгах, Равви. О, у них есть Кодексы, но это просто собрание напоминаний, иногда полезных, иногда годных лишь на то, чтобы их отбросить. Они всегда приводят их в соответствие с требованиями текущего момента.

— Есть книги, которые нельзя приводить ни в какое *соответствие,* Ребекка!

Она посмотрела на него сверху вниз с плохо скрытым недовольством. Неужели он именно так смотрит на Общину Сестер? Или это просто страх говорить на эту тему?

Подошел Джошуа. Руки его были в машинном масле, черные пятна остались на лбу и щеках.

— Ваше предположение оказалось верным, но машина опять работает. Как долго она протянет, я не знаю. Проблема заключается в том, что…

— Ты не знаешь, в чем заключается проблема, — перебил его Раввин.

— Это механическая проблема, — сказала Ребекка. — Поле убежища-невидимки нарушает работу машин.

— Мы не можем доставить сюда машины, работающие без трения. Это выдаст наше местоположение, и к тому же дорого стоит, — сказал

Джошуа.

— Здесь ломаются не только твои машины.

Джошуа удивленно вскинул брови и посмотрел на Ребекку. *Что с ним?* Значит, Джошуа доверяет способностям Сестер Бене Гессерит. Это оскорбило Раввина еще глубже. Его стадо ищет другого пастыря.

Но тут Раввин удивил Ребекку.

— Ты думаешь, что я ревнив, Ребекка?

В ответ она отрицательно покачала головой.

— Ты обнаруживаешь таланты, которыми с успехом пользуются другие. Например, твое предположение о причинах поломки машины: ты узнала их с помощью Другой Памяти?

Ребекка пожала плечами. Это Раввин, придерживающийся старых правил, и не следовало дразнить его в его доме.

— Я должен похвалить тебя? — спросил Раввин. — У тебя есть власть? Ну так управляй нами, ты хочешь этого?

— Никто не может предположить такое, Равви, и меньше всех я. — Теперь была оскорблена она, и не думала это скрывать.

— Прости меня, дочь моя. Это как раз то, что вы называете «щелчком».

— Мне не нужна ваша похвала, Равви. И, ко-

нечно, я прощаю вас.

— Могут ли твои «другие» что-нибудь сказать по поводу того, что с нами происходит?

— Бене Гессерит утверждает, что страх похвалы восходит к очень древним временам, когда запрещалось хвалить своих чад, ибо это может навлечь гнев богов.

Раввин склонил голову.

— Иногда они проявляют крупицы мудрости.

Джошуа выглядел вконец растерянным.

— Пойду постараюсь уснуть, мне необходим отдых.

Он красноречиво посмотрел на машинный отсек, откуда доносился натужный металлический скрежет.

Он направился в темный конец комнаты, споткнувшись по дороге о детскую игрушку.

Раввин стукнул ладонью по скамье рядом с собой.

— Садись, Ребекка.

Она села.

— Я боюсь за тебя, за нас, за все, что мы представляем. — Он обвел взглядом комнату и нежно провел рукой по свитку. — У нас нет даже меноры.

Ребекка вытерла слезы.

— Равви, вы неверно судите о Сестрах. Они хотят только одного — усовершенствовать человечество и управление им.

— Так они говорят.

— Так говорю я. Они считают, что правительства — это искусственная форма. Вы не находите это удивительным?

— Ты возбудила мое любопытство. Эти женщины не ослеплены мечтами о своей важности и исключительности?

— Они считают себя надзирающими собаками.

— Собаками?

— Надзирающими, готовыми преподать урок всякому, кого можно научить. Именно этого они ищут. Никогда не пытайся преподать урок тому, кто не способен его усвоить.

— Вечно эти крупицы мудрости. — Слова Раввина прозвучали печально. — Но сами собой они управляют тоже *искусственно?*

— Они думают о себе как о жюри с абсолютной властью, на которую ни один закон не может наложить вето.

Он помахал свитком перед носом Ребекки.

— Я так и думал!

— Речь идет не о человеческих законах, Равви.

— Ты говоришь мне, что эти женщины, которые

создают религии по собственному усмотрению, верят в… в силу, которая стоит выше их.

— Их вера не совпадает с нашей, но я не думаю, что они — воплощение зла.

— В чем же заключается их… вера?

— Они называют это «дрейфом к среднему уровню». Они прослеживают это генетически и рассматривают как врожденный инстинкт. У блистательных родителей, например, могут быть дети, весьма средние по своим способностям.

— Дрейф? И *это* ты называешь верой?

— Именно поэтому они избегают возвышения. Они советники, они делают королей при случае, но они не хотят быть на первом плане, превращаясь в легкую мишень.

— Этот дрейф… Они что, воображают себя Делателями Дрейфа?

— Они не могут с точностью предполагать, что он существует. Они просто могут наблюдать соответствующие движения.

— Но что они делают с этим дрейфом?

— Они принимают меры предосторожности.

— В присутствии Сатаны, во всяком случае, я думаю именно так!

— Они не противостоят потоку, но стараются

его пересечь, пользуясь его силой при своем движении. Сила потока должна толкать их в спину.

— Оо-ии!

— Древние мореплаватели очень хорошо понимали эту премудрость, Равви. У Общины Сестер есть карты, которые предупреждают их о местах, которые надо избегать, и о местах, к которым надо приложить максимум усилий.

Он снова взмахнул свитком.

— Это не карта потока, которую можно поменять!

— Вы неправильно толкуете их действия, Равви. Они прекрасно понимают ошибки, связанные с применением громадных, поражающих воображение машин. — Она посмотрела в сторону машинного отсека. — Они видят нас в потоках, которые не могут питать никакие машины.

— Это малая мудрость. Не знаю, дочь моя. Это вмешательство в политику, но в священных вопросах…

— Усредняющий дрейф, Равви. Масса воздействует на блестящих новаторов, которые выделяются из общей толпы и производят что-то новое. Даже если эта новизна оказывается полезной для нас, дрейф засасывает самого новатора.

— Кто может сказать, что поможет нам, Ре-

бекка?

— Я просто говорю вам, во что они верят. Они рассматривают обложение налогами, как свидетельство дрейфа, отъем свободной энергии, которая могла бы в противном случае сотворить что-то новое. Они говорят, что это легко доступно для подготовленного человека.

— А эти… Досточтимые Матроны?

— Они легко вписываются в схему. Закрытое, построенное на насилии правительство гасит все потенциальные угрозы в зародыше. Выискивает блестящие умы и способности, отсеивает их. Притупляет интеллект.

Из машинного отсека донеслось тихое жужжание. Джошуа оказался рядом с ними, прежде чем Ребекка и Раввин успели встать. Джошуа склонился над экраном, на котором появилось изображение поверхности над Убежищем.

— Они вернулись, — сказал он. — Смотрите! Они копают пепел прямо над нами.

— Они нашли нас? — почти с облегчением спросил Раввин.

Джошуа продолжал внимательно смотреть на экран.

Ребекка встала рядом с ним, внимательно приглядываясь к копателям. Их было десять — муж-

чины, плененные Досточтимыми Матронами.

— Они копают на всякий случай, — сказала Ребекка, выпрямляясь.

— Ты уверена? — спросил Джошуа и взглянул ей в глаза, ища подтверждения.

Это мог увидеть любой член Ордена Бене Гессерит.

— Смотри сам. — Она показала рукой на экран. — Они уходят. Возвращаются к своему свинству.

— Где им и место, — буркнул Раввин.

Верные решения выковываются в горниле информационных ошибок. При этом интеллект признает свою ограниченность и подверженность ошибкам. Когда абсолютно безошибочный выбор неизвестен, интеллект получает шанс поработать с ограниченными данными на арене, где ошибки не только возможны, но и необходимы.

(Дарви Одраде)

После Собрания Верховная Мать не села в первый подвернувшийся лихтер и не поспешила на корабль-невидимку. Нет, до отлета надо было уточнить планы, согласовать решения и стратегию — задач было множество, и все требовали неотложного решения.

Все это удалось утрясти за восемь весьма насыщенных дней, заполненных лихорадочной работой. Согласование времени действий с Тегом было жизненно важным. Консультации с Мурбеллой съедали драгоценные часы. Мурбелле надо было знать, с чем она столкнется в ближайшее время.

Открой их ахиллесову пяту, и они падут к твоим ногам, Мурбелла. Ты останешься на наблюдательном корабле, когда Тег начнет атаку.

Но следи за событиями внимательно!

Одраде посоветовалась со всеми, кто мог хоть чем-то помочь в предстоящем деле. После этого настало время имплантировать в тело Одраде передатчик, который должен был передавать зашифрованную информацию. Экипажи лихтера и корабля-невидимки следовало сменить и укомплектовать по указаниям Тега.

Беллонда ворчала и ругалась до тех пор, пока Одраде не приструнила ее.

— Ты отвлекаешь меня от дела! Ты делаешь это специально? Хочешь меня ослабить?

До отлета оставалось четыре дня, разговор состоялся утром в рабочем кабинете Одраде, когда они с Беллондой остались там наедине. Стояла ясная, но холодная погода. Небо над Централом заволокли красноватые тучи пыли, принесенные южным ветром, который дул всю предыдущую ночь.

— Созыв Собрания был ошибкой! — Беллонда не могла лишить себя последнего слова в споре.

Беллонда становится просто невыносимой, ее пора осадить. Одраде огрызнулась с несвойственной ей резкостью.

— Оно было необходимо!

— Для тебя — может быть! Надо было сказать

«прощай» своей *семье.* Теперь ты оставляешь нас, заставляя других копаться в твоем грязном белье.

— Ты пришла сюда жаловаться на проведение Собрания?

— Мне не понравились твои последние комментарии, касающиеся Досточтимых Матрон. Ты могла бы проконсультироваться с нами, прежде чем распространять…

— Они паразиты, Белл! Настало время, чтобы мы громко заявили об этом; это их известная слабость. Что должен делать организм, зараженный паразитами? — сказав это, Одраде широко улыбнулась.

— Дар, этот шутовской тон… мне хочется тебя задушить!

— Ты бы улыбнулась, если бы смогла это сделать, Белл?

— Черт бы тебя побрал, Дар, в один из этих дней…

— У нас осталось не так много дней, которые мы проведем вместе, Белл, и именно это так сильно гложет тебя. Ответь на мой вопрос.

— Ответь на него сама!

— Организму полезны периодические чистки. Даже наркоманы мечтают об освобождении.

— Ах. — В глазах Беллонды появилось выражение, присущее ментатам. — Ты хочешь сказать, что освобождение от зависимости от Досточтимых Матрон — весьма болезненная процедура?

— А ты все еще можешь работать, несмотря на полное отсутствие чувства юмора.

Жестокая усмешка исказила лицо Беллонды.

— Мне удалось рассмешить тебя, — сказала Одраде.

— Позволь мне обсудить этот вопрос с Там. Она больше тебя понимает в стратегии. Хотя… разделение памяти с тобой сделало ее более мягкотелой.

Когда Беллонда ушла, Одраде откинулась на спинку кресла и тихо рассмеялась. *Мягкотелой? «Смотри не стань мягкотелой завтра, когда будешь делить память, Дар». Ментат застревает на логике, у него нет сердца. Она видит процесс в его подробностях и боится неудачи. Что мы будем делать, если… Мы откроем окна, Белл, и впустим в помещение свежий воздух здравого смысла. Мы готовы даже на жизнерадостность. Более серьезные дела мы отложим на будущее. Бедная Белл, моя порочная Сестра. Ты всегда найдешь, чем потрафить своей нервозности.*

Одраде покинула Централ утром в день отлета, погруженная в свои перепутанные мысли, — настроение было интроспективное, то, что она узнала после разделения памяти с Шианой и Мурбеллой, очень тревожило Верховную Мать.

Я ищу самооправдания.

Но облегчение не приходило. Мысли были ограничены Другой Памятью и почти циничным фатализмом.

Организовать рой пчел, принадлежащих Королеве?

Таково предложение Досточтимых Матрон.

Но Шиана? А одобрение Там?

В этом предложении было больше риска, чем во всем Рассеянии.

Я не могу последовать за тобой в глушь, Шиана. Моя задача — формирование порядка. Я не могу рисковать, это твоя привилегия. Есть разные виды искусства. Твое отталкивает меня.

Помогло и усвоение Другой Памяти Мурбеллы. Ее знания — полезный рычаг воздействия на Досточтимых Матрон, но и здесь были свои нюансы.

Гипнотический транс не годится. Они используют клеточную индукцию, побочный продукт своих проклятых Т-зондов. Подсознательная ком-

пульсия! Какое искушение попробовать использовать ее в своих целях. Но где самое уязвимое место Досточтимых Матрон? Это огромное подсознательное содержание, которое заперто волевым решением. Ключ, который дала нам Мурбелла, только усиливает опасность этого решения.

Они прибыли на взлетную площадку в разгар бури, которая обрушилась на них, как только свита покинула машину. Одраде отказалась от запланированной прогулки по садам и винограднику.

Она улетает отсюда в последний раз? В глазах Беллонды застыл немой вопрос, когда она произносила слова прощания. Шиана озабоченно хмурилась.

Приняла ли Верховная Мать мое решение?

Временно, Шиана, временно. Но я не предупредила об этом Мурбеллу. Итак… вероятно, я соглашусь с суждением Там.

Дортуйла, возглавлявшая процессию, держалась отчужденно.

Это объяснимо. Она была там и видела, как звери жрали Сестер. Мужайся, Сестра! Мы еще не побеждены.

Одна только Мурбелла выглядела по-буднич-

ному деловой. Но думала она о предстоящей встрече Верховной Матери с Королевой Пауков.

Достаточно ли я вооружила Верховную Мать? Чувствует ли она, как опасно ее предприятие?

Одраде отбросила от себя эти мысли. При встрече все будет ясно, вот тогда и придется решать проблемы, но не сейчас. Сейчас самое важное — это собрать в кулак всю энергию. Вычислить, кто такие Досточтимые Матроны, можно, исходя из имеющихся реальных данных, но конкретная игра будет происходить только на сцене, как на концерте джаза, — это будет импровизация. Одраде любила джаз, ей нравилась сама идея этой музыки с ее древними ароматами и звуками и погружением в первобытную дикость. Это действовало отвлекающе. Но джаз говорил о жизни. Два представления никогда не бывают похожими друг на друга. Музыканты реагируют на то, что играют: джаз.

Пусть нас питает идея джаза.

Воздушные и космические путешествия редко отменяются по причине плохой погоды. Прокладывай свой путь, невзирая на временные затруднения. Управление Климатом обеспечивало окна в катаклизмах для обеспечения запуска кораблей и воздушных судов. Однако пустын-

ные планеты были в этом смысле печальным исключением. Управление Климатом Капитула должно будет в скором времени учесть это в своих уравнениях. Произошло много изменений, и возможно, придется вернуться к фрименской практике обращения с усопшими — извлекать из них воду и калий для последующего использования.

Одраде говорила об этом, пока они ожидали транспорт, который должен был доставить их на корабль. Широкая полоса знойной, сухой земли скоро начнет порождать опасные экваториальные ветры. Наступит и день первой бури Кориолиса. Печка экваториальной жары взорвется ужасающим ветром, достигающим скорости нескольких сотен километров в час. Дюна выдувала ветры со скоростью до семисот километров в час. Даже космические лихтеры вынуждены были реагировать на такие бури, не говоря уже о воздушных судах. Хрупкая человеческая плоть просто должна была искать спасения в любом укрытии.

Как мы всегда и поступали.

Зал ожидания взлетной площадки был выстроен в стародавние времена. Камень внутри и снаружи — вот главный строительный мате-

риал. Спартанские подвесные скамьи, низкие столики из плаза — более позднего происхождения. Экономией нельзя было пренебрегать даже ради Верховной Матери.

Лихтер приземлился, подняв вихрь пыли. Никто не позаботился о таком пустяке, как подвесные подушки. Подъем должен быть быстрым, несколько неудобным, но достаточно безопасным.

Одраде почти не чувствовала своего тела, когда обратилась с прощальными словами к провожающим, и оставляя Капитул на попечение триумвирата Шианы, Мурбеллы и Беллонды. Последними словами были:

— Не мешайте Тегу. Я не хочу, чтобы что-то неприятное случилось с Дунканом! Ты меня слышишь, Белл?

Сколькими технологическими чудесами они овладели, но не могут справиться с песчаной бурей, которая ослепила их при взлете. Одраде закрыла глаза, чтобы не запечатлеть в памяти этот отнюдь не торжественный момент прощания с любимой планетой. Она очнулась при ударе, свидетельствовавшем о стыковке с кораблем. Кар ждал их у выходного люка. Тихо жужжа, он повез их к кораблю. Тамалейн, послушни-

цы и Дортуйла молчали, уважая стремление Верховной Матери остаться наедине со своими мыслями.

Каюты были знакомыми — стандартными для всех кораблей Бене Гессерит. Маленькие помещения — столовые и одновременно гостиные; еще меньшие спальни — однотонные стены и жесткие подвесные лежанки. Все знали предпочтения Верховной Матери и ее аскетизм. Одраде заглянула в ванную и туалет. Стандарт. Примыкающие каюты Тамалейн и Дортуйлы были похожи на помещение Одраде как две капли воды. Позже надо будет позаботиться о переоборудовании кораблей.

Однако все необходимое для жизни здесь было. Были даже элементы системы психологической поддержки: приглушенные цвета, знакомая мебель — все было устроено так, чтобы не возбуждать ум и чувства. Она отдала приказ об отлете перед возвращением в свою каюту.

На низеньком столике был сервирован завтрак. Синие фрукты, сладости и сливы, желтая приправа, намазанная на хлеб, была предназначена для восстановления сил. Очень хорошо. Она понаблюдала, как прикрепленная к ней послушница усердно старается, чтобы угодить своей

Верховной Матери. Она с трудом вспомнила имя девушки: Суиполь. Маленькое темноволосое создание с круглым спокойным лицом и соответствующими манерами. *Не самая блистательная, но очень надежная и трудолюбивая.*

Одраде неприятно поразило то, что все оформление корабля говорило о черствости и расчетливости: скромная свита, чтобы не раздражать Досточтимых Матрон и в случае гибели делегации не понести больших убытков.

— Ты распаковала все мои вещи, Суиполь?

— Да, Верховная Мать. — В ответе прозвучала гордость за то, что именно ее избрали для выполнения столь важного задания. Осознание этой важности сквозило даже в походке.

Есть вещи, которые ты не сможешь распаковать, Суиполь. Эти вещи я ношу в своей голове.

Еще никто из воспитанниц Бене Гессерит не покидал Капитул с веским багажом шовинизма Сестер. Ни одно другое место на свете не могло сравниться с Капитулом по спокойствию, красоте и удобству.

Но здесь мы имеем Капитул таким, каков он есть без прикрас.

В пустынной трансформации планеты был один аспект, который ранее никогда не приходил

в голову Одраде. Капитул уничтожал сам себя. Он уходил, чтобы никогда не вернуться, во всяком случае, во время жизни тех, кто знает его теперь. Это было похоже на потерю возлюбленных родителей. Навсегда и очень болезненно.

Ты больше не нужна мне, дитя мое.

Каждая, кто становилась Преподобной Матерью, с младых ногтей усваивала, что на самом тяжком пути существуют возможности для отдыха. Одраде решила в полной мере воспользоваться этим преимуществом путешествия и сразу же после еды сказала своим попутчикам:

— Сохраните для меня подробности.

Суиполь была послана за Тамалейн. Одраде говорила с ней в свойственной для Там смиренной манере.

— Позаботься о переоборудовании и докладывай мне о его ходе. Приведи Дортуйлу.

— У нее светлая голова. — Это была наивысшая похвала в устах Там.

— Когда будем на месте, постарайся как можно лучше изолировать меня.

Часть пути Одраде провела на лежанке, занимая себя мыслями о том, как надо будет собрать свою волю, чтобы сформулировать то, что она называла последней волей и завещанием.

Кто будет исполнять обязанности?

Мурбелла была ее личным выбором, особенно после того, что она узнала о бывшей Досточтимой Матроне после передачи памяти. Однако… сорванец Дюны, Шиана, оставалась весьма вероятным кандидатом, особенно если провалится атака на Джанкшн.

Некоторые думают, что с постом Верховной может справиться любая Преподобная Мать, если ответственность падет на нее, но в такие времена это не так. Не при расставленных повсюду ловушках. Вряд ли, правда, и Досточтимые Матроны сумеют избежать расставленных для них силков.

Если мы правильно судим о них. Но данные Мурбеллы говорят, что мы сделали все, что было в наших силах. Ворота в мышеловку для Досточтимых Матрон открыты, и, о Боже, как аппетитно будет выглядеть приманка! Они не увидят фатального исхода до того момента, когда войдут в смертельный лабиринт, но будет поздно!

Но что, если мы ошиблись?

Оставшиеся в живых (если такие найдутся) привлекут Одраде к суду…

Я часто чувствовала себя ущемленной и униженной, но никогда не была объектом расследо-

вания. Хотя иногда я принимала решения, которые отвергались многими Сестрами. По крайней мере я никогда не делала исключений… даже для тех, с кем делила память. Они знают, что моя ответственность начинается на заре человечества, уходит корнями к первым дням его существования. Каждая из нас может творить бесполезные и даже глупые вещи. Но мой план может принести нам победу. Мы не просто «выживем». Наш Грааль требует того, чтобы мы выстояли вместе. Мы нужны людям! Иногда им нужны религии. Иногда им просто достаточно знать, что их верования столь же пусты, как и надежды на благородство. Мы — их последний ресурс. После того как все маски сорваны, остается только это: Наша Ниша.

Она чувствовала, что корабль несет ее в ловушку. Все ближе и ближе становится ужасная угроза.

Я сама иду навстречу казнящему топору.

Не было никаких мыслей об уничтожении противника. Это стало возможным только после того, как Рассеяние неимоверно увеличило численность населения мира. Это изъян в схеме Досточтимых Матрон.

Высокий звук сигнала и оранжевые огонь-

ки на панели возвестили о прибытии к месту назначения. Одраде отвлеклась от своих дум. Она освободилась от ремней подвесной лежанки и в сопровождении Дортуйлы, Там и послушницы направилась к выходному люку, где ошвартовался местный лихтер. Одраде посмотрела на лихтер, видимый на экране следящего монитора. Он невероятно мал!

«Зазор времени составит около девятнадцати часов, — говорил Дункан. — Но ближе мы не смогли подогнать корабль-невидимку. Мы уверены, что их сенсоры свернутого пространства расположены очень близко к Джанкшн».

Белл на этот раз согласилась с Айдахо. *Не стоит рисковать кораблем. Он должен обеспечить наружную оборону и принять твои сообщения, а не только доставить на место Верховную Мать.* Лихтер был первым сенсором, который передал сигнал о встрече с кораблем-невидимкой.

Я — передовой сенсор, хрупкое тело, снабженное тонким инструментом.

На стене возле люка виднелись указательные стрелки. Одраде шла впереди, показывая дорогу. Они прошли по трубе, соединяющей корабли. Неожиданно для себя Одраде оказалась в очень богато обставленной каюте. Суиполь, шедшая

сзади, тотчас же узнала обстановку, поставив точку в размышлениях Одраде.

— Это был корабль контрабандистов.

В каюте их ожидал один человек, по запаху мужчина, хотя капюшон и соединительные трубки полностью скрывали его лицо.

— Всем пристегнуться.

Голос тоже был мужским.

Его выбрал Тег, значит, этот один из лучших.

Одраде села в кресло, из подлокотников которого выползла металлическая рейка, опутанная пристяжными ремнями. Все сопровождавшие Одраде выполнили команду вслед за Верховной Матерью.

— Все пристегнулись? Оставайтесь пристегнутыми впредь до следующего распоряжения. Голос командира прозвучал из кабины пилотов, из динамика, установленного над панелью управления.

С щелкающим звуком распался соединительный фал. Одраде почувствовала, что корабль мягко пришел в движение, хотя корабль-невидимка отступал во тьму с поразительной скоростью. Скоро он исчез из поля зрения.

Он отвалил, чтобы его не обнаружили раньше времени.

Лихтер между тем развил удивительную скорость. Сканеры показывали, что они находятся от Джанкшн на расстоянии восемнадцати с половиной часов, но мелькавшие по бокам станции и линии барьеров говорили о том, что их видно только вследствие усиления воспринимающих приборов.

Чувство движения исчезло, хотя глаза говорили о том, что полет продолжается. *Подвесная полевая система. Последнее иксианское изобретение. Для такого маленького суденышка. Где Тег ухитрился его раздобыть?*

Мне совершенно не обязательно об этом знать. Разве надо докладывать Верховной Матери, где растет каждый дуб в ее лесу?

Она заметила, что начался сенсорный контакт, и возблагодарила хитрость Айдахо.

Мы начинаем кое-что узнавать об этих Досточтимых Матронах.

Система обороны Джанкшн была ясна теперь даже без сканеров. Перекрывающиеся плоскости, как и предсказывал Тег! Зная, как расположены барьеры, Тег и его люди смогут плотно окружить планету и создать вокруг нее сферу нужного диаметра.

Конечно, это не так-то просто.

Неужели Досточтимые Матроны настолько уверены в своей силе, что пренебрегают элементарными мерами предосторожности?

Планетарная Станция Слежения Четыре отреагировала на их присутствие, когда они были на расстоянии трех часов пути.

— Назовите себя!

Одраде послышалось, что в оклике прозвучало: «Или иначе идентифицируйте себя».

Видимо, ответ пилота смутил наблюдателя.

— Вы летите в корабле контрабандистов?

Итак, они опознали его. Тег еще раз оказался прав.

— Я готов сжечь сенсорное оборудование, это даст нам дополнительное ускорение при посадке. Проследите, чтобы все были надежно пристегнуты.

Станция слежения отреагировала мгновенно.

— Почему вы увеличиваете скорость?

Одраде подалась вперед:

— Повтори сигнал и скажи, что наша группа очень устала от длительного пребывания в тесном помещении. Добавь также, что на мне находится замаскированный датчик, который немедленно сообщит моему народу о моей смерти.

Они не найдут зашифрованный передатчик. Как умно придумал Дункан. И как удивилась Белл, когда узнала, что именно он спрятал в системах корабля. «Побольше романтики!»

Пилот передал слова Одраде. Пришел ответ:

— Уменьшите скорость и придерживайтесь следующих координат для приземления. С этого момента мы поведем вас.

Пилот коснулся желтой панели на приборной доске.

— Башар предупреждал о таком маневре противника. — В голосе пилота слышалось торжество. Он откинул капюшон и повернулся лицом к пассажирам.

Одраде была потрясена.

Киборг!

Лицом оказалась металлическая маска с блестящими шарами вместо глаз.

Мы вступаем на опасную почву.

— Разве вас не предупредили? — спросил пилот. — Не стоит выражать сочувствие. Я был мертв, но это дало мне жизнь. Это Кэйрби, Верховная Мать. Если же я погибну в этот раз, то стану гхола.

Проклятие! Мы начинаем торговать с помощью монет, которые могут смести нас самих.

Слишком поздно давать сдачу. И это план Тега. Но… Кэйрби?

Лихтер приземлился с мягкостью, много говорившей о мастерстве специалистов со станции слежения. Одраде поняла, что они сели только потому, что ухоженный ландшафт, видимый в сканере, перестал двигаться. Нулевое поле отключилось, и Одраде ощутила силу тяжести. Люк впереди открылся. Воздух был приятным и теплым. Снаружи доносился шум. Дети, играющие в какую-то игру?

Багаж плавно двигался сзади. Одраде встала на краю выходного лаза люка перед низким трапом и увидела, что шум действительно производят дети. Несколько девочек постарше пятнадцати лет играли в мяч, громко крича от восторга.

Постановка в честь нашего приезда?

Одраде сочла это весьма вероятным. На поле было построено около двух тысяч молодых женщин.

Смотрите, сколько рекрутов мы выставили!

Ее никто не приветствовал, но Верховная увидела знакомую картину слева на мощеной дорожке. Это старое сооружение времен Гильдии, за последнее время к нему добавили только

вышку. Она сказала о вышке, чтобы Тег получил сообщение и внес коррективы в свой план. Однако никто, кто хотя бы один раз видел сооружения Гильдии, не мог спутать их с чем-то другим.

Итак, все здесь устроено так же, как на других планетах Объединения. Несомненно, в реестрах Гильдии у этой планеты был свой номер по каталогу и шифр. Гильдия так долго контролировала эту планету, что всякий прибывающий, как только обретал под ногами чувство почвы, тотчас узнавал дух Гильдии в окружающем ландшафте. Даже игровое поле было типичным сооружением, предназначенным для встреч навигаторов, которые прибывали сюда в своих огромных контейнерах, наполненных меланжевым газом.

Дух Гильдии: это было воплощением иксианской технологии и навигаторского дизайна — здания были расставлены вокруг летного поля так, чтобы максимально сохранять энергию. Улицы прямы, как натянутые струны. Тротуаров немного. Они были практически никому не нужны — ими пользовались только те, на кого действовала сила притяжения. У взлетной площадки никаких цветов и иных зеленых насаждений. Эти нежные растения могли погибнуть от случайной катастрофы на взлете

или при посадке. Все постройки однотонного серого цвета, не серебристого, а серого, тусклого, как кожа тлейлаксианца.

Здание слева представляло собой сооружение с многочисленными выступами — часть остроконечные, часть закругленные. Здесь, конечно, не могло быть обычных гостиниц, но это здание, видимо, предназначалось для чрезвычайно высоких персон — начальствующего состава Гильдии навигаторов.

И опять Тег оказался прав. Досточтимые Матроны оставили все в неприкосновенности, произведя минимальные изменения. Башня!

Немного подумав, Одраде напомнила себе: *это не только другой мир, но это другое общество со своей социальной спайкой.* Она знала об этом, разделив память с Мурбеллой, но не могла допустить и мысли о том, что проникла в тайну социальной организации, удерживающей монолит общества Досточтимых Матрон. Этой спайкой, конечно же, не было вожделение власти.

— Мы пойдем пешком, — сказала она и по мощеной дорожке направилась к стоявшему впереди зданию.

Прощай, Клэйрби. Взорви корабль как можно

быстрее. Пусть это будет наш первый большой сюрприз для Досточтимых Матрон.

Здание Гильдии росло в размерах и нависало над маленькой процессией по мере приближения к нему.

Самым удивительным для Одраде во всех сооружениях такого рода было то обстоятельство, что их тщательно планировали перед постройкой. Деталь, которой хотели добиться какого-то эффекта, не была видна сразу, и для того, чтобы ее обнаружить, требовалось какое-то время. Смета диктовалась соображениями экономии. Красоту приносили в жертву целесообразности, роскошь — долговечности. Это был компромисс, и как всякий компромисс, он не устраивал ни одну сторону. Контролеры Гильдии, несомненно, жаловались на дороговизну, постояльцы кляли неудобства. Это не имело никакого значения. Эта вещь была вполне осязаемой и реальной. Она была построена сейчас и должна была эксплуатироваться сегодня. Еще один компромисс.

Вестибюль оказался меньше, чем она ожидала. В типичную картину интерьера внесены незначительные изменения. В длину шесть метров и в ширину не более четырех. Окошко администратора располагалось справа. Одраде

послала Суиполь зарегистрироваться и сказать, что остальные находятся на улице, на почтительном расстоянии друг от друга, поскольку не исключаются провокации.

Дортуйла ожидала именно такого приема и не скрывала своего возмущения.

Одраде оглядела вестибюль и вслух прокомментировала его особенности. Кругом полно видеокамер, но в остальном…

Каждый раз, попадая в такие места, Одраде чувствовала себя, словно в музее. Другая Память подсказывала, что гостиницы такого типа не менялись на протяжении целых эпох. Прототипы можно было найти на заре письменной истории человечества. Налет прошлого проглядывал в канделябрах, подставках для свечей. Правда, вместо них в гнездах горели шарообразные плавающие светильники. Два таких светильника висели под потолком, имитируя идущие во всем своем великолепии на посадку космические корабли.

Были и другие свидетельства старины, которые могли ускользнуть от взгляда современного человека. Окошко администратора за решеткой, зал ожидания, лишенный элементарных удобств и нормального освещения, указатели на стенах

с обозначением размещения ресторанов, курилен, баров, плавательных бассейнов и других спортивных сооружений, комнат самомассажа и прочее в том же роде было древним, как сам мир. Только язык был современным — это единственное, что изменилось с древних времен. Если исключить знание языка, то знаки должны были быть понятными людям, жившим в докосмическую эру. Перед ними было временное пристанище на долгом пути.

Масса приспособлений для обеспечения безопасности. Некоторые из них были плодом изобретательности людей Рассеяния. Иксианцы и Гильд-навигаторы не стали бы тратить время и деньги на видеокамеры и сенсоры.

Лихорадочная суета в регистрационном зале. Роботы-слуги мельтешат с необычайной скоростью — убирают мусор, чистят пол, провожают прибывших. Впереди Суиполь к окошку регистрации подошли четыре иксианца. Одраде внимательно присмотрелась к ним. На лицах написано осознание собственной важности, но во всем облике сквозит страх.

Своим наметанным взглядом воспитанницы Бене Гессерит Одраде могла узнать иксианца всегда, какую бы маску тот ни надел. Основные

структуры их сообщества окрашивали в одинаковые тона индивидуальность каждого из них. Иксианцы испытывали религиозное преклонение перед своей наукой. Они восхищались политической системой, которая разрешала науку в определенных рамках. Это говорило о том, что невинное простодушие иксианской социальной мечты стало реальностью бюрократического централизма — новой аристократии. Они клонились к упадку, который нельзя было остановить никакими соглашениями с Досточтимыми Матронами.

Не важно, каким будет исход нашего столкновения, Икс все равно обречен на гибель. Он умирает. Свидетельство тому: ни одного значительного нового изобретения на протяжении последних нескольких столетий.

Вернулась Суиполь.

— Они просят подождать сопровождающих.

Одраде решила начать немедленно, воспользовавшись невинной с виду болтовней с Суиполь, рассчитанной на видеокамеры и на слушателей в корабле-невидимке.

— Суиполь, ты заметила иксианцев, которые высадились перед нами?

— Да, Верховная Мать.

— Хорошенько посмотри на них. Они — продукты умирающего общества. Наивно ожидать, что бюрократия сможет дать миру блистательные инновации и использовать их с благими целями. Бюрократия задает другие вопросы. Ты знаешь, какие?

— Нет, Верховная Мать. — При этом девушка внимательно и испытующе оглядела помещение.

Она все знает! Но она поняла, что я делаю. Что мы здесь имеем? Я неверно оценила эту послушницу.

— Вот их типичные вопросы, Суиполь: кто получит кредит? кто понесет наказание, если возникнут проблемы? не произойдет ли кадровых перестановок, которые будут стоить нам карьеры? не станет ли более важным какой-либо из субсидируемых департаментов?

Суиполь кивала, прекрасно поняв намек, хотя ее наигранная наивность и слишком подчеркнутая готовность слушать могли внушить некоторые подозрения наблюдателям, сидящим у видеокамер. Но ничего, это не помешает.

— Это политические вопросы, — продолжала Одраде. — Они ясно показывают, что мотивы бюрократии прямо противоположны нуждам

приспособления к изменениям. Способность к адаптации — это первое требование к способности организма к выживанию.

Настало время прямого разговора с нашими хозяевами.

Одраде подняла голову и посмотрела на один из канделябров, прямо в глазок видеокамеры.

— Посмотрите на этих иксианцев. Их «сознание детерминированной вселенной» дало свободу «сознанию неограниченной вселенной», где может произойти *все, что угодно.* Это творческая анархия, которая одна является дорогой к выживанию в этой вселенной.

— Спасибо за урок, Верховная Мать.

Будь благословенна, Суиполь.

— После всего, что они о нас узнали, у них вряд ли могут возникнуть какие-то сомнения относительно нашей верности друг другу, — сказала Суиполь.

Да хранит тебя судьба! Эта девочка созрела для испытания, но может никогда не пройти его.

Одраде оставалось только согласиться с выводом послушницы. Подчинение правилам Бене Гессерит шло изнутри, от тех деталей поведения, которые поддерживали порядок в их

собственном доме. Это был не философский, но прагматический взгляд на свободу воли. Любое заявление, которое могла бы сделать Община Сестер для прокладывания собственного пути во враждебной вселенной, покоилось на неукоснительной приверженности взаимной верности, соглашению, которое выковывалось в огне испытания Пряностью. Капитул и те немногие, кто оставался в его подчинении, были хранителями порядка, основанного на разделении забот и передаче памяти. Эта верность не была основана на невинности. Это было давно утрачено. Верность основывалась на политическом сознании и на взгляде на историю, свободном от других законов и установлений.

— Мы не машины, — сказала Одраде, оглядев автоматы, окружавшие их в вестибюле. — Мы всегда полагаемся только на личные отношения, никогда не зная, куда они могут нас завести.

Подошла Тамалейн и встала рядом с Верховной Матерью.

— Тебе не кажется, что они могли бы послать нам какое-нибудь сообщение?

— Они уже послали его, Там, приняв нас во второсортной гостинице. И я им ответила.

*В конечном итоге вы что-то **знаете** только потому, что хотите верить, что знаете.*

(Правила Дзенсунни)

Тег глубоко вздохнул. Гамму появилась точно впереди, там, где она и должна была оказаться по уверениям навигаторов, после выхода корабля из свернутого пространства. Майлс стоял рядом со Стрегги, которая внимательно следила за происходящим на дисплее командного пункта флагманского корабля.

Стрегги очень не нравилось, что Тег стоит на своих ногах, а не сидит у нее на плечах. Она чувствовала себя совершенно лишней среди всего этого воинского железа. Взгляд ее блуждал по картам диспозиции, светившимся на мониторах командного пункта. С деловым видом входили и выходили адъютанты, увешанные каким-то оружием. Все они знали, что от них требуется и зачем они здесь находятся. Стрегги могла только догадываться о задачах этих суровых людей.

Пульт, с помощью которого Тег передавал приказы, находился под его ладонью, подвешенный на специальной подвеске. Подковообразный передатчик, связывающий командующего с силами

вторжения, висел на его левом плече. Это чувство тяжести было знакомым, хотя раздражало несоответствие размеров приспособления его маленькому, детскому росту. В прежние времена такого несоответствия не было.

Никто вокруг уже не удивлялся тому, что старый башар командует ими в таком странном обличье. Команды выполнялись четко и без промедления.

Система, которую им предстояло поразить, выглядела буднично: солнце и обращающиеся вокруг него планеты. Однако Гамму не была обычной планетой. Там родился Айдахо, там прошли годы его учения, там восстанавливалась его исходная память.

Там изменился и я.

Тег не мог словами объяснить, что именно он пережил на Гамму во время борьбы за свою жизнь. Там он приобрел способность передвигаться с немыслимой скоростью, которая утомляла его плоть, там научился видеть корабли-невидимки, которые отпечатывались в его мозгу, как сгустки материи на фоне космического поля.

Он подозревал, что это дикие всходы посева генов Атрейдесов. Маркерные клетки были извест-

ны, неизвестной оставалась цель, заложенная в них. Именно с этим наследием много тысячелетий возились специалисты по селекции Бене Гессерит. Не приходилось сомневаться, что эти способности они будут рассматривать, как потенциально опасные для себя. Они, конечно, постараются воспользоваться ими, но за жизнь Тегу придется платить свободой.

Он отбросил эти невеселые раздумья.

— Высылайте завесу!

Пли!

Тег почувствовал себя в своей стихии. Планирование и подготовка закончены, по спине бежал бодрящий холодок неизбежного действия. Репетиции закончены, актеров просят на сцену. Теории высказаны, варианты тщательно просчитаны, подчиненные проинструктированы, приказы отданы. В памяти командиров атакующих подразделений Гамму была запечатлена вся до мельчайших подробностей. Командиры знали, где может понадобиться помощь диверсионных отрядов, где действиям помогут складки местности, а где у противника наиболее уязвимые места обороны. Тег особо предупредил командиров о футарах. Нельзя было исключить, что эти гуманоидные звери смогут стать союз-

никами. Повстанцы, которые помогли гхола Айдахо бежать с Гамму, утверждали, что футаров вывели специально для того, чтобы охотиться за Досточтимыми Матронами и убивать их. Судя по тому, что рассказывала Дортуйла и другие, Досточтимых Матрон можно было бы пожалеть, если бы были достойны жалости те, кто никогда не проявляет ее по отношению к другим.

Атака вступила в решающую стадию. Была установлена завеса, и тяжелые носители вышли на ударные позиции. Тег стал «орудием своего орудия». Стало трудно отличать командиров от подчиненных.

Наступила самая ответственная часть операции.

Опасаться надо лишь неизвестного. Это должен твердо знать каждый хороший командир. На войне всюду подстерегают неожиданности.

Обманные завесы приблизились к периметру обороны противника. Тег видел корабли-невидимки и сенсоры свернутого пространства Досточтимых Матрон — светящиеся точки, закружившиеся перед глазами. Тег наложил их расположение на дислокацию своих сил. Каждый приказ должен исходить из обстановки, которую они оценили вместе с другими командирами.

Каждый солдат должен знать свой маневр.

Он чувствовал облегчение от того, что Мурбелла не отправилась в эту экспедицию. Каждая Преподобная Мать способна распознать его возможное предательство, но ни одна из них ни разу не позволила себе критического замечания по поводу того, что по приказу Одраде Мурбелла осталась в безопасном тылу.

«Она — потенциальная Верховная Мать. Ее надо беречь».

Ложные цели начали взрываться в случайном порядке, покрывая периметр обороны вспышками огня. Тег подался вперед, глядя на экран проектора.

— Ясная картина!

Никакой картины не было, но слова командующего создали веру, пульс у Майлса участился, глаза блестели. Никто больше не сомневался, что их башар ясно видит слабые места в обороне противника. Рука нажимала сенсоры на панели управления, посылая корабли вперед, в пятна разрывов, за которыми были видны обломки оборонительных сооружений.

— Все верно, теперь вперед!

Курс флагмана был выбран, корабль понесся вперед, по направлению к планете. Вокруг по-

явились огненные вспышки разрывов, корабль вошел в пояс противоракетной обороны врага.

— Еще ложные цели! — скомандовал Тег.

На проекционном поле замелькали белесые облака новых взрывов.

Все внимание военных на командном пункте было приковано к дисплеям, а не к башару. *Этого не ожидал никто!* Тег, славившийся своим искусством неожиданного нападения, блестяще подтвердил свою репутацию.

— Я нахожу это до странности романтичным, — сказала вдруг Стрегги.

Романтичным? Нет в этом никакой романтики! Время романтиков ушло в прошлое, но новое еще не наступило. Планы насилия, может быть, и окружены некой романтической аурой. Это Тег был готов признать. Историки создают свою разукрашенную версию насилия. Но то, что происходит сейчас? Это время выделять адреналин! Романтика отвлекает от конкретных дел. Надо быть холодным изнутри, проведя четкую разграничительную линию между чувствами и умом.

Руки Тега автоматически нажимали сенсоры на панели управления, и в этот момент он понял, что двигало Стрегги. В смерти есть что-то первобытно-притягательное. Это момент, вырванный

из обычного размеренного миропорядка. Волнующий переход к древним племенным нравам.

Она чувствовала глухие удары сердца, звучавшие в унисон с неотвязной мыслью: «Убей! Убей! Убей!»

Стрегги видела, как в панике спасались бегством экипажи взорванных кораблей противника.

Отлично! Паника ослабляет силы врага.

— Это Барония.

Айдахо применил старое название, данное старыми Харконненами этому огромному городу из угловатых конструкций черного пластила.

— Мы приземлимся на Северной Полосе!

Слова существовали отдельно от команд, которые Тег отдавал руками.

Теперь живо!

В короткие мгновения высадки десанта корабли-невидимки становятся видимыми и уязвимыми. В сенсорах пульта сейчас сосредоточилась тяжкая ответственность за все силы вторжения.

— Это только отвлекающий маневр. Мы высадимся, нанесем урон противнику и тотчас уберемся отсюда. Настоящая цель — Джанкшн!

В памяти Тега прозвучало прощальное напутствие Одраде.

— Досточтимые Матроны должны получить беспримерный урок. Нападите на нас, и мы причиним вам страшный урон. Надавите на нас, и вы испытаете ни с чем не сравнимую боль. Они слышали о системе наказаний Бене Гессерит. Мы славимся умением наказывать. Понятно, что Королева Пауков гнусно хихикает над этим. Ты должен загнать этот смех ей в глотку!

— Покинуть корабль!

Это был самый уязвимый момент. Небо над ними было чистым, но с востока противник открыл огонь. С этим стрелки Тега могут справиться довольно легко. Тег должен был решить, не вернутся ли корабли-невидимки противника для нанесения самоубийственного удара? Разведка доносила, что из укрытий поднялись транспортные и боевые машины. Однако войска охранения уже блокировали периметр обороны.

Принесли походные видеокамеры, чтобы расширить обзор и наблюдать подробности развернувшегося сражения. Видны были сцены кровавых стычек и разрушений.

— Все чисто!

Сигнал был принят командным пунктом.

Корабль поднялся над площадкой и вновь стал невидимым. Теперь только передатчик мог рас-

крыть противнику местоположение командного пункта, но он был замаскирован реле, расположенными в завесах.

На проекторе возникло изображение древней Цитадели Харконненов. Это был прямоугольный блок поглощающего свет металла, в подвалах которого держали рабов. Элита населяла сады на крыше здания. Досточтимые Матроны вернули постройке ее прежнее назначение, сделав символом угнетения.

В поле зрения проектора появились три ударных корабля.

— Очистить крышу вот того здания! — приказал Тег. — Выметите с крыши все живое, но постарайтесь не повредить здание. — Я жду доклада! — скомандовал Тег.

С подковы на плече потекла информация. Он сбрасывал ее на вторичные носители. На экранах было видно, что его войска очищают от противника периметр обороны. Битва шла в небе и на земле в радиусе по крайней мере пятидесяти переходов. Все идет даже лучше, чем он ожидал. Значит, Досточтимые Матроны держали свои главные силы не здесь, видимо, не ожидая столь дерзкой атаки. Это обычное дело, но Тег был благодарен Айдахо за то, что тот предвидел

именно такой поворот событий.

Они ослеплены сознанием своей силы. Они полагают, что тяжелое вооружение нужно только в космосе, а на суше можно обойтись легкими подвижными соединениями. Тяжелые вооружения доставляются на землю из космоса только в случаях необходимости. Нет смысла держать их на планете, это неоправданно высокий расход энергии. Кроме того, сознание того, что в небесах полно оружия, оказывало нужный психологический эффект на угнетенное население.

Познания Айдахо в области вооружений поражали воображение.

Мы склонны обращать свой ум на то, что кажется нам знакомым. Метательное орудие — это метательное орудие, не важно, что оно минимизировано до размеров, достаточных для того, чтобы нести химическое или бактериологическое оружие.

Инновации в метательных орудиях повышают маневренность и мобильность войск. Оружие при возможности надо буквально зашивать в форму. Например, Айдахо разработал щит, который наносил противнику смертельное поражение при попадании на поверхность щита лазерного луча. Эти щиты размещались в куклах,

представлявших собой надутую форму и имитирующих для противника солдат. Эти куклы перемещались впереди боевых порядков. При попадании лазерных лучей на щиты происходил ядерный взрыв, поражавший большую площадь.

Будет ли нам так же легко на Джанкшн?

Сомнительно. В экстремальных ситуациях противник умнеет быстро.

Оборону Джанкшн они могут подготовить в течение пары дней.

И у них не возникнет никаких сомнений по поводу целесообразности применения самого варварского оружия.

Щиты доминировали в оборонительных системах Старой Империи, что диктовалось важностью слов «Великая конвенция». Уважающие себя люди никогда не применяли вовне оружие, которым без зазрения совести пользовались в своих феодальных распрях. При нарушении конвенции соседи нападали на нарушителя всей своей объединенной мощью. Более того, было еще нечто неприкосновенное — «Лицо», или, как выражались некоторые, — «Гордость».

Лицо! Мое положение в толпе равных.

Для некоторых такое сохранение «лица» было дороже самой жизни.

— Это очень дешево нам стоило, — заметила Стрегги.

Сейчас она была точь-в-точь похожа на военного аналитика из уважаемой газеты, сама не понимая, впрочем, как недалека была от истины. Она имела в виду, что они потеряли всего несколько человек, но Тег понял ее по-своему.

Очень трудно думать, что ты победил дешевым оружием, говаривал Айдахо. *Но это очень мощное оружие.*

Если твое оружие стоит лишь малую толику того, что потратил на войну твой противник, то ты получаешь в руки мощный рычаг, которым можешь опрокинуть кажущееся непреодолимым препятствие. Продли конфликт, и ты истощишь ресурсы противника. Враг будет разгромлен, потому что перестанет контролировать производство и воспроизводство рабочей силы.

— Мы можем начинать отход, — сказал Тег, отвернувшись от проектора, нажимая на соответствующий сенсор пульта. — Мне нужны данные о потерях как можно скорее... — Он осекся на полуслове, оглянувшись на неожиданную возню за своей спиной.

Мурбелла?

На всех дисплеях командного пункта появи-

лось ее изображение. В помещении раздался ее громкий голос:

— Почему ты не обращаешь внимания на донесения с периметра? — Она перешла борт корабля, на проекторе появилось изображение командира, фраза началась на полуслове:

— …приказ, я вынужден буду отклонить их просьбу.

— Повтори, — приказала Мурбелла.

На экране было видно потное лицо полевого командира с мобильной камерой. Он снова заговорил, глядя прямо в глаза Тегу:

— Повторяю: ко мне только что явились какие-то беженцы, которые просят укрыть их. Их лидер заявляет, что имеет соглашение с Общиной Сестер, согласно которому они обязаны по доброй воле исполнять его просьбы, но без приказа…

— Кто он? — спросил Тег.

— Он называет себя Раввином.

Тег взял пульт командного управления.

— Я не знаю никакого…

— Подожди! — Мурбелла снова появилась на проекторах командного пункта.

Как она это делает?

Ее голос снова заполнил командный пункт:

— Доставьте его и его людей на флагман. Бы-

стро.

Она выключила связь с периметром.

Тег был вне себя от ярости, но злость его не возымела никакого действия. Он выбрал одно из изображений Мурбеллы и уставился на нее.

— Как ты смеешь вмешиваться?

— Я вмешалась потому, что у тебя нет соответствующих данных. Раввин действует по праву. Приготовься принять его с необходимыми почестями.

— Объяснись.

— Нет! Тебе не нужно этого знать. Но я имею право принимать решения, если вижу, что ты реагируешь на обстановку неправильно.

— Этот командир находился в зоне действия диверсионных отрядов! Не важно, что…

— Но Раввин — это главное.

— Ты такая же, как Верховная Мать!

— Может быть, даже хуже. А теперь слушай меня! Доставь этих беженцев на флагман, и приготовьтесь к моему приезду.

— Это абсолютно невозможно! Оставайся там, где находишься!

— Башар! В этом требовании есть то, что должно составить предмет внимания Преподобной Матери. Он говорит, что они находятся в опас-

ности, потому что дали в свое время временный приют Преподобной Матери Луцилле. Прими их или сложи с себя командование.

— Тогда я прошу разрешения предварительно взять на борт моих людей. А потом я приму беженцев.

— Согласна. Но обращение с этими людьми должно быть вежливым.

— Понял, а теперь очисти проектор. Ты сделала меня слепым, я не ориентируюсь в обстановке. Это же глупо!

— Ты прекрасно контролируешь обстановку, башар. Пока мы разговаривали, твои люди взяли на борт другого корабля четырех футаров. Они требуют, чтобы их доставили к Дрессировщикам, но я приказала взять их под стражу. При обращении с ними соблюдайте предельную осторожность.

На экранах проекторов вновь возникли сцены боевых действий. Тег вышел на связь со своими войсками, вновь ощутив себя командиром. Неужели Мурбелла не поняла, что подорвала его авторитет? Или надо принять это как меру важности беженцев, которых он должен принять на борт?

Овладев ситуацией, Тег передал командова-

ние заместителю, на плечах Стрегги отправился знакомиться с важными беглецами с Гамму. Что в них такого важного, что Мурбелла, рискуя поражением, решила сама вмешаться в дело?

Беглецов доставили в десантный отсек, где их и нашел Тег. Люди стояли, сбившись в кучку и оцепенев от невольного страха.

Кто знает, что может скрываться за этими безобидными масками?

Раввин, которого можно было увидеть сразу, ибо он стоял отдельно под охраной офицера разведки, разговаривал с женщиной, одетой в коричневое платье. Раввин оказался маленьким, тщедушным человечком в белой кипе. Холодный свет лампы делал его очень старым на вид. Раввин говорил, и Тег услышал его слова, когда подошел ближе.

Он укорял женщину!

— Те, кто захочет возвыситься в своей гордыне, будут унижены!

Женщина, прикрывая глаза ладонью, смиренно ответила:

— Я не горжусь тем, что ношу в себе.

— И теми силами, которыми обладаешь?

Тег движением колен заставил Стрегги подойти ближе. Офицер посмотрел на Тега, но остался

стоять на месте, готовый к любой неожиданности.

Хороший парень.

Женщина склонила голову еще ниже и, прижав руку к глазам, снова заговорила:

— Разве не Бог предлагает нам знания, которые мы можем использовать в служении Ему?

— Дочь моя! — Раввин неестественно выпрямился. — Чему бы мы ни научились в служении Ему, мы никогда не совершим ничего, что могло бы сравниться с Его великими деяниями. Все, что мы называем знанием, весит не больше, чем то, что может вместить слабое сердце или одно зернышко, брошенное в борозду.

Тегу не хотелось вмешиваться. *Какая архаичная манера говорить.* Эта пара очаровала его. Остальные беженцы прислушивались к разговору с почтительным и жадным вниманием. Только офицер Тега выглядел отстраненным, сосредоточив свое внимание на поведении беженцев и время от времени подавая сигналы своим адъютантам.

Женщина, по-прежнему сохраняя полное смирение и еще ниже наклонив голову и прикрывая глаза рукой, продолжала тем не менее защищаться:

— Даже маленькое зернышко, брошенное в борозду, может дать начало новой жизни.

Раввин сурово сжал губы.

— Не может быть никакой жизни без воды и заботы, то есть без благословения.

Женщина тяжело вздохнула, но не изменила позу, выражающую подчинение.

— Равви, я слушаю и повинуюсь. Но я все же должна восславить то знание, которое ношу в себе, ибо оно содержит то же напутствие, которое вы только что произнесли.

Раввин положил руку на плечо женщины.

— Тогда передай его тому, кто желает его получить, но не попустит распространению зла.

Молчание подсказало Тегу, что диспут закончен. Он снова направил Стрегги вперед. Мурбелла шла сзади. Она кивнула Раввину, но при этом внимательно рассматривала женщину.

— Именем Бене Гессерит и нашего долга по отношению к вам я предоставляю вам убежище, — сказала Мурбелла.

Женщина опустила руку. В ладони блеснули контактные линзы. Она подняла голову. Белки глаз были синими, как у всякого, кто пережил Агонию Пряности.

Мурбелла мгновенно поняла, кто находится

перед ней. *Великая Преподобная Мать!* Такого никто не видывал с фрименских времен Дюны.

Женщина куртуазно обратилась к Мурбелле:

— Меня зовут Ребекка. Я преисполнена радости от того, что могу быть с вами. Равви считает меня глупой гусыней, но я несу золотые яйца. Во мне память Лампадас. Семь миллионов шестьсот двадцать две тысячи четырнадцать Преподобных Матерей. Они ваши по праву.

Ответы – опасная удавка для вселенной. Они могут быть понятными, но при этом ничего не объяснять.

(Бич Дзенсунни)

Ожидание обещанного эскорта затягивалось, и Одраде, которая вначале сердилась, принялась с любопытством наблюдать за роботами, заполнявшими зал ожидания. По большей части они были очень малы и нисколько не напоминали людей.

Функциональность. Вехи иксианского прогресса. Деловой аккомпанемент к временному пребыванию на Джанкшн или в любом подобном месте.

Роботы были частью обстановки, они были такой привычной деталью интерьера, что люди редко их вообще замечали. Машины не могут намеренно мешать людям, они просто перемещались по залу, деловито жужжа.

«У Досточтимых Матрон практически нет чувства юмора». Знаю, Мурбелла, знаю. Но получили ли они мое послание?

Дортуйла все поняла. Она оправилась от страха и наблюдала за древними роботами с широкой усмешкой. Там смотрела на все неодобрительно, но терпеливо молчала. Суиполь пребывала в полном восторге. Одраде едва удержала ее

от попытки разобрать один из механизмов.

Дай мне поспорить с ними, дитя. Я знаю, что они припасли для меня.

Выждав, сколько, по ее мнению, было необходимо, Одраде встала под одним из канделябров.

— Подойди ко мне, Там.

Тамалейн послушно подошла к Верховной Матери.

— Ты заметила, Там, что современные вестибюли строят очень маленькими?

Там еще раз огляделась, чтобы удостовериться в этом.

— Когда-то вестибюли были большими, — сказала Одраде. — Это должно было подчеркнуть значимость и власть хозяина дома и, конечно, внушить посетителям почтение к нему.

Тамалейн уловила смысл игры Одраде и подхватила ее мысль:

— В наше время твоя значительность определяется тем, насколько много ты путешествуешь.

Одраде взглянула на роботов, стоявших там и сям по всей площади вестибюля. Они жужжали и вздрагивали. Некоторые роботы ждали, когда можно будет приступить к уборке и наведению порядка.

Автоматический администратор, фалличе-

ского вида труба из плаза с одним глазком видеокамеры на головке, выплыл из своей клетки и приблизился к Одраде.

— Сегодня очень влажно, — заговорила машина елейным женским голосом. — О чем только думает Управление Климатом?

Одраде посмотрела на Тамалейн.

— Зачем они программируют свои машины под людей, дружески настроенных к гостям?

— Это непристойно, — согласилась Там. Она с силой отодвинула в сторону механического собеседника, который свернул в сторону, попытавшись выяснить, откуда пришло воздействие. Потом машина остановилась.

Одраде вдруг поняла, что в ее душе проснулась тень силы, которая в свое время спровоцировала Джихад Слуг. Мотивация толпы.

Это мой собственный предрассудок?

Она внимательно рассмотрела робота, стоявшего перед ней. Он ждет инструкций, или ей надо прямо обратиться к механизму?

В вестибюль вошли еще четыре робота, и Одраде заметила, что они несут багаж ее сопровождающих.

Все вещи тщательно осмотрены. В этом я уверена. Ищите, сколько хотите. Мы не возим наши

легионы в чемоданах.

Четыре автоматических носильщика вошли в вестибюль и направились к хозяевам, но путь им преградили неподвижно стоявшие роботы. Пришельцы остановились, ожидая, когда им освободят выход. Одраде улыбнулась.

— Так и проявятся наши тайные устремления.

Замыкайся и таись.

Этими словами надо было позлить наблюдателей.

Давай, Там. Ты же знаешь эти уловки. Смешай карты этого громадного пласта подсознания, возбуди в них чувство вины, которое они не смогут распознать. Озадачь их так, как я парализовала робота. Пусть они волнуются. Каковы подлинные силы этих ведьм из Бене Гессерит?

Тамалейн поняла, что от нее требуется. *Преходящие и тайные индивидуальности.* Она заговорила с видеокамерами так, как взрослые говорят с детьми.

— Что вы несете с собой, когда покидаете свое гнездо? Пытаетесь ли вы взять с собой все, что у вас есть? Или вы мудро ограничиваетесь тем, что вам необходимо?

Что наблюдатели считают необходимым? Предметы гигиены и стираемую или заменяе-

мую одежду? Оружие? Они искали именно это в нашем багаже. Но Преподобные Матери не возят с собой видимого и осязаемого оружия.

— В какое гадкое место мы попали, — сказала Дортуйла. Она подошла к Верховной Матери, намереваясь принять участие в разыгрываемом спектакле. — Они нарочно это сделали.

Ах вы гадкие шпионки! Смотрите на Дортуйлу. Вы ее помните? Почему она решила вернуться, зная, что вы можете с ней сделать? Скормить ее футарам? Посмотрите, как мало ее это беспокоит.

— Место пересадки, Дортуйла, — сказала Одраде. — Большинство людей придет в ужас, если эта дыра окажется пунктом их конечного назначения. Неудобства и дискомфорт только лишнее напоминание об этом.

— Это просто промежуточная станция, и она всегда останется такой, если они ее не перестроят, — продолжала Дортуйла.

Слышат ли они этот разговор? Одраде твердым взглядом уставилась в один из глазков видеокамеры.

Это безобразие, которое выдает намерение. Оно говорит нам: «Мы обеспечим вам кое-что для живота, для сна, место, где вы сможете

опорожнить мочевой пузырь и кишечник, место, где вы сможете удовлетворить другие мелкие потребности плоти, но вы быстро покинете это место, потому что мы хотим как можно быстрее воспользоваться энергией, которую вы здесь оставите.

Автоматический администратор объехал сзади Преподобных Матерей и попытался снова вступить в контакт с Одраде.

— Вы немедленно проводите нас в отведенные нам апартаменты, — сказала Одраде.

— Боже, мы оказались такими непредусмотрительными!

Где они нашли такой сладкий голос? Отвратительно. Но через минуту Одраде была на пути из вестибюля; впереди ехали роботы с багажом, Суиполь шла за Верховной Матерью, шествие замыкали Тамалейн и Дортуйла.

Одно из крыльев гостиницы было в состоянии полной заброшенности. Значило ли это, что движение через Джанкшн пришло в упадок? Интересно. Двери вдоль длинного коридора заколочены. Они что-то прячут? В темноте Одраде обнаружила пыль и следы салазок, на которых что-то перевозили. Скорее всего какие-то механизмы. Что-то таится за заколоченными

окнами? Вряд ли. Все это закрыто и заколочено уже давно.

Она обнаружила некоторую закономерность в том, что открылось ее глазам. В этом беспорядке была какая-то повторяемость, особый рисунок. Небольшое движение. Эффект, произведенный Досточтимыми Матронами. Кто рискнет много путешествовать, если гораздо безопаснее зарыться в землю и переждать опасное и тревожное время? Сохранились, правда, подъездные пути к элитным особнякам, но там жизнь кипела и била ключом.

Когда сюда прибудут беженцы с Гамму, им найдется, где жить.

В вестибюле робот протянул Суиполь импульсный указатель пути и направления.

— Это для того, чтобы вы не заблудились.

Звонок представлял собой синий шар, на котором виднелась желтая стрелка, указывающая выбранное направление.

Но куда мы пришли?

Еще одно место, которое было «обеспечено любой потребной роскошью», но отличалось редкой отвратительностью. Комнаты с мягкими желтыми полами, светлыми розоватыми стенами и белыми потолками. Кресел-собак нет. Надо бы-

ло бы поблагодарить хозяев, но отсутствие собак говорило больше об экономии, чем о стремлении угодить вкусам гостей. Кресла-собаки требовали постоянного ухода и обслуживающего персонала. Мебель была обита пермафлоксом. Но под тканью чувствовался обычный мягкий пластик. Цветовая гамма была не выдержана и безвкусна.

Постель заслуживала особого описания. Она вызвала у Одраде легкое потрясение. Кто-то воспринял просьбу обеспечить жесткий матрац слишком буквально. Просто гладкий кусок плаза даже без покрывала.

Суиполь, увидев это, принялась громко протестовать, но Одраде остановила ее. Несмотря на большие финансовые возможности Бене Гессерит, комфортом жертвовали без всякого сожаления. Если Верховной Матери приходится спать на куске плаза без одеяла, значит, таков ее долг. Кроме того, воспитанницы Бене Гессерит знали, как приспосабливаться к подобным неудобствам. Одраде спокойно перенесла неприятность, понимая, что если начнет сопротивляться, то нарвется на новое оскорбление.

Пусть они добавят ко всему еще и это, и сами обо всем волнуются.

Во время осмотра помещения, когда Одраде

шла по комнатам, воздерживаясь от громких комментариев, ее вызвали. Тонкий голос раздался из трубы, вмонтированной в потолок:

— Возвращайся в вестибюль, где тебя встретит эскорт, который проводит тебя к Великой Досточтимой Матроне.

— Я пойду одна, — сказала Одраде тоном, не допускающим возражений.

Одетая в зеленое платье, Досточтимая Матрона сидела на хрупком стуле в вестибюле, ожидая Одраде. Лицо женщины было каменным — лишенным всякого выражения. Дама сосала через прозрачную соломинку какой-то напиток. По соломинке поднимался ко рту тонкий пурпурный столбик какой-то жидкости. Пахло чем-то сладким. В глазах — готовность напасть. Нос — по нему, словно по склону, стекает ненависть, накопившаяся в глазах; подбородок слабый. Туго соображает. В ней есть что-то от очень древнего сложения. В этой женщине виден ребенок. Волосы: окрашены в темный, грязно-каштановый цвет. Это не важно. Важны глаза, нос и рот.

Женщина медленно поднялась, всем своим видом давая понять, что для Одраде большая честь, что ее вообще заметили.

— Великая Досточтимая Матрона согласна

принять вас.

Низкий, почти мужской голос. Гордыня этой женщины была так велика, что проступала во всем, что бы она ни делала. Досточтимая Матрона являла собой воплощенный предрассудок. Она *знала* так много вещей, что стала ходячей выставкой невежества и страха. Одраде видела в этом законченную демонстрацию слабости Досточтимых Матрон.

Пройдя по лабиринту коридоров, они оказались в длинном зале с множеством окон, сквозь которые в помещение лился яркий солнечный свет. Противоположную стену занимала консоль управления войсками; карты космоса и суши проецировались на многочисленные мерцающие экраны. Центр паутины Королевы Пауков? Одраде одолевали сомнения. Слишком явно все выставлено напоказ. Конструкция позаимствована в Рассеянии, но цель демонстрации можно определить безошибочно. Человек может управлять процессами до определенного предела. Интерфейс не может превзойти определенную степень сложности, даже если он светится желтым светом и имеет красивую овальную форму.

Одраде обвела взглядом зал. Обстановка спартанская. Несколько висячих стульев и низких

столиков, большое пространство посередине, где множество людей могут стоять, ожидая приказаний. Никакой суматохи и суеты; чисто деловой центр.

Подавить психику этих ведьм!

За окном виднелся вымощенный плитами двор и палисадник. Досточтимые Матроны стремились создать впечатление целостной картины!

Где Королева Пауков? Где ее спальня? Как выглядит ее берлога?

В сводчатый проход, ведущий в дом со двора, вошли две женщины. Обе были одеты в красные платья, украшенные блестящими арабесками, изображениями драконов и камнями су.

Одраде молчала, дожидаясь, пока сопровождавшая ее Досточтимая Матрона не представит ее вошедшим. Представление было кратким. Сопровождавшая торопливо покинула зал.

Если бы не рассказ Мурбеллы, Одраде приняла бы за начальницу более высокую из двух Досточтимых Матрон. Однако Королева Пауков не отличалась высоким ростом. Очаровательно!

Эта не захватила власть, а пробралась к ней, тщательно обходя все ловушки и трещины на своем пути. Сестры проснулись однажды утром и поняли, что обрели новую Великую Досточти-

мую Матрону. Вот она — прочно утвердившаяся в центре. Кто может возразить? Через десять минут после того, как покинешь эту женщину, ты вряд ли вспомнишь предмет возражения.

Женщины, в свою очередь, с напряженным вниманием изучали Одраде.

Очень хорошо. В данный момент все так и должно быть.

Внешность Королевы Пауков удивляла. До сего дня у Бене Гессерит не было четкого описания ее физического облика. Были только отрывочные данные, теоретические построения, основанные на фрагментарных свидетельствах. И наконец, вот она, собственной персоной. Маленькая женщина. Видневшееся из-под красной накидки трико обтягивало сухощавые мышцы. Незапоминающееся продолговатое лицо с приторно-сладкими карими глазами, в которых плясали оранжевые огоньки.

Этот маленький рост и невзрачная внешность есть источник гнева и страха, хотя она сама вряд ли осознает это в полной мере. Сейчас у нее есть всепоглощающая цель: я. Что она хочет добиться от меня?

Помощница представляла собой разительный контраст по сравнению с Королевой Пауков.

Золотистые волосы тщательно уложены в красивую прическу. Крючковатый нос, тонкие губы, на выступающих скулах туго натянутая кожа. Во взгляде яд.

Одраде снова перевела взгляд на Королеву Пауков. Этот нос трудно описать по памяти, его забудешь через две минуты после того, как перестанешь на него смотреть.

Она прямолинейна? Видимо, в какой-то мере да.

Брови такого же цвета, как соломенно-желтые волосы. Рот становился видимым только тогда, когда Королева Пауков открывала его; стоило ей закрыть рот, как губы попросту исчезали, настолько тонкими они были. Взгляду не на чем было остановиться, в лице Великой Досточтимой Матроны не было ничего примечательного, поэтому все лицо казалось смазанной маской.

— Итак, ты руководишь Бене Гессерит.

Ничем не примечательный голос. Галахский язык со странными флексиями. Это не жаргон, хотя чувствуется, что Королева Пауков охотно и часто им пользуется. Это явный лингвистический трюк, о котором предупреждала и Мурбелла.

У них есть кое-что очень близкое к Голосу.

Это не то же самое, что вы дали мне, но они могут делать многое другое, это своеобразные словесные трюки.

Словесные трюки.

— Как мне обращаться к тебе? — спросила Одраде.

— Я слышала, что вы называете меня Королевой Пауков. — В глазах заплясали рыжие сполохи.

— Здесь, в центре твоей паутины, учитывая твою огромную власть, боюсь, что мне придется признать это.

— Значит, ты заметила нашу силу.

Она тщеславна.

Первое, на что Одраде действительно обратила внимание, — это запах. Женщина буквально искупалась в очень резких ужасных духах.

Хочет скрыть запах феромонов?

Их предупредили о способности воспитанниц Бене Гессерит делать верные выводы на основании минимальных чувственных данных? Возможно. Но, может быть, она просто предпочитает эти духи. В ужасном запахе чувствовался аромат экзотических цветов. Цветы ее родины?

Королева Пауков коснулась пальцами своего неприметного подбородка.

— Можешь называть меня Дамой.

Спутница запротестовала.

— Это наш последний и самый главный враг с Миллиона Планет!

Вот, значит, что они думают о Старой Империи.

Дама подняла руку, отметая все возражения. Какой показательный жест. В глазах спутницы появилось выражение, напомнившее Одраде о Беллонде. Та же злобная наблюдательность и поиск слабого места для нанесения коварного удара.

— Большинство людей должно обращаться ко мне: «Великая Досточтимая Матрона», — сказала Дама. — Я оказываю тебе честь.

Она указала рукой на дверь.

— Мы прогуляемся по саду и поговорим с глазу на глаз.

Это было не приглашение, а приказ.

Одраде задержалась у двери, чтобы лучше рассмотреть карту, висевшую возле выхода. Черные линии на белом фоне с надписями на галахском языке. Одраде узнала названия растений, растущих в садах Джанкшн. Одраде наклонилась, чтобы прочесть надписи, Дама ждала у выхода с удивительным терпением. Да, это были ка-

кие-то странные, экзотические деревья, среди которых практически не встречались фруктовые. Гордость обладания такими растениями сквозила в вывешенной карте сада.

Выйдя с Дамой во двор, Одраде сказала:

— Я заметила, что ты сильно надушена.

Дама погрузилась в воспоминания, и в ее ответе прозвучали потаенные нотки.

Цветочный маркер ее собственных любимых кустарников. Вообразите только! Но она бывает опечалена и зла одновременно, когда думает об этом. Кроме того, она не может понять, почему я обратила на это особое внимание.

— Иначе я стану неприемлема для кустарника.

Интересный выбор залога.

Дама говорила по-галахски с небольшим акцентом, но Одраде понимала ее без затруднений, тем более что Великая Досточтимая Матрона невольно приспосабливалась к собеседнице.

У нее чуткое ухо. Всего за несколько секунд она уловила мой выговор и научилась его воспроизводить, чтобы быть более понятной для собеседника. Это старое искусство, которое усвоено громадным большинством человечества.

Те же корни, что и у защитной окраски.

Не хочет казаться чужаком.

Приспособительный механизм, встроенный в гены. Досточтимые Матроны не утратили этот признак, но он был причиной их уязвимости. Подсознание выдавало себя непроизвольными тональностями, которые невозможно подавить, а они открывают очень многое.

Несмотря на свое бьющее в глаза тщеславие, Дама была умна и способна к самодисциплине. Это открытие доставило Одраде радость. Нет необходимости прибегать в разговоре к околичностям.

Одраде остановилась рядом с Дамой у края внутреннего дворика. Стоя почти плечом к плечу с Дамой, Одраде оглядела сад и подивилась его сходству с садами Бене Гессерит.

— Говори, — потребовала Дама.

— Какую ценность я представляю для вас как заложница? — спросила Одраде.

Глаза Дамы вспыхнули оранжевым огнем!

— Я задала тебе ясный вопрос, — напомнила Одраде.

— Продолжай. — Гнев утих.

— У Общины Сестер есть три кандидатуры. Эти люди смогут заменить меня. — Одраде уставила на Даму пронзительный взгляд. — Мы можем ослабить друг друга до такой степени,

что погибнем.

— Мы можем раздавить тебя, как насекомое!

Берегись оранжевого огня в глазах!

Одраде не стала прислушиваться к голосу Другой Памяти.

— Рука, которая раздавит нас, будет поражена ядом насекомого и начнет гноиться, со временем гной пожрет весь организм.

Лучше говорить просто, без излишних подробностей.

— Это невозможно. — В глазах снова оранжевые огни.

— Вы думаете, нам неизвестно, что вы прибыли сюда, спасаясь бегством от своих врагов?

Это мой самый опасный гамбит.

Одраде увидела, что ее слова возымели действие. Хмурая гримаса была не единственной реакцией Дамы. Оранжевый огонь погас, в глазах была растерянность, лицо пылало.

Одраде кивнула, словно Дама в ответ произнесла что-то внятное.

— Мы могли бы подставить вас тем, кто охотится на вас. Загнать вас в тупик.

— Ты думаешь, мы…

— Мы знаем.

По крайней мере я теперь знаю.

Это знание воодушевляло, но одновременно вселяло страх.

Какая внешняя сила может подчинить этих женщин?

— Мы просто собираем свои силы, прежде чем…

— Прежде чем вернуться на арену, где вы будете разгромлены, где вас раздавит превосходящий по силам противник.

Голос Дамы дрогнул, она заговорила на смягченном галахском наречии, которое Одраде понимала с большим трудом:

— Значит, они были у вас и сделали свои… предложения. Какие же вы дуры, если поверили…

— Я не сказала, что мы кому-то поверили.

— Если бы эти слова услышала Логно, — Дама кивнула в сторону дома, где осталась ее спутница, — то она убила бы тебя до того, как я успела бы тебя предупредить об этом.

— Мне повезло, что мы здесь вдвоем.

— Не слишком рассчитывай на это и не заносись.

Одраде оглянулась через плечо на дом. Были видны изменения в архитектуре, сделанные в конструкциях Гильдии. Стало больше окон,

наличники отделаны редкими породами дерева и драгоценными камнями.

Демонстрация богатства.

Она сейчас имеет дело с богатством в его крайнем, агрессивном выражении. С богатством, размеры которого не поддаются никакому воображению. Дама могла получить все, что может пожелать человек, все, что могло обеспечить подчиненное ей сообщество. Она могла получить все, кроме одного: возможности вернуться в Рассеяние.

Как цепко держится Дама за фантастическую идею возможного окончания их изгнания? И что за сила вытолкнула Досточтимых Матрон обратно в пределы Старой Империи? Почему именно сюда? Одраде не посмела спросить об этом прямо.

— Мы продолжим наш разговор в моей квартире.

Наконец-то я увижу берлогу Королевы Пауков.

Логово Дамы оказалось весьма загадочным. Полы устланы роскошными коврами.

Великая Досточтимая Матрона сбросила сандалии и вошла в комнату босиком. Одраде последовала ее примеру.

Стоит посмотреть на мозоль на наружной

поверхности стоп. Это смертельное оружие, и оно поддерживается в хорошем состоянии.

Однако больше всего Одраде озадачил не мягкий пол, а сама комната. В стене было лишь одно маленькое окно, выходившее на тщательно ухоженный ботанический сад. На стенах нет никаких картин. Никаких украшений. Вентиляционная решетка отбрасывала тень на дверь, в которую они только что вошли. В правой стене видна еще одна дверь. Еще одна вентиляционная решетка. Две мягкие серые кушетки. Два маленьких прикроватных столика с блестящими черными столешницами. Был в комнате и еще один стол — больший по размерам, с золотистой крышкой, покрытой зеленоватой полировкой. Одраде увидела, что в крышку большого стола вмонтирована панель управления полями и проекторами.

Ах, так это кабинет. Мы что, собираемся работать?

Место было идеально приспособлено для сосредоточенной работы. Никаких отвлекающих факторов. Но что могло отвлечь Даму?

Где декоративные комнаты? Она должна жить по определенным стандартам, учитывая окружение и обстоятельства. Нельзя все

время прятаться за возведенными тобой ментальными барьерами, чтобы не сталкиваться в реальности с вещами, которые и без того прочно сидят в твоей психике. Если хочешь реального комфорта, то дом не должен быть агрессивным по отношению к тебе, и ни в коем случае он не должен представлять опасность для твоего подсознания. Она знает об уязвимости своего подсознания! Она действительно опасна и обладает достаточной силой, чтобы сказать: «Да».

Это был присущий Бене Гессерит взгляд, направленный в самую суть вещей. Надо искать людей, способных сказать «да». Никогда не трать время на неудачников, способных только говорить: «Нет». Ищите людей, которые могут заключить соглашение, подписать контракт, выполнить обещание. Королева Пауков нечасто говорила «да», но она обладала этой способностью и знала об этом.

Я должна была это понять, когда она отвела меня в сторону. Первый сигнал прозвучал тогда, когда она позволила мне называть ее Дамой. Не слишком ли опрометчиво я поступила, послав Тега в атаку, которую уже не могу остановить? Сейчас уже поздно передумывать. Я знала об этом, когда спустила Тега с цепи.

Правда, теперь Одраде хорошо знала главный, доминирующий паттерн психики Дамы. Слова и жесты скорее всего заставят Королеву Пауков отступить, отползти назад и, спрятавшись в себе, начать прислушиваться к голосу собственного сердца.

Драма должна развиваться по своим законам.

Дама проделала какую-то манипуляцию над зеленым полем стола. Сосредоточенно разглядывая дисплей, Дама не обращала ни малейшего внимания на Одраде, что можно было расценить как оскорбление и одновременно комплимент.

Ты не станешь мне мешать, ведьма, потому что это не в твоих интересах, и ты это хорошо знаешь. Кроме того, не такая уж ты важная птица, чтобы отвлекать меня от дел.

Тем не менее Дама казалась чем-то взволнованной.

Атака на Гамму увенчалась успехом? Начали прибывать беженцы?

В глазах Дамы заполыхал рыжий огонь.

— Твой пилот только что взорвал корабль и себя, чтобы не допустить досмотра. Что вы привезли?

— Себя.

— Ты подаешь какие-то сигналы!

— Я даю знать своим товарищам, жива я или нет. Об этом я предупреждала еще до прилета сюда. Некоторые из наших предков сжигали корабли, прежде чем броситься на врага в атаку. Это исключает отступление и бегство.

Одраде тщательно выбирала слова и тональность, стараясь предугадать реакцию Дамы.

— Если я добьюсь успеха, вы предоставите нам транспорт. Мой пилот был киборгом, и шир не мог защитить его от ваших зондов. Ему был поэтому дан четкий приказ — убить себя при угрозе захвата.

— То есть вы боялись, что он выдаст нам координаты вашей планеты. — Рыжие огоньки исчезли из глаз Дамы, но она все еще немного волновалась. — Я и не подозревала, что ваши люди до такой степени послушны.

Как вы ухитряетесь подчинять их себе без сексуальных пут, ведьмы? Разве ответ не очевиден? У нас есть секретное оружие.

Теперь прояви максимум осторожности, сказала себе Одраде. *Используй методичный подход, готовь ее к новым вопросам. Пусть она думает, что мы выбрали один способ получения ответов и продолжаем упрямо его придерживаться. Что она знает о нас? Она не знает, что даже*

Верховная Мать может быть приманкой, которую используют для получения жизненно важной информации. Но разве это делает нас элитой? И если так, то может ли элитное воспитание обучить высокой скорости реакции и обеспечить численное превосходство?

У Одраде не было ответа на эти вопросы.

Дама сидела за большим столом, не предлагая сесть Одраде. Было такое впечатление, что Дама считает комнату своим насиженным гнездом. Она редко покидает кабинет. Это настоящий центр ее сети. Все, что ей нужно, находится здесь. Она привела Одраде в эту комнату, потому что испытывает неудобство, находясь где-либо еще. В других местах Дама чувствует себя неуютно, или даже ощущает угрозу. Дама не ищет опасности. Однажды, очень давно, она сделала это. Но тот случай остался в далеком прошлом. Теперь она желала только одного — тихо и спокойно сидеть в удобном коконе и управлять другими.

Одраде находила, что эти наблюдения наилучшим образом подтверждают выводы, сделанные аналитиками Бене Гессерит. Община Сестер знает, как пользоваться такими рычагами.

— Тебе нечего больше сказать? — спросила Дама.

Тяни время.

Одраде задала контрвопрос:

— Мне очень любопытно, почему ты вообще согласилась на эту встречу?

— Почему ты так любопытна?

— Мне кажется, что такое поведение не совсем в вашем характере.

— Мы сами определяем, каким должен быть наш характер!

Как она вспыльчива!

— Но что в нас тебя заинтересовало?

— Ты полагаешь, что мы находим вас интересными?

— Может быть, вы даже находите нас удивительными, потому что так вы выглядите в наших глазах.

На лице Дамы отразилось удовольствие, впрочем, довольно мимолетное.

— Я знала, что вы очарованы нами.

— Экзотическое тянется к экзотическому, — сказала Одраде.

На лице Дамы появилась понимающая усмешка. Она вела себя так, словно ей доставил удовольствие ее любимый умный щенок. Дама встала и подошла к окну. Подозвав к себе Одраде, она показала гостье на начавшие цвести кусты

и заговорила на том мягком диалекте, который давался Верховной Матери с большим трудом.

Внутри щелкнуло обостренное чувство опасности. Это был сигнал тревоги, и Одраде погрузилась в параллельный поток сознания, стремясь уловить источник опасности. Что-то в комнате — или угроза исходит от Королевы Пауков? В поведении Дамы не было спонтанности, все, что происходило, производило впечатление заранее отрепетированного и грамотно поставленного спектакля, рассчитанного на эффект.

Кто это — Королева Пауков или за нами следит кто-то еще?

Одраде подумала над этой мыслью, быстро просеивая варианты. Вопросов возникало гораздо больше, чем ответов, что ставило Одраде в положение ментата. Ищи важные аспекты и выявляй скрытые (но упорядоченные основания). Порядок — это всегда продукт человеческой деятельности. Хаос — это сырье, из которого человек творит порядок. Таковы постулаты ментатов; нельзя сказать, что это непререкаемая истина, но зато это прекрасное средство для принятия грамотных решений. Упорядоченное собрание данных в континуальной системе.

Вот и готовая проекция.

Они упиваются хаосом! Предпочитают его порядку! Они зависимы от адреналина!

Итак, Дама — это Дама, Великая Досточтимая Матрона. Она всегда патронесса, всегда превосходит противника.

Никто не следит за нами. Но Дама воображает, что мы торгуемся, и при этом хочет создать видимость, что никогда прежде этим не занималась. Точно! Все сходится!

Дама коснулась неприметного места под окном, и стена тут же сложилась. При этом оказалось, что окно — просто искусно выполненная проекция. Открылся выход на большой балкон, выложенный темно-зеленой плиткой. С балкона были видны заросли, весьма отличающиеся от растений, изображенных на проекции окна. Здесь был сохранен первобытный хаос, дикость была здесь предоставлена самой себе. Эти заросли смотрелись потрясающим контрастом на фоне возделанных садов. Ежевика, поваленные деревья, густые кустарники. На заднем плане огород, по вспаханным грядкам продвигается уборочная машина, оставляющая за собой голую землю.

Они действительно обожают хаос!

Дама улыбнулась и повела Одраде на балкон.

Выйдя вслед за ней, Одраде невольно остано-

вилась, пораженная увиденным. Слева, возле парапета, находилось необычное украшение. Фигура человека, выполненная в натуральную величину из какого-то легкого эфирного материала. Скульптура состояла из перистых плоскостей и искривленных поверхностей.

Скосив глаза на фигуру, Одраде поняла, что художник хотел отобразить человеческое существо вообще. Не мужчина и не женщина. Плоскости и криволинейные поверхности скульптуры приходили в движение от малейшего дуновения ветра. Фигура была подвешена к изогнутой трубе на тонких, похожих на шигу, проволочках. Труба была укреплена основанием на прозрачной массивной подставке. Нижние конечности фигуры задевали при движениях основание.

Одраде как зачарованная смотрела на произведение, не в силах оторвать от него взгляд.

Почему я вспомнила о Шиане и ее «Пустоте»?

Подул ветер, и фигура словно пустилась в пляс, иногда переходя на грациозный шаг, потом медленно выполнила пируэт и сделала несколько вращательных движений вытянутой в сторону ногой.

— Эта скульптура называется «Балетный мастер», — сказала Дама. — Когда дует сильный

ветер, он бьет ногой. Иногда он бежит, красиво, как марафонец. Иногда производит безобразные движения руками, словно угрожает оружием. Но красивое и безобразное — суть одно и то же. Я думаю, что художник неправильно назвал свое произведение; его следовало бы назвать «Непознанное».

Прекрасное и безобразное — суть одно и то же. Непознанное.

В творении Шианы тоже было что-то ужасное. Одраде почувствовала, как по спине пробежала холодная волна страха.

— Кто автор?

— Не имею ни малейшего понятия. Одна из моих предшественниц привезла скульптуру с одной из сожженных нами планет. Почему это тебя интересует?

Это совершенно дикая сила, которой невозможно управлять. Но вслух она сказала другое:

— Могу предположить, что мы обе ищем основу для взаимопонимания, пытаясь найти между нами какое-то подобие.

В глазах Дамы загорелись рыжие огоньки.

— Возможно, это вы пытаетесь понять нас, но нам нет никакой нужды понимать вас.

— И мы и вы — сообщества женщин.

— Опасно думать, что мы — ваши отпрыски.

Но опыт Мурбеллы показывает, что дело обстоит именно так. Вы возникли от смешения Говорящих Рыб и Преподобных Матерей, оказавшихся в крайне затруднительном положении.

Разыграв простодушие, Одраде спросила:

— Почему это опасно?

Прозвучавший в ответ смех не был веселым. В нем была мстительность.

Одраде снова почувствовала скрытую угрозу. Для определения источника опасности требовалось нечто большее, нежели привычный для Бене Гессерит метод проб и наблюдений. Эти женщины привыкли убивать, когда их охватывал гнев. Это стало рефлексом. Дама сказала об этом, упомянув о своей помощнице, и только сейчас она показала, что у ее терпения есть границы.

Однако она пытается торговаться. Своеобразно, но пытается. Она демонстрирует свои механические чудеса, свою власть, силу и богатство. Она не предлагает союз. Ведьмы, будьте нашими послушными слугами, рабами, и мы многое простим вам. Заполучить последнюю из Миллиона Планет? Нет, конечно, не только это, но число само по себе интересно.

Проявив осторожность, Одраде попыталась

изменить подход. Преподобные Матери слишком легко впадают в приспособительные паттерны. *Я, конечно, сильно отличаюсь от тебя, но я готова немного прогнуться, чтобы достичь согласия.* Такой подход не пройдет с Досточтимыми Матронами. Они не примут ничего, если только им не предложить того, над чем они будут полновластными хозяйками. Проявлением превосходства Дамы над ее Сестрами послужил даже ее жест, которым она позволила Одраде некоторые вольности в общении с собой.

Дама заговорила своим обычным повелительным тоном.

Одраде слушала. Странно, что самым интересным среди навыков Бене Гессерит Королева Пауков считает их способность обеспечивать устойчивость к заболеваниям.

Было ли это формой нападения, которая привела их сюда?

Искренность Дамы поражала своей наивностью. Утомительные периодические проверки, не содержит ли твоя плоть каких-то тайных обитателей. Иногда Дама даже не находит нужным скрывать свое любопытство. Иногда она становится отталкивающе угрожающей. Но Бене Гессерит может положить этому конец, получив

моральное вознаграждение.

Как приятно это сознавать.

Однако тон очень мстительный. Одраде задумалась. Мстительный? Нет, не совсем то. Надо поискать что-то другое на более глубоких уровнях сознания.

Подсознательно ты жалеешь о том, что потеряешь, когда окончательно отделаешься от нас!

Это другой паттерн, и он уже оформился в стиль поведения.

Досточтимые Матроны вернулись к назойливому маньеризму.

Маньеризм, который мы оставили много столетий назад.

В этом упрямстве было упорное нежелание признать свое происхождение от Бене Гессерит. Они — отбросы, мусор.

Отбрасывай старые кадры, когда теряешь к ним интерес. Неудачники соберут этот мусор. Она больше озабочена следующим куском, который хочет пожрать, чем порчей собственного гнезда.

Порочность Досточтимых Матрон оказалась глубже, чем они подозревали. Они смертельно опасны для себя и для тех, кого они контролируют. Они не способны встретить эту опасность

лицом к лицу, поскольку считают, что они не причастны к этой опасности.

Она никогда не существовала.

Дама продолжала являть собой неразрешимый парадокс. Союз с Бене Гессерит даже не приходит ей на ум. Она может коснуться этой проблемы, но только для того, чтобы прощупать противника.

Я правильно поступила, что спустила Тега с цепи.

Из кабинета на балкон вышла Логно с подносом, на котором стояли два высоких бокала, наполненные золотистой жидкостью.

Что за злобный блеск в глазах Логно?

— Попробуй этого золотого вина, — сказала Дама, указывая на бокалы. — Оно с планеты, о которой ты никогда не слышала, но где мы собрали все необходимое для выращивания золотого винограда, из которого мы делаем это золотое вино.

Одраде была захвачена долгим пристрастием человека к драгоценному древнему напитку. Бог Бахус. Ягоды бродили на кустах или в племенных чанах.

— Оно не отравлено, — сказала Дама. — Уверяю тебя. Мы убиваем, если в этом возникает необ-

ходимость, но мы не опускаемся до подобной низости. Мы приберегаем наши смертельные угрозы для черни, но тебя я не рассматриваю как человека из толпы.

Дама рассмеялась собственному остроумию. Вымученное дружелюбие отдавало непристойностью.

Одраде взяла бокал и отхлебнула напиток.

— Эту вещь кто-то сделал для того, чтобы доставить нам радость и удовольствие, — заявила Дама, пристально глядя в глаза Одраде.

Одного глотка было достаточно. Верховная Мать сразу почувствовала в вине чужеродную примесь, достаточно было нескольких мгновений, чтобы понять, зачем она там оказалась.

Они хотят нейтрализовать действие шира.

Она немного изменила обмен веществ, чтобы нейтрализовать вещество, и громко объявила, что именно она сделала.

Дама с негодованием посмотрела на Логно.

— Так вот почему никакие добавки не срабатывают с ведьмами! А ты об этом даже не подозревала! — Гнев Великой Досточтимой Матроны обрушился на незадачливую помощницу.

— Это часть нашей иммунной системы, с помощью которой мы боремся с болезнями, — сказала

Одраде.

Дама с силой швырнула бокал на плиты, которыми был вымощен балкон, и некоторое время молчала, стараясь взять себя в руки; наконец она овладела собой. Логно медленно отступила, прикрываясь подносом, словно щитом.

Дама пробралась к власти не только благодаря хитрости. Ее Сестры считают свою Великую Досточтимую Матрону смертельно опасной. Именно так надо расценивать ее и мне.

— Кто-то дорого заплатит за даром потраченные усилия, — заявила Дама. Ее улыбку нельзя было назвать приятной.

Кто-то.

Кто-то сделал вино. Кто-то сделал пляшущую фигуру. Кто-то заплатит. Идентичность личности никогда не играет роли. Имеет значение только потребность или желание совершить возмездие. Утилитарность и раболепие.

— Не мешай мне думать, — приказала Дама. Она отошла к парапету, встала около «Непознанного» и принялась обдумывать, как продолжать торговаться с Одраде.

Верховная Мать внимательно посмотрела на Логно. Что за пристальный взгляд, которым Логно буквально вперилась в Великую Досто-

чтимую Матрону? Это не просто страх. Логно внезапно стала очень опасной. *Яд!*

Одраде была на сто процентов уверена в своей правоте. Она точно знала о яде, словно Логно вслух выкрикнула это слово.

Не я мишень Логно. Пока не я. Она воспользовалась предоставленной ей возможностью, чтобы захватить власть.

Не было никакой нужды смотреть на Даму. Момент смерти Королевы Пауков Одраде определила по лицу Логно. Повернувшись, Одраде удостоверилась в своей правоте. Дама, похожая на кучу красного тряпья, лежала под фигурой «Непознанного».

— Ты будешь называть *меня* Великой Досточтимой Матроной, — сказала Логно. — Ты научишься благодарить меня за это. Она (Логно указала рукой на то, что осталось от Дамы) хотела предать тебя и уничтожить твой народ. У меня другие планы. Я не желаю уничтожать полезное оружие в момент, когда оно нам нужнее, чем когда-либо.

Битва? Это результат чем угодно мотивированной жажды жизненного пространства.

(Башар Тег)

Мурбелла наблюдала развертывающуюся битву за Джанкшн с видом полного отчуждения, что, впрочем, не соответствовало ее истинному отношению к происходящему. Она стояла в рубке корабля-невидимки в окружении прокторов, наблюдая за сражением по экранам проекторов, фиксировавших происходящее на планете.

На Джанкшн бушевала война. Ночную сторону планеты освещали вспышки яркого света, на дневной стороне тут и там виднелись серые облака взрывов. Главные силы во главе с Тегом наступали на «Цитадель» — гигантское здание, выстроенное по заказу Гильдии и дополненное впоследствии башней у края крепости. Хотя передатчик Одраде внезапно замолчал по неизвестной причине, Мурбелла из ранее поступивших сообщений успела понять, что Великая Досточтимая Матрона окопалась именно здесь.

Необходимость наблюдать за битвой издали создавало чувство отчуждения, но Мурбелла испытывала волнение.

Интересные времена!

На корабле находился весьма ценный груз. Была получена память миллионов Сестер, погибших на Лампадас, и теперь эта память была готова к отправке в Рассеяние, размещаясь в апартаментах, которые обычно занимала Верховная Мать. Дикая Сестра со своим грузом памяти играла в данный момент главную роль во всех событиях.

Эта курица действительно снесла Золотое Яйцо!

Мурбелла подумала, что сохраненная память Других Жизней подвергается большому риску в апартаментах корабля. Надо готовиться к худшему. Недостатка в добровольцах не было, а для того, чтобы свести к минимуму угрозу, возникшую в связи с конфликтом на Джанкшн, надо много Пряности, чтобы, стимулируя передачу памяти, снизить уровень подстерегающей опасности. Все, кто находился в этот час на корабле, понимали, что Одраде ведет игру ва-банк и проигравшего ждет смерть. Все понимали непосредственную угрозу гибели и осознавали необходимость передачи памяти.

Трансформация Преподобной Матери в хранилище неисчерпаемой памяти, выполняемое очень дорогой и опасной ценой, не была больше

окружена священной аурой в глазах Мурбеллы, но она продолжала преклоняться перед чувством ответственности. Мужество Ребекки и Луциллы взывало к восхищению.

Миллионы сохраненных в памяти жизней! Эта память концентрировалась с помощью методики, основанной на геометрической прогрессии. Сестры вначале делили память двое на двое, потом четыре на четыре, потом шестнадцать на шестнадцать, и так далее до тех пор, пока вся память не была накоплена в миллионах добровольцев.

Именно этим занимались сейчас в апартаментах Верховной Матери Сестры Общины. Само понятие Другой Памяти больше не вызывало ужас у Мурбеллы, но она все же воспринимала такую память как нечто необычное. Успокаивали лишь слова Одраде:

«Как только ты привыкнешь к связям Другой Памяти, все остальное выпадет в дальнюю перспективу, все станет знакомым настолько, что тебе покажется, что ты знала это всегда».

Мурбелла узнала, что Тег был готов умереть, защищая это множественное сознание Общины Сестер Бене Гессерит.

Могу ли я согласиться на меньшее?

Тег, перестав быть загадкой, оставался все же объектом уважения. Одраде внутри усиливала это отношение, рассказывая о прежней службе Тега Майлса: *«Как я помогаю вам? Узнай».*

По командной связи Мурбелла получила ответ:

— От Одраде ни слова. Возможно, ее передатчик блокирован силовым полем.

Они понимали, кто в действительности задал этот вопрос.

Одраде говорила устами Мурбеллы.

Она снова сосредоточила свое внимание на битве за Джанкшн.

Мурбеллу удивляла ее собственная реакция на происходящее. Впечатления были окрашены давно познанной бессмыслицей всех войн, которые вело на протяжении своей истории человечество, но это удручающее впечатление сглаживалось вдохновляющим осознанием новоприобретенных способностей Бене Гессерит.

Мурбелла отметила, что Силы Досточтимых Матрон хорошо вооружены, и поглощающие тепловую энергию защитные подушки Тега несли ощутимый урон, однако кольцо вокруг Цитадели продолжало неумолимо сжиматься. Она слышала вопли раненых и умирающих, когда в ход был пущен разработанный Айдахо дезинтегратор,

проделавший просеку в зарослях деревьев и разметавший защитниц вправо и влево.

Другая Память услужливо подсовывала Мурбелле исторические параллели. Поле боя напоминало римский цирк с ареной для гладиаторского боя, на которую приземлялись корабли, высаживавшие все новых и новых бойцов.

К центру кольца! На Королеву Пауков! Действуйте дерзко и молниеносно!

Образ Одраде проявил недоумение.

Они так сплочены?

Ты мертва, Дар? Должно быть, так. Королева Пауков обвинит тебя в вероломстве и придет в ярость.

Деревья отбрасывали длинные спасительные тени на аллеи, манившие солдат Тега, но он приказал своим людям искать обходные тропы и по ним приближаться к Цитадели.

Крепость располагалась в гигантском ботаническом саду, диковинные деревья и еще более экзотические кустарники перемешивались с вполне заурядными растениями, расположенными без всякого порядка, словно игрушки, разбросанные танцующим ребенком.

Мурбелле нравилось сравнение с римским цирком. Это придавало историческую перспек-

тиву тому, что она наблюдала.

В ее ушах звучали слова вестников:

Вон там мечущиеся по арене дикие звери — невольники Досточтимых Матрон, защитники Королевы Пауков! В периметре первого кольца происходят главные события, которыми руководит мастер арены Майлс Тег! Его люди совершают мистическое чудо. Каков талант!

Это было похоже на постановку битвы в римском Колизее. Мурбелле нравилась эта аллюзия. Она делала впечатление богаче.

Башни крепости, у бойниц которой закованные в латы воины. Они вступают в бой. В небо врезаются языки пламени. Со стен падают тела.

Но это были настоящие тела, настоящая боль, настоящая смерть. Чувствительность Бене Гессерит заставляла Мурбеллу испытывать сожаление при виде этих бессмысленных потерь.

Именно этот ужас пережили мои родители, попавшие под зачистку?

Метафоры Другой Памяти исчезли. Она увидела Джанкшн глазами Тега. Кровавое насилие, знакомое по памяти, но все равно незнакомое и новое. Она видела наступающие цепи, слышала крики бегущих вперед солдат.

Раздался полный ужаса женский крик:

— Этот куст говорит человеческим голосом!

Еще один голос, на этот раз мужской:

— Никто не знает, откуда это сыплется! Эта липучая дрянь прожигает кожу.

Мурбелла слышала, что главный бой завязался на противоположной стороне периметра Цитадели, но в расположении Тега царило зловещее спокойствие. Мурбелла видела, как его воины продвигаются в тени странных растений, приближаясь к башне. Вот и Тег на плечах Стрегги. Он поднял глаза, чтобы рассмотреть фасад здания, расположенный на расстоянии одного броска впереди. Мурбелла настроила проектор, чтобы посмотреть, куда направлен взгляд Тега. За окнами Цитадели ей почудилось какое-то движение.

Применят ли Досточтимые Матроны оружие отчаяния, которым, как говорят, они владеют?

Что будет делать Тег?

Тег потерял свой командирский экипаж, сожженный лазерным лучом. Машина лежала рядом на боку, а сам Тег пересел на плечи Стрегги, чтобы осмотреть кустарник, который еще дымился. Вместе с машиной Тег потерял пульт управления, но с ним осталось его наплечное устройство связи, которое, правда, довольно

плохо работало без усилителя, разбитого вместе с экипажем. Связисты ползли рядом, явно нервничая, поскольку утратили контакт с действующими войсками.

Шум битвы, скрытой за окрестными зданиями, становился все громче. Тег слышал хриплые крики, шипение огнеметов, смешанное со свистом лазерных лучей и пуль легкого стрелкового оружия. Рядом, справа, раздался скрежет. Тег понял, что это трещат оборонительные сооружения. Вышла из строя силовая установка, в нос ударил горячий дух расплавленного искореженного металла.

К Тегу подлетел его личный адъютант Хакер.

Стрегги увидела его первой и повернулась лицом к адъютанту. Хакер, высокий темноволосый мускулистый мужчина с лохматыми бровями, встал перед Тегом и заговорил, не успев перевести дыхание:

— Мы тратим последний боезапас, башар.

Он возвысил голос, стараясь перекричать грохот боя, в микрофоне, прикрепленном к плечу адъютанта, раздавалась быстрая речь офицеров, докладывавших обстановку.

— Что с дальним периметром? — спросил Тег.

— Мы возьмем его в течение ближайшего полу-

часа. Вам надо уходить отсюда, башар. Верховная Мать приказала нам беречь вас от ненужной опасности.

Тег указал рукой на разбитую машину.

— Почему у меня нет средств связи?

— Они сожгли обе запасные установки одним выстрелом из лазерной пушки.

— Установки перевозились вместе?!

Хакер уловил гнев в тоне командира.

— Сэр, они…

— Нельзя перевозить важные вещи вместе, это закон войны. Я хочу знать, кто нарушил приказ. — В детском голосе было больше угрозы, чем в хриплом крике.

— Слушаюсь, башар. — Не было никаких признаков, что ошибку допустил сам Хакер.

Проклятие!

— Как скоро прибудет замена?

— Через пять минут.

— Доставьте сюда мою резервную машину как можно быстрее, — распорядился Тег и тронул коленом шею Стрегги.

Прежде чем она повернулась, адъютант торопливо выпалил:

— Башар, я отдал вашу машину наступающим, мы доставим вам другую.

Тег с трудом удержал вздох. На войне случается всякое, но он страшно не любил зависеть от примитивных средств связи.

— Мы расположимся здесь. Обеспечьте побольше полевых станций связи, у них по крайней мере нормальный диапазон.

Хакер окинул взглядом заросли кустарников.

— Здесь?

— Мне не нравятся эти здания впереди. Башня господствует над местностью, а попасть туда наверняка можно по подземным коммуникациям. Надо чтобы план скорректировали согласно последним данным.

Ожила станция связи на плече адъютанта:

— Башар! Где башар?

Стрегги без приказа подошла к Хакеру. Тег схватил станцию.

— Башар, на взлетной площадке складывается тяжелая обстановка. Около сотни солдат противника попытались прорвать нашу оборону. Погибли все.

— Видели ли вы Верховную Мать или Королеву Пауков?

— Нет. Ничего не могу сказать. Здесь творится что-то невообразимое. Показать вам картинку?

— Дайте мне волну. Ищите Одраде!

— Здесь никто не выжил, башар, говорю вам, — раздался щелчок, потом до ушей башара донеслось тихое жужжание, сменившееся другим голосом: — Сообщение.

Тег опустил ко рту микрофон и начал отдавать приказы:

— Поднимите в воздух ударный корабль и направьте его на Цитадель. Снимите картину на взлетной площадке и покажите ее на экранах. На всех волнах. Пусть они это увидят. Объявите, что на площадке не уцелел никто из них.

Двойной щелчок подтвердил прием.

— Вы думаете, вам удастся устрашить их?

— Я хочу научить их. — Он повторил слова Одраде, сказанные ею на прощание. — Печально, но никто никогда не занимался образованием Досточтимых Матрон.

Что случилось с Одраде? Он был уверен, что она мертва, вероятно, она погибла здесь одной из первых. Она ждала такого исхода. Она мертва, но не все потеряно, если Мурбелла сумеет обуздать свою импульсивность.

Одраде же в этот момент прекрасно видела Тега. Логно заглушила передатчик Одраде силовым полем и препроводила Одраде в башню сразу же по прибытии на Джанкшн первых беженцев

с Гамму. Никто не оспаривал первенства Логно. Мертвая и живая Великие Досточтимые Матроны были равно известны и знакомы.

Одраде ждала, что могут убить с минуты на минуту, но все равно собирала данные, даже входя под конвоем в шахту антигравитационного лифта. Шахту эту изобрели явно в Рассеянии. Прозрачный поршень в прозрачном цилиндре. На этажах, которые они проезжали, было очень немного монолитных непрозрачных стен. Большая часть оборудования и предметов, которые замечала Одраде, имели военное назначение. Удобства и комфорт становились все больше по мере подъема.

Власть карабкается вверх и физически, и психологически.

Наконец они добрались до самого верха. Секция цилиндра отодвинулась в сторону, и охранник грубо вытолкнул Одраде в коридор, устланный толстым мягким ковром.

Рабочий кабинет, который показывала мне Дама, был бутафорским.

Одраде оценила умение хранить секреты. Размещенное здесь оборудование и установки были недосягаемы для разведки, и о них никто бы не узнал, если бы не сведения, полученные

от Мурбеллы. Итак, все остальные центры служили для отвлечения внимания. Потемкинские деревни, построенные для Преподобных Матерей.

Логно лгала относительно целей Дамы. Она хотела отпустить меня невредимой, но… без полезной информации.

Какую еще ложь они приготовили для нее?

Логно и все охранницы, кроме одной, направились к консоли управления, расположенной справа. Повернувшись на одной ноге, Одраде огляделась. Вот где расположен реальный центр управления. Она внимательно присмотрелась. Странное место. Забота о гигиене. Запах дезинфицирующих веществ. Никакого бактериального или вирусного загрязнения. Никаких окровавленных чужеземцев. Все было продезинфицировано, как консервная банка для редкого мяса. Дама проявляла явный интерес к способности Сестер Бене Гессерит противостоять инфекционным болезням. Стало быть, в Рассеянии ведется бактериологическая война.

Они хотели от меня только одного!

Их бы вполне устроила одна-единственная Преподобная Мать, от которой они смогли бы получить нужную информацию.

Полноценная бригада специалистов Бене Гессерит должна обследовать эту паутину и проследить, куда ведут ее нити.

Если мы победим.

Контрольная панель была меньше витрины и управлялась сенсорами. Над столом Логно установлен прозрачный кожух, под которым были видны пучки зондов.

Для верности они изготовлены из шиги.

Под кожухом были видны зонды, которые были похожи на Т-зонды, описанные Тегом и другими. Есть ли у этих женщин еще какие-нибудь технологические чудеса? Видимо, да.

За спиной Логно блестящая стена с окнами, из которых открывается панорама Джанкшн, видно передвижение войск и техники. Она узнала Тега, сидящего на плечах взрослого, но не подала виду, что заметила что-то важное, продолжая неспешно оглядывать помещение. Слева виден выход к другому прозрачному лифту. Там пол выложен зеленой плиткой. Видимо, у второго лифта какое-то иное назначение.

За стеной раздался страшный шум. Одраде узнала звук. Топот солдатских ботинок, шелест экзотической ткани. Голоса. Она различила акцент Досточтимых Матрон, которые, разго-

варивая друг с другом, не могли скрыть своего потрясения.

Мы побеждаем!

Следовало ожидать потрясения от людей, которые, считая себя непобедимыми, вдруг осознали свое поражение. Она внимательно посмотрела на Логно. Охватит ли ее отчаяние?

Если да, то у меня есть шанс остаться в живых.

Роль Мурбеллы может измениться. Ладно, это может подождать. Сестры хорошо проинструктированы на случай победы. Никто из солдат атакующих цепей не должен коснуться Досточтимых Матрон, ни с эротическими целями, ни с какими другими. Дункан приготовил мужчин, знающих опасность сексуального пленения.

Нельзя рисковать сексуальным рабством. Нельзя возбуждать новый антагонизм.

Новая Королева Пауков повела себя более чем странно, на взгляд Одраде. Логно отошла от консоли и приблизилась к Одраде на несколько шагов.

— Вы выиграли эту битву. Мы — ваши пленницы.

В глазах нет знакомых оранжевых огней. Одра-

де обвела взглядом женщин, окружавших Логно. Пустые взгляды, ясные, прозрачные глаза. Неужели они так выражают свое отчаяние? Это было неправильно. Логно и другие должны были продемонстрировать хоть какой-то эмоциональный ответ.

Все спрятано под глухим покровом?

События последних нескольких часов должны были спровоцировать эмоциональный кризис. Но на лице Логно не было никаких признаков потрясения. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Возможно, была некоторая озабоченность, и все.

Маска Бене Гессерит!

Это должно быть что-то подсознательное, что-то автоматическое, что-то включенное в душе поражением. Следовательно, они не признали своего поражения.

Мы все еще здесь с ними. Негласно, но мы здесь. Нет ничего удивительного, что Мурбелла едва не умерла. Ей пришлось столкнуться со своим генетическим прошлым как с высшим запретом.

— Мои спутницы, — сказала Одраде, — три женщины, которые прибыли со мной. Где они?

— Мертвы. — Голос такой же мертвый, как и слово, которое она произнесла.

Одраде с трудом подавила стон, настолько жаль

было ей Суиполь. Тамалейн и Дортуйла прожили долгую и полезную жизнь, но Суиполь… она не смогла даже разделить ни с кем свою память.

Потеряна еще одна хорошая Сестра. Разве это не горький урок?

— Я найду ответственных за это убийство, если вы хотите отплатить за него, — произнесла Логно.

Урок номер два.

— Месть — для детей и умственно неполноценных.

В глазах Логно на мгновение вспыхнули рыжие огоньки.

Одраде напомнила себе, что человеческий самообман выступает в разных формах. Зная, что в Рассеянии происходят неожиданные вещи, она вооружила себя защитной отчужденностью, отстранившись от событий, что позволило ей освободить в сознании место для новых впечатлений, новых мест и новых людей. Она понимала, что ей предстоит разложить свои впечатления, классифицировать их по различным категориям, чтобы защитить себя и отвести надвигающуюся угрозу. Отношение Логно Одраде восприняла как угрозу.

— Вы не выглядите очень обеспокоенной, Ве-

ликая Досточтимая Матрона.

— За меня отомстят другие. — Ответ прозвучал буднично и с полным самообладанием.

Эти слова показались Одраде еще более странными, чем собранность Логно. Она прятала свои чувства под непроницаемым покровом, но фрагменты ее возбуждения и нервозности прорывались наружу, что не могло укрыться от проницательного взгляда Одраде. В душе Логно что-то происходило, но эти движения были глубоко спрятаны. Все было внутри, под маской, подобной маске Бене Гессерит. По-видимому, Логно признала потерю власти, но вела себя так, словно ничего не изменилось.

Я — твоя пленница, но это ничего не меняет.

Она действительно потеряла власть и силу? *Нет!* Но она очень хотела произвести такое впечатление, и окружающие ее Досточтимые Матроны изо всех сил поддерживают Логно в ее усилиях.

«Видите нас? Мы лишены власти, но у нас осталась верность Сестер и тех наших последователей, которых мы смогли привязать к себе».

Неужели Досточтимые Матроны настолько уверены в верности своих горящих местью легионов? Возможно, но только в том случае, если это

первое их поражение. Но ведь кто-то вытеснил их в пределы Старой Империи, в окрестности Миллиона Планет.

Тег нашел Одраде и ее *пленниц* в поисках места, где можно было оценить плоды победы. Битва всегда требует осмысления после ее окончания, особенно если командовал войсками ментат. А эта последняя битва требовала осмысления в большей степени, чем все сражения, которые он провел в прошлом. Этот конфликт нельзя было отложить в кладовую памяти прежде, чем оценишь ее и обсудишь с подчиненными, чтобы сделать необходимые выводы. Таково было его непреложное правило, и он неукоснительно его придерживался, невзирая на то, что могут сказать по этому поводу его недруги. Нарушь этот полезный обычай, и ты неизбежно обречешь себя на скорое поражение.

Мне нужно тихое место, где я мог бы перебрать нити, которые связывали эпизоды сражений, и сделать предварительные выводы.

По его мнению, битву надо было вести так, чтобы в минимальной степени пробудить в участниках дикость и варварство. Это был постулат Бене Гессерит. Битвы ведутся для того, чтобы выявить лучшие качества тех, кто останется в живых.

Иногда это бывает трудно или почти невозможно. Чем дальше находится солдат от поля сражения, от кровавой резни, тем труднее поставленная задача. Именно по этой причине Тег всегда стремился лично присутствовать на самых тяжелых участках. Если ты не видел боль, то можешь причинить еще большие страдания, нисколько не раздумывая об их последствиях. Таков был стиль поведения Досточтимых Матрон. Но их боль обрушилась наконец на них самих. Какие выводы они сделают из своего поражения?

Именно эти мысли обуревали Тега, когда он в сопровождении своих адъютантов появился в помещении, где находились Одраде и Досточтимые Матроны.

— Это наш командир, башар Майлс Тег, — сказала Одраде.

Досточтимые Матроны во все глаза уставились на Тега.

Ребенок, сидящий на плечах взрослого? Это и есть их командир?

— Гхола, — пробормотала Логно.

Одраде обратилась к Хакеру:

— Отведи этих пленниц в такое место, где им было бы удобно.

Хакер не двинулся с места, пока не получил

подтверждения приказа от башара, который дал его кивком головы. После этого Хакер вежливым жестом предложил женщинам следовать в выложенную зеленой плиткой часть зала. Тег не утратил своего превосходства и в присутствии Досточтимых Матрон. Они склонились перед ним и подчинились Хакеру.

Мужчины, которые распоряжаются женщинами!

Тег тронул коленом шею Стрегги, и они с Одраде вышли на балкон. В сцене, открывшейся его глазам, было нечто странное. Тег привык обозревать поле боя сверху, обычно с орнитоптера. Этот балкон был так подвешен в пространстве, что создавалась полная иллюзия полета. Под балконом был ботанический сад, в котором происходили самые жаркие схватки. Внизу лежали, распростершись, множество тел, похожих на кукол, брошенных здесь капризным ребенком. По форме он узнавал своих солдат, и сердце его преисполнилось скорби.

Мог ли я не допустить этого?

Ему было хорошо знакомо это чувство. Он называл его «виной командира». Но раскинувшаяся внизу сцена не была похожа на другие подобные, она была уникальна, но не так, как другие поля

битвы, и это угнетало Тега. Он решил, что частично восприятие обусловлено необычным расположением балкона и видом мирного сада, в котором отвратительным диссонансом смотрелись свидетельства кровавой резни.

В сад постепенно возвращались мелкие зверьки и птички, потревоженные боем. Маленькие пушистые зверьки с длинными хвостами обнюхивали трупы и без всякой видимой причины в панике залезали на деревья. Пестрые птицы осматривали сцену сквозь листву, а когда они пролетали под деревьями, становилось заметно, что листва маскирует их от посторонних глаз. Пернатые оживляли сцену, внося в нее беспокойство, которое люди, как правило, ошибочно принимают за полное умиротворение природы. Но Тега нельзя было ввести в заблуждение, он вырос среди дикой природы. Он жил по соседству с лесами и часто встречался с дикими животными, прекрасно зная, что лесная жизнь далека от спокойствия.

Сделав это наблюдение, он понял, что тревожит его сознание. Учитывая, что им пришлось атаковать сильного и хорошо вооруженного противника, потери были неожиданно малы. Он не мог объяснить этого, пока не вошел

в Цитадель. Были ли враги застигнуты врасплох? Их потери в космосе имели только одно объяснение — способность Тега видеть корабли-невидимки. Но здесь, за крепкими стенами Цитадели, Досточтимые Матроны могли обороняться намного дольше и гораздо эффективнее, причиняя наступающим колоссальные потери. Но Досточтимые Матроны прекратили сопротивление резко и неожиданно, и объяснения такого поведения противника у Тега не было.

Я ошибся, когда предположил, что они как-то продемонстрируют свое отношение к постигшей их катастрофе.

Он взглянул на Одраде:

— Эта Великая Досточтимая Матрона отдала своим войскам приказ прекратить сопротивление?

— Я могла это допустить.

Осторожный и обтекаемый ответ. Типичный для Сестры Бене Гессерит. Одраде тоже осматривала сцену поля боя с величайшим вниманием.

Могло ли ее допущение служить достаточным объяснением внезапного прекращения сопротивления?

Почему они это сделали? Чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие?

Принимая во внимание жестокость Досточтимых Матрон, такое объяснение представлялось маловероятным. Решение было принято совсем по другим причинам.

Западня?

Теперь, когда все эти мысли пришли Тегу в голову, он с обостренным вниманием снова осмотрел сцену внизу. Нет обычных в таких случаях стонов раненых, криков о помощи; никто не зовет санитаров с носилками. Среди тел ходят врачи, но они не подняли ни одного раненого.

Все мертвы? Нет ни одного раненого?

Тега охватил страх. Страх во время битвы объясним, но с ним Тег давно научился бороться. Что-то здесь было не так. Он с необычайной силой ощутил запахи, звуки, картины сцены. Он на секунду стал хищным зверем, который прекрасно знает свои владения и чувствует, что в них вторгся какой-то чужак, которого пока не видно, но которого надо обнаружить, чтобы не превратиться из охотника в добычу. Он снова и снова всматривался в тела убитых, пытаясь осмыслить то, что внушало ему липкий, непривычный страх, страх перед неизвестным. Что насторожило его в сцене поля битвы?

Стрегги задрожала, волнение Тега передалось

и ей.

— Здесь что-то не так, — вдруг проговорила Одраде.

Тег толкнул Верховную, приказывая ей замолчать. Даже в этой башне, окруженной его победоносным войском, он чувствовал угрозу, которую никак не могли обнаружить его обостренные до предела чувства.

Опасность!

В этом он был уверен. Неизвестность угнетала его. Потребовалось все его искусство, вся тренировка, чтобы не потерять голову и не проявлять излишнюю нервозность.

Заставив Стрегги повернуться, Тег отдал приказ адъютанту, стоявшему у балконной двери. Адъютант спокойно выслушал приказ и бросился его выполнять. Надо немедленно доставить сюда списки потерь. Как много раненых в сравнении с числом убитых? Подробный рапорт о захваченном оружии. Быстро!

Вернувшись к осмотру поля боя, Тег заметил еще одну несуразность, которую его глаза вначале отказывались воспринимать. На павших солдатах в форме Бене Гессерит было очень мало крови. На убитых, как на любом человеческом существе, получившем травму, должна просту-

пить кровь. Когда кровь вытекает, она алая, но, сворачиваясь, темнеет. Но как бы то ни было, тот, кто видел кровь, никогда не спутает ее ни с чем другим. Тег не знал случая, чтобы убитые не были испачканы собственной кровью. Это было непонятно, а потому внушало большую тревогу и говорило об опасности.

Тег тихо обратился к Одраде:

— У них есть оружие, о котором мы ничего не знаем.

Не спеши открывать свои суждения. Будучи до поры скрытыми, они часто более действенны и способны породить реакции, которые осознаются объектом, когда поздно что-либо предпринимать.

(Бене Гессерит. Советы ученицам)

Шиана чувствовала запах червей на расстоянии. Тонкий аромат корицы, характерный для меланжи, смешанный с горьким запахом кремня и серы, которым были пропитаны усеянные хрустальными зубами адские пасти гигантских пожирателей песка ракийских пустынь. Однако здесь Шиана чувствовала присутствие потомков тех легендарных червей только потому, что их было несметное количество.

Они так малы.

Сегодня на Наблюдательной вышке пустыни было очень жарко, и теперь Шиана наслаждалась искусственной прохладой помещения. Температура была вполне приемлемой, хотя окна, выходящие на запад, были открыты. Она подошла к окну и стала смотреть на сверкающий в лучах вечернего солнца песок.

Память подсказывала ей, каким будет этот вид ночью. Холодный и яркий в сухом прозрачном воздухе свет звезд, скупо освещающий рябь песка,

уходящую к волнистому горизонту. Она вспомнила луны Ракиса, и ее охватила ностальгия. Одни звезды не могли насытить ее наследственную фрименскую память.

Она думала о Ракисе как об убежище; там будет у нее время подумать о том, что случилось с Общиной Сестер.

Чаны с аксолотлями, киборги, а теперь еще и это.

План Одраде не был тайной для Шианы с тех пор, как они разделили память. Азартная игра? Что, если игра увенчается успехом?

Мы узнаем об этом завтра, и какими мы станем после этого?

Она признавала, что Пустыня притягивает ее не только как место, где можно обдумать возможные последствия. Сегодня она ходила по выжженному солнцем песку, доказывая себе, что все еще обладает способностью вызывать червей своим танцем, эмоциями, выраженными движением.

Танец Умиротворения.

Она кружилась в танце, словно одержимый дервиш, пока ее не охватил голод. Маленькие черви лежали вокруг, разинув свои пасти, в которых горел неугасимый адский пламень, преломляв-

шийся в хрустальных зубах.

Но почему они так малы?

Слова ученых объясняли, но не приносили удовлетворения. «Они малы из-за повышенной влажности».

Шиана вспомнила Великого Шаи-Хулуда, «старика Пустыни», который был так огромен, что мог свободно проглотить средних размеров фабрику по производству Пряности. Его кольца были тверды, как пластрет. Хозяин своего владения. Бог и дьявол Пустыни. Вид из окна придавал ей силы.

Почему Тиран выбрал симбиоз именно с телом червя?

Несут ли эти карликовые черви частицы вечного сна Тирана?

Эту Пустыню населяли песчаные форели. Сделай из них себе новую кожу, и ты сможешь последовать по пути Тирана.

Метаморфоз. Расщепленный Бог.

Она осознавала, насколько велик соблазн.

Осмелюсь ли я?

Она вспомнила последние дни своего невежества. Сколько ей тогда было? Около восьми лет, и было это в месяце Игат на Дюне.

Не на Ракисе, на Дюне, как называли эту пла-

нету мои предки.

Нетрудно вспомнить, какой она была тогда. Стройная загорелая до черноты девчонка с выгоревшими на солнце волосами. Она бегала в Пустыню за меланжей (это было поручение взрослых) вместе со своими друзьями и сверстниками. Как дорога была ей сейчас эта память.

Но у памяти была и своя темная сторона. Сосредоточившись, она уловила резкий запах: масса предпряности!

Выброс!

Взрыв Пряности предвещал появление Шайтана. Ни один песчаный червь не мог спокойно отнестись к взрыву Пряности на своей территории.

Ты пожрал все, Тиран. Все эти лачуги и хибарки, которые мы называли своим домом, ты погубил всех моих друзей и наши семьи. Почему ты пощадил меня?

Какая ярость сотрясала тогда тельце маленькой девочки. Все, что она любила, было сожрано и сожжено адским пламенем, а это гигантское чудовище отказалось принести ее в жертву себе и доставило ракийским жрецам, а потом отдало в руки Бене Гессерит.

Она говорит с ним, и он щадит ее.

— Я не смогла сохранить тех, кто сохранил меня, — сказала она Одраде.

И вот теперь Одраде знает, что я должна сделать. *Ты не можешь подавить дикую природу, Дар. Я могу называть тебя Дар, потому что теперь ты живешь во мне.*

Но ответа не было.

Есть ли в каждом новом песчаном черве жемчужина сознания Лето Второго? Фрименские предки утверждали, что это так.

Кто-то принес ей сандвич. Валли, старшая послушница, надзирающая за порядком на Наблюдательной вышке.

Это было сделано по моему настоянию, когда Одраде ввела меня в Совет, но не только потому, что Валли изучила мою способность противостоять сексуальным уловкам Досточтимых Матрон. И не только потому, что она хорошо знает мои вкусы и привязанности. Мы говорим на одном тайном языке, Валли и я.

Большие глаза Валли не смотрели теперь постоянно куда-то внутрь себя. Теперь в ее глазах был виден барьер, воздвигнутый на пути испытующих посторонних взглядов. Белки глаз стали уже голубоватыми, этот цвет станет интенсивно-синим, когда Валли переживет агонию испытания

Пряностью. Она почти альбинос и представляет сомнительную ценность для скрещивания. Кожа Валли подтверждала предположение: она была очень светлой и покрыта веснушками. Прозрачная кожа. Невольно обращаешь внимание не на кожу, а на то, что лежит под ней: розовая, пронизанная кровеносными сосудами плоть, беззащитная против пустынного солнца. Только здесь, в спасительной тени помещения, могла Валли подставить свою кожу чужим взглядам.

Почему именно она распоряжается здесь нами?

Потому что я больше всех доверяю ей в том, что должно быть сделано.

Шиана рассеянно проглотила сандвич, продолжая неотрывно смотреть на песок. В один прекрасный день такой станет вся планета. Другая Дюна? Нет, похожая, но другая. Сколько таких мест мы сотворим в бесконечной вселенной? Бессмысленный вопрос.

Вдали, на горизонте, появилась черная точка. Шиана прищурилась. Орнитоптер. Он становился то больше, то меньше, совершая, видимо, инспекционный полет.

Что мы создаем здесь на самом деле?

Взглянув на изогнутые хребты дюн, она внезап-

но ощутила хубрис.

Смотри на дело моих рук, ничтожный человек, и оставь всякую надежду.

Но мы сделали это, мои Сестры и я.

В самом деле?

— Я чувствую в воздухе какую-то новую сухость, — сказала Валли.

Шиана согласилась. Нет никакой необходимости говорить на эту тему. Она подошла к большому рабочему столу, чтобы, пользуясь ежедневным светом, изучить карты, разложенные на столе. В карту были воткнуты флажки, между которыми Шиана сама натянула зеленую нитку.

Однажды Одраде спросила:

— Это и в самом деле лучше, чем проекция?

— Мне надо, чтобы я могла дотронуться до карты.

Тогда Одраде согласилась с ней.

Проектор был скучен, слишком далек от земли и реальности. Нельзя ткнуть в проекцию пальцем и сказать: «Мы пойдем вот сюда». Ткнуть пальцем в проекцию, все равно что ткнуть пальцем в воздух.

Одних глаз недостаточно. Мир надо ощущать телом.

В нос Шиане ударил запах мужского пота. Она подняла глаза и увидела высокого темноволосого молодого человека, стоявшего в дверях. У него был надменный взгляд и поза.

— О, — сказал он, — Валли, я думал, ты одна. Но я зайду попозже.

Бросив взгляд на Шиану, молодой человек вышел.

Тело должно ощущать многое, чтобы познавать.

— Шиана, почему ты здесь?

Что ты ищешь здесь, ты, которая должна заседать в Совете? Ты не доверяешь мне?

— Я приехала подумать, что хочет от меня Миссия. Они видят оружие — миф Дюны. Миллиарды людей молятся на меня. «Святая, которая говорит с самим Разделенным Богом!»

— Миллиарды — это заниженное число, — сказала Валли.

— Но это мера силы, которую видит во мне Община Сестер. Те, кто поклоняются мне, думают, что я умерла вместе с Дюной. Я стала духом в пантеоне угнетенных.

— Больше, чем миссионером?

— Что может случиться, Валли, если я вдруг появлюсь перед людьми в сопровождении чер-

вя? Возможность такого исхода наполняет душу многих Сестер надеждой и нехорошими предчувствиями.

— Я понимаю эти нехорошие предчувствия.

Действительно. Уж очень легко набросили Муад'Диб и его сын Тиран религиозную удавку на ничего не подозревающее человечество.

— Но почему они, невзирая на это, все равно рассчитывают на это?

— Ты представляешь, какой мощный рычаг они получат в свое распоряжение, если используют меня как средство? Да они сдвинут с места всю вселенную!

— Но как они смогут управлять такой силой?

— Вот это проблема. Это ведь нечто, чему изначально присуща внутренняя нестабильность. Религию практически никогда нельзя реально контролировать. Но некоторые Сестры думают, что могут прицельно создать религию, центром которой буду являться я.

— Но что, если эта цель окажется ошибочной?

— Они утверждают, что культ женщины всегда проникает глубже.

— Это правда? — Для Валли Шиана была непререкаемым авторитетом.

Шиана только кивнула в ответ. Другая Память

подтверждала это мнение.

— Почему?

— Потому что именно мы — инструмент обновления самой жизни.

— И все? — В голосе прозвучало нескрываемое сомнение.

— Женщина несет ауру подчиненности. Люди же испытывают сочувствие к тем, кто находится внизу. Я — женщина, и если Досточтимые Матроны хотят меня убить, то я должна быть канонизирована.

— Ты говоришь так, словно во всем соглашаешься с Миссией.

— Если ты преследуемая добыча, то, естественно, ищешь любую возможность скрыться от охотника. Я же посвящена и не могу игнорировать возможности.

Как и опасности. Мое имя стало сияющим светом во тьме угнетения Досточтимыми Матронами. Как легко этот свет может превратиться во всепожирающее пламя!

Нет, план, который они разработали с Дунканом, гораздо лучше. Бегство с Капитула. Капитул — это смертельная ловушка не только для его обитателей, но и для всей мечты Бене Гессерит.

— Но я все же не понимаю, почему ты здесь.

Мы не можем больше быть добычей.

— Не можем?

— Но почему именно сейчас?

Я не могу говорить открыто, потому что меня наверняка прослушивают.

— Меня чарует вид червей. Отчасти это объясняется тем, что одна из моих прародительниц была среди вождей, приведших первых людей на Дюну.

Запомни это, Валли. Однажды мы уже говорили об этом в песках, когда никто не мог слышать наш разговор. И теперь ты прекрасно знаешь, зачем я приехала.

— Я помню, ты говорила, что она была настоящей фрименкой.

— И Мастером Дзенсунни.

Я возглавлю свое собственное переселение, Валли. Но мне нужны черви, которых я могу получить только от тебя. И это надо сделать быстро. Сообщения с Джанкшн побуждают ускорить бегство. Скоро начнут возвращаться первые корабли. Сегодня ночью… Завтра утром. Боюсь, я знаю, что они привезут с собой.

— Ты все еще хочешь взять с собой несколько червей в Централ, чтобы изучить их?

Да, Валли! Как хорошо, что ты это помнишь!

— Да, это было бы интересно. Правда, у меня нет для этого времени, но любое приобретенное знание может нам помочь.

— Но там для них очень влажно.

— Большой док корабля-невидимки можно переоборудовать под лабораторию Пустыни. Песок, контролируемые параметры атмосферы. Можно воссоздать климат того места, откуда мы возьмем червя.

Шиана с отсутствующим видом посмотрела в западное окно.

— Закат. Пожалуй, я пройдусь по Пустыне.

Вернутся ли первые корабли уже сегодня?

— Конечно, конечно, Преподобная Мать.

На прощание Шиана сказала:

— Наблюдательную вышку придется вскоре переместить.

— Мы готовы.

Солнце уже начинало погружаться своим краем за горизонт, когда Шиана вышла из городка через крытую улочку. Она шла вперед по песку, залитому светом звезд, впитывая, как в детстве, запахи и шумы Пустыни. Вот и запах корицы. Червь где-то рядом.

Она остановилась и, следуя древней фрименской традиции, приложила ладони к лицу выше

и ниже глаз, чтобы в них не попадал блеск песка и свет звезд, ухудшающие видимость. Сквозь эту рамку она стала вглядываться вперед. Все, что могло упасть с неба, должно было проскользнуть мимо этого своеобразного прицела.

Сегодня? Они прибудут после наступления темноты, чтобы оттянуть момент объяснений. В их распоряжении останется целая ночь для размышлений.

Она ждала с терпением, воспитанным в стенах Бене Гессерит.

На севере, точно над линией горизонта, небо прочертила узкая огненная полоса. Потом еще одна. Потом еще. Корабли садились на взлетно-посадочную площадку.

Шиана почувствовала, как сильно забилось ее сердце.

Они вернулись.

Что они привезли Общине Сестер? *Вернулись победоносные воины или разгромленные беглецы?* Собственно, разница была невелика, учитывая изменения в планах Верховной Матери.

Что ж, утром все будет ясно.

Шиана опустила руки и только теперь почувствовала, что дрожит всем телом. Она прочитала Литанию против страха. Глубоко подышала.

Вот она уже идет по Пустыне привычным с детства шагом. Она уже почти забыла, как ноют ноги от такой ходьбы. Было такое впечатление, что им приходится нести дополнительную тяжесть. Нетренированные мышцы работали неохотно, но сами движения не были забыты.

Когда-то я думала, что мне никогда больше не придется ходить так по Пустыне.

Что бы подумали наблюдатели, если бы им удалось засечь эту мысль Шианы?

Она неудачница, подумала Шиана. Она выросла в ритмах Капитула. Эта планета говорила с ней на своем подземном языке. Она чувствовала деревья, растения, землю так, словно они были частью ее существа. И вот теперь она идет по песку Пустыни, язык которой кажется ей чужим. Она чувствовала, что песок тоже меняется, но и это изменение казалось ей чуждым и странным. Пустыня. Она не была безжизненной, но эта жизнь отличалась от жизни некогда зеленого Капитула.

Меньше жизни, но больше напряжения сил.

Она слушала Пустыню. Маленькие зверьки, шорох насекомых, хлопанье крыльев над головой, какое-то рысканье — кенгуровая крыса, которую завезли сюда в ожидании того момента,

когда черви начнут править бал на новой для себя планете.

Валли пришлет с Дюны образцы флоры и фауны.

Шиана остановилась на вершине огромного бархана. Впереди царила тьма, размытая по краям. Гигантское пустынное море, бившееся волнами дюн в то, что оставалось от прежней поверхности планеты. Пустыня зародилась далеко отсюда, но придет время, и она продвинется и в более странные места, чем это.

Я возьму тебя с собой, если сумею.

Ночной ветер, направленный из Пустыни в более влажные места, отложил на щеках, носу и губах Шианы толстый слой пыли. Приподнял волосы. Шиана почувствовала грусть.

Что могло бы быть.

Но это было уже не важно.

Важно только то, что есть.

Она глубоко вздохнула. Запах корицы усилился. Меланжа. Пряность и черви где-то здесь. Черви знают о приходе Шианы.

Как скоро воздух станет настолько сухим, что черви вырастут до тех размеров, каких они достигали на Дюне?

Планета и Пустыня.

Она видела их как две половины одной саги. Так же, как Бене Гессерит и человечество, которому служила Община Сестер. Эти половинки подходят друг к другу. Если уменьшится одна, то возникнет пустота цели. Нет, планета не умрет, и Пустыня уцелеет, но будет утеряна цель движения. В этом опасность победы Досточтимых Матрон. Их ведет вперед стремление к слепому насилию.

Слепцы во враждебной вселенной.

Именно поэтому Тиран сохранил Общину Сестер Ордена Бене Гессерит.

Он знал, что дал нам дорогу, но не дал направления. Шутник бросил нам длинный бумажный мешок, но он оказался дырявым на конце.

Но поэт имеет право на свою авторскую вольность.

Она вспомнила «Поэму памяти» из Дарэс-Балата, сохраненную в архивах Бене Гессерит.

Но зачем мы ее сохранили? Чтобы я смогла сейчас ее вспомнить? Чтобы на мгновение забыть, что ждет меня завтра?

Чистая ночь поэта,

Заполни ее невинными звездами.

Рядом с тобой встал Орион.

Его горящий взгляд проникает повсюду.
Он отмечает наши гены навечно.
Пусть грянут тьма и взгляд,
Ослепленный вспышкой.
Вот она, пустая вечность!

Шиана внезапно поняла, что у нее появился редкий шанс стать настоящим Мастером, перед которым открывается черная пустая гладь, на которой она может творить все по велению своего таланта.

Неограниченная вселенная!

Слова Одраде, которыми Верховная Мать просвещала маленького ребенка о целях и призвании Бене Гессерит, вспомнились в этот миг Шиане: «Почему мы взяли тебя, Шиана? Это очень просто. Мы распознали в тебе человека, которого мы давно ждем. Ты пришла, и мы поняли, что это произошло».

— Что это?

Как наивна я была в то время! — Над горизонтом забрезжило что-то новое.

Мое переселение выявит это новое. Но… я должна найти планету с лунами.

Если взглянуть на вселенную с определенной точки зрения, то можно утверждать, что на уровне стихий в ней господствует непредсказуемое броуновское движение. Муад'Диб и его сын Тиран заперли заоблачный чертог, где происходит это движение.

(Истории Гамму)

Мурбелла переживала не лучшие времена. Сначала это злило ее, она не могла привыкнуть к тому, что видит свою жизнь со многих точек зрения. Хаотические события на Джанкшн усугубили это замешательство, создали необходимость немедленных и быстрых действий, и злость не покидала Мурбеллу даже тогда, когда она вернулась на Капитул.

Я предупреждала тебя, Дар, ты не можешь этого отрицать. Я говорила, что они смогут превратить твою победу в поражение. И посмотри, какую кашу ты заварила для меня! Мне повезло, что я смогла сохранить то, что сумела.

Этот внутренний протест всегда погружал ее в события, которые привели ее к этому страшному возвышению.

Что еще я могла сделать?

Память снова показала ей Стрегги, упавшую

замертво без единой капли крови. Сцена напоминала спектакль и разыгралась на борту корабля-невидимки. Система проекторов корабля тоже внесла свою лепту в то, что все события не казались реальными. Актеры сейчас встанут, отряхнутся и под аплодисменты публики выйдут на сцену. Системы связи Тега дублировали эти картины до тех пор, пока кто-то не выключил экраны.

Вот зловещие кадры событий, последовавших затем: Тег, распростертый на полу в логове Досточтимых Матрон. Взгляд потрясенной до глубины души Одраде.

Решение Мурбеллы немедленно бежать вниз встретило яростное сопротивление прокторов. Но Мурбелла объяснила им игру Одраде, закончив свою речь словами: «Вы что, хотите полной катастрофы?»

Одраде внутри выиграла этот спор. Но ты была готова к нему раньше, с самого начала, не правда ли, Дар? Это был твой план!

Прокторы сказали:

— Есть еще Шиана.

Они дали Мурбелле одноместный корабль и направили на Джанкшн.

Хотя она послала вперед свои опознаватель-

ные знаки Досточтимой Матроны, несколько затруднительных моментов при посадке все же возникло.

На Посадочной площадке Мурбеллу встретил взвод вооруженных Досточтимых Матрон. Корабль приземлился возле дымящейся воронки, откуда тянуло кислым запахом взрывчатки.

Здесь был уничтожен корабль Верховной Матери.

Взводом командовала старая Досточтимая Матрона, красное платье было испачкано, некоторые нашивки исчезли, а правый рукав порван. Она была похожа на высохшую ящерицу, все еще сохранившую ядовитые зубы, но черпающую энергию из неукротимого гнева, который был ясно виден в рыжих огнях, бушевавших в ее глазах. Однако энергии в ней почти не осталось. Волосы, похожие на волоски имбирного корня, находились в полном беспорядке. В нее буквально вселился демон. Мурбелла видела его рожу в рыжих глазах старой ведьмы.

Притом что со старухой прибыл целый взвод, они вдвоем встали возле корабля, принюхиваясь друг к другу, словно встретившиеся в лесу дикие звери, пытающиеся определить степень опасности друг друга.

Мурбелла внимательно присмотрелась к старухе. Эта ящерица тоже высовывала язычок, чтобы оценить обстановку, но она была слишком потрясена случившимся, чтобы трезво соображать.

— Мое имя Мурбелла. Меня взяли в плен Сестры Бене Гессерит на Гамму. Я адепт Горму.

— Почему на тебе одежда ведьмы? — Старуха и ее взвод стояли, готовые убить Мурбеллу.

— Я научилась всему, что знают ведьмы, и принесла это знание моим Сестрам.

Старуха несколько мгновений молчала; потом она заговорила:

— Да, я знаю твой тип. Ты с Рока, планеты, которую мы выбрали для проекта Гамму.

Взвод немного расслабился.

— Ты проделала не весь путь в этом лихтере, — обвиняющим тоном сказала старуха.

— Я сбежала с одного из их кораблей-невидимок.

— Ты знаешь, где находится их гнездо?

— Знаю.

На лице старухи появилась широкая улыбка.

— Хорошо! Ты же настоящая находка! Как тебе удалось бежать?

— Вы должны об этом спрашивать?

Старая женщина немного подумала. Мур-

белла прочла ее мысли по выражению лица. *Эта из тех, кого мы взяли на Роке. Они все смертельно опасны. Они могут убивать руками, ногами и любой другой подвижной частью тела. Все они должны носить знак: «Опасны в любом положении».*

Мурбелла отошла от лихтера, показывая женщинам свою стремительную, грациозную походку.

Скорость и мышцы. Берегитесь, Сестры.

Некоторые бойцы взвода подались вперед. Их слова были полны любопытства, они хотели знать о Мурбелле всю подноготную, и ей пришлось парировать многие острые вопросы.

— И много ведьм ты убила? Где их планета? Они богаты? Много ли самцов ты повязала? Тебя тренировали на Гамму?

— Я проходила на Гамму свою третью ступень. С Хаккой.

— Хакка! Я знала ее. Она повредила свою левую ногу, когда ты ее знала?

Они все еще проверяют ее.

— Это была правая нога, и я была рядом с ней, когда она получила травму.

— Да, правда, это была правая нога. Теперь вспомнила. Как это случилось?

— Она пнула в зад какого-то деревенщину. У него в кармане оказался большой нож. Хакка так разозлилась, что убила его.

Матроны громко расхохотались.

— Сейчас мы пойдем к Великой Досточтимой Матроне, — объявила старуха.

Итак, я прошла первый экзамен.

Однако Мурбелла чувствовала по отношению к себе некоторую настороженность.

Почему эта последовательница Горму носит вражеское одеяние? Да и вообще она как-то странно выглядит.

Надо нападать.

— Я прошла их тренинг, и они приняли меня как свою.

— Дуры! Неужели они и правда это сделали?

— Вы хотите оспорить мои слова?

Как легко отвести от себя обвинение, приняв манеру поведения Досточтимых Матрон.

Старуха ощетинилась. Она не потеряла высокомерия и свирепо посмотрела на своих подчиненных. Все они несколько секунд переваривали то, что сказала Мурбелла.

— Ты стала одной из них? — спросил кто-то.

— Как иначе я смогла бы похитить их знания? Поймите! Я была личной ученицей их Верховной

Матери!

— Она хорошо учила тебя? — спросил тот же голос.

Мурбелла поискала глазами спрашивавшую. Средний уровень и такие же амбиции. Хочет, чтобы ее заметили и продвинули.

Это твой конец, выскочка, и не такая большая потеря для вселенной.

Притворство Бене Гессерит позволило усыпить бдительность противницы и сократить расстояние. Один удар в стиле Горму послужит им хорошим уроком. Любопытная Досточтимая Матрона замертво рухнула на землю.

Марьяж способностей Общины Сестер и Досточтимых Матрон создает опасных противников, которых надо остерегаться и завидовать им.

— Она превосходно меня учила, — заявила Мурбелла. — Есть еще вопросы?

— Эх, — только и вымолвила старуха.

— Как тебя зовут? — требовательно спросила Мурбелла.

— Я старшая Дама, Досточтимая Матрона Горму, меня зовут Эльпек.

— Спасибо тебе, Эльпек. Можешь называть меня Мурбеллой.

— Это большая честь для меня, Мурбелла.

Ты действительно привезла нам настоящее сокровище.

Мурбелла некоторое время изучала старуху глазами воспитанницы Бене Гессерит, потом натянуто и без юмора улыбнулась.

Взаимные представления. Ты, в своей красной накидке ближайшего окружения Великой Досточтимой Матроны, знаешь ли ты, кого только что приняла в свой тесный круг?

Взвод был потрясен и смотрел на Мурбеллу настороженно. Она поняла это, пользуясь своей повышенной наблюдательностью. Сеть Старых Дев никогда не была точкой опоры для Бене Гессерит, иное дело Досточтимые Матроны. Параллельный поток поразил ее серией подтверждений. Как тонко передается власть: нужная школа, нужные друзья, окончание школы и начало восхождения на лестницу под присмотром родственников и с использованием их связей по принципу «почеши меня, а я почешу тебя». Дальше образуются нужные союзы и заключаются взаимовыгодные браки. Параллельный поток сообщил ей, что такой путь ведет в яму, но те, кто карабкается по лестнице, никогда не задумываются об этом.

Нынешний день достаточен для нынешнего

дня, именно так Эльпек смотрит на Мурбеллу. Но она не видит, кем я стала на самом деле. Она видит только, что я опасна, но потенциально полезна.

Медленно развернувшись на одной ноге, Мурбелла осмотрела взвод Эльпек. Ни одного плененного самца. Это было деликатное задание и его можно было поручить только особо доверенным женщинам. Это хорошо.

— Теперь слушайте меня, все! Если вы еще сохранили верность нашей Общине, о чем я буду судить по вашему дальнейшему поведению, то вы сможете возвыситься от тех знаний, что я привезла с собой. Я рассматриваю это как подлинный дар для тех, кто его заслужит.

— Великая Досточтимая Матрона будет очень довольна, — сказала Эльпек.

Однако Великая Досточтимая Матрона не выказала никакого удовольствия, когда ей представили Мурбеллу.

Мурбелла сразу узнала башню. Был уже вечер, солнце клонилось к закату, но тело Стрегги все еще лежало неубранным. Большинство ординарцев, адъютантов и связистов Тега, которые были одновременно и его охраной, тоже были убиты.

Да, мы, Досточтимые Матроны, не любим,

когда за нами подглядывают.

Тег был еще жив, но лежал в углу, связанный шигой. Самое удивительное, что жива была и Одраде. Она стояла не связанная возле Великой Досточтимой Матроны. Это был с ее стороны жест полного презрения.

Мурбелла почувствовала, что переживала эти сцены много раз в прошлом. Они походили друг на друга как две капли воды: тела скошенных врагов остаются там, где их настигла смерть. Досточтимые Матроны атакуют с помощью бескровного оружия. Атака стремительная и смертоносная. Злодейство, потому что убивают тогда, когда убивать уже не надо. Она ощутила озноб при этих воспоминаниях. Не было никакого предупреждения, солдаты падали рядами, как поставленные рядом костяшки домино. Те, кто выжил, испытывали потрясение. А Великая Досточтимая Матрона любит, когда другие испытывают потрясение.

Глядя на Мурбеллу, Великая Досточтимая Матрона заговорила:

— Итак, ты тоже освоила этот мешок дерзостей.

Одраде едва не улыбнулась, услышав такое описание.

Мешок дерзостей?

В Бене Гессерит воспринимают такие выпады без злобы. Эта Великая Досточтимая Матрона со слезящимися глазами столкнулась с затруднением, с которым не могла сейчас справиться с помощью оружия, которое бескровно поражает противника. Сложился очень деликатный баланс сил. Проблема была очень острой, о чем говорили возбужденные голоса Досточтимых Матрон.

Все их секретное оружие больше не могло быть использовано, его нечем было перезарядить, к тому же часть его была утрачена при отступлении в Цитадель.

Это было наше резервное оружие, и мы бездарно разбазарили его.

Логно, которая только что была здесь лидером, попала в неловкую ситуацию. Мурбелла с такой легкостью убила одну из избранных…

Мурбелла окинула взглядом свиту Великой Досточтимой Матроны, оценивая ее силу. Они, в свою очередь, тоже хорошо поняли сложившуюся хорошо знакомую им ситуацию. Как они голосовали? *Нейтрально.*

Некоторые были настороже, некоторые просто выжидали.

Они предполагали диверсию. Им было все рав-

но, кто победит, пока на них была недвусмысленно направлена сила.

Мурбелла расслабила мышцы, приведя их в состояние боевой готовности, как ее учили Дункан и прокторы. Она была спокойна, словно находилась в тренировочном зале, ожидая нападения условного противника. Реагируя, она выдавала реакции, которым учила ее Одраде, — сначала психологические, потом ментальные и только потом физические.

Сначала Голос. Их надо привести в священный трепет.

— Я вижу, вы слишком неадекватно оценили достоинства Бене Гессерит. Аргументы, которыми вы так гордитесь, вызывают у этих женщин чувство, которое нельзя назвать даже скукой.

Эти слова были произнесены с оскорбительным голосовым контролем, этот тон вызвал появление оранжевого огня в глазах Логно, но заставил ее остаться на месте.

Но Мурбелла еще не покончила с ней.

— Ты считаешь себя могущественной и очень умной. Одно порождает другое? Какой идиотизм! Ты законченный лжец и лжешь сама себе.

Логно оставалась неподвижной перед лицом нападок. Те, кто стоял вокруг, начали отходить

назад, открывая пространство для боя и говоря этим: «Она твоя».

— То, что ты научилась ловко лгать, не может скрыть твоей лжи, — продолжала Мурбелла. Она метнула свирепый взгляд на тех, кто находился за спиной Логно. — Как и многие из тех, кто находится в моей Другой Памяти, я знаю, что вы движетесь навстречу своему вымиранию. Проблема заключается в том, что вы вымираете слишком долго, и это катастрофа. Это неизбежно, но, увы, очень скучно. И ты осмеливаешься называть себя Великой Досточтимой Матроной!

Она вновь обратилась к Логно:

— Ты — помойка! У тебя нет стиля.

Это было слишком. Логно бросилась в атаку. Левая нога выброшена вперед с умопомрачительной скоростью. Мурбелла поймала Логно за ногу так легко, словно это был несомый ветром осенний лист, и, превратив тело противницы в дубину, размозжила ее голову об пол. Не прекращая движения, Мурбелла сделала пируэт и левой ногой практически снесла голову Досточтимой Матроне, стоявшей справа от Логно, при этом правая рука Мурбеллы раздробила хрящи гортани Матроне, стоявшей слева. Все закончилось в течение двух мгновений.

Спокойно дыша *(смотрите, как легко я это делаю, Сестры),* Мурбелла осмотрела сцену и едва не задохнулась от потрясения. Неизбежное свершилось. Одраде неподвижно лежала на полу напротив Эльпек, которая, конечно, выбрала, на чью сторону ей встать. Вывернутая шея и неестественная поза говорили о том, что Верховная Мать мертва.

— Она пыталась вмешаться, — сказала Эльпек.

Убив Преподобную Мать, Эльпек рассчитывала на благодарность Мурбеллы, но вместо этого произошло что-то неожиданное. Мурбелла встала на колени возле погибшей Верховной Матери и прижалась к ее лбу своей головой, неподвижно застыв на неопределенно долгое время.

Оставшиеся в живых Досточтимые Матроны в изумлении уставились на Мурбеллу, но не осмелились ничего предпринять.

Что это?

Они не смели атаковать Мурбеллу, убедившись в ее сверхъестественных способностях.

Получив последнюю память Одраде, Мурбелла встала.

Эльпек увидела смерть в глазах Мурбеллы и отступила на шаг, готовясь защищаться. Она была опасным противником, но не смогла сопротив-

ляться Мурбелле. Старуху постигла судьба Логно и ее адъютантов. Удар в горло — и Эльпек рухнула на тело Одраде.

Мурбелла еще раз оглядела уцелевших Матрон, потом посмотрела на труп Одраде.

Я это сделала, Дар. Как ты хотела.

Она покачала головой, оценивая последствия происшедшего.

Одраде мертва. Да здравствует Верховная Мать! Да здравствует Великая Досточтимая Матрона! И да помогут всем нам небеса.

Мурбелла занялась насущными делами. Смерти усугубили и без того огромный долг. Мурбелла тяжело вздохнула: еще один гордиев узел.

— Развяжите Тега, — приказала она. — Уберите помещение как можно быстрее. И принесите мне подобающую одежду.

Это была Великая Досточтимая Матрона, отдающая приказы, но те, кто бросился их выполнять, чувствовали в ней чужую.

Та, кто принесла ей красную накидку с нашитым драконом из камня су, покорно и униженно передала одежду Мурбелле с почтительного расстояния. Крупная женщина с тяжелой костью и квадратным лицом. Жестокие глаза.

— Отдай это мне. — И когда женщина, восполь-

зовавшись близостью Мурбеллы, попыталась напасть, она сказала: — Хотите попробовать еще?

Попыток больше не было.

— Ты будешь первым членом моего Совета, — сказала Мурбелла. — Как твое имя?

— Ангелика, Великая Досточтимая Матрона. *Смотрите все, я первая назвала тебя подобающим титулом. Вознагради меня за это.*

— Твоей наградой будет повышение по службе, не говоря о том, что я дарю тебе жизнь.

Это ответ настоящей Великой Досточтимой Матроны, и он был воспринят всеми как таковой.

Когда Тег, растирая руки, в которые глубоко впилась проволока шиги, подошел к Мурбелле, многие Досточтимые Матроны попытались ее предостеречь.

— Ты знаешь, что этот может…

— Теперь он служит мне, — прервала женщину Мурбелла и, имитируя дразнящую интонацию Одраде, спросила: — Правда, Майлс?

В ответ он уныло усмехнулся — старческая улыбка на детском лице — и сказал:

— В интересное время мы живем, Мурбелла.

— Дар любила яблоки, — произнесла в ответ женщина. — Помни об этом.

Он кивнул. Ее надо вернуть в кладбищенский сад. Конечно, он недолго протянет, скоро его пожрет Пустыня, но есть традиции, которые надо соблюдать при малейшей возможности.

Чему учит нас Бич Божий? Будь стойким. Будь сильным. Будь готов к переменам, к новому. Копи опыт и суди его, не отступая ни на шаг от нашей веры.

(Учение Тлейлаксу)

Согласно расписанию, составленному Тегом, Мурбелла взяла с собой свиту из Досточтимых Матрон и вернулась на Капитул. В связи с последними событиями возникла масса проблем, и она, прежде чем выезжать, послала несколько сообщений, чтобы подготовить почву для верных решений.

«Я везу футаров, чтобы привлечь к нам Дрессировщиков. Досточтимые Матроны боятся биологического оружия, с которым столкнулись в Рассеянии. Это оружие превращает их в растения. Источником такого оружия могут стать Дрессировщики».

«Раввина и его сопровождение следует подержать в корабле-невидимке. Не разглашайте их тайну. Уберите мины с корабля!» (Последнее распоряжение было послано с курьером-проктором.)

Ей очень хотелось справиться о своих детях, но она сдержалась. Такое поведение не подобало Верховной Матери. Это потом… когда-нибудь…

может быть…

Немедленно по приезде Мурбелла занялась делами Дункана, чем вызвала недоумение прибывших с ней Досточтимых Матрон. Они оказались так же плохи, как и Сестры Бене Гессерит. «Что особенного она нашла в этом мужчине?»

Не было больше никаких оснований задерживать Айдахо на корабле, но он сам отказался его покинуть.

— Мне надо закончить сборку ментальной мозаики; есть детали, которые нельзя выкинуть из общей картины; их нечем заменить; например необычное поведение, волю к участию в исполнении мечты. Я должен найти пределы и испытать их. Настроиться. Не думать, делать.

Все это звучало какой-то бессмыслицей. Она посмеялась над ним, хотя чувствовала, что Дункан изменился. В нем появилась твердость, которую Мурбелла восприняла как вызов. По какому праву он напускает на себя такой напыщенный и самодовольный вид? Нет, это было не самодовольство. Он просто жил теперь в ладу с собой и не хотел делиться с ней сокровенными мыслями и чувствами!

— Я принял как должное естественный ход вещей. Ты должна сделать то же самое.

Ей пришлось признать, что слова Айдахо хорошо описывают то, чем она занимается.

В первое же утро по прибытии она поднялась на рассвете и направилась в кабинет. Одетая в красную накидку Досточтимой Матроны, она села в кресло Верховной Матери и вызвала Беллонду.

Белл остановилась у края рабочего стола. Она все поняла. Замысел стал ясен по его исполнению. Одраде наложила на нее пеню, теперь настало время платить.

Служи Верховной Матери, Белл! Это и есть твоя плата. Никакие архивные ухищрения тебе больше не помогут. Требуется реальное действие.

После долгого молчания Беллонда наконец заговорила:

— Единственное бедствие, которое я могу сравнить с нынешним, — это пришествие Тирана.

Беллонда была неисправима.

Мурбелла отреагировала очень резко:

— Придержи язык, Белл, если не можешь сказать ничего полезного.

Беллонда приняла этот выпад совершенно невозмутимо (что было для нее не совсем характерно).

— Дар сменила цель. Она ожидала именно та-

кого поворота событий?

Мурбелла смягчилась.

— Мы займемся древней историей позже. Сейчас перед нами незаконченная глава.

— Это плохая новость. — Перед Мурбеллой опять была прежняя Беллонда.

— Прими первую группу, проявляй осторожность. Это Высший Совет Великой Досточтимой Матроны.

Белл отправилась выполнять приказ.

Она понимает, что я имею все права на этот пост. Они все это знают, поэтому нет никакой нужды в голосовании. Оно просто неуместно.

Теперь настало время разобраться с историей и политикой, как учила ее Одраде.

«Во всех делах выделяй самое важное. Мелкие решения не должны проходить через твои руки, если только дело не касается людей, верность которых надо каким-то образом купить».

Вопрос о каждой награде должен решаться на самом верху. Это не слишком удачная политика для Бене Гессерит, но группа, которая в этот момент входила в кабинет, имела привычку именно к таким «политическим обстоятельствам». Эти дамы привыкли иметь дело с Патронессой — Великой Досточтимой Матро-

ной. Они все воспримут. Временно. Впрочем, в отношении Досточтимых Матрон временным можно было считать все.

Белл и наблюдатели понимали, что выкорчевывать эту скверну придется очень долго. *Даже если применить усиленные способности Бене Гессерит.*

Задача потребует от всех предельного внимания и напряжения всех сил. Первым делом надо было напустить на себя вид полной невинности.

Это то, что безвозвратно потеряли Досточтимые Матроны, и мы должны восстановить эту способность, пока они не исчезли в основе, к которой принадлежим мы.

Беллонда объявила о начале заседания Совета и молча вышла из кабинета Мурбеллы.

Она терпеливо дождалась, пока члены Совета рассядутся по местам. Какое разнообразие лиц! Некоторые надеются дорваться до власти. Смотрите, как мило улыбается Ангелика. Некоторые ждут (хотя не смеют даже надеяться) и собирают силы.

— Наша Община Сестер действовала очень тупо, — обвиняющим тоном заговорила Мурбелла, заметив, что этим разозлила некоторых из присутствовавших. — Вы могли убить гусыню!

Они не поняли. Пришлось растолковывать им иносказание. Они слушали с соответствующим вниманием, даже когда она добавила:

— Разве вы не понимаете, как нужны нам все эти ведьмы? Мы настолько уменьшили их количество, что теперь каждой из них придется нести почти неподъемный груз учительства и просвещения.

Они, поразмыслив, признали, хотя и не без горечи, правоту Мурбеллы, которой к тому же были обязаны подчиняться.

Мурбелла же одним ударом загнала гвоздь по самую шляпку.

— Я не только ваша Великая Досточтимая Матрона… Кто-нибудь собирается это оспорить?

Никто не оспаривал.

— Но я, кроме того, и Верховная Мать Бене Гессерит. Они могут все, но не могут не утвердить меня в этой должности.

Две из них начали протестовать, но Мурбелла живо заткнула им рот.

— Нет, вы не сможете навязать им свою волю. На это у вас просто не хватит сил. Вам придется их всех убить, но они не подчинятся вам.

Те же две продолжали роптать, и Мурбелла прикрикнула на них:

— По сравнению со мной, которая восприняла их учение, громадное большинство из вас просто никуда не годные, жалкие слабачки! Кто-нибудь хочет возразить?

Никто не стал возражать, но в глазах большинства вспыхнули рыжие искры.

— Вы — дети, совершенно не понимающие, что может произойти, — говорила Мурбелла. — Вы хотите снова оказаться беззащитными перед людьми со многими лицами? Вы хотите стать растениями?

Эти слова разбудили неподдельный интерес. К такому тону они привыкли. Они стали вникать в суть сказанного. Им было трудно принять Мурбеллу: молода… хотя… она способна на многое. Кроме того, Логно и ее адъютанты!

Мурбелла видела, что приманка проглочена.

Оплодотворение. Эта группа увезет ее с собой. Гибрид энергий. Нас надо оплодотворить, чтобы мы стали сильнее. И более гибкими. Надо сеять? Об этом лучше пока не задумываться. Досточтимые Матроны не разберутся в этой материи до тех пор, пока не станут по своим способностям хотя бы немного похожими на Преподобных Матерей. Тогда они тоже с гневом оглянутся назад. Как могли мы быть

такими тупыми и глупыми?

Она увидела покорность в глазах членов Совета. Сейчас начнется медовый месяц. Досточтимые Матроны поведут себя как дети в кондитерской лавке. Медленно и постепенно будут они привыкать к сладостям Бене Гессерит. Как только это произойдет, они попадут в ловушку.

Как я. Не спрашивай оракула, что ты можешь получить. Это западня. Берегись настоящих предсказателей судьбы. Иначе ты обретешь тридцать пять столетий непрерывной скуки.

Одраде внутри возразила:

Надо все же отдать Тирану должное. Тяготы не могли быть непрерывными. Мы были больше похожи на Гильд-навигаторов, которые мгновенно находили путь в свернутом пространстве. Это и был Золотой Путь. Атрейдес заплатил за наше выживание, Мурбелла.

Мурбелла ощутила страшную тяжесть на своих плечах. Плата Тирана пала на нее. *Я не просила его делать это.*

Одраде не могла остаться в стороне. *Но он тем не менее сделал это.*

Прости, Дар. Он заплатил. Но теперь платить должна я.

Значит, ты наконец стала настоящей Препо-

добной Матерью!

Члены Совета забеспокоились под пристальным взглядом Мурбеллы.

От имени всех остальных заговорила Ангелика: *«Все-таки я была первой, кого ты избрала».*

Следи за этой внимательно. В ее глазах я вижу блеск властолюбия.

— Как мы должны вести себя с ведьмами? — Она была встревожена собственной смелостью. Разве теперь сама Великая Досточтимая Матрона не ведьма?

Мурбелла не рассердилась.

— Вы будете относиться к ним терпимо и не творить над ними насилия.

От мягкого тона Мурбеллы Ангелика осмелела еще больше.

— Это решение Великой Досточтимой Матроны или?..

— Довольно! Я могу залить пол этой комнаты вашей кровью. Хочешь испытать это первой?

Никто не захотел испытывать судьбу.

— И что будет, если я скажу, что это речь Верховной Матери? Тогда вы спросите, есть ли у меня политика, способная помочь разрешить наши проблемы? Я отвечу: политика? Ах да. У меня есть политика, но она касается совер-

шенно не важных вещей вроде борьбы с мухами как с переносчиками инфекций. Неважные вещи требуют особой политики. Для тех из вас, кто не видит мудрости в моих решениях, у меня нет политики. От таких я сумею быстро избавиться. Вы умрете, прежде чем осознаете, что вас ударили. Это мой ответ на вашу гниль. Есть ли такая в этом кабинете?

Этот язык они хорошо понимали: кнут Великой Досточтимой Матроны дополнялся ее способностью убить.

— Вы — мой Совет, — сказала Мурбелла. — Я жду от вас мудрости. В конце концов, можете притвориться, что вы мудры.

Насмешливое сочувствие Одраде. *Если Досточтимые Матроны так получают и отдают приказы, то для анализа поведения этих дам не нужно вмешательство Беллонды.*

Мысли Мурбеллы тем временем приняли совершенно другое направление. *Я больше не Досточтимая Матрона.*

Решительный разрыв произошел так недавно, что Мурбелле было неудобно исполнять роль Досточтимой Матроны. Ее перерождение было метафорой того, что должно произойти со всеми ее бывшими Сестрами. Это новая для нее роль,

и она пока плохо с ней справляется. Другая Память представила длинную цепь личностей, в конце которой была сама Мурбелла. Это было не перерождение, а простое приобретение новых способностей.

Простое?

Изменение было очень глубоким. Понял ли это Дункан? Ей было больно оттого, что Айдахо может никогда не познать ее новую личность.

Это то, что осталось от моей любви к нему?

Мурбелла отвлеклась от этого вопроса, не желая слышать ответ. Она почувствовала, что ее отталкивает что-то, лежащее гораздо глубже того пласта, который она решилась бы копнуть.

Есть решения, принять которые мне помешает любовь. Это решения проблем Сестер, а не моих собственных. Вот откуда проистекает мой страх.

Она успокоилась, когда подумала о насущных проблемах, которые надо было решать непосредственно в данный момент. Она отослала свой Совет, пообещав смерть и боль для тех, кто не сможет обуздать свою страсть к насилию.

Далее, Преподобная Мать должна быть обучена новой дипломатии; нельзя идти рядом ни с кем, даже попарно. Со временем это станет легче.

Досточтимые Матроны усвоят образ мыслей Преподобных Матерей. Настанет день, когда не будет больше Досточтимых Матрон; останутся только Преподобные Матери с усиленными рефлексами и повышенными сексуальными способностями.

Мурбелле пришли на память слова, которые она слышала, но до последнего момента не принимала их сердцем: «То, что мы можем сделать для выживания Бене Гессерит, не знает границ возможного».

Дункан поймет. Я не смогу утаить это от него. Ментат не сможет относиться ко мне так, словно я не пережила Агонии испытания Пряностью. Он поймет, что я стала другой. Он открывает свой ум так же легко, как я открываю дверь. Он осмотрит свою сеть: «Что я поймал на этот раз?»

Не то же самое ли произошло с леди Джессикой? Образ Джессики в Другой Памяти был искажен многочисленными передачами памяти. Мурбелла приподняла завесу и оживила старое знание.

Джессика. Ересь? Должностное преступление?

Джессика ринулась в любовь так же, как Одраде ринулась в море. В том и другом случае волны захлестнули Общину Сестер.

Мурбелла почувствовала, что память ведет ее туда, куда она не хотела идти. Боль сдавила ей грудь.

Дункан, о, мой Дункан! Она опустила голову, закрыв ладонями глаза. *Дар, помоги мне. Что я должна делать?*

Никогда не спрашивай меня, почему ты стала Преподобной Матерью.

Я должна. Последовательность ясна и…

Это следствие. Мысли о причинах и следствиях отвлекают тебя от цельной картины.

Тао?

Проще: Ты здесь.

Но Другая Память идет все дальше, и дальше, и дальше…

Вообрази, что это пирамиды — переплетенные пирамиды.

Это слова!

Твое тело функционирует?

Мне больно, Дар. У тебя нет тела, и поэтому бессмысленно говорить с тобой…

Мы занимаем разные ниши. Боль, которую я пережила, — не твоя боль, радость, которую я испытывала, — не твоя радость.

Мне не нужно твое сочувствие! О, Дар. Зачем я родилась?

Ты родилась для того, чтобы потерять Дункана?

Дар, прошу тебя!

Итак, ты родилась и теперь понимаешь, что никогда не может быть достаточно чего-то. Ты стала Досточтимой Матроной. Что еще могла ты сделать. Но тебе было мало этого. Мало? Ты стала Преподобной Матерью. Ты думаешь, что этого достаточно? Никогда не бывает достаточно, пока человек жив.

Ты говоришь, что я постоянно должна жить за пределом своих возможностей.

Ха, нельзя принимать решения на такой основе! Разве ты не слышишь его? Не думай, делай! Ты хочешь избрать легкий путь? Почему обязательно испытывать печаль при столкновении с неизбежностью? Если это все, что ты можешь видеть, то сосредоточься на том, чтобы улучшить род человеческий!

Будь ты проклята! Зачем ты сделала это со мной?

Сделала что?

Ты заставила меня взглянуть на меня и моих бывших Сестер другими глазами.

Какими глазами?

Проклятие, ты же знаешь, что я хочу сказать!

Бывшие Сестры, говоришь ты?

Как ты коварна.

Все Преподобные Матери коварны.

Ты никогда не перестанешь учить!

Разве я учу?

Какой наивной и глупой я была! Я спрашивала, что вы делаете на самом деле.

Теперь ты знаешь это не хуже меня. Мы ждем, когда человечество станет зрелым. Тиран дал ему время, но теперь мы должны дать ему заботу.

Какое отношение Тиран имеет к моей боли?

Ты глупая женщина! Ты не сумела пройти испытание Пряностью!

Ты же знаешь, что это не так!

Перестань спотыкаться об очевидное!

Какая же ты сука!

Я предпочла бы называться ведьмой. Но и то и другое лучше, чем шлюха.

Единственная разница между Досточтимыми Матронами и Бене Гессерит заключается в местах, где они торгуют. Ты сочетала браком наши Общины Сестер.

Наши Общины?

Ты скрестила их для достижения власти! Как это отличается от…

Не извращай, Мурбелла! Сосредоточься на выживании.

Опять выживание!

Выживать в Общине, которая обеспечивает сохранность других. Так замужняя женщина вынашивает детей.

Итак, речь идет о первичном творении.

Это решение, которое тебе придется принимать самой; семья, и что связывает и цементирует ее. Что придает перца жизни и счастью?

Мурбелла начала хохотать. Она опустила руки, открыла глаза и увидела, что у ее стола стоит Беллонда и смотрит на Верховную укоризненным взглядом.

— Вечное искушение Преподобной Матери, — сказала Белл, — поболтать немного с Другой Памятью. Кто был на этот раз? Дар?

Мурбелла кивнула.

— Не доверяй ничему, что скажет тебе эта память. Это предания, а судить обо всем надо самой.

Одраде говорила об этом теми же словами. Смотреть на события давнего прошлого глазами давно умерших людей. Подглядывание в замочную скважину!

— Там нельзя пропадать часами, — сказала Бел-

лонда. — Это очень утомительное упражнение, и его продолжительность должна быть ограничена. Надо стоять на твердой почве. Одной рукой держись за причал.

Опять! Прошлое, приложенное к настоящему. Как обогащает Другая Память повседневную жизнь!

— Это пройдет, — продолжала Беллонда. — Похоже на шляпу: ей радуешься, пока она новая, а потом привыкаешь.

Она положила на стол Мурбеллы доклад.

Старая шляпа! Старый пиджак! Так много в этих простых идиомах.

Мурбелла откинулась на спинку стула и принялась просматривать доклад Беллонды. В сознании неотвязно звучали слова Одраде: «Королева Пауков попала в мою паутину». Паутина несколько поизносилась, но она все еще способна захватывать существа, которые предстояло переварить. Запуск начального поля, мигнул индикатор, Беллонда от нетерпения скривила рот, застыв в ожидании. Ключевые слова: «Архив» и «Анализ».

Глядя на Белл, Мурбелла не могла не оценить мудрость, с какой Одраде использовала эту пожилую женщину. Пороки так же ценны,

как и добродетели. Когда Мурбелла закончила чтение, Беллонда продолжала стоять, сохраняя прежнюю позу.

Верховная Мать понимала, как Беллонда относится к тем, кто вызывает ее. Она относилась к ним как к не совсем полноценным людям, считая, что они слишком фривольно относятся к Архиву и их надо постоянно ставить на место. Фривольность: настоящая bête noire для Беллонды. Мурбелле это показалось забавным.

Она скрыла насмешку, продолжая с удовольствием наблюдать за поведением старухи. В отношении Беллонды приходилось соблюдать известную щепетильность. Ничто не должно отвлекать ее, силы нельзя распылять. Доклад был образцом краткости, выразительности. Каждое слово на своем месте. Аргументы убедительны. На основании такого доклада можно делать выводы и принимать решения.

— Тебе доставляет удовольствие приглашать меня? — спросила Беллонда.

Она гораздо умнее, чем мне казалось! Я вызывала ее? Она немногословна, но всегда знает, когда она нужна. Она всем своим видом говорит мне, что Сестры являют собой образец смирения. Верховная Мать может представлять собой все,

что угодно, и не быть такой, как все остальные Сестры.

Мурбелла положила руку на доклад.

— Будем считать это точкой отсчета.

— Тогда мы должны начать, прежде чем твои подруги обнаружат видеокамеры наблюдения. — Беллонда уверенно села в свое любимое кресло-собаку. — Там умерла, но я могу послать за Шианой.

— Где она?

— На корабле. Изучает коллекцию червей в большом зале. Она говорит, что каждую из нас можно научить управлять ими.

— Очень ценно, если это правда. Оставь ее в покое. Что со Сциталем?

— Он все еще на корабле. Твои подруги его не нашли. Пока. Мы скрываем его.

— Продолжайте делать это и дальше. Это хороший предмет для возможного торга. К тому же они мне не подруги, Белл. Что с Раввином и его партией?

— Они устроены с комфортом, но волнуются. Они знают, что Досточтимые Матроны здесь.

— Прячьте их хорошенько.

— Это сверхъестественно. Голос другой, но я отчетливо слышу Дар.

— Это эхо в твоей голове.

Беллонда рассмеялась.

— Теперь слушай, что ты должна распространить среди Сестер. Надо действовать с большой осторожностью, показывая себя миру как людей, которыми следует восторгаться и которым надо подражать. «Вы, Досточтимые Матроны, можете не захотеть жить, как мы, но вы можете научиться нашим сильным сторонам».

— Ах вот оно что.

— Все упирается в собственность. Досточтимые Матроны — собственность своих вещей. «Я хочу этот дом, хочу игрушку, хочу этого мужчину». Вы берете то, что хотите, и пользуетесь до тех пор, пока это не надоедает вам.

— А мы идем по дороге, предназначенной нам, и радуемся тому, что видим.

— В этом-то и заключается наш недостаток. Мы не даем себе отдыхать. Мы боимся любви и эмоций. Способность к самообладанию — способность корыстная. «Видите, что у меня есть. У вас этого не будет до тех пор, пока вы не пойдете по нашему пути». Никогда не пробуйте так обращаться с Досточтимыми Матронами.

— Ты хочешь сказать, что мы должны любить их?

— Но как еще можно заставить их восхищаться нами? Это победа Джессики. Когда она отдавала, она отдавала все. Мы слишком много накопили, теперь надо омыть мир нашим благом. Перед таким подходом невозможно устоять.

— Мы не так-то легко соглашаемся на компромиссы.

— Досточтимые Матроны любят их не больше.

— Но это признак их бюрократического происхождения!

— Да, это научило их всегда идти по пути наименьшего сопротивления.

— Ты приводишь меня в замешательство. Да… Мурбелла.

— Разве я сказала, что мы пойдем на компромисс? Компромисс ослабит нас, и мы знаем, что есть проблемы, которые не решаются с помощью компромиссов. Мы должны принимать верные решения, какими бы горькими они ни были.

— Притворимся, что мы любим их?

— Это только начало.

— Это будет кровавый союз, объединение Бене Гессерит и Досточтимых Матрон.

— Я предлагаю делить нашу память с ними как можно чаще. Мы можем потерять много лю-

дей, пока Досточтимые Матроны будут учиться.

— Военно-полевой брак.

Мурбелла встала, думая уже о Дункане и о том, что он делает на корабле. Каким был корабль, когда она была там последний раз? Теперь он был открыт, перестав быть невидимкой. Странное нагромождение машин и механизмов; вид он имел, пожалуй, даже уродливый. Странно было даже представить себе, что эта чудовищная махина способна подняться в воздух и раствориться в космических далях.

Раствориться в космосе!

Она увидела соединение кусочков ментальной мозаики Дункана.

Фрагмент, который нельзя удалить! Настроиться… Не думай, делай!

В этот краткий миг Мурбелла поняла со всей страшной отчетливостью, что решил сделать Дункан.

Тебя могут сокрушить в тот момент, когда ты думаешь, что взял в свои руки решение своей судьбы. Будь осторожен и готов к неожиданностям. Когда мы творим, находятся другие силы, действующие в том же поле.

(Дарви Одраде)

— Двигайся аккуратнее, — предупредила его Шиана.

Айдахо вряд ли нуждался в подобном предупреждении, но тем не менее был признателен за него.

Присутствие на Капитуле Досточтимых Матрон облегчало задачу. Корабельные прокторы и охрана заметно нервничали. Приказ Мурбеллы запрещал ее бывшим подругам вход в корабль, но все знали, что враг здесь. Сканеры демонстрировали, как на посадочную площадку один за другим приземлялись лихтеры, откуда толпами высаживались Досточтимые Матроны. Многие из новоприбывших проявляли любопытство к чудовищному сооружению в космопорте, но никто не решился ослушаться распоряжения Великой Досточтимой Матроны.

— Они не ослушаются ее до тех пор, пока она жива, — пробормотал Айдахо, зная, что его могут

услышать прокторы. — У них традиция — убивать лидеров, чтобы заменять их. Как долго продержится Мурбелла?

Видеокамеры работали на Дункана. Он знал, что через несколько минут его слова станут известны всем на борту корабля.

Шиана вошла в его кабинет вскоре после того и устроила Дункану форменный разнос.

— Что ты стараешься сделать? Ты же только расстраиваешь людей.

— Возвращайся к своим червям!

— Дункан!

— Мурбелла затеяла очень опасную игру! Она — единственный заслон между нами и этой стихией.

Он уже успел предупредить Мурбеллу о своей тревоге. Это не стало новостью для наблюдателей, но слухи разносились всеми, кто хотя бы краем уха слышал злые реплики Дункана. Клерки Архива, охрана корабля — словом, все.

Не слышали Дункана только Досточтимые Матроны. Мурбелла не допускала их в Архивы Беллонды.

— Время для этого наступит позже.

Шиана поняла свою роль.

— Дункан, перестань подогревать нашу тревогу

или скажи, что нам делать. Ты ментат. Думай и действуй.

Ах, великий ментат должен продемонстрировать всем свои способности.

— То, что вы должны делать, совершенно очевидно, но я здесь ни при чем. Я не могу оставить Мурбеллу.

Но меня могут похитить.

Настал черед Шианы. Она вышла из кабинета и принялась разрабатывать свой план действий.

В качестве образца нам надо взять Рассеяние.

К вечеру она нейтрализовала всех Преподобных Матерей на борту и подала Дункану знак, что можно готовить следующий шаг.

Они последуют за мной.

Сами того не желая, представители Защитной Миссии подготовили сцену для восхождения Шианы. Большинство Сестер знали, какая сила таится в Шиане и как опасно то, что они делают. Но Шиана была здесь.

Неиспользуемая власть подобна марионетке: все видят нити, прикрепленные к телу и конечностям куклы, но никто не дергает за веревочки, и кукла не движется. Соблазн велик: каждый думает: *«Я могу дергать за веревочки».*

Давая пищу этому заблуждению, он связался

с Мурбеллой:

— Когда я увижу тебя?

— Дункан, прошу тебя. — Даже на экране проектора было видно, как она издергана. — Я занята. Меня не будет несколько дней.

На экране были видны Досточтимые Матроны, которые кривили физиономии, видя такое странное поведение своего лидера. Любая Преподобная Мать могла бы с первого взгляда определить, что они думают о Мурбелле.

Великая Досточтимая Матрона стала мягкотелой? Ведь это всего-навсего мужчина!

Отключившись, Айдахо понял, что он видел вместе со всеми обитателями корабля.

Она в опасности! Разве она не понимает этого?

Теперь, Шиана, все зависит от тебя.

У Шианы были ключи, которыми можно было привести в действие полетные системы корабля. Мин не было. Никто не мог разрушить корабль, в последний момент нажав нужную кнопку. На корабле были только ценные пассажиры, особенно Тег. Другого груза не было.

Тег должен понять мой выбор. Другим — Раввину с его людьми и Сциталю — придется разделить нашу судьбу.

Футары в своих безопасных клетках мало

тревожили Дункана. Интересные животные, но в данный момент это было не важно. В этой связи мысли о Сцитале тоже были достаточно мимолетны. Маленький тлейлаксианец оставался под круглосуточным неусыпным наблюдением, невзирая на другие волнения, которые обуревали охранников.

Он лег спать с разгоряченными нервами, причина чего была ясна каждому наблюдателю в Архиве.

Его драгоценная Мурбелла в опасности.

Она действительно была в опасности, но он не мог защитить ее.

Одно мое присутствие только усугубит опасность.

Поднявшись на рассвете, Дункан вернулся в оружейную мастерскую, чтобы ее демонтировать. Шиана нашла его там и попросила пройти к ней в секцию охраны.

Там уже ждали около дюжины прокторов. Выбор, который они сделали, проголосовав за нового предводителя, не удивил Дункана. Гарими. Он слышал о ее поведении на Собрании. Подозрительна. Тревожна. Готова интриговать и играть в свои игры. Это была женщина с суровым трезвым лицом. Говорили, что она редко улыбается.

— Мы отключили наблюдательные камеры в этом помещении, — сказала Гарими. — В центральной диспетчерской увидят, как мы перекусываем и болтаем об оружии.

Айдахо почувствовал спазм в желудке. Люди Белл быстро раскусят эту маскировку. Особенно он опасался за свою куклу. Ее раскроют в считанные минуты.

Гарими правильно поняла гримасу Дункана, когда он нахмурился.

— В Архиве у нас свои люди.

— Мы собрались здесь, чтобы спросить, отправишься ли ты с нами? — сказала Шиана.

Его удивление было неподдельным.

Остаться здесь?

Он даже не раздумывал над этим вопросом. Мурбелла больше не принадлежала ему. Ее привязанность к нему рухнула. Она пока не приняла этого. Но она сделает это в тот момент, когда от нее потребуют принять решение, которое ради целей Бене Гессерит поставит Дункана в опасное положение. Теперь же она просто избегает встреч с ним без достаточных на то оснований.

— Вы собираетесь в Рассеяние? — спросил он, глядя на Гарими.

— Мы спасем все, что сможем. Проголосуем

ногами, как говорили в очень давние времена. Мурбелла развалила Бене Гессерит.

В этих словах был скрыт неоконченный спор, который, как он верил, мог разрешиться победой Общины. Сестры не были согласны поддерживать игру Одраде дальше.

Айдахо глубоко вздохнул.

— Я отправлюсь с вами.

— Потом будет поздно жалеть, — жестко предупредила его Гарими.

— Это было бы глупо! — сказал он, давая выход своему горю.

Гарими не была бы удивлена таким ответом Сестры. Но Айдахо своим решением потряс ее, и она несколько секунд молчала, собираясь с мыслями. Честность поразила ее.

— Конечно, это глупо. Прошу меня простить. Ты уверен, что не хочешь остаться? Мы должны дать тебе шанс самому сделать свой выбор.

Щепетильность Бене Гессерит по отношению к верным слугам!

— Я присоединюсь к вам.

Горе, которое было написано на его лице, было непритворным. Он и не скрывал его, когда вернулся к консоли управления.

Мое предопределенное положение.

Он не старался скрыть свои действия, когда занялся кодами корабля.

Свои люди в Архиве.

На экране проектора замелькали электрические контуры, показавшие разрыв кода и цепей управления кораблем. Как обойти этот разрыв, Дункан понял через несколько секунд пристального изучения схемы. Ментат был готов к решению такой задачи.

Любое множество имеет свою простую суть.

Айдахо выпрямился в кресле и принялся ждать.

Момент отрыва от земли отдался грохотом в голове. Он на мгновение потерял сознание и пришел в себя, только когда корабль, оторвавшись от поверхности планеты и преодолев притяжение, вошел в свернутое пространство.

Айдахо взглянул на проектор. Вот они: пожилая чета в саду. Увидел он и переливающуюся сеть. Мужчина указывал на нее рукой и радостно улыбался. Фигуры двигались на фоне изображения цепей корабля. Сеть стала расти, нити утолщались на глазах, постепенно превратившись в ленты, которые были шире, чем линии на электрических схемах корабля.

Губы мужчины сложились в слова, которые

Дункан угадал, не услышав ни звука: *«Мы ждали тебя».*

Руки Айдахо потянулись к консоли, чтобы изменить расположение цепи. На нежности и любезности просто нет времени. Надо разрушить идентификационную систему. Через секунду он добрался до процессора системы. Оттуда можно было выключать целые системные блоки. Сначала навигационная система. Он увидел, что сеть начала тускнеть и постепенно исчезать. На лице мужчины отразилось удивление. Потом настала очередь нулевых полей. Айдахо почувствовал, как корабль пронзил свернутое пространство. Сеть растягивалась, наблюдатели, все те же мужчина и женщина, становились, наоборот, короче и прозрачнее. Айдахо выключил память, стерев все свои данные.

Сеть и наблюдатели исчезли с экрана проектора.

Откуда я мог знать, что они здесь?

У него не было ответа. Ясно было только одно: он просто привык к повторяющимся видениям.

Шиана не показывалась, и Айдахо нашел ее у пульта временного управления кораблем. Она смотрела на панель с выражением неописуемого ужаса на лице. Проекция показывала,

что они вышли из свернутого пространства. Айдахо не видел знакомых галактических систем, но он ожидал этого.

Шиана резко повернулась и посмотрела на Гарими.

— Мы потеряли все наши базы данных!

Айдахо постучал пальцем по своему виску.

— Они здесь, — сказал он.

— Но нам потребуются годы, чтобы восстановить самое необходимое! — запротестовала Шиана. — Что произошло?

— Мы находимся на корабле, не поддающемся идентификации, в неопознанной вселенной, — ответил Айдахо. — Но разве не этого вы хотели?

Нет никакого секрета в сохранении равновесия. Надо просто почувствовать волну.

(Дарви Одраде)

Мурбелле показалось, что прошла целая вечность с того момента, когда до нее дошло решение Дункана.

Раствориться в космосе! Покинуть меня!

Приобретенное при испытании Пряностью неизменное чувство времени подсказало ей, что на самом деле прошло не больше секунды, но впечатление было таким, словно Мурбелла знала о выборе Дункана с самого рождения.

Его надо остановить!

Она потянулась к пульту, когда Централ содрогнулся, как от землетрясения. Вибрация продолжалась неопределенно долго, потом стала медленно ослабевать.

Беллонда вскочила на ноги.

— Что это?..

— Только что стартовал корабль-невидимка, — ответила Мурбелла.

Беллонда схватилась за пульт, но Мурбелла остановила ее:

— Он уже взлетел.

Она не должна видеть мою боль.

— Но кто… — Беллонда осеклась на полуслове. Она уже обдумала все, что произошло, и пришла к тем же выводам, что и Верховная Мать.

Мурбелла вздохнула. В ее распоряжении были все ругательства, накопленные человечеством за его долгую историю, но ругаться не хотелось.

— Я буду обедать в своей личной столовой вместе с членами Совета. Я хочу, чтобы ты тоже там присутствовала, — сказала Мурбелла. — Пусть Дуана опять приготовит тушеных устриц.

Беллонда хотела было возразить, но произнесла только одно слово:

— Опять?

— Ты что, не помнишь, что вчера я ужинала одна? — Мурбелла напомнила о своих правах.

У Верховной Матери свои обязанности!

Надо сделать так много: следить за картой, за течением рек и за одомашниванием Досточтимых Матрон.

Волны бросают тебя из стороны в сторону, Мурбелла. Но ты снова встаешь и начинаешь свое восхождение вверх. Семь раз вниз и восемь раз вверх. Ты можешь балансировать на этой странной поверхности.

Я знаю, Дар, и добровольно воплощаю твою мечту.

Беллонда продолжала молча взирать на Верховную Мать. Мурбелла нарушила молчание:

— Я заставила своих советниц сесть на расстоянии от меня за вчерашним обедом. Это было так странно: огромная столовая — и всего два занятых стола.

Зачем я веду эти пустопорожние разговоры? Как мне оправдать свое необычное поведение?

— Мы недоумевали, почему ты не допустила нас к обеду в нашу собственную столовую, — сказала Беллонда.

— Чтобы спасти вам жизнь! Но вы должны соблюдать и их интересы. Я читала по губам их высказывания. Ангелика говорила: «Она ест что-то тушеное. Я слышала, как она обсуждала с поваром это блюдо. В какой чудной мир мы попали! Надо попробовать блюдо, которое она заказала».

— Попробовать, — повторила Беллонда. — Понятно.

Она помолчала, потом снова заговорила:

— Ты знаешь, что Шиана взяла полотно Ван Гога из… твоей спальни?

Почему мне так больно?

— Я заметила, что картина исчезла.

— Она сказала, что возьмет ее на время в свою

комнату на корабле.

Мурбелла сжала губы.

Будь они прокляты! Дункан и Шиана! Тег, Сциталь… Все они бежали, и нет способа догнать их. Но у нас есть лаборатории, есть клетки Айдахо, которые можно выделить из наших детей. Это не то же самое, но очень близко. Он думает, что может сбежать от меня!

— Ты хорошо себя чувствуешь, Мурбелла? — участливо спросила Беллонда.

Ты предупреждала меня о диких выходках, Дар, но я не слушала тебя.

— После ужина я поведу своих советниц по Централу. Прикажи послушницам, чтобы перед уходом нам подали сидр.

Беллонда, ворча, удалилась. Но в этом поведении не было ничего удивительного. Старуха осталась верна себе.

Куда теперь ты поведешь меня, Дар?

Ты хочешь иметь поводыря по жизни? Разве ради этого я умерла?

Но они взяли с собой и Ван Гога!

Тебе будет не хватать этой картины?

Зачем они взяли ее, Дар?

В ответ раздался язвительный смех, и Мурбелла была счастлива, что никто, кроме нее, не может

его слышать.

Разве ты не видишь, чего они хотят?

Воплотить схему Защитной Миссии!

Нет, не только. Их замысел намного шире. Наступает следующая фаза: от Муад'Диба, Тирана, Досточтимых Матрон и нас к Шиане… и к чему еще? Разве ты не видишь этого? Ты уже готова назвать цель, она оформилась в твоих мыслях. Прими ее безропотно, как ты проглотила бы горький напиток.

Мурбелла вздрогнула.

Ты поняла, в чем заключается горькое лекарство будущего Шианы? Мы всегда полагали, что лекарства должны быть горькими, иначе они неэффективны. В сладости нет исцеляющего действия.

Это должно случиться, Дар?

Некоторые захлебнутся этим лекарством, но те, кто выживет, смогут создать много интересного.

Парные противоположности ограничивают твои устремления, и ты становишься их заложником.

(Бич Дзенсунни)

— Ты специально дал им уйти, Дэниел!

Старушка вытерла руки о запачканный садовый фартук. Раннее летнее утро. Распустившиеся цветы; с окрестных деревьев раздавались призывные трели птиц. Небо затянуто легкой дымкой, горизонт сияет желтоватым светом восходящего солнца.

— Знаешь, Марти, я сделал это не специально, — ответил Дэниел. Он снял шламу, пригладил ладонью седые волосы и надел шляпу. — Он меня удивил. Я знал, что он видит нас, но не думал, что он разглядит и сеть.

— А я нашла для них такую прекрасную планету, — посетовала Марти. — Одну из лучших. Там они могли бы по-настоящему испытать свои способности.

— Теперь поздно стонать по этому поводу, — отрезал Дэниел. — Они там, где мы не сможем их найти. Он проник во многое, но я думал, что в любом случае сумею его легко поймать. Я ошибся.

— С ними был и Мастер Тлейлаксу, — проговорила Марти. — Я заметила его, когда они

скользнули под сетью. Мне бы хотелось заполучить в нашу коллекцию еще одного Мастера.

— Не понимаю, зачем он тебе нужен. Вечно они свистом подзывают нас и вообще относятся как к собакам. Все время приходится ставить их на место. Мне не нравится так обращаться с Мастерами, и ты это знаешь! Если бы не они…

— Они не боги, Дэниел.

— Мы тоже.

— Все же я думаю, что ты специально дал им удрать. Ты ничего не хочешь, тебе бы только подстригать свои любимые розы!

— Ну и что бы ты хотела сказать Мастеру? — спросил Дэниел.

— Я бы очень хотела подшутить над ним, когда он спросил бы, кто мы такие. Они всегда это спрашивают. Я бы сказала ему: «А что вы ожидали увидеть? Бога с развевающейся бородой?»

Дэниел рассмеялся:

— Это было бы забавно. Им было бы тяжело признать, что лицеделы могут стать независимыми от них.

— Не вижу причин. Это же естественное следствие. Они сами дали нам способность усваивать память и опыт других людей. Собрать побольше того и другого и…

— Это же наши маски, Марти.

— Все равно. Мастера могли бы давно понять, что в один прекрасный день мы наберемся чужого опыта и научимся сами принимать решения относительно своего будущего.

— И их будущего тоже?

— О, я извинилась бы перед ним, когда поставила бы его на место. Можно так много сделать, когда управляешь другими, не правда ли, Дэниел?

— Марти, когда ты напускаешь на себя такое выражение, мне сразу же хочется идти подстригать розы. — Он отошел к кустам, на которых на фоне зеленых листьев виднелись черные цветы размером с человеческую голову.

Марти крикнула вслед мужу:

— Собери побольше людей, и ты сможешь создать громадный шар знаний. А вот что я сказала бы ему! А эти Бене Гессерит на корабле! Я бы сказала, сколько их у меня в памяти! Ты когда-нибудь замечал, как отчужденно они чувствовали себя, когда подглядывали за нами, Дэниел?

Он, не отвечая, склонился над своими розами.

Марти прожгла его негодующим взглядом.

— Я не говорю о ментатах, — отозвался он наконец. — Там, на корабле, их двое. Оба — гхола.

Ты хочешь поиграть с ними?

— Мастера всегда пытались управлять и ими, — сказала она.

— У этого Мастера будут большие неприятности, если он вздумает играть с большим ментатом на корабле, — произнес Дэниел, срезав один побег. — Боже, как хорош!

— Эти ментаты, скажу я тебе, — фыркнула Марти. — Цена им дайм[4] за дюжину, вот что!

— Дайм? Не думаю, что они поймут твою метафору, Марти. Преподобные Матери поняли бы, а эти нет. Этот Большой Ментат не настолько глубоко образован.

— Ты вообще понимаешь, кого ты упустил? — спросила она, подойдя к нему. — У Мастера трубка с нулевой энтропией. Она полным-полна клетками гхола, вот так-то!

— Я это видел.

— И именно поэтому позволил им уйти!

— Я не позволял. — Он пощелкал ножницами. — Гхола. Пусть он отправляется в их компанию. Добро пожаловать.

---

[4] Сноски: 4
Монета достоинством в десять центов.

Эта книга, как и многие другие, посвящена Бев, другу, жене, бескорыстному помощнику и человеку, который дал название этой книге. Посвящение это посмертное, я пишу его на следующее утро после ее ухода, и пусть эти строки дадут вам почувствовать всю силу ее вдохновляющего примера.

Самое лучшее, что я могу сейчас сказать о Бев, — это то, что в нашей жизни не было ничего, о чем бы мне хотелось забыть. Не хочу я вычеркивать из памяти даже миг ее светлой кончины. Она передала мне бесценный дар своей любви, тихого перехода в мир иной, о котором она говорила без страха и слез, тем самым осушая мои слезы. Что может быть величественнее дара не бояться смерти?

В официальном некрологе будет сказано: «Беверли Энн Стюарт Форбс Герберт, родилась 20 октября 1926 года в Сиэтле, штат Вашингтон. Умерла в 5 часов 5 минут пополудни 7 февраля 1984 года в Кавалоа, остров Мауи». Я знаю, что такую формальность она еще смогла бы вытерпеть. Она взяла с меня обещание не устраивать обычного церемониала похорон, «с проповедью священника и моим телом, выставленным

на всеобщее обозрение». Она прибавила: «Меня уже не будет в этом теле, но оно все же заслуживает более пристойного обращения».

Она настояла, чтобы я кремировал ее тело, а пепел развеял над Кавалоа, «где я так глубоко почувствовала, что такое любовь и покой». Единственными свидетелями этой церемонии должны стать друзья и те, кого она любила при жизни. Во время ритуала будет звучать песня «Мост над бурными водами».

Она понимала, что во время церемонии друзья будут проливать слезы, как проливаю их я, пока пишу эти строки, но вообще она относилась к слезам как к чему-то бесполезному. Бев рассматривала слезы как свидетельство нашего животного происхождения; так пес воет на могиле хозяина.

Главным в ее жизни была совершенно иная часть человеческого самосознания: Дух. Но не в сентиментальном и слезливом религиозном смысле и не в том, что вкладывают в это слово спиритуалисты. Нет, для Бев Дух был свет, сияющий из сознания и изливающийся на все, с чем сталкивается это сознание. Именно по этой причине, несмотря на охватившее меня горе, я преисполнен радости, радости любви, которой

она дарила меня и продолжает дарить сейчас, невзирая на свою кончину. В печали, которую испытываю я, нет ничего более высокого, чем любовь, которую мы делили с Бев.

Выбор песни, которая будет звучать в то время, как ее прах будет развеян над Кавалоа, не случаен. Она часто говорила, что друг для друга мы — мосты. Такова вкратце была наша супружеская жизнь.

Она началась с церемонии, которую совершил священник в Сиэтле 20 июня 1946 года. Наш медовый месяц прошел на вышке для слежения за лесными пожарами в Национальном парке Келли Батти. Наши апартаменты имели площадь не более двенадцати квадратных футов. Венчала вышку куполообразная вращающаяся крыша высотой около шести футов. Этот колпак был набит индикаторами, с помощью которых мы смогли бы обнаружить любой источник дыма в лесу.

Именно в этом тесном домике, освещаемом электричеством с местной электростанции, с двумя портативными пишущими машинками, занявшими большую часть единственного стола, начали мы свою совместную жизнь: работа, музыка, писательство и другие радости, которые доставляет человеку его существование.

Я отнюдь не хочу сказать, что наше супружество было сплошной эйфорией. Бывали моменты скуки, страха и боли. Но у нас всегда находилось время для смеха. Даже в свои последние дни Бев находила силы, чтобы улыбнуться и похвалить меня за то, что я удачно положил ее на подушки, или облегчил ей боль нежным массажем, или делал для нее то, что сама она не могла больше делать из-за болезненной слабости.

В свои последние дни она не позволяла прикасаться к себе никому, кроме меня. Наше супружество было, однако, полно такой любви, что сама Бев говорила, что, когда я делаю для нее самые интимные вещи, у нее создается впечатление, что она делает их сама. Хотя мне приходилось делать для нее то, что родители обычно делают для своих младенцев, она не чувствовала себя уязвленной и не считала, что этим я ущемляю ее достоинство. Когда я поднимал ее, чтобы перестелить постель или помыть ее, она доверчиво обнимала меня за шею, а ее голова, как это было всегда, уютно укладывалась в ложбинку на моем плече.

Трудно понять, что в эти моменты я испытывал радость, но поверьте мне, что именно так оно и было. То была радость духа. Радость жизни

даже в преддверии смерти. Ее рука была в моей руке, когда она умерла, и ее лечащий врач, не скрывая слез, сказал фразу, которую я буду хранить в своем сердце:

— На ней была милость Божья.

Но не все понимали это, даже те, кто видел и знал Бев. Я помню, как очень давно мы вошли в госпиталь в ранний, предрассветный час. В этот день родился наш первый сын. Мы шли смеясь. Встречавшая нас медицинская сестра не скрывала неодобрения. Рождение ребенка болезненно и опасно. Женщины подчас умирают в родах. Чему смеются эти люди?

Мы смеялись потому, что скорое появление на свет новой жизни, частицы нас с Бев, наполняло нас ощущением счастья. Мы смеялись, потому что Бев должна была дать жизнь ребенку в здании, построенном на месте того самого госпиталя, где появилась на свет сама Бев. Какая замечательная преемственность!

Наш смех оказался заразительным, и скоро улыбались все, кого мы встречали в коридоре на своем пути. Неудовольствие сменилось одобрением. Смех был ее отличительной чертой. Она всегда смеялась в самые тяжелые минуты.

Она всегда радовалась новому. Она умела на-

ходить незнакомое во всем, с чем сталкивалась, и это новое возбуждало в ней живейший интерес. Эта наивность, казалось бы, присущая Бев, совершенно неожиданно оборачивалась высочайшей мудростью. Она стремилась найти хорошее во всем. В ответ она получала такое же отношение.

— Мстить могут дети, — говорила она. — Только люди с незрелой психикой способны мстить.

Она славилась тем, что часто звонила людям, оскорбившим ее, и предлагала отбросить разрушительные чувства. «Давайте будем друзьями». Меня не удивило ни одно соболезнование из тех, с которыми обратились ко мне самые разные люди.

Совершенно типичным для Бев было то, что она буквально заставила меня позвонить радиологу, чьему лечению в 1974 году она была обязана своей преждевременной смертью. Она просила поблагодарить его за то, что он «подарил мне эти чудесные десять лет. Пусть он знает, что я понимаю: он сделал для меня все, что было в его силах, когда я умирала от рака. Он использовал все свои возможности, и я хочу, чтобы он знал, что я это поняла».

Разве удивительно после этого, что я оглядываюсь на прожитое с ощущением счастья, которое никогда не смогу выразить суетными словами? Разве удивительно, что я не хочу забывать ни одного мгновения этой жизни с Бев? Многие другие встречались с Бев, коснувшись лишь краешка ее жизни, я же разделил эту жизнь с ней без остатка. Я не смог бы оказать ей ту поддержку, ту помощь, которая была так необходима ей в последние десять лет ее жизни, если бы она, не требуя ничего взамен, не жертвовала собой для меня всю нашу совместную жизнь. Я считаю, что в этом было мое главное достояние и чудесная привилегия.

Фрэнк Герберт
Порт-Таунсенд, Вашингтон,
6 апреля 1984 года